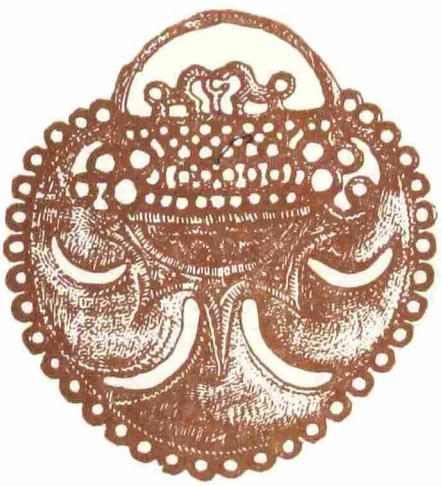
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



3

1983

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3
1983

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора)
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Формозов А. А. (Москва). К проблеме «очагов первобытного искусства» . . 5
Масленников А. А. (Москва). Еще раз о боспорских валах 14
Горбунова Н. Г. (Ленинград). Кугайско-карабулакская культура Ферганы 23
Семенов Г. Л. (Ленинград). Городские стены Пенджикента и история Согда V—VIII вв. 47
Гуревич Ф. Д. (Ленинград). О формировании городов Черной Руси по данным археологии 61
Захарук Ю. Н. (Москва). Об одной концепции археологического источниковедения 72

Публикации

Кузнецов А. М. (Уссурийск). К технике получения микропластин-вкладышей (Приморье) 82
Марковин В. И. (Москва). Дольменные постройки в бассейне р. Кяфар . . . 90
Терехова Н. Н. (Москва). Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период 110
Дашевская О. Д., Михлин Б. Ю. (Москва, Донецк). Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника 129
Михайлов С. П., Станюкович А. К. (Псков, Москва). Голосник из собора Ивановского монастыря в Пскове (к вопросу о дате собора) 148
Кызласов Л. Р. (Москва). Курганы тюхтятской культуры в Туве (по материалам раскопок 1915—1929 гг.) 153
Кригер В. А. (Уральск). Средневековые захоронения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) 171

Заметки

Кикодзе З. К. (Тбилиси). К методике изучения нижнепалеолитических бифасов 188
Гречкина Т. Ю. (Ленинград). О технике раскалывания кремня (по материалам стоянки Кокорево I на Енисее) 194
Пряхин А. Д., Синюк А. Т. (Воронеж). Курган эпохи бронзы у пос. Хохольский 197

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1983 г.

Санжаров С. Н. (Донецк). Катакомбное погребение близ г. Северска (Донецк) 202
Прохорова Т. А. (Ростов-на-Дону). Погребение предскифского времени из станицы Грушевской 208
Ларенок П. А. (Ростов-на-Дону). Левобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону 210
Михеев В. К. (Харьков). Две раннесредневековые находки на Харьковщине 212
Макаров Н. А. (Москва). Раскопки средневекового могильника Погостище в Вологодской области 215
Булатов Н. М. (Москва). Золотой браслет с Селитренного городища . . . 219

Критика и библиография

Шрамко Б. А. (Харьков). Mutz A. Die Kunst des Metalldrehens bei den Römern. Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren. Basel, 1972 224
Григорьев Г. П. (Ленинград). Gabori M. Les civilisations du Páléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisee historique. Akádemiai Kiadó. Budapest, 1976 231
Ковалевская В. Б. (Москва). Jean-Claude Gardin. Une archéologie théorique. L'Esprit Critique. Hachette. Paris, 1979 235
Трифонов В. А. (Ленинград). Jean-Claude Gardin. Archaeological Constructs. An aspect of Theoretical archaeology. Cambridge, 1980 241
Смирнов Ю. А. (Москва). Binford S. R. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and Upper Paleolithic.— Southwestern Journal of Anthropology, 1968, v. 24, N 2, p. 139—154; Harrold F. B. A survey and formal analysis of Middle and Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia. The University of Chicago. Chicago, Illinois, 1974, 63 pp.; Harrold F. B. A comparative analysis of Eurasian Paleolithic burials.— World Archaeology, 1980, v. 12, N 2, p. 195—211 246
Брайчевский М. Ю. (Киев). Рец. Новые археологические открытия в Киеве (Археологія Київа. Дослідження і матеріали. Київ. Наукова думка, 1979) 256
Перхавко В. Б. (Москва). Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск, 1978 262

Хроника

Винокур И. С., Сымонович Э. А. (Каменец-Подольский, Москва). Симпозиум «Позднейшие судьбы черняховской культуры» 270
Генинг В. Ф. (Киев). Симпозиум по проблемам истории кочевничества (Токио, ноябрь 1981 г.) 276
Козенкова В. И. (Москва). XII Крупновские чтения (Геленджик, 1982 г.) . . 281
Кирпичников А. Н., Щукин М. Б. (Ленинград). Памяти Марии Александровны Тихановой 286

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 15.04.83 Подписано к печати 28.06.83 Т-03998 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 25,2 Усл. кр.-отт. 84,1 тыс. Уч.-изд. л. 29,9 Бум. л. 9,0
Тираж 3315 экз. Зак. 2694

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 3
1983

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Formozov A. A. (Moscow). On the Problem of «Centres of Primitive Art» . . 5
Maslennikov A. A. (Moscow). Once More on the Bosporan Ramparts 14
Gorbunova N. G. (Leningrad). The Kugai-Karabulak Culture of Ferghana . . 23
Semyonov G. L. (Leningrad). The Walls of Pendzhikent and 5th-8th-Century History of Sogd 47
Gurevich F. D. (Leningrad). Archaeological Data on Urban Development of Black Russia Towns 61
Zakharuk Yu. N. (Moscow). Concerning One of the Concepts of Archaeological Sources 72

Publications

Kuznetsov A. M. (Ussuriisk). On the Technique of Microblade Production (South-West of the Primorye Area) 82
Markovin V. I. (Moscow). Dolmens in the Kyafar River Basin 90
Terekhova N. N. (Moscow). Forging Technologies Among the Koban Tribes of the Northern Caucasus in the Early Scythian Period 110
Dashevskaya O. D., Mikhlin B. Yu. (Moscow, Donetsk). Four Complexes with Fibulae from the Belyaus Burial Ground 129
Mikhailov S. P., Stanyukovich A. K. (Pskov, Moscow). A Resonator from the Cathedral of Ivanovsky Monastery in Pskov (on the Date of the Cathedral) 148
Kyzlasov L. R. (Moscow). The Tyukhtyaty Culture Mounds in Tuva (1915—1929 Diggings) 153
Kriger V. A. (Uralsk). Mediaeval Burials of the Novy Kumak Burial Ground, Orenburg District 171

Notes

Kikodze Z. K. (Tbilisi). On the Methods of Study of Lower Palaeolithic Bifaces 188
Grechkina T. Yu. (Leningrad). On the Chipping Technique (On the Materials of Kokorevo I Site) 194
Pryakhin A. D., Sinyuk A. T. (Voronezh). The Bronze Age Mounds at the Khokholsky Settlement 197
Sanzharov S. N. (Donetsk). A Catacomb Burial at Seversk (Donetsk) . . . 202
Prokhorova T. A. (Rostov on Don). A Burial of the Pre-Scythian Period at Grushevskaya Railway Station 208
Larenok P. A. (Rostov on Don). The Mokro-Chaltyrsk Fortified Settlement on the Left Bank of the Don 210
Mikheyev V. K. (Kharkov). Two Early Mediaeval Finds at Kharkov 212
Makarov N. A. (Moscow). Diggings at Pogostishche, A Mediaeval Burial Ground in the Vologda District 215
Bulatov N. M. (Moscow). A Gold Bracelet from the Selitrennoe Fortified Settlement 219

Book Reviews and Bibliography

Shramko B. A. (Kharkov). Muntz A. Die Kunst des Metalldrehens bei den Römern. Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren. Basel, 1972 224

Grigoryev G. P. (Leningrad). Gabori M. Les civilisations du Páléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisee historique. Akádemiai Kiadó. Budapest, 1976 231
Kovalevskaya V. B. (Moscow). Jean-Claude Gardin. Une archéologie theorique. L'Esprit critique Hachette. Paris, 1979 235
Trifonov V. A. (Leningrad). Jean-Claude Gardin. Archaeological Constructs. An Aspect of Theoretical Archaeology, Cambridge, 1980 241
Smirnov Yu. A. (Moscow). Binford S. R. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and Upper Paleolithic.— Southwestern Journal of Anthropology, 1968, v. 24, N 2, p. 139—154; Harrold F. B. A survey and formal analysis of Middle and Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia. The University of Chicago. Chicago, Illinois, 1974, 63 pp.; Harrold F. B. A comparative analysis of Eurasian Paleolithic burials.— World Archaeology, 1980, v. 12, N 2, p. 195—211 246
Braichevsky M. Yu. (Kiev). New Archaeological Discoveries in Kiev (Archaeology of Kiev. Results and Materials), Kiev, Naukova Dumka Publishers, 1979 256
Perkhavko V. B. (Moscow). Mitrofanov A. G. Iron Age in Central Byelorussia (7th-6th Centuries B. C.-8th Century A. D.), Minsk, Nauka i tekhnika Publishers, 1978, 160 pp. illust 262

Chronicle

Vinokur I. S., Symanovich E. A. (Kamenets-Podolsky, Moscow). Later Destinies of Chernyakhovo Culture Symposium 270
Gening V. F. (Kiev). Symposium on the Problems of Historyof the Nomads. Tokyo, 1981 276
Kozenkova V. I. (Moscow). The 12th Krupnov Readings (Gelengyik, 1982) . . 281
Kirpichnikov A. N., Shchukin M. B. (Leningrad). In Memory of M. A. Tikhanova 286

ФОРМОЗОВ А.А.

К ПРОБЛЕМЕ «ОЧАГОВ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА»

В вышедшей в 1969 г. книге автора «Очерки по первобытному искусству» [1] была затронута наряду с другими одна тема, уже раньше привлекавшая внимание исследователей. После открытия палеолитической пещерной живописи во Франции и Испании начались усиленные поиски аналогичных памятников в разных странах Европы, но результатов эти поиски не дали. В пределах ФРГ, ГДР, Польши, Чехословакии, даже восточных департаментов Франции живописи эпохи палеолита найти не удалось [2]. Материком, исключительно богатым наскальными изображениями, оказалась Африка. Палеолитических росписей и гравировок здесь тоже нет, но более поздние образцы первобытного искусства очень интересны. Выяснилось, что и тут рисунки на скалах распространены неравномерно: их много в Северной Африке, особенно в Сахаре, и на крайнем юге континента, тогда как в его центральной части они встречаются редко [3, карта после с. 56].

Изучение памятников первобытного искусства на территории СССР привело автора к выводу, что эти памятники распространены не повсеместно; есть районы, где их много, и районы, где их нет или почти нет. Я писал, что это не случайное явление, а отражение различий в облике отдельных древних культур: в части из них изобразительная деятельность получила большое развитие (это и есть «очаги первобытного искусства»), в части — минимальное или совсем не была развита [1, с. 213—228].

Через 10 лет после выхода моей книги увидела свет монография Я. А. Шера «Петроглифы Средней и Центральной Азии» [4]. В ней целый параграф отведен опровержению приписанной мне «теории неравномерного распространения первобытного искусства» [4, с. 176—181].

Я. А. Шер признает, что я говорил о «несомненных фактах неравномерного обнаружения при археологических работах изобразительных памятников (особенно петроглифов). Наиболее заметна эта неравномерность для эпохи верхнего палеолита» [4, с. 176]. И ниже: «Факт есть факт, и неравномерность дошедших до нас произведений первобытного искусства в пространстве, отмеченная А. А. Формозовым, действительно наблюдается и проявляется особенно контрастно при сравнении живописи верхнего палеолита Европы с синхронными культурами других районов» [4, с. 178].

Таким образом, наблюдения, лежащие в основе сделанного мною вывода, Я. А. Шер не отрицает (по крайней мере для верхнего палеолита). Но мое истолкование собранного материала он решительно отвергает. Аргументов у него три. Первый: «находки художественных изделий можно считать редкими событиями» [4, с. 179]. Уцелела ничтожная часть таких изделий, и, если мы их не находим, это не значит, что их вообще не было. Второе: многие районы изучены недостаточно, и находки произведений искусства в дальнейшем будут сделаны и там, где сейчас их нет. Третье — общетеоретические соображения: тот, кто утверждает, что существовали только «очаги первобытного искусства», отвергает «объективно-историческую обусловленность феномена искусства» [4, с. 181]. Ни одна культура без искусства существовать не может, поскольку это один из «важнейших способов... познания и образного моделирования окружающего мира» [4, с. 178].

В споре Я. А. Шер прибегает порой к иронически-снисходительному тону, говоря, например, что к «трогательному своей непосредственностью

разделению людей эпохи неолита и бронзы на „физиков" и „лириков" трудно отнестись серьезно» [4, с. 177]. Но в целом он сознает, что речь идет о чем-то важном, несколько раз пишет о «теории» или«концепции» А. А. Формозова, хотя я таких громких слов не употреблял. Проскальзывают у Я. А. Шера и иного рода нотки, например: «Чувствуя, куда ведет такая логика, автор призывает читателя не спешить с выводом» [4, с. 177].

В предисловии к книге ее редактор — А. П. Окладников подчеркнул, что Я. А. Шером «подробно рассмотрена теория А. А. Формозова о неравномерном, по его мнению, распространении первобытного искусства в пространстве древних культур. Доводы, приведенные автором против этой теории, представляются убедительными. В самом деле, если искусство первобытности было одним из главных средств познания окружающего мира и места человека в этом мире, трудно себе представить такие древние сообщества людей, которые бы абсолютно „чуждались", как утверждает А. А. Формозов, художественной деятельности» [5, с. 6, 7]. Взгляды А. П. Окладникова и Я. А. Шера, как видим, совпадают, но не во всем. А. П. Окладников говорил не о неравномерном распространении памятников первобытного искусства как о реальном явлении, о чем писал вслед за мной Я. А. Шер, а лишь о мнении А. А. Формозова, что такое явление имеет место. При этом вывод, касавшийся изобразительной деятельности, распространен на все искусство в целом. Это не помешало А. П. Окладникову в других случаях писать об «очагах первобытного искусства» [5, с. 5], что несколько противоречит вышесказанному. Ведь если свет искусства разлит по всему миру, то о каких же «очагах» искусства» может идти речь?

Очевидно, к затронутому мной более 10 лет назад вопросу надо вернуться, точнее определить мою позицию, разобрать аргументы моих оппонентов, разъяснить читателям, в чем суть спора [1].

Начну с примера, который вряд ли вызовет у кого-нибудь возражения. Наиболее изученной в археологическом отношении частью нашей страны является, пожалуй, Украина. Раскопки ведутся здесь более 200 лет и дали бесчисленные коллекции древних вещей, освещающих ранние этапы истории человечества. На Правобережье Украины к числу обычных находок относятся керамические изделия трипольской культуры. Практически везде на пашне можно найти обломки хорошо обожженных сосудов с богатым прочерченным или расписным спиральным орнаментом. Вместе с ними нередко встречаются глиняные фигурки, целые и в обломках, изображающие людей (в подавляющем большинстве случаев женщин) и домашних животных (быков, овец, свиней).

Фигурки эти обратили на себя внимание уже давно. Именно к ним надо отнести слова основоположника славяно-русской археологии в нашей стране З. Ходаковского в его программной статье «О славянстве до христианства». Статья написана в 1818 г. в западноукраинском городке Кременце, и в ней, в частности, сказано: «Сбережем случайные, но довольно нередкие открытия, какие делаются в земле,— эти разные небольшие статуэтки ...» (цитирую по книге А. Н. Пыпина [6, с. 76]). Сейчас

---

[1] В мою задачу не входит разбор книги Я. А. Шера в целом. Замечу лишь следующее. В первых трех главах («От догадок к науке», «Очерки теории», «Очерки методики») автор расценивает наблюдения своих предшественников как донаучные, основанные всего лишь на субъективных впечатлениях. Взамен этого он обещает создать новую методику изучения петроглифов, опирающуюся на структурно-системные методы, работу с ЭВМ и т. д. Поминаются алгоритм, тезарус, метаязык... Следующие три главы представляют собой очень неполный и небрежно составленный обзор петроглифов Средней Азии, Саяно-Алтая и Минусинской котловины. Чем вызвано выделение петроглифов этого района из всей массы наскальных рисунков Сибири и Монголии, не объясняется. Заключительные главы — «Очерки хронологии» и «Очерки семантики» — содержат разрозненные наблюдения, в значительной мере не оригинальные, а заимствованные у исследователей «донаучной стадии». Никаких результатов применения новой методики, да и ее самой, не видно. А ведь за годы руководства Лабораторией новых методов ЛОИА Я. А. Шер мог осуществить хотя бы часть своих обещаний.

трипольских скульптур найдены многие сотни. Глиняные фигурки хранятся не только во всех областных и районных, но и во всех школьных и народных музеях, которых появилось так много за последние годы. При подготовке своей диссертации о глиняной антропоморфной пластике Триполья-А А. П. Погожева зарисовала в музеях только восьми городов 2 тыс. статуэток [7, с. 2].

Но вот мы переходим на Левобережье Днепра, и картина меняется. Ни в материалах раскопок, ни в сборах на пахоте нет трипольской керамики. Посуда первобытной эпохи из этого района гораздо хуже по технологическим качествам и украшена много беднее, обычно штампованным, но никогда — расписным орнаментом. Трипольских статуэток на Левобережье тоже нет. С трудом можно назвать от силы десяток глиняных скульптурок, найденных при раскопках к востоку от Днепра. Эти единичные по сравнению с находками на Правобережье фигурки относятся к иному времени, чем там, и типологически не во всем сходны с трипольскими, хотя схематические скульптуры из глины всегда выглядят почти одинаково. Таковы изображения женщины и свиньи со стоянки культуры Средний стог Дереивка [8, рис. 19] и несколько статуэток животных из скифских поселений Северского Донца [9, рис. 70].

Приведенный пример интересен в ряде отношений. Во-первых, явление, которое Я. А. Шер считал доказанным лишь для наскальных изображений, притом только эпохи палеолита, четко выражено на материалах мелкой пластики иного — энеолитического времени. Во-вторых, находки трипольской скульптуры столь многочисленны, что никак нельзя назвать их «редким событием». В-третьих, при хорошей изученности Левобережной Украины трудно рассчитывать на то, что глиняные фигурки в большом числе будут здесь найдены в дальнейшем. В-четвертых, ясно, как надо интерпретировать отмеченные факты: мелкая пластика из глины — характерная особенность трипольской культуры. Вне ее ареала этот вид искусства на Украине практически не распространен.

Означает ли это, что на Левобережье Украины в первобытную эпоху жили племена с крайне низким уровнем духовной жизни, не умевшие «моделировать мир»? Ни в коей мере. В синхронной позднему Триполью ямной культуре не была распространена мелкая глиняная пластика, но зато появились курганы, кромлехи — первые архитектурные сооружения в Северном Причерноморье — и каменные изваяния, впервые на территории нашей страны запечатлевшие образ человека в монументальном искусстве. У трипольцев каменных изваяний не было, а курганы появились поздно и, видимо, не без влияния ямной культуры. К этому можно добавить, что на Правобережье нет петроглифов, хотя здесь немало скальных выходов по берегам Тетерева, Южного Буга, Днестра, на отрогах Карпат. Напротив, в степях Левобережья, где почти нет выходов скал на поверхность, петроглифы известны в урочище Каменная могила [1, с. 150—189].

Очевидно, искусство синхронных культур Лево- и Правобережья Украины развивалось разными путями, что отражало различия в обрядности и — шире — в духовной жизни носителей этих культур. У земледельцев-трипольцев при каких-то церемониях в большом числе изготовляли глиняные фигурки, скотоводы-ямники этого обряда не знали. Ямники ставили над могилами некоторых сородичей антропоморфные стелы, трипольцы — никогда. В Приазовье вырезали на скалах разнообразные знаки, на Правобережье этого не делали. Перед нами два «очага первобытного искусства», территориально и хронологически близких, но обладающих своими специфическими особенностями. Изобразительная деятельность очень характерна для трипольцев и гораздо менее развита у ямников.

Казалось бы спорить тут не с чем. Крайне странно выглядел бы тот, кто стал бы утверждать: раз на Правобережье Украины часто находят глиняные фигурки, то они должны быть в таком же количестве и на Левобережье. Если факты говорят о другом, значит, фигурки просто не сохранились или будут обнаружены позднее. Все же известные в данном районе глиняные скульптуры, например со скифских селищ, следует от-

носить к тому же времени, что и трипольские. Все археологи сочли бы такие рассуждения непрофессиональными. Между тем считается вполне научным совершенно аналогичное построение: раз в Испании и во Франции есть палеолитические рисунки на скалах, они должны быть везде. Поэтому некоторые изображения на камне из Казахстана, Западной и Восточной Сибири можно объявить палеолитическими. Меня подобная аргументация не убеждает.

Из приведенных выше данных отнюдь не следует что глиняные статуэтки эпохи энеолита связаны с одной только трипольской культурой. На территории СССР они есть и в культуре Анау, в неменьшем количестве, чем в Триполье. Но облик глиняных фигурок с Правобережья Украины и из Южной Туркмении разный. Эти районы входят в разные очаги первобытного искусства, разделенные большим пространством степей Евразии, где мелкая пластика из глины почти неизвестна.

Точно так же открытие Каповой пещеры показало, что палеолитические люди создавали порой росписи и вне Франко-Кантабрийского района. Но Южный Урал и Западная Европа разделены областями, где палеолитической живописи нет. Заметны и некоторые стилистические различия пещерных фресок Франции и Испании, с одной стороны, и Урала — с другой. Очевидно, это памятники разных археологических культур, разные «очаги искусства». Для установления палеолитического возраста росписей Каповой пещеры одних ссылок на западноевропейские аналогии было бы недостаточно. Вывод о раннем возрасте рисунков подкрепили изображения мамонтов, наблюдения над сохранностью живописи и т. д.

Рассмотрим теперь другой аспект проблемы. Археологу никогда нельзя забывать о том, что в доступном ему материале нашли отражение далеко не все явления реальной жизни древнего человека. Дело не только в том, что в земле не сохраняются изделия из дерева, кожи, тканей, циновок и т. д., из-за чего наше представление о первобытной культуре всегда обеднено. Многие области духовной жизни наших предков вообще никогда не воплощались ни в чем материальном. Это касается как музыки, пения, танцев, сказаний, так и значительной части обрядов. Глиняные и костяные статуэтки, росписи и гравировки на скалах возникали не как произведения искусства для искусства, а в процессе подготовки или совершения каких-то обрядов. Но были и другие обряды, не требовавшие создания изображений. И то и другое положение может быть проверено и доказано на этнографическом материале.

Напомню одну давнюю дискуссию. В 1873 г. выдающийся русский историк и археолог И. Е. Забелин в книге «Кунцево и древний Сетунский стан» задался вопросом: чувствовали ли красоту природы в прошлом так же, как сейчас [10]? Вопрос отнюдь не праздный. В наскальных изображениях не запечатлены ни горы, ни леса, ни моря. Крайне схематично показаны элементы ландшафта на древнерусских иконах и фресках. Это не зачатки пейзажа, а условные значки: символ горы, символ дерева. В римской литературе нет ни слова о снежном хребте Альп, хотя через него не раз переваливали легионы, шедшие в Галлию и Германию, чиновники, посланные туда императорами, и просто путешественники [11].

И. Е. Забелин напомнил статью Н. М. Карамзина «Записки московского жителя». В 1803 г. знаменитый историк утверждал, что только на его памяти в Москве начали продавать цветы, что раньше москвичи никогда не гуляли по пригородным рощам, почти не ездили в свои имения. Отсюда Карамзин заключил, что чувство природы у русских возникло совсем недавно, на рубеже XVIII—XIX вв., в эпоху сентиментализма. Забелин с этим не соглашался. Он ссылался на то, что для церквей и селений в древней Руси всегда выбирали живописные места, собрал сведения о садах и торговле цветами в средневековой Москве. Но прямых свидетельств, вроде описаний природы в древнерусской литературе или пейзажей в нашей ранней живописи, историк привести не мог. И он говорил, что можно очень тонко и глубоко чувствовать природу и в то же время совсем не уметь выразить свои чувства. Тех, кому

это свойственно, нельзя приравнивать к людям, абсолютно равнодушным к природе.

Об этом надо помнить и исследователям первобытной культуры. Если мы не находим данных о духовной жизни племен, населявших в древности какой-то район, из этого не следует ни того, что у них не было духовной жизни, ни (в каких-то случаях) того, что искомые данные удастся обнаружить позднее. Иногда это может означать и то, что в данной археологической культуре духовная жизнь развивалась в формах, не требовавших определенного материального воплощения.

Каждый из нас может вспомнить встреченных на жизненном пути очень интересных людей, в силу неясных для нас причин не раскрывших свое дарование в произведениях литературы или искусства. Было бы глубокой ошибкой считать таких людей пустыми, примитивными, предпочитая им бездарных графоманов, потому что они оставили после себя материальный след в виде груд исписанной бумаги.

Все это показывает, что отсутствие или малая распространенность произведений искусства в той или иной археологической культуре не свидетельствует о какой-то ущербности носителей этой культуры, о их неумении «моделировать окружающий мир». «Моделирование» велось иными методами, и незачем умалчивать о слабом развитии искусства у отдельных древних обществ.

Существенно и другое обстоятельство. Заповедь «не сотвори себе кумира!», т. е. запрет на изобразительную деятельность, отнюдь не редкое явление в истории человечества. В мусульманских мечетях нет никаких изображений. В комментариях к Корану говорится: «Несчастье тому, кто будет изображать живые существа. В день последнего суда лица, которых художник представил, сойдут с картин и придут к нему с требованием дать им душу. Тогда этот человек, не могущий дать своим созданиям души, будет сожжен в вечном пламени» [12, с. 11]. В VIII—IX вв. Византию охватило движение иконоборчества. Протестанты отказались от фресок, икон, мозаик, скульптуры. Православие с большой подозрительностью смотрит на культовые статуи, широко распространенные в католическом мире, ссылаясь на решения VII Вселенского собора, выразившего свое отрицательное отношение к идолам, т. е. скульптуре в храмах.

Когда в 63 г. до н. э. римляне впервые проникли в таинственный Иерусалимский храм, по словам Тацита (История, V, 9), они были поражены тем, что там не оказалось никаких изображений богов [13, с. 193]. Для своих храмов римляне изготовляли статуи божеств. Ни фресок, ни мозаик, ни икон у них не было.

Свойственно ли отмеченное явление только развитому классовому обществу? Нет. Во-первых, есть немало этнографических данных о запретах на изображения в достаточно примитивных обществах (с той же примерно аргументацией, что и в комментариях к Корану). Во-вторых, заповедь «не сотвори себе кумира!» заключена в одной из ранних книг Ветхого завета — книге «Исход» (20, 4), восходящей по крайней мере ко II тысячелетию до н. э. Ислам складывался в VII в. н. э. в среде кочевников-арабов, недалеко ушедших вперед по сравнению со скотоводами II—I тысячелетий до н. э., чьи наскальные изображения рассматривали как Я. А. Шер, так и я.

Места скопления наскальных рисунков — это древние святилища. По материалам раскопок известны и святилища иного рода — без изображений. Примером может служить жертвенное место у андроновского Алексеевского поселения на Тоболе [14, с. 71—73]. Напомню, что в андроновской культуре изображения вообще не зафиксированы. Значит, изучая идеологию древних обществ, археологи не должны упускать из вида возможность запрета на изобразительную деятельность.

Все вместе взятое говорит об одном: признание того, что рядом с культурами, где изобразительная деятельность была очень развита, существовали культуры, где эта деятельность не получила широкого распространения, не ставит культуры первого типа выше культур второго. Речь

идет лишь о разных формах духовной жизни, что было проиллюстрировано на материалах Триполья и ямной культуры. Основной теоретический аргумент, выдвинутый в споре со мной Я. А. Шером и А. П. Окладниковым, тем самым снимается.

Два других аргумента частично были затронуты выше. Обилие трипольских статуэток опровергает тезис о редкости памятников первобытного искусства. Ежегодно находят все новые и новые наскальные рисунки в Средней Азии, в Сибири, на Кавказе, состоящие зачастую из сотен и тысяч отдельных фигур. Это тоже не уникальные памятники. Конечно, множество произведений первобытного искусства не дошло до нас, погибло бесследно. Но трудно поверить тому, что в одних районах они исчезли полностью, а в других почему-то сохранились в значительном числе.

Несомненно, в дальнейшем наряду с петроглифами и статуэтками известных нам типов время от времени будут вводиться в научный оборот принципиально новые факты. Свидетельство тому — находки петроглифов в Каповой пещере на Урале, Пегтымеля на Чукотке, Чалмн-Варре на Кольском полуострове.

И все же не следует недооценивать то, что мы уже знаем. Показателен такой пример. После открытия большого числа наскальных рисунков в Азербайджане, Армении, Дагестане археологи Грузии решили заняться поисками таких же памятников в своей республике. Пока появилось сообщение о единичных рисунках, обследованных в Цалкинском районе в 1976 г. [15, с. 471, 472]. В сообщении говорилось об открытии первых петроглифов в Грузии. В действительности местонахождение близ с. Так-Клиса было описано еще в 1882 г. [16, с. 7—9]. Это показывает, что археологически Грузия изучена достаточно хорошо. Единичные рисунки на скалах были замечены здесь уже 100 лет назад, а в целом этот вид памятников для данной территории, видимо, не характерен.

Пытаясь опровергнуть вывод об отсутствии палеолитических наскальных изображений вне Франко-Кантабрийской области и доказать наличие их в Средней Азии и Сибири, Я. А. Шер утверждает, что пещеры в районах, лежащих к востоку от Франции, тем паче в Азии, специально не обследовались [4, с. 183]. Это не так. Поиски пещерной живописи в Центральной Европе целенаправленно проводили не один раз. Да и о пещерах Азиатской части СССР мы знаем совсем не мало.

Итак, суммированные мной факты и наблюдения после разбора работы Я. А. Шера остаются в силе. А это важно не только само по себе. Я. А. Шер пишет о «теории А. А. Формозова», что она «явно или неявно влияет на его резко критический подход ко многим датировкам памятников петроглифического искусства, при котором (надо думать, подходе, а не искусстве.— А. Ф.) иногда ощущается невысказанная мысль: Здесь этого в такое раннее время быть не могло в силу самой неравномерности» [4, с. 181]. Мысль моя передана неточно, но связь положения об «очагах первобытного искусства» с работой по определению хронологии и культурной принадлежности петроглифов уловлена Я. А. Шером правильно.

Я сформулировал бы свою мысль так: если мы находим в каком-то районе наскальные изображения неясного возраста, более вероятна их связь с той распространенной в данном районе культурой, где есть памятники изобразительного искусства (глиняные, костяные или металлические фигурки, рисунки на керамике и разнообразной утвари), чем с той, где ничего этого нет.

Ряд минусинских гравировок на скалах Я. А. Шер относит к каменному веку, «не исключая и их верхнепалеолитического возраста» [4, с. 193]. Мы хорошо знаем верхний палеолит Енисея. Ни в памятниках афонтовского, ни в памятниках кокоревского типа нет ни гравировок на кости, ни каких-либо скульптур животных. Это, на мой взгляд, делает предположение Я. А. Шера крайне сомнительным.

Часть минусинских петроглифов Я. А. Шер связывает с андроновской культурой [4, с. 232—238] — одной из наиболее изученных археологических культур территории СССР. Раскопаны десятки андроновских стоя-

нок, сотни, если не тысячи, андроновских могил. Коллекции из этих памятников огромны, но произведений изобразительного искусства в них нет. Факт немаловажный, делающий, по-моему, весьма сомнительным и это предположение Я. А. Шера.

Предчувствуя такое возражение, Я. А. Шер заявил, что мои утверждения неверны и у андроновцев были сосуды с изображениями животных. В качестве доказательства названы всего два сосуда. Один из них, из могильника Полянки в среднем Поволжье, как признает и сам Я. А. Шер, вовсе не андроновский, а срубный. Второй — из раскопок Н. К. Минко 1907 г. у Исаковки под Челябинском известен Я. А. Шеру только по рисунку К. В. Сальникова [17, рис. 49, *9*]. Внизу сосуда мы видим что-то вроде «уточек». По моей просьбе Н. Б. Виноградов осмотрел в Челябинском музее (инв. 191 от 571 (70)) этот сосуд. Археолог пишет мне: «Сосуд у К. В. Сальникова на табл. 49 зарисован, безусловно, ошибочно. Вероятно, рисунок этот просто был не завершен, и чертежник пометил „уточкой" схему орнамента у придонной части сосуда». На рисунке, любезно присланном мне Н. Б. Виноградовым, на месте «уточек» показан меандр.

Точно так же мое критическое отношение к предельно ранним датировкам некоторых петроглифов прямо связано с неверием в посылку: если во Франции в палеолите были наскальные изображения, значит, и везде должны быть такие же памятники. Только на этой посылке основывается датировка палеолитом ряда сибирских и казахстанских петроглифов.

Не буду вновь разбирать аргументы, приведенные А. П. Окладниковым для доказательства палеолитического возраста трех рисунков на Шишкинских скалах в верховьях Лены. Как-то ответить на мои возражения [1, с. 93—101] исследователь памятника не захотел. Выступивший вместо него А. И. Мартынов предпочел обойти молчанием почти все поднятые мной вопросы [18, с. 103—118] [2]. По тому же пути пошел и Я. А. Шер, ограничившись фразой, что «палеолитический возраст» росписей в Шишкине «не может быть оспорен так легко, как это показалось А. А. Формозову» [4, с. 179]. В этом, по словам Я. А. Шера, убеждают новые находки. Остановимся же на них.

А. И. Мартынов описал рисунок на Тутальском камне на р. Томи. К сожалению, он таков, что трудно даже понять, какая часть фигуры животного здесь показана. Рассуждение А. И. Мартынова о дате рисунка представляет собой типичный порочный круг: рисунок с Томи похож на шишкинский, отнесенный к палеолиту. Значит, и он палеолитический. А раз он палеолитический, значит, шишкинский бесспорно палеолитический [18, с. 112, 113]. Я. А. Шер о Тутальском камне умолчал, хотя ссылался на книгу А. П. Окладникова и А. И. Мартынова «Сокровища Томских писаниц», где снова говорилось о палеолитических рисунках (21, с. 176—179).

Не убедили Я. А. Шера [4, с. 184], как не убеждают и меня, сообщения А. Г. Медоева [22, с. 156] об открытии палеолитических гравировок в Казахстане. Вместо этих памятников Я. А. Шер называет три других. «Совсем недавно ... А. П. Окладников и А. И. Мазин открывают писаницы р. Токко и обосновывают палеолитический возраст отдельных изображений» [4, с. 179]. В цитированной Я. А. Шером монографии

---

[2] Единственный мой аргумент, рассмотренный А. И. Мартыновым,— это сильная разрушенность Шишкинских скал, противоречащая предположению о том, что на них могли сохраниться палеолитические росписи. А. И. Мартынов заявляет, что это не так, скалы исключительно прочны и, видимо, Формозов просто поленился к ним подняться [18, с. 113]. Придется напомнить, что писали сам А. П. Окладников и его ближайший ученик В. Е. Ларичев: «Поверхность скалы настолько выветрена и пострадала от времени, что побелела и вздулась пузырями» [19, с. 25]. «Плоскости... камня... плохо выдержали напор времени — поверхность камня... покрылась выщербинами и углублениями, от... песчаника легко отделялись тонкие легкие пластиночки, камень местами вздулся пузырями и крошился при легком к нему прикосновении» [20, с. 316]. Разве это не то же самое, что говорил я? К сожалению, такой метод передержек характерен для статьи А. И. Мартынова.

никаких обоснований я не нашел. Главный аргумент авторов: на скалах запечатлены бык и лошадь, вымершие в послепалеолитическое время,— был уже взят под сомнение в ходе дискуссии о Шишкинских писаницах. Оказалось, что кости лошадей и быков встречаются в неолитических и более поздних стоянках Восточной Сибири [1, с. 93, 94]. Как-то объяснить это обстоятельство и отвести мои возражения авторы не захотели.

Гораздо интереснее описанные А. П. Окладниковым росписи на потолке и стенах пещеры Хойт-Цэнкер-Агуй в Монголии [24]. Они, бесспорно, выглядят очень архаично, но настораживает то, что пещера образовалась в гипсах, породе очень нестойкой. Вряд ли полость в гипсах могла сохраниться неизменной с палеолитического времени. Тезис о резком отличии росписей в пещере от рисунков, выбитых на открытых скалах,— наиболее обычного типа монгольских петроглифов — теперь надо снять. В урочище Аршан-хад найдены выбитые на камнях рисунки, похожие на те, что обнаружены в Хойт-Цэнкер-Агуе. Повторилась даже фигура загадочного зверя, принятого А. П. Окладниковым за мамонта, а в действительности, видимо, изображающая кабана [25, с. 34, 35].

Наконец, по словам Я. А. Шера, «мощное ... подтверждение палеолитические датировки якутской живописи получили в 1965 г., когда появилась сенсационная Берелехская находка» [4, с. 179]. Да, сенсация была, но стоило ли ее устраивать? Зоолог В. Е. Флинт рассказал в журнале «Природа» о том, как, путешествуя по Якутии, он встретился с собирателями мамонтовой кости. Они плыли на лодке, нагруженной бивнями, по р. Берелех и кинули с нее автору один бивень на память. Некоторое время спустя В. Е. Флинт увидел на бивне гравюру, изображающую мамонта. Зоолог молчал об этом семь лет, а потом задал читателям популярного журнала вопрос — «древность или современность?» [26, с. 94]. Откуда происходит бивень, не вполне ясно. Фигура мамонта очень странная, не имеющая аналогий в палеолитическом искусстве. Известный палеонтолог Н. К. Верещагин, обследовавший мамонтовое кладбище на р. Берелех, отмечает, что на многих костях есть зарубки и значки, нанесенные современными собирателями кости. Об изданном В. Е. Флинтом рисунке он говорит, что рисунок выгравирован на бивне, который уже «побывал в захоронении и оказался сломанным жильным льдом», а отнюдь не сразу после того, как было убито животное. Приведено мнение В. И. Громова о том, что художник видел не живых мамонтов, а лишь вытаявшие из вечной мерзлоты трупы, почему тело зверя и показано так странно [27, с. 113—115]. Я считаю этот предмет сомнительным и во всяком случае не вижу в нем ни «мощных подтверждений», ни материала для сенсации.

Что же, на территории Средней и Центральной Азии нет наскальных рисунков эпохи палеолита? Может быть, и есть, но все опубликованные до сих пор памятники не дают сколько-нибудь надежных оснований для отнесения их к палеолиту. Нужны более веские доказательства. Без четких стратиграфических данных бессмысленны стилистические сопоставления с росписями в пещерах Франции и Испании. Столь же неубедительны неподкрепленные стратиграфией рассуждения типа: у нас все могло быть иначе, чем в Западной Европе; в Пиренеях рисовали в пещерах, а в Казахстане на открытых скалах [22, с. 9, 22]; во Франции мамонтов показывали так, а у нас, на Берелехе, по-другому и т. д.

Заслуживает внимания тот факт, что памятники палеолитического искусства сосредоточены там, где наблюдается резкий разрыв в типах инвентаря между мустье и верхним палеолитом, и отсутствуют там, где такого разрыва нет. Может быть, это и неслучайное совпадение.

Как видим, вопрос об очагах первобытного искусства не частный. Разумеется, он далек от разрешения, нуждается в дальнейшей разработке как с фактической, так и с теоретической стороны. Но во всяком случае, речь идет не о фикции, не о неудачном построении одного археолога, а о реальном и интересном явлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969.
2. *Breuil H.* Quatre cents siècles d'art parietal. Montignac, 1952.
3. *Мириманов В. Б.* Африка. Искусство. М.: Искусство, 1967.
4. *Шер Я. А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980.
5. *Окладников А. П.* Предисловие к кн.: Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980.
6. *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. Т. III. Спб., 1891.
7. *Погожева А. П.* Глиняная антропоморфная пластика трипольской культуры (Триполье А): Автореф. канд. дис. М., 1971.
8. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи меди. Київ: Наукова думка, 1973.
9. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьковск. ун-та, 1962.
10. *Забелин И. Е.* Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873.
11. *Бизэ А.* Историческое развитие чувства природы. Спб., 1890.
12. *Веймарн Б. В., Каптерева Т. П., Подольский А. Г.* Искусство арабских народов. М.: Искусство, 1960.
13. Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т. II. Л.: Наука, 1969.
14. *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Тр. ГИМ, 1948, вып. XVII.
15. *Габуния М. К.* Итоги Триалетской экспедиции.— АО — 1976. М., 1977.
16. *Иоакимов А.* Выписка из дневника археологических работ на Цалке.— Изв. Кавказск. о-ва истории и археологии. Тифлис, 1882, т. I.
17. *Сальников К. В.* Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1969.
18. *Мартынов А. И.* Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и всемирно-исторический масштаб.— Изв. СО АН СССР, сер. общ. наук, 1971, № 11, в. 3.
19. *Окладников А. П.* Олень — золотые рога. Л.— М.: Искусство, 1964.
20. *Ларичев В. Е.* Охотники за мамонтами. Новосибирск: Зап. Сибирск. книжн. изд-во, 1968.
21. *Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища Томских писаниц. М.: Искусство, 1972.
22. *Медоев А. Г.* Гравюры на скалах. Сары-арка, Мангышлак. Ч. I. Алма-Ата: Жалдын, 1979.
23. *Окладников А. П., Мазин А. И.* Писаницы р. Олекмы и верхнего Приамурья. Новосибирск: Наука, 1976.
24. *Окладников А. П.* Центральноазиатский очаг первобытного искусства. Новосибирск: Наука, 1972.
25. *Новгородова Э. А.* Периодизация петроглифов Монголии.— Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.: Наука, 1981.
26. *Флинт В. Е.* Древность или современность? — Природа, 1972, № 8.
27. *Верещагин Н. К.* Записки палеонтолога. Л.: Наука, 1981.

A. A. Formozov

ON THE PROBLEM OF «CENTRES OF PRIMITIVE ART»

Summary

The article is the author's response to the book *Petroglyphs of Central Asia* (Moscow, 1980, in Russian) by Ya. A. Sher who opposed in it the proposition of the uneven distribution of monuments of primitive art. This proposition first forwarded in connection with rock paintings found in the USSR is supported by the evidence related to the small plastics. Both the small plastics and petroglyphs were found in definite regions characterised by definite archaeological cultures and are absent from other territories and cultures. Sher's opinion that works of primitive art are, in general, very rare and that their absence from some areas is due to the inadequate study of these areas is refuted by an analysis of the pattern of distribution of Tripolye figurines in the south of the USSR. The absence of petroglyphs and the small plastics from some cultures by no means signify a poor development of the population's spiritual culture. One would rather admit that while these categories of cultural monuments served certain rituals, not all rituals required graphic representation. The spiritual life of peoples practising such rituals might be intensive enough. Besides, in some societies there existed bans on graphic representation reflected in the Bible, commentaries to Koran and ethnographic materials. The aforesaid, the author of the article writes, prompts the conclusion that rock paintings of an uncertain origin should be associated with cultures characterised by works of art (figurines and pictures on pottery) rather than with cultures lacking such characteristics. Thus, Sher's and other archaeologists' opinion that some Siberian and Central Asian petroglyphs are associated with the Palaeolithic and the Andronovo culture seems to be erroneous since both of them have no traces of graphic art.

МАСЛЕННИКОВ А. А.

ЕЩЕ РАЗ О БОСПОРСКИХ ВАЛАХ

Оговоримся сразу, что речь пойдет о древних валах Керченского полуострова. Подобные сооружения на Азиатской стороне Боспора значительно менее выразительны [1, с. 222].

Литература, посвященная этим памятникам старины, достаточно обширна, ведь они были известны историкам и археологам еще с конца XVIII в., неоднократно описывались, обмерялись и даже, правда в небольшом масштабе, подвергались раскопкам. Время от времени экспедиции и отдельные исследователи осматривали валы, и не осталось, казалось бы, в их истории «белых пятен». Однако, как это часто бывает, даже такие яркие и известные археологические объекты хранят немало загадок.

В данной статье не ставится цель решить все секреты этих, безусловно, одних из наиболее древних на территории нашей страны оборонительных сооружений. Не будем мы подробно останавливаться и на размерах некоторых валов и рвов — эти сведения имеются в целом ряде работ.

Наша задача значительно скромнее — поделиться теми наблюдениями и мыслями, на которые навели автора неоднократные посещения валов, да и вообще раскопки и разведки в Восточном Крыму.

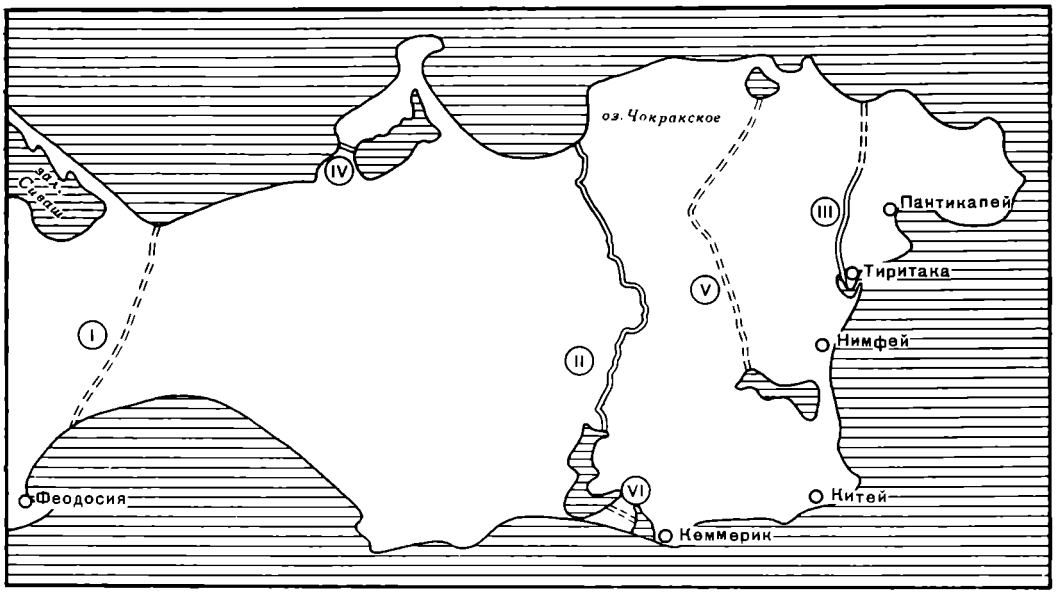
Прежде всего, сколько же было на европейском Боспоре валов и рвов? Керченский полуостров относится к тем районам, где деятельность человека, особенно в последние десятилетия, значительно изменила весь природный ландшафт.

Поэтому далеко не все древние сооружения доступны современному исследователю. В прошлом путешественники еще могли наблюдать кое-что из того, что к настоящему времени исчезло бесследно или стало малозаметным.

Довольно долго считалось, что в Восточном Крыму было три линии древних земляных укреплений: вал, проходивший вблизи Золотого кургана, так называемый Тиритакский, отгораживавший крайнюю восточную часть полуострова, Узунларский вал, тянущийся от Азовского моря до Узунларского озера, и вал в районе Феодосии (Ак-Монайский), отделявший весь полуостров от остального Крыма (рисунок).

После выхода в свет статьи И. И. Бабкова [2, с. 290] как-то устоялось мнение, что валов было два, а на Ак-Монайском перешейке никаких остатков древней оборонительной линии нет. Действительно, пока попытки отыскать здесь следы укреплений закончились безрезультатно. Впрочем, это и неудивительно. Район этот был интенсивно населен в последние полтора столетия и очень сильно пострадал в годы минувшей войны. И все же достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, что сама природа предназначила этот перешеек для строительства оборонительных рубежей.

К тому же вспомним известный легендарный рассказ Геродота о рве и вале, насыпанном потомками слепых скифских рабов (Herod, IV, 3). По словам историка, он шел от Таврских гор до Меотийского озера в том месте, где оно имело наибольшую ширину. Легко удостовериться, что этим условиям в полной мере отвечает Ак-Монайский перешеек или по крайней мере район Узунларского вала, но никак не Перекоп. Остается обратиться к свидетельствам путешественников, посещавших эти места в XVIII—XIX вв. Быть может, кто-то из них еще застал остатки этих укреплений? В 1793—1794 гг. академик Паллас совершал поездку по



Расположение валов на Керченском полуострове. *1* — существующие валы и рвы; *2* — не сохранившиеся валы и рвы: I — Акмонайский вал; II — Узунларский вал; III — Тиритакский вал; IV — Акташский вал; V — вал «Безкровного» (Чокракский); VI — Элькенский вал

Крыму. Проезжал он и по Керченскому полуострову и, действительно, к востоку от старой дороги Феодосия — Керчь, близ дер. Шибан, он видел линию каменной насыпи, лежавшей в основе земляного вала, круглые развалины башен и следы рва к западу от вала[1] [3, с. 50].

Нельзя сказать, чтобы рассказ Палласа не был известен позднейшим исследователям. Все писавшие о боспорских валах, так или иначе ссылались на него и некоторых других путешественников, хотя делали разные выводы. И. И. Бабков подробно и, казалось бы, довольно убедительно доказывает, что Паллас ошибочно принял за остатки вала вершину скалистого хребта [2, с. 290]. Естественно, можно сколько угодно «ломать копья» по вопросу, был или не был вал на Ак-Монайском перешейке. Даже ставшая обычной в археологической литературе дежурная фраза: «Только дальнейшие раскопки могут пролить свет...» — вряд ли прозвучит обнадеживающе. И все же свидетельству Палласа, на наш взгляд, можно доверять благодаря некоторым очень важным деталям, которые никак не могли оказаться простой случайностью. В первую очередь это относится к указанному им расстоянию между развалинами башен, о чем речь пойдет ниже.

Таким образом, хотя археологически наблюдения Палласа до сих пор не подтверждены, отрицать полностью существование вала и рва, проходившего в самой узкой, западной части Керченского полуострова нет оснований. Попутно заметим, что, хотя точное направление их не совсем ясно, протяженность этих укреплений должна была быть не менее 19 км (Ак-Монай — Хиреиз — Шабан — берег Черного моря).

Гораздо проще обстоит дело с Тиритакским и Узунларским валами. Второй до сих пор хорошо прослеживается почти на всем протяжении. В отношении же первого необходимо сделать одно уточнение. Дело в том, что обычно считается, что эта полоса укреплений тянется от Азовского моря до Тиритаки (Камыш-Бурун). Именно так описывает этот вал К. Э. Гриневич [4, с. 160, 161]. Между тем разведки, проведенные в конце 50-х годов С. А. Семеновым и В. Э. Куниным [5, с. 262], и неоднократные посещения этих мест автором убеждают в том, что снизу, в до-

[1] Мнение о существовании рва и вала на Ак-Монайском перешейке со ссылкой на того же автора было недавно вновь высказано в статье В. С. Ольховского. Автор данной статьи разделяет его точку зрения.

лине к северу от скалистой гряды, тянущейся через курган Кара-Оба и северную окраину с. Войково, никаких следов древнего вала и рва нет. Возможно, по каким-то причинам он здесь вообще не был достроен, но не исключено, что многолетние пахотные работы в этой части разрушили его совершенно [2].

В конструкции, по-видимому, всех трех валов было много общего: в основе их (хотя бы частично) лежала каменная насыпь. Следы крепиды заметны и поныне на некоторых участках Узунларского и Тиритакского валов.

Мало кто знает, что на Керченском полуострове помимо этих двух (трех?) хорошо известных линий оборонительных сооружений имеются и другие древние валы.

Один из них проходит от Акташского озера до берега Арабатского залива южнее дер. Семеновка. Ширина вала около 10—12 м, высота — 3 м. Ров, почти полностью заплывший, находится к югу от вала. В основании вала также замечены груды камней. Сохранность вала плохая, на большей части он вообще срыт. В древности Акташское озеро, видимо, соединялось с Казантипским заливом, и этот вал, проходя по довольно узкой перемычке, прикрывал Казантипский полуостров с юга.

Не исключено, что существовал и еще один вал, совершенно не прослеживаемый в настоящий момент. О нем в середине XIX в. писал в специальной статье некто И. Безкровный [6, с. 443]. Вал шел от Чокракского озера на севере на деревни Конрата, Китай, Кошкуй и далее через цепь курганов до Тобечикского озера [6, с. 443]. Упоминает он и следы вала у с. Султановка [3] [6, с. 443].

Наконец, едва различимые следы земляной насыпи имеются между Узунларским и Элькенским озерами. Трудно сказать, был ли это древний вал или граница каких-то владений.

Таким образом, на Керченском полуострове существовала целая система земляных укреплений. Не все они сохранились до наших дней. Часть их служила местному населению в течение долгого времени, неоднократно подсыпалась, использовалась для новых укреплений и поэтому выглядит до сих пор более внушительно [4]. Другие были быстро заброшены или вообще недостроены. Во всех известных случаях эти оборонительные линии защищали территорию полуострова от противника, наступавшего с запада (или отдельные территории — с юга).

Второй вопрос, на котором мы остановимся, связан с известным фрагментом из седьмой книги «Географии» Страбона. Со слов своего информатора Гиксикрата Страбон сообщает, что боспорский царь Асандр перегородил «перешеек у Меотиды» стеной в 360 стадиев с 10 башнями на каждом стадии (Strab., VII, 4, 6).

Этот короткий отрывок таит два «темных места». Во-первых, не ясно, где именно проходила стена Асандра. Единого мнения по этому вопросу нет. Во-вторых, «верен» ли текст Страбона и как действительно размещались башни на этой «стене»?

Еще исследователь XIX в. А. Мейнеке обратил внимание, что в речи о башнях текст явно испорчен и предложил читать не 10 башен на стадий, а одна [7, с. 428]. Эту трактовку поддержал и В. Д. Блаватский [8, с. 155], согласны с ней и другие. Но прежде чем окончательно решить вопрос о башнях, вернемся к проблеме местоположения стены Асандра.

Трудно сказать, каким стадием пользовался Страбон (или его информатор). Наиболее вероятно, аттическим, равным 178 м. В таком случае

---

[2] На фотографиях аэрофотосъемки какие-то следы вала как будто прослеживаются почти до моря. Но эти сведения нуждаются в проверке.

[3] Не понятно, что за вал, сильно распаханный и расплывшийся, но все же отчетливо видимый, обследовал в 1952 г. Н. И. Сокольский у с. Тосуново (бывш. Кошкуй). Судя по тексту его статьи, речь идет об Узунларском вале. Но тот находится далеко не «вблизи», а в 8 км к западу от этого села. Уж не следы ли это вала «Безкровного»?

[4] На Узунларском валу по крайней мере в нескольких местах ясно видны следы подсыпок грунта.

указанная Страбоном длина перешейка (и стены) равна приблизительно 64 км. Древний географ знал в Крыму три перешейка: нынешний Перекопский (Strab., VII, 4, 1), по-видимому, перешеек посреди Керченского полуострова у города Киммерик (Strab., XI, 1, 5) и перешеек, бывший границей боспорян и тавров у Феодосии (Strab., VII, 4, 4—5).

Длину первого он определяет в 40 стадиев, хотя тут же говорит, что некоторые указывают и другую цифру — 360 стадиев (Strab., VII, 4, 1). Не ясно, откуда взялись у Страбона эти две совершенно разные цифры. Но, безусловно, меньшая величина более соответствовала истине. Это подтверждается и свидетельством Плиния Старшего, указавшего ширину «Перекопа» в 5000 шагов (Plin., HN, IV, 84), т. е. чуть большую 30 стадиев (около 5,4 км) [5].

Хотя береговая линия Керченского полуострова за две тысячи лет и претерпела известные изменения, но это не сказалось заметно на реальной ширине двух других известных Страбону перешейков. Ни один из них и близко не подходит к указанной Страбоном цифре в 360 стадиев. Итак,— тупик. Исследователи, помещая «стену» Асандра то у Перекопа [9, с. 392; 10, с. 98; 11, с. 13], то у Ак-Моная, то на Узунларском валу, обходили этот каверзный вопрос, объясняя это явное несоответствие ошибкой в тексте Страбона. В. Ф. Гайдукевич лишь осторожно отметил, что Асандр укрепил Керченский полуостров [12, с. 314].

Между тем цифра 360 стадиев вряд ли случайна и, видимо, отражала какую-то реальную величину. Но где и какую?

Взглянем вновь на карту и представим, что перед нами стоит та же задача, что и перед Асандром. Где, в каком месте, с наименьшими затратами, в короткий срок создать надежную оборонительную линию, которая прикрыла бы боспорские земли на западе?

Вряд ли было уместно строить пограничные рубежи в районе современного Перекопа. Обширные пространства степного Крыма, населенные скифами, не входили в земли, экономически связанные с Боспором. Их политическая зависимость от Митридата Евпатора и, возможно, Фарнака и Асандра была непрочной и непродолжительной. Реальная граница должна проходить у исконно освоенных земель, защищать важнейшие центры. Держать оборону на Перекопе, скажем от сарматов, имея в тылу далеко не благонадежных скифов, бессмысленно и с военной точки зрения. Не знаем мы и о том, какие были у Боспора, и в частности у Асандра, отношения с варварскими племенами (вероятно, тафриями), обитавшими у Сиваша (Strab., VII, 4, 2; Pomp. M., II, 4; Plin. NH, IV. 85; Ptol., III, 6) [13, с. 148].

Итак, остается район Восточного Крыма или, как его называл Геродот, «Скалистый полуостров». И тут взор невольно останавливается на узком перешейке у Таврских гор (Ак-Монайский). Здесь, а также восточнее у городка Киммерик и близ Тиритаки уже издавна существуют земляные валы. О них ходят легенды, их считают «киммерийскими». Геродот уже застал их заброшенными. Наиболее простое решение — укрепить, досыпать, построить сторожевые башни, обновить рвы, одним словом, использовать эти старые сооружения. Не правда ли? Именно так и поступает Асандр. Создается внешняя (Феодосия и вал-стена на Ак-Монайском перешейке) и внутренняя (Узунларский, Тиритакский валы, сеть укрепленных городков типа Илурат — Тасуново) линия обороны на западе.

Теперь прикинем цифры. Длина Узунларского вала 32—33 км, Тиритакского — около 10 км (реальная длина), Ак-Монайского перешейка в узком месте — 19 км (длина вала здесь, видимо, была несколько большей). Итак, общая длина всей оборонительной системы на западе, всей «стены», возведенной по приказу Асандра,— 61—63 км. 360 стадиев у Страбона и полученная нами цифра — совпадение поразительное и вряд ли случайное! Конечно, скажет читатель, стена вовсе не обязательно

[5] Попутно заметим, что нынешняя ширина перешейка и так называемого Турецкого вала на нем 11 км.

должна быть величественной, каменной с зубцами и т. п.[6], а вот как же упомянутые башни?

Вернемся к вопросу о башнях. Если принять исправление, предложенное Мейнаке, то через каждые 178 м на валу должна находиться башня. И подтверждением тому, что стена, а точнее, стены Асандра проходили там, где мы их поместили, здесь должны быть следы башен.

Снова на помощь приходит Паллас. У него читаем, что на валу находятся в 180 шагах друг от друга развалины крупных башен 60—80 шагов в диаметре [3, с. 50]. 180 м и 1 стадий, т. е. 178 м! Еще одно совпадение! Видел он и развалины — небольшие холмы (башни?) и на Узунларском валу вблизи дороги [3, с. 53]. Р. В. Шмидт отмечает, что рядом с курганом, раскопанным на валу в 1926 г., были остатки башни [14, с. 273, 274]. В 1978—1980 гг. автором и сотрудником Керченского музея О. Д. Чевелевым на Узунларском валу и непосредственно вблизи него было зафиксировано 14 приблизительно одинаковых холмов (явные курганы около вала в расчет не брались). Трудно сказать, все ли они таят под собой башни. На первый взгляд цифра 14 слишком мала, если башни располагались через каждый стадий. Но, с другой стороны, Узунларский вал — это уже внутренняя линия обороны и укреплена она могла быть не столь внушительно, как внешняя. Иными словами, башни здесь могли играть не столько оборонительные, сколько сторожевые функции и, следовательно, размещаться не так часто. Например, одна на 10 стадий. Кстати, взял же откуда-то Страбон цифру 10 в приведенном фрагменте! Если это так, то число башен на втором валу должно быть где-то в пределах 16—17. В целом количество учтенных на валу возвышенностей (башен), принимая во внимание имеющиеся на валу участки полного разрушения, подходит для подтверждения высказанного предположения.

Ввиду плохой его сохранности трудно сказать определенно, сколько было холмов — башен на Тиритакском валу. Но одна такая возвышенность на уцелевшем участке все же имеется.

К сожалению, ни одна из «башен» никогда не раскапывалась. Можно лишь сказать, что это могли быть и земляные насыпи (на Узунларском валу), и каменные строения. Во время обследования Узунларского вала в нем было отмечено 11 проходов- «ворот» шириной от 10 до 25 м. В шести местах сзади проема в 10—35 м от линии вала находилась курганообразная возвышенность. В подавляющем большинстве случаев вблизи этих проходов нет современных дорог, а холмы-курганы делают невозможным прямое проникновение через эти проходы. Все это свидетельствует, как нам кажется, о том, что перед нами остатки древних ворот или проездов.

Один подобный проход отмечен и на Тиритакском валу[7]. Нельзя с уверенностью утверждать, что хотя бы часть этих возвышенностей не является курганами. Впрочем, и они могли быть приспособлены к системе обороны.

С востока, вдоль Узунларского вала, во всяком случае в некоторых, возможно наиболее труднопроходимых, заболоченных местах, была проложена дорога. Следы ее заметны в районе пересечения вала Керченским водохранилищем [15, с. 411]. Края ее сложены из крупных камней и плит, в центре — плотно уложены более мелкие камни. Ширина дороги 3,5—4 м.

В поисках аналогий всему комплексу этих оборонительных сооружений, естественно, обратимся к наиболее известным и хорошо сохранившимся римским пограничным линиям (limes) в Британии. Так, «стена» Адриана имела ширину 1,5 и высоту 5 м. Ров был шириной 11 и глуби-

---

[6] Еще Н. И. Сокольский справедливо заметил, что употребленный Страбоном в рассказе о «стене» Асандра глагол ἀποτειχίζω имеет довольно широкое значение: отгораживать что-то от противника вообще, и не обязательно каменной стеной [10, с. 106].

[7] Отметим, что проезды-ворота имеются в валу на Таманском полуострове. Ширина их около 10 м, а расстояния между ними в среднем около 345 м [1, с. 222].

ной 4 м. Костеллы размещались через 6,5 км, а между ними находились вышки и башни.

Антонинов вал больше других напоминает Узунларскую линию. За рвом на каменной «базе» была возведена насыпь. Затем вдоль вала шла дорога шириной 5 м. Через 2,5 км на валу стояли форты и сторожевые башни [16, с. 1257]. Подведем лишь некоторые итоги всему сказанному о стене, точнее, стенах Асандра. По-видимому, действительно при этом царе была проведена модернизация и обновление существовавших издавна на Керченском полуострове укреплений — валов и рвов. Внешняя полоса укреплений была усилена особенно тщательно. Вторая линия (Узунларский вал) была снабжена сторожевыми башнями и дорогой. Сам вал был надсыпан. В дальнейшем в линию этого вала было включено крупное поселение — город Савроматий [17, с. 550, 551]. Вся описанная система обороны получила название «стены Асандра». Сведения о ней, слегка искаженные, и попали в текст Страбона.

Наконец, несколько замечаний по самому неясному и менее всего поддающемуся разрешению вопросу — времени появления древнейших валов на Керченском полуострове. Проводившиеся как в исследовательских целях [8, с. 102, 103], так и в ходе строительных работ раскопки Узунларского вала не пролили свет на эту проблему. Впрочем, иного результата, видимо, не следовало и ожидать. Вероятность обнаружения датирующих находок была очень мала, а элемент случайности даже при наличии какого-либо материала велик. Поэтому попробуем хотя бы частично ответить на этот вопрос, используя письменные свидетельства и косвенные наблюдения.

Начиная с И. Бларамберга, довольно широкое хождение имело суждение, что валы керченского полуострова отражают последовательное расширение границ Боспора на западе при Археанактидах и первых Спартокидах [18, с. 10; 4, с. 161]. Мнение это, однако, неоднократно подвергалось критике и уже давно отвергнуто. Совершенно очевидно, что укрепления, которые Геродот именовал «киммерийскими» (Herod., IV, 12), были сооружены никак не позднее первой половины V в. до н. э.

На явно древнее, догреческое происхождение Тиритакского и Узунларского валов указывали В. Д. Блаватский [19, с. 144; 8, с. 101—102] и В. Ф. Гайдукевич [20, с. 196]. К киммерийскому времени относил их и Н. И. Сокольский [10, с. 94, 95].

Легендарная связь всех наиболее известных на полуострове рвов и валов с киммерийцами и скифами очевидна и заставляет отодвинуть время их строительства к VII и VI вв. до н. э. Как известно, первое упоминание о киммерийцах в Малой Азии относится к 20-м годам VIII в. до н. э., а скифы появляются в Передней Азии около 70-х годов VII в. до н. э. [21, с. 23]. Таким образом, скифо-киммерийское противоборство в Северном Причерноморье (если оно вообще имело место, что справедливо поставил под сомнение М. И. Артамонов) и связанные, видимо, с этим укрепления относятся к последней четверти VIII в. до н. э. или несколько позднее. Более определенно можно судить о дате вала и рва потомков слепых скифских рабов. Это доскифское местное население (условно киммерийцы, не ушедшие из Причерноморья) оказало скифам сильное противодействие при их возвращении из Азии. Отступая под натиском скифов (или готовясь к обороне), оно ценой огромного напряжения сил возвело вал и ров в самой узкой части Керченского полуострова, а также, вероятно, и все другие укрепления, включая, быть может, и район Перекопа. Возвращение скифов из Азии относят к 585 г. до н. э. [21, с. 34]. Значит, приблизительно к этому времени следует отнести и строительство укреплений. В таком случае греки вполне могли быть свидетелями этих событий. Со слов Геродота известно, что скифы победили, но он же сообщает, что в его время ров и вал потомков слепых рабов оставались официальной, хотя и не соблюдавшейся ими (походы в Синдику) восточной границей владений царских скифов (Herod., IV, 3, 20).

Действительно, довольно многочисленные рядовые скифские погребения, раскопанные в Восточном Крыму, относятся в подавляющем боль-

ншнстве к IV—III вв. до н. э. и находятся к западу от Узунларского вала[8] [22, с. 115 и сл.]. К востоку же от него, на Азовском побережье и на мысе Казантип, имеются своеобразные гробницы VI—I вв. до н. э.— каменные ящики с кольцевыми обкладками [23, с. 5 и сл.], возможно, оставленные этим доскифским населением, оттесненным в наиболее глухие районы полуострова.

Казалось бы, на этом можно и остановиться. Тем более, что самые ранние находки из курганных погребений, раскопанных на Узунларском валу, относятся, по-видимому, к V—IV вв. до н. э. [14, с. 274]. Однако есть некоторые, на наш взгляд, странные и любопытные обстоятельства, которые, может быть, еще не позволяют «ставить точку» в вопросе о датировке древнейших укреплений Керченского полуострова.

Вблизи Узунларского вала (но к востоку от него) расположено несколько довольно крупных курганов. Некоторые из них находятся буквально рядом и значительно возвышаются над ним. Курганы эти никогда не копались археологами. Один из них был сильно разрушен при строительстве водонапорной станции (6,5 км к северу от шоссе Керчь — Феодосия). Курган стоял в 10—15 м от вала, имел высоту не менее 5—6 м и содержал, вероятно, не одно захоронение. Удалось подобрать лишь несколько костей и фрагментов сероглиняной, слегка подлощенной лепной посуды, близкой по форме и отделке типам, описанной А. А. Щепинским кеми-обинской керамики [24, с. 16—19].

У северной оконечности вала, приблизительно в 100 м от него, частично разрушен другой большой курган. В одной из глубоких ям почти на уровне подошвы кургана находился каменный ящик ограбленного погребения. Стены ящика тщательно обработаны и имели пазы. На двух из них сохранились высеченные и закрашенные черной краской изображения полос «елочкой» (стилизованное дерево жизни?)[9]. Курган был окружен кромлехом. Широкое употребление кромлехов, каменные ящики из хорошо обработанных плит, наконец, традиция росписи внутренних стен ящика являются характерными чертами погребального обряда племен кеми-обинской культуры [24, с. 19]. Судя по тому, что основная масса древнейших погребений в курганах, раскопанных на полуострове, относится к этой культуре (ямные захоронения единичны), кеми-обинцы были господствовавшим здесь населением в конце III — начале II тысячелетия до н. э. [25, с. 5].

Собственно, в присутствии вблизи вала курганов с кеми-обинскими захоронениями нет ничего особенного. Обращает на себя внимание другое обстоятельство. Как уже говорилось, многие из курганов в районе вала находятся буквально рядом с ним. И кажется просто невероятным, что при строительстве вала ни один из них не был включен в линию насыпи! Конечно, религиозные представления, уважение и страх перед могилами могли и помешать этому. Но при строительстве жизненно важных сооружений этим могли и пренебречь. Насыпь вала и ров делают сложные повороты, следуя рельефу местности, стараются идти по возвышенностям, огибают глубокие впадины. Так что нежеланием отклониться от избранного направления немного в сторону этот факт объяснить нельзя, если... если не допустить, что в момент строительства вала этих курганов просто не было. Не было курганов, возраст которых более четырех тысяч лет! Они насыпались потом, «под защитой» вала. Вероятно ли это? Кто тот народ, который создал тогда этот вал (а возможно, и другие)?

Эпоха бронзы устанавливается в этом районе Причерноморья в конце III — начале II тысячелетия и совпадает с расцветом кеми-обинской культуры. Для нее, как и для синхронной ей дольменной культуры Северо-Западного Кавказа, характерен высокий уровень обработки камня, строи-

---

[8] Отдельные, видимо скифские, но более богатые и ранние погребения известны, правда, и к востоку от этого вала (Темир-Гора, Три брата, Нимфейские).

[9] Подобным же образом был расписан каменный ящик, раскопанный в кургане у с. Астанино [25, с. 3, 4].

тельство огромных курганов со сложной и массивной кладкой кромлехов [10]. Бронзовый век в Крыму, как и во многих других районах Евразии, характеризуется резким взлетом производительных сил и усложнением социальной структуры общества [11]. Общество, вернее, его верхушка, не находило иного применения появившемуся прибавочному продукту, кроме как в возведении различных циклопических построек. Естественно, постигнуть духовный мир, мотивы и замыслы этих строителей мы можем далеко не всегда. Но назначение валов и рвов и их важность для местного населения не вызывают сомнений. От кого оборонялись кеми-обинцы? Вряд ли на этот вопрос можно ответить с уверенностью. Возможно, им угрожали продвигавшиеся к востоку племена ямной культуры.

В связи со всем сказанным позволю себе выдвинуть еще одно предположение. Вблизи Керчи есть хорошо известные, но еще более загадочные памятники: Золотой курган и курган Кара-Оба.

Раскопки этих крупнейших на полуострове курганов предпринимались неоднократно за последние 100 лет, но ответить окончательно на вопросы, кто и когда их воздвиг, наука пока не может.

Циклопическая кладка стены Золотого кургана и сейчас поражает воображение, а лет 150 назад она была еще более величественной — высота ее была более 11 м. В. Д. Блаватский, отмечая резкое отличие Золотого кургана от прочих гробниц в окрестностях Керчи, считал возможным включить его в оборонительную линию Тиритакского вала и связывал с киммерийцами [26, с. 14 и сл.; 27, с. 7]. Явно впускные погребения IV—III вв. до н. э., обнаруженные в кургане, не позволяют судить о первоначальной дате всей постройки и не найденного центрального захоронения [27, с. 7].

Приблизительно то же можно сказать и о кургане Кара-Оба. В нем было обнажено два кольца могучей крепиды, но следов центральной гробницы исследователи не нашли. Отдельные находки II в. до н. э. [28, с. 58, 62] скорее всего случайны и происходят из разрушенных поздних погребений.

Обращает на себя внимание размер курганов и небывалая высота каменных стен, так называемых крепид. Кладка их возведена под небольшим углом, что придает всей постройке вид огромного усеченного конуса. Собственно, это уже не крепиды (за исключением внешней стены Кара-Обы), а стены какого-то сооружения, стоявшего некогда вокруг или над центральной гробницей. Поиски аналогий опять привели нас к погребальным памятникам кеми-обинской культуры.

Каменные сооружения над могилой в виде купола или усеченного конуса наряду с кромлехами обычны в наиболее крупных кеми-обинских курганах [24, с. 16]. Место этих племен (этой культуры) в древнейшей истории Восточного Крыма не противоречит предположению о принадлежности этих памятников.

Естественно, эти предположения пока даже трудно назвать гипотезой, так они неожиданны и для самого автора, однако и ничего невероятного в них нет.

В заключение несколько слов о современном состоянии валов на Керченском полуострове. В целом, следует признать его плачевным. Уже, видимо, не осталось следов от Ак-Монайских укреплений. Почти совершенно разрушен за последние 10—20 лет Тиритакский вал. Его участок от Золотого кургана (кстати, также разрушаемого) до аэродрома застроен и снесен, сильно пострадала и крайняя северо-западная часть. Распахивается северо-западная оконечность Узунларского вала, а к северу от шоссе Керчь — Феодосия он снесен вовсе. Поставленного тут охранного знака явно недостаточно.

---

[10] Кеми-обинская культура вообще является локальным вариантом обширной мегалитической культуры, господствовавшей в Причерноморье в эпоху энеолита и ранней бронзы.

[11] Не случайно А. М. Лесков связывает появление и распространение в Крыму древнейших антропоморфных изваяний с кеми-обинской культурой [25, с. 6].

Поэтому настоящая статья не только ставит своей целью осветить некоторые вопросы, связанные с этими интереснейшими памятниками истории, но и привлечь к ним внимание исследователей и широкой общественности. Быть может, это будет способствовать сохранению валов, пока они еще не исчезли вовсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубланов М. М.* К истории азиатского Боспора.— СА, 1959, № 29—30.
2. *Бабков И. И.* К вопросу о местонахождении Асандрова вала.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.
3. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793—1794 гг. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань.— ЗООИД, 1883, т. XIII.
4. *Гриневич К. Э.* Оборона Боспора Киммерийского.— ВДИ, 1946. № 2.
5. *Семенов С. А., Кунин В. Э.* Разведки на Керченском полуострове.— В кн.: Археология и история Боспора, т. II. 1962. Симферополь: Крымиздат.
6. *Безкровный И.* Древний вал и шоссе близ Керчи.— ЗООИД, 1875, т. IX.
7. *Meineke A.* Strabonis Geographica. Liepsiae, 1866.
8. *Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
9. *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
10. *Сокольский Н. И.* Валы в системе обороны Европейского Боспора.— СА, 1957, № 27.
11. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М.: Наука, 1964.
12. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
13. *Щеглов А. Н.* О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— ВДИ, 1973, № 1.
14. *Шмидт Р. В.* К исследованию боспорских оборонительных валов.— СА, 1941, т. VII.
15. *Щепинский А. А.* Исследование в зоне строительства Северо-Крымского канала.— АО — 1975. М., 1976.
16. *Daramberg M.* Dictionnaire des antiquites Grecques et Romaines. Paris, 1904, v. 3, pt. 2.
17. КБН. М., 1964, № 970.
18. *Бларамберг.* Замечания на некоторые места древней географии Тавриды.— ЗООИД, 1848, т. II.
19. *Блаватский В. Д.* Материалы по античной фортификации.— Уч. зап. МГУ, 1950, № 153.
20. *Гайдукевич В. Ф.* Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия.— ВДИ, 1947, № 3.
21. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
22. *Яковенко Э. В.* Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев: Наукова думка, 1970.
23. *Масленников А. А.* О населении прибрежных районов Восточного Крыма в VI—I вв. до н. э.— СА, 1980, № 1.
24. *Щепинский А. А.* Культура энеолита и бронзы в Крыму.— СА, 1966, № 2.
25. *Лесков А. М.* Керченская экспедиция 1967 г. Археологические исследования на Украине в 1967. Киев: Наукова думка, 1968.
26. *Блаватский В. Д.* Киммерийский вопрос и Пантикапей.— Вестн. МГУ, 1948, № 8.
27. *Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея.— МИА, 1957, № 56.
28. *Шульц П. Н.* Курган Кара-Оба близ Керчи.— КСИА, 1971, вып. 125.

A. A. Maslennikov

ONCE MORE ON THE BOSPORAN RAMPARTS

Summary

In ancient times the Crimea Peninsula was covered with a network of earthen defensive constructions such as moats and ramparts. They are quite different in terms of their preservation and the degree to which they have been studied. The earliest of them probably date to 585 B. C. or even earlier. Some evidence, however, possibly relate the moats and ramparts to the East Crimean population of the Kemi-Oba culture. Some of them were fortified by Asander, a Bosporan king, as part of his measures aimed at strengthening the Bosporan defences in the west. Strabo's information on the length of the Asander Wall relates not to any particular defensive construction as was thought earlier, but to all earthen defensive works in eastern Crimea.

ГОРБУНОВА Н. Г.

КУГАЙСКО-КАРАБУЛАКСКАЯ КУЛЬТУРА ФЕРГАНЫ

В конце I тысячелетия до н. э. в культуре древней Ферганы происходят существенные изменения. Большинство исследователей, отмечая новый период в ее культуре, относят его суммарно ко времени II в. до н. э.— VI в. н. э., отделяя от предшествующего (эйлатано-актамская культура) и последующего (тюрко-согдийского?). Делались также попытки наметить этапы внутри него. Периодизацией древних культур Ферганы занимались Б. А. Латынин [1, с. 160—170], А. Н. Бернштам [2, с. 217—230], Ю. А. Заднепровский [3].

Вопросы, связанные с выделением рассматриваемого периода, его датировкой и др., уже излагались в печати [4], следует лишь добавить новые данные. Так, исследование Е. Д. Салтовской поселений и могильников на северо-западе Ферганы позволило показать постепенные изменения в керамике со II в. до н. э. до VI в. н. э. в этом районе [5], что сыграло существенную роль в создании сводной периодизации керамики ферганских поселений [6]. Одновременно большую работу по исследованию материалов из могильников Западной Ферганы проделал Б. А. Литвинский [7—10]. Анализ погребального инвентаря позволил ему наметить хронологические границы могильников в целом и бытования отдельных вещей. Могильники с погребениями в катакомбах, подбоях и грунтовых могилах он предложил объединить в одну «карабулакско-ворухскую культуру» [7, с. 127—129], а могильники с наземными сооружениями (курумы, муг-хона) — в «аштскую» [7, с. 212]. Однако группировка их по этим двум культурам практически основана только на различии погребальных сооружений без учета инвентаря и материалов поселений.

Значительные материалы из поселения и могильника Кайрагач получены за последние годы Г. А. Брыкиной [11]. Новые археологические данные позволяют вернуться к вопросу об общей характеристике культуры Ферганы указанного времени. Общность ее на всей территории долины [1], несмотря на некоторые локальные особенности, позволяет предложить общее наименование всего периода — кугайско-карабулакская культура. Двучленность названия подчеркивает общность в культуре земледельцев и скотоводов, включая названия первого исследованного поселения Кугай [12, с. 109] и наиболее известного могильника Кара-Булак [7, с. 14] [2]. В это понятие вкладывается характеристика комплекса форм материальной культуры населения Ферганы определенной эпохи, независимо от его этнического происхождения, которое могло быть различным. Для характеристики культуры используется материал как поселений, так и могильников (рис. 1).

Основные черты кугайско-карабулакской культуры, претерпевающие постепенные изменения на протяжении ее развития, следующие: увеличение числа поселений разного типа [12], распространяющихся повсеместно по всем дельтовым протокам горных рек; наличие центрального

[1] Территория Ферганы как историко-культурной области рассматривается в пределах горных хребтов: на востоке Ферганский, на севере Чаткальский, Атойнакский и на юге Алайский, Туркестанский, а также бассейна р. Ходжа-Бакырган на западе. Западнее очерченного района, видимо, в древности была территория Согдианы.

[2] Большинство памятников, упоминаемых в статье, уже неоднократно фигурировало в печати, поэтому здесь в основном приводятся ссылки на те из них, где читатель найдет соответствующую библиографию.

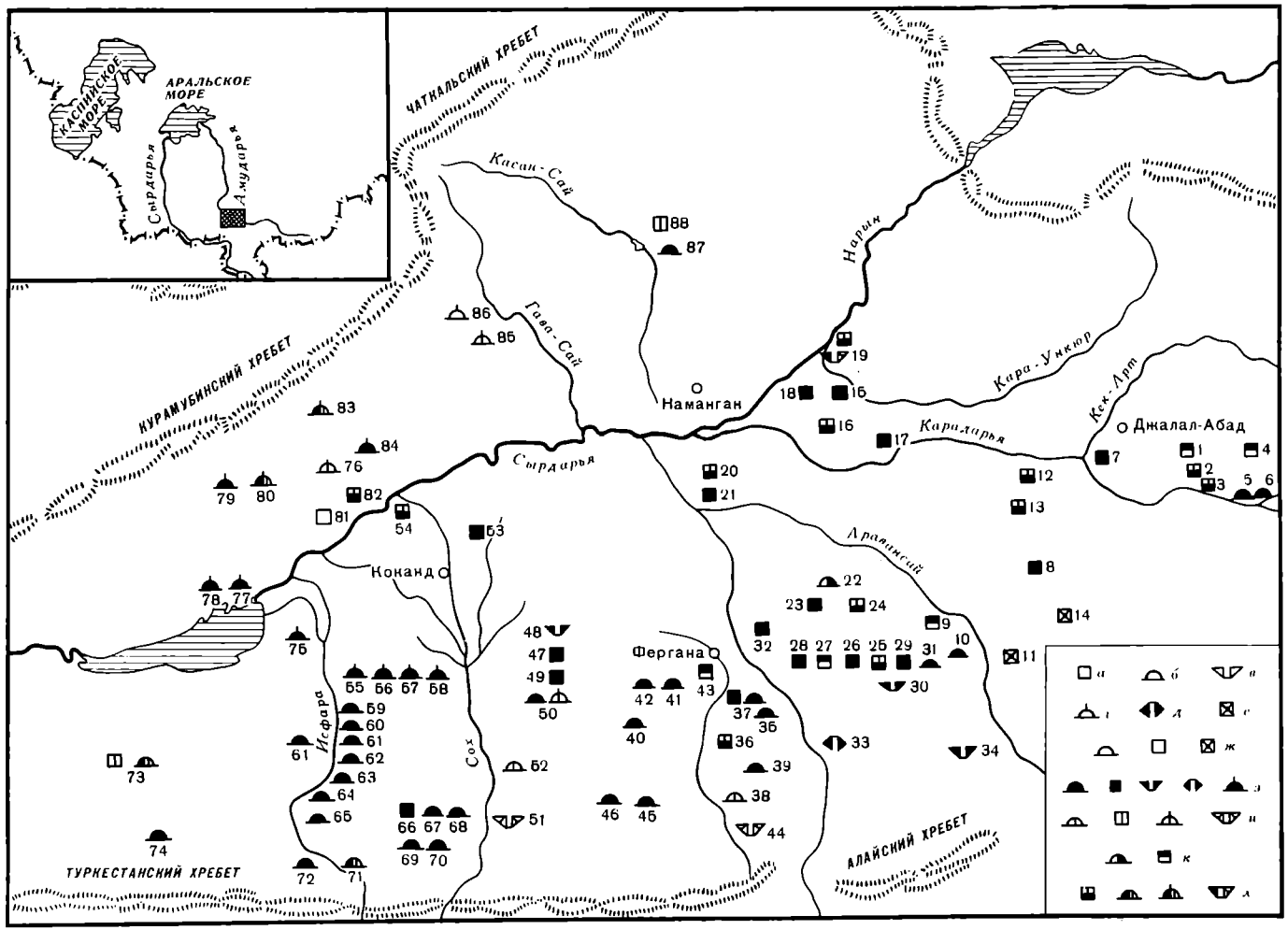


Рис. 1. Памятники кугайско-карабулакской культуры Ферганы:

а — поселения; *б* — курганные могильники; *в* — бескурганные могильники; *г* — наземные погребальные постройки; *д* — пещера; *е* — наскальные изображения; *ж* — памятники раннего этапа; *з* — среднего этапа; *и* — позднего этапа; *к* — раннего и среднего этапов; *л* — среднего и позднего этапов:
1 — Шурабашат; *2* — Дунбулак; *3* — Карадарьинское городище; *4* — Кулунчак I и II; *5* — Караджар; *6* — Кара-Кульджа; *7* — Шош-Тепе; *8* — Биловур-Тепе; *9* — Минг-Тепе (Мархамат); *10* — Мархамат (могильник); *11* — Араван; *12* — Гайрат-Тепе; *13* — Курган-Тепе; *14* — Айримачтау; *15* — Арал-Тепе; *16* — Куюк-Тепе; *17* — Тепе Кугай; *18* — Кыз-мазар-Тепе; *19* — Кайноват (городище и могильник); *20* — Сар-Тепе; *21* — Каламыш-Тепе; *22* — Тал-мазар; *23* — Арк-Тепе; *24* — Ак-Тепе; *25* — Майда-Тепе; *26* — Тепе 5; *27* — поселение 5а; *28* — Чуи-Тепе; *29* — Мыкты-Курган; *30* — Зор-Тепе; *31* — Керкидон; *32* — Тепе Суфан; *33* — Кувасайская пещера; *34* — Темир-Коруг; *35* — Урюкзор; *36* — Муг-Пошо; *37* — Ак-Тепе (поселение и могильник); *38* — Таш-Курган; *39* — Янгиабад II; *40* — Янгиабад I; *41* — Дамкуль; *42* — Ак-там; *43* — Сым-Тепе; *44* — Кокташ у Вуадиля; *45* — Вуадиль; *46* — Джангаил; *47* — Киткон-Тепе; *48* — Кош-Тепе; *49* — Муг-кала; *50* — Ханғиз I и II; *51* — Обишир; *52* — Боркорбаз; *53* — Сары-Курган; *54* — Мунчак-Тепе; *55* — Рапкан-мазар; *56* — Таган; *57* — Янгикурган; *58* — Джанабад; *59* — Чильгазы; *60* — Калантар-хона; *61* — Исфара; *62* — Усто-мулла; *63* — Карабаг; *64* — Сурх II; *65* — Чорку I и II; *66* — Ак-Тепе; *67* — Карабель; *68* — Кокташ; *69* — Кара-булак; *70* — Тура-таш; *71* — кишлак Ворух; *72* — Ворухское ущелье; *73* — Кайрагач (поселение и могильник); *74* — Кара-Мойнак; *75* — Ниязбек; *76* — Ашт; *77* — Дахона; *78* — Долона; *79* — Карамазар; *80* — Бобоидархон; *81* — Тудаи-Хурд; *82* — Тудаи-Калон; *83* — Дашти-бодомак; *84* — Дашти-ашт; *85* — Сырыкулсай и Кулпоксай; *86* — Багджой; *87* — Гур-мирон; *88* — Муг-кала

помещения в планировке зданий, в прямоугольных, округлых и крестовидных в плане постройках. Здания часто возводятся на стилобатах. В строительном деле используется сырцовый кирпич, пахса, гуваля (глиняные комья удлиненной формы). Характерны оборонительные сооружения, состоящие из стен с прямоугольными башнями со стреловидными бойницами в них, на последнем этапе повсеместно прекращающие существование. Многообразны погребальные памятники: курганные могильники с погребениями в грунтовых мелких и глубоких могилах, нередко перекрытых деревом, в подбоях и катакомбах разных типов, в наземных каменных сооружениях. Известны также наземные сырцовые погребальные сооружения и погребение в пещере [13; 14, с. 27]. Керамика в основном сделана на круге, покрыта красным, реже черным или белым ангобом. Часть ее украшена геометрическим процарапанным орнаментом по подсушенному ангобу [6, 8]. Лепная посуда — тарная и кухонная; в некоторых могильниках значительно число лепных кувшинов. Лепная столовая посуда, крашеная и расписная, длительное время сохраняется на востоке Ферганы, где она сосуществует с круговой красноангобированной [6, с. 131, 132]. Помимо глиняной известна деревянная посуда, а также деревянные столики и плетеные корзинки. Орудия труда изготавливались из камня и железа. Для прядения использовались деревянные веретена с глиняными, реже деревянными пряслами. Вооружение состояло из сложносоставных луков со стрелами с железными наконечниками разных типов, двулезвийных и однолезвийных кинжалов, двулезвийных мечей, чешуйчатых (?) панцырей. К предметам женского туалета относятся бронзовые зеркала разнообразных типов, миниатюрные глиняные сосудики, деревянные или бронзовые туалетные коробочки, костяные шкатулки, а также косметический прибор, состоящий из каменной заостренной палочки (сурьматаша) и кусочка графита. Для мужского костюма характерны пояса с железными и бронзовыми пряжками разных типов. Для женского — богатый набор украшений: начельные повязки с бляшками, серьги разных типов, сложные нагрудные украшения и ожерелья, браслеты из бус, бронзовые и железные перстни и кольца. Некоторые изделия украшены цветными вставками. Известны хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани.

Некоторые из перечисленных признаков не являются специфическими для Ферганы, другие, наоборот, характерны для этого района: детали фортификации, крестовидные в плане постройки, особенности строительных материалов (гуваля [15], размер кирпича), катакомбы «хангизского» и «дамкульского» типов, подбои могильника Дамкуль [13, с. 89, 91], керамика, частично вооружение (большое количество трехгранных наконечников стрел), типы прясел, косметические наборы, часть женских украшений. Характерным является также (при сравнении с другими земледельческими центрами Средней Азии) отсутствие живописи, скульптуры и мелкой пластики (за исключением примитивных «идольчиков»), монет как показателя денежного обращения (китайские монеты «у-шу» входили лишь в состав украшений). Перечисленные особенности дают, на наш взгляд, основание для выделения кугайско-карабулакской культуры, распространенной на территории Ферганы.

Изучение всех категорий находок как с поселений, так и из могильников (главным образом керамики, наконечников стрел, пряжек и зеркал) позволяет подтвердить существование трех этапов в ее развитии: раннего, среднего и позднего. Основным критерием при их выделении явились керамические комплексы из раскопок стратифицированных поселений [6]. При сопоставлении керамики с поселений и из могильников возникли трудности, объяснимые двумя причинами. Во-первых, неравномерностью в исследовании поселений и могильников, что затрудняет сопоставление керамики. При этом не всегда исследованные могильники и поселения территориально близки. Вторая трудность заключается в различии ассортимента посуды. В могильниках преобладают кувшины — наименее восстановимая форма из фрагментированной керамики поселений. С большей уверенностью сопоставляются горшки, миски, фляги.

Несмотря на эти трудности, можно говорить о сходстве керамики синхронных поселений и могильников, расположенных в пределах одного района.

Дополнительные обоснования существования трех этапов культуры были получены в результате распределения по памятникам с соответствующими керамическими комплексами еще трех категорий находок: наконечников стрел, пряжек и зеркал. При этом также выявились некоторые сложности. Для четкого хронологического выделения необходима повторяемость основных категорий находок в погребальных комплексах[3] или стратиграфическое их распределение по слоям поселения. Последнее было прослежено для наконечников стрел на поселениях Куюк-Тепе [6, с. 142] и Кайрагач (по сообщению Г. А. Брыкиной). Что касается погребений, то наборы наконечников стрел в ферганских могильниках небольшие (исключение составляет могильник позднего этапа — Кокташ у Вуадиля). При корреляции наконечников стрел с пряжками такие совпадения прослежены для 10 погребений в шести могильниках. Обе эти категории находок встречаются в мужских погребениях и никогда, следовательно, не встречаются вместе с зеркалами — специфической находкой женских погребений. Но все же удалось выявить определенную тенденцию синхронных изменений указанных выше четырех категорий находок[4]. С учетом некоторых изменений в архитектуре и других категориях находок, можно предложить относительную хронологию памятников и охарактеризовать намеченные этапы, пока еще неравноценные по объему материала.

Ранний этап (рис. 2). К нему могут быть отнесены только восемь памятников (рис. 1), из которых наиболее ранними в пределах данного этапа являются Тудаи-Хурд и Ашт I [5, с. 7, 9], а наиболее поздним — Сым-Тепе [6, с. 128]. Кроме того, к раннему этапу, несомненно, впоследствии можно будет отнести часть поселений верховьев Карадарьи, где относительная хронология материалов пока недостаточно разработана [6, с. 137]. Небольшое количество известных памятников раннего этапа может быть объяснено разными причинами: слои раннего этапа на крупных поселениях, обычно скрытые толщей более поздних напластований, лишь частично и не всегда вскрываются раскопками. Небольшие же поселения к нашему времени уже уничтожены сельскохозяйственными работами. Но не исключено все же, что на этом этапе заселение долины еще не было сплошным. Слабая изученность небольшого числа более ранних поселений эйлатано-актамской культуры не позволяет выделить в строительстве и архитектуре новые черты, появляющиеся на раннем этапе кугайско-карабулакской культуры. Но очевидно, что уже известны постройки, возведенные на стилобатах, и здания с центральным большим помещением (рис. 2, *27*). Перекрытия плоские, для них используются деревянные опоры. В строительстве употребляется прямоугольный сырцовый кирпич различных нестандартных размеров (50×30×10; 60×30×13 см) с прочерченными знаками. В небольшом количестве встречается квадратный кирпич и пахса.

В погребальном обряде также прослеживается традиция эйлатано-актамской культуры: захоронения совершаются в грунтовых могилах и каменных ящиках с западной ориентировкой погребенных. Происходят изменения в гончарном производстве. На какой-то период оно, видимо, приходит в упадок и увеличивается количество лепной посуды. Затем процентное соотношение меняется, и новая керамика, покрытая красным ангобом (на раннем этапе блестящая, иногда с желтоватым оттенком), прочно и надолго завоевывает ведущее место. В лепной посуде преобладают округленные или плоскодонные миски, в том числе и вы-

[3] К сожалению, материалы из наиболее богатых и крупных могильников Ферганы — Кара-Булака, могильников Исфаринской долины и Гур-мирона — опубликованы суммарно, что затрудняет анализ комплексов.

[4] Наконечникам стрел, пряжкам, зеркалам будут посвящены отдельные статьи, здесь же за недостатком места приводится только их характеристика по этапам.

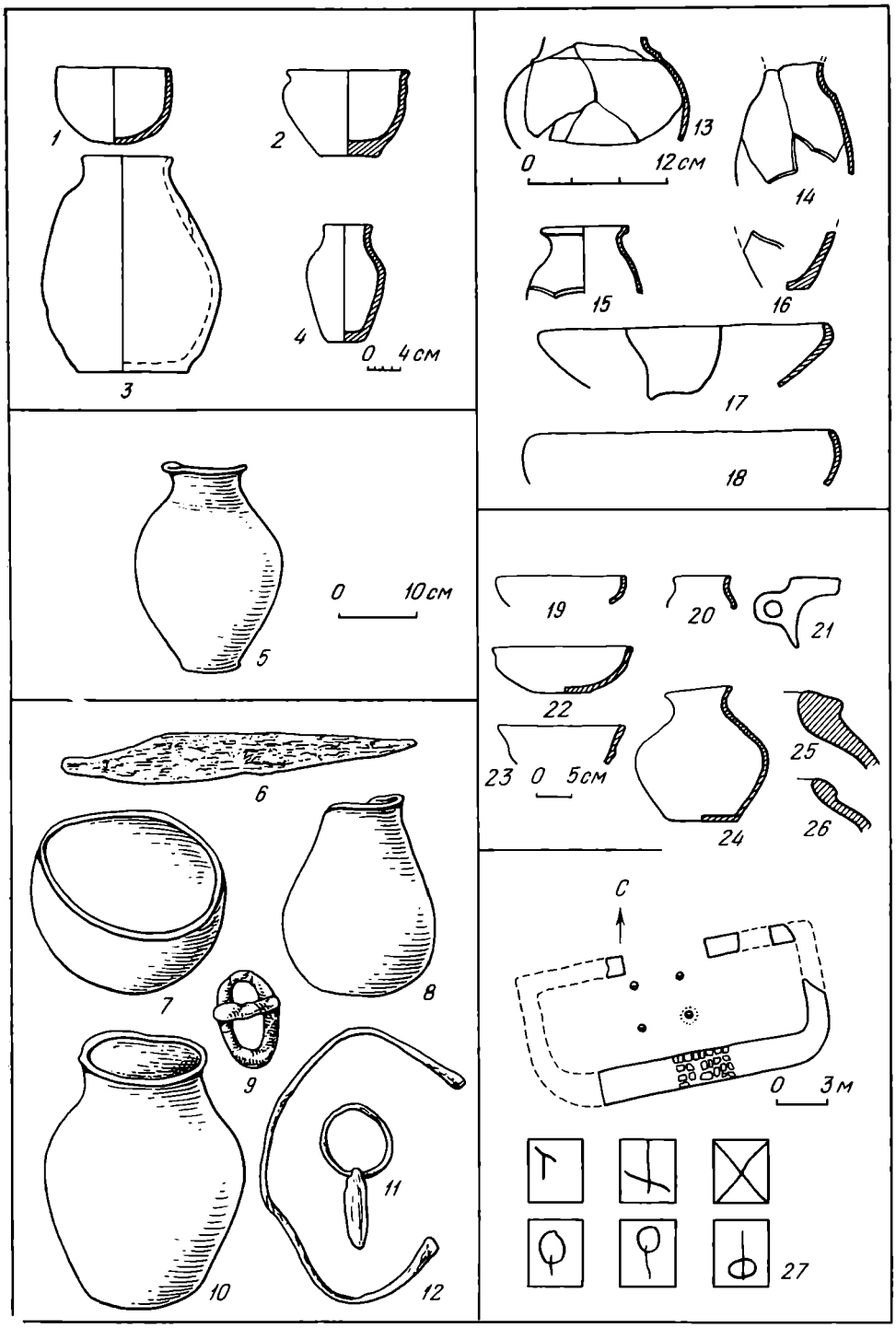


Рис. 2. Ранний этап кугайско-карабулакской культуры. *1—4* — находки на Большом Ферганском канале (по Т. Г. Оболдуевой); *5* — могильник Тал-мазар (по В. Д. Жукову); *6—12* — могильник Багджой (по М. Э. Воронцу); *13—18* — поселение 5[а], нижний слой (Керкидон); *19—27* — поселение Сым-Тепе; *1*, *3*, *7*, *8*, *10*, *21* — лепная посуда, остальная — круговая; *6*, *9* — железо; *11* — бронза и паста; *12* — бронза

лепленные на матерчатом шаблоне (рис. 2, 7). Во всех районах, кроме Узгенского, она не имеет покрытия либо покрыта красным ангобом. В Узгенском районе сохраняется расписная и крашеная посуда, близкая, вероятно, еще к керамике эйлатано-актамской традиции. В круговой посуде ведущими являются миски, горшки и кувшины, напоминающие еще круговую посуду предшествующего времени [6, с. 132, 133, 137]. Возможно, в это же время появляются сосуды с процарапанным орна-

ментом. Помимо поселений (рис. 2, *13—26*) керамика раннего этапа найдена в могильниках Багджой [16, с. 58—63] (рис. 2, *7, 8, 10*), Талмазар [13, с. 90] (рис. 2, *5*), в каменных ящиках северо-западного района [5, с. 16], в отдельных погребениях, вскрытых при строительстве каналов [17, с. 24] (рис. 2, *1—4*).

Прочий инвентарь в основном происходит из могильника Багджой, где найдены узкие железные наконечники стрел с треугольным основанием пера, размерами боевой части 2,5—3 см. Помимо такого типа наконечников вероятно бытование наконечников с опущенными концами перьев. Там же найдены овально- (рис. 2, *9*) и прямоугольно-рамчатые железные пряжки, а также ряд украшений: амфоровидная подвеска (рис. 2, *11*), серебряное колечко со вставкой, бронзовый браслет (рис. 2, *12*), сурьматаш, часть диска бронзового зеркала, вероятно, с боковой ручкой, железный нож (рис. 2, *6*). Все эти находки, пока малочисленные, могут свидетельствовать о бытовании их на раннем этапе, когда появляются новые формы различной утвари (ножей, пряслиц, сурьматашей) и украшений.

Несмотря на малочисленность материалов раннего этапа, устойчивость их сочетания, в первую очередь керамики разных памятников, убеждает в его существовании и позволяет надеяться на накопление нового материала.

Средний этап (рис. 1; 3—6). К нему относится большинство исследованных памятников (28 поселений, 32 могильника). Это период расцвета культуры. В дальнейшем и внутри него, вероятно, возможно будет выделить дополнительные этапы. Уже сейчас можно отметить, что часть памятников относится скорее всего к началу среднего этапа, например некоторые погребения могильников Гур-мирон, Усто-Мулла, Тура-таш, Кара-джар, Кара-Кульджа, вероятно, и Кара-булака; поселения Шурабашат, Кулунчакские I и II. К концу этапа относится часть погребений могильника Кара-Булак, могильники Урюкзор, Дамкуль, Мархаматский. Дальнейшее накопление материала, несомненно, позволит уточнить соотношение памятников среднего этапа. На этом этапе наблюдается увеличение количества поселений, располагающихся по веерам горных рек, использовавшихся сначала как естественные протоки, а затем превращенных в каналы. Бассейны одной или двух рядом расположенных рек образуют ирригационные районы, в которых и сосредоточены поселения разных типов: укрепленные и неукрепленные отдельно стоящие дома, многокомнатные дома, сельские поселения, часть из которых имела цитадели с хорошей оборонительной системой, постройки специально оборонительного характера — среди них крепости на скалах. Крупных городищ с оборонительными стенами и башнями немного, они слабо изучены, но часть из них определенно относится к среднему этапу. В строительстве используется сырцовый прямоугольный кирпич с размерами, близкими 1:1,5 (42—48×32—37×8—10 см), гуваля и пахса. По-прежнему на кирпичах имеются знаки. Постройки возводятся на стилобатах разной конструкции (использование старых построек, клетки, образованные сырцовыми стенами и забитые внутри гуваля и обломками кирпичей, кирпичные или пахсовые и пр.) или без них. Перекрытия не только плоские, но и сводчатые, перекрывающие коридоры и башни. Постройки в плане прямоугольные, округлые, крестовидные. В планировке по-прежнему сохраняется центральное помещение. Развивается фортификация. Стены построек укреплены часто расположенными прямоугольными башнями. В стенах и башнях — стреловидные бойницы с выходным отверстием до 1 м и входным 30—50 см. Стреловидная часть почти всегда заложена и имеет чисто декоративное назначение. Имелись стрелковые галереи.

Происходят изменения в погребальном обряде. Характерно многообразие типов погребальных сооружений [13]. В керамике преобладает круговая посуда — 70—90% всей керамики (рис. 3). Ангоб низкого качества с многообразными тусклыми оттенками покрывает сосуды сплошь (изредка с дном) на $^2/_3$ (рис. 3, *10*, *11*) или опоясывает полосами

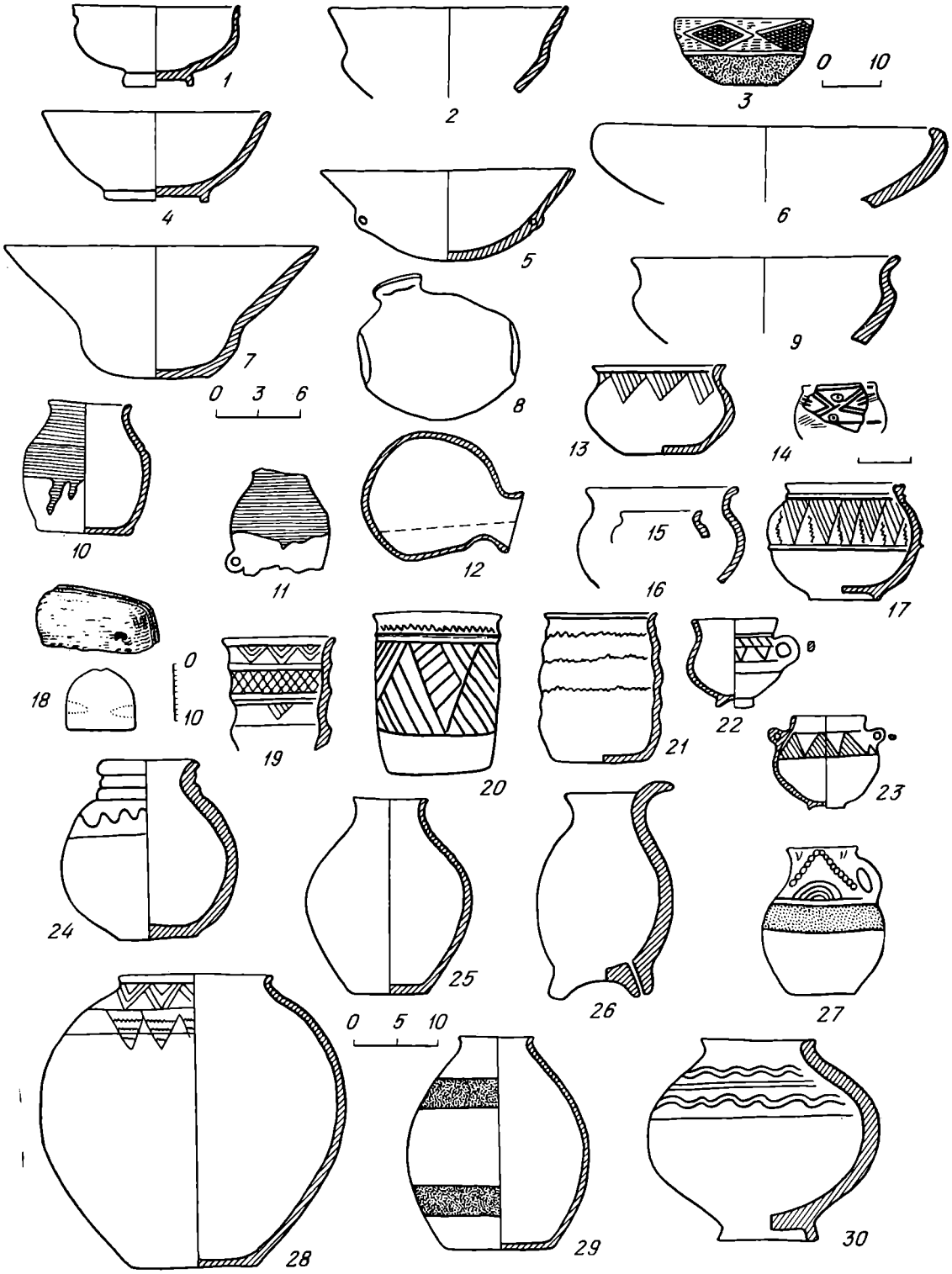


Рис. 3. Керамика среднего этапа кугайско-карабулакской культуры: *1* — могильник Чорку I; *2*, *9*, *15* — поселение 5[а] (Керкидон); *3*, *6*, *14*, *18*, *27* — городище Шурабашат; *4*, *17* — могильник Калантар-хона; *5* — поселение Майда-Тепе; *7*, *10*, *11*, *13*, *19*, *28*, *29* — поселение Куюк-Тепе I; *8*, *24*, *30* — могильник Кара-булак; *12* — могильник Чорку II; *16* — городище Мархамат; *20* — могильник Кош-Тепе; *21* — поселение Гайрат-Тепе II/2—3; *22* — могильник Исфара; *23* — могильник у Ворухского ущелья; *25* — могильник Тал-мазар; *26* — поселение Мунчак-Тепе I (*5* — по Г. А. Брыкиной; *8*, *24*, *30* — по Ю. Д. Баруздину; *20* — по В. Д. Жукову; *21* — по В. И. Козенковой)

(рис. 3, *29*). Типы круговой посуды многообразны: миски, горшки, кувшины, фляги, сосуды на крупных поддонах [6]. Самая характерная черта — украшение горшков (очень редко кувшинов) геометрическим процарапанным орнаментом (рис. 3, *13*, *17*, *19—23*). В среднем орнаментированная посуда составляет от 7 до 15%, но в ряде случаев до 26%. Изредка встречаются изображения лошадей, птиц, деревьев, солнца. Часть сосудов (в большинстве случаев кувшины) имеет прочерченный волнистый орнамент (рис. 3, *24, 30*). Лепная кухонная посуда представлена небольшим числом мисок, горшков, котлов, тарная — кувшинами, хумчами и хумами [6, с. 134, 135]. Расписная (рис. 3, *14*, *27*) и крашеная керамика по-прежнему сохраняется на востоке долины, но формы ее более многообразны, а орнамент богатый, криволинейно-растительный [18, с. 130—138]. В могильниках преобладают кувшины, хотя в некоторых из них, например на юге центральной части долины (Хангиз I), миски составляют 20%. Керамика могильников сходна с керамикой поселений, что отмечается на следующих памятниках: муг-хона Аштской группы и поселения Тудаи-Калон I [5, с. 16], могильник и поселение Кайноват [17, с. 11]. Керамика последних имеет аналогии на поселении Куюк-Тепе I (отчасти Куюк-Тепе II), находящемся поблизости, и в посуде из могильника Гур-мирон, расположенного в 40—50 км; поселений Керкидонской группы и могильников Зор-Тепе и Керкидон. Керамика из могильников Коштепинского [13, с. 90] и Хангиз I, расположенных в одном районе, аналогична и сходна с керамикой поселения Киткон-Тепе, расположенном там же. Посуда из могильников Кара-джар и Кара-Кульджа [13, с. 91] аналогична керамике с поселений Узгенского района. В основном к среднему этапу относится также керамика большой группы могильников юго-западного района Ферганы [8]. Правда, из находящихся поблизости поселений было частично исследовано только Ак-Тепе [19, с. 93—98], керамика которого, несмотря на ее малочисленность, аналогична посуде из могильников. Известны находки очажных подставок на поселении Шурабашат (рис. 3, *18*).

Деревянная посуда (блюда, миски, кружки), столики на ножках, плетеные корзинки разного назначения найдены в погребениях различного типа [10, с. 62—70; 14, с. 27, 28].

Вооружение. Сложносоставные луки были найдены полностью в могильнике Кара-Булак [20, с. 62] (рис. 4, *1*). Костяные накладки от таких луков происходят как из могильников, так и с поселений. В поселениях и могильниках среднего этапа найдено около 90 железных наконечников стрел. Из них трехперые составляют 63%, пулевидные и трехгранные — 30% и есть несколько экземпляров четырехгранных.

Трехперные наконечники стрел представлены следующими типами: с опущенными концами перьев — 12 экз. (рис. 4, *19*), с прямым — (15 экз.) и тупоугольным (13 экз.) основанием пера (рис. 4, *2*, *5*, *6*), с лавролистным очертанием головки (5 экз.) (рис. 4, *20*), с фигурным вырезом пера (3 экз.) или муфтой-упором (8 экз.) (рис. 4, *18*). Все они имеют длину боковой части 2,5—4 см. Таких же примерно размеров трехгранные и пулевидные наконечники (рис. 4, *7*, *16*), среди которых есть единичные экземпляры с упором-порожком (рис. 4, *4*) и четырехгранные (рис. 4, *3, 17*). Имеются и находки древков стрел.

Кинжалы железные двулезвийные с прямым перекрестьем без навершия [20, с. 64] (рис. 4, *8*). Большинство из них без перекрестья, с черенком для насадки рукояти, состоящей из двух фигурных костяных пластин, скрепленных железными штифтами (рис. 4, *12—15*). Длина их 15—30 см. Однолезвийные кинжалы (собственно, крупные ножи) тоже имеют черенок для насадки такой же рукояти (рис. 4, *11*; 5, *17*). Длина их 20—47 см при ширине 2—5 см. Кинжалы носили в деревянных ножнах. Известны двулезвийные мечи длиной до 90 см с покатыми плечиками и черенком для насадки рукояти (рис. 4, *10*). К оборонительному доспеху относятся железные почти прямоугольные пластинки (размеры сторон: длина 35 мм, ширина 15 и 16 мм) с мелкими отверстиями, найденные на поселении Куюк-Тепе.

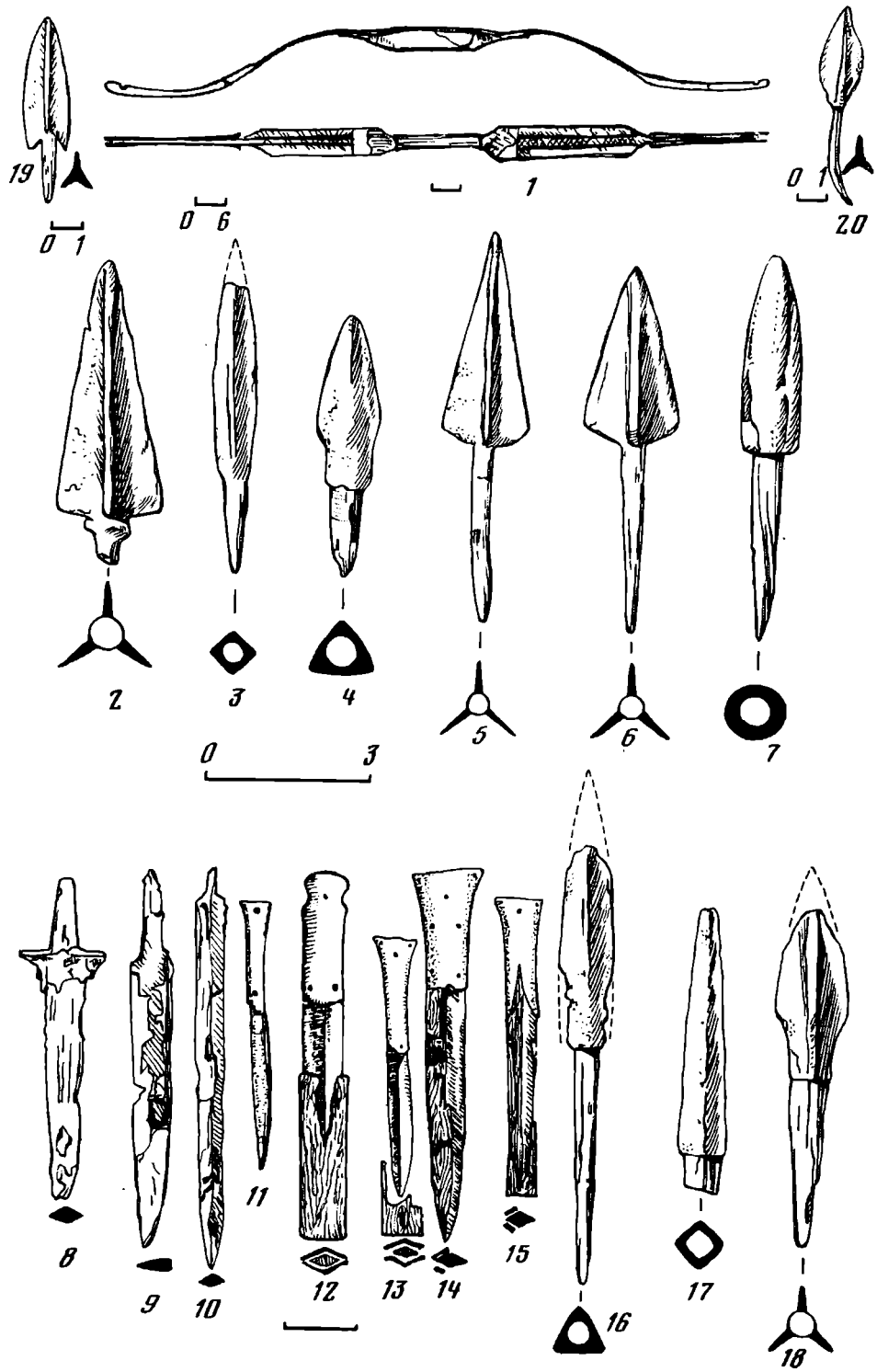


Рис. 4. Средний этап кугайско-карабулакской культуры. Вооружение. *1—18* — могильник Кара-Булак (по Ю. Д. Баруздину): *1* — реконструкция лука; *2—7* — кург. 112; *8—15* — номера курганов неизвестны; *16—18* — кург. 23; *19* — могильник Калантар-хона, кург. 11 (по Б. А. Литвинскому); *20* — поселение 5[а] (Керкидон). *1* — дерево, кость; *2—10, 16—20* — железо, *11—15* — железо, кость, дерево

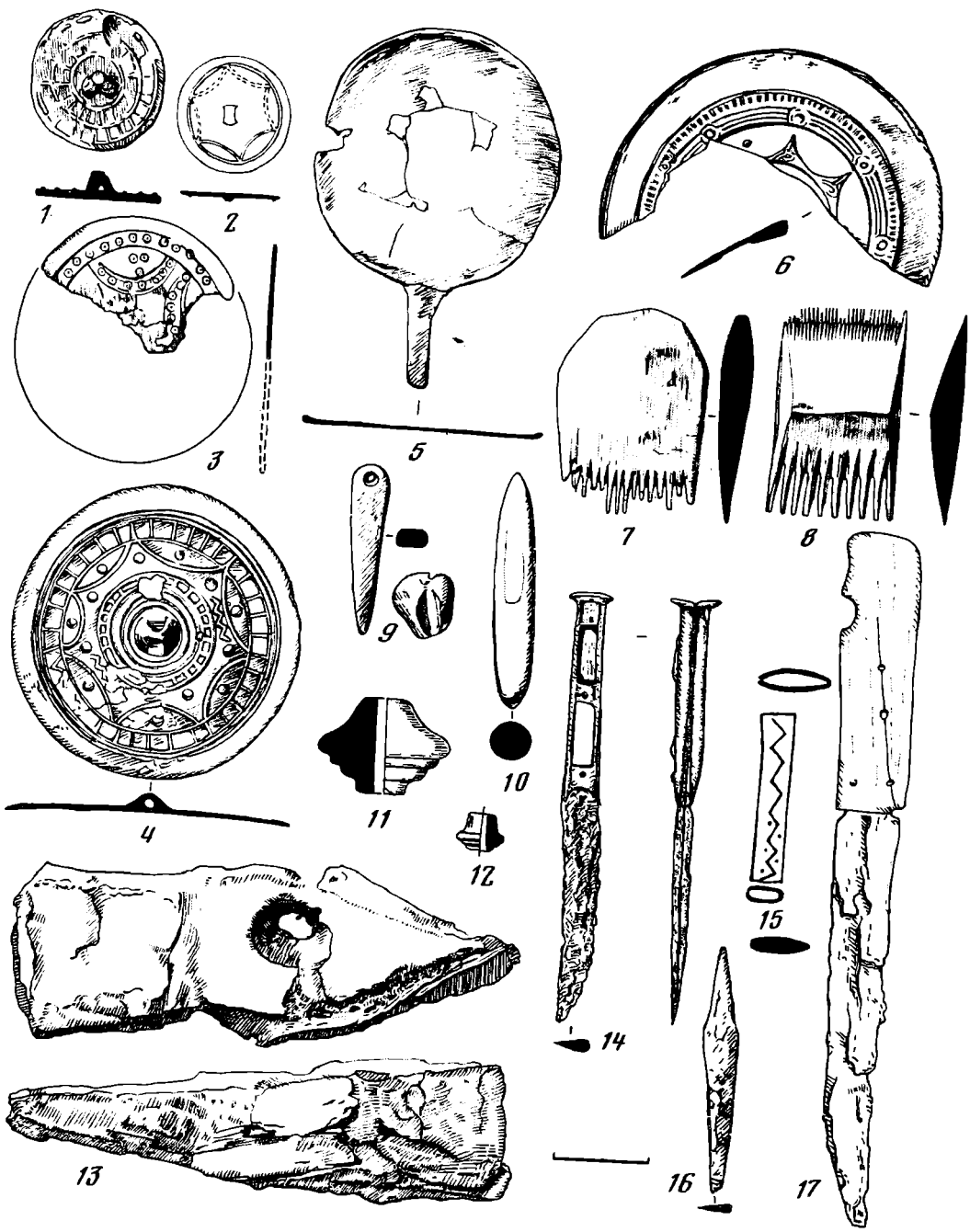


Рис. 5. Средний этап кугайско-карабулакской культуры. Орудия труда и бытовая утварь. *1*, *10*, *14* — могильник Урюкзор, курганы II/1, I/16, I/18; *2* — могильник Гурмирон, кург. 14 (по А. Н. Бернштаму); *3* — поселение Арк-Тепе; *4* — могильник Хангиз I, кург. 7; *5—9* — могильник Кара-булак (кург. 77, 116, 60, номера двух курганов неизвестны); *11* — поселение 5а (Керкидон); *12* — могильник Рапкан-мазар, кург. 1; *13*, *16*, *17* — поселение Куюк-Тепе I; *15* — могильник Калантар-хона, кург. 14 (по Б. А. Литвинскому); *1—6* — бронза; *7*, *8* — дерево; *9*, *10* — камень; *11*, *12* — глина; *13*, *16* — железо; *14* — латунь, железо, кость; *15* — кость; *17* — железо, кость

Орудия труда. Большое количество зернотерок встречается на поселениях и изредка в могильниках. Все они ладьевидной формы, достигают в длину до 50 см (жерновов еще нет). На поселениях встречаются и другие каменные орудия: терочники, лощила, орудия типа мотыги, оселки (последних очень мало, в том числе и в могильниках, в отличие от эйлатано-актамской культуры.) Из железных орудий труда известны

топоры-тесла (рис. 5, *13*) и многочисленные ножи [10, с. 10—20] разных размеров, большей частью со слегка закругленной спинкой и черенком — продолжением спинки. Известны костяные рукояти ножей в виде трубочек (рис. 5, *15*). Единичны находки ножей изогнутой формы. Только в женских могилах найдены ножи особой формы — с бронзовой составной рукояткой с инкрустацией [10, с. 32] (рис. 5, *14*). Многочисленны как на поселениях, так и в могильниках глиняные пряслица одинаковой, большей частью биконической формы, с круговыми желобками на одной из половин [10, с. 41, 42] (рис. 5, *11, 12*).

Предметы туалета. Бронзовые зеркала наиболее разнообразны на среднем этапе [10, табл. 15, *17*; табл. 20; табл. 16, *5—8*; табл. 19, *4*): с гладким диском или утолщенным ободком с боковой ручкой (рис. 5, *5*), с горизонтальной ручкой на обратной стороне [19, рис. XV, *1, 2*], с ручкой-петелькой в виде полусферического выступа или скобки на обратной стороне, иногда с орнаментом (рис. 5, *1, 2*), китайские зеркала и подражания им (рис. 5, *4, 6*). Реже встречаются дисковидные гладкие или орнаментированные (рис. 5, *3*). Почти все зеркала происходят из погребений. Повсеместно на поселениях и в могильниках найдены косметические приборы (сурьматаш и кусочек графита) (рис. 5, *9, 10*). В могильниках чаще встречаются сурьматаши с отверстием для подвешивания [10, с. 127—133]. Длина их 7—10, иногда до 15 см. Многочисленны косметические миниатюрные сосудики. Находят их чаще в могилах [8, табл. 31, 32], реже на поселениях. Из погребений происходят также находки двусторонних и односторонних гребней (рис. 5, *7, 8*), уховерток [10, с. 136—138].

Ткани и предметы одежды. Находки такого рода редки, но известны как в могильниках [10, с. 53—60], так и на поселениях (Куюк-Тепе). Большинство тканей хлопчатобумажные, но имеются шерстяные и шелковые, в том числе китайские [21]. В могильнике Кара-Булак были найдены кожаные сапоги без каблуков и кожаные пояса [10, с. 72]. Об употреблении последних свидетельствуют находки поясных, в основном железных, пряжек [9, с. 62—85]. Для среднего этапа типичны округло- и прямоугольно-рамчатые с язычком, утолщенным на конце, слегка выдающимся за рамку или прогнутым в середине (рис. 6, *1—4*). В конце периода появляются, видимо, В-образные пряжки и пряжки со щитками (рис. 6, *3*). Оригинальна пряжка из могильника Урюкзор с округлой рамкой, неподвижным шпеньком и листовидным щитком (рис. 6, *6*).

Женские украшения. Происходят в основном из могильников, на поселениях — единичные находки бусин, браслетов и пр. Значительная часть их опубликована Б. А. Литвинским [9]. В настоящей статье приводятся лишь характерные, с нашей точки зрения, для кугайско-карабулакской культуры. Это начельные повязки из узкой полоски ткани (чаще всего, видимо, шелковой) с бронзовыми бляшками разной формы (рис. 6, *11*) [9, рис. 6, *11*; табл. 1, *11, 12, 20, 31*], найденные в женских могилах (примерно у 5—8% погребенных). Характерны разнообразных типов серьги [9, с. 30—48]: бобовидные бронзовые из двух половинок с дужкой для подвешивания (рис. 6, *17*), бронзовые проволочные с расплющенными концами, к которым крепилась прямоугольная пластинка (рис. 6, *16*) или ступенчатая подвеска (рис. 6, *14*), серьги из бусины или деревянного шарика со штырьком и петелькой (рис. 6, *12*), бронзовая калачиковидная серьга с гнездами для вставок (рис. 6, *21*). Постоянно встречаются ожерелья, большинство которых состоит из стеклянных (реже каменных) бус, разнообразных по форме и технике исполнения [9, с. 93—157]. Но помимо них имеются более сложные нагрудные украшения с центральной подвеской в виде круппой бусины, бляшки или обломка зеркала, с несколькими каменными крупными подвесками (рис. 6, *25*), бубенчиками (рис. 6, *24*), монетами «у-шу». В состав ожерелий входили подвески из египетского фаянса в виде кукиша (рис. 6, *22*) или виноградной грозди, бронзовые в виде руки или ног [19, с. 22, рис. 5, подписи перепутаны]. Известны также находки бронзовых человеческих фигурок [19, с. 49, рис. 10].

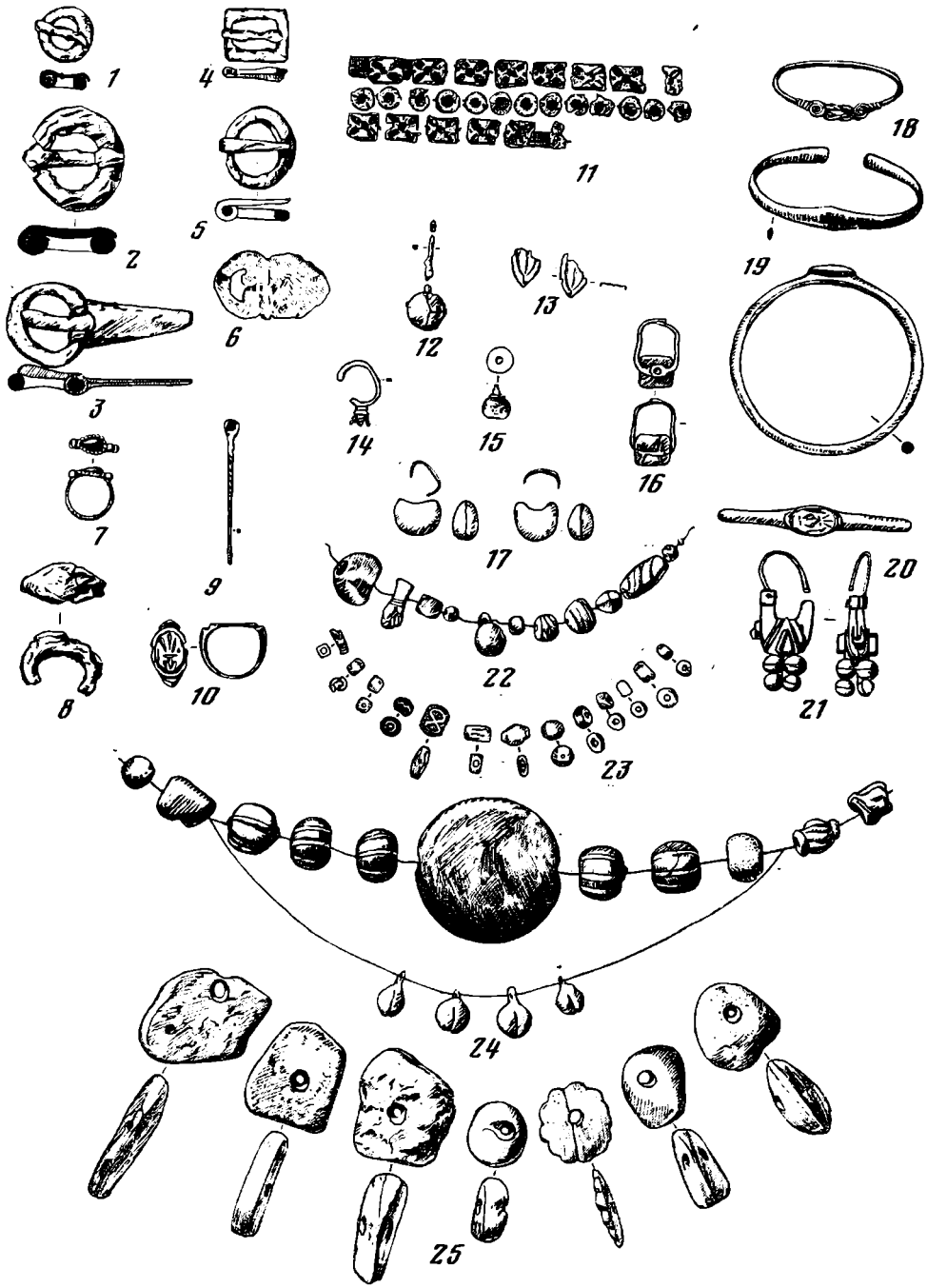


Рис. 6. Средний этап кугайско-карабулакской культуры. Предметы одежды и украшения: *1* — могильник Джангаил, кург. 6; *2* — могильник Хангиз I, кург. 29; *3* — могильник Сурх II, кург. 12 (по Б. А. Литвинскому); *4* — могильник Карамазарсай, кург. 32 (по Б. А. Литвинскому); *5* — могильник Рапкан-мазар, кург. 3; *6* — могильник Урюкзор, кург. I/1; *7* — могильник Кара-булак, кург. 81; *8* — могильник Хангиз I, кург. 6; *9*, *23* — могильник Хангиз I, кург. 2; *10*, *18* — могильник Урюкзор, кург. I/18; *11* — могильник Урюкзор, кург. II/3; *12*, *13*, *24* — могильник Урюкзор, кург. I/16; *14* — могильник Хангиз I, кург. 21; *15*, *16*, *22*, *25* — могильник Хангиз I, кург. 7; *17* — могильник Дамкуль, кург. 11; *19* — могильник Кара-булак, кург. 122 (?); *20* — могильник Джангаил, кург. 6; *21* — могильник Кара-булак; *1—6*, *8* — железо; *7* — серебро, стекло; *9—11*, *13*, *14*, *16—21* — бронза; *12* — дерево, железо; *14—15* — стекло, железо; *22* — камень, паста, стекло, бронза; *23* — стекло, сердолик; *24* — стекло, янтарь, бронза; *25* — камень, раковины

В отличие от эйлатано-актамской культуры, где были распространены железные браслеты, в кугайско-карабулакской металлические браслеты немногочисленны. Они почти все бронзовые с несомкнутыми концами (рис. 6, *19*), но есть оригинальные круглые браслеты с площадочкой, на которой выгравирован узор (рис. 6, *20*), или с застежкой в виде геракловa узла (рис. 6, *18*). Часты находки браслетов, состоящих из бусин (рис. 6, *23*). Не исключено, что это была обшивка обшлагов, но часть из них лежит на предплечьях, больше напоминая браслеты. Значительно более многочисленны металлические бронзовые и железные кольца и перстни [9, с. 14—30], печатки с разными гравированными узорами (рис. 6, *10*), известные помимо Ферганы только в Восточном Туркестане [22].

Некоторые украшения выполнены в полихромном стиле [9, с. 60] (рис. 6, *7*).

К предметам искусства относятся глиняные или алебастровые примитивные фигурки людей, найденные как на поселениях, так и в могильниках [23, с. 514].

Поздний этап (рис. 1, 7, 8). К нему относится меньшее число памятников, чем к среднему (6 поселений и 15 могильников), которые свидетельствуют о начавшихся изменениях в различных областях материальной культуры, в первую очередь керамике, вооружении, предметах туалета и украшениях. Сейчас к числу наиболее ранних памятников позднего этапа могут быть отнесены могильники Боркорбаз, Обишир, Хангиз II, к числу наиболее поздних — поселение Тудаи-Калон II, отдельные погребения в могильниках у кишлака Ворух, значительная часть погребений могильника Кокташ у Вуадиля.

Поселения расположены на тех же ирригационных системах, что и более ранние (рис. 1). К концу периода постепенно прекращают существование поселения на окраинах Центральной Ферганы, что скорее всего объясняется изменениями водного режима. В это же время, очевидно, прекращают функционировать прежние оборонительные сооружения. В тех случаях, когда они продолжают существовать, их облик меняется, башни не имеют внутренних помещений, нет и стреловидных бойниц. В одних случаях постройки возводятся менее фундаментально, чем раньше, а заброшенные и забутованные здания обживаются эпизодически, например Куюк-Тепе II [6, с. 126]. В других случаях строятся новые, даже двухъярусные здания [5, с. 13]. Строительные материалы употребляются те же.

Сохраняется то же, что и на предыдущем этапе, многообразие типов погребальных памятников. При этом можно отметить большее распространение подбоев в северной и южной стенках могильных камер. Новым является погребение в наземных сырцовых постройках. В керамике отмечаются некоторые изменения в обработке поверхности сосудов — худшего качества ангоб наложен небрежно, мазками с потеками, полосой по краю сосуда (рис. 7, *33, 34*). Отмечена роспись по середине тулова (заштрихованные полосы) (рис. 7, *41*), характерно мелкое рифление поверхности (рис. 7, *40*), сокращается количество сосудов, украшенных процарапанным орнаментом. На востоке Ферганы исчезает расписная посуда. Изменения в формах прежде всего отражается на резком сокращении количества горшков, уменьшении разнообразия мисок, появлении новых типов кувшинов (рис. 7, *35—37*), кружек (рис. 7, *39*, *41*), сосудов типа вазочек (рис. 7, *38*). Лепная посуда представлена в основном кувшинами, котлами, незначительным количеством горшков, хумчами и хумами [6]. Известна находка стеклянного сосуда (рис. 8, *17*). Найдены очажные подставки в виде глиняного столбика с расширенными концами и отверстием (рис. 7, *32*). Для позднего этапа прослеживается сходство керамики могильника и поселения Кайрагач [4], части погребений Кайноват и поселения Куюк-Тепе II. Керамика позднего этапа найдена в могильниках Боркорбаз, Обишир, Хангиз II, Кокташ у Вуадиля, части погребений могильника у кишлака Ворух и в наземных погребальных сооружениях на северо-западе долины [8].

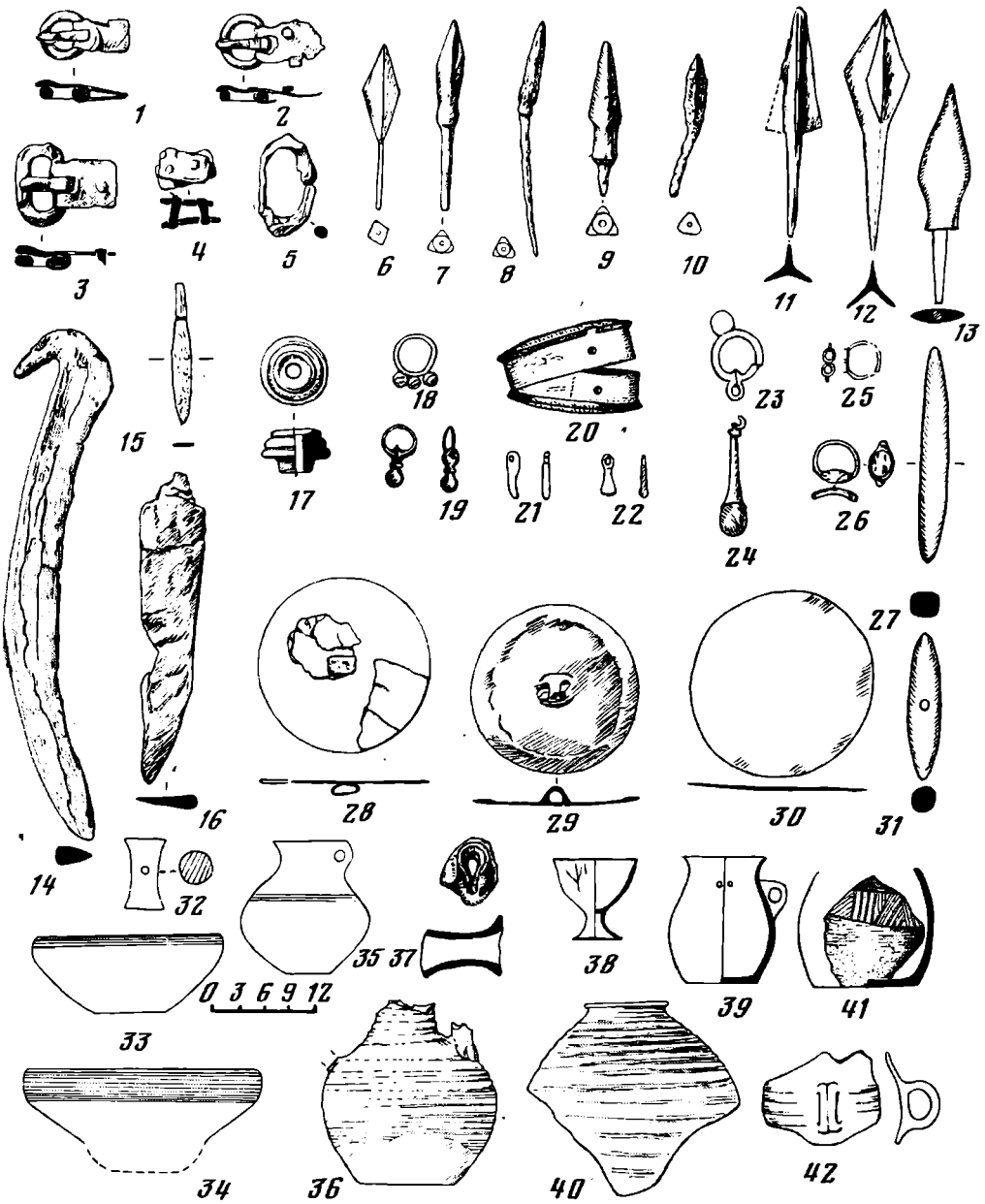


Рис. 7. Поздний этап кугайско-карабулакской культуры. *1—5*, *7*, *10*, *11*, *16*, *17*, *29* — могильник Хангиз II (погребения 6, 7, 11, 16); *6* — поселение Кайрагач, III период; *8*, *9*, *14*, *15*, *27*, *33—34*, *36*, *40*, *42* — поселение Куюк-Тепе II; *28* — поселение Куюк-Тепе II; *12* — поселение Кайрагач, верхний слой; *13* — могильник Кокташ у Вуадиля, погр. 25; *18* — могильник Боркорбаз, кург. 9; *19*, *25*, *35* — могильник у кишлака Ворух, кург. 18; *20* — могильник Кургак (Алай, в Фергане такие же); *21—24* — могильник Кокташ у Вуадиля, погр. 10; *26* — могильник Ашт, кург. 2; *30* — могильник Кокташ у Вуадиля, погр. 8; *31* — могильник Кокташ у Вуадиля, погр. 26; *32*, *37*, *41* — поселение Мунчак-Тепе; *38* — могильник Кокташ у Вуадиля, разрушенное погребение; *39* — могильник Ашт, кург. 31 (*6*, *12* — по Г. А. Брыкиной; *18* — по С. С. Сорокину; *19*, *25*, *26*, *35* — по Б. А. Литвинскому; *20* — по А. Н. Бернштаму); *1*, *3—16* — железо; *2*, *18—26*, *28—30* — бронза; *17*, *32—42* — глина; *27*, *31* — камень

Вооружение. Изменения очевидны в первую очередь в типах наконечников стрел. Всего учтено около 120 экз., из них 87 (73%) трехгранные (рис. 8, *6—8*), остальные четырехгранные (рис. 7, *6*) и пулевидные. Среди трехгранных ведущими являются наконечники с упором-порожком (64 экз.) и как бы вставленным в него черенком (рис. 7, *7—9*). Из 28 экз. трехперых — 17 крупных наконечников (рис. 7, *11*), в том числе и с лавролистным очертанием пера. Длина головки 5—6 см.

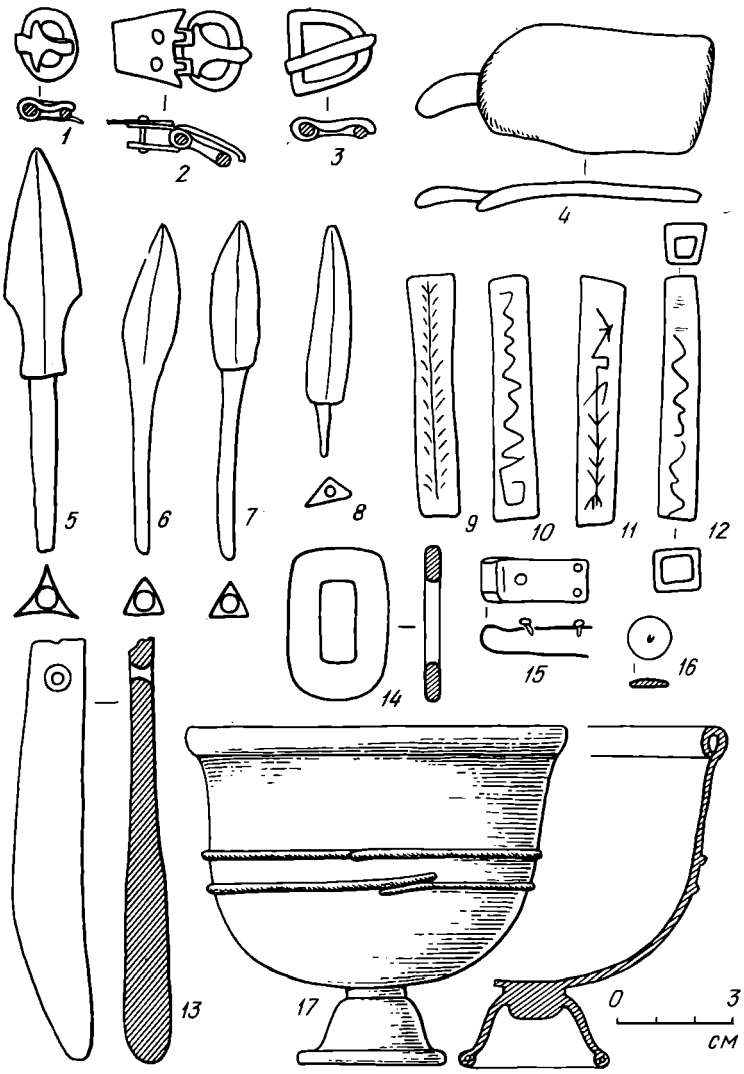


Рис. 8. Поздний этап кугайско-карабулакской культуры. Могильник Кокташ у Вуадиля, погр. 24: *1*, *2*, *3*, *16* — бронза; *4—8*, *14*, *15* — железо; *9—12* — кость; *13* — камень; *17* — стекло

Кроме того, 8 экз. наконечников с фигурным вырезом пера (рис. 8, *5*), 4 экз. с упором-муфтой, 3 экз. с тупоугольным и 4 экз. с прямым основанием перьев, 3 экз. ромбовидных (рис. 7, *12*) и 1 экз. плоский с упором-порожком (рис. 7, *13*), т. е. ведущими становятся трехгранные наконечники стрел с упором и сопровождающие их крупные трехперые с различным очертанием пера. Незначительное в целом количество мечей и кинжалов не позволяет утверждать, получили ли большое распространение однолезвийные. В орудиях труда заметных изменений нет, хотя чаще встречаются ножи с черенком, расположенным посредине покатых или прямых плечиков (рис. 7, *16*), а также с костяными рукоятями-трубочками (рис. 8, *9—12*). Известны находки железных серпов (рис. 7, *14*).

Изменяются типы зеркал. Для позднего этапа нам известно 24 зеркала, 13 из них небольшие дисковидные (рис. 7, *30*). Продолжают бытовать и зеркала с петелькой на обороте (рис. 7, *28*, *29*), в том числе с рельефным орнаментом. Новыми в предметах туалета являются бронзовые круглые коробочки (рис. 7, *20*). Среди пряжек шире распространяются со щитками, не только железные, но и бронзовые разных типов (рис. 7, *1—3*; 8, *2*). Из 30 учтенных пряжек со щитками около 20 найдено в погребениях позднего этапа (в том числе все бронзовые). Вместе с пряжками обычно встречаются железные обоймы прямоугольной или треугольной формы (рис. 7, *4*; 8, *15*).

Некоторые изменения происходят в женских украшениях. По-видимому, постепенно исчезают начельные повязки, сложные нагрудные украшения, бобовидные серьги и серьги в виде шариков со штырьком. Сохраняются ожерелья (изменения в типе бус пока проследить не удалось), серьги в виде простых колечек, изредка встречаются бронзовые перстни-печатки (рис. 7, *26*). Появляется новый тип серег — кольца с прикрепленными к ним шариками (рис. 7, *18*) и серьги с удлиненными подвесками (салтовского типа, наиболее поздние на этом этапе; рис. 7, *19, 23, 24*). Сохраняются различные подвески (рис. 7, *21, 22*), бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, в том числе и в виде стилизованных головок змей (могильник Обишир). К предметам искусства можно отнести пластинки от шкатулки из поселения Тудаи-Калон II [25] и серию алебастровых и глиняных человеческих фигур с поселения Кайрагач [23]. Впервые найдена монета чачского чекана [23, с. 509].

В целом поздний этап является переходным, в нем еще прослеживаются черты, сближающие его со средним, но уже явственно проступают новые. В частности, сильно ощущается влияние культуры Каунчи и Согда, особенно в западных районах долины. Не исключено, что с постепенным накоплением материала будут выделены более четко не только ранние и поздние группы памятников, но уже можно будет говорить о новой культуре.

Таким образом, относительная хронология памятников была установлена на основании четырех категорий находок. Для решения вопросов абсолютной хронологии следует именно их использовать в первую очередь. Так как наиболее определенные даты могут быть предложены по находкам в памятниках позднего этапа, на них и остановимся сначала.

При датировке керамики наиболее поздний ее комплекс был отнесен ко времени V—VI вв. [6, с. 143]. Существенным дополнением следует считать неучтенные тогда костяные пластинки с изображением фигурок летящих Ник, найденные вместе с керамикой позднего этапа на поселении Тудаи-Калон II [25]. Е. Д. Салтовская предложила датировать их I—IV вв. Однако Б. И. Маршак справедливо указал, что наиболее вероятная их дата — позднесасанидское время, о чем свидетельствует, в частности, тип ожерелья в руке одной фигур [26], и, таким образом, этот слой может быть датирован VI—VII вв. При рассмотрении хронологии керамических комплексов были учтены и даты железных наконечников стрел [6, с. 141]. Следует добавить, что ведущий тип наконечников — трехгранный с порожком — за пределами Ферганы известен в Ангренских склепах, имеющих дату не ранее IV в. [27, с. 167]. Более дальней аналогией является Бирский могильник в Прикамье [28, с. 7, табл. 27, *6*, *7*). Даты его спорны, но погребение, в котором найдены такие наконечники, по пряжке, найденной вместе с ними, может датироваться V—VII вв. Следовательно, указанный тип наконечников стрел распространен с IV—V вв. и позднее.

Хронология поясного набора I тысячелетия н. э. (IV—IX вв. рассмотрена в работах А. К. Амброза [29], В. Ф. Геннинга [30] и В. Б. Ковалевской [31]. Как известно, в VI—IX вв. на широкой территории степей Евразии были распространены наборные пояса специфических типов. В рассматриваемых материалах их еще нет. Можно полагать, что до возникновения наборных поясов на территории степей и примыкающих к ним районов был распространен поясной набор иного типа, состоявший из пряжек со щитками и обойм, но не имевший еще многочисленных накладок и наременных наконечников, характерных для наборных поясов. Время появления такого набора связано, видимо, прежде всего со временем появления на широкой территории щитково-рамчатых пряжек. Отдельные их находки известны в памятниках I—III вв. н. э. [33, табл. XXXV, *2*, *4*; табл. XL, *1—3*; табл. 13, *5*). Время их появления как в Прикамье, так и в Сибири — II—III вв. Но только с III в. и позднее они становятся господствующим типом пряжек. Некоторые ферганские пряжки, найденные в памятниках позднего этапа, четко датируются IV—V вв. (рис. 7, *1, 2*; 8, *2*). Для датировки представляет

также несомненный интерес погр. 24 могильника Кокташ у Вуадиля (рис. 8), где найдены вместе бронзовая щитково-рамчатая пряжка, трехгранные наконечники стрел, крупный трехгранный наконечник с вырезом пера и стеклянный сосуд, скорее всего привозной[5]. Подобные сосуды датируются в Египте, на Ближнем Востоке и в Европе IV в. и позднее [35, с. 139; 36, с. 152].

Дисковидные зеркала в сарматской культуре обычно относятся к сусловскому времени (не позднее II в. н. э.). Однако в Средней Азии, в том числе и в Фергане, они бытуют дольше (возможно, они позже и входят в обиход) — из 16 учтенных дисковидных зеркал 13 найдены в погребениях позднего этапа. Б. А. Литвинский отнес их к числу наиболее поздних [9, с. 76]. Так, например, помимо могильника Кокташ у Вуадиля такие зеркала найдены в погр. 18 (VII—VIII вв.) могильника у кишлака Ворух [8, табл. 6, *13*; 35, *2*; 9, табл. 1, *9*; 6, *7*, *11*; 10, табл. 15, *11*, *12*, рис. 7, *19*, *25*, *35*]. Такие же зеркала этого же времени найдены в Пенджикенте [32, с. 112, 113], что тоже подтверждает их относительно более позднее появление. Бронзовая туалетная коробочка найдена в погребении на Тянь-Шане [2, с. 86, 87] вместе с бронзовой и железной пряжками, относящимися скорее всего к IV—V вв.[6] Наземные сырцовые постройки могильника Хангиз II подобны таковым в джетыасарской культуре III—V вв. [27, с. 57] и на Чаткале. Последние А. К. Кибиров относил к X—XII вв. [37, с. 45, 46], а Л. М. Левина — к более раннему времени — VII—VIII вв. [27, с. 191], так как среди находок имеются бронзовые накладки наборного пояса. Таким образом, в целом памятники позднего этапа относятся ко времени не ранее IV в., вплоть до VI в., но часть из них определенно датируется и VII в.

Среди многочисленных находок среднего этапа следует в первую очередь выделить те, что найдены в комплексах с посудой, украшенной процарапанным орнаментом, являющейся наиболее типичной.

Набор железных трехперых наконечников стрел, найденный вместе с указанной керамикой, более всего характерен для первых веков нашей эры (трехперые с опущенными концами, с прямым и тупоугольным основанием перьев, с фигурным их вырезом). Из них наиболее ранние с опущенными концами перьев известны в Средней Азии со II в. до н. э., но бытуют и позднее, вплоть до III в. н. э. Их малочисленность в Фергане позволяет относить их к числу поздних вариантов, скорее всего I—III вв., что косвенно подтверждается совместной находкой такого наконечника с трехперым наконечником с фигурным вырезом пера в могильнике Калантар-хона. Последние же типологически близки трехгранным с муфтой-упором (позднего этапа) и, видимо, могут относиться уже к III—IV вв. Появление типов трехгранных наконечников (в Фергане их наиболее высокий процент) Б. А. Литвинский относил к III в. н. э. [38, с. 86]. Опорных дат у нас нет, но показательно, что трехгранные наконечники преобладают на позднем этапе не только в Фергане, но также в Пенджикенте (VII—VIII вв.) и в Афганистане на поселении Чакалак-Тепе в слоях VI—VII вв. [32, с. 68; 39 рис. 46], т. е. они скорее всего возникают позднее трехперых. С другой стороны, их довольно много (10% от общего количества) найдено на Каменном городище, где находки разновременные, но есть и ранние, до рубежа нашей эры. К какому времени следует отнести именно трехгранные наконечники стрел, пока неясно, но предположительно весь комплекс стрел относят к I в. до н. э.— III в. н. э. [40, с. 209]. Судя по всему, появление трехгранных наконечников надо относить ко II—III вв.

Щитково-рамчатые железные пряжки могут быть датированы временем не ранее III—IV вв., и погребения, в которых они найдены, отно-

[5] По определению Ю. Л. Щаповой, стекло сосуда по составу напоминает стекло европейских сосудов первых веков нашей эры.

[6] По сообщению заведующего отделом Ферганского областного краеведческого музея Г. П. Иванова, такие коробочки были им найдены вместе с монетой начала VIII в. в погр. 1 Кувасайского могильника (Фергана).

сятся к числу поздних погребений среднего этапа. Среди бесщитковых — железные округлые пряжки со слегка утолщенным на конце язычком, немного выдающимся за пределы рамки, иногда прогнутым. По всем этим признакам они относятся к III—IV вв. [29, с. 100—102]. Зеркала с боковой ручкой датируются в широком диапазоне от II в. до н. э.— до III в. н. э. Но они более характерны для районов, прилегающих к течению Амударьи. В Фергане их найдено всего 6 экз., и такой широкий хронологический диапазон их вряд ли возможен. Скорее всего они относятся здесь к поздним вариантам в пределах I—III вв. Время выпуска китайских восьмиарочных зеркал — I в. до н. э.— I в. н. э. [10, с. 101—104], когда они скорее всего и попадали в Фергану по «Великому шелковому пути». В памятниках позднего этапа они отсутствуют. В Фергане имеются подражания китайским зеркалам, тоже найденные вместе с орнаментированной посудой. Эти подражания скорее всего могли возникнуть в III в., когда связи Китая с «западным краем», как и с Сибирью [41, с. 13], прерываются. Основное время бытования тех и других зеркал приходится, таким образом, на I—III вв. н. э.

Ножи с бронзовой рукояткой датируются II—IV вв. н. э. [10, с. 23][7]. Для вопросов датировки существенна находка такого ножа вместе с зеркалом (подражание китайским) в кург. 44 могильника Сурх II [10, табл. 4, *1*; 16, *5*]. Перстни-печатки известны в Восточном Туркестане в подъемном материале, но стоянки, где они найдены, могут ориентировочно датироваться III—IV вв. [43, с. 76; 44, с. 242]. Тот факт, что в Фергане такие перстни доживают до VII—VIII вв. [5], позволяет отнести их также к предметам, появляющимся скорее всего в середине или конце среднего этапа — II—III вв.

Монеты «у-шу» большей частью, видимо, относятся к ранним выпускам (начиная со 118 г. до н. э.), т. е. они, как и зеркала, появляются здесь с возникновением «Шелкового пути». Находки монет более раннего и более позднего выпусков с одними и теми же типами вещей (Хангиз I — монета 118 г. до н. э. и I в. н. э.) позволяют относить их распространение скорее всего ко времени не ранее I в. н. э. Как и для китайских зеркал, наиболее вероятный диапазон их бытования — I—III вв.

В одном случае (Хангиз I) вместе с орнаментированной керамикой найден сосуд с отверстием в дне, аналогичный сосуду из слоя Беграм II (II—III вв.) [46, табл. XLI, B. g. 465]. Из числа прочих находок, найденных в погребениях среднего этапа без орнаментированной посуды, для вопросов датировки важно зеркало с ручкой в виде женской фигуры II—III в. [47; 7, с. 96], бляшка начельной повязки III—IV вв. [48], сложносоставная серьга (рис. 6, *21*), датировка которой наиболее вероятна в пределах III—IV вв. [49, с. 49; 50, с. 68], бусы, выполненные в технике микромозаики (рис. 6, *1*, *15*,) имевшие наибольшее распространение в I в. н. э. [51].

Все рассмотренные находки определяют хронологические границы среднего этапа в пределах I—IV вв. Внутри этого периода есть более ранние (I—II вв.) и более поздние (III—IV вв.) памятники.

Даты раннего этапа наиболее условны. Среди находок — небольшие железные наконечники стрел, позволяющие говорить о II—I вв. до н. э., так же как и амфоровидная подвеска. С другой стороны, овально- и прямоугольная пряжки скорее относятся ко времени не ранее I в. н. э. Пока следует, видимо, относить ранний этап к концу эйлатано-актамской культуры (не позднее II в. до н. э.) и до начала среднего этапа, т. е. II в. до н. э.— I в. н. э. Таким образом, анализ находок позволяет предложить для трех этапов кугайско-карабулакской культуры следующие даты: ранний этап — II в. до н. э.— I в. н. э.; средний — I—IV вв. н. э.; поздний — IV—VII вв. н. э. Разумеется, предложенная характеристика кугайско-карабулакской культуры и ее этапов не является оконча-

[7] К аналогиям, учтенным Б. А. Литвинским, следует добавить еще нож из Крыма II—III вв. [42, с. 130, рис. IV, *1—4*].

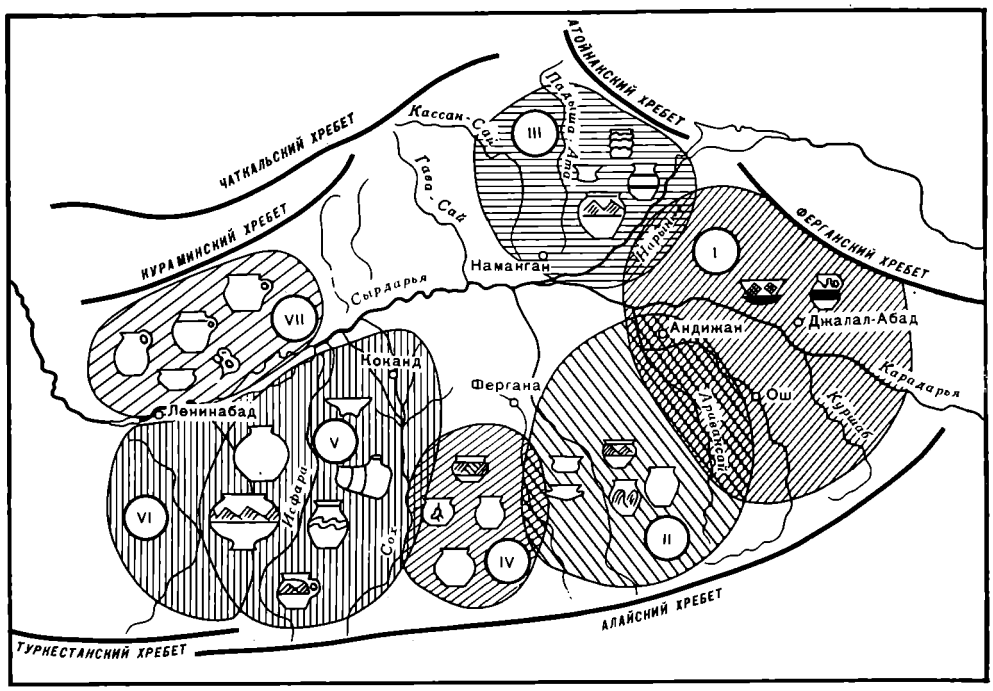
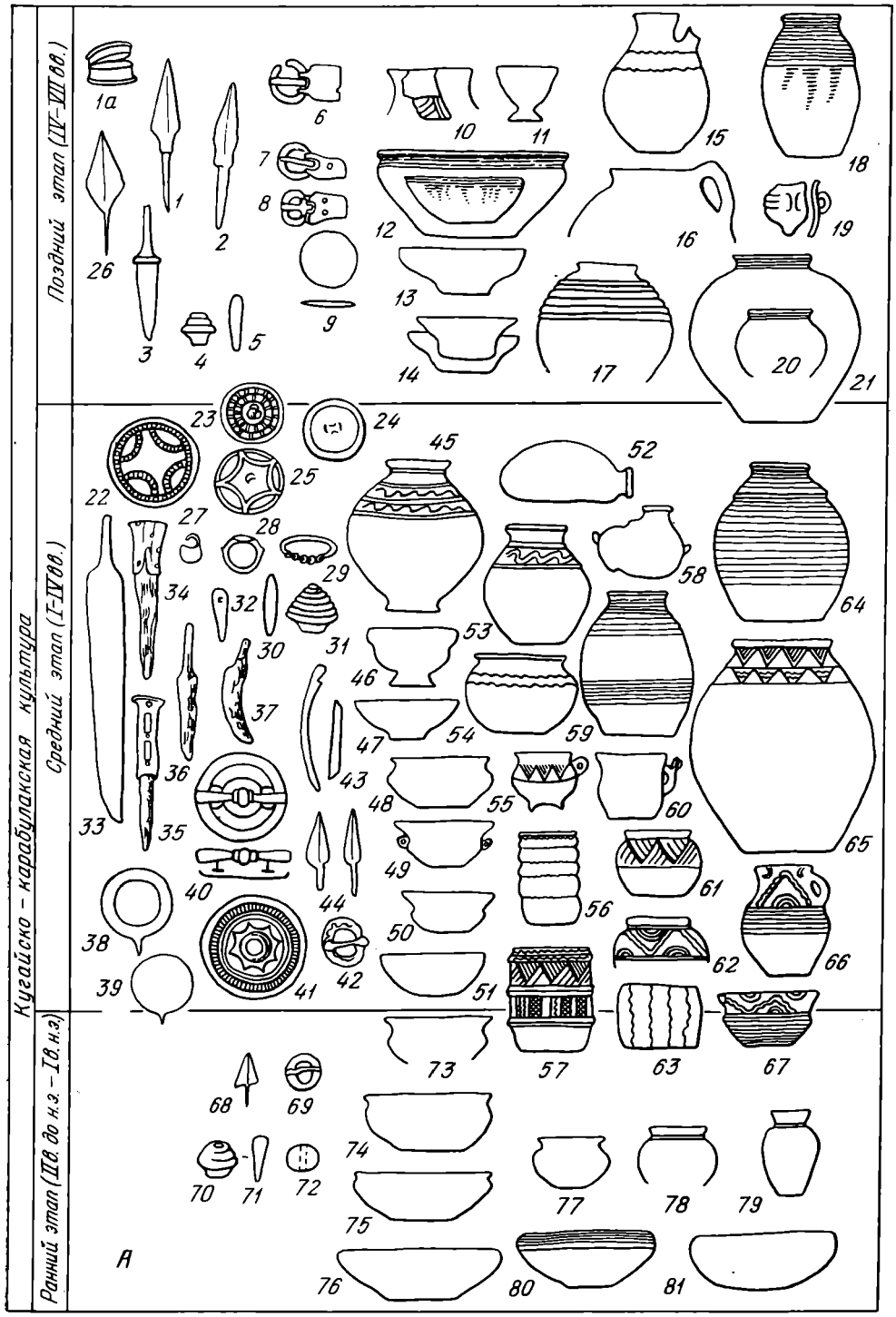


Рис. 9. Предполагаемые гончарные центры Ферганы

тельной, и накопление материалов, вероятно, позволит внести и дополнения, а может быть, и существенные коррективы.

При определенной общности, как уже отмечалось, в кугайско-карабулакской культуре имеются особенности в разных районах долины. Причины их различны, проявляются они наиболее полно на среднем этапе, хотя, несомненно, отражают устойчивую традицию, заметную и на раннем, и на позднем этапах. Особенности эти проявляются по-разному. Картографирование поселений показало большое их сосредоточение на востоке долины и расположение по ирригационным центрам [12, 14]. Анализ типов погребальных сооружений и их распространение по долине позволили выделить локальные группы, в пределах которых имеются более дробные деления, обусловленные территориальной близостью и тоже связанные с ирригационными районами [13, 14]. С ними же связаны и различные гончарные центры, охватывающие один или несколько таких районов [6, 14]. Отличаются они преобладанием каких-либо типов сосудов или вариантами одной и той же формы. Можно наметить следующие гончарные центры (рис. 9) I — верховья рек Карадарья, Яссы, Тар и Кара-кульджа, где длительное время преобладает расписная керамика шурабашатского типа, откуда она попадает в соседние районы. II — Араванский и Исфайрам-Маргеланский, особенно характерны здесь многообразные миски с перегибом по центру корпуса, в том числе с ручками разных типов. Больше здесь и разнообразных форм горшков. Лепная керамика, тарная и особенно кухонная, локализуется еще более дробно [6, с. 134, 135]. III — междуречье Карадарьи — Нарына. Для этого центра характерна особенная разновидность мисок с перегибом в нижней части корпуса, большое количество баночных сосудов с «гофрированными» стенками, украшенных процарапанным орнаментом, орнаментированные крупные кувшины, многочисленные кувшины с кольцевыми полосами ангоба, крышки с ручками-столбиками. Среди лепной посуды выделяются особой формы хумчи [6, с. 136]. IV — Алтыарыкский центр отличается особой формой мисок, имеющих почти прямую верхнюю часть и плавно изогнутую нижнюю. Преобладают орнаментированные горшки с отогнутым краем и округлыми плечиками. Орнамент не только геометрический, есть изображения растений и птиц. Кувшины близки кувшинам Исфайрам-Маргеланского района, но чаще встречаются с более округлым туловом и широким дном. V — Сохско-Исфаринский центр. Боль-



шая часть керамики происходит из могильников, поэтому здесь больше всего кувшинов. Много кувшинов с шарообразным или расширенным в нижней части туловом, венчики их разнообразны. Особенно характерны венчики в виде утолщенного ободка, иногда имеющего снаружи кольцевые углубления[8]. Сосуды часто украшены прочерченным по сырой глине орнаментом в виде волнистой линии. Типичны биконические кружки на поддонах, украшенные процарапанным орнаментом, шарообразные сосуды на конической полой ножке. Миски в основном конической формы на кольцевом поддоне, бочонковидные фляги. Чаще, чем в других районах, встречается сероглиняная керамика и черный ангоб. При общем

[8] Интересно, что по наблюдениям этнографов, форма венчиков является одним из признаков, определяющих место изготовления сосуда [52].

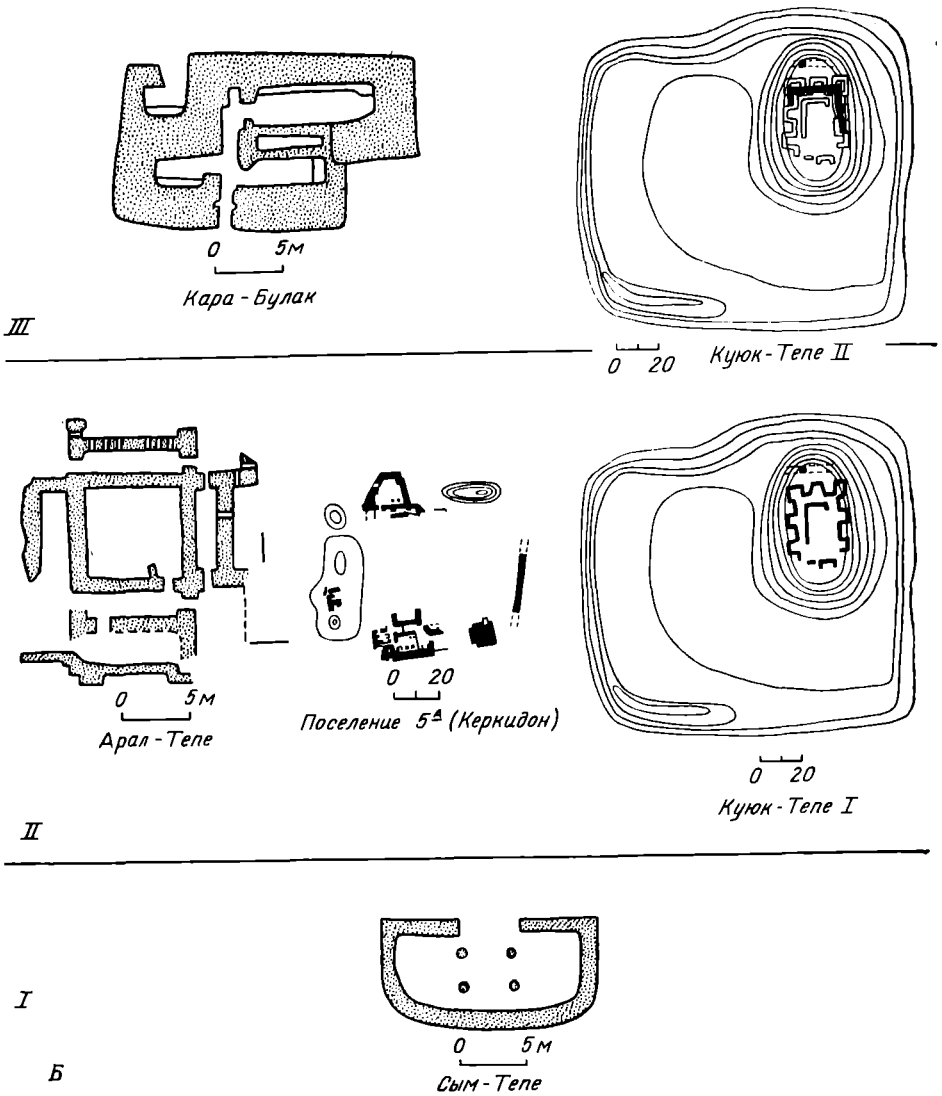


Рис. 10. Периодизация кугайско-карабулакской культуры:
А. 1, 2, 6, 7 — могильник Хангиз II; *1а, 3—5, 8, 9, 11* — могильник Кокташ у Вуадиля (*1а* — реконструкция); *10* — поселение Мунчак-Тепе II; *12—21* — поселение Куюк-Тепе II; *22, 38—41* — могильник Тура-таш; *23, 27—30, 35* — могильник Урюкзор; *24* — могильник Чорку II; *25* — могильник Гур-мирон; *26* — поселение Кайрагач; *31, 50, 51* — поселение 5а; *32—34, 45—47, 53—55, 58* — могильник Кара-булак; *36, 43, 61* — могильник Хангиз I; *37* — могильник у Ворухского ущелья; *42* — могильник Рапкан-мазар; *44, 59, 64, 65* — поселение Куюк-Тепе I; *48, 57* — поселение Мунчак-Тепе I; *43, 56, 60* — поселение Гайрат-Тепе II/2—3; *52* — могильник у кишлака Ворух; *62, 63, 66, 67, 71, 72* — городище Шурабашат; *68, 69* — могильник Багджой; *70, 73, 74, 76—78* — поселение 5а, нижний слой; *75* — поселение Сым-Тепе II; *79* — могильник Талмазар; *80, 81* — поселение Тудаи-Хурд (*22, 32—34, 38—41, 45—47, 53—55, 58* — по Ю. Д. Баруздину; *24, 37, 52* — по Б. А. Литвинскому; *26* — по Г. А. Брыкиной; *49, 56, 60* — по В. И. Козенковой; *62, 63, 66, 67, 71, 72* — по Ю. А. Заднепровскому; *68, 69* — по М. Э. Воронцу; *79* — по В. Д. Жукову; *80, 81* — по Е. Д. Салтовской); *1—3, 6, 26, 33, 36, 37, 42, 44, 68, 69* — железо; *1а, 7—9, 22—25, 27—29, 38—41* — бронза; *5, 30, 32, 71* — камень; *4, 10—21, 31, 45—67, 70, 72—81* — глина; *6, 63, 66, 67, 80, 81* — лепная посуда, остальная круговая; *34* — железо и кость; *35* — железо, бронза, кость; *43* — кость
Б. I — ранний этап (II в. до н. э.— I в. н. э.); II — средний этап (I—IV вв.); III — поздний этап (IV—VII вв.)

сходстве имеются и некоторые различия между керамикой Баткенской и Исфаринской группы могильников. VI — Ходжа-Бакырганский центр. Близок к Исфаринскому (форма кувшинов и венчиков в виде ободка), но, особенно на позднем этапе, здесь ощущается сильное влияние каунчинской культуры. Это «пограничный» район Ферганы — Усрушаны — Чача. VII — северо-западный центр (Аштский?). Здесь преобладают миски с плавно отогнутым краем и округлыми плечиками, напоминающие горшки; характерно наличие значительного количества различного

типа кружек, в том числе с зооморфными ручками, а также (особенно на позднем этапе) одноручных кувшинов [5, 8]. Как и в Ходжа-Бакырганском центре, сильно влияние каунчинской культуры.

Некоторые различия по районам можно проследить и в женских украшениях. Например, начельные повязки отмечены пока только в Южной Фергане (от Исфайрам-Маргеланского до Сохско-Исфаринского районов), бобовидные серьги распространены шире: на юге долины — в Исфайрам-Маргеланском, Алтыарыкском и Ходжа-Бакырганском (в Исфаринском известна только одна серьга, несмотря на большое количество раскопанных курганов), на севере — в Касансайском. Сложные нагрудные украшения с бубенчиками или монетами: на юге — в Исфайрам-Маргеланском, Алтыарыкском, на севере — в Касансайском, а только с монетами — в Аштском. Перстни-печатки: на юге — в Исфайрам-Маргеланском, Алтыарыкском, Ходжа-Бакырганском (в Исфаринском — один перстень), на севере — в Касансайском и Аштском. Браслеты из бус известны во всех районах, кроме Аштского. Как видно из этого перечня, нельзя выделить четко повторяющиеся комплексы украшений по районам[9], хотя очевидна наибольшая близость Исфайрам-Маргеланского и Алтыарыкского, к которым близок и Касансайский, где отсутствуют только начельные повязки, затем Ходжа-Бакырганский, где не известны еще и сложные нагрудные украшения, затем Аштский, где есть последние (только с монетами), но нет начельных повязок и браслетов из бус. Складывается впечатление, что наиболее обособлен Сохско-Исфаринский район по форме серег, богатству и разнообразию ожерелий, наличию изделий полихромного стиля (последнее относится к Баткенской группе).

Приведенные примеры локальных особенностей в керамике и украшениях показывают, что они распределяются по-разному и обусловлены, видимо, различными причинами. Эти особенности переплетаются таким образом, что выделить какие-то районы со своей культурой не кажется возможным. Можно привести два примера. 1. Погребальные сооружения «аштской» культуры сосредоточены на северо-западе долины от р. Гавасай до юго-западной оконечности Кураминского хребта. На юго-западе долины они известны в Сохско-Исфаринском районе. Керамика в них соответствует трем гончарным центрам: Гавасайскому (?) (восточная группа, по Б. А. Литвинскому), Аштскому (западная группа, по Б. А. Литвинскому) [7, с. 212] и Сохско-Исфаринскому. Иное распределение по украшениям: в Аштской группе есть нагрудные украшения с монетами и перстни-печатки, что характерно и для других районов с иными типами погребальных сооружений, но нет начельных повязок и браслетов из бус, известных в то же время в таких же наземных погребальных постройках Сохско-Исфаринского района. 2. В числе исследованных есть могильники с погребениями в мелких грунтовых ямах. Последние встречаются и в могильниках с разными типами погребений [4]. Обычно погребенных сопровождает здесь бедный инвентарь, состоящий из керамики и некоторых предметов бытовой утвари. Возможно, они принадлежат земледельческому населению (некрополи земледельцев как будто вообще более бедные). Однако вряд ли можно полагать, что женщины земледельцев не носили украшений, а мужчины не пользовались оружием, тем более, что последнее известно и по поселениям. Такие же находки, как в грунтовых могилах (керамика, прясла, сурьматаши, ножи), известны в погребениях других типов и на поселениях, т. е. выделить какую-то особую культуру по этим данным не представляется возможным.

В настоящее время кажется все же более реальным говорить о наличии общей кугайско-карабулакской культуры ферганского населения (рис. 10). Локальные различия обусловлены скорее всего, с одной стороны, расселением земледельцев и скотоводов Ферганы, тесно связанных между собой экономически, по ирригационным, возможно, замкнутым районам, с другой — постоянным культурным взаимовлиянием населения с различным хозяйственным укладом.

[9] Сложность обусловлена и отсутствием полноценных публикаций, что особенно сказывается при анализе нагрудных украшений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Латынин Б. А.* Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 года.— АСб. ГЭ, 1961, вып. 3.
2. *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— МИА, 1952, № 26.
3. *Заднепровский Ю. А.* Древняя Фергана: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИМК АН СССР, 1954.
4. *Горбунова Н. Г.* Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом.— АСб. ГЭ, 1971, вып. 13.
5. *Салтовская Е. Д.* Северо-Западная Фергана в древности и раннем средневековье: Автореф. канд. дис. Душанбе: Ин-т истории АН ТаджССР, 1971.
6. *Горбунова Н. Г.* Керамика поселений Ферганы первых веков нашей эры.— ТГЭ, 1979, т. XX.
7. *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972.
8. *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
9. *Литвинский Б. А.* Украшения из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1973.
10. *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Наука, 1978.
11. *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана. М.: Наука, 1982.
12. *Горбунова Н. Г.* Поселения Ферганы первых веков нашей эры (Некоторые итоги исследования).— СА, 1977, № 3.
13. *Горбунова Н. Г.* О типах ферганских погребальных памятников первой половины I тысячелетия н. э.— АСб. ГЭ, 1981, вып. 22.
14. *Горбунова Н. Г.* Итоги исследования археологических памятников Ферганской области (к истории культуры Ферганы).— СА, 1979, № 3.
15. *Воронина В. Л.* К истокам строительной техники.— В кн.: Проблемы истории архитектуры народов СССР, М., 1975, вып. 2.
16. *Воронец М. Э.* Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг.— Тр. Музея истории Узбекской ССР. Ташкент, 1954, вып. II.
17. *Оболдуева Т. Г.* Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала им. И. В. Сталина.— ТИИА АН УзССР, 1951, т. IV.
18. *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы.— МИА, 1962, № 118.
19. *Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А.* Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго-западная Киргизия). Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962.
20. *Баруздин Ю. Д.* Кара-булакский могильник.— Изв. АН КиргССР, СОН, 1961, т. III, вып. 3.
21. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Шелковый путь в период шести династий (III—VI вв.) (по новым материалам).— ТГЭ, 1978, т. XIX.
22. *Горбунова Н. Г.* Об одной группе ферганских перстней.— СГЭ, 1983, № 48.
23. *Брыкина Г. А.* Идолы из Кайрагача и некоторые вопросы верований древних ферганцев.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1980.
24. *Брыкина Г. А.* Раскопки в Кайрагаче.— АО — 1977. М., 1978.
25. *Салтовская Е. Д.* О некоторых археологических памятниках и находках в Аштском районе.— МК Тадж., 1968, вып. 1.
26. *Маршак Б. И.* Выступление в обсуждении докладов на конференции по истории и культуре Кушанского государства.— В кн.: Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II. М.: Наука, 1975.
27. *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи.— ТХАЭЭ, 1971, т. 7.
28. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н. э. М.: Наука, 1968.
29. *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.— СА, 1971, № 2.
30. *Генинг В. Ф.* Хронология поясной гарнитуры I тыс. н. э. (по материалам могильников Прикамья).— КСИА, 1979, вып. 158.
31. *Ковалевская В. В.* Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки.— САИ, вып. Е1—2. М., 1979.
32. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: Наука 1980.
33. *Арсеньева Т. М.* Могильник у деревни Ново-Отрадное.— В кн.: Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э. М.: Наука, 1970.
34. *Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. М.: Наука, 1977.
35. *Isings C.* Roman Glass from dated finds. Djakarta. 1957.
36. *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР 1963.
37. *Кибиров А. К.* Археологические памятники Чаткала.— ТКАЭЭ, 1959, т. II.
38. *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел.— СА, 1965, № 2.
39. *Mizuno S.* Chaqalaq Tepe. Fortified village in north Afghanistan excaveted in 1964—1967 / Ed. Mizuno S. Kyoto: Publ. Kioto Univ. Scient. mission to Iranian Plateao and Hindukush, 1970.
40. *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Тахти-Сангин — Каменное городище (раскопки 1976—1978 гг.).— В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1980.

41. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975.
42. *Гущина И. Н.* Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников).— В кн.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974.
43. *Bergman F.* Lou-Lan wood carving and small finds discovered by Sven-Hedin.— BMFEA, 1935, n. 7.
44. *Stein A.* Serindia. Oxford, 1921, v. I—IV.
45. *Кляшторный С. Г.* Древнетюркская руническая надпись на бронзовом перстне из Ферганы.— ТАН ТаджССР, 1959, т. 103.
46. *Ghirshman R.* Bégram. Recheraches archeologiques et historiques sur les Kouchans. Le Caire — MDAFA, 1946, t. XII.
47. *Баруздин Ю. Д., Подольский А. Г.* Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника.— КСИА, 1961, вып. 85.
48. *Баруздин Ю. Д., Беленицкий А. М.* Бронзовая пластинка из Кара-булакского могильника.— КСИА, 1961, вып. 86.
49. *Засецкая И. П.* Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья.— АСб. ГЭ, 1968, вып. 10.
50. *Максимова А. Г., Мерщиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чарды. Алма-Ата, 1968.
51. *Алексеева Е. М.* Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э.— II в. н. э.— СА, 1971, № 4.
52. *Писарчик А. К.* Некоторые сведения о народной керамике Самарканда.— В кн.: История и этнография народов Средней Азии. Душанбе, 1981.

N. G. Gorbunova

THE KUGAI-KARABULAK CULTURE OF FERGHANA

Summary

The Kugai-Karabulak culture dates back to the period from the 2nd century B. C. to the 7th century A. D. It differs sharply both from the previous and the succeeding cultures and from cultures of the neighbouring peoples. An analysis of some industries (ceramics, iron arrowheads, arrows, buckles and mirrors) reveals three stages in the development of this culture: the early period, from the 2nd century B. C. to the 1st century A. D., the middle period, from the 1st to the 4th centuries A. D., the late period, from the 4th to the 8th centuries. Most sites, both settlements and burial grounds, date to the middle period, the heyday of the culture. Despite obvious uniformity of the culture as a whole certain local variants are observed, seen in the settlement patterns, grouping of various types of burial constructions, some specific features of pottery and frequency of definite types of ornaments.

СЕМЕНОВ Г. Л.

ГОРОДСКИЕ СТЕНЫ ПЕНДЖИКЕНТА И ИСТОРИЯ СОГДА V—VIII вв.

Городские стены являются одной из жизненно важных систем городской организации, самым тесным образом связанной с развитием политической и экономической жизни города и области. Неоднократные перестройки стен на отдельных памятниках, как правило, связываются с изменениями внешнеполитической обстановки. К сожалению, имеющийся в распоряжении исследователей материал зачастую позволяет датировать перестройки только в таком широком диапазоне, как «ахеменидская», «эллинистическая», «кушанская», «раннесредневековая» стена [1; 2, с. 8]. Как показывает изучение стен Балха, Дальверзинтепе, Самарканда, городские стены на разных участках часто перестраиваются неодновременно [3; 4, с. 12, 13; 5]. Поэтому без синхронизации перестроек нельзя составить полное представление о периодизации крепостных сооружений города. В то же время в первую очередь из-за большой трудоемкости изучения оборонительных сооружений исследователи часто ограничиваются одним разрезом через крепостную стену, экстраполируя полученные данные на весь памятник, что в значительной мере обедняет использование крепостных стен в качестве исторического источника.

В этом отношении в благоприятном положении находится городище древнего Пенджикента. Многолетнее археологическое изучение памятника позволило создать стратиграфическую колонку, где выделяются следующие периоды: начало V в.; конец V — начало VI в.; VI — начало VII в.; середина — конец VII в.; первая четверть VIII в.; 40—60-е годы VIII в. Помимо этого, благодаря разрезам через крепостные стены в настоящее время мы располагаем данными о перестройках оборонительной системы города на разных участках[1]. В задачу настоящей работы входит сопоставление синхронных перестроек, открытых на разных участках, и создание, таким образом, общей картины развития оборонительной системы города. В результате нам хотелось бы получить возможность сопоставления изменений в системе обороны с изменениями политической обстановки в Согде. Следует также отметить, что в отличие от крепостных стен вскрытая жилая застройка города в подавляющем большинстве относится ко времени не ранее середины — конца VII в., а для более ранних периодов мы располагаем очень скудными данными. Поэтому, как представляется, исследование городских укреплений дает возможность хотя бы в одном аспекте осветить историю города на всем протяжении времени его существования (V—VIII в.), что и является целью этой работы. Вопрос о месте оборонительной системы города в ряду памятников среднеазиатской фортификации в настоящей статье не затрагивается.

К 1980 г. в Пенджикенте проведено пять разрезов городской стены. Еще в 1958 г. на южной стороне городища был сделан первый разрез через городскую стену (объект XII), выявивший четыре последовательных перестройки, в результате которых общая толщина стены по основанию достигла 8,9 м. [6, с. 184—209] (рис. 1). В 1974—1975 гг. была изучена внутренняя стена на востоке (объекты VII и III) (рис. 2) [7], в 1975—1979 гг.— внешняя восточная стена на XXVIII объекте (рис. 3). В 1978—1979 гг. сделан разрез перед угловой башней на юго-востоке

[1] План городища древнего Пенджикента см: СА, 1981, № 2, с. 96, 97, рис. 1.

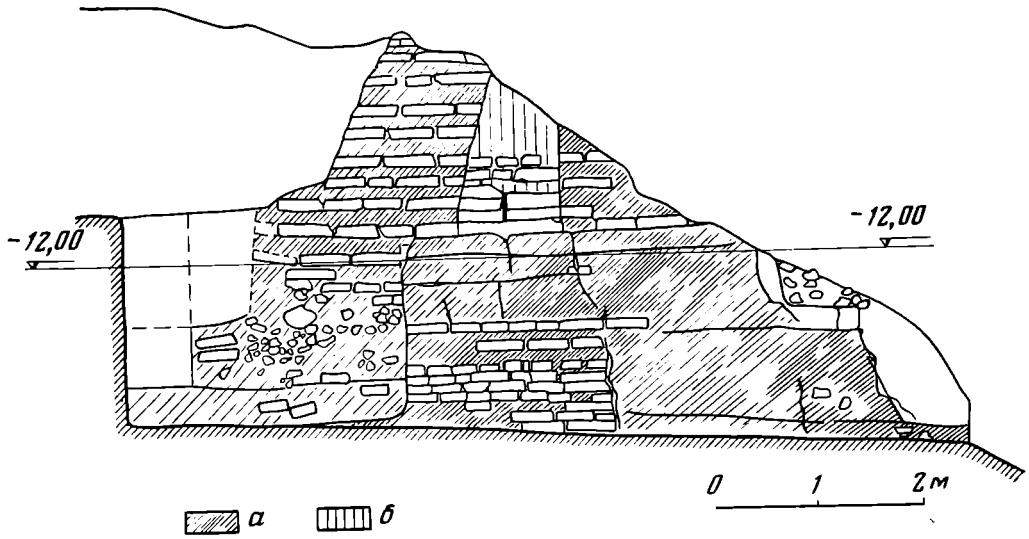


Рис. 1. Разрез южной стены городища (XII объект): *а* — глинобитный массив, *б* — поверхность стен

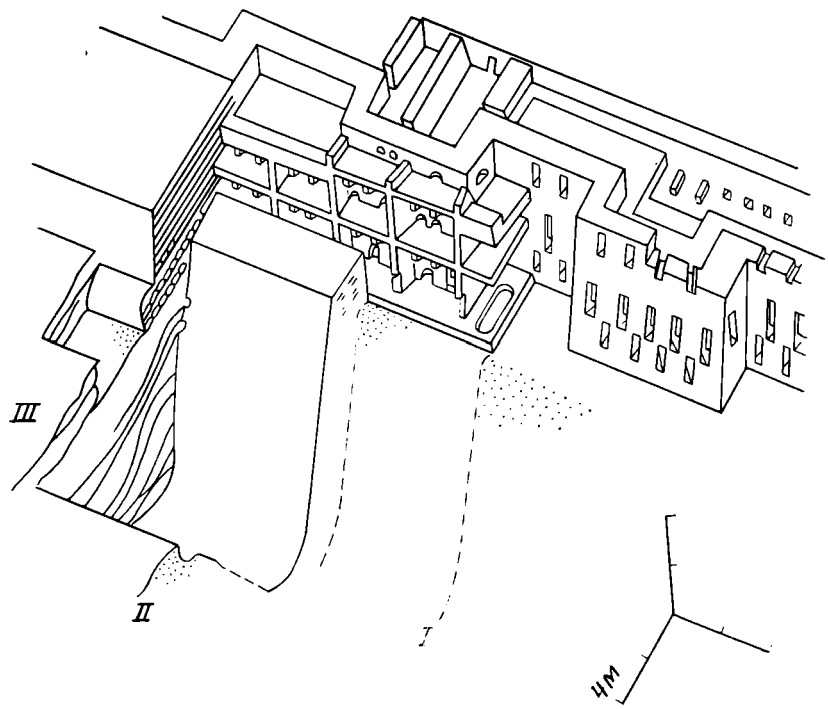


Рис. 2. Аксонометрия внутренней восточной городской стены (VII объект). Римские цифры обозначают строительные периоды стены (I—III)

городища (объект V), расчищенной снаружи еще в 1950 г. [8, с. 63] (рис. 4). Ряд данных по крепостной архитектуре за последние годы получен и на цитадели [9, с. 43—79] (рис. 5).

На протяжении ряда лет в Пенджикенте выработалась определенная методика исследования оборонительных сооружений. Основным приемом изучения остается проведение поперечного разреза через стену, который доводится до материка. Разрез начинается как обычный раскоп с послойной фиксацией материала. Это позволило в ряде случаев обнаружить в заполнении перед стеной (или за стеной) упавшие верхние конструкции, что дало материал для реконструкции ее внешнего облика. Изучение стратиграфии отложений перед стеной позволяет датировать и время разрушения верха стены.

Довольно часто, если судить по публикациям, при исследовании стены довольствуются картиной, полученной на стенках разреза. При этом

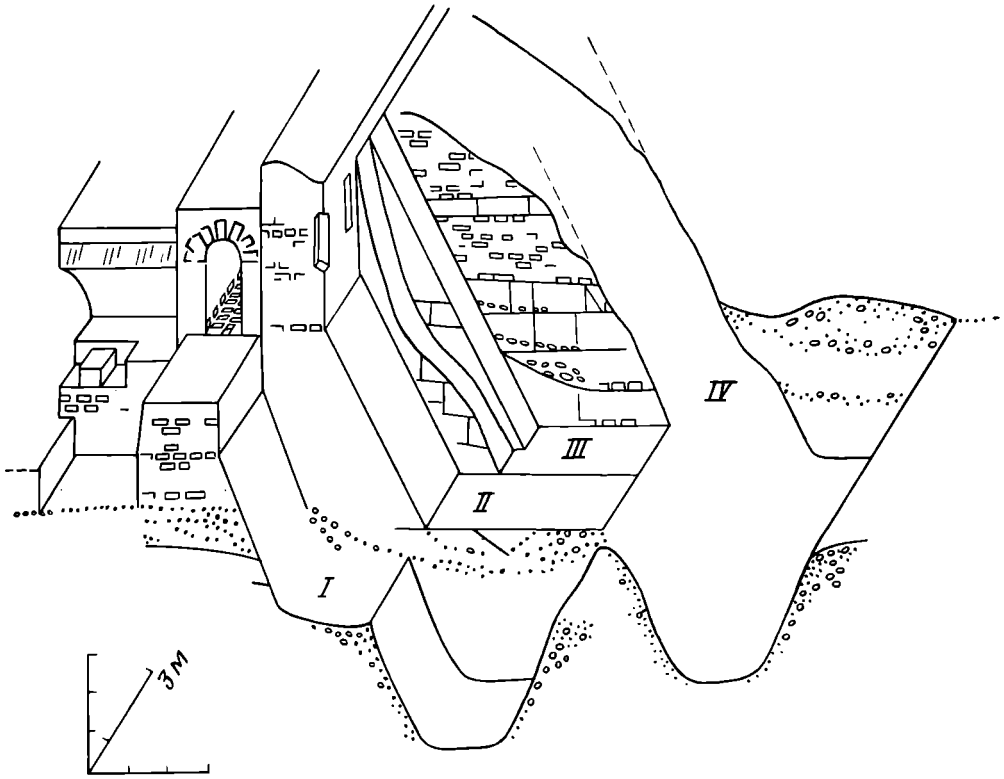


Рис. 3. Аксонометрия внешней стены на востоке (XXVIII объект). Римские цифры обозначают строительные периоды стены (I—IV)

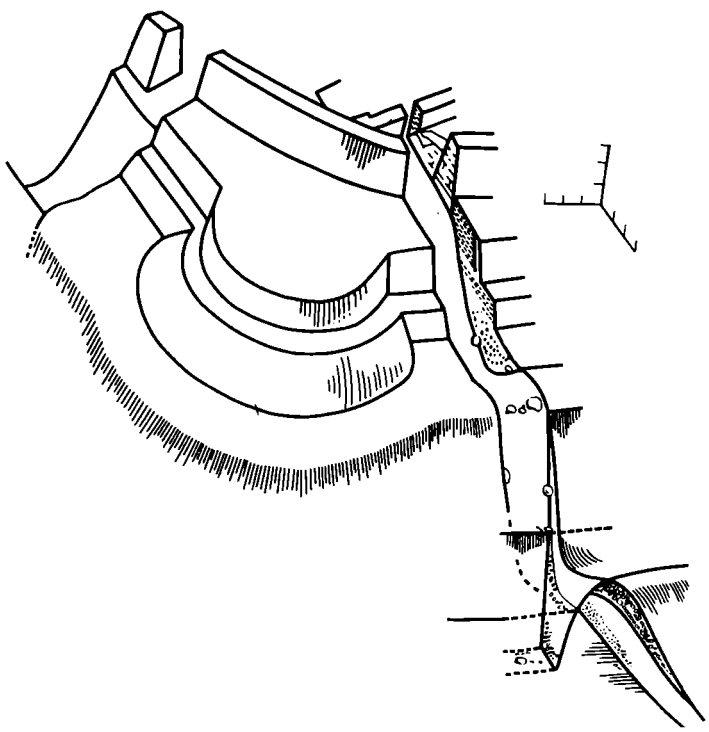


Рис. 4. Аксонометрия и разрез стены на юго-востоке городища (V объект)

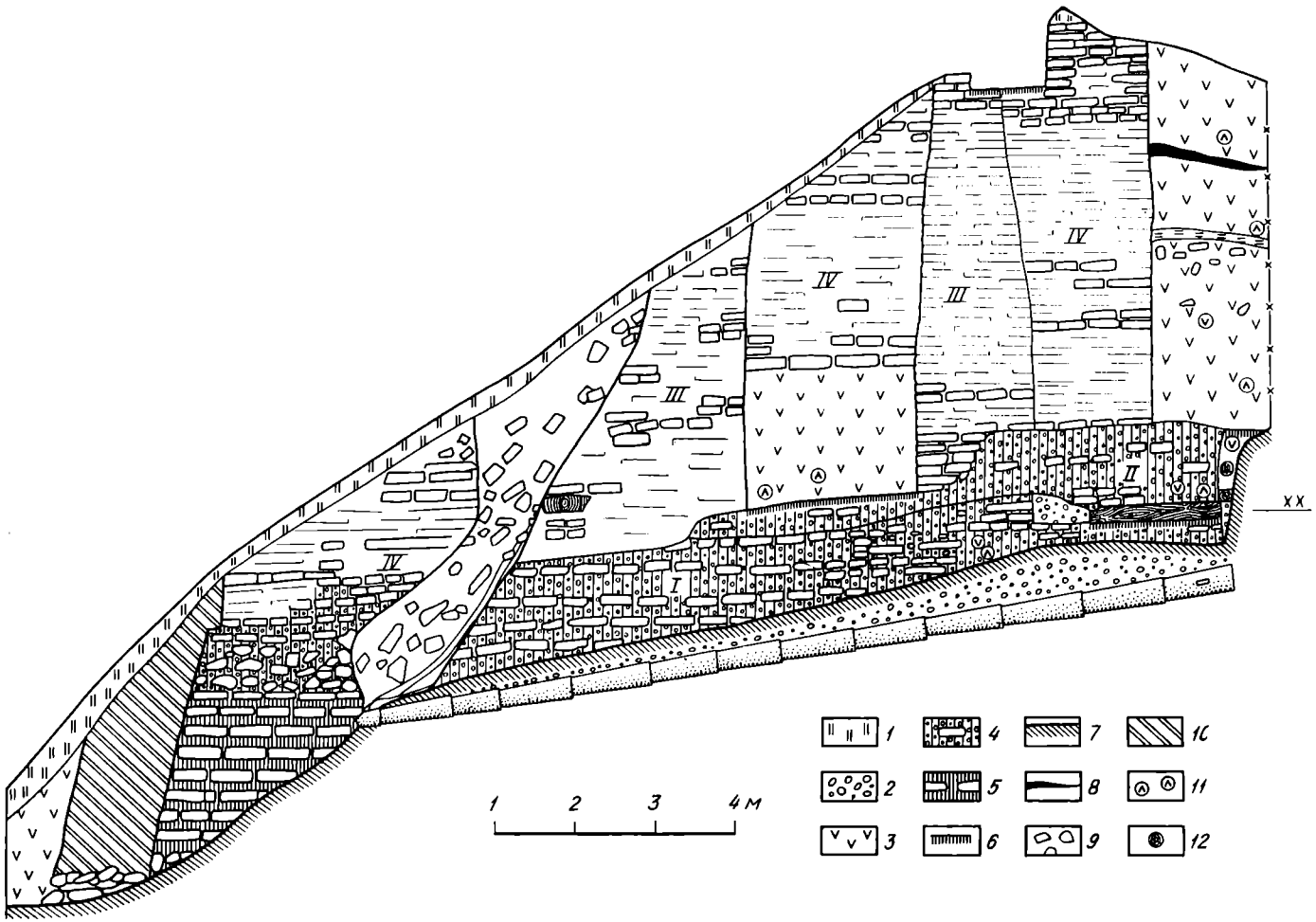


Рис. 5. Разрез южного фаса внутреннего укрепления цитадели. Условные обозначения: *1* — дерновый слой; *2* — материковый грунт; *3* — кирпичный завал; *4* — кирпичная кладка из глины с галькой; *5* — комбинированная кладка из кирпича и прослоек глины; *6* — пол; *7* — поверхность материка; *8* — зольник; *9* — камни; *10* — пахсовая (глинобитная) стена; *11* — керамика; *12* — дерево

неизбежно как равноценные перестройки рассматриваются все читаемые на разрезе линии, хотя среди них могут быть (и часто есть) и незначительные ремонты, и просто трещины, размытые водой. Поэтому для выяснения характера выявленных при разрезе стены границ между кладками вдоль каждой из них закладываются траншеи. Еще одна сложность при исследовании стен заключается в определении последовательности порой многочисленных перестроек. Дело в том, что каждая последующая перестройка может примыкать к предыдущей как снаружи, так и изнутри, а также находиться на остатках предшествующей. Большую помощь в решении этого вопроса оказывает параллельное изучение изменений в структуре стены и изменений в характере датирующего материала (керамики). Одновременно с разрезом изучаются пристенные сооружения: рвы, насыпи и т. п., а также примыкающая к стене жилая застройка. Сопоставление перестроек стены и жилой застройки позволяет составить общее представление о динамике жизни для каждого изучаемого участка и в перспективе для всего города.

Основанием для синхронизации стен, открытых на разных участках, послужили комплексы керамики, соотнесенные с соответствующими перестройками. При этом учитывалось, что керамические комплексы разного происхождения предлагают разные даты для времени постройки. Вообще к датировке по керамике из кладок стен нужно относиться очень осторожно. Естественно, что керамика в таких случаях может дать terminus post quem по самым поздним из обнаруженных фрагментов. Верхняя же граница датировки этой кладки зависит от времени следующей перестройки, при этом terminus ante quem устанавливается по самым поздним фрагментам керамики в более поздней кладке. Таким образом мы получаем интервал, хотя и не всегда достаточно узкий. Однако последовательность более чем двух периодов обычно дает основания для уточнения хронологии. Кроме того, очень важны даты полов построек и свалок, включенных при перестройках в толщу крепостной стены. Необходимо учитывать также постройки и слои свалок, примыкающие к городской стене. Данные для относительной и абсолютной датировки стен Пенджикента представлены на таблице (в таблицу не вошли единичные фрагменты керамики V объекта). Данные таблицы показывают длительное сосуществование стен внешней и внутренней линий обороны на востоке с напольной стороны города. Поэтому за основу создания единой схемы развития укрепления были взяты синхронные разрезы через обе эти линии в дальнейшем называемые Большой разрез (БР). На рис. 6 представлены синхронные разрезы через обе линии укреплений на востоке. Слева даны профили внутренней стены, справа — внешней стены на востоке. Схема показывает, что, начиная со II и по VI строительные периоды, на востоке сосуществуют одновременно две линии укреплений. В VII периоде, после сноса внутренней стены, система из двух стен прекратила свое существование. Перестройки городской стены, отмеченные на других участках городища, в дальнейшем соотносятся с семью строительными периодами БР.

Синхронизация со стенами на юго-западе городища (объект XII). Первая городская стена как по своей конструкции, так и по дате, предлагаемой на основании изучения керамики, несомненно, идентична первой стене внутреннего укрепления на востоке и относится к I периоду БР. Для первой перестройки этой стены terminus post quem предлагает II комплекс керамики, что скорее всего соответствует IV периоду БР, где в это время на внутренней линии также отказываются от стены с бойницами. Вторая перестройка стены приходится на V период БР, и, наконец, разрушение верха стены, по времени предшествующее VI периоду БР, не находит аналогий на востоке городища. Сложнее обстоит дело с синхронизацией разреза **в юго-восточной части городища (объект V)**, в силу крайней немногочисленности керамики из кладок стен. Тем не менее, исходя из данных о перестройках стен на других участках, предлагаем следующую схему: первая стена на V объекте (лишенная башен и бойниц, трапециевидная в сечении) по профилю и структуре

Комплекс керамики	Местонахождение					Основания для абсолютной датировки
	шахристан			цитадель		
	Южная стена (XII объект)	Внутренняя восточная стена (VII и III)	Внешняя восточная стена (XXVIII)	Внутреннее укрепление	Средняя линия	
I	Подсыпка под стены здания, возведенного на месте снесенной стрелковой галереи	Забутовка бойниц 1-й стены	2 фрагмента	Нерасчлененная керамика I и II комплексов в кладке стен первых двух периодов на южном фасе	–	27 серебряных согдийских скифатных монет «лучника» в бойнице на VII объекте
II	Забутовка здания 1-го и постройка 2-го, связанного с укреплением 1-й стены. Запустение, связанное с разрушением стены после 2 комплекса	Нижний пол перед стеной и пол помещений, построенных на месте снесенной стрелковой галереи	Кладка 1-й стены. Забутовка за стеной. Забутовка 1-го рва	Керамика с пола пом. 13–15 перед стеной и в бывших башнях на восточном фасе	Керамика из помещений перед стеной в ю.-в. углу	–
III–V	III–IV комплексы: время жизни 2-го здания и 2-й стены. После IV комплекса возведение 3-й стены	Верхний пол здания перед 1-й стеной. Керамика придонной части заполнения рва	Кладка 2-й стены. Ремонтные кладки	III–IV комплексы в завале под забутовкой башни на южном фасе	Керамика из платформы, включившей в себя на с. стену с фризом. Керамика перед стеной в ю.-в. углу	Сасанидский перстень с сердоликовой геммой VI–VII вв. в слоях IV комплекса на XII объекте
VI	Свалка в помещ. 18 и связанных с ним. На слоях свалки – упавшая верхняя часть 3-й стены	–	Кладка 3-й стены	–	–	4 согдийских монеты середины VII в. на XII объекте. Монеты Вархумана и Бильге на III объекте
Верхний слой (VIII в.)		–	Часть керамики в заполнении 2-го рва	–	–	–

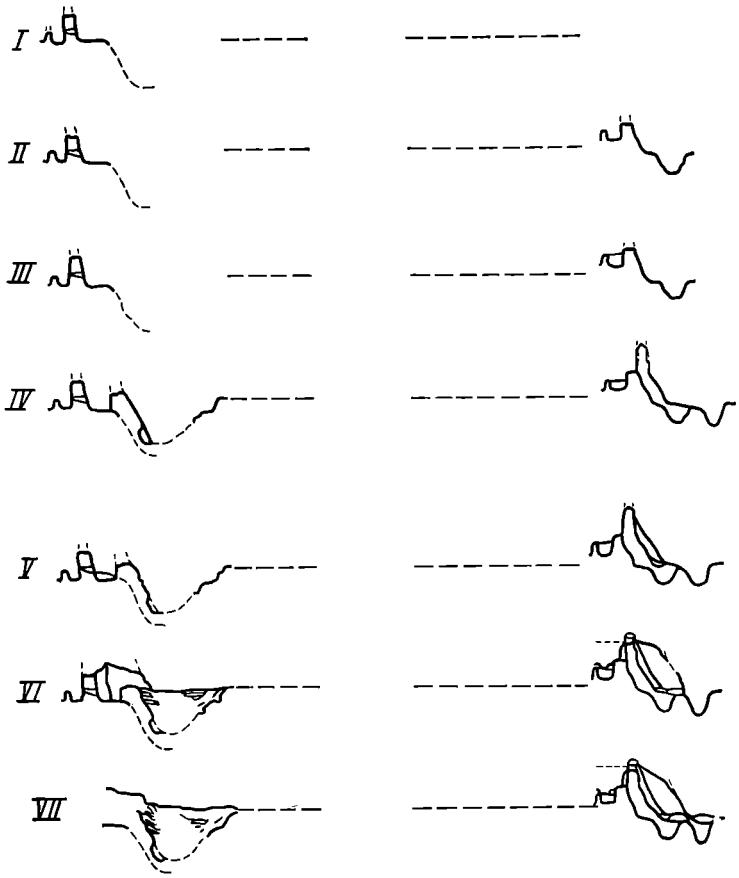


Рис. 6. Профили стен внутренней (слева) и внешней линий обороны на востоке (Большой разрез), по периодам (I—VII)

совпадает с первой стеной внешней линии укреплений на востоке. Размеры рва при этой стене также находят полную аналогию на XXVIII объекте. Не противоречат отнесению этой стены ко II периоду БР и немногочисленные фрагменты керамики II комплекса. Перестройка стены (забутовка рва, постройка новой стены с угловой башней и нового рва) должна приходиться на время IV—V периодов БР. Основанием для такого заключения послужило помещение за стеной, постройка которого, судя по керамике и монете Вархумана, найденной на предпоследнем из четырех полов, относится ко времени не ранее третьей четверти VII в. Если учесть, что между стеной помещения и крепостной стеной имеется несколько ремонтных кладок, то становится очевидным, что стена была построена значительно раньше. Аналогичные работы (создание платформы для новой стены с забутовкой рва и выкапыванием нового) на внешней линии укреплений на востоке относятся к IV периоду БР. Обоснованию корреляции укреплений цитадели и шахристана была посвящена специальная работа, результаты которой используются в данной статье. Первые три периода укреплений цитадели (разрез внутреннего укрепления) соответствуют I периоду БР, а IV период разреза на цитадели синхронен IV периоду БР [10, с. 265, 266].

Строительные периоды сгруппированы нами в ряд этапов, для которых характерна коренная перестройка всей оборонительной системы и, которые, таким образом, должны отражать не только строительную или ремонтную деятельность, но и изменения в политической и экономической жизни города: I этап, на который приходятся I—III периоды БР и который охватывает весь V, и, возможно, начало VI в.; II этап с начала VI до середины VII в., на него приходятся IV—V периоды БР; III этап с середины—конца VII в. до первой четверти VIII в. (VI—VII периоды БР); IV этап, предположительно выделяемый только на цитадели и приходящийся на вторую четверть VIII в.

Проследим поэтапное развитие оборонительной системы города.

I этап. Для системы обороны города в начале этого этапа характерно двучастное деление на цитадель и шахристан. К сожалению, пока не имеют твердой даты стены, соединяющие эти части. В настоящее время мы не можем полностью восстановить систему оборонительных сооружений цитадели этого времени. В VI—VII вв. на цитадели существовали три линии обороны (внешнее, среднее и внутреннее укрепления). Стены V в. зафиксированы на внутренней линии. В это время восточный фас внутреннего укрепления цитадели имел стену с часто расположенными прямоугольными башнями, открытыми в 1976 г. [11, с. 559].

Остатки стен этого периода прослежены на востоке шахристана (объекты VII и III) и на юге (объект XII). Шахристан в начале этого этапа занимал несколько меньшую площадь, чем в последующее время и в плане имел форму, близкую к прямоугольной [12, рис. 1], присущую большинству античных городищ Средней Азии. Первая городская стена, окружающая шахристан, была двойной (рис. 2, первый период). Наружная стена толщиной около 2 м была снабжена прямоугольными выступами-башнями, расположенными на расстоянии 4,8 м друг от друга. Длина выступов по фронту составляла 6,75—6,9 м. За линию стены башни выступали ровно на 2 м. На стене в три ряда в шахматном порядке были расположены плоскоперекрытые щелевидные бойницы. В башнях бойницы расположены радиально с интервалом в 15°, в куртинах — перпендикулярно стене. Расстояние между бойницами одного ряда составляет около 1 м. Бойницы образуют два яруса стрельбы. Им, очевидно, соответствовала двухъярусная стрелковая галерея. Остатки внутренней стены и следы от балок перекрытия позволяют восстановить внешней облик первых городских укреплений. На южной стороне городища стены стояли на краю естественного откоса (объект XII), с восточной стороны (объекты VII и III) перед стеной в материке был вырыт ров шириной около 14 м и глубиной свыше 6 м [2].

Возникнув в начале V в., первая городская стена просуществовала около 100 лет. На VII объекте обнаружена интересная деталь, которая позволяет говорить о том, что за это время стена по меньшей мере один раз подверглась перестройке. Дело в том, что первоначально скошенную нижнюю грань для обстрела подножья стены имел только нижний ряд бойниц. Впоследствии переделали для ведения навесного огня и верхний ряд, сделав пол бойниц с уклоном наружу. Эта переделка изменила уровень бойниц изнутри, а этому должна была соответствовать перестройка галереи, сопровождающаяся поднятием пола второго этажа и, быть может, высоты всей стены.

В конце V в. оборонительная система города претерпевает ряд значительных изменений (II период БР). В это время к востоку от первой городской стены и параллельно ей возникает вторая линия укреплений. Остатки стены и рва конца V в. обнаружены в разрезе внешней восточной стены (рис. 3, первый период). Стена стоит на платформе высотой 2,5 м, представляющей собой выброс из рва перед стеной. Ширина рва 4,86, глубина — 3,5 м. Стена, сохранившаяся на высоту 4,5 м, имеет почти вертикальную поверхность изнутри и уклон в нижней части фасада, облицовывающего край платформы. Толщина верхней части кладки 1,9 м. Обращает на себя внимание характер кладки. Стена сложена из кирпича-сырца очень небрежно. Горизонтальные ряды кирпичей не имеют перевязки. Для кладки стены в основном были использованы обломки кирпича, на некоторых из них сохранилась штукатурка. Очевидно, что для постройки стены разбирали на кирпичи жилые дома. Небрежность кладки, как представляется, вызвана необходимостью в спешном возведении стены, что в свою очередь может быть объяснено военной угрозой извне. Видимо, для придания большей прочности этому сооружению вскоре после постройки пространство за стеной забутовывают на высоту 1,3 м. В результате забутовки толщина стены по основанию увеличи-

[2] Возможно, что первоначально ширина рва была меньше, а 14 м — это суммарная ширина рвов разных периодов.

лась, а верх забутовки, вероятно, мог служить полом обходной галереи (III период БР).

По всей видимости, в конце V в. обносится стенами и выступ в юго-восточной части городища (рис. 4). Линия обороны на этом участке состояла из стены с толщиной основания около 2,5 м и рва перед ней. Стена стоит на краю естественного откоса, а ров вырыт в откосе так, что его северный берег выше южного. Ширина рва 4,75 м при средней глубине около 3 м. Стена плавно огибает западную оконечность южного выступа городища, не образуя угла. Направление стены не совпадает с общей ориентацией других стен города. Почти полное отсутствие керамического материала в кладке стены, видимо, также подтверждает предположение, что стена этого периода на юго-востоке охватывала, собственно, не край жилой застройки, а следовала очертаниям галечной террасы. Внутренняя и наружная поверхности стены суживаются кверху. Стрелкового коридора, видимо, не было, так как толщина сохранившегося верха стены составляет 0,6 м, и за стеной не было построек этого времени.

II этап. Изменения в оборонительной системе города, произошедшие в начале VI в., открывают второй этап в истории строительства стен, который охватывает весь VI и, возможно, начало VII в.

Цитадель. Часто расположенные башни внутреннего укрепления цитадели были снаружи обведены новой стеной, прослеженной на восточной и, видимо, на южной стороне. Стена с башнями утрачивает свое оборонительное значение, при этом внутрибашенные помещения и пространство между куртинами были использованы как жилые комнаты. К северу и западу от стен внутреннего укрепления в последние годы обнаружены остатки стен второй линии укреплений. Так, северная стена помещения 32 была крепостной стеной в начале VI в., в углу фасада сохранился фрагмент сырцового декоративного фриза [9, рис. 27]. В VI в. застройка цитадели перешагивает за вторую линию укреплений. Снаружи к ранним стенам пристраиваются помещения. Раскопки 1973 г. показали, что вторая линия укреплений цитадели в VI в. не представляла собой квадрата. Поворот восточной стены на запад, видимо, соответствовал расширению застройки этого времени в сторону шахристана [10, с. 265, 266]. Структура этой стены и ее оборонительное значение пока, до проведения раскопок, не ясны.

Шахристан. На восточной стороне городища продолжают существовать две линии укреплений. На внешней линии укреплений снаружи к стене, сложенной из обломков кирпича, пристраивают новую стену, сохранившуюся на высоту до 9 м (рис. 3, второй период). Перед ее постройкой засыпали ров перед стеной так, что образовалась платформа, поднятая над материком на 0,6 м. На месте вынутой из материка глины и гальки перед платформой образовался новый (второй) ров, также расположенный параллельно стене. Ширина рва составляет 4,8 м, глубина — около 3 м от поверхности материка. Верхняя часть новой стены вертикальна, низ ее наклонный. На вертикальной части стены на высоте около 7 м над материком через 1,7 м расположены ложные щелевидные бойницы высотой 1,25 м. Обстрел в это время, вероятно, осуществлялся с башен, которые, судя по раскопкам на юге (объект V), появились именно на этом этапе. Крепостная стена VI в. существовала достаточно долго для того, чтобы возникла необходимость в ее ремонте. Ремонтная кладка, пристроенная снаружи к стене, незначительно увеличила ее толщину и скрыла собой ложные бойницы. Ко времени ремонта относится и незначительное повышение платформы с 0,6 до 1 м (рис. 3, третий период).

На внутренней восточной линии укреплений в VI в. также были произведены значительные перестройки. В начале VI в. там сооружается новая стена, поставленная на краю рва, эскарп которого является продолжением линии фасада стены. Между этой стеной и первой городской стеной было построено трехэтажное здание. Гнезда от балок перекрытия, ниши и очаги от него были открыты на первой стене. Бойницы были

забиты, а поверхность стены оштукатурена. Здание, построенное между стенами, состояло из маленьких комнат, размещенных между башнями первой стены и соединенных отрезками коридора, стены которого образованы фасадом башен первой стены и внутренней поверхностью стены, спущенной в ров (рис. 2, второй период). Обращает на себя внимание отсутствие на исследованном участке (около 30 м) выходов в город. Эти данные, как представляется, позволяют предположить, что здание служило казармой для гарнизона. В пределах VI в. произошла перестройка казарм: при помощи забутовки подняли на 1 м пол первого этажа и соответственно перенесли конструкции перекрытия, тем самым увеличив толщину стены по основанию (V период БР).

На южной стороне древнего города (объект XII) на втором этапе к стене с бойницами снаружи пристраивается мощный пахсовый панцирь. В результате толщина стены по основанию достигает 5,7 м. Верх стены этого периода на XII объекте не сохранился in situ, вероятно, он был подобен верху стены, открытому на XXVIII объекте. Видимо, в конце VI или в начале VII в. были забутованы помещения за стеной, что привело к увеличению толщины основания до 7,7—8,9 м на разных участках. Не позднее середины VII в. верхняя часть стены обрушилась: остатки ее развала прослежены в разрезе помещений за стеной. Длина упавшей монолитом верхней части достигает 5 м. Она суживалась кверху от 1,5 до 0,5 м. Это вполне соответствует вертикальной части стены, открытой на XXVIII объекте.

Стены южного выступа городища (объект V) на этом этапе также перестраиваются. Новая стена, пристроенная снаружи к уже существующей, имеет толщину по основанию 2,2 м и стоит на платформе из сырцового кирпича. Платформа шириной около 2 м в свою очередь стоит на слоях галечных осыпей и натеков, заполнивших ров. Стена имеет наклоный фасад и облицовку снаружи пахсовым панцирем толщиной 0,5 м. Направление стены в плане отличается от направления стены предыдущего периода и примерно совпадает с ориентацией стен жилой застройки, выявленной за стеной внутри города. Образовавшийся угол стены был усилен округлой монолитной башней диаметром около 10 м (рис. 4). Вероятно, в это же время был вырыт и новый ров у подножия склона в галечном материке. На южном берегу выбросы материковой гальки из рва образуют вал, сохранившийся на высоту 1,65 м над поверхностью галечного конгломерата. В настоящее время часть галечного вала осыпалась, заполнив собой ров, ширина которого некогда по уровню верха вала составляла около 7 м при глубине свыше 5 м. Очевидно, такой вал существовал и на востоке города (объект XXVIII), но в какой-то период он был использован для засыпки второго рва (рис. 3). Изнутри к стене на V объекте была пристроена еще одна стена толщиной 1,8 м, к которой потом были пристроены помещения. На некоторых участках на стену вели широкие ступени.

Последняя крупная перестройка стен шахристана, приходящаяся на середину — конец VII в., не имеет полной аналогии на цитадели. Отмеченные здесь перестройки цитадели датируются рубежом VI—VII вв. Поэтому, быть может, целесообразно выделить их в особый (IIа этап), затрагивающий только цитадель. В это время забутовываются помещения перед восточным фасом внутреннего укрепления и на образовавшейся платформе сооружается донжон. На южном фасе также происходит забутовка внутрибашенного помещения, изнутри к существующей стене пристраивают еще одну, а снаружи облицовывают стену пахсовым панцирем (рис. 5). В результате она приобретает характер монолитного сооружения с толщиной по основанию 16 м. На этом этапе уже без сомнения на цитадели существовали три линии укреплений. На юге стена внешней линии укреплений, следуя рельефу местности, поднималась по гребню холма на вершине которого, очевидно, когда-то находилась сторожевая башня. Эта стена в древности пересекала русло сая, отделяющего цитадель от шахристана, и с юго-запада подходила к стенам города. На севере внешняя линия укреплений включала в себя источник питьевой воды.

С восточной стороны цитадели отмечены остатки второй стены, некогда также соединявшейся со стенами шахристана. По верху этой стены, вероятно, некогда проходила дорога, соединяющая цитадель и шахристан. Время постройки всей внешней линии укреплений точно не датировано, быть может, оно относится и к предшествующему периоду [3]. Продолжали существовать также и возникшие ранее средняя и внутренняя линии укреплений. Достаточно мощная система обороны цитадели с южной стороны была усилена рвами, вырытыми в гребне холма перед стенами внешней и средней линии укреплений.

III этап. Коренная перестройка стен шахристана в середине — конце VII в. позволяет говорить о новом этапе развития оборонительной системы города. На внешней восточной стене шахристана снаружи к стене предшествующего периода пристраивается новая кладка (рис. 3, четвертый период). Ее фасад совпадает с краем платформы третьего периода. В результате толщина основания стены увеличилась до 10,2 м. Сохранившаяся нижняя часть стены, как и фасады стен предшествующих периодов, имеет уклон наружу порядка 70°. Изнутри к стене пристраивается двухэтажное здание, крыша которого, вероятно, служила полом стрелковой галереи. На первом этаже здания в больших сводчатых помещениях размещались кладовые-зернохранилища.

Стена третьего этапа на внутренней восточной линии укреплений была построена на месте снесенных к этому времени казарм и частично на месте заплывшего рва. Толщина стены по основанию составила 11 м. 14-метровое пространство перед стеной было не застроено и служило в качестве дороги, одновременно обеспечивая возможность обстрела подступов к стене (так называемая военная улица).

В начале VIII в. внутренняя восточная стена была снесена, что и положило конец третьему этапу фортификации Пенджикенте (VII период БР). С этого времени на восточной стороне города не существует более двух линий обороны и соответственно шахристан уже не делился на внутренний и внешний город. На месте снесенной стены были построены дома, горевшие во время пожара 722 г. История оборонительных сооружений шахристана на этом заканчивается. Но на цитадели открыт ряд небольших, почти одинаковых сооружений, построенных во второй четверти VIII в., в которых исследователи видят казармы для гарнизона (IV этап).

Изучение последовательных изменений в системе фортификации Пенджикента позволило четко выделить три этапа в ее развитии за почти 400-летнюю историю существования города. Проследим, насколько это возможно, связь изменений в системе обороны с динамикой политической и экономической жизни Согда и Пенджикента V—VIII вв.

Первый этап. С постройкой первой городской стены начинается история города. Неэффективность первой стены против современной ей осадной техники скорее всего говорит о том, что крупных военных действий в это время на данной территории не велось. Спешная постройка в конце V — начале VI в. второй линии обороны на востоке и на юго-востоке, весьма вероятно, связана с угрозой эфталитского нашествия. Как полагают исследователи, тот факт, что после 509 г. совершенно прекращаются посольства из Самарканда в Китай и, напротив, с этого же времени довольно часты посольства в Китай от эфталитов, свидетельствует о захвате эфталитами Самарканда [13, с. 65]. Быть может, перерыв в использовании участка города и разрушение городской стены, отмеченные на XII объекте [6, с. 277], связаны с реализацией эфталитской угрозы и по отношению к Пенджикенту.

Второй этап. Город, оправившись от недавних потрясений, восстанавливает и реконструирует городские укрепления. На смену сравнительно тонкой стене с бойницами приходят более массивные стены, состоящие из вертикальной верхней части и наклонного низа. Вдоль внутренней восточ-

---

[3] Раскопками 1980 г. на северной границе внешней линии укреплений была открыта башня, идентичная первой стене шахристана, что позволяет отнести время сооружения этого участка к первому периоду БР, т. е. к началу V в.

ной стены возникают казармы. Время их постройки совпадает с господством эфталитов в согдийских городах, поэтому возможно, что они принадлежали эфталитскому гарнизону. На протяжении второго этапа стены неоднократно подвергались ремонтам, в результате которых выросла толщина основания стены. Интенсивная строительная деятельность на протяжении VI в. может быть сопоставлена с борьбой тюркского каганата за обладание Согдом во второй половине VI в. Из речи посольства от тюрок к византийскому императору Юстину II явствует, что борьба между тюрками и эфталитами шла именно за обладание согдийскими городами, которые к 568 г. были уже захвачены тюрками [14, с. 370—375]. К концу второго этапа, где-то в VII в., была разрушена часть южной стены города. Политическая история этого периода достаточно сложна. Известно, что в Согде шла борьба за гегемонию между Кешем и Самаркандом, закончившаяся к середине VII в. победой последнего [15, с. 249, 250]. Примерно к этому же времени (642 г.) относится поход западнотюркского кагана на Запад, когда он «соединенными силами ударил на Кангюй и Даоми, разбил их, а пленных взял себе» [16, с. 287] [4].

Перерыв в использовании участка шахристана в конце VI в., вероятно, может быть связан с дестабилизацией городской жизни в «смутное время», а перестройки конца VI — начала VII в. на цитадели, напротив, могут говорить об усилении административной власти, возможно, тюркского государственного аппарата.

Третий этап. Вторая капитальная перестройка городских стен приходится на конец VII в. Для нее характерно резкое увеличение толщи стен. Могущественным противником Согда этого времени, заставившим жителей города заняться реконструкцией и модернизацией укреплений, мог быть только арабский халифат. И действительно, планомерное завоевание Мавераннахра арабами заставило ряд городов и крепостей в спешном порядке усилить свою обороноспособность [5] [18, с. 9]. Как известно из письменных источников, арабы при штурме укреплений использовали развитую осадную технику [19; 20, с. 1230, 1244; 21, с. 205]. Предполагается, что эпизод штурма Самарканда в 712 г. послужил сюжетом для живописи во дворце правителя Пенджикента Деваштича. На живописи изображены крепостные стены, камнеметные машины-манджаники, осадные щиты и штурмовые лестницы [22, с. 215—222].

В конце третьего этапа в связи с политической обстановкой несколько неожиданным выглядит снос внутренней стены на востоке в начале VIII в. Несомненно, что это мероприятие ослабило обороноспособность города. Б. И. Маршак предположил, что снос стены мог быть связан с необходимостью размещения части самаркандской знати после взятия Самарканда, которая могла поддержать Деваштича в его притязаниях на согдийский престол. Д. Абдуллоев связывает это событие (снос стены) со смертью согдийского государя Тархуна в 710 г. [18]. Необходимо подчеркнуть и другую сторону этого вопроса: в любом случае снос городской стены (который, естественно, предшествовал постройке домов на ее месте) явился актом лояльности по отношению к арабской администрации (как известно, Деваштич некоторое время сотрудничал с арабами).

Показательно, что на городище не открыты укрепления, относящиеся к последним годам правления Деваштича, когда тот становится одним из лидеров антиарабской оппозиции, что, быть может, говорит о том, что антиарабская деятельность правителя далеко не полностью разделялась горожанами. И быть может, не случайно поэтому последним оплотом Деваштичу послужил не город, а замок на горе Муг, куда за ним последовали разделявшие его убеждения (или слишком тесно связанные с ним, для того чтобы отступить) жители города. Здания казармы, построенные

---

[4] Военные действия имели место и в 648—649 гг. [17, с. 234].

[5] В Согде это явление кроме Пенджикента отмечено в Тали Барзу и Варахше; в Хорезме ряд замков накануне арабского нашествия реконструирует стены.

на цитадели во второй четверти VIII в., принадлежали, вероятно, уже арабскому гарнизону. Это косвенно подтверждается находкой на цитадели в слоях этого времени арабского документа с перечнем лиц, получивших долю военной добычи [23, с. 38—41]. С конца VII в. и до запустения города в 70-х годах VIII в. каких-либо следов новых строительных работ на городских стенах не обнаружено.

Исследование оборонительных сооружений Пенджикента продолжается. Еще предстоит изучение стен, соединяющих цитадель и шахристан. Началось исследование комплекса главных ворот на юге, которое должно предоставить новые данные по исторической топографии города. С 1979 г. начались раскопки въезда в северо-восточном углу городища (объект IX), от которых ожидаются материалы по неизвестной сейчас судьбе городских укреплений во второй половине VIII в. Совершенно неисследованной остается и северная граница шахристана. Изучение и введение в научный оборот новых материалов, несомненно, в дальнейшем позволит уточнить и конкретизировать многие положения, высказанные в настоящей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Francfort H. P.* Les fortifications en Asie Centrale de l'âge du bronze à l'époque kouchane. In: Travaux de l'unité de rechérches archéologiques. Paris, 1979, 10.
2. *Сабиров К.* Оборонительные сооружения древних поселений и городов Средней Азии. Автореф. канд. дис. М.: МГУ, 1979.
3. *Пугаченкова Г. А.* Укрепления нижнего города.— В кн.: Дальверзин-тепе. Ташкент: Фан, 1978.
4. *Шишкина Г. В.* Самарканд во второй половине первого тысячелетия до н. э.— В кн.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (тезисы докладов). Ташкент: Фан, 1979.
5. *Le Berre M. et Schlumberger D.* Observations sur les remparts de Bactres.— MDAFA, 1964, t. XIX.
6. *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг.— МИА, 1964, № 124.
7. *Маршак Б. И.* Городская стена V—VII вв. в Пенджикенте.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (тезисы докладов конференции). Ч. II. Киев, 1975.
8. *Ставиский Б. Я.* Раскопки жилого здания на шахристане древнего Пенджикента в 1950 г.— МИА, 1953, № 37.
9. *Исаков А. И.* Цитадель Древнего Пенджикента. Душанбе: Дониш, 1977.
10. *Семенов Г. Л., Шкода В. Г.*— СА, 1980, № 2.— Рец. на кн.: Исаков А. И. Цитадель Древнего Пенджикента. Душанбе: Дониш, 1977.
11. *Беленицкий А. М., Исаков А. И., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Новые раскопки в Пенджикенте.— АО — 1976. М., 1977.
12. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Согдийский город в начале средних веков (Итоги и методы исследования древнего Пенджикента).— СА, 1981, № 2.
13. *Маршак Б. И.* К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.— СНВ, 1971, X.
14. Византийские историки / Пер. с греч. Дестуниса Ю. СПб, 1860.
15. *Гафуров Б. Г.* Таджики. М.: Наука, 1972.
16. *Бичурин Н. Я.* (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
17. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Изд-во вост. лит., 1967.
18. *Абдуллоев Д.* Пенджикент периода арабского завоевания Средней Азии и вопрос о согдийском культурном наследии. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1980.
19. Нершахи. История Бухары / Пер. Лыкошина Н. Ташкент, 1897.
20. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari cum allis / Ed. Goeje M. J. de. Lugduni Batavorum, series II. Leiden, 1881—1889.
21. *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidents. SPb, 1903.
22. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Древнейшее изображение осадной машины в Средней Азии.— В кн.: Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.: Аврора, 1978.
23. *Беленицкий А. М., Исаков А. И.* Ранняя арабская надпись на черепке из Пенджикента.— ЭВ, 1969, № 19.

G. L. Semyonov

THE WALLS OF PENDZHIKENT AND 5TH-8TH-CENTURY HISTORY OF SOGD

Summary

The author sums up the results of archaeological investigation of the walls of ancient Pendzhikent. He forwards a hypothesis that the Pendzhikent defensive system went through four consecutive stages in its development based on synchronous reconstructions of individual parts of fortifications revealed by diggings. These reconstructions are associated in the article with changes in foreign-political situation. The second stage is connected with foreign invasions, first of the Ephthalites, then Turkic and Chinese invasions. The third stage was occasioned by the threat from the Arabs who used siege machines. The inner wall of the citadel was demolished at the end of this stage due to pro-Arab sentiments of Devashtich, the town's ruler. The last stage, dated by the second quarter of the 8th century, was marked by stationing of Arab troops in the citadel and stopping of construction work there.

ГУРЕВИЧ Ф Д.

О ФОРМИРОВАНИИ ГОРОДОВ ЧЕРНОЙ РУСИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Вопросы становления древнерусских городов являются предметом оживленных суждений археологов. Новые и разнообразные археологические материалы, накопленные советскими исследователями, заставляют ученых вновь обращаться к проблемам происхождения крупнейших древнерусских городов — Киева, Новгорода, Полоцка, Пскова и Смоленска. Особенно остро дискутируются они применительно к древнему Смоленску [1, с. 8—54; 2, с. 32—61; 3, с. 170—178; 4, с. 10—17, 51—61, 90—96; 5, с. 63—85; 6, с. 33—37; 7, с. 73—79; 8, с. 9—13]. Подобная проблематика находится и в центре внимания зарубежных исследователей, занимающихся историей городов Центральной, Северной и Западной Европы [9; 10, с. 321—330]. Вопросы происхождения и развития городов актуальны и для небольших древнерусских городов. В сущности, каждый археолог, занимающийся культурой древнерусского города или группы городов, не может остаться от них в стороне.

Настоящая работа посвящена некоторым вопросам формирования городов Черной Руси по данным археологии. Черной Русью в исторической литературе называются русские земли Понеманья. В летописи и других средневековых письменных свидетельствах это наименование неизвестно. Попытки исследователей выяснить, почему за русскими землями Понеманья закрепилось наименование Черной Руси, не дали убедительных результатов, хотя оно прочно вошло в историческую науку, начиная с В. Н. Татищева [11, с. 311]. А. А. Спицын был первым археологом, который попытался определить древности Черной Руси, предполагая, что к ним следует отнести каменные могилы Понеманья XIII в. и более позднего времени [12, с. 303—310]. Советские археологи и историки унаследовали старую традицию и широко пользуются термином Черная Русь. Под этим же наименованием русские земли Понеманья фигурируют в польской историографии.

Летописные свидетельства о территории Черной Руси немногочисленны. Основным источником является галицко-волынский свод Ипатьевской летописи. Сохранившиеся сведения распределяются на два хронологических периода. К первому из них относятся данные, восходящие к XII в. и относящиеся исключительно к древнему Гродно (Городен, Городно) [13, стб. 292, 294 сл.]. Вторая группа свидетельств падает на XIII в., преимущественно на его вторую половину. В них, помимо Городно, летописец сообщает о городах Новогрудке (Новгородок), Волковыске (Волковыеск), Слониме (Услоним, Вслоним), Здитове и Турейске [13, стб. 816, 818 сл.]. К этим городам, зафиксированным в Ипатьевской летописи, вероятно, можно присоединить Несвиж, в связи с упоминанием в Новгородской летописи князя Юрия Несвижского, убитого в 1224 г. [14, с. 267].

По летописным данным города Черной Руси известны не ранее XII в. Однако существует мнение, что один из городов, а именно Новогрудок, был заложен Ярославом Мудрым в 40-х годах XI в. Основано оно на летописном сообщении под 1044 г. о походе этого князя на Литву и строительстве им Новгорода. Еще Н. П. Барсов сомневался в том, что данное сообщение о Новгороде относится к Новогрудку в Понеманье, позднее это же сомнение высказал и Г. Ловмянский [15, с. 40; 16, с. 273]. В. Т. Пашуто прямо утверждает, что Новгород, упомянутый в связи с походом Ярослава,— не Новогрудок [17, с. 11].

Скупо упомянутые в письменных источниках древнерусские города Понеманья так же скупо отражены в политической истории Древней Руси. Вместе с тем хозяйство и культура этих городов, восстанавливаемые по археологическим данным XII—XIII вв., находились на уровне передовых древнерусских городов. Более того, без учета тех особенностей, которые города Черной Руси внесли в общерусскую культуру XII и XIII вв., характеристика последней была бы неполной. Так, в итоге раскопок Гродно и Волковыска была выявлена гродненская архитектурная школа. Исследованиями в Новогрудке открыты остатки единственного в своем роде богатого квартала на территории Окольного города. Археологические материалы городов Черной Руси дают возможность установить новые черты ремесленной и торговой деятельности горожан, в том числе плодотворные внешние связи с Византией и странами Ближнего Востока, а также освещают другие, ранее не известные стороны культуры древнерусского города XII—XIII вв. [18, с. 78—148; 19, с. 237—240; 20, с. 420—428; 21, с. 25—82, 100—117; 22, с. 96—98].

Эти особенности культуры городов Черной Руси XII—XIII вв., безусловно, связаны с их более ранней историей. Археологические работы, которые в разной степени коснулись всех летописных городов Черной Руси (за исключением Несвижа), коренным образом меняют представление о времени их основания.

В процессе археологического изучения поселений Черной Руси выявился еще один памятник, упомянутый в письменном источнике. Речь идет о Вевереске, известном среди литовских городов, перечисленных в «Списке городов, дальних и ближних». Этот список, помещенный в Первой Новгородской летописи [14, с. 476], М. Н. Тихомиров относит к XIV в. [23, с. 216, 217]. Обследуя памятники Черной Руси, В. В. Седов связал два городища на правобережье Немана с двумя городами «Списка». Одно из них, городище у дер. Кульбачи, близ пос. Острино Щучинского р-на Гродненской обл., автор предложил считать остатками города Острея, который М. Н. Тихомиров поместил в Псковской земле. Второе городище у дер. Костенево того же района, недалеко от р. Ваверки, по мнению автора, соответствует городу Вевереску (его местонахождение М. Н. Тихомировым не установлено) [23, с. 237; 24, с. 27—31].

Локализация, предложенная В. В. Седовым для Вевереска, представляется убедительной. М. А. Ткачев, производивший на этом памятнике археологические работы в 1976 г., установил, что уже в XI в. поселение имело мощный вал, облицованный булыжником, и, судя по материалам, существовало с XI по XVI в. [25, с. 418]. Что касается города Острея, то остатки его были открыты экспедицией Гос. Эрмитажа на оз. Острие Новосокольнического р-на Псковской обл. [26, с. 8; 27, с. 25]. В данном случае оправдана локализация этого города, предложенная М. Н. Тихомировым.

Таким образом, в письменных памятниках упомянуто восемь городов: Городно, Новогородок, Волковыеск, Услоним, Турейск, Здитов, Несвиж и Вевереск. На всех этих городах, за исключением Несвижа, производились археологические работы. Длительным стационарным раскопкам подверглись три города — Городно, Волковыеск и Новогородок, расположенные на территории современных Гродно, Волковыска и Новогрудка. Первое место по раскопанной площади принадлежит древнему Волковыску — около 3800 м². В Новогрудке древнерусский слой вскрыт на площади около 3000 м², а в Гродно на территории детинца исследовано около 1750 м². Кроме того, археологические работы в этом городе велись на Коложском плато, где раскопано более 660 м². Небольшие раскопки, при которых вскрыта площадь более 200 м², велись в Слониме [18, рис. 6; 28, с. 276; 21, с. 7; 29, с. 350; 30, с. 360; 31, с. 372; 32, с. 407; 22, с. 90; 33, с. 90]. Размеры раскопанной площади в Турейске, где археологические работы производились в течение четырех сезонов, в литературе неизвестны. Изучение Здитова и Вевереска находится на начальной стадии. К сожалению, за исключением Новогрудка и в какой-то мере Слонима, почти не исследованы поселения и погребальные памятники,

находящиеся вблизи городов Черной Руси, что, несомненно, обедняет наши представления о процессе становления последних.

Материалы Гродно, Волковыска и Новогрудка дают определенную возможность восстановить картину формирования городов Черной Руси, в то время как материалы остальных городов этой земли позволяют лишь ставить вопрос о времени возникновения поселений на их месте.

В статье, опубликованной в 1980 г. [2], автором были предложены выводы относительно формирования древнего Новогрудка. В итоге 20-летних археологических работ на территории этого города удалось установить, что летописный Новогородок в конце X в. существовал в виде неукрепленного поселения на возвышенности Малый Замок, а в первой половине XI в. состоял из двух неукрепленных поселений, из которых второе было основано на территории, соседней с Малым Замком,— Замковой горе. Оба эти холма перед их заселением пустовали. Во второй половине XI в. поселение на Замковой горе, обнесенное валом, превращается в детинец Новогородка, а на территории Малого Замка возникает городской посад. Последний, с возведением на нем вала в начале XII в., становится окольным городом. В таком виде летописный Новогородок, в составе которого была и неукрепленная часть города, существует до конца XIII в., когда он входит в состав Литовского государства [22, с. 90]. Становление города происходило одновременно с колонизацией древнерусским населением плодородных земель Новогрудской возвышенности. Сельские памятники в окрестностях города появляются одновременно с заселением Новогрудка в конце X и начале XI в. Поселения и погребальные памятники предшествующего времени здесь пока неизвестны.

Как же формировался древнерусский Волковыск, археологические материалы которого очень близки новогрудским? В книге, посвященной этому городу, Я. Г. Зверуго пишет, что в конце X в. Волковыск был основан в качестве военной крепости на славяно-литовском побережье, а городом в собственном смысле этого слова, т. е. средоточием ремесла и торговли, он становится в первой половине XII в. [21, с. 131, 133]. Материалы, добытые этим автором, а также его предшественниками Г. И. Пехом и В. Р. Тарасенко [34, с. 231—236; 35, с. 258—279], позволяют дать несколько иную их атрибуцию и проследить более детально процесс формирования древнего Волковыска.

Жители Волковыска, как и древние новогрудцы, заняли пустовавшие холмы — Шведскую гору, Замчище — и находящуюся в некотором отдалении от них (в 500 м) возвышенность Муравельник. Заселение холмов происходило неравномерно. Раньше других волковысских холмов было основано неукрепленное поселение на Шведской горе. Судя по тому, что в культурном слое древнейшего поселения найдена керамика, бытовавшая не позднее X в. [21, с. 15], оно возникло несколько раньше неукрепленного поселения на холме Малый Замок в Новогрудке, где наряду с архаическими горшками встречаются сосуды с более сложным венчиком. Однако хронологический разрыв между первоначальными поселениями обоих городов невелик.

Одновременно с ранним поселением на Шведской горе существовало городище Муравельник, огражденное валом, насыпанным на материке. Культурного слоя на нем не было. По мнению П. А. Раппопорта, Муравельник был основан в качестве убежища [19, с. 238]. В первой половине XI в. оно превращается в крепость, жилища которой находились у вала. Найдены хозяйственные и бытовые вещи, среди которых очень интересны две одинаковые серебряные ажурные привески [21, рис. 13, *6*; 36, с. 310]. Аналогии им можно указать в Бирке [37, табл. 98, *27—30*]. Обращают на себя внимание предметы вооружения: наконечники копья и стрел, псалия от удил, а особенно серия шпор, в числе которых имеются экземпляры, украшенные насечкой и инкрустацией. Судя по этим находкам, среди обитателей Муравельника, где поселение существовало лишь до середины XI в. [21, с. 18, 114, 116], выделяется прослойка конных воинов. Вполне вероятно, что одному из них принадлежал парадный наконечник копья с серебряной насечкой и орнаментированный пле-

Заселение холмов древних Новогрудка и Волковыска

Дата	Новогрудок		Волковыск		
	Замковая гора	Малый Замок	Шведская гора	Замчище	Муравельник
Вторая половина – конец X в.	–	Неукрепленное поселение	Неукрепленное поселение		Убежище
Первая половина XI в.	Неукрепленное поселение	То же	Неукрепленное поселение, впоследствии огражденное валом	Неукрепленное поселение	Укрепленное поселение
Вторая половина XI в.	Детинец	Посад	Детинец	Посад	–
XII–XIII вв.	»	Окольный город	»	Окольный город	–

тенкой, найденный в конце XIX в. вблизи Волковыска. Он аналогичен наконечникам копий из Польши, Швеции и о. Готланд и датируется X в. [38, с. 13]. По условиям находки этот наконечник мог происходить из погребения.

В это же время, когда заселяется Муравельник, появляется открытое поселение на территории Замчища — холма, соседнего со Шведской горой [21, с. 20]. Прекращение жизни на Муравельнике находится в связи с возведением вала на Шведской горе. В свое время эту особенность волковысских поселений отметил П. А. Раппопорт [19, с. 238]. С. В. Белецкий и Ю. М. Лесман в рецензии на книги о средневековых городах Белоруссии, изданных Я. Г. Зверуго, П. Ф. Лысенко и Г. В. Штыховым, справедливо отметили, что исторические судьбы Муравельника и Шведской горы напоминают картину, которая характерна для Полоцка, когда жизнь с Полоцкого городища была перенесена на Верхний Замок [39, с. 312]. Возможно, передача функций крепости с Муравельника на Шведскую гору происходила постепенно. С прекращением жизни на Муравельнике Шведская гора становится детинцем древнего Волковыска, а неукрепленное Замчище — его посадом.

Еще одно изменение в облике древнего Волковыска происходит в начале XII в., когда на посаде сооружается вал [19, с. 237], превращающий посад в окольный город, как это имело место в Новогрудке. В таблице мы попытались сопоставить постепенное развитие поселений на холмах обоих городов Черной Руси.

Как видно из таблицы, к одинаковой планировке, характерной для обоих городов начиная со второй половины XI в., Новогрудок и Волковыск шли сходными, хотя и несколько различными путями. В процессе формирования города для Волковыска был характерен период, когда в нем существовало военно-оборонительное поселение — Муравельник. Однако большая часть археологического материала свидетельствует о том, что Волковыск складывался из неукрепленных поселений, к которым помимо пунктов, известных на Шведской горе и Замчище, следует прибавить также поселения в низинах, существовавших в X и XI вв. [21, с. 20]. Материалы Волковыска, как и Новогрудка, отражают завершающий этап колонизации Понеманья славянским населением. Временем сложения этих городов следует считать период, когда в них складываются детинцы и посады.

По своему этническому составу население, основавшее Волковыск, несколько отличается от населения Новогрудка. Основная масса переселенцев, основавших древний Волковыск, была южнорусского происхождения. Это единственный город в Понеманье, обитатели которого со времени заселения этой территории и вплоть до конца XI в. жили исключительно в полуземлянках, а на городище Муравельник открыта настоящая землянка, углубленная в материк на 1,1—1,3 м [35, с. 268; 21, с. 23, 24; 36, с. 310]. Существование южнорусской домостроительной традиции в

течение более чем столетнего периода свидетельствует о том, что заселение Волковыска переселенцами из южнорусских земель было длительным процессом. В противном случае жители значительно раньше отказались бы от углубленных жилищ, сменив их на наземные постройки, характерные для обитателей этой лесной зоны.

Часть жителей первоначального Волковыска была родом из Волыни. Об этом свидетельствует керамика — горшки так называемого волынского типа, характерные для первоначального поселения на Шведской горе. По заключению М. В. Малевской, горшки этого типа — с резко отогнутым венчиком, покатыми плечиками и конусовидным туловом — в сочетании с более ранней керамикой выделывались в Западной Волыни в IX — середине X в. [21, с. 13; 40, с. 14—17]. На колонизацию этих земель с юга обратил в свое время внимание Н. Н. Воронин, отметив совпадение наименований реки Россь, левого притока Немана (в нее впадает Волковыя, на которой стоит интересующий нас город), с Росью Днепровской [18, с. 196].

Наряду с основными переселенцами южнорусского происхождения в этническом составе раннего Волковыска довольно отчетливо прослеживается присутствие западнославянского населения. Оно проявляется в соответствующей керамике, для которой характерны формы мазовецкой посуды и орнамент, нанесенный штампом, а также излюбленные украшения западнославянских женщин — височные кольца с S-видным завитком [21, с. 17, рис. 13, *43*; 24, с. 9]. В этой связи весьма интересен могильник в местечке Подрось в волковысской округе, расположенный на берегу Волковыи. Материалы этого могильника, раскопанного в 1936 г. польским археологом Я. Фитцке, были опубликованы Д. Ясканис [41] и дополнены Л. Д. Поболем [42]. Могильник состоит из двух типов погребальных сооружений — курганов и каменных могил. Раскопано 11 курганов и восемь каменных могил. В курганах высотой 0,4—0,9 м были каменные вымостки. Погребения в курганах и каменных могилах произведены по обряду трупоположения. В обоих типах погребальных сооружений встречен одинаковый инвентарь, представленный горшками с отогнутыми венчиками и вертикальным горлом, а также височными кольцами в полтора оборота и с S-видным завитком, стеклянными бусами, в числе которых бочковидные с золотой и серебряной прокладкой, зонные из цветного стекла и другие вещи. Д. Ясканис датирует могильник у дер. Подрось XI—XII вв. и считает его смешанным дреговичским-мазовецким [41, с. 337—363; 42, с. 132, 136].

Курганы указанного могильника, отнесенного автором к погребальным памятникам дреговичей, отличаются от характерных дреговичским погребальных сооружений своими каменными вымостками, но они бесспорно восточнославянские. Вместе с тем Д. Ясканис справедливо отметила этническую смешанность населения, оставившего этот могильник, поскольку каменные могилы этого памятника являются погребальными памятниками, характерными для Мазовии и Подляшья [43, с. 435—486]. Сохранив традиционные погребальные сооружения и некоторые элементы обряда, восточно- и западнославянское население данного могильника пользуется одним и тем же инвентарем. Это дает основание предполагать, что западнославянское население проникло в эту часть Понеманья довольно рано и имеет прямое отношение к этническому составу населения раннего Волковыска. Такое предположение тем более вероятно, что вещевые находки этого могильника аналогичны вещам из Волковыска.

О наличии балтского населения в составе жителей раннего Волковыска могут свидетельствовать найденные в слоях X—XI вв. железные украшения местной выделки, воспроизводящие украшения Прибалтики. Речь идет в первую очередь о подковообразных пряжках, не характерных для южнорусских древностей, в то время как основной контингент жителей древнего Волковыска был с юга. Таким, судя по археологическим материалам, представляется этнический состав Волковыска — древнейшего города Черной Руси.

Несколько по-иному решаются эти вопросы применительно к древнему Гродно — третьему городу Черной Руси, раскопанному широкой площадью. Н. Н. Воронин относил начало жизни на гродненском детинце — Старом Замке — ко второй половине или даже концу XI в., подчеркивая, что возникновение поселения на нем не может быть отодвинуто далеко вглубь от начала XII в. [18, с. 45]. Таким образом, Гродно было основано на столетие позднее, чем Волковыск и Новогрудок. Следует при этом отметить, что на гродненском поселении встречены отдельные вещи, характерные для русских древностей XII в.: шпора с пирамидальным шипом [18, рис. 13, *2*; 45, с. 66], ключ с отогнутой лопастью [18, рис. 1, *8*; 46, с. 97] и др.

Древнейшее поселение на гродненском детинце вскоре гибнет от пожара, и новый этап его истории связан со строительством Нижней церкви [18, с. 45, 52]. В этом плане интересна новая датировка этого храма и других памятников монументального зодчества древнего Гродно, принадлежащая П. А. Раппопорту. Исследователь приходит к выводу, что все они, включая церковь, открытую на городском посаде в 1980 г. [47], были сооружены одной строительной артелью в 70—80-х годах XII в.[1] Дата возведения Нижней церкви на детинце является еще одним подтверждением вывода Н. Н. Воронина о том, что древнейший поселок на гродненском детинце был основан незадолго до XII в. Раскопки на Коложском плато в Гродно показали, что заселение этой территории началось не ранее XII в. [30, с. 360]. Нельзя не отметить, что основание Гродно происходит в иных топографических условиях по сравнению с Новогрудком и Волковыском. Его детинец, находящийся на мысу высотой 32 м, у слияния реки Городничанки с Неманом — основной водной артерией Черной Руси, на границе Руси с ятвягами и Литвой, дает тот вариант города, когда, как писал Н. Н. Воронин, «исходной ячейкой является феодальный замок, крепость, постепенно притягивающая к себе ремесленное население» [18, с. 197]. При этом Городен или Гродно является единственным городом Черной Руси, который известен в летописи под XII в. в связи с политическими и военными контактами его князей с Киевом [13, стб. 292, 294]. Археологические материалы свидетельствуют в пользу того, что древнее Гродно было основано не только позднее ранее рассмотренных городов, но и имело при своем возникновении иной социальный облик. Был ли у древнего Гродно догородской период истории, покажут будущие раскопки этого памятника.

Археологические материалы небольших раскопок древнего Слонима опубликованы лишь предварительно. Первый исследователь древностей этого города Г. И. Пех предполагал, что город возник на месте поселения, которое существовало в XI в., а может быть, и несколько ранее [28, с. 269]. По мнению Я. Г. Зверуго, время основания Слонима — вторая половина XI — начало XII в. Судя по опубликованным материалам, наиболее ранние стеклянные браслеты в этом городе встречены на глубине 2,90—3,10 м, в то время как материк открыт на глубине 4,7 м [48, с. 63; 49, с. 254, 269]. Культурный слой мощностью более 1,5 м, предшествующий слою с находками стеклянных браслетов,— хорошее свидетельство существования поселения в XI в., а возможно, и ранее. Для вопроса о формировании древнего Слонима несомненный интерес представляют городище и селище на Косовском тракте в 1 км от города, которые датируются X в. Важным обстоятельством является наличие большого числа селищ эпохи Киевской Руси в среднем течении р. Щары, на которой стоит Слоним [50, с. 151, 154].

Материалы городища у дер. Турейск Щучинского р-на Гродненской обл., на котором вели раскопки К. Т. Ковальская (1961—1962 гг.)[2] и Я. Г. Зверуго (1969—1970 гг.), не опубликованы. Такие находки, как

---

[1] Любезно сообщено П. А. Раппопортом.

[2] Автор благодарен К. Т. Ковальской за разрешение ознакомиться с раскопанными ею материалами.

фрагменты амфор, стеклянные браслеты, книжная застежка и др., не оставляют сомнения в том, что раскопками были вскрыты остатки летописного Турийска. Время его возникновения пока определяется в широких хронологических рамках — вторая половина XI—XII в. [33, с. 148, 149].

Древний Здитов является четвертым городом Черной Руси, который летописец упоминает под 1252 г. наряду с Новогрудком, Волковыском и Слонимом в связи с походом Даниила Галицкого: «А сам (Даниил — *Ф. Г.*) иде ко Здитову» [13, стб. 816]. Об этом же городе писал М. Стрыйковский, сообщая, что волынские князья в 1252 г. отправились из Новогрудка в Здитов, «разрушая и опустошая край Миндовга и занимая многие литовские замки» [51, с. 287].

Поиски летописного Здитова осложнялись тем, что на территории западных областей Белоруссии имеется довольно много населенных пунктов с таким наименованием [52, с. 56, 57]. В 1970 г. М. А. Ткачев обследовал городище у дер. Старомлыны Дорогобужского р-на Брестской обл., находящееся в 4 км от местечка Здитов и занимающее холм в заболоченной пойме р. Ясельды — притока Припяти. Здесь же производил раскопки Я. Г. Зверуго. На городище открыт культурный слой мощностью до 1,5 м с керамикой XI—XIII вв. [53, с. 308; 33, с. 144].

Археологические работы, производившиеся на территории летописных городов Черной Руси, а также в Вереске, упомянутом в памятнике XIV в., показали, что они намного древнее тех дат, под которыми впервые появляются в письменных источниках. Для Волковыска и Новогрудка разрыв между данными летописца и археологическими материалами составляет более 250 лет, а для остальных городов — более 200 лет. Исключение составляет лишь древнее Гродно, первое упоминание о котором под 1128 г. соответствует наиболее ранним его археологическим материалам. Новогрудок, Волковыск и Гродно, раскопанные широкими площадями, рисуют своеобразие становления городских поселений Черной Руси, в то время как для остальных городов лишь уточняется дата их возникновения.

В письменных источниках известны данные лишь о семи городах Черной Руси (вопрос о том, можно ли к ним присоединить Несвиж, остается пока неясным). Количество их невелико, если сравнить с тем, что на соседних Полоцкой и Туровской землях в летописи и других письменных источниках известно вдвое больше городов. Это может объясняться тем, что по своим размерам территория Черной Руси намного меньше упомянутых выше земель. Однако в письменных свидетельствах, видимо, уномянуты не все чернорусские города. В сообщении под 1252 г., в котором упоминается о походе Даниила на Новогрудок, Волковыск, Слоним и Здитов, говорится, что волынский князь «... поимаше города многи» [13, стб. 816]. В летописи под 1256 г. князь Войшелк передал Роману, сыну Даниила, Новогрудок, Волковыск и Слоним и «вси города» [13, стб. 831].

При недостаточной осведомленности летописца о Черной Руси данные о некоторых городах этой земли могли не дойти до него. В связи с этим особый интерес представляют безымянные укрепленные поселения Черной Руси. Около 30 городищ Понеманья были обследованы археологами, но стационарные раскопки производились только на городище у дер. Индура, которыми в 1954—1955 и 1964 гг. руководила К. Т. Ковальская.

В соответствии с археологическими материалами, полученными при исследовании летописных городов Черной Руси, безымянные городища этой земли могут быть распределены на три группы. К первой из них относятся укрепленные поселения, существовавшие до образования древнерусских городов. Во вторую группу включаются поселения, синхронные ранним городом Понеманья, т. е. X—XI вв. или несколько древнее их. Городища, входящие в третью группу, датируются XII—XIII вв.— временем расцвета древнерусских городов Понеманья (рис. 1).

В первую группу входят четыре городища, три из которых находятся на правобережье Немана, на его притоке Дзитве, а четвертое — на мысу

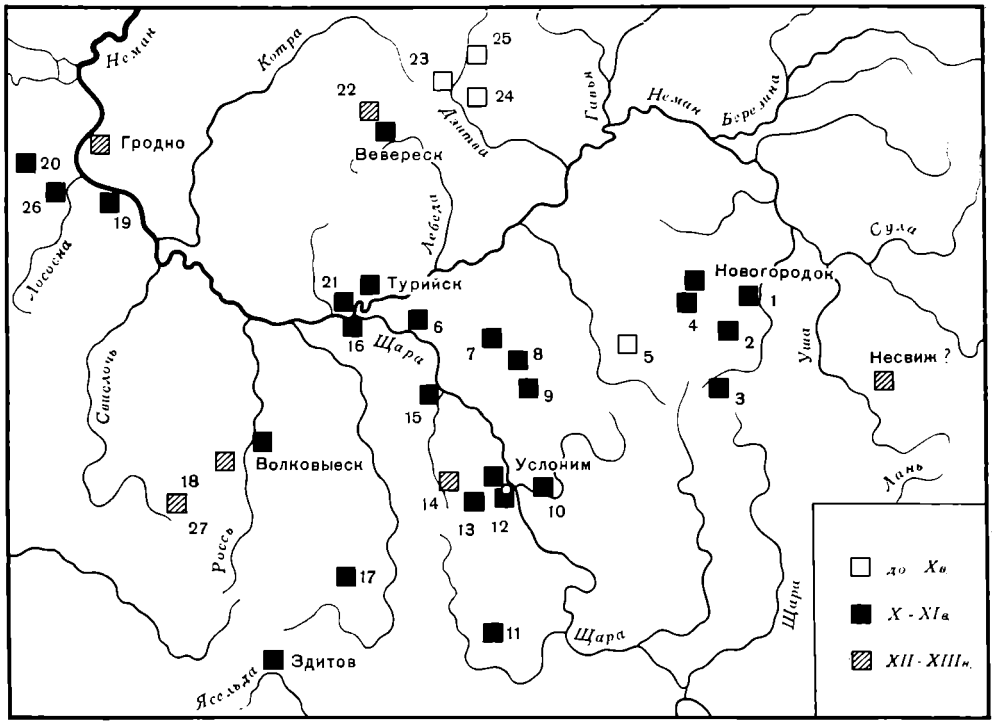


Рис. 1. Летописные города Черной Руси и городища, изучавшиеся археологами. *1* — Селище, *2* — Пурневичи, *3* — Городище, *4* — Радогоща, *5* — Огородники, *6* — Москали, *7* — Санюки, *8* — Высоцк, *9* — Деревна, *10* —Тальковщина, *11* — Меречевщина, *12* — Косовский тракт, *13* — Жировицы, *14* — Збочно, *15* — Яново, *16* — Новоселки, *17* — Кошели, *18* — Мстибово, *19* — Жиличи. *20* — Индура, *21* — Голынка, *22* — Кульбачи, *23* — Мыто, *24* — Ольжево, *25* — Щурок, *26* — Бычки, *27* — Городыско

коренного берега Молчади — левого притока Немана. Для городищ этой группы характерны исключительно лепные слабопрофилированные сосуды [54, с. 253; 56, с. 170, 171].

Большая часть исследованных городищ второй группы (около 20) расположена на левобережье Немана. Эти памятники характеризуются раннегончарной керамикой, иногда сочетающейся с лепной. Появление таких городищ можно связывать с той волной славянской колонизации, которая завершается основанием на этой территории первых древнерусских городов.

К памятникам второй группы относится городище у дер. Индура — единственный, как указывалось выше, памятник этого рода, на котором производились археологические раскопки[3]. Городище расположено в 500 м от реки на невысоком мысовом всхолмлении. Наиболее высокую часть его занимает центральная площадка, огражденная валом высотой около 1 м и рвом. Валом окружена также вторая наружная площадка, а в юго-западной части сохранился отрезок промежуточного, третьего вала [56, с. 83—85; 50, с. 135].

Наиболее интенсивно была заселена северная часть наружной площадки городища, где мощность культурного слоя достигает 1 м, в то время как в центре толщина его 20—40 см. В слое найдено много круговой керамики, характерной для древнерусских поселений X—XI вв., но определенная часть сосудов имеет штампованный орнамент и налепной валик, характерные для западнославянской керамики. Среди других находок встречены: коса-горбуша, серп, жернова, рыболовный крючок, ножи, глиняные прялица и другие вещи. Интересной находкой является костяная

[3] О материалах этого городища, находящихся в Гродненском историко-археологическом музее, мы сообщаем с любезного разрешения К. Т. Ковальской.

пластинка — штамп для нанесения орнамента на глиняные сосуды. Среди металлических украшений встречены перстень с завязанными концами, подковообразная пряжка с многогранными головками, обломки пластинчатого и плоско-выпуклого браслетов. Отметим также наконечники стрел, среди которых имеется втульчатый двушипный, шпору, инкрустированную проволокой и аналогичную шпорам городища Муравельник в Волковыске, а также железную пряжку от снаряжения коня.

Городище у дер. Индура имеет некоторые черты сходства с синхронным городищем Муравельник в Волковыске. Оба памятника хорошо укреплены. В обоих случаях активное заселение наблюдается по краям площадок, а среди его жителей, судя по находкам, в это раннее время выделяются конные воины. Различие между обоими укрепленными поселениями заключается в том, что жизнь, прекратившаяся на Муравельнике, переносится на Шведскую гору, ставшую детинцем древнего Волковыска, в то время как поселение на городище у дер. Индура не имеет видимого продолжения. Окружение этого памятника еще не исследовано. Находясь в гродненской округе, это городище по своему культурному облику предшествует древнерусскому Гродно, хотя трудно говорить о каких-либо непосредственных связях между ними.

Городища третьей группы немногочисленны и представлены четырьмя памятниками XII—XIII вв., выделяющимися своими оборонительными сооружениями. Одно из них, у местечка Мстибово Волковыского р-на Гродненской обл., определено П. А. Раппопортом как усадьба волынского боярина Мстибога, упомянутого в Ипатьевской летописи под 1202 г. [57, с. 26, 184]. Значительный культурный слой открыт на городище у дер. Кульбачи Щучинского р-на Гродненской обл. Ядро или основание его вала выложено из камней [24, с. 271]. Хорошее оборонительное сооружение представляет собой городище у дер. Збочно Слонимского р-на Гродненской обл. Оно окружено двумя валами и имеет культурный слой толщиной 70 см. У подножия городища в свое время был курганный могильник [55, с. 192]. По предположению В. В. Седова, этот памятник мог быть остатком древнерусского города [24, с. 31, 32]. Городище (XII—XV вв.) у дер. Городыско Свислочского р-на Гродненской обл. имело прямоугольную форму. П. А. Раппопорт относит такие городища к укреплениям волынского типа [42, с. 31; 56, с. 51—56].

Помимо тех городищ на территории Черной Руси, которые были обследованы археологами, имеется немало укрепленных поселений, атрибуция которых еще не установлена. Начальный этап изучения безымянных городищ Понеманья свидетельствует о том, что необходимо более углубленное изучение этих памятников. Не исключено, что в итоге дальнейших археологических работ по исследованию городищ характеристика летописца территории Черной Руси как земли, где были «города многы», может получить свое реальное воплощение.

Таковы те археологические материалы, которые в настоящее время могут быть привлечены для постановки вопросов о времени возникновения и особенностях формирования городов на территории Черной Руси. Они коренным образом меняют представления, которые сложились по этим вопросам в свое время в исторической науке на основании летописных и иных данных, но нуждаются в непрерывном пополнении новыми данными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Толочко П. П.* Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1976.
2. *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы).— История СССР, 1971, № 2.
3. *Куза А. В.* Новгородская земля.— В кн.: Древнерусские княжества X—XII вв. М.: Наука, 1975.
4. *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
5. *Авдусин Д. А.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии.— В кн.: Смоленск. К 1100-летию первого упоминания города в летописи. Смоленск, 1967.

6. *Ляпушкин И. И.* Гнездово и Смоленск.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
7. *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Древний Смоленск.— СА, 1979, № 1.
8. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. М.: Наука, 1980.
9. Vor und Frühformen der europäischen Stadt im Mittellalter. Göttingen, B. I, 1973, B. II, 1974.
10. *Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Дубов И. В.*— СА, 1978, № 2 — Рец. на кн.: Vor und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, B. I, 1973, B. II, 1974.
11. *Татищев В. Н.* История Российская. Т. II. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
12. *Спицын А. А.* Предполагаемые древности Черной Руси.— ЗОРСА, 1899, т. IX, кн. 4.
13. ПСРЛ. Т. II. М., 1962.
14. НПЛ. М.— Л., 1950.
15. *Барсов Н. П.* Очерки Русской исторической географии. Варшава, 1885.
16. *Lowmiański H.* Studia nad początkami społeczeństwa i państwa Litewskiego. Wilno, 1932, t. I.
17. *Пашуто В. Т.* Образование литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
18. *Воронин Н. Н.* Древнее Гродно.— МИА, 1954, № 41.
19. *Раппопорт П. А.* Раскопки в Волковыске в 1959 г.— СА, 1963, № 1.
20. *Каргер М. К.* К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске.— В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
21. *Зверуго Я. Г.* Древний Волковыск X—XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975.
22. *Гуревич Ф. Д.* Детинец и окольный город древнерусского Новогрудка в свете археологических работ 1956—1977 гг.— СА, 1980, № 4.
23. *Тихомиров М. Н.* Список древнерусских городов дальних и ближних.— Исторические записки, 1952, т. 40.
24. *Седов В. В.* К истории поселений Черной Руси.— КСИА, 1974, вып. 139.
25. *Ткачев М. А.* Работы Посожского отряда.— АО — 1976. М., 1977.
26. *Беспалова Т. И., Микляев А. М., Михайлов В. И., Осокин И. В., Платонова Н. И., Янковский С. П.* О работах в Псковской области.— АО — 1976. М., 1977.
27. *Микляев А. М., Солдатов В. М., Михайлов В. И., Янковский С. И.* Работы на юге Псковской области.— АО — 1977. М., 1978.
28. *Пех Г. И.* Раскопки древнего Слонима.— В кн.: Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий. Минск, 1966.
29. *Зверуго Я. Г.* Раскопки в Слониме.— АО — 1968. М., 1969.
30. *Зверуго Я. Г.* Работы Верхненеманского отряда.— АО — 1972, М., 1973.
31. *Зверуго Я. Г.* Работы в Верхнем Понеманье.— АО — 1973. М., 1974.
32. *Зверуго Я. Г., Ткачев М. А.* Археологические исследования в Гродно.— АО — 1971. М., 1972.
33. Очерки по археологии БССР. Т. II. Минск: Наука и техника, 1972.
34. *Пех Г. И.* Раскопки в Волковыске в 1958 г.— СА, 1963, № 1.
35. *Тарасенко В. Р.* Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г.— В кн.: Материалы по археологии БССР. Т. 1. Минск, 1957.
36. *Зверуго Я. Г.* Раскопки на городище Муравельник в Волковыске.— АО — 1970. М., 1971.
37. *Arbman H.* Birka. Tafeln. Stockholm, 1940.
38. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ, вып. Е1—36. М.— Л., 1966.
39. *Белецкий С. В., Лесман Ю. М.* Новые публикации материалов раскопок средневековых городов Белоруссии.— СА, 1979, № 1.
40. *Малевская М. В.* Некоторые исторические связи Новогрудка (по материалам керамики).— КСИА, 1972, вып. 129.
41. *Jaskanis D.* Materiały z badań wczesnośredniewiecznego cmentrarzyska w miejscowości Podros koło Wołkowyska w BSRR.— Rocznik Białostocki, 1962, t. III.
42. *Поболь Л. Д.* Древности Белоруссии в музеях Польши. Минск: Наука и техника, 1979.
43. *Rauhut L.* Wczesnośredniewieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu. Materiały starożytne i wczesnośredniewieczne. T. I. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1971.
44. *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы.— Тр. ГИМ, 1967, вып. 43.
45. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, вып. Е1—36. Л., 1973.
46. *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, № 2.
47. *Пугач Ф.* Тайны Старого Гродно.— Гродненская правда, 7/VI 1980 г.
48. *Зверуго Я. Г.* О начальном периоде города Слонима.— В кн.: Этногенез белорусов. Минск, 1973.
49. *Зверуго Я. Г.* Археологические работы в Слониме.— В кн.: Беларускія старажытнасці. Мінск: Выдваецкі савет, 1972.
50. *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Вып. 2. Минск: Полымя, 1971.
51. ***Stryikowski M.*** Kronika polska, litewska, żmodzka i wszyzstkiej Rusi. T. 1. Warszawa, 1846.
52. *Раппопорт П. А.* Новые данные по исторической географии Волыни.— КСИА, 1964, вып. 99.
53. *Ткачев М. А.* Исследование памятников оборонного зодчества в Белоруссии.— АО — 1970. М., 1971.

54. *Гуревич Ф. Д.* Археологическая разведка в Понеманье в 1955 г.— В кн.: Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
55. *Гуревич Ф. Д.* Древности Белорусского Понеманья. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
56. *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, 1967, № 140.

F. D. Gurevich

ARCHAEOLOGICAL DATA ON URBAN DEVELOPMENT OF BLACK RUSSIA TOWNS

Summary

Under the Black Rus the Old Russian lands along the Nieman are meant. This region is inadequately reflected in chronicles and other written sources: the earliest chronicle data are related to the period not early than the 12th century. The archaeological data obtained during excavations on the Black Rus' territory revealed that urban development began in the second half of the 10th and 11th centuries. Archaeological studies of many years brought to light the fact that Volkovysk and Novogrudok, the most ancient urban centres of the region, were founded in the second half and late 10th century. It was the last stage of the Slavonic colonisation of the Nieman region. Both centres developed into towns from small settlements, the process being completed by the mid-11th century. Their heyday is dated by the 12th-13th centuries. Grodno, another urban centre of the Black Rus, where systematic archaeological investigations are conducted, is one century younger than Volkovysk and Novogrudok. At first it was a citadel on the border with Lithuania and the Yatvyags, later it became an urban centre where many artisans settled. Other towns of the Black Rus mentioned in chronicles appeared not later than the 11th century (Slonim, Turiisk and others). The diggings are conducted on a small scale there. The Ipaty chronicle for the year 1252 writes that there were many towns in the region. This leads to a conclusion that besides eight towns mentioned in the chronicle and other written sources, there were many other urban centres which await their turn to be studied by archaeologists.

ЗАХАРУК Ю. Н.

ОБ ОДНОЙ КОНЦЕПЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

На вопрос о том, являются ли археологические источники историческими, подавляющее большинство советских археологов несомненно ответят положительно. Однако сравнительно недавно на страницах нашей печати появилась точка зрения, отрицающая значение археологических источников как исторических. Вопрос стал дискуссионным. В ходе дискуссии была высказана еще одна — третья, «срединная» точка зрения, которая объявляла первые две упрощенными версиями. Это, естественно, обострило дискуссию, и проблема археологических источников приобрела особую актуальность.

Обоснование третьей точки зрения дано в учебном пособии, специально посвященном проблемам археологических источников [1]. Вопрос о природе и значении археологических источников представляет большой интерес потому, что, как сказано в пособии, «понятие „*археологические источники*“ принадлежит к числу фундаментальных понятий археологии» [1, с. 4], и потому, что «исследований, посвященных специально разработке этих понятий, нет, и всего несколько статей затрагивают отдельные аспекты темы» [1, с. 5]. По справедливому замечанию акад. Б. Б. Пиотровского в предисловии к пособию, неразработанность фундаментальных проблем археологии обусловливает их дискуссионность [1, с. 3]. Справедливо также утверждение автора пособия, что «теоретические исследования археологии только-только набирают силу» и что в этих условиях, «когда теоретическая работа нова и непривычна... легко сбиться в рассуждениях на „холостой ход“» [1, с. 115]. Проблема археологических источников, таким образом, обрела исключительно важное теоретическое и методологическое значение не только для студентов, но и для профессионалов.

Уже в историографическом разделе пособия автор ставит вопрос о том, «есть ли в археологических источниках историческая информация» [1, с. 24], и отмечает, что «по этому вопросу обнаружились резкие расхождения, обозначились крайние позиции» [1, с. 24]. Традиционная в советской науке точка зрения, согласно которой археологические источники являются историческими источниками, в пособии представлена цитатой из работы М. В. Аниковича, а «новую для советской археологии точку зрения» [1, с. 24], отрицающую историческую информацию в археологических источниках, представляет Г. П. Григорьев. Л. С. Клейн одинаково отрицательно относится к обеим концепциям. Он критикует М. А. Аниковича за то, что «никто не доказал, что в археологических источниках историческая информация предварительно содержалась» [1, с. 25], а Г. П. Григорьева за то, что «у него остается не ясным, откуда же берется историческая информация археологом, если ее в археологических источниках не было» [1, с. 24]. В этом Л. С. Клейн усматривает слабость обеих концепций. Для автора пособия «во всяком случае, ясно, что при современной постановке проблемы уже нельзя аттестовать археологические источники просто как одну из разновидностей исторических источников» [1, с. 25]. Однако для читателя это еще далеко не ясно. Не становится это яснее и после приведенной Л. С. Клейном аргументации. Аргументирует он свою точку зрения таким образом. Во-первых, об этом свидетельствует то обстоятельство, что «не только археология, но и этнография и криминалистика изучают вещи как источник инфор-

мации» [1, с. 25]. Изучают, но какую извлекают при этом информацию? Да и вещи, которые изучает этнография и криминалистика, отличаются, по Л. С. Клейну, от вещей, которые изучаются археологией. «От других вещественных археологические источники отличаются тем, что они древние» [1, с. 61]. А если это так, сопоставление вещей, изучаемых археологией, этнографией и криминалистикой, чисто формальное и ничего не доказывает.

Далее, на основании сопоставления источниковедческих методов археологии и исторической науки и констатации их бесспорного различия и специфики Л. С. Клейн заключает, что «археологические источники не могут быть поставлены в один ряд с теми, которые искони выступают как исторические, т. е. письменными» [1, с. 25]. Учебное пособие Л. С. Клейна как раз является хорошим примером того, что археологические и письменные источники не только сопоставимы, но сопоставление это необходимо, когда речь идет о выявлении их природы и специфики как исторических источников. Этому аспекту их сопоставления в учебном пособии уделено большое место. В этом смысле археологические источники и источники письменные могут быть поставлены в один общий ряд исторических источников. Иное дело чисто терминологический аспект этого вопроса. Действительно, традиционно сложилось так, что письменные источники обычно обозначаются как исторические. Если исходить из этой терминологической традиции, археологические источники не являются «историческими» (т. е. письменными).

Следует особо подчеркнуть, что в пособии такой широко используемый термин, как «исторический», применяется не всегда однозначно: то ли как синоним «письменный», то ли как термин, обозначающий объективный исторический процесс, то ли как синоним науки, изучающей прошлое на основании письменных источников. Нечеткое различение содержания такого термина на каждом шагу создает неясности, возможности различного его понимания, а следовательно, путаницу, совершенно не допустимую в любой работе, тем более в учебном пособии. И конечно, было бы большой методологической ошибкой считать историческими источниками только письменные источники на том основании, что они искони так именуются. При таком подходе к проблеме следовало бы признать единственной исторической наукой только науку, изучающую прошлое на основании письменных источников, поскольку последние именуются «историческими». Такое ущербное понимание «исторической науки» и «исторических источников» снимает саму возможность постановки вопроса об археологии как исторической науки и рассмотрения ее источников как особого вида источников исторических. В работе, специально посвященной фундаментальным понятиям исторического познания, четкое различение таких понятий, как «исторические источники», «письменные источники» и «археологические источники», обязательно. В тех же случаях, когда «историческая наука», «исторические источники» понимаются в «узком» или «исконном» смысле, они всегда должны в каждом случае непременно оговариваться.

Аргументом против того, что нельзя рассматривать археологические источники как «одну из разновидностей исторических», по Л. С. Клейну, служит то обстоятельство, что информация археологических источников «применяется не только в истории, но и социологии» [1, с. 25]. Значит ли это, что содержание информации археологических источников меняется в зависимости от того, в каких науках она применяется: в истории она историческая, в социологии — социологическая, в культурологии — культурологическая? Если быть последовательным, то в археологии следует допустить, как это и считает Г. П. Григорьев, только археологическую информацию. Но в этом случае она не может быть ни исторической, ни социологической. С другой стороны, возникает вопрос: правомерно ли противопоставлять социологическую информацию исторической, когда речь идет об источниках познания «истории людей», а не «истории природы»? Реконструируемая археологией на основании археологических источников история всегда социологическая, ибо это история людей в та-

кой же мере, как реконструкция истории на основании источников письменных. Поэтому различение и противопоставление в археологических, равно и исторических, источниках исторической и социологической информации неправомерно. Нет, следовательно, оснований, вопреки утверждению Л. С. Клейна, ставить под сомнение традиционную в нашей науке точку зрения на археологические источники как разновидность исторических.

Ссылаясь далее на более сложные, «чем представлялось еще недавно» [1, с. 25], соотношения понятий, Л. С. Клейн считает возможным утверждать, что «археологические источники то частично совпадают в своих функциях с историческими, то совершенно отмежевываются» [1, с. 25]. Читатель в недоумении, и ему не терпится узнать о ранее неизвестных внеисторических функциях археологических источников. Однако автор, прежде чем удовлетворить любопытство читателя, поражает его новым не только для археологии, но и для исторической науки парадоксальным вопросом: «А есть ли в исторических источниках историческая информация?» [1, с. 25]. Не более не менее. Автор как бы предостерегает читателя: можно ли серьезно говорить об исторической функции археологических источников, если сомнительна историческая информация даже в самих письменных источниках?

Как видим, в учебном пособии излагается новая, впервые публикуемая концепция археологических источников. Она противостоит двум ранее упомянутым: одной — утверждающей, другой — отрицающей историческую информацию археологических источников. Автор стремится, по его словам, вырваться «из развилки между двумя крайними позициями» путем преодоления «упрощенной недифференцированной, нерасчлененной версии понятия „исторический источник“» и уяснить «диалектическую природу „исторической информации“, подвижность и изменчивость также и этого понятия» [1, с. 25]. «Только тогда,— заключает автор,— яснее станет позиция „археологического источника“ в системе понятий исторических наук, а также и его роль как фундаментального понятия археологии» [1, с. 25].

Автор пособия прав, когда заявляет, что для того, чтобы понять, что такое археологические источники, «нужно прежде всего выявить специфику археологических источников и уяснить их соотношение с понятием „исторические источники“» [1, с. 26]. Для этого он счел нужным предварительно дать определение понятию «источник», полагая, очевидно, что это поможет определить содержание понятия «археологические источники». Однако это определение мало что дало. Термин «источник» полисемичен и в разных контекстах, в том числе и научных, имеет самое различное значение. Об этом красноречиво свидетельствуют примеры, приводимые автором. Термин «источник» в понятии «дипломатические и правительственные источники» не выполняет роль информации «о другом источнике», как полагает автор. Напротив, он в данном случае является синонимом термину «документ». Различно содержание термина «источник» в таких определениях, как «источник богатства» (труд), «источник света» (солнце), «источник знания» (книга). И конечно, совсем иное содержание этого термина в понятиях «исторические и археологические источники». Термин «источник» не является строго определенным научным понятием и поэтому не входит в систему исторических понятий. Иное дело, когда вместо термина «исторический источник» исследователи нередко пользуются сокращенно только одним словом «источник». В этом смысле, например, этот термин употреблен в цитируемом Л. С. Клейном месте из работы В. А. Дьякова, где речь идет об отсутствии до сих пор единства в понимании понятия «источники», подразумевая в данном случае под этим термином «исторические источники» [1, с. 32]. В более широком смысле термин «источник» употребляется в работе Г. Лабуды, посвященной проблемам систематики и интерпретации исторических источников [2, с. 3—48]. В этом случае под понятием источник (źródło) подразумеваются «все материальные и психофизические остатки, являющиеся продуктом и одновременно отражением и частью природных и об-

щественных процессов во времени и пространстве» [2, с. 22]. В этом определении, как отмечает другой польский исследователь, З. Трудзик, выражено «стремление к формулировке универсальной дефиниции источников, охватывающей все их категории и виды, поскольку они являются необходимым элементом всех наук, исследующих прошлое» [3, с. 57]. Как видим, под термином «источник» подразумеваются исторические источники различного значения: источники изучения истории природы и общества или только общества.

Обращая внимание на отсутствие единства взглядов в понимании термина «исторические источники», пособие справедливо подчеркивает, что «критерии рационального определения понятия „исторические источники" коренятся в его главной функции — служить средством исторического познания» [1, с. 32]. Казалось бы, главное в специфике понятия «исторические источники» определено. Однако тут же, словно забыв об этом важном положении, игнорируя упомянутый рациональный критерий, Л. С. Клейн заявляет, что лишь на первый взгляд кажется, «что всякая информация о прошлом и есть историческая информация», и поэтому «не все источники, содержащие информацию о прошлом, стоит называть „историческими", как это нередко предполагается» [1, с. 33]. Обратимся к аргументации автора. Л. С. Клейн исключает из числа исторических источников те из них, которые «содержат сведения только о глубоком прошлом Земли, до начала человеческого рода» [1, с. 33]. Речь идет о тех источниках и той информации, которые «обслуживают геологию, палеонтологию», а не историю «в собственном смысле — историю человеческого общества и культуры» [1, с. 33]. Возникает вопрос: на каком основании источники информации, обслуживающие геологию и палеонтологию, исключаются из «всякой информации о прошлом»? Разве их источники не являются историческими, разве они не выполняют функцию служить средством исторического познания? И это в равной мере касается как геологии и палеонтологии, так и истории «в собственном смысле слова» [1, с. 33]. Но дело не только в этих несоответствиях в рассуждениях автора. Важно другое: Л. С. Клейн подменяет один вопрос другим, одним доказывает другое. Если речь идет об исторических источниках и информации, обслуживающей только историю человеческого общества и культуры, то при чем здесь источники информации «о глубоком геологическом прошлом земли, до начала человеческого рода» [1, с. 33]? Если же речь идет о «всякой информации», о всех исторических источниках, то на каком основании они исключаются из числа источников, обслуживающих геологию и палеонтологию? Автором явно нарушены логические правила доказательств, в частности закон тождества, «игнорирование которого приводит к тому, что тезис остается недоказанным, поскольку при доказательстве происходит подмена тезиса (ignoratio elenchi) и доказывается или опровергается не тот тезис» [4, с. 167]. Тезис о «всякой информации о прошлом» подменяется тезисом об исторической информации, касающейся только «истории человеческого общества и культуры», и на основе последнего автор пытался доказать неправомерность первого.

После рассуждений о том, что факты и события, «которые действительно происходят (или происходили в отдаленном прошлом), не все достойны включения в историю» [1, с. 33], и о необходимости отбора фактов [1, с. 34] автор делает целую цепочку заключений о том, что «на практике, однако, чрезвычайно трудно провести четкую границу, отделяющую исторические источники от источников информации, бесполезной для истории» [1, с. 34], о невозможности «резко и жестко отделить исторические источники от бесполезных для истории» [1, с. 35], поскольку «интересы историков и их требования к информации изменяются со временем» [1, 35]. Все это верно, но лишь при условии, если предварительно не определено само понятие «исторические источники». В противном случае определение этого понятия вообще теряет всякий смысл. Это особенно ясно, когда автор в качестве парадокса источниковедения ставит действительно парадоксальный вопрос: «Есть ли в исторических источ-

никах историческая информация?» И отвечает: «И да и нет» [1, с. 36]. Для историка и археолога такого вопроса не существует. Ибо общеизвестно, «что объективной основой исторического знания являются исторические источники» [5, с. 214]. Клейн же в этом вопросе, как видим, занимает особую, «срединную» позицию. Он иронизирует по поводу того, что историческая информация не может содержаться в источнике, «будто молоко в кувшине» [1, с. 36]. «Она,— продолжает автор,— не существует предварительно в источнике... а вырастает из информации источников „о прошлом"... в процессе ее потребления» [1, с. 36]. Исторической информации, по Л. С. Клейну, «нет не только в археологических, но и любых исторических источниках в первоначальном состоянии» [1, с. 36]. Очевидно, таким суждением автор доказывает отсутствие исторической информации в исторических источниках (его ответ — «нет»). Но поскольку любые исторические источники «еще могут в будущем оказаться таковыми» [1, с. 36], т. е. стать источниками исторической информации, Л. С. Клейн доказывает наличие исторической информации в исторических источниках (ответ — «да»). Такими вот странными рассуждениями об исторических источниках без предварительной информации и исторической информации вне исторических источников Л. С. Клейн аргументирует свой парадоксальный ответ на парадоксальный вопрос и свою «срединную» концепцию.

Отмечая «трудности в обращении с понятием „исторический источник"» [1, с. 36], его разнообразными, зачастую противоречивыми, непримиримыми функциями в исследовательском обиходе, автор заключает: «Все может сгодиться для познания исторического прошлого — все есть исторический источник. Но не все сгождается — не все есть исторический источник» [1, с. 36]. Как понять это — все есть и не все есть исторический источник? Ссылки на «разные права на статус „исторического источника"» [1, с. 36], на разное значение исторического источника «в разных контекстах» никак не объясняют эти два рядом стоящие и взаимоисключающие утверждения. Эта противоречивость не только не избавляет, а, напротив, безотлагательно требует четкого и недвусмысленного ответа на кардинальный вопрос: а что же такое, в конце концов, исторические источники? В противном случае, пользуясь выражением автора, «это порождает путаницу и несообразности». И вот, вопреки всем трудностям, сложностям, противоречиям и непримиримостям, в пособии дается определение понятию «исторический источник». «Исторический источник можно определить как *объект, существующий к моменту исследовательского восприятия (доступный исследователю) и содержащий для этого восприятия информацию о фактах прошлого, имеющих познавательно-историческое значение (характеризующих исторический процесс)*» [1, с. 38]. Короче говоря, под историческим источником подразумевается «объект», содержащий «информацию о фактах прошлого», естественно, имеющую познавательный интерес, ибо в противном случае «объект» не был бы привлечен к процессу познания и тем самым не мог бы служить его источником. Данное определение исторического источника, следовательно, снимает утверждение автора об исторических источниках без исторической информации. Л. С. Клейн, таким образом, сам себе противоречит и опровергает себя.

Что же касается поставленного автором пособия вопроса о том, «есть ли в исторических источниках историческая информация», следует заметить, что он сформулирован не корректно с логической точки зрения, а тавтологически, ибо в «поставленном вопросе определяемый предмет определяется через себя» [6, с. 374]. Если историческим источником является источник, содержащий историческую информацию, то в этом случае ставить это определение исторического источника под сомнение неправомерно.

Между тем автором пособия этот вопрос поставлен не случайно, как не случаен и данный на него противоречивый ответ. Постановка вопроса о том, «есть ли в исторических источниках историческая информация», как утверждает Л. С. Клейн, является результатом «оборачивания»

[1, с. 25] другого вопроса: «Есть ли в археологических источниках историческая информация?» [1, с. 24]. Однако это не совсем так. Дело здесь не в «оборачивании» одного вопроса другим, а в подмене одного вопроса другим. Для ответа на вопрос о том, «есть ли в археологических источниках историческая информация», необходимо предварительно ответить на вопрос, являются ли археологические источники историческими. Автор полагает, что «путь к определению археологических источников пролегает через понятие „вещественные источники“» [1, с. 38]. Рассмотрим этот путь.

Л. С. Клейн пишет: «По прямому смыслу слов *археологические источники* — это те источники, которыми ведает особая наука — *археология*» [1, с. 39]. Спорить против этого не приходится. Но, к сожалению, это определение «по прямому смыслу» мало что дает для понимания сущности археологических источников. В пособии археологические источники, в соответствии с традицией, рассматриваются как вещественные. При этом подчеркивается, что «*вещи* как источник информации коренным образом отличаются от других источников информации по способу, которым она в них закодирована, и, следовательно, по средствам ее извлечения» [1, с. 45]. С целью выявления их специфики вещественные источники сравниваются с письменными.

Вещественные, в данном случае археологические, источники действительно существенно отличаются от письменных. Об этом много и доказательно говорится в учебном пособии. Специфическая природа археологических (вещественных) источников, особенности их «*кодирования и хранения информации*» [1, с. 38], различные приемы их извлечения и исследования действительно обусловливают необходимость «специальной профессиональной подготовки», «особой отрасли науки» [1, с. 48] — археологии. Особая закодированность археологических источников усматривается в их «вещественности» [1, с. 55]. Автор критикует тех исследователей, которые при определении специфики археологических источников недооценивают эту их особенность [1, с. 55].

Придавая принципиально важное значение «вещественности» археологических источников, пособие большое внимание уделяет суждениям и дискуссии о «кардинальном отличии древних вещественных источников от поздних», рубежу «между археологическими источниками и просто вещами», о «пороге этого различия», а также вопросу о «конце», верхнем «пределе» археологической науки [1, с. 48, 51—53]. Нет необходимости в детальном рассмотрении всех суждений по этим вопросам, поскольку автор сам приходит к заключению, что «установить строгую и единую хронологическую дату для отделения археологических объектов от неархеологических нельзя» [1, с. 62]. По этой же причине автору не удалось ответить на им же самим поставленный вопрос о «конце», «верхней» хронологической границе археологии. Между тем ответ на этот вопрос заключен в самом понятии предмета археологии как науки. И ответ этот может быть только один: конец археологии там, где конец ее предмета, т. е. когда археологические источники теряют свое значение как источники для исторических реконструкций прошлого. И это независимо от того, относятся ли археологические источники к нижнему палеолиту, насчитывающему миллионы лет («древние»?), или к XVII—XVIII и даже XIX вв. («поздние»?) [7, с. 164—168; 8; 9, с. 122—128].

Автор пособия, однако, придерживается другой точки зрения. Он настойчиво стремится доказать «кардинальное» различие между древними и поздними вещественными источниками, точнее говоря, вещами. «От других вещественных археологические источники отличаются тем, что они древние, а от древних — тем что они вещественные» [1, с. 61]! В этом афористическом выражении автор усматривает «двойную обособленность» археологических источников, важную, с его точки зрения, для выделения их в «особую категорию». Эта двойная обособленность, выражающаяся в «древности» и «вещественности», послужила основанием для определения археологических источников как *древних вещественных источников* [1, с. 62]. Главную же специфику археологических источни-

ков, «вещественных древностей», автор пособия видит в *двойном разрыве*: «в *традициях* (между далеким прошлым и нашим временем) и в *объективации*, т. е. формах воплощения информации...» [1, с. 61]. Казалось бы, такая формулировка «объективации» указывает на их «вещественность» как форму воплощения информации. Однако автор дает термину «объективация» другое объяснение. Он рассматривает его как «разрыв между миром вещей и миром идей, которыми можно оперировать в науке» [1, с. 61]. Если это так, то тогда не ясно, в чем же различие между «разрывом в традициях» и «разрывом между миром вещей и миром идей»? Однако дело не в этих терминологических несоответствиях, а в другом, более важном. Проблема соответствия между «миром вещей» (бытия) и «миром идей» (сознания) — это особая проблема особой науки — философии. Как она решается в диалектико-материалистической философии, общеизвестно. Совсем иное дело вопрос о специфике археологических источников и соотношении в них «вещественного» и, так сказать, «идейного». Любая археологическая вещь является выражением единства «вещественной формы» и ее «идейного» содержания. Любой предмет культуры есть овеществленный труд, в котором запечатлены опыт, знания и потребности многих поколений людей. Благодаря этому единству формы и содержания вещественные археологические объекты служат источником познания отражаемых в них идей, и прежде всего идеи их производства и потребления. В этом свойстве археологических вещей и следов деятельности прошлых обществ и заключаются их научно-познавательные возможности и возможности реконструкции исторического прошлого. В случае разрыва между «вещью» и заключенной в ней «идеей» археологические источники навсегда оставались бы для исследователя «вещью в себе». Широкое применение в археологии целого комплекса естественнонаучных методов, в том числе трасологического и метода экспериментирования, позволяют в ряде случаев достаточно полно определить идеи производства и потребления археологических объектов.

Не всегда вещественная форма археологических объектов оказывается достаточной для определения их функции и потребления. В этом случае данные этнографии могут оказать археологу несомненную услугу. Приведенный в пособии характерный пример с загадочными глиняными изделиями дьяковской культуры, столь разно интерпретируемыми, служит хорошим примером того, что данные этнографии не всегда гарантируют решение вопроса о назначении загадочных археологических объектов.

В пособии, как мне представляется, абсолютизируется такая особенность археологических объектов, как их «вещественность». А ведь археологические объекты даже в пособии представлены не только вещами — «целыми предметами», их «фрагментами» [1, с. 92], но и такими «следами», как «отпечатки» и «отметины» [1, с. 93]. Кроме того, археологические источники характеризуются также так называемыми «нематериальными признаками», к которым, в частности, относят «явления, которые наблюдаются только в процессе раскопок: взаимное расположение погребений и жилищ, их ориентировка, топография памятников и т. д.» [10, с. 26]. Археологические источники, кроме того, обобщаются в различного рода классификационные понятия, такие, как «типы памятников», «варианты памятников», и в такие фундаментальные источниковедческие понятия, как «археологические культуры», являющиеся обобщением как «материальных», так и «нематериальных» [10, с. 26] признаков археологических источников. Кстати, в пособии, специально посвященном археологическим источникам, об этих важных источниковедческих понятиях археологической науки не сказано ни слова!

Явно переоценив такой признак археологических источников, как «вещественность», автор пособия вместе с тем недооценил такие весьма специфические их свойства, как «погребенность», «ископаемость». Нельзя согласиться с автором, что понятие «погребенность» отражает собой «признаки слабые, узкого охвата, необязательные», поскольку «(это исключало бы из археологических источников петроглифы и древнерусские церкви)» [1, с. 60]. Упомянутые археологические объекты, особенно петро-

глифы, как правило, не являются погребенными, чего нельзя сказать о древнерусских церквах, тем не менее и те и другие не могут быть поняты вне контекста с другими археологическими объектами. Это во-первых. Во-вторых, для их доисследования зачастую применяются археологические раскопки, не говоря уже об общих для них, как и всех археологических источников, приемах исторической интерпретации. Вместе с тем автор не отрицает правомочность приложения термина «ископаемые» к объектам культуры и биологии, но считает, что они применимы не к «каждому отдельному объекту, а целой типологической совокупности: к виду в биологии и типу в археологии» [1, с. 58]. Автор не объясняет, почему отдельные объекты в биологии и археологии нельзя рассматривать как ископаемые. Вместо терминов «погребенность» и «ископаемость» для характеристики археологических источников Л. С. Клейн предлагает иной термин: «*Вещественные древности* (*древние вещи*) — это вещи, судя по их типу, давно вышедшие из употребления и заброшенные в земле, на земле или под водой ко времени их обнаружения наблюдателем. Под наблюдателем здесь имеется в виду ученый или коллекционер, изъявший их из среды для использования не по прямому их назначению, а в качестве источника информации о прошлом» [1, с. 58]. В этом определении «вещественных древностей (древние вещи)» отмечены два важных специфических признака, предопределяющих статус археологических источников как ископаемых. Это следует, во-первых, из данного автором определения «заброшенные в земле или под водой», т. е. речь идет о погребенных объектах. Во-вторых, это вещи, «давно вышедшие из употребления» [1, с. 58] и потерявшие поэтому свою прежнюю органическую связь с жизнью древних обществ, процессом их труда, производством и потреблением и деятельностью вообще и поэтому лишившиеся прежних своих свойств служить средством удовлетворения различных потребностей, т. е. потребительной стоимости. Эти потерявшие прежнюю свою «потребительную стоимость» объекты, как в свое время уже обращалось внимание, приобрели новую «специфическую потребительную стоимость» и служат «удовлетворению потребности человека в изучении истории своего прошлого» [11, с. 11]. Обретение этой новой «специфической потребительной стоимости» — служить «в качестве исторической информации о прошлом» [1, с. 58] — связано с процессом превращения, «археологизацией» [1, с. 42], по терминологии автора, феноменов живой прошлой исторической действительности в феномены настоящей (доступной исследованию) ископаемой действительности. Справедливыми поэтому были возражения исследователей против отождествления феноменов прошлой исторической действительности с феноменами действительности ископаемой: городов с городищами, селений с селищами и т. д. [12, с. 11]. Ископаемая природа археологических источников определяет и другие их специфические свойства: фрагментарность, выборочность, не полную диагностичность, а также такое не свойственное феноменам исторической действительности, но весьма специфическое для археологических источников качество, как «компрессивность». Речь идет об аккумуляции в земле разновременных «следов и останков» прошлого и формировании таких археологических памятников, как многослойные поселения с разновременными и разнокультурными слоями и курганы с разновременными и разнокультурными погребениями. То, что исключено исторически (одновременное бытование разновременных феноменов исторической действительности), то естественно для археологических источников (одновременное бытование разновременных по происхождению археологических объектов).

Следовательно, археологические источники — это не только вещи и не только древние вещи, а существующие в настоящем ископаемые следы и останки прошлого, непосредственно доступные археологу в результате их раскопок, во всем их хронологическом диапазоне — от появления человека до средневековья включительно. Вместо определения археологических источников как «вещественных древностей (древних вещей)» представляется более точным их определение

как ископаемых следов и останков человеческой деятельности, являющихся историческим источником познания прошлого. Данное в учебном пособии определение понятия «археологические источники» представляется ущербным. Термин «вещественные древности (древние вещи)» не раскрывает в полной мере специфику археологических источников как особого вида исторических источников, источников познания исторического прошлого человечества.

Традиционная для советской археологической науки точка зрения на археологические источники как источники исторические была и остается незыблемой. И это вопреки точке зрения, отрицающей историческое содержание информации археологических источников, а также новой, «срединной» точке зрения автора пособия. Автору пособия так и не удалось доказать, что археологические источники «и не безоговорочно... и не только исторические» [1, с. 25]. Вопреки этому утверждению Л. С. Клейна, акад. Б. Б. Пиотровский в своем предисловии к пособию четко и недвусмысленно подчеркивает: «Вряд ли можно сомневаться, что археологические источники — основа исторической информации» [1, с. 3]. В подтверждение сказанному Б. Б. Пиотровский далее пишет: «Из практики советской исторической науки мы хорошо знаем, что археологические материалы стали основными при написании древнейшей истории народов Советского Союза» [1, с. 3]. Участники конференции «Историзм археологии», к которым у Л. С. Клейна были претензии [1, с. 25], на основании археологических источников различных периодов истории народов СССР показали их важное, незаменимое значение как источников исторических. Акад. Б. А. Рыбаков на конкретном примере из истории Киевской Руси показал, что археология «по праву исследует свой домен и в средневековье, не переставая от этого быть „археологией“, т. е. многогранной наукой о древности человечества» [13, с. 6]. Проф. С. А. Семенов в заключение своего доклада подчеркивал, что «археологические исследования истории общества по вещественным остаткам воссоздают объективную картину прошлого» [13, с. 21]. В. М. Массон в докладе «Археологические материалы и исторические реконструкции» подчеркивал, что еще в годы становления советской археологической науки было утверждено положение, рассматривающее «археологические материалы как полноценный и полноправный исторический источник» [13, с. 21]. Е. Е. Кузьмина, в свою очередь, также утверждает, что «археологический материал является важным историческим источником» [13, с. 31]. Невозможно перечислить все работы советских археологов, в которых на конкретном археологическом материале доказывается тезис об археологических источниках как источниках исторических. Постоянно и неизменно в течение многих лет, в каждом переиздании учебника А. В. Арциховского по археологии отстаивается тезис, ставший для советской археологической науки хрестоматийным: «Археология есть наука, изучающая историческое прошлое по вещественным историческим источникам» [14, с. 3].

Да, собственно говоря, и сам Л. С. Клейн, в конце концов, вынужден признать, что при всей скудности и ущербности информации, заключенной в археологических источниках, она «в то же время невероятно богата и разнообразна: она вполне в силах обеспечить нам познание важнейших структур и процессов прошлой действительности» [1, с. 81]. И, как бы подытоживая все сказанное, автор пособия заключает: «Когда мы говорим о „реконструкции прошлого на основе археологических источников“, то это не только стилистическая тонкость в выборе словосочетаний, но и отражение сути дела» [1, с. 89]. Эта суть дела археологической науки основывается на важной и незаменимой исторической информации археологических источников. «Значение археологических материалов как важных исторических источников общепризнано в советской исторической науке» [15, с. 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клейн Л. С.* Археологические источники. Учебное пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
2. *Labuda G.* Proba nowej systematyki i nowej interpretacji źródel historycznych.— Studia Źródloznawcze, 1957, t. 1.
3. *Trudzik Zd.* Źródla archeologiczne na tle problematyki kultury.— AP, 1965, t. X, z. 1.
4. Формальная логика. Учебник / Отв. ред. Чупахин И. Я., Бродский И. Н. Л.: Наука, 1977.
5. *Косолапов В. В.* Методология и логика исторического исследования. Киев: Вища школа, 1977.
6. *Кондаков Н. И.* Введение в логику. М.: Наука, 1967.
7. *Кызласов Л. Р.* Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири.— История СССР, 1975, № 6.
8. *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Ч. I. Л.: Наука, 1980.
9. *Старков В. Ф., Овсянников О. В.* Археологические исследования на Шпицбергене.— ВАН, 1980, № 3.
10. *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2.
11. *Кипарисов Ф. В.* Вещь — исторический источник.— Изв. ГАИМК, 1933, вып. 100.
12. *Быковский С. Н.* К пересмотру археологической терминологии.— ПИМК, 1933, № 5—6.
13. Конференция «Историзм археологии: методологические проблемы». Тезисы докладов. М., 1976.
14. *Арциховский А. В.* Основы археологии. М.: Изд-во МГУ, 1954.
15. *Рыбаков Б. А.* О корпусе археологических источников СССР (тезисы доклада на пленуме ИИМК в марте 1957 г.). М., 1957.

Yu. N. Zakharuk

CONCERNING ONE OF THE CONCEPTS OF ARCHAEOLOGICAL SOURCES

Summary

Some researchers recently doubted the correctness of the traditional in Soviet archaeology point of view that archaeological sources may be considered as historical sources. They voiced an opinion that archaeological sources have no value as historical sources. Besides, they made an attempt to prove the erroneousness of both opinions (regarding archaeological sources as historical ones and rejecting this assertion) and to forward a new conception treating archaeological sources «not as undoubtedly historical and not only historical ones». The author gives a critical analysis of this new «medial» conception and problems connected with it. He asserts the traditional view that archaeological sources are historical sources.

Публикации

КУЗНЕЦОВ А. М.

К ТЕХНИКЕ ПОЛУЧЕНИЯ МИКРОПЛАСТИН-ВКЛАДЫШЕЙ (Приморье)

Исследователей каменного века Северной Азии уже давно привлекают памятники с микропластинками. Микропластинчатая техника появилась в Сибири и на Дальнем Востоке в конце плейстоцена; в некоторых районах она использовалась и в раннем голоцене. Как правило, микропластинки скалывались с небольших треугольных в сечении нуклеусов, расщеплявшихся с одного, реже с двух концов. Развитие своеобразной микропластинчатой техники определяет специфику финала палеолита Сибири и прилегающих к ней районов и характеризует некоторые общие тенденции развития первобытной техники. К настоящему времени по материалам Японии реконструпрованы основные способы подготовки заготовок для клиновидных нуклеусов [1, с. 164—220; 2, с. 128—190; 3, с. 38—59]. Своеобразные способы оформления микропластинчатых нуклеусов описаны по материалам Аляски [4, с. 17—38]. В литературе есть опыт разработки номенклатуры предметов, связанных с производством микропластинок [5, с. 69—72]. Известны работы по классификации микропластинчатых нуклеусов отдельных районов [6]. Однако предварительный характер многих публикаций не позволяет дать полную характеристику микропластинчатой техники отдельных регионов и выявить общие тенденции ее развития. Следует также отметить, что продукты микропластинчатого расщепления рассматривались в отрыве от основного комплекса инвентаря памятников. Неудивительно, что в проблеме возникновения и развития микропластинчатой техники Северной Азии остается еще много неясных моментов.

В данной работе анализируется микропластинчатая техника нескольких памятников равнинной части Приморья, исследованных в последние годы. При раскопках стоянки Илистая 1, расположенной в среднем течении р. Илистой, впадающей в оз. Ханка, получена серия микропластинок, клиновидных и микропризматических нуклеусов, заготовок микронуклеусов и вспомогательных сколов их оформления. Всего найдено 46 различных микронуклеусов, 43 из них относятся к группе клиновидных, так как они имеют характерное треугольное сечение и микропластинки у них скалывались с одного из концов. Три нуклеуса со следами скалывания микропластинок на большей части их поверхности можно отнести к категории микропризматических. Клиновидные нуклеусы с этой стоянки различаются по некоторым внешним признакам. Так, 10 нуклеусов характеризуются скошенными площадками, подготовленными одним снятием, и подработанными по краям или по всей поверхности со стороны опорного ребра (киля) боковыми сторонами. Еще у четырех нуклеусов, подготовленных сходным образом, подправлена только одна из боковых сторон (рис. 2, *1*, *2*; 3, *1*). В следующей подгруппе клиновидных нуклеусов обработка боковых сторон заготовки производилась со стороны площадки.

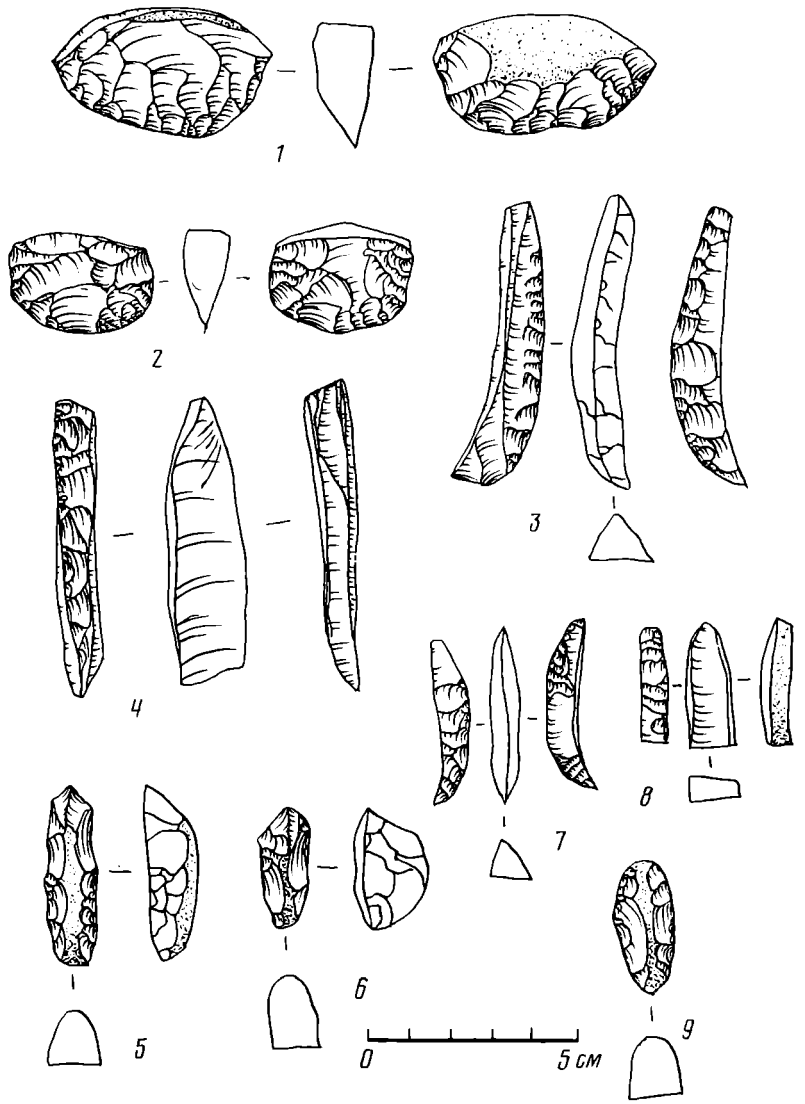


Рис. 1. Заготовки и вспомогательные сколы производства клиновидных нуклеусов. *1, 2* — расщепленные бифасы-заготовки; *3, 5, 6* — первичные лыжевидные сколы; *4* — вторичный лыжевидный скол; *7—9* — ладьевидные заготовки (*1, 4, 9* — верхний слой стоянки Горбатка 3; *2, 3, 5—8* — Илистая 1)

Причем у пяти из них подработаны обе боковые стороны, а у шести — одна (рис. 1, *3, 5*). Пять клиновидных нуклеусов оформлены на отщепах без ясно выраженной предварительной подработки (рис. 2, *6, 7*; 3, *4*). Остальные 13 нуклеусов изготовлены на грубо подработанных гальках и других заготовках. Только два клиновидных нуклеуса, высотой более 4 см, имеют следы подправки ретушью по краю площадок, а у одного площадка полностью ретуширована. У микропризматических нуклеусов ровные площадки одного снятия, высота их до 3 см, на тыльной поверхности видны следы галечной корки. В коллекции представлен также один микронуклеус короткой конической формы со скалыванием микропластинок по кругу (рис. 2, *12*).

Наряду с нуклеусами на стоянке обнаружена группа изделий, по характеру оформления напоминающая клиновидные нуклеусы, но без следов скалывания микропластинок. Прежде всего это восемь небольших (до 3 см в длину и 3,5 см высотой) расщепленных в поперечном направлении бифасов (рис. 1, *2*), затем 11 изделий на массивных первичных отщепах с обработанной с поверхности раскалывания одной боковой стороной и 18 сходных с ними изделий, у которых подправлены обе боковые грани (рис. 1, *7, 8*). Можно отметить еще два предмета на массивных от-

Рис. 2. Клиновидные и микропризматические нуклеусы. *1*, *2* — нуклеусы на заготовках из бифасов; *3—5* — нуклеусы на ладьевидных заготовках; *6—9* — нуклеусы из отщепов; *10—12* — микропризматические нуклеусы (*1—3*, *5—7*, *12* — Илистая 1; *4*, *8—11* — верхний слой Горбатка 3)

щепах с подработанными боковыми сторонами и следами подправки на одном из концов и два изделия, заостряющиеся к одному из концов.

С оформлением клиновидных нуклеусов связана и серия своеобразных сколов. Шесть сколов — треугольные в сечении со следами предварительной подправки на боковых гранях (рис. 1, *3*, *5*). Еще шесть сколов — изогнутые в профиле, сужающиеся к концам, с трапециевидным сечением. Верхняя и нижняя их стороны — поверхности раскалывания, на боковых гранях видны следы предшествующей подработки. Пять трапециевидных в сечении сколов имеют следы подправки только на одной боковой грани, в то время как другая сохраняет галечную корку (рис. 1, *6*). Длина целых сколов, как треугольных, так и трапециевидных в сечении, колеблется от 4 до 7 см. Найдены также два скола со следами подправки в поперечном направлении на спинке и остатками фасеток микропластинок на одном из концов. По-видимому, это сколы с площадок микропластинчатых нуклеусов. Интересны три скола необычного облика. Первый — изогнутый в профиле, со следами подработки ретушью по спинке в поперечном направлении (рис. 3, *5*). Два других представлены фрагментами, сохранившиеся части сколов имеют приостренную форму,

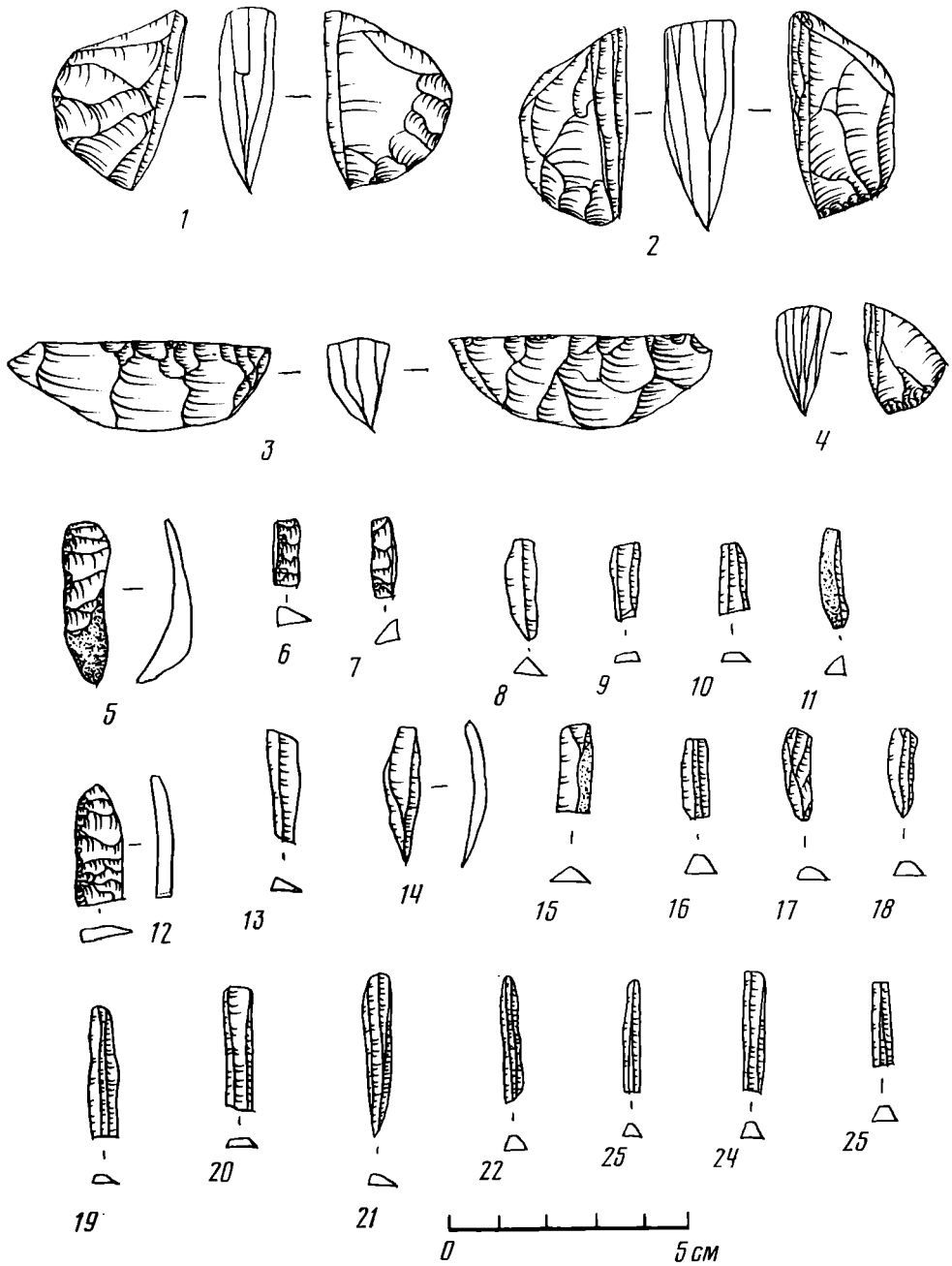


Рис. 3. Микропластинчатые нуклеусы и микропластинки. *1* — нуклеус из заготовки-бифаса; *2* — микропризматический нуклеус; *3* — нуклеус на ладьевидной заготовке; *4* — нуклеус из отщепа; *5* — первичный скол с клиновидного нуклеуса; *6*, *7*, *12* — микросколы со следами предварительной подработки; *8—11*, *13—25* — микропластинки (*1*, *3*, *4*, *6—18* — Илистая 1; *2*, *19—25* — верхний слой Горбатки 3)

по спинке они обработаны поперечной ретушью, сечение их напоминает прямоугольный треугольник (рис. 3, *12*). Боковые грани этих сколов не несут следов какой-нибудь подработки.

Из продуктов расщепления стоянки к микропластинкам отнесены небольшие сколы правильной формы до 2,3 см в длину и до 0,8 см в ширину, четко выделяющиеся по этим показателям от остальной части пластин. Их можно выделить в первую подгруппу (14 экз.), ко второй относятся сколы длиной 1,8 см, шириной 0,4 см (28 экз.) (рис. 3, *6—11*. *13—18*). Только две микропластинки ретушированы по одному из краев.

На основе материалов стоянки Илистая 1 можно сделать ряд выводов. Для производства микропластинок на стоянке использовались нуклеусы, оформленные на различных заготовках: из отщепов, расщепленных би-

фасов и специально подготовленных форм из массивных сколов. Об использовании приема расщепления бифасов свидетельствуют клиновидные нуклеусы с подработанными боковыми гранями со стороны опорного ребра, удлиненные треугольные и трапециевидные в сечении сколы со следами предварительной подправки на боковых сторонах и, наконец, сами расщепленные бифасы. Причем, как показывает характер фрагментов бифасов и удлиненных треугольных сколов, бифасные заготовки на стоянке Илистая 1 раскалывались как в продольном, так и поперечном направлениях. Сходная техника оформления заготовок клиновидных нуклеусов продольным расщеплением крупных копьевидных бифасов, названная техникой Юбецу, известна в Японии. Сколы, полученные при обработке заготовки-бифаса техникой Юбецу, известны как лыжевидные сколы [3, с. 39; 7, с. 91]. Интересно, что у некоторых клиновидных нуклеусов из отщепов на стоянке Илистая 1 имеются такие же скошенные площадки одного снятия, как и у нуклеусов на заготовках из бифасов. С учетом имеющихся в коллекции лыжевидных сколов, сохраняющих на одной боковой стороне галечную корку или поверхность раскалывания, можно предположить, что прием подготовки площадки клиновидного нуклеуса снятием скола, напоминающего лыжевидный, применялся на этой стоянке и для заготовок отщепов. С другой стороны, у двух нуклеусов из бифасов площадки приготовлены снятием только одного краевого скола, не охватывающего всего края заготовки. Еще у одного из таких нуклеусов — поперечно ретушированная площадка. Эти факты позволяют говорить о том, что техника подготовки заготовок клиновидных нуклеусов путем расщепления бифасов, которую мы видим на стоянке Илистая 1, отличается от классической техники Юбецу.

Часть заготовок для клиновидных нуклеусов на рассматриваемой стоянке оформлялась другим способом. Клиновидная форма нуклеуса в этом случае определялась обработкой боковых сторон массивного скола с поверхности раскалывания. Несколько нуклеусов и крупная серия изделий без следов получения микропластин позволяют восстановить эту операцию. Близкая техника, известная как техника Хорока, впервые выделена также в Японии. Заготовки клиновидных нуклеусов, оформленные в технике Хорока, имеют ладьевидную форму. Следует также отметить, что в отличие от расщепления бифасов эта техника не характерна для материка [3, с. 38—42; 8, с. 97—103]. Среди нуклеусов и ладьевидных заготовок стоянки Илистая 1 представлены формы, обработанные только с одной стороны. Возможно, что по этому показателю следует различать технику приморской стоянки и технику Хорока. Обращает внимание также тот факт, что все клиновидные нуклеусы на ладьевидных заготовках имеют заостренное основание, в то время как найденные на Илистой 1 ладьевидные заготовки уплощены в нижней части.

Таким образом, в материалах стоянки Илистая 1 фиксируется применение разной техники и различных приемов оформления клиновидных нуклеусов (близких технике Юбецу, Хорока, использование отщепов). Появление микропризматических нуклеусов связано, вероятно, с особой техникой. Помимо этого на стоянке известно и подпризматическое расщепление крупных нуклеусов с ограниченной предварительной подработкой, завершавшейся оформлением площадок.

Крупная серия предметов, связанных с производством микропластинок, получена при раскопках верхнего слоя стоянки Горбатка 3, удаленной на 5 км к юго-западу от Илистой 1. В этом слое на меньшей, чем на Илистой 1, площади найдено 66 различных микронуклеусов, в том числе 8 микропризматических. Различия в морфологических признаках клиновидных нуклеусов позволяют разделить их на несколько подгрупп. Выделяются 7 нуклеусов с ровными площадками одного снятия и обработанными с опорного ребра боковыми сторонами. Затем — 28 нуклеусов с ровными площадками и подработанными с них одной или двумя боковыми гранями от 2 до 5,5 см в длину (рис. 2, *4*; 3, *3*). 23 нуклеуса с поперечно ретушированными или подправленными у рабочего края продольными сколами площадками изготовлены из отщепов (рис. 2, *8*, *9*).

На противоположных концах двух нуклеусов из отщепов видны следы скалывания микропластинок. Группу клиновидных нуклеусов завершают высокие (более 4 см) изделия с ретушированными или слегка скошенными площадками, обширной выпуклой рабочей поверхностью и следами подправки поперечными сколами на боковых сторонах — 4 экз. (рис. *2*, *11*; 3, *2*). Неожиданной для Приморья явилась находка двух целых и фрагмента высоких микропризматических (карандашевидных) нуклеусов с ретушированными площадками и скалыванием микропластинок по кругу, а также сработанного нуклеуса такого же типа (рис. 2, *10*). Нуклеусы на этой стоянке, как и на Илистой 1, сопровождались различными заготовками микронуклеусов и побочными продуктами их производства. Это 42 ладьевидных заготовки, 15 аналогичных изделий со следами обработки неопределенного назначения на одном из концов (рис. 1, *9*); одно такое изделие напоминает высокие скребки, но в коллекции есть еще пять изделий, показывающих, что все эти предметы могут быть клиновидными нуклеусами в начальной стадии обработки. Представлены также расщепленные бифасы-заготовки различных размеров — 7 экз. Важное значение для определения исходной формы таких бифасов имеют три сегментовидных изделия до 5 см в длину и до 3 см в ширину. Широкие поверхности этих бифасов обработаны сколами со стороны острого края, а на противоположном крае видны следы продольных сколов и остатки галечной корки (рис. 1, *1*). На последнем сегментовидном бифасе полностью сохранен естественный обушок. Заготовки из бифасов сопровождались лыжевидными сколами, достигающими 7 см в длину. Спинка одного крупного скола целиком покрыта галечной коркой, у остальных пяти треугольных и трапециевидных в сечении лыжевидных сколов следы предварительной подправки видны только на одной боковой стороне (рис. 1, *4*). Обнаружены также два поперечно ретушированных и необработанный сколы с площадок клиновидных нуклеусов. Определенный интерес вызывают три предмета высотой до 2 см, напоминающие ладьевидные заготовки, но со следами подработки от опорного ребра.

Микропластинки стоянки по внешнему облику не отличаются от микропластинок Илистой 1. На спинке одной из них видны следы галечной корки, еще у четырех сохранились следы предварительной обработки рабочей поверхности нуклеуса, и только две микропластинки ретушированы. По усредненным показателям размеров все микропластинки также делятся на две подгруппы: до 4 см в длину и до 0,5 см в ширину — 9 экз.; до 2 см в длину и до 0,3 см в ширину — 66 экз. Границы эти, конечно, условные, но они могут отражать факт использования на стоянке клиновидных и более высоких микроконических нуклеусов (рис. 3, *19—25*).

Следовательно, на стоянке Горбатка 3 представлены клиновидные нуклеусы из расщепленных бифасов, ладьевидных заготовок и отщепов, как и на Илистой 1. Использование в качестве заготовок бифасов с естественным обушком и ладьевидных заготовок, подработанных только с одной стороны, лыжевидные сколы с галечной кромкой и следами подправки по одной стороне дают основание говорить об отличии приемов оформления клиновидных нуклеусов этой стоянки от техники Юбецу и Хорока. Из общей массы клиновидных нуклеусов выделяются четыре высоких нуклеуса. Судя по следам предварительного оформления, они изготовлены не из бифасов, отщепов или ладьевидных заготовок, а из удлиненных галечных заготовок, подработанных по большей части поверхности поперечными сколами. Характер оформления площадок и рабочей поверхности сближают их не с клиновидными, а с микроконическими нуклеусами. По-видимому, все это микроконические нуклеусы в начальной стадии сработанности (рис. 2, *11;* 3, *2*). Кроме микропластинок на стоянке найдено большое количество пластин, полученных с подпризматических и призматических нуклеусов.

В нижнем слое стоянки Горбатка 3, который можно датировать финалом палеолита, также найден клиновидный нуклеус на заготовке из бифаса, шесть ладьевидных заготовок и два аналогичных изделия со

следами подработки на одном из концов, скол с площадки клиновидного нуклеуса и три микропластинки.

Отдельные клиновидные нуклеусы, лыжевидные сколы и ладьевидные заготовки найдены вместе с другими каменными изделиями на разрушенных памятниках Халкидон 3, Ивановка 3 и Горбатка 2, также расположенных в долине р. Илистой. Клиновидные нуклеусы из бифасов и отщепов, ладьевидные заготовки, лыжевидные сколы и микропластинки получены также при раскопках стоянки Тимофеевка 1 и собраны на разрушенной стоянке Тимофеевка 2, расположенных в бассейне р. Раздольной, впадающей в Амурский залив.

Таким образом, техника получения микропластин известна в Юго-Западном Приморье уже в конце палеолита. Ограниченность материала нижнего слоя стоянки Горбатка 3 позволяет констатировать использование в качестве заготовок микронуклеусов только расщепленных бифасов и ладьевидных заготовок. Развитая техника микропластинчатого расщепления с применением разнообразных способов подготовки клиновидных нуклеусов характерна для памятников раннего неолита (Илистая 1, верхний слой Горбатки 3, Тимофеевка 1), которые по стратиграфии и соответствующим аналогиям можно датировать ранним голоценом. В раннем неолите клиновидные нуклеусы уже оформлялись на заготовках из бифасов, отщепов и на ладьевидных заготовках, но роль отдельных видов заготовок на разных памятниках неодинакова. Так, на стоянке Илистая 1 основную роль играли заготовки из бифасов и отщепов, на Горбатке 3 — ладьевидные заготовки и отщепы, в Тимофеевке ладьевидные заготовки не обнаружены совсем. Эти различия вполне могут объясняться небольшими размерами раскопов на памятниках, но они дополняются различиями других видов каменного инвентаря, особенно в материалах Илистой 1 и Горбатки 3. Одновременное использование разных видов заготовок для клиновидных нуклеусов пока трудно объяснить, но у основной массы нуклеусов на ладьевидных заготовках площадки расположены параллельно опорному ребру, а у нуклеусов из бифасов и отщепов площадки скошены к тыльной части. Однако все эти нуклеусы, подправленные как по двум боковым сторонам, так и по одной, имеют треугольную форму и хорошо выраженное опорное ребро. Нуклеусы из отщепов также соответствуют общей картине. Приостренное основание является обязательным требованием для микропластинчатого нуклеуса, в то время как другие его признаки могут меняться. Появление в одних комплексах с клиновидными нуклеусами конических микропризматических, а также присутствие переходных высоких «клиновидных» нуклеусов дают основания выводить микропризматическую технику непосредственно из микропластинчатой, основанной на клиновидных нуклеусах. Примечательно также, что микропластинчатая техника в этих комплексах сосуществовала с подпризматическим расщеплением крупных нуклеусов.

Итак, использование микропластинчатой техники в раннем неолите, широкое применение заготовок из отщепов и ладьевидных заготовок наряду с бифасами, встречаемость в одних комплексах подпризматических, клиновидных и микропризматических нуклеусов ярко характеризуют облик каменных индустрий раннего этапа неолита Приморья. Некоторые особенности оформления заготовок для клиновидных нуклеусов позволяют говорить о близком сходстве, но не дают оснований для определения приемов расщепления бифасов и получения ладьевидных заготовок в памятниках юго-западной части Приморья как техники Юбецу и Хорока, известной в Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Morlan R. E.* The preceramic period of Hokkaido. An outline.— Arctic Anthropology, 1967, v. 4, № 1.
2. *Hayshi K.* The Fukui microblade technology and its relationships in North-East Asia and North America.— Arctic Anthropology, 1968, v. 5, № 1.
3. *Kobayshi T.* Microblade industries in the Japanese archipelago.— Arctic Anthropology, 1970, v. 7, № 2.

4. *Morlan R. E.* Wedge-shaped core technology in Northern-East North-America.— Arctic Anthropology, 1970, v. 7, № 2.
5. *Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л.* О номенклатурных обозначениях и морфологии нуклеусов в докерамических комплексах Приангарья.— В кн.: Древняя история народов Восточной Сибири. Иркутск, 1974.
6. *Абрамова З. А.* Микронуклеусы в палеолите Енисея.— КСИА, 1971, вып. 126.
7. *Ларичев В. Е.* Палеолит и мезолит Японии.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск: Наука, 1970.
8. *Деревянко А. П.* Каменный век Северной, Центральной, Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1975.

A. M. Kuznetsov

ON THE TECHNIQUE OF MICROBLADE PRODUCTION (SOUTH-WEST OF THE PRIMORYE AREA)

Summary

The author discusses objects connected with the production of microblades which are part of the industry of Ilistaya 1 and the upper layer of Gorbatka 3 sites. The Ilistaya 1 site yielded 12 wedge-shaped cores made from bifaces, 21 — from flakes and 4 — from boat-shaped blanks. Besides, a semi-conic, a cylindrical and two microconic cores were found. The cores were associated with 8 splintered blank bifaces, 13 ski-shaped chips and 2 chips from microcore platforms, 36 boat-shaped blanks and 42 microblades. The Gorbatka 3 site yielded 28 wedge-shaped cores made from boat-shaped blanks, 23 cores made from flakes, 7 — from bifaces, 4 semi-conic and 4 conic microcores. Alongside the cores 7 splintered bifaces, 62 boat-shaped blanks, 7 ski-shaped chips and 75 microblades were found. Production techniques, as testified by these materials, was similar to that of Yubetsu and Khorokka.

МАРКОВИН В. И.

ДОЛЬМЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ В БАССЕЙНЕ р. КЯФАР

Монументальные постройки дольменного типа в бассейне р. Кяфар давно известны в научной литературе. Уже в середине XIX в. они стали объектом беглого упоминания в военном журнале [1, с. 289]. В 70—80-х годах XIX в. их осматривал Е. Д. Фелицын, описавший одно из таких сооружений с рельефными изображениями [2, с. 84, 85, рис. 39, табл. XIII]. В 1892 г. местные постройки привлекли внимание Г. И. Куликовского. Он обнаружил здесь могилы, которые «имеют много сходства по конструкции с дольменами» [3, с. 41]. Несколько позже А. М. Тальгрен опубликовал гробницу, заинтересовавшую Е. Д. Фелицына [4, с. 15, рис. 16]. В наше время памятники р. Кяфар изучали П. А. Акритас (генетически связал их с дольменами эпохи бронзы [5]) и Л. Г. Нечаева [6].

Более всего данным постройкам уделил внимание В. А. Кузнецов. В 1964 г. он бегло описал местные «дольменообразные склепы» и датировал их XI—XIII вв. н. э. [7, с. 347, 348], обратив внимание на некоторые архитектурные и строительные особенности кяфарских гробниц. Наиболее детально был описан «дольменовидный склеп», ранее обследовавшийся Е. Д. Фелицыным и А. М. Тальгреном.

Позже В. А. Кузнецов датировал эти памятники уже XI—XII вв. н. э. [8, с. 106—113; 9, с. 52, 53, 56]. В 1971 г. им были привлечены данные постройки в качестве образцов аланской архитектуры. В них, по мнению исследователя, сказалось подражание древним дольменам [10, с. 223, 224]. В более поздней работе В. А. Кузнецов уже не утверждает аланское происхождение гробниц, углубляясь лишь в семантику начертанных на них изображений [11, с. 92].

В качестве аланских памятников упоминают кяфарские гробницы Т. М. Минаева и Е. В. Алексеева [12, с. 68; 13, с. 87], в то время как Ш. Д. Инал-Ипа относит постройки Кяфара и изображения на них к одному времени — эпохе бронзы [14, с. 66, рис. 3; 15, с. 44—46, рис. 14].

В 1972 г. сооружения в бассейне р. Кяфар исследовались мною с целью сопоставления их с прикубанскими и причерноморскими дольменами. Тогда же сооружение памятников было отнесено к эпохе поздней бронзы [16, с. 136, 137; 17, с. 73—78, рис. 2]. В 1975 г. были проведены раскопки отдельных построек[1]. Полученные материалы частично нашли свое отражение в монографии, посвященной западнокавказским памятникам [18, с. 152—155, рис. 82, 83].

Описываемые памятники расположены на горе Шпиль (урочище Ордан), на высоте 250—300 м от ложа р. Кривой — правого притока р. Кяфар, среди буково-грабового леса с густым кустарниковым подлеском[2]. Рядом с дольменами можно видеть надземные гробницы, сложен-

---

[1] В работах 1972 и 1975 гг. принимали участие: В. И. Марковин, В. А. Кузнецов, А. И. Оленев, С. Ф. Едранов, О. Г. Плетнев, Л. С. Ильюков, Н. А. Багровников, А. И. Лопатин, Л. И. Савельева-Котлярова, М. Г. Иванова, Ф. И. Купрянина, С. П. Кошкина, О. А. Ульянова, Т. И. Ястребова, Г. А. Лебедева, И. Г. Сиволапова, Е. Ю. Макарова, В. Я. Кузнецова, Г. Д. Петренко и др.

[2] Ближайшим населенным пунктом к местонахождению дольменов является пос. Лесо-Кяфар Зеленчукского р-на Ставропольского края. Разыскать древние постройки помог местный житель, знаток старины П. Н. Медянский.

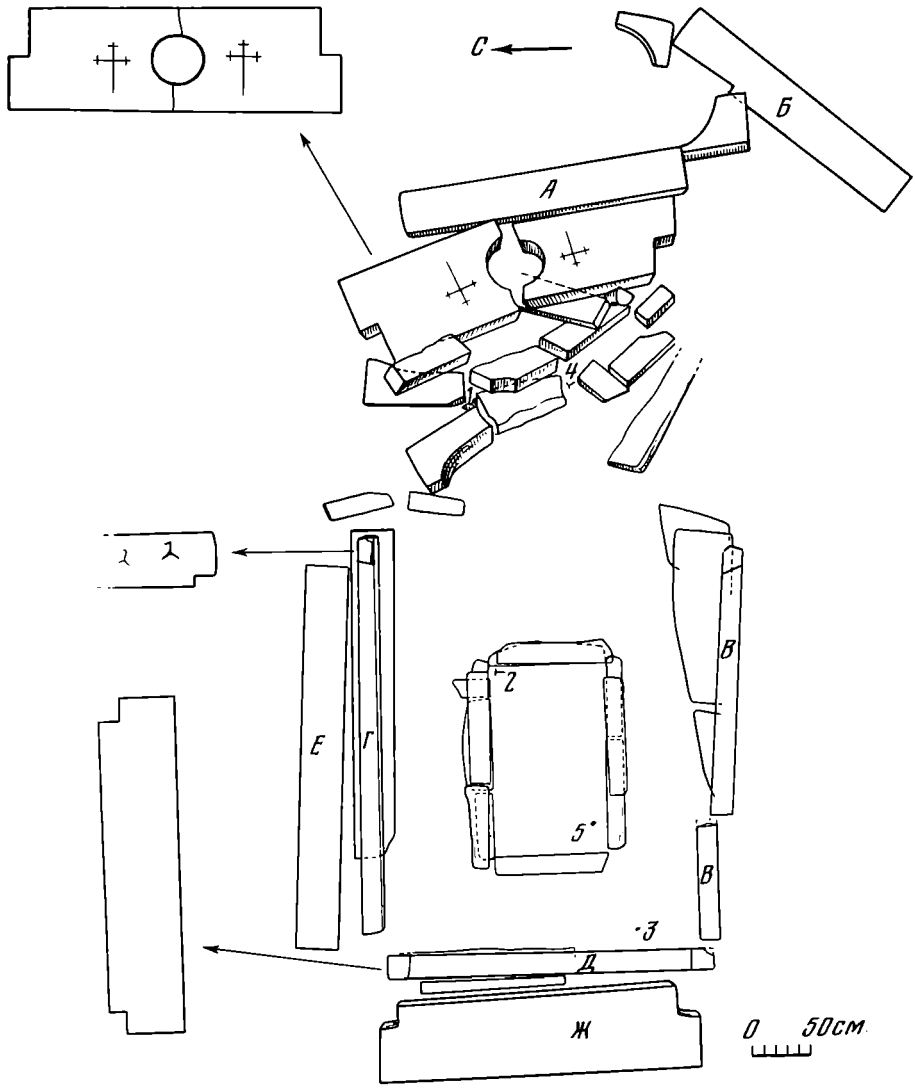


Рис. 1. Бассейн р. Кяфар, дольмен 1 (на плане: *1*, *5* — керамика; *2*, *4* — кованые гвозди; *3* — бляшка; А — Ж — дольменные плиты)

ные из рваного камня. В. А. Кузнецов датирует их X—XII вв. [19, с. 83—89].

Ниже дано описание всех местных дольменов и результаты их раскопок[3].

Дольмен 1 расположен на северо-восточном склоне горы, ориентирован с востока на запад, вход с востока (отверстие обращено к р. Кривой), сооружен, как и все остальные, из плотного мелкозернистого песчаника. Передняя часть его упала по склону вниз, задняя сохранилась относительно хорошо (рис. 1). Плита с отверстием, украшавшая фасад,— разбита. На ее наружной поверхности высечены два креста. Размеры: длина у основания 2,73 м, высота 0,85—0,82 м, толщина 0,16 м, размеры отверстия 0,42×0,40 м; в верхней части этого блока сделаны выемки — «плечи» — 0,40×0,19 м, 0,36×0,19 м, расстояние между ними по верху плиты 2,36 м, с внутренней стороны, у основания края ее слегка закруглены.

Ниже лежал длинный камень — брус А (длина 2,39 м, ширина 0,33—0,32 м, толщина 0,16 м). Располагаясь в нижней части фасада гробницы,

[3] Одно из сооружений, многократно упоминавшееся в литературе (Е. Д. Фелицын, А. М. Тальгрен, В. А. Кузнецов, Ш. Д. Инал-Ипа и др.) в 1956 г. было вывезено в г. Ставрополь археологом Л. Н. Глушковым и установлено во дворе краевого музея имени Г. К. Праве.

брус служил опорой для передней плиты с отверстием. В описываемой части развала обнаружены в обломках куски каменных блоков, которые могли служить деталями кладки и перекрытия сооружения.

Ниже бруса А найдена плита Б (длина 2,22 м, ширина 0,39—0,40 м). В ней выбита косая выемка, сходящая «на нет» (длина 0,60 м, глубина 0,08 м). Этот камень мог опираться на южное «плечо» передней плиты, несколько нависая над входом в гробницу.

Южная боковая плита (В) камеры переломлена (длина 3,14 м, высота 0,44 м, толщина 0,18—0,19 м). В ее передней части сделан косой вырез глубиной в 0,60 м, при длине в 0,22—0,13 м. Эта плита расположена перпендикулярно к задней плите Д, находясь на уровне выбитого в ней паза.

Северная боковая плита (Г) камеры имеет длину 3,22 м, высоту 0,45—0,46—0,42 м (в средней части заметна легкая выпуклость). С фасада в ней также сделан косой врез глубиной 0,07 м, при длине 0,20—0,17 м. Эта плита примыкала к задней стене дольмена (сейчас несколько сдвинута в сторону). На внешней стороне, в ее передней части, выбиты два тамгообразных знака (рис. 1).

Обе плиты (В и Г) стоят на пяточных камнях. Северный представляет собой брус прямоугольной формы (длина 2,65 м, ширина 0,36—0,33 м, толщина 0,19 м). Южный камень (толщина 0,20 м) переломлен. Пазов они не имеют. На описанные боковые плиты были положены брусья правильной формы. Один из них (Е) находился перед северной плитой Г (длина 3,10 м, ширина 0,36 м, толщина 0,18 м). В непотревоженном виде камень одним концом покоился в пазе плиты Д (задней стене дольмена), а его передняя, торцовая часть помещалась над пазом (врезом) боковой плиты Г. Аналогичный брус, лежавший на плите В, был найден в обломках.

В верхней части плиты Д (длина у основания 2,72 м, высота 0,62 м, толщина 0,18 м) выбиты выемки (0,18×0,16 м и 0,19×0,17 м). Над плитой Д некогда возвышалась упавшая плита Ж. Она служила основной частью задней стены дольмена (длина 2,69 м, высота 0,63 м, толщина 0,19 м). У ее основания также сделаны выемки (0,23×0,18 м и 0,18××0,15 м), которые совмещались с пазами плиты Д в общее гнездо, служившее для приема «венцов» второго ряда боковых брусьев подобных плите Е.

Камера дольмена (длина 3 м, ширина в задней части 2,35 м, очевидно, и впереди она имела подобные размеры) имела прямоугольную форму. Внутри ее обнаружена кладка небольшого впускного склепа. Пространство между ним и стенами дольмена забутовано щебнем. Склеп сооружен наспех и внешне производит впечатление более позднего сооружения. Он сложен насухо из небольших каменных брусьев (0,90×0,16××0,12 м; 0,93×0,18×0,12 м и т. д.). Внутренние размеры камеры 1,56××0,96 м. К моменту расчистки сохранилось всего 2—3 ряда кладки. Погребение ограблено. Возле задней стены впускного склепа обнаружены обожженные кости и обломок тонкой фигурной бляхи из бронзы. В его заполнении найдены фрагмент аланской лощеной керамики, железный кованый гвозь и обломки костей. Между камней кладки, в передней части склепа лежали обломки красноглиняного сосуда и второй крупный кованый гвоздь.

Дольмен 2 расположен в лесу, слева от заброшенной дороги (рис. 2; 3, *1*). Они ориентирован с востока на запад, вход с востока. Передняя плита с отверстием наклонена, лицевой стороной повернута внутрь камеры, верхняя часть разбита. Размеры: длина основания плиты 2,10 м, высота 0,90 м, толщина 0,20 м, с боков сделаны уступы неравной величины (южный опущен на 0,55 м, ширина 0,15 м; северный врезан на 0,59 м, ширина 0,17 м). Длина верхней части плиты 1,69 м, края ее с внутренней стороны слегка закруглены. Отверстие имеет овальную форму (0,43×0,32 м). Оно расположено на высоте 0,33 м от основания плиты.

Внешняя поверхность описанного камня украшена петроглифами (рис. 4, *1*). Над отверстием расположен крест латинского типа, вокруг

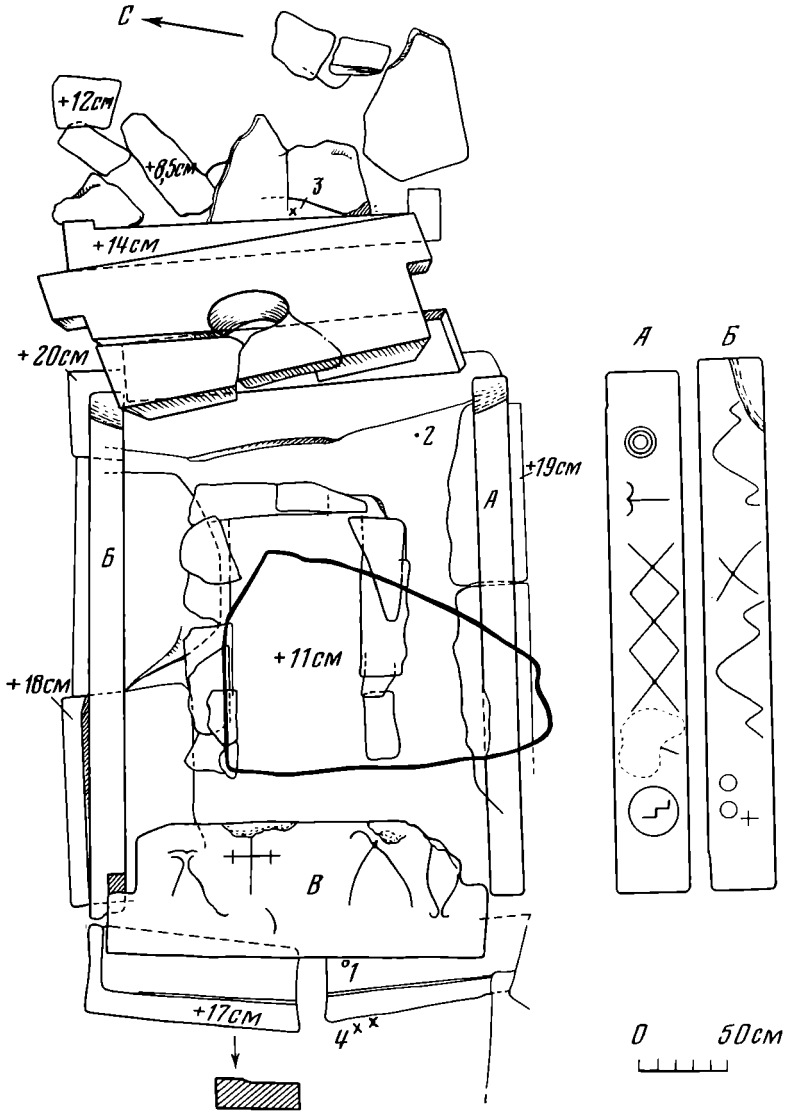


Рис. 2. Бассейн р. Кяфар, дольмен 2 (на плане: *1* — позолоченное кольцо; *2* — осколок стекла; *3*, *4* — керамика эпохи бронзы; А — В — плиты с петроглифами; обломок перекрытия показан утолщенной линией)

него — тамгообразные знаки и «баранчики» с увесистыми рогами. Под отверстием расположен Т-образный знак, ножка которого выходит из неправильного овала. По обе стороны его находятся по четыре концентрических круга (три крупных круга и над ними по одному небольшому). В. А. Кузнецов видел эту плиту с плоской округлой втулкой, лежащей рядом с нею [8, с. 108, рис. 41, *2*].

Под передней плитой расчищен плиточный камень, по краям у которого выделены портальные выступы (длина 2,26 м, ширина 0,19 м, толщина 0,14 м, выступы выдаются на 0,05 и 0,12 м). Между передней плитой и кладкой камеры обнаружен брус (длина 1,70 м, ширина 0,34 м и толщина 0,18 м), вероятно лежавший на передней плите.

Перед фасадом в процессе раскопок зафиксирован развал грубо колотого песчаника. Некоторые обломки были подложены под пятку, поддерживая ее в горизонтальном положении. Тут же найдены обломки керамики эпохи бронзы.

Южная боковая плита А (длина 2,85 м, высота 0,40 м, толщина 0,19 м) сохранилась в непотревоженном виде. В передней части верхняя плоскость ее слегка подтесана энергичными ударами зубила (размеры подтески 0,20×0,12 м). С внешнего края по всей длине плиты снята

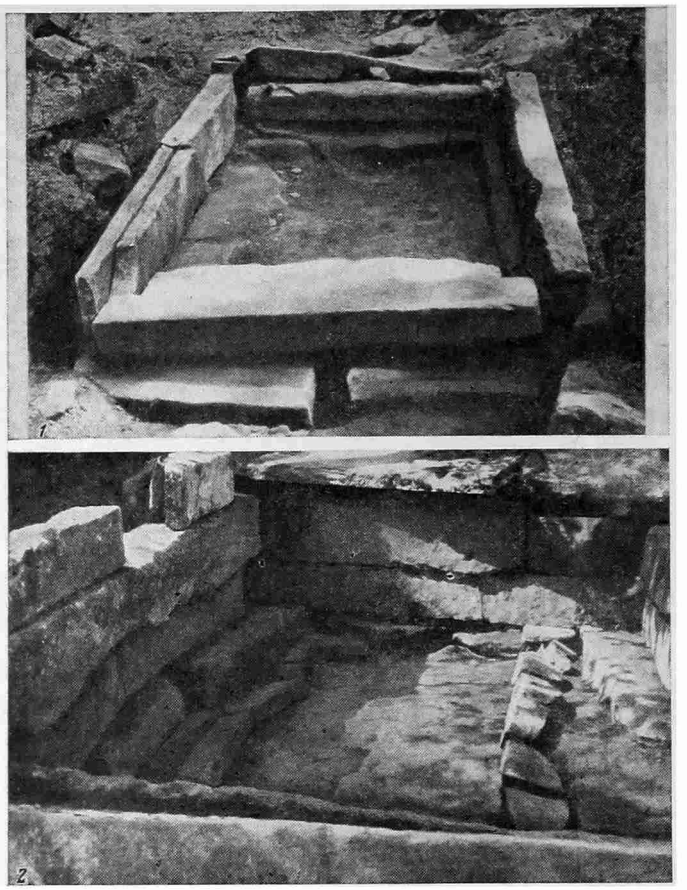


Рис. 3. Дольмены 2 (*1*) и 3 (*2*) в бассейне р. Кяфар

фаска. Внешняя поверхность плиты украшена петроглифами (концентрический круг, Т-образная тамга, косая решетка и еще один круг с зигзагом внутри). Эта плита стоит на сближенных пяточных камнях (общая длина свыше 2,40 м, ширина 0,42—0,32 м, толщина 0,20 м). В них слегка намечен продольный паз, в котором и сидела плита А.

С внешнего края северной боковой плиты Б (длина 2,90 м, высота 0,39 м, толщина 0,20 м) по всей длине снята фаска, с наружной стороны она орнаментирована петроглифами (крестик с двумя кругами под ним, косое перекрестие и два зигзага). Данная плита покоится на трех пяточных камнях (общая длина 2,95 м, ширина 0,73 до 0,62 м, толщина 0,20—0,18 м). В них врезан паз глубиной 2 см.

Задняя плита В (длина у основания 2,10 м, высота 0,73 м, толщина 0,20 м) упала в сторону камеры. В ее верхней части выбиты уступы (0,32×0,15 м). Внешняя сторона этого блока, обращенная к склону, украшена петроглифами (три «баранчика» с массивными рогами, один из которых перевернут, крест латинского типа).

В целом виде гробница имела прямоугольную форму (2,90×1,80 м). Поверх нее лежал обломок перекрытия (1,75×1,22×0,11 м). Камера дольмена заполнена забутовкой песчаниковым щебнем, в центре ее сохранилась могильная обкладка в шесть рядов, сложенная насухо из мелкого рваного камня (отдельные камни имеют величину: 0,55×0,20× ×0,08 м, 0,35×0,18×0,07 м и т. д.). Ширина могилы 0,72 м, длина точно не установлена, высота кладки 0,53 м.

В. А. Кузнецов в 1957 г. видел этот дольмен еще целым. Плиты изнутри образовывали ровные стены, снаружи имели несколько ступенчатую конструкцию (очевидно, за счет выступания пяточных камней). В. А. Кузнецов вспоминает в связи с этим «корочки» А. А. Спицына с рисунком передней стены этого дольмена, где перед входом обозначена «ступенька» [8, с. 106, 107] (по моей терминологии — портальная площадка).

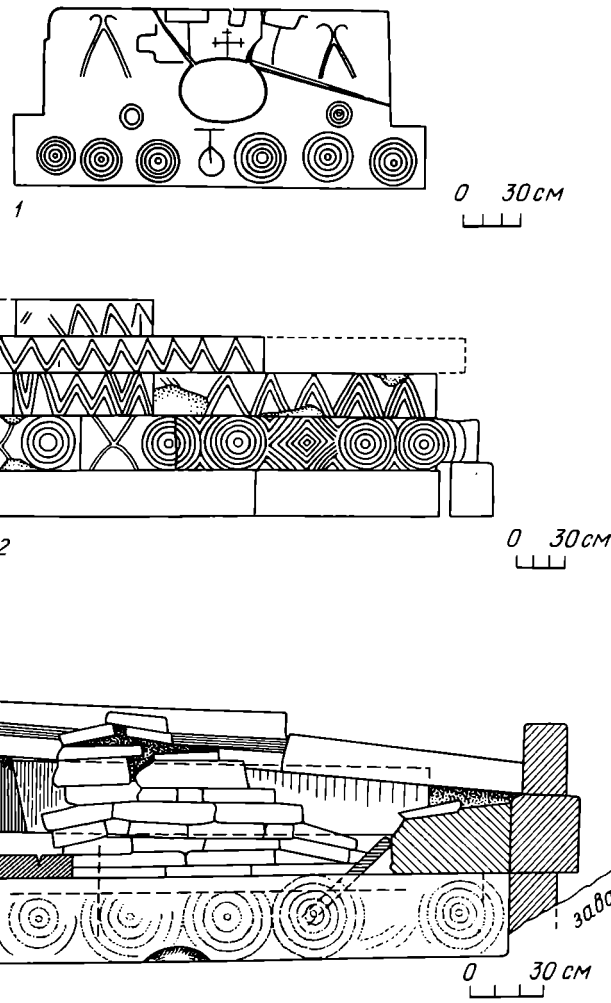


Рис. 4. Дольмены 2 и 3 в бассейне р. Кяфар (*1* — передняя плита дольмена 2, с петроглифами; *2* — наружный вид южной стены дольмена 3, с петроглифами; *3* — разрез дольмена 3 с впускной могилой, А — южная стена его)

В процессе расчистки дольмена и впускной могилы были обнаружены следующие предметы: 1. Обломок кольцевидной ручки от средневекового красноглиняного сосуда. Найден перед фасадом дольмена. 2. Обломки средневекового сосуда (диаметр днища 14 см). Стенки покрыты штрихами, нанесенными лощилом (тянутся сверху вниз). Поверхность красная, глина песчанистая. Найдены перед фасадом. 3. Обломок тонкостенного лепного сосуда эпохи бронзы. Тесто грубое черного цвета, в нем заметны комочки сланца и толченых кристаликов кальцита. Лежал под завалом, за задней плитой дольмена. 4. Колечко из серебра, покрытое позолотой (диаметр 2,2 см). Свернуто из проволоки круглого сечения (толщина ее 2 мм), концы не сомкнуты (рис. 5, *3*). 5. Обломок тонкого желтоватого стекла от стакана.

Дольмен 3 находится на склоне горы (рис. 3, *2*; 6), ориентирован с запада на восток (фасад с восточной стороны). Размеры: общая длина сооружения 3,05 м, ширина в нижней части, где плиты сохранились в собранном состоянии,— 2,15 м. Внутри дольмена находится впускная могила, обложенная камнями в 6—10 рядов сухой кладки (она занимает площадь 1,92×0,97 м).

Перед дольменом, с восточной стороны, большой развал различных плит. Некоторые из них хорошо обработаны. Таковы пять плит со скошенными под острым углом краями, наиболее крупная из них достигает в длину 1,50 м. Толщина подобных камней различна — от 0,13 до 0,21 м. Скорее всего ими (рис. 6) было обрамлено перекрытие гробницы, имевшее четырехскатную кровлю. Следует отметить, что здесь же лежали

два камня (0,86×0,26×0,17 м и 1,38×0,29–0,24×0,18 м), покрытые орнаментом в виде концентрических кругов (рис. 6, III). Торец меньшего камня покрыт елочными бороздами. Возможно, этими плитами была украшена портальная часть дольмена. Тут же лежал крупный обломок плиты неправильной формы (толщина его 0,18 м). Он мог являться частью перекрытия.

Южная боковая сторона сооружения представляет собою массивные песчаниковые брусья, положенные друг на друга в пять рядов. Характер кладки довольно регулярный (рис. 4, *2*, *3*; 6). Величина брусьев (в м): 1-й ряд – 2,82×0,30×0,27; 2-й ряд – 3,20×0,35×0,30 (в нем в нижней части сделана выемка на длину 0,29 м при глубине в 0,05 м; в нее входит торец плиты, замыкающей переднюю часть гробницы); 3-й ряд – 0,98× ×0,29×0,20 и 1,80×0,29×0,20; 4-й ряд – 1,79×0,23×0,19 и 1,30×0,23× ×0,19 (этот камень упал). От пятого ряда сохранился лишь один брус (0,66×0,24×0,21). Общая высота кладки 1,40 м. Через один ряд в задней части кладки оставлены зазоры, которые образуют связи с перпендикулярными к ним брусьями задней стены (типа соединения бревен в «лапу»). С наружной стороны описанные камни, за исключением самого нижнего, орнаментированы зигзагами и концентрическими кругами. На камень с кругами нанесен также узор в виде вписанных ромбов и Х-образных знаков.

Северная боковая стена сохранила только три ряда брусковой кладки общей высотой 0,94 м (рис. 4, *3*).

В передней части гробницы лежит удлиненный камень (2,35×0,35× ×0,29 м), на котором стояла передняя плита с отверстием (она, к сожалению, не сохранилась). Несколько поодаль лежит второй более тонкий брус такой же длины (ширина 0,16 м, толщина 0,35 м).

Задняя плита дольмена (расколота, длина 2,26 м, высота 0,50 м, толщина до 0,15 м) снабжена в нижней части врезами – «плечами». Она лежала над узким и длинным, хорошо обработанным камнем – 1,85× ×0,18×0,10–0,08 м, который, возможно, служил для нее подпяточником.

Кладка впускной могилы развалилась во все стороны. При ее расчистке обнажены два камня четырехугольного сечения, напоминающие тумбы (0,49×0,25×0,16 м и 0,43×0,22×0,17 м). Эти архитектурные детали, безусловно, не связаны с впускной могилой – они были использованы здесь в качестве строительного материала. Трудно определить их назначение в общей конструкции дольмена (возможно, ими поддерживалась кровля). Подобные детали встречаются впервые. Характер их обработки мелкозубчатым теслом не оставляет сомнения, что они принадлежали основному дольменному сооружению. Костяк во впускной могиле не сохранился. Найдены лишь обломки черепа и бедренной кости.

В процессе исследования найдены следующие предметы: 1. Обломок изящного тонкостенного кувшина с узким горлом (диаметр устья 5–6 см) и удлиненной петлевидной ручкой. Сосуд найден возле плиты перекрытия. 2. Бронзовый умбон – бляха полусферической формы с фигурными краями (диаметр 5 см). В его верхней части сделано круглое отверстие (рис. 5, *5*). Умбон мог являться украшением конского убора. Он лежал среди развала северной боковой стены впускной могилы. 3. Закругленно-притупленный железный наконечник ножен сабли из передней части впускной могилы. 4. Обрывок железной кольчужной сетки. 5. Обломок перекрестия сабли из железа. из заполнения могилы. 6. Обломок верхней части железного кузнечного зубила с проушиной для рукояти, найденный в заполнении могилы. 7. Железное тесло (высота 6,2 см, ширина рабочей части 4,6 см; рис. 5, *1*), найдено среди камней северной стенки впускной могилы. 8. Красноглиняная, песчанистая керамика. Фрагменты сосуда, покрытого полосами, нанесенными острым орудием; часть венчика кувшина со сливом; стенки сосудов, покрытые волнистым узором и косой сеткой, обнаруженные среди развала плит перех фасадом дольмена. 9. Обломки черноглиняной керамики грубого, комковатого теста с примесями комочков мергеля и толченых раковин, характерной для эпохи бронзы. Они найдены также в развале плит перед фасадом дольмена.

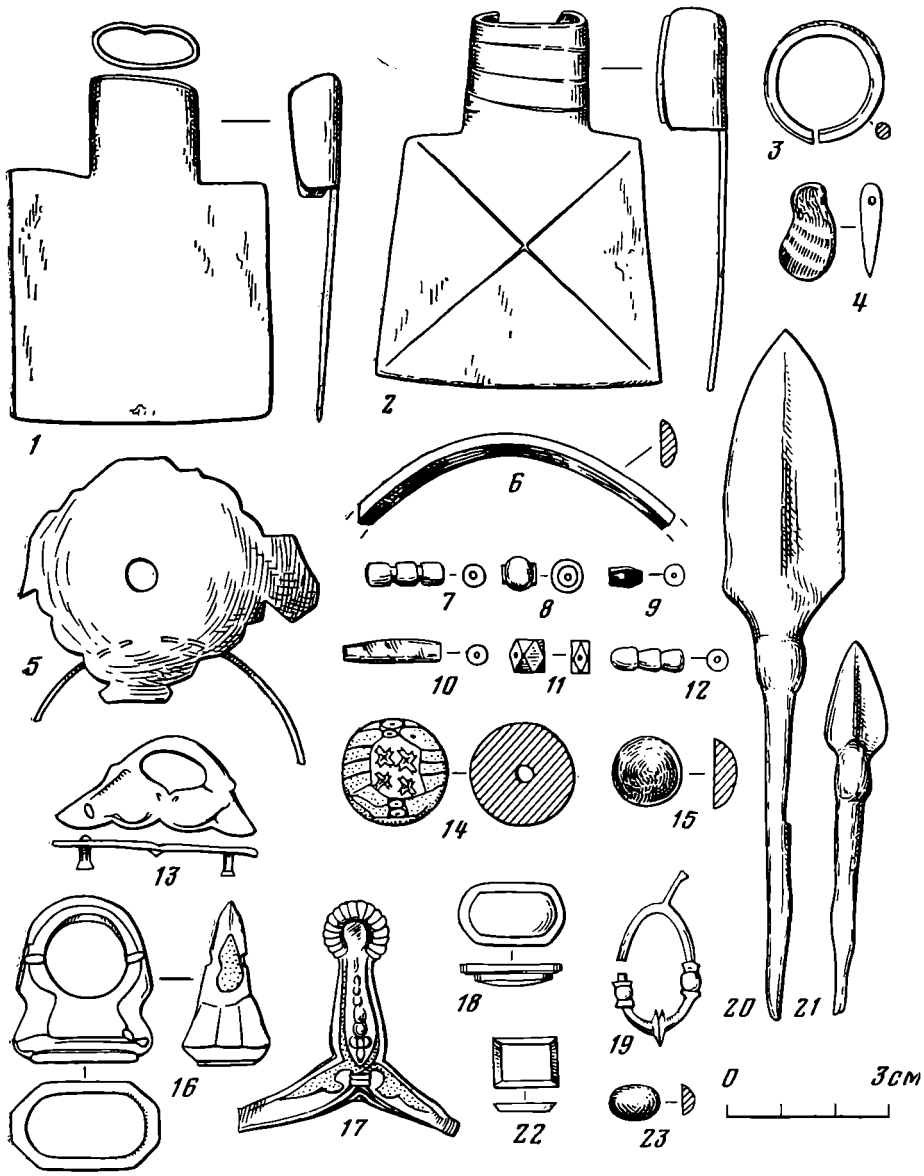


Рис. 5. Бассейн р. Кяфар. Предметы из могил, впущенных в дольмены (*1*, *5* — из дольмена 3; *2*, *6*—*21* — из дольмена 5; *3* — из дольмена 2; *4* — из дольмена 4)

Дольмен 4 стоит в лесу, в 15 м к северо-западу от гробницы № 2, ориентирован с запада на восток (рис. 7; 8, *1*). Фасад дольмена образован двумя плитами (I и II). Первая лежит возле камеры и опрокинута лицевой стороной вниз, вторая сползла по склону и повернута орнаментированной стороной вверх. Общая длина передних плит 2,14 м, высота их в собранном виде — 1,51 м (высота верхней половины 0,66 м, нижней 0,85 м), толщина 0,18 м. Плиты имеют общее отверстие (лаз), равные половины которого приходятся на каждый камень. Лаз овальной формы (0,50×0,40 м), расположен на высоте 0,63 м от основания нижней плиты и был обращен к востоку. На нижней плите (I) с боков имеются два выступа. Они выбиты на высоте 0,28—0,27 м от основания и выдаются на 0,25—0,23 м (ширина обломанного выступа 0,27 м, целого — 0,23 м). Эта плита стояла на пяточном камне (разбит на две части; толщина 0,20 м, ширина 0,58—0,53 м, длина превышает 2,30 м). В верхней плите фасада (II) по бокам сделаны врезы. Они вдаются в камень на 0,28 м. Возле нее лежит угловатый брус, украшенный тремя концентрическими кругами. Обе плиты покрыты узором, выполненным зубилом с овальным лезвием (ширина 0,02 м). Орнамент в виде дуг и уступов, обтекая отверстие и зеркально повторяясь, заполняет лицевую сторону передних плит.

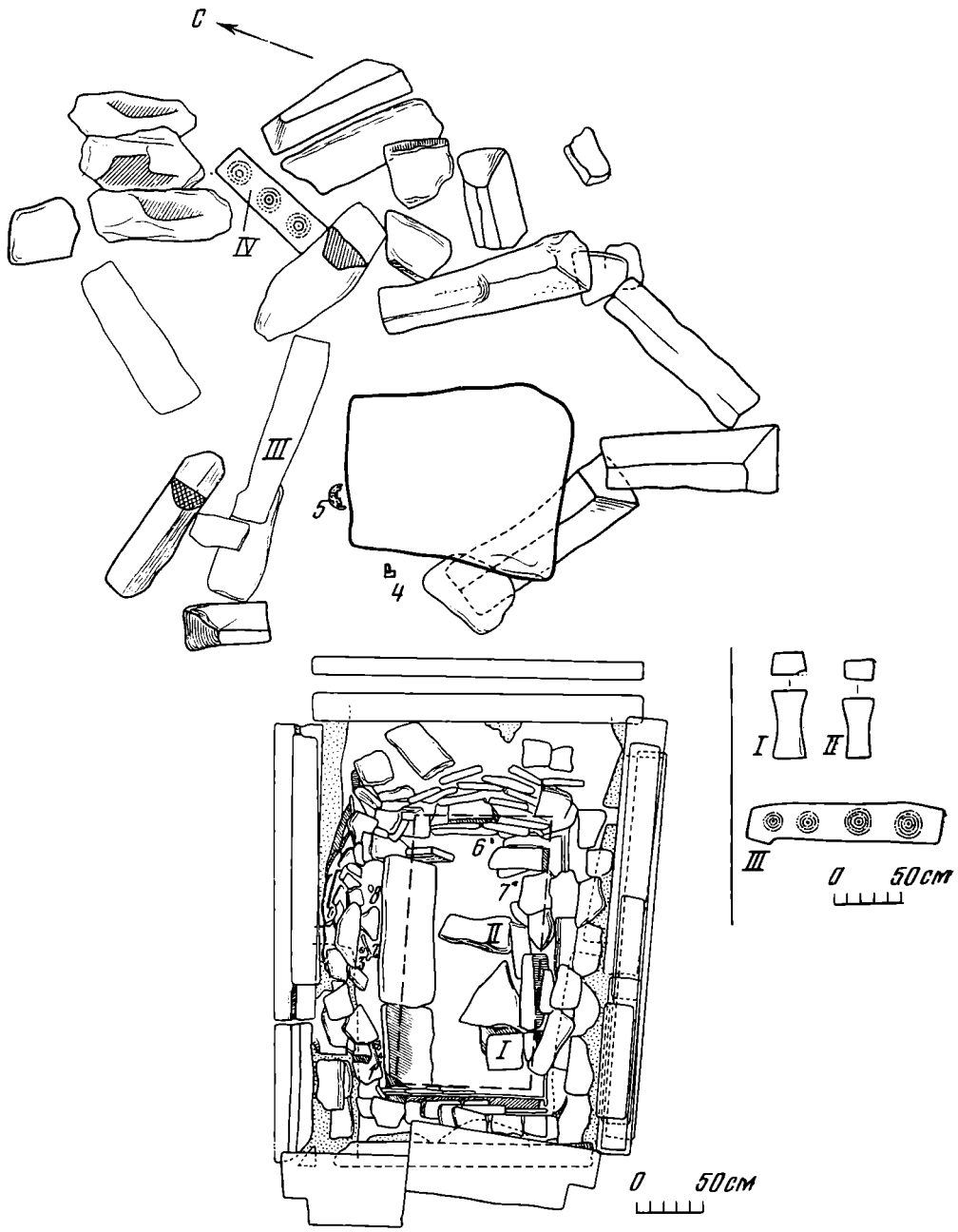


Рис. 6. Бассейн р. Кяфар, дольмен 3 (на плане: *1* — обломок черепа; *2* — бедренная кость; *3* — бронзовый умбон; *4*, *5* — керамика; *6* — наконечник сабельных ножен; *7* — обрывок кольчуги; I, II — каменные тумбы, III — плита с орнаментом)

По верхней части южной боковой плиты А (длина 3,22 м, высота 0,54 м, толщина 0,26 м) намечен своеобразный паз— чашевидное углубление (1 см). Оно предназначалось для крепления еще одной плиты, лежавшей сверху. Оба конца плиты А имеют выступы: в передней части врезанный на 0,18 м, в задней — 0,20 м. Эта плита покоится на трех пяточных камнях (ширина 0,53 м, толщина 0,20 м), в которых выбиты смыкающиеся пазы глубиной 0,04 м, при ширине 0,13 м. Передний конец боковой плиты А покоится на «пятке» фасада.

По внешнему краю северной боковой плиты Б (длина 3,40 м, высота 0,47 м, толщина 0,20 м) выбит паз в виде выемки (глубина 0,01—0,02 м, ширина 0,14 м). По концам плиты сделаны хорошо подтесанные врезы (в передней части скошен), глубина 0,20 и 0,27 м, длина врезов до 0,18 м. Под плитой Б установлен пяточный камень (толщина 0,20 м). Рядом с ним находился обломок плиты от второго ряда кладки.

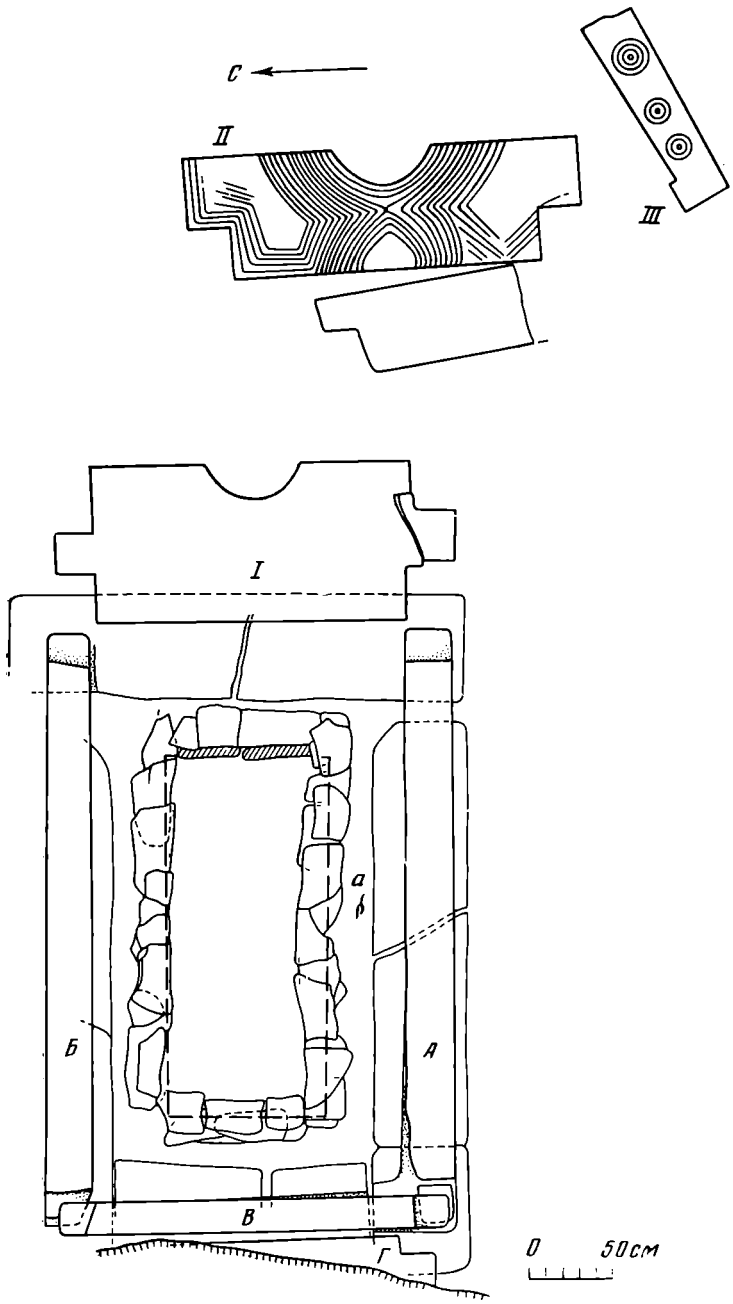


Рис. 7. Бассейн р. Кяфар, дольмен 4 (на плане: *а* — бронзовая лента; А, Б — боковые плиты; I, II — плиты фасада)

Задняя плита В (длина 2,14 м, высота 0,75 м и толщина 0,18 м) с двух сторон снабжена уступами. Они сделаны на высоте 0,18 м (южный край) и 0,27 м (северный край) и врезаны в камень на 0,20 м. Плита В стоит на пяточных камнях, упираясь в желоб, сделанный в них (глубина 0,04 м). За ними среди завала лежит камень Г, принадлежащий второму ряду кладки. В нем также заметен уступ (глубина 0,20 м). Совмещаясь, уступы плит В и Г образовывали общий паз, в который входили боковые брусья.

Внутри дольмена находилась могила прямоугольной формы (1,92× ×0,84 м), обложенная рваным камнем в 5—7 рядов (высота 0,39—0,45 м). Камни обкладки ровными сторонами обращены внутрь могильного пространства.

Между описанной кладкой и плитами дольмена выявлена забутовка песчаниковым щебнем. Здесь найдены следующие предметы: 1. Бронзовая лента, деформированная и изогнутая в виде дуги (общая длина

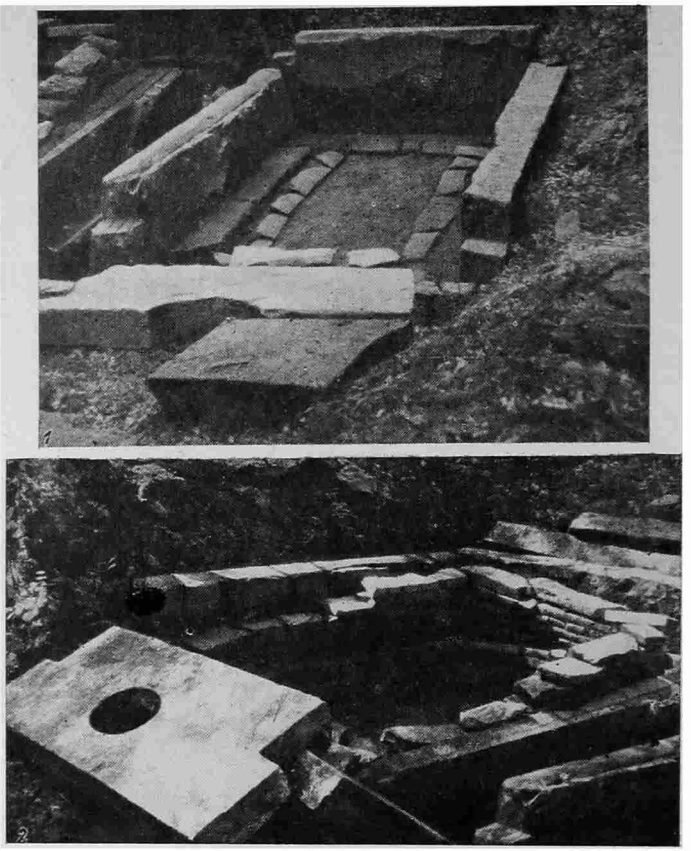


Рис. 8. Дольмены 4 (*1*) и 5 (*2*) в бассейне р. Кяфар

0,19 м, ширина 0,01 м), по краям ее имеются отверстия. 2. Обломок стакана из голубоватого прозрачного стекла с выпукловогнутым орнаментом (диаметр его до 10—11 см). 3. Бусина-подвеска из темно-коричневого стекла со светлыми полосами (рис. 5, *4*). 4. Фрагмент чернолощеной тонкостенной керамики.

Дольмен 5 ориентирован с запада на восток, фасад с востока. Он находится к югу от дольмена 4 (рис. 8, *2*; 9). Массивная передняя плита (длина у основания 2,66 м, высота 0,98 м, толщина 0,23—0,18 м) лежит на каменном развале. В ней вырублено отверстие овальной формы, которое расширяется к переднему краю (размеры снаружи 0,52×0,38 м, изнутри 0,46×0,32 м). Отверстие расположено на высоте 0,25 м от нижнего края плиты. Лицевая часть этого камня орнаментирована концентрическими овалами и дугами. В его верхней части, по бокам, вырублены уступы (0,41×0,20 м). В их плечиках и по низу камня заметны пирамидально-углубленные гнезда (0,05×0,5×0,05—0,06 м), служившие для скрепления этой плиты каменными или деревянными шпонками с боковыми брусьями. Лаз этого дольмена еще недавно был плотно прикрыт цилиндрической втулкой, наружная сторона которой украшена концентрическими кругами [18, с. 154, рис. 84]. Северная боковая плита шириной 0,70 м сохранилась на всю длину — 3,40 м, но сильно расслоилась (толщина ее до 0,27 м). Края с внутренней стороны скошены и закруглены. Она стоит на выступающем пяточном камне (толщина не установлена). Рядом с описанной плитой лежит обломок боковой плиты от второго «венца» кладки (ширина обломка 0,33 м, толщина 0,20 м). Одна из сторон этого камня украшена врезанным зигзагом.

От южной стены дольмена сохранилось две плиты. Верхняя из них (длина 3,05 м, высота и ширина 0,48 м) имела приостренные края. С внешней стороны она хорошо сглажена, но толщина неравномерна (от 0,13 до 0,21 м). Плита покоится на толстом бруске (2,80×0,51× ×0,25—0,18 м). Из-под него слегка выступают два пяточных камня (толщина до 0,10 м).

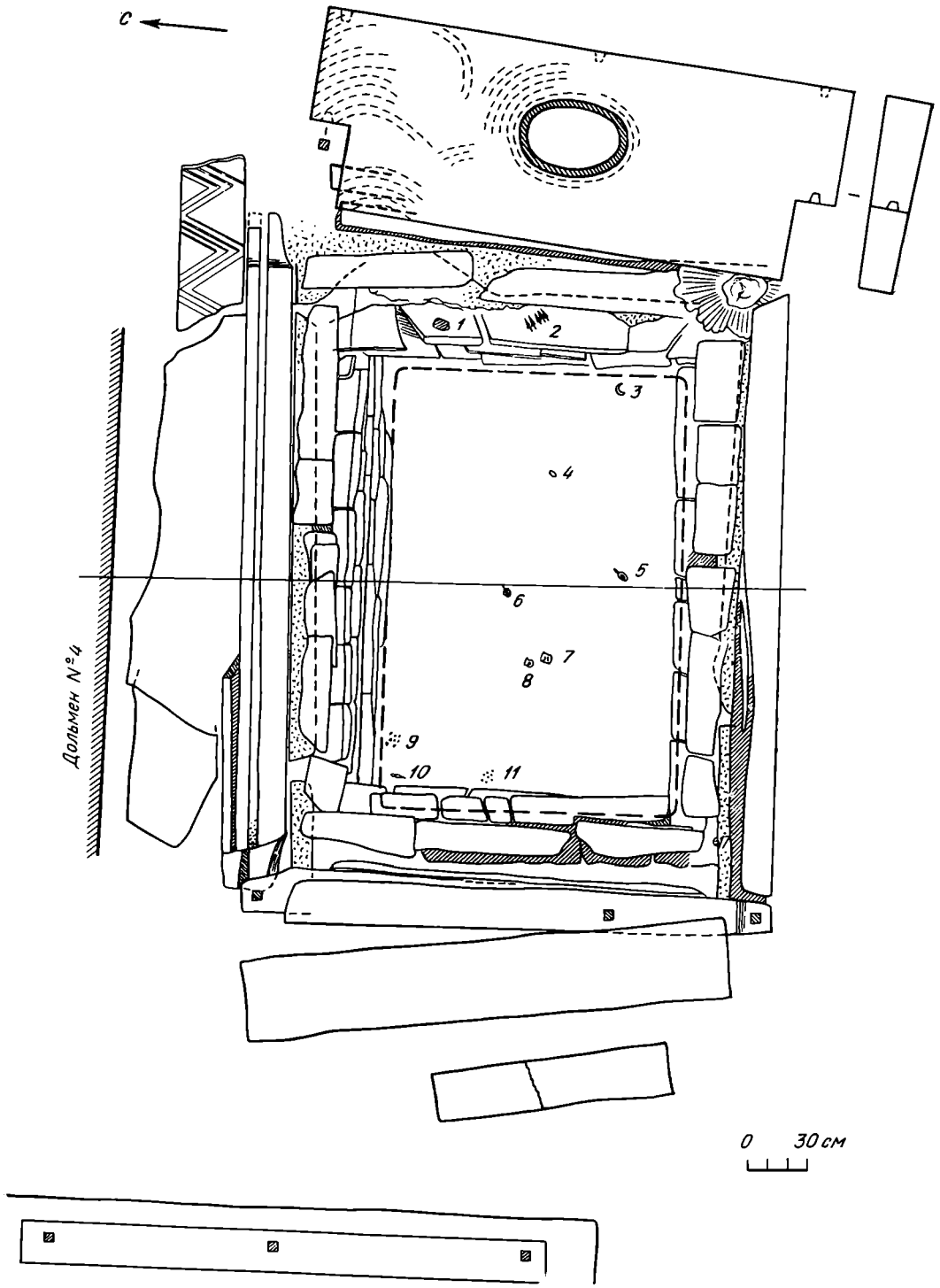


Рис. 9. Бассейн р. Кяфар, дольмен 5 (на плане: *1, 7* — тесла; *2, 10* — наконечники стрел; *3* — обломок стеклянного браслета; *4* — пастовая бусина; *5, 6* — серьги; *8* — хрустальный перстень; *9—11* — бусы. Внизу изображена плита с гнездами для шпонок)

Задняя (западная) часть дольмена потревожена. Сдвинутая верхняя плита имела правильную прямоугольную форму (2,40×0,42×0,20—0,18 м). Плита лежит над узким камнем (северный конец отбит), который в целом виде мог иметь в длину 2,65 м, при ширине и высоте в 0,55 м и толщине до 0,22 м. Торцовая часть его с южной стороны несколько приострена, к верхней части скошена. Здесь заметно гнездо для шпонки. Второе аналогичное гнездо расположено ближе к центру. Описанный камень, в свою очередь, покоится на другой, близкой по форме плите (2,20×0,45×0,23 м). Край плиты с южной стороны срезан и за-

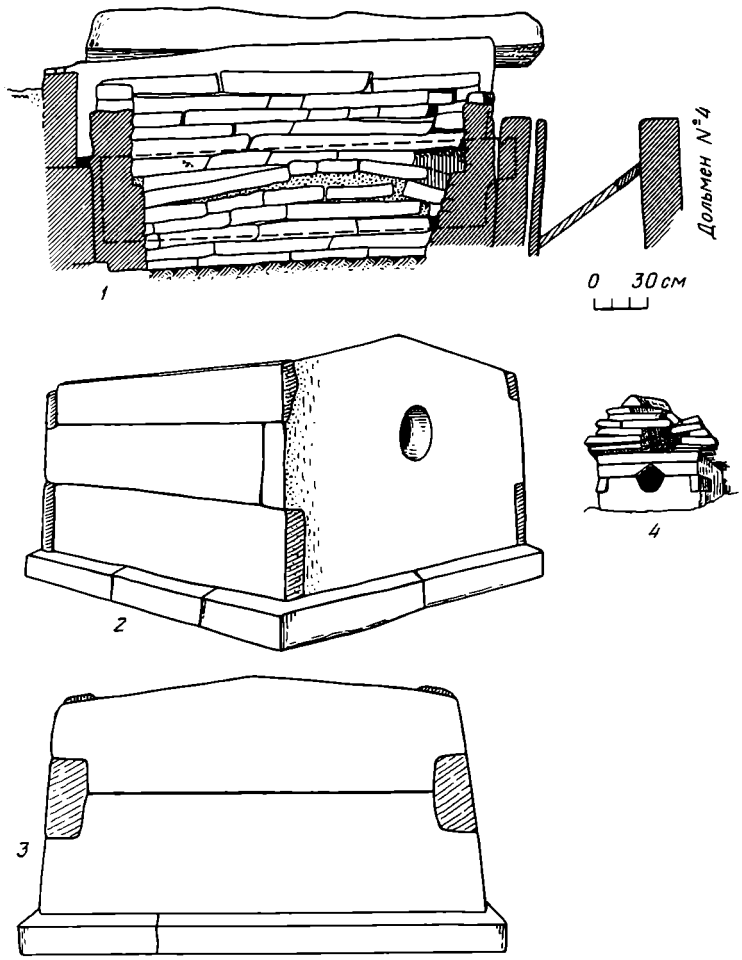


Рис. 10. Дольмены бассейна р. Кяфар. *1* — поперечный разрез дольмена 5 с впускной могилой; *2*, *3* — общий вид и задняя стена дольмена, вывезенного Л. Н. Глушковым в г. Ставрополь; *4* — постройка, сфотографированная Е. Д. Фелицыным

шлифован. В северной торцовой части, с нижней стороны сделана закругленная выемка, а в верхней выбито гнездо для шпонки. Эта плита также покоится на пяточных камнях.

В камеру дольмена впущена могила, обложенная небольшими плоскими кусками песчаника в виде гробницы, сохранившей 13 рядов кладки (рис. 8, *2*; 9; 10, *1*). Основание этой конструкции (2,22×1,40 м) покоится на материковом песке. На высоте 0,45 м по всему периметру кладки сделаны плечики в виде уступа, на котором, возможно, держался легкий настил, прикрывавший могилу.

При расчистке впускной могилы были найдены следующие предметы: 1. Железное тесло с углубленными параллельными полосами на втулке и перекрестием на рабочей части (высота предмета 6,7 см, ширина рабочей части 5,2 см; рис. 5, *21*) лежало у восточной стены. 2. Железное тесло с углубленным перекрестием на рабочей части и обломанной втулкой (ширина рабочей части 5,5 см) найдено в центральной части могилы. 3. Семь плоских железных черешковых наконечников стрел ромбовидной формы (длиной до 12,7 см, рис. 5, *20*) обнаружены на камне восточной стены. 4. Трехгранный железный черешковый наконечник стрелы (длина 6,8 см, рис. 5, *2*) найден в северо-западном углу могилы. 5. Обломок кольцевидного браслета, сделанного из зеленого прозрачного стекла (диаметр в целом виде около 6 см, ширина 0,9 см, рис. 5, *6*) лежал в юго-восточном углу. 6. Шаровидная пастовая бусина (диаметр 1,9 см, рис. 5, *14*), покрыта сложным многоцветным узором (превалируют красные, зеленоватые и синие тона) была найдена в центральной части могилы. 7. Две серебряные серьги, сделанные из тонкой проволоки,

с фигурными утолщениями (рис. 5, *19*), также найдены в центральной части могилы. Перстень, искусно вырезанный из хрусталя чистейшей воды, снабжен щитком. Отверстие для пальца довольно мало — 1,4 см (рис. 5, *16*; 11). Он также найден в центральной части могилы. 9. Бусы: строенные из прозрачного стекла с посеребрением — 3; строенные из прозрачного стекла с позолотой — 6; круглые грубо литые из прозрачного стекла с позолотой — 10; круглая из прозрачного бесцветного стекла — 1; маленькая цилиндрической формы (бисер) из сапфирово-синего прозрачного стекла — 1; неправильной формы и разных размеров цилиндрические из черного гагата (гишера) — 5; удлиненная цилиндрическая из коричневого сердолика — 1; круглые, грубо литые из прозрачного стекла с посеребрением — 8; многогранные подквадратной формы из красного, сильно призованного стекла — 2. Все бусины (рис. 5, 7—12) лежали двумя компактными кучками в северо-западном углу могилы. 10. Фаянсовые вставки-жуковины для перстней, покрытые яркой голубой глазурью (четыре овальной формы, одна круглая, в обломке), найденные среди бус (рис. 5, 23). 11. Шесть круглых жуковин из черно-красного стекла (рис. 5, 15), найденных также вместе с бусами. 12. Прямоугольной формы жуковина для перстня (рис. 5, 22), сделанная из прозрачного желтоватого стекла, найдена там же. 13. Жуковина почти овальной формы в виде щитка (рис. 5, 18), сделанная из прозрачного желтоватого стекла. Она предназначалась для крупного перстня (найдена там же).

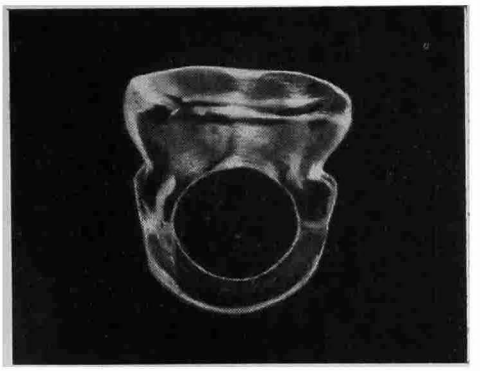


Рис. 11. Хрустальный перстень из дольмена 5

В выбросе из впускной могилы, среди корневищ и прелых листьев также были найдены некоторые предметы: 14. Обломки стаканов из тонкого прозрачного зеленого стекла с выпуклым растительным орнаментом — 18. 15. Железный стержень с приостренным утолщением (возможно, от наконечника стрелы); обломки черепков от ножей; обломок перекрестия сабли (гардэ) с утолщенным концом; небольшая железная скоба с остатками заклепок. 16. Бронзовая фигурная бляшка, покрытая гравировкой. По краям ее сохранились две небольшие заклепки (рис. 5, *13*). 17. Обломок фигурной обкладки. Бронза, обтянутая позолоченным серебром, орнаментирована. На ее краях сохранились следы железа (рис. 5, *17*).

Перед камерой дольмена, возле передней плиты, были найдены окатанные фрагменты керамики эпохи бронзы и крупная речная галька (прочная серо-зеленая кварцитовая порода) со следами сработанности на краях, служившая шлифовальным камнем. Вероятно, она использовалась при обработке дольменных плит.

Дольмен 6 находится в 60 м к северо-востоку от дольмана № 4, ориентирован с запада на восток (рис. 12). Его передняя плита лежит перед дольменной камерой лицевой стороной вверх (длина 2,30 м, высота 0,87 м, толщина 0,22 м). На высоте 0,28 м от основания камня находится овальное отверстие (0,48×0,36 м), а в верхней части сделаны уступы (0,45×0,19 и 0,41×0,14 м). Лицевая сторона плиты орнаментирована петроглифами (шесть «баранчиков» с увеистыми рогами, расположенных в два ряда). Между передней плитой и камерой лежат два бруса. Один из них, разбитый надвое (2,02×0,24—0,20×0,24 м), имеет выступ и покрыт петроглифами (перекрестия в кругах и «баранчик»), другой (1,79×0,40×0,20 м) — украшен врезанными концентрическими кругами, косым крестом и спиралью.

Южная боковая плита (2,82×0,45×0,23 м) в передней части несет косой паз (глубина 8 см, длина 0,18—0,20 м), с внутренней стороны он подтесан. По внешнему краю плиты по всей длине снята фаска. Камень

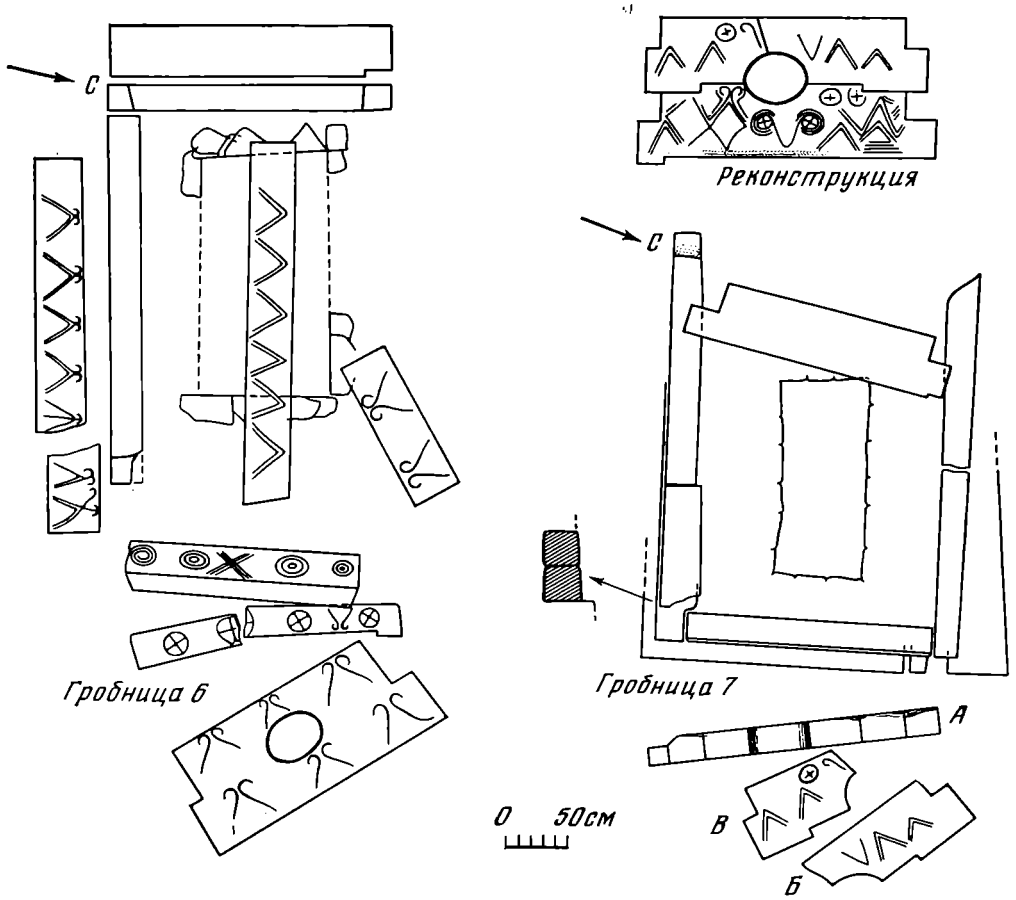


Рис. 12. Бассейн р. Кяфар, дольмены 6 и 7 (в верхней части изображена реконструкция плит фасада дольмена 7)

с наружной стороны также украшен петроглифами (ромбы, концентрические круги). Он покоится на «пятке». Рядом лежит расколотый брус (2,76×0,35×0,20), вероятно, сброшенный с описанной плиты. Задним концом он должен был заходить в выемку (паз) задних плит. На брусе нанесены изображения семи «баранчиков». Задняя плита (2,13×0,80× ×0,19 м) имеет с двух концов по косой выемке (южный уступ 0,19— ×0,16×0,35 м, северный — 0,33×0,20 м). Рядом с нею лежит еще одна крупная плита (2,10×0,40×0,21 м), некогда стоявшая на первой. В ее основании, у северного края,— выемка (глубина 4 см, длина 19—24 см).

Внутри камеры обнаружен брус (2,78×0,35×0,20 м), возможно некогда упавший с северной части дольмена. Его внешняя поверхность орнаментирована зигзагом. В середине дольменной камеры сохранились следы могилы, обрамленной рваными камнями, неровности которых обращены наружу. Внутренняя площадь могилы около 1,80×1 м. Сохранилось до семи рядов кладки высотой до 0,60 м. Между камерой и стенами гробницы обнаружена щебневая забутовка.

Дольмен 7 находится в 1,5 м к северу от дольмена 6, ориентирован с запада на восток. Передняя часть его сильно разрушена (рис. 12), две плиты фасада с отверстием перемещены: нижняя стоит на земле (плита А), верхняя расколота на две части (камни Б, В). В плите А (длина 2,20 м, высота 0,55 м, толщина 0,22 м) выбита нижняя половина овального отверстия, несколько сдвинутого влево (0,45×0,15 м). Оба конца плиты в верхней части оформлены в виде «плеч». На южном конце ее есть небольшой выступ. Внешняя поверхность плиты орнаментирована петроглифами (под отверстием изображена стилизованная голова барана с крестами, обрамленная зигзагами, справа от отверстия, над зигзагом, выбиты два круга с крестами, слева — «баранчик». По нижнему краю плиты виден рубчик от работы керном.

Описанная плита А стояла на брусе (1,84×0,26×0,19 м), упирающемся торцами в боковые части дольмена. Внешняя сторона бруса украшена косой решеткой. Этот брус, а также передняя часть кладки сооружения покоятся на пяточном камне, слегка выступающем наружу (длина 1,96 м).

Верхняя часть фасада — фигурная плита — разбита надвое (Б, В). В целом виде она имела длину 2,05 м, при высоте 0,55 м и толщине 0,16 м. В верхней части плиты сделано по уступу, с нижней стороны возле полуовала отверстия также заметны небольшие уступы. Внешняя поверхность плиты орнаментирована петроглифами (по обе стороны входного лаза изображены зигзаги, а также круг с крестом и изогнутая линия). Плиты фасада хорошо совмещаются всеми своими выступами, образуя отверстие правильной формы (рис. 12).

Северный боковой брус (длина 2,89 м, высота 0,30 м, толщина 0,20—0,25 м, западный конец заострен) переломлен на две части, лежит на пяточном камне, выступающем наружу. И брус, и пяточный камень слегка наклонены внутрь дольмена. Южная боковая плита (длина не восстанавливается, высота 0,25 м, толщина 0,24 м, передний конец с внутренней стороны подтесан) уходит под землю. На нее поставлен брус, состоящий из двух частей (общая длина 2,86 м, высота 0,28 м, толщина 0,23—0,19 м). Задняя плита лежит поперек камеры (2×0,46× ×0,18 м). В нее врезаны уступы.

Внутри дольмена заметны следы впускной могилы (1,50×0,65 м), сложенной из рваного мелкого камня. Высота кладки 0,67 м (до семи рядов). Между камерой и стенами гробницы выявлена забутовка из щебня.

Чтобы завершить описание дольменов бассейна р. Кяфар, следует остановиться на их конструкции в целом виде, поскольку описанные постройки сильно разрушены. Опыт реконструкции наиболее известного покрытого рельефами кяфарского дольмена, привезенного в г. Ставрополь, принадлежит В. А. Кузнецову: постройка, стоящая на ступенчатом цоколе, с двухскатным плитяным перекрытием [8, с. 109, рис. 42, *1*], которое находит аналогии в одном из дольменов, раскопанных Н. И. Веселовским у ст. Царской (ныне Новосвободная) — [20, с. 33—36, рис. 48, 53]. Работникам Ставропольского краеведческого музея им. Г. К. Праве удалось собрать этот дольмен. Стыковки его плит с помощью выступов, подтесок и пазов (рис. 10) [4], дают полное представление о том, как могли соединяться разрозненные детали описанных кяфарских дольменов. Об этом же свидетельствует снимок (рис. 10, *4*) одной из таких построек, воспроизведенный в работе Е. Д. Фелицына [2, табл. XIII, *25*].

Следует отметить, что впускные могилы конструктивно совершенно не связаны с архитектурой дольменов. Самые нижние камни их кладки часто находятся выше уровня дольменных пяточных камней (дольмен 2) или ниже их (дольмены 3, 4, 5). При явном стремлении к зеркальной симметрии, свойственной дольменам любых типов, обкладки впускных гробниц нарушают оси симметрии, т. е. они случайны в дольменных сооружениях.

Инвентарь, найденный в дольменах — это главным образом, поздние вещи из впускных могил. Он находит аналогии в гробницах, которые соседствуют с дольменами, и позволяет датировать впускные погребения суммарно X—XII вв. [19, с. 84—89, рис. 37—39]. Такая датировка подтверждается находками наконечников стрел, широко применявшихся, начиная с IX в. (трехгранный наконечник) и позднее [21, с. 58—66, табл. 14, 15]. Отдельные предметы являются достаточно редкими (хрустальный перстень, серебряные серьги, золоченое кольцо и пр.). Они не характерны для рядовых могил [5]. Очевидно, дольмены эпохи бронзы в период средневековья освобождались, тщательно очищались и исполь-

[4] Использую рисунки, сделанные для меня покойным археологом Леонидом Никаноровичем Глушковым.

[5] Можно указать на известный могильник у ст. Змейской в Северной Осетии, относящийся, примерно, к X — началу XIII вв. [22, с. 63, 71 и др.].

зовались для погребения знатных лиц[6]. Об этом писал и В. А. Кузнецов: «Простые по устройству и небогатые по инвентарю наземные гробницы принадлежали рядовым членам общества, дольменные склепы,— по его мнению,— служили усыпальницами «только для знатных»» [8, с. 117].

Использование древних погребальных сооружений (курганов, гротов, дольменов) в качестве вместилищ для более поздних могил — факт хорошо известный. Степные курганы эпохи бронзы почти всегда содержат впускные могилы скифо-сарматского времени и более поздние кочевнические захоронения. В 1975 г. И. И. Цвинария раскопал в абхазском селении Отхара дольмен эпохи бронзы, окруженный тройным кромлехообразным кольцом камней. В самом дольмене была обнаружена средневековая впускная могила [23, с. 11]. Подобные захоронения в дольменах хорошо известны по исследованиям Е. Д. Фелицына: из плиточных построек типичных для эпохи бронзы им были извлечены «фибулы, железные и серебряные вещи..., короткий железный римский меч..., электровая монета босфорского царя Рискупориса IV, относящаяся к 215 г.» [2, с. 35]. Впускными следует считать комплексы эпохи раннего железа, которые были найдены в плиточных дольменах близ Геленджика [24, с. 143—147], хотя И. И. Аханов и не придал должного значения мелким обломкам более ранней керамики эпохи бронзы, найденным в исследованных гробницах, считая их случайными[7]. Таким образом, сомнения Л. Г. Нечаевой в огромном хронологическом разрыве между строительством дольменов и «дольменовидных гробниц» на р. Кяфар [25, с. 281], вполне обоснованы. Они подкрепляются и анализом их архитектурно-строительных особенностей.

Мне уже приходилось писать о чертах сходства кяфарских дольменов с составными дольменами эпохи бронзы. Тогда для сопоставления был взят яркий образец постройки, сложенной из сочетания плит, брусьев и блоков — дольмен, стоящий над пос. Адербиевка близ Геленджика. Отсылая читателя к соответствующей статье [17, с. 76—78], хотелось бы дополнить приведенный в ней материал некоторыми новыми данными. Постройки р. Кяфар безусловно следует относить к составным дольменам. Именно среди дольменов этого типа можно найти конструктивные детали, характерные для описанных сооружений. Так, входные отверстия, образованные из соединения двух блоков или плит, в которых они высечены в виде полукружий или полуовалов, известны по одиночным дольменам на р. Жане (между Геленджиком и пос. Пшада [2, табл. XI], пос. Перевального на р. Пшиш [26, с. 119, 130, рис. 53], Дегуакской поляны — у ст. Даховской [18, с. 140, 141, рис. 73, *2*; 74, *1*]. Поверх плит с отверстиями у дольменов на р. Кяфар можно видеть отдельные брусья, увеличивавшие высоту фасада. Подобная деталь характерна и для составных дольменов: пос. Садовый — «Мильконова щель» на р. Псекупс [26, с. 115, рис. 48], местность Круглик [18, с. 142, рис. 75, *1*] в районе г. Туапсе. Подтески и подшлифовки, отмеченные на кяфарских постройках, не менее характерны и для составных дольменов, принадлежность которых к эпохе бронзы не вызывала сомнения у такого осторожного и вдумчивого исследователя, каким был А. А. Иессен [27, с. 32]. Особенно много различных подшлифовок можно видеть у дольменов, стоящих в пос. Гузерипль в бассейне р. Белой [18, с. 144—147, рис. 76—78; 28, с. 35—38, рис. 7—9].

Отнесение описанных памятников в бассейне р. Кяфар к эпохе бронзы документируется отдельными находками древней керамики и шлифовального камня, обнаруженных во время раскопок. Несомненно, при подготовке кяфарских дольменов в качестве усыпальниц в средневековье в их конструкцию могли быть внесены некоторые изменения. Тогда же появилась, очевидно, и орнаментация на отдельных камнях. Обнаружен-

---

[6] В одной могиле могли хоронить до 2—3 человек; так, в дольмене 5 были захоронены, судя по инвентарю, мужчина и женщина.

[7] Историко-краеведческий музей в Геленджике, инв. № 801—142.

ные ребристые брусья (рис. 6), служившие для перекрытия гробниц, могли быть сделаны во время их перестройки, так как подобными камнями, судя по упоминавшейся фотографии Е. Д. Фелицына, были перекрыты и более поздние склепы, сложенные из плохо обработанного и мелкого камня [2, табл. XIII, *25*, *26*]. Вообще, многоярусные двухскатные покрытия, сложенные из множества камней, для дольменов эпохи бронзы не характерны, хотя Л. Г. Нечаева склонна и их относить к глубокой древности [29, с. 13, 14]. Таким образом, в конструкции кяфарских сооружений можно видеть более поздние элементы. Но, в основном, это памятники архитектуры эпохи бронзы. Отнесение дольменов бассейна р. Кяфар примерно к началу второй половины II тысячелетия до н. э. представляется вполне возможным. Если до наших исследований А. А. Формозов называл кяфарские постройки, следуя традиции, «средневековыми склепами», «подражающими» по форме дольменам [30, с. 82], то затем мнение исследователя изменилось. Во втором издании своей книги, посвященной памятникам искусства, А. А. Формозов пишет о «склепах», которые воспроизводят форму дольменов, не называя их средневековыми [31, с. 94]. В рецензии на мою книгу «Дольмены Западного Кавказа» А. А. Формозов, соглашаясь во многом с высказанными положениями, предполагает, что дольмены р. Кяфар и Кавказских Минеральных Вод связаны с какими-то иными чем на Западе Кавказа археологическими культурами. Далее он отмечает, что эти постройки вполне могут относиться к поздней фазе эпохи бронзы [32, с. 320].

Включая памятники бассейна р. Кяфар в число составных дольменов, я не могу согласиться с мнением Л. Г. Нечаевой о допустимости применения термина «составной дольмен» к совершенно разнородным памятникам [29, с. 65—67]. Такими являются, по ее мнению, постройки, обнаруженные у сел. Берекей в Дагестане, Эгикал в Ингушетии, Кумбулта («Верхняя Рутха») в Северной Осетии и в разных пунктах Карачаево-Черкесии — Кяфар, Амгата, Индыш-Баши, Сенты [33 с. 65—67] Хронологически здесь налицо смешение самых различных объектов — от памятников, имеющих отношение к каякентско-хорочоевской культуре (Берекей) и до поздне-средневековых построек (мавзолей в урочище Сенты). Широк и территориальный ареал: высокогорье в Ингушетии, Прикаспий, ряд памятников бассейна р. Кубани. Последнее время к числу составных дольменов были причислены и склепы близ высокогорного дагестанского аула Ирганий [34, с. 31, 32].

Многие из перечисленных здесь памятников содержали археологический материал не имеющий отношения к дольменам, но он совершенно игнорирован и отброшен. Вероятно, чтобы как-то соединить столь разрозненные и непохожие памятники, появилась гипотеза, что все эти памятники «входят в зону ... расселения древнего народа», более конкретно не называемого [33, с. 31, 32]. Может быть поэтому, зная, что все западнокавказские дольмены сделаны из хорошо обработанных и подшлифованных плит (такие памятники как Ирганай, Эгикал и пр., сложены из колотого камня), Л. Г. Нечаева замечает, что при сооружении составных дольменов «нередко употреблялись совершенно необработанные плиты и камни» [35, с. 21]. При расширенном понимании склоняемого здесь термина — это так, но при ограниченном и четком применении его к более узкому кругу памятников — действительным дольменам, характерным только для Причерноморья и бассейна Кубани — это неверно. Некоторые дольмены действительно могут казаться сделанными из необработанного камня, но это связано прежде всего с многовековым воздействием различных факторов выветривания.

Итак, расширительное понимание обобщающего термина «дольмен» и частного — «составной дольмен» может только внести ненужную путаницу в те сложные вопросы, которые и так возникают при изучении памятников Западного Кавказа. Пример налицо — это описанные выше постройки бассейна р. Кяфар.

Намечая отдельные ареалы дольменов в Закубанье, В. М. Сысоев мысленно очерчивал пути движения их строителей [26, с. 128—130] —

с запада на восток. Вполне возможно, что группы древнего населения, оставившие наиболее изощренные образцы составных дольменов адербиевского типа действительно двигались именно в этом направлении. Они шли вдоль северных склонов Главного хребта, забираясь во все более глухие уголки бассейна р. Кубани. Одной из таких групп и могли быть носители дольменной культуры, оказавшиеся в долине р. Кяфар. Именно здесь блестящее мастерство в строительстве дольменов мельчая и теряя черты монументальности пережило свой упадок. В средние века местные гробницы были использованы под аланские захоронения, а их стены стали своеобразными полотнами для графических композиций алан.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.-Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии.— Военный сборник, № 1, М., 1860.
2. *Фелицын Е. Д.* Западно-кавказские дольмены.— МАК, 1904, т. IX.
3. Археологические известия и заметки, издаваемые МАО, № 1, 1893.
4. *Tallgren A. M.* Sur les monuments mégalithiques du Caucase Occidental.— ESA. 1934, t. IX.
5. *Акритас П. А.* Отчет об археологической экспедиции в Зеленчукский район Ставропольского края. Архив ИА АН СССР, д. № 821.
6. *Нечаева Л. Г.* Отчет о работе отряда по изучению склеповых сооружений Северного Кавказа в 1969 г. Архив ИА АН СССР, д. № 4221.
7. *Кузнецов В. А.* Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 г.— МИСК, 1954, вып. 6.
8. *Кузнецов В. А.* Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья.— КСИА, 1961, вып. 85.
9. *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.— МИА, 1962, № 106.
10. *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.
11. *Кузнецов В. А.* В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977.
12. *Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольск. кн. изд-во, 1971.
13. *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.: Наука, 1971.
14. *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы (историко-этнографические очерки). Изд. 2-е, дополненное. Сухуми: Алашара, 1965.
15. *Инал-Ипа Ш. Д.* Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми: Алашара, 1971.
16. *Марковин В. И.* Исследование дольменных построек по рекам Пшада, Догуаб, Адерба и Кяфар.— АО — 1972. М., 1973.
17. *Марковин В. И.* Составной дольмен у села Адербиевка и дольменовидные гробницы в бассейне р. Кяфар.— КСИА, 1975, вып. 142.
18. *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
19. *Кузнецов В. А.* Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае.— КСИИМК, 1959, вып. 76.
20. ОАК за 1898 г. Спб., 1901.
21. *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII—XIV вв.— САИ, вып. Е1—36, М., 1966.
22. *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник.— МАДИСО, 1961, т. I.
23. *Цвинария И. И.* Археологические раскопки в селе Отхара в 1975 году.— МААб, 1979.
24. *Аханов И. И.* Геленджикские подкурганные дольмены.— СА, 1961, № 1.
25. *Нечаева Л. Г.* Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин.— В кн.: Этническая история народов Азии. М.: Наука, 1972.
26. *Сысоев В. М.* Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г.— МАК, 1904, т. IX.
27. *Иессен А. А.* Отчет Кубанской экспедиции Гос. Эрмитажа 1950 г.— Архив ЛОИА АН СССР, фонд 76.
28. *Марковин В. И.* Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе.— КСИА, 1973, вып. 134.
29. *Нечаева Л. Г.* Двойная кровля дольменов станицы Баговской и составные дольмены Верхней Кубани.— Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений (август 1979 г.). Л.: Наука, 1979.
30. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М.: Наука, 1966.
31. *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. Изд. 2-е, дополненное. М.: Наука, 1980.
32. *Формозов А. А.*— СА, 1980, № 3.— Рец. на кн.: Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
33. *Нечаева Л. Г.* Составные дольмены Осетии, Ингушетии, Карачая.— Тезисы докладов, посвященных итогам археологических исследований 1970 г. в СССР. Археологическая секция. Тбилиси, 1971.

34. *Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В.* Ирганайские гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа.— V КЧ по археологии Кавказа. Махачкала, 1975.
35. *Нечаева Л. Г.* Эволюция архитектуры составных дольменов Верхнего Прикубанья.— Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений (ноябрь 1981 г.). Л.: Наука, 1981.

V. I. Markovin

DOLMENS IN THE KYAFAR RIVER BASIN

Summary

Monumental constructions of the dolmen type in the Kyafar basin (upper reaches of the Kuban, the Stavropol Area) draw scholars' attention back in the mid-19th century. V. A. Kuznetsov paid particular attention to them in the period from 1964 to 1971. He termed them «dolmen-like tombs» and attributed them to the Alans on the strength of the 11th-13th-century material found in them.

The article gives details of seven ancient constructions where diggings were held. The author draws our attention to the fact that they resemble dolmens of the Bronze Age and that each of them contains a secondary burial bordered with small stones. It was precisely this bordering that contained ceramic, metal and glass objects of the Alan period. Obviously, in the Middle Ages the ancient constructions in the Kyafar basin were used by the Alans to bury their noblemen. The construction of the dolmens and individual finds (ceramics and polished stones) date them to the Bronze Age.

ТЕРЕХОВА Н. Н.

КУЗНЕЧНАЯ ТЕХНИКА У ПЛЕМЕН КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В РАННЕСКИФСКИЙ ПЕРИОД

Технологическое изучение кузнечной продукции из различных центров железообработки раннего железного века позволяет раскрыть многие стороны процесса становления и развития одного из важнейших производств.

В настоящее время благодаря массовым металлографическим исследованиям мы располагаем сравнительными характеристиками кузнечного ремесла Скифии [1—4], некоторых племен Закавказья [5, 6], Центрального Кавказа [7].

Досадным пробелом в этом отношении являются области Северного Кавказа. История изучения многочисленных памятников эпохи раннего железного века здесь насчитывает более 100 лет; накоплен и в значительной мере систематизирован огромный материал, в том числе и разнообразный железный инвентарь [1]. Однако сведения об истории железообработки имеют самый общий характер, поскольку базируются в основном на типологическом и количественном анализах железной продукции, и сводятся к следующим представлениям.

Железные изделия появляются на Северном Кавказе в начале I тысячелетия до н. э. Причем, как полагает Е. И. Крупнов, первые железные изделия были завезены скорее всего из Закавказья. До VIII—VII вв. до н. э. идет процесс постепенной замены бронзового оружия железным. Во второй четверти I тысячелетия до н. э., по мнению Е. И. Крупнова, основные формы железного оружия, а также браслеты, перстни были продукцией местного производства [8, с. 324]. Для восточной группы кобанских памятников В. И. Козенкова уточняет время начала местного массового производства железных изделий, относя его ближе к середине I тысячелетия до н. э., поскольку именно в это время фиксируется обилие железных изделий на территории восточной группы. Редкие железные вещи предшествующего периода, как полагает исследователь, были привозными [9, с. 18; 10, с. 33].

Многие исследователи связывают широкое распространение железных изделий в VI—V вв. до н. э. на Северном Кавказе со скифскими походами в Азию, способствовавшими развитию широких контактов между различными племенами и народами [11, с. 336; 12, с. 83; 13, с. 85]. В этой связи особенно интересен вопрос о влиянии скифских традиций кузнечного ремесла на местную железообработку.

Решение этого вопроса, равно как и многих других, касающихся характера местного железообрабатывающего производства, его истоков, эволюции, невозможно без получения исчерпывающих технологических характеристик железного инвентаря.

Наиболее эффективными методами в этом отношении являются металлографические, позволяющие раскрыть технику изготовления каждого конкретного предмета, оценить правильность подбора и качество используемого материала, а также качество исполнения, целесообразность и целенаправленность применяемых операций, т. е. в конечном итоге степень профессионального мастерства кузнеца.

Накопление и обобщение результатов массовых анализов железных изделий дает возможность определить общий уровень местной железооб-

[1] Основная библиография приведена в обобщающих работах [8, 9].

№ п. п.	Категория изделий	Уллубаганалы II	Сержень-Юрт	Султан-гора	Всего
1	Ножи	15	–	1	16
2	Кинжалы-акинаки	3	2	1	6
3	Кинжалы	1	1	–	2
4	Топоры-секиры	2	2	1	5
5	Копья	1	2	–	3
6	Удила	3	–	2	5
7	Шилья	5	–	–	5
8	Булавки	2	–	–	2
9	Браслеты	1	1	–	2
10	Заготовки	1	–	–	1
	Всего:	36	8	5	49

работки, выявить особенности ее, установить характер взаимоотношений в этой производственной области с другими племенами и народами.

Пока мы располагаем упоминанием лишь о двух изделиях из кобанских памятников Северного Кавказа, подвергнутых в свое время металлографическому анализу. Это топор из Нестеровского могильника (VI—V вв. до н. э.), а также серп из поселения Сержень-Юрт (рубеж VII—VI вв. до н. э.). Топор, как показали исследования, был изготовлен из железа и цементирован (науглерожен) с поверхности [8, с. 325; 14].

Лезвие серпа выполнено в технике наварки высокоуглеродистой стали на основу из малоуглеродистой стали [4, с. 66].

В своей работе мы останавливаемся на одном из важнейших периодов (VII—VI вв. до н. э.) в истории кобанских племен Северного Кавказа — времени решительной смены бронзовых изделий железными в ведущих формах оружий и орудий. На примере материалов из трех могильников — Сержень-Юрт, Уллубаганалы II и Султан-гора III — мы постарались дать характеристику техники железообработки в указанный период [2].

Могильник Сержень-Юрт находится на территории Чечено-Ингушетии (у сел. Сержень-Юрт) и представляет восточный вариант кобанской культуры. Материалы происходят из раскопок В. И. Козенковой [3]. Могильники Уллубаганалы II (раскопки В. Б. Ковалевской и В. И. Козенковой) [15, 17] и Султан-гора III (раскопки Н. Л. Членовой) [18, с. 100; 19] расположены в районе Кисловодска и представляют западный вариант кобанской культуры.

Перечисленные памятники имеют хронологическую последовательность, а отобранные материалы — достаточно узкую датировку. Так, железный инвентарь из могильников Сержень-Юрт и Уллубаганалы II относится к рубежу VII—VI вв. до н. э., а из могильника Султан-гора III — к середине — второй половине VI в. до н. э. Это чрезвычайно ценно, так как дает возможность точнее определить время появления различных технологических приемов. Микроскопически исследовано 49 предметов, в основном представляющих известный в это время ассортимент железных изделий (таблица; рис. 1 и 2).

Как видно из таблицы, исследованный железный инвентарь представлен в памятниках неравномерно. Это отражает реальное соотношение, однако связано также и со степенью сохранности изделий, что ограничивало возможность отбора.

Кроме того, нами исследованы четыре наконечника копий, происходящие из разрушенных погребений более позднего времени — у сел. Шали

[2] Пользуюсь случаем выразить признательность авторам раскопок — В. И. Козенковой, В. Б. Ковалевской, Н. Л. Членовой, любезно предоставившим еще не опубликованный материал для исследования.

[3] Результаты раскопок подробно освещены во многих публикациях. Библиографию см. [9].

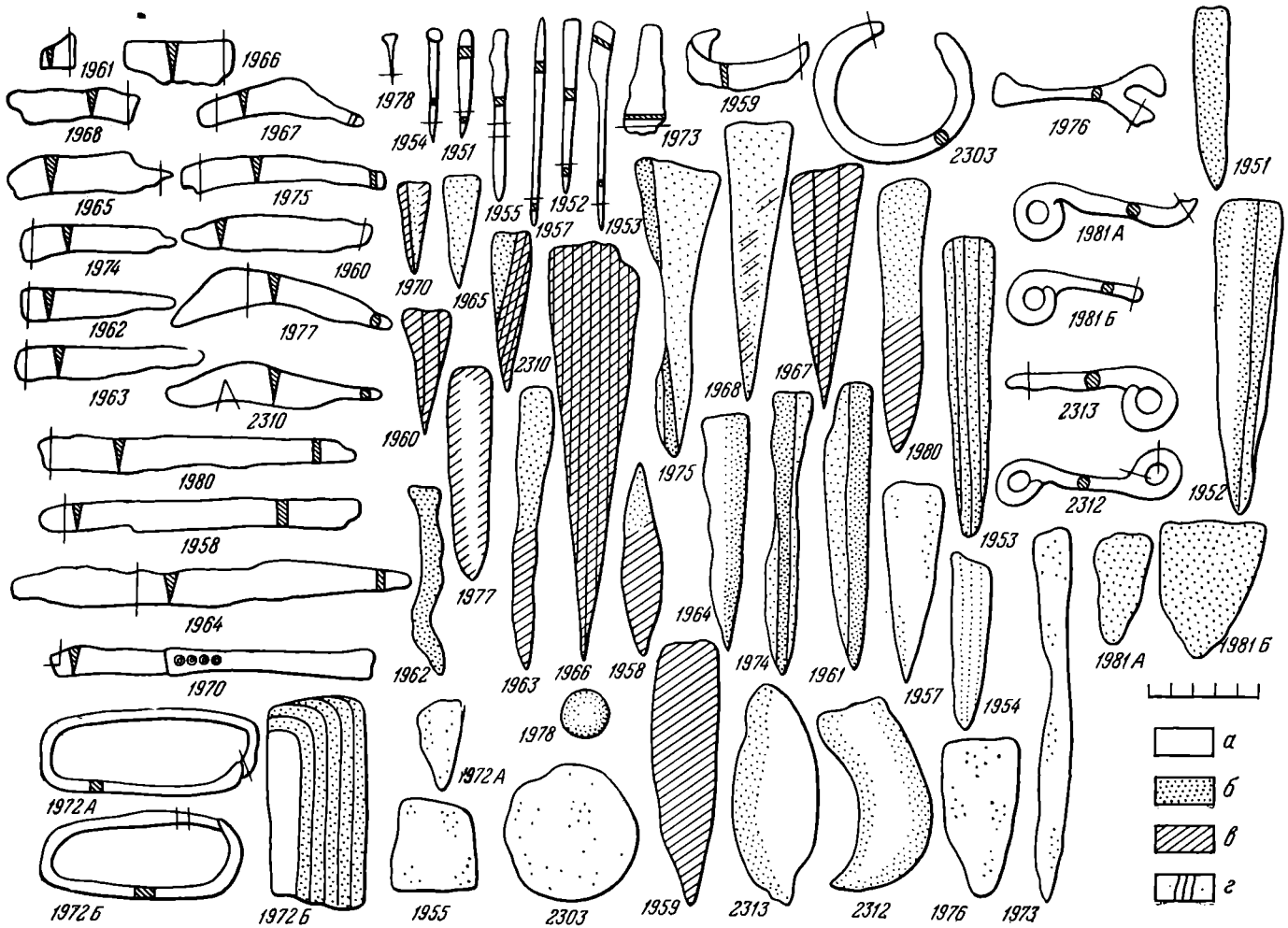


Рис. 1. Технологические схемы изготовления различных изделий из кобанских памятников Северного Кавказа (номера на рисунке соответствуют номеру анализа). *а* — железо; *б* — сталь; *в* — термически обработанная сталь; *г* — сварочные швы

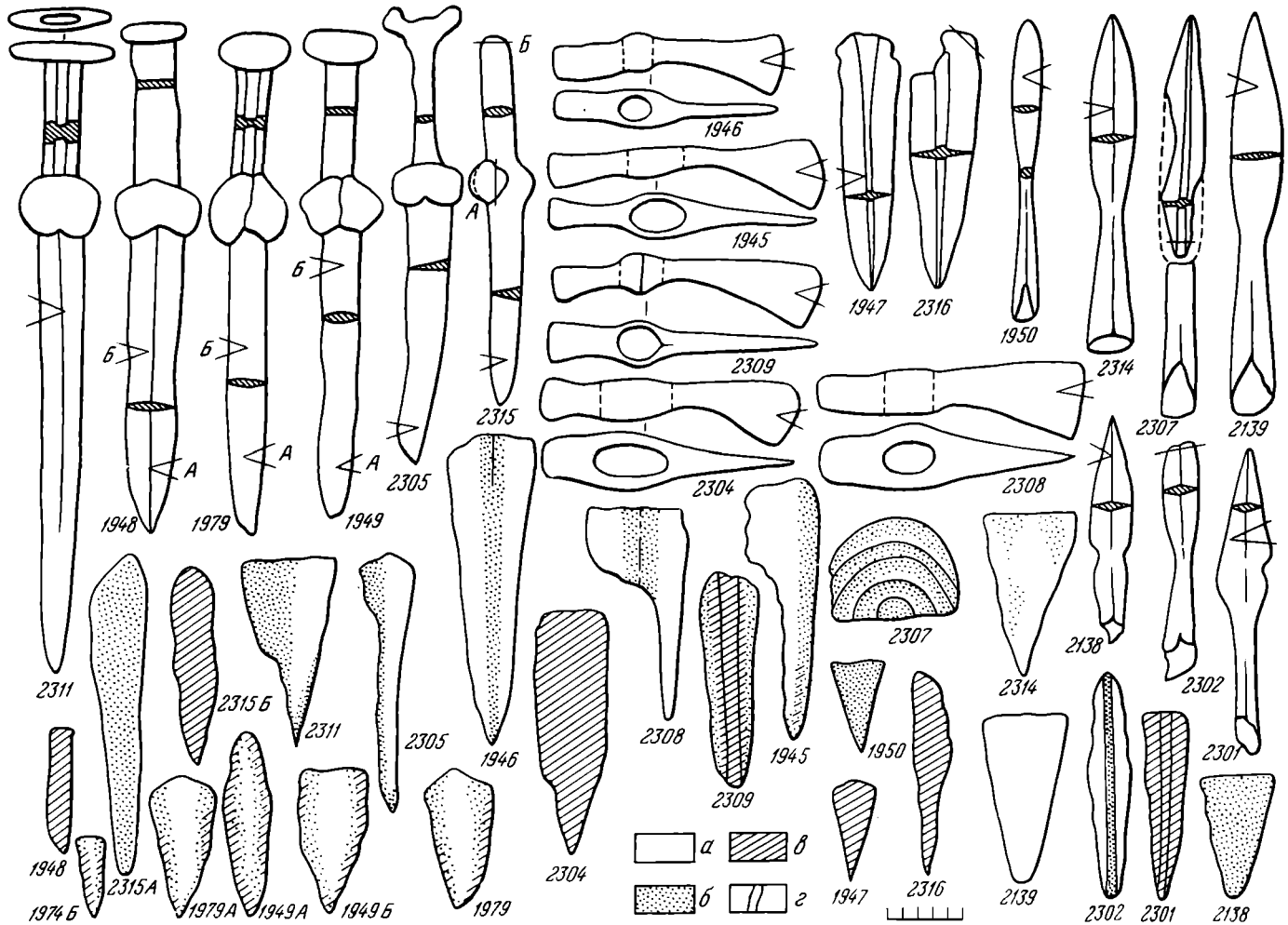


Рис. 2. Технологические схемы изготовления оружия: *а* — железо; *б* — сталь; *в* — термически обработанная сталь; *г* — сварочные швы

(VI—V вв. до н. э.) и сел. Курчалой (V—IV вв. до н. э.). Мы привлекаем их для характеристики направления дальнейшего развития техники железообработки в изученных областях Северного Кавказа.

Микроструктурное исследование проведено в Лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР на отечественных приборах: металлмикроскопе МИМ-7, бинокулярном микроскопе МБС-2 и микротвердомере ПМТ-3. За редким исключением (когда этому препятствовала сохранность предмета), образцы для изготовления шлифов отбирались с рабочей части изделия. В ряде случаев из-за плохой сохранности предмета была затруднена возможность макроскопического изучения.

Технологию изготовления мы рассматриваем по отдельным категориям. В тех случаях, когда имелись сравнительные данные по аналогичным изделиям из скифских памятников, а также в материалах центральнокобанской группы (Тлийский могильник), мы привлекали их для сопоставления с результатами нашего исследования.

Ножи представлены в коллекции наибольшим количеством экземпляров. Типологически выделяются прямые ножи без выделенной рукоятки, которая по ширине является продолжением клинка и отличается лишь прямоугольным сечением (например, ан. 1958, 1964, 1984; рис. 1), и ножи изогнутые, серповидные (ан. 1967, 1977, 2310). Ряд ножей присутствует в обломках, что затрудняет их типологическое определение. Все же, по-видимому, к первой категории можно отнести такие экземпляры, как ан. 1961—1963 (рис. 1).

В коллекцию также входят два уникальных экземпляра ножей с костяной рукояткой, украшенной в одном случае головками грифонов, в другом — концентрическими кругами. Последний нож был подвергнут микроскопическому исследованию (ан. 1970).

В результате металлографического анализа установлено несколько технологических схем изготовления ножей, причем, за редким исключением, типологически разные изделия обнаруживают и разные технологические схемы.

Группу цельностальных ножей (5 экз.) составляют прямые ножи с невыделенной рукояткой, за исключением одного экземпляра (ан. 1964). Они изготовлены из неравномерно науглероженной сырцовой стали, полученной в сыродутном горне, рабочий край их подвергался дополнительной обработке — цементации и термообработке. Об этом свидетельствует либо наличие на шлифе нескольких структурных зон, переходящих одна в другую, по мере уменьшения твердости от острия к спинке (ан. 1958, 1963, 1980), либо структурно определяемое плавное уменьшение содержания углерода в том же направлении (от 0,6—0,8 до 0,2—0,3%); при этом соответственно меняется и микротвердость от 254—274 до 170—181 мг/мм^2 (ан. 1962, 1968). Иногда можно видеть следы видманштетовой структуры, образовавшейся в процессе цементации (ан. 1962, 1980).

Четкую структуру закалки сохранили два экземпляра (ан. 1958, 1980). В обоих случаях на острие обнаружена структура мартенсита (микротвердость 420—579 кг/мм^2); ближе к центру шлифа эта зона постепенно переходит в зону сорбита с ферритом (микротвердость 322 кг/мм^2), а потом сменяется феррито-перлитной структурой, микротвердость которой уменьшается в направлении к спинке от 221 до 181 кг/мм^2.

Менее четко, но все же фиксируются следы термообработки на остальных изделиях этой группы (на общем фоне мелкодисперсной, сорбитообразной структуры — отдельные островки троостита (ан. 1963) или некоторая игольчатость структурных составляющих (ан. 1968). Качество металла хорошее, шлаковых включений немного, зерно мелкое и среднее.

Другую группу составляют сварные ножи (8 экз.). Сюда входят серповидные ножи (исключение составляет 1 экз., ан. 1977), нож с костяной рукояткой и несколько обломков, типологически трудноопределимых. Изделия этой группы изготовлены сваркой, либо из нескольких полос мягкой и твердой стали (рис. 3, *3*), так что на острие всегда выходила наиболее твердая полоса, либо из множества полос однородного металла (пакетование, путем многократного вытягивания и складывания заготов-

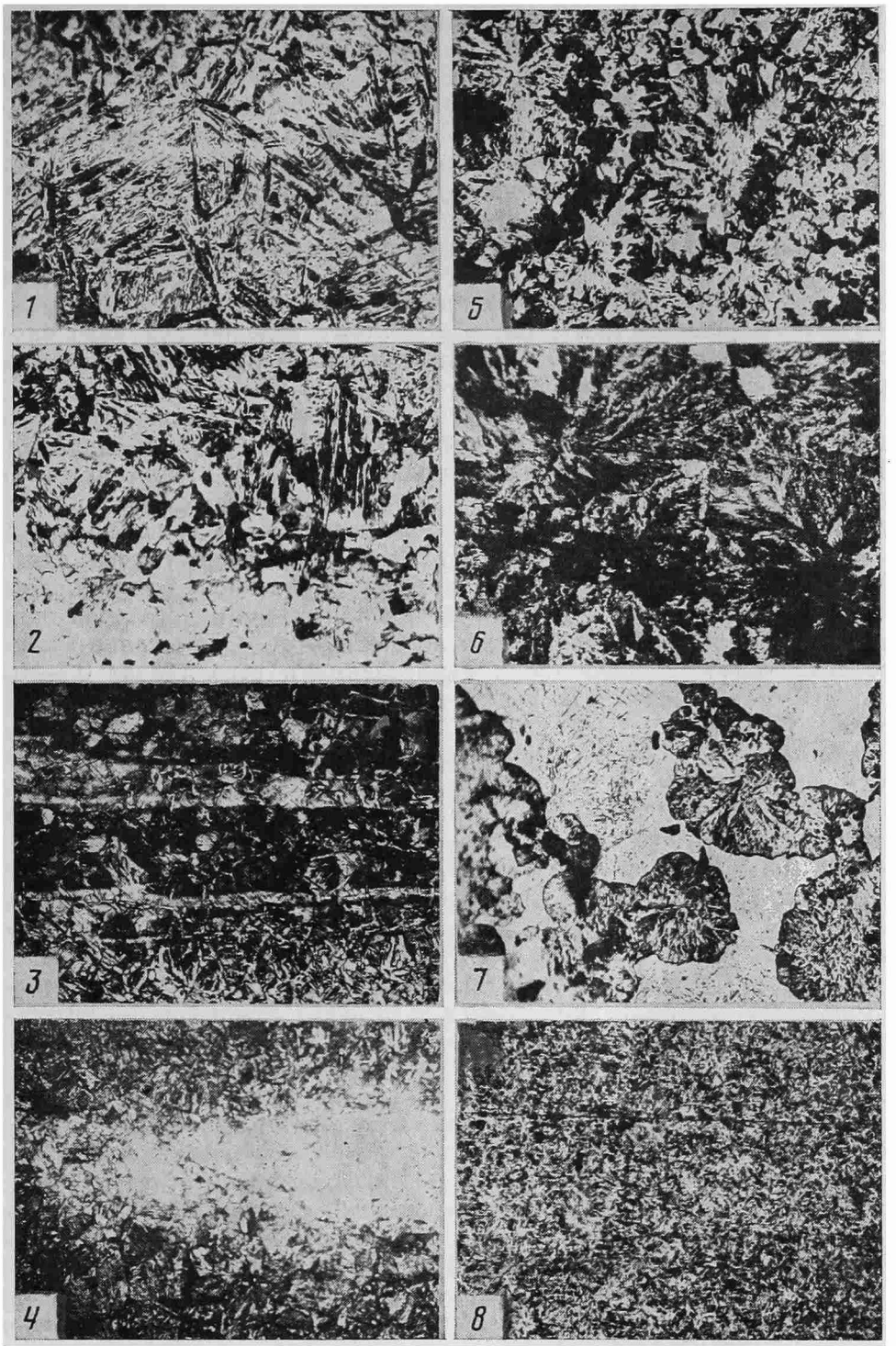


Рис. 3. Фотографии микроструктур ножей: *1* — ан. 1970 (ув. 200), сварочный шов, закалка; *2* — ан. 1970 (ув. 200), поверхностная цементация; *3* — ан. 1975 (ув. 70), сварка из нескольких полос стали; *4* — ан. 1977 (ув. 70), двусторонняя цементация, закалка; *5*, *7* — ан. 1960 (ув. 200), закалка; *6* — ан. 1967 (ув. 200), закалка; *8* — ан. 2310, закалка

ки); в одном случае зафиксирована наварка пакетованной заготовки из высокоуглеродистой стали на мягкую основу из малоуглеродистой стали (ан. 2310). Сваркой из двух полос изготовлено два изделия (ан. 1961, 1970); из трех полос — четыре (ан. 1960, 1967, 1974, 1975). Один нож сделан из пакетованной заготовки (ан. 1966).

Большая часть изделий этой группы была в заключение подвергнута термообработке (рис. 3). Выявленные микроскопически структуры зака-

ленной стали весьма разнообразны: мартенсит (микротвердость 516—642 кг/мм², ан. 1970); мартенсит+мартенсит с троститом (микротвердость соответственно 642—724 и 464—572 кг/мм², ан. 2310); мартенсит и сорбит (микротвердость 946—1100 и 383—464 кг/мм², ан. 1960); сорбит закалки (микротвердость 350—383 кг/мм², ан. 1966); сорбит отпуска с мартенситовой ориентировкой (микротвердость 322 кг/мм²). На двух изделиях (ан. 1974, 1975) микроструктура имеет сорбитообразный характер, можно предполагать, что какая-то термообработка проводилась. Нож с костяной рукояткой (ан. 1970) изготовлен по более усложненной схеме: помимо сварки двух стальных полос с различным содержанием углерода, готовое изделие подвергнуто поверхностной цементации и закалено в холодной воде (рис. 3, *1, 2*). Благодаря этому изделие получило твердое острие и поверхность при мягкой сердцевине, что делало его достаточно упругим, препятствовало хрупкости.

Два ножа изготовлены из железа и в готовом виде подвергнуты цементации, в одном случае двусторонней (ан. 1977), в другом — односторонней (ан. 1964). Первое изделие (серповидный нож) в заключение было закалено в холодной воде (структура на острие и вдоль всей поверхности — мартенсит, микротвердость 464—514 кг/мм²; в сердцевине — феррит, микротвердость 170 кг/мм², рис. 3, *4*). Нож, подвергнутый односторонней цементации, имеет структуру на поперечном сечении лезвия, состоящую из двух зон — феррито-перлитную вдоль одного края шлифа, плавно переходящую в ферритную вдоль другого. Содержание углерода в стальной зоне уменьшается в направлении к середине от 0,7—0,8% до 0,2% (микротвердость феррито-перлитной зоны 206—274 кг/мм², ферритной — 170 кг/мм²).

Одно изделие (ан. 1965) трудно связать с какой-либо определенной технологической схемой, поскольку из-за плохой сохранности образец для анализа брался с рукоятки. Обнаружена однородная мелкозернистая структура малоуглеродистой стали. Качество металла во всех случаях хорошее, шлаковых включений незначительное количество. Таким образом, при микроскопическом изучении ножей обнаружены разнообразные технологические приемы: сварка из двух или трех полос разных сортов стали, пакетование, наварка, цементация поверхности готового изделия или цементация рабочего края. Особенно обращает внимание применение различных способов закалки — твердой (в воду) и мягкой (растительное масло или жир), закалки с отпуском. Из 16 ножей термически обработаны 12.

Хорошо выявляется тенденция получения качественного орудия с определенными техническими характеристиками при любой технологической конструкции ножа, а именно: твердый рабочий край, хорошо сохраняющий после заточки остроту, и мягкая основа, препятствующая поломке изделий. Достигалось это, как мы видели, сочетанием разных способов обработки. Поверхностная цементация и закалка в воду делали орудие твердым, оставляя сердцевину вязкой; цементация рабочего края и закалка в воду (возможно, местная) давали сочетание мягкой спинки и твердого лезвия, того же эффекта достигала наварка; сварка из нескольких полос с выходом на острие наиболее твердой опять же придавала лезвию упругость, оставляя твердым острие; такого же результата достигала и мягкая закалка или закалка с отпуском пакетованных изделий из высокоуглеродистой стали.

Основная масса ножей происходит из одного памятника — Уллубаганалы II (рис. 1), и только одно орудие — из могильника Султан-гора III, что затрудняет возможность сопоставления. Все же, однако, стоит заметить, что нож из Султан-горы III (ан. 2310), почти точно повторяющий форму орудия из Уллубаганалы II (ан. 1977), изготовлен по более сложной и более рациональной технологической схеме: боковая наварка тщательно прокованной, пакетованной полосы из высокоуглеродистой стали на мягкую основу из сырцовой стали с последующей закалкой. Нож из Уллубаганалы II сделан из железа и подвергнут поверхностной цементации также с последующей закалкой. Преимущество первого изделия за-

ключается в долговечности его высоких рабочих качеств: при стачивании лезвия и неоднократных заточках на острие всегда оставалась максимально твердая сталь. Нож из Уллубаганалы II, имеющий на поверхности тонкий стальной слой, при быстром стачивании его терял качества стального орудия, лезвие оказывалось мягким, железным.

Сопоставление полученных данных с технологическими характеристиками аналогичной категории изделий с территории Скифии и из Тлийского могильника выявляет две отличительных особенности в технике производства рассмотренных нами изделий. Прежде всего явное преобладание сложных технологических схем сварки из двух-трех и более полос различных сортов стали, применение техники наварки. Среди исследованных скифских изделий нам известны по опубликованным данным только четыре экземпляра ножей со сварным лезвием, причем один относится к VI в. до н. э. (из зольника на Бельском городище), второй происходит из культурного слоя V—IV вв. до н. э. городища Караван [1, с. 39], два других — из Люботинского и Басовского городища — уточненной даты не имеют [2, с. 67, 68]. Из 14 ножей Тлийского могильника только один нож изготовлен из «пакетной» (5 слоев) заготовки [7, с. 82]. В основном же как скифские, так и тлийские ножи откованы либо целиком из стали, либо из железа, иногда подвергались поверхностной цементации. Особенно примечателен факт широкого и разнообразного использования при изготовлении рассмотренных нами ножей термической обработки. В технологии скифских ножей такой прием не зафиксирован. В тлийских материалах только два ножа обнаружили признаки закалки.

Кинжалы-акинаки представлены в изученной коллекции шестью экземплярами из трех памятников: Уллубаганалы II (ан. 1948, 1949, 1979), Сержень-Юрт (ан. 2305, 2315) и Султан-гора III (ан. 2311). Кинжалы из Уллубаганалы II очень близки по форме и размерам: длина 31—32 см; клинок двулезвийный; ребро жесткости прослеживается на одном экземпляре (ан. 1948); перекрестие почковидное: рукоять по ширине равна ширине клинка, у двух экземпляров она плоская, у одного (ан. 1979) — профилированная (продольный желобок с двух сторон), навершия у двух экземпляров овальные плоские, у одного (ан. 1948) — брусковидное (рис. 2). Типологически близок к ним, но имеет большую длину (40 см) акинак из Султан-горы III, ручка его также профилирована, клинок обоюдоострый, навершие брусковидное; слабо, но прослеживается ребро жесткости. Два кинжала-акинака из Сержень-Юрта существенно отличаются. Они имеют несколько изогнутый однолезвийный клинок, рукоять у одного овальная в сечении, значительно у́же клинка (ширина 1—1,5 см), у другого — плоская, равная по ширине клинку (длина 23,5 и 28,5 см). Навершие сохранилось только у одного изделия (ан. 2305), но из-за сильной корродированности форму его определить трудно, по очертаниям оно похоже на антенное. Перекрестие почковидное, сохранилось также только у этого экземпляра, у второго от перекрестия осталась небольшая пластина, приваренная к телу кинжала.

Несмотря на некоторые типологические различия, конструкция всех кинжалов аналогична: клинок и рукоять составляют одно целое, вытянуты из одной полосы-заготовки, перекрестия и навершия, изготовленные из специальных фигурных заготовок, закреплены с помощью кузнечной сварки. В двух случаях сварка оказалась некачественной (ан. 1979, 1949) и на перекрестии образовалась продольная трещина. На примере акинака из Сержень-Юрта, не сохранившего перекрестия, видно, что само тело кинжала в этом месте имеет контуры перекрестия.

Образцы для металлографического анализа брались, если позволяла сохранность предмета, в нескольких местах на клинке, иногда на рукояти и в одном случае на пластине от перекрестия (рис. 2). Как показало микроскопическое исследование, основной технологической схемой изготовления была цементация готового изделия, откованного из железа или очень мягкой сырцовой стали. Цементационный слой в ряде случаев обнаружен только с одной стороны шлифа (ан. 2305, 2311), однако говорить с уверенностью об односторонней цементации трудно из-за значи-

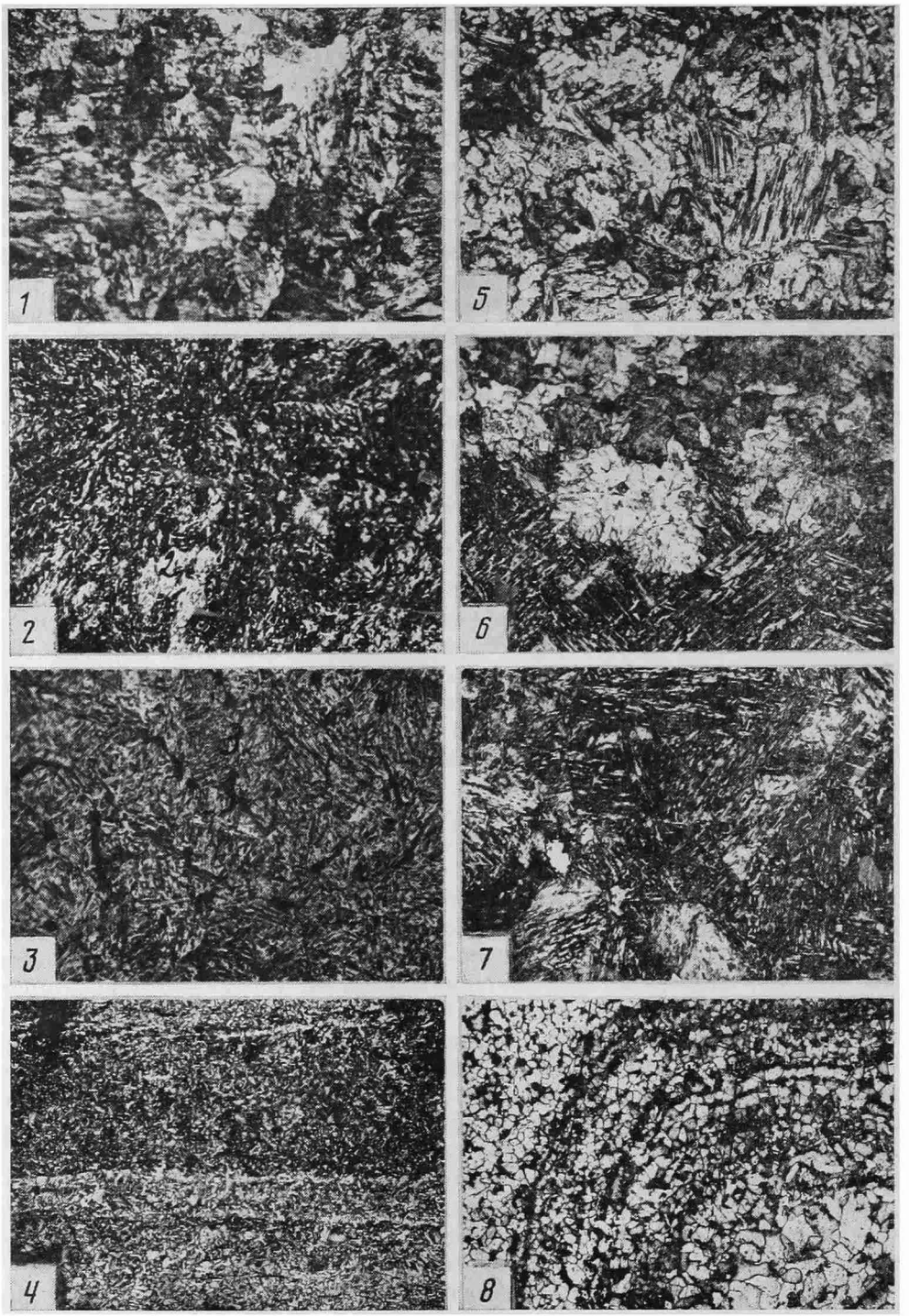


Рис. 4. Фотографии микроструктур: *1* — кинжал-акинак, ан. 2315, ув. 200, закалка; *2* — кинжал, ан. 1947 (ув. 200), закалка; *3* — браслет, ан. 1959 (ув. 200), закалка; *4* — шило, ан. 1953 (ув. 70), пакетованная заготовка; *5* — топор, ан. 2308; *6*, *7* — топор, ан. 2304 (ув. 200), закалка; *8* — скоба, ан. 1972Б, ув. 70, пакетованная заготовка

тельной поверхностной коррозии, которая могла с одной стороны уничтожить этот слой. Структурным признаком того, что цементировалось готовое изделие (а не заготовка), является наличие на поверхности высокоуглеродистой зоны (содержание углерода от 0,5—0,6 до 0,7—0,8%), плавно и постепенно переходящей в зоны с меньшим содержанием углерода вплоть до 0,2—0,3%, в направлении к середине шлифа. Об этом же свидетельствует структура перегрева (видманштетная) (ан. 1948, 2311), а также крупный размер зерна (ан. 1979). Исключение составляет кин-

жал из Сержень-Юрта, который был изготовлен целиком из стали и закален в мягкой закалочной среде (на шлифе обнаружена однородная сорбитная структура, микротвердость 350 кг/мм², рис. 4, *1*). Перекрестие этого кинжала также было откована из высокоуглеродистой стали (содержание углерода 0,7—0,8%, микротвердость перлитной структуры 274—295 кг/мм², перлит имеет сорбитообразный характер). Второй кинжал из Сержень-Юрта откован из железа и подвергнут поверхностной цементации (микротвердость феррита 151 кг/мм², феррито-перлитной зоны 221—236 кг/мм²). Мелкозернистость структурных составляющих свидетельствует о том, что после цементации изделие было проковано. Оба кинжала из Сержень-Юрта существенно отличаются от остальных качеством металла, хорошо освобожденного от шлаковых включений, что говорит о тщательной, длительной ковке заготовки. Металл всех остальных изделий значительно загрязнен крупными шлаковыми включениями, размер зерна структурных составляющих крупный, отмечены следы перегрева. Все три акинака из Уллубаганалы II обнаруживают признаки термообработки — закалки в мягкой закалочной среде. Из-за неоднородности содержания углерода структура закалки фиксируется лишь на отдельных участках, чаще всего у острия лезвий. Структура имеет сорбитный характер (микротвердость 254—274 кг/мм²). На остальных участках шлифа перлит обычно сорбитообразный (микротвердость 206—221 кг/мм²).

Обратим особое внимание на применение термической обработки при изготовлении кинжалов-акинаков. В материалах из Тлийского могильника такой прием не зафиксирован ни на одном из 14 исследованных аналогичных изделий [7, с. 94—99]. Но главное, что не прослежен он и в продукции самих скифских ремесленников. Имеется упоминание лишь об одном кинжале с брусковидным навершием и почковидным перекрестием из собрания Киевского государственного музея (инв. № Б 28—1871), который прошел термообработку (структура нескольких переходных зон от поверхности к сердцевине троостито-мартенситовая, троостито-сорбитная, сорбитная) [3, с. 144—146]. Место находки кинжала неизвестно. В отличие от обычных скифских акинаков с брусковидным навершием у этого кинжала навершие не прямое, а слегка изогнутое с опущенными концами. Учитывая, что ни на одном из металлографически исследованных,— а их более 250,— изделий скифских ремесленников прием термообработки не обнаружен, нет оснований, на наш взгляд, включать упомянутый кинжал в число их продукции, как это делает Б. А. Шрамко. Скорее, принимая во внимание наши данные, можно предполагать его северокавказское происхождение.

Таким образом, технологические характеристики кинжалов-акинаков из могильников Уллубаганалы II и Сержень-Юрт позволяют не только с уверенностью говорить о их местном производстве, но и подчеркивают определенные локальные особенности техники железообработки.

Кинжальные клинки кавказского типа. Два кинжальных клинка (в обломках) происходят из могильников Уллубаганалы II (ан. 1947) и Сержень-Юрта (ан. 2316). Оба имеют треугольное обоюдоострое лезвие и четко выделенное ребро жесткости округлого сечения (рис. 2). Микроскопическое изучение образцов, взятых с поперечного сечения лезвий, обнаружило одинаковую картину: на лезвиях — сорбитная структура закаленной стали (микротвердость 322—350 кг/мм²), ближе к ребру жесткости — мелкодисперсная феррито-перлитная структура с содержанием углерода 0,3—0,4% (перлит сорбитообразный, микротвердость 236 кг/мм²), качество металла очень высокое. Микроструктурные данные свидетельствуют о том, что оба изделия откованы из тщательно прокованной стальной заготовки. Наиболее углеродистая часть (возможно, заготовка была дополнительно процементирована) пошла на изготовление лезвий. В заключение оба кинжала термически обработаны — закалены в мягкой закалочной среде (рис. 4, *2*), благодаря чему приобрели твердые лезвия при вязкой сердцевине. Все кузнечные операции отличаются высоким качеством исполнения (чистый, хорошо прокованный металл, мелкое зерно, отсутствие следов перегрева).

На одном кинжальном клинке из Тлийского могильника, возможно, близкого типа (к сожалению, рисунок не приведен) также обнаружены признаки термообработки. Однако технология изготовления его иная — он был откован из железа, подвергнут поверхностной цементации и закален в холодной воде (структура мартенсита на острие лезвия) [7, с. 100].

Топоры-секиры представлены в изученной коллекции пятью экземплярами: два из Уллубаганалы II (ан. 1945, 1946), два из Сержень-Юрта (ан. 2304, 2308) и один — из Султан-горы III (ан. 2309). Топоры из Уллубаганалы II и Султан-горы III очень близки по форме, для них характерны вытянутые, легкие пропорции: лезвие узкое, тонкое (0,5—0,8 см), вытянутое (приблизительно вдвое длиннее обушка). Изделия из Сержень-Юрта более массивные, лезвия и обушок короче и шире. Для микроскопического исследования образцы брались с поперечного сечения лезвий (рис. 2).

Как установлено на основании микроструктурных данных, изделия выполнены в разных технологических схемах. Из высокоуглеродистой стали, полученной в результате сквозной цементации заготовки, откована лезвие топора из Сержень-Юрта (ан. 2304). Судя по визуальным признакам, характерным наплывам с одной из сторон, втулка образована прошивкой тела топора. Заключительной операцией была термообработка — закалка (рис. 4, *6*, *7*), по-видимому, с отпуском (неполным). Наблюдаемая под микроскопом структура неоднородна: в основном это структура сорбита, часто с мартенситовой ориентировкой (микротвердость 274—350 кг/мм^2), но на ее фоне встречаются участки (в том числе на острие) чистого мартенсита (микротвердость 464—572 кг/мм^2). Металл плохо освобожден от шлаков. Целью термообработки было сохранить максимальную твердость лезвия и в то же время снять повышенную хрупкость.

Другую технологическую схему представляет топор из Уллубаганалы II (ан. 1945). Он откован из железной заготовки и подвергнут поверхностной цементации. На шлифе, изготовленном на поперечном сечении лезвия, хорошо выражена феррито-перлитная зона с одной стороны с выходом на острие. Из-за неудовлетворительной сохранности изделия сейчас трудно сказать, была ли цементация двусторонней или односторонней. В последнем случае одна из сторон топора должна была в процессе цементации предохраняться от науглероживания — ее либо обмазывали глиной, либо изделие этой стороной клали на глиняную подставку, а углеродсодержащей средой посыпали другую сторону. В результате лезвие получалось как бы двуслойным, состоящим из твердой стальной полосы и мягкой железной. При определенном угле заточки на острие попадала наиболее твердая сторона. Содержание углерода в стальной зоне рассматриваемого топора доходит до 0,8—0,9% (микротвердость 254—274 кг/мм^2; ферритной зоны — 128 кг/мм^2). Мелкозернистость стальной зоны свидетельствует о том, что после цементации изделие тщательно проковывалось. Об этом же говорят следы некоторой обезуглероженности. Не исключено, что топор подвергался термической обработке (перлит имеет сорбитообразный характер).

Очень любопытная технологическая схема обнаружена на двух других топорах — из Уллубаганалы II (ан. 1946) и Сержень-Юрта (ан. 2308). При изготовлении топоров использована железная заготовка, одна из сторон которой была науглерожена, в результате чего на поверхности образовался стальной слой. При формовке тела топора заготовку сгибали пополам и сваривали таким образом, что соединялись стальные поверхности заготовки. Из согнутого конца вытягивали обушок, а из противоположного — лезвие, у которого оказывалась очень твердая стальная сердцевина, выходящая на острие, а по краям — вязкие железные полосы. Проух у обоих изделий образован прошивкой.

На клинообразном шлифе после травления хорошо различается даже визуально, темная стальная полоса, проходящая точно посредине от спинки шлифа до острия. Под микроскопом — это феррито-перлитная зона с содержанием углерода 0,4—0,5% (ан. 2308) и 0,6—0,7% (ан. 1946). С двух сторон — зоны феррита, сварочные швы в месте перехода ферри-

то-перлитной зоны в ферритные отсутствуют. В центре же стальной полосы сварочный шов местами прослеживается, кроме того, он отмечен тонкими, вытянутыми точно по одной линии шлаковыми включениями. Микротвердость стальной зоны 221—295 кг/мм², ферритной — 160—206 кг/мм². Перлит имеет сорбитообразный характер.

Дальнейшее развитие описанной технологической схемы представляет топор из Султан-горы III (ан. 2309). Заготовкой для топора послужил брусок из мягкой стали. Он был согнут пополам на оправке, которая использовалась для формовки проуха. Из согнутого конца, как и в описанных выше случаях, вывели обушок. Между двумя другими концами была вварена полоса высокоуглеродистой стали, после чего вытянули и отковали лезвие. В заключение топор закалили в мягкой закалочной среде. Подобная реконструкция обусловлена макро- и микроскопическими данными. На шлифе, изготовленном на продольном сечении лезвия, обнаружена под микроскопом трехслойная структура. Посредине шлифа, от спинки и до острия, четко выделяется хорошо прослеживаемыми сварочными швами полоса высокоуглеродистой стали, имеющая структуру сорбита (микротвердость 350 кг/мм²). По бокам ее расположены феррито-перлитные полосы с невысоким содержанием углерода (0,1—0,3%), уменьшающимся в направлении к поверхности (микротвердость 181—221 кг/мм²). Шлаковые включения, вытянутые вдоль шлифа, наблюдаются во всех зонах. Сварочные швы чистые, тонкие. На верхней грани лезвия визуально можно различить короткую тонкую трещину, идущую от проуха по направлению к острию лезвия,— следствие «непровара».

Разобранные нами две последние технологические схемы изготовления топоров, по существу, являются последовательными этапами в развитии знаменитой техники «трехслойного пакета», получившей распространение в средневековье. Основной смысл такой техники — сочетание твердой стальной сердцевины с наварными по краям железными полосами. В результате изделие всегда имело максимально твердое острие и сохраняло хорошую упругость.

Выявленные нами технологические схемы изготовления топоров в основном имеют соответствия в аналогичных тлийских материалах; правда, технология «пакетных» лезвий выражена там не столь четко и целенаправленно, как в рассмотренных изделиях. Что касается термообработки, то прослеживается уже наметившаяся тенденция — решительное преобладание термообработанных изделий в изучаемой коллекции и удивительно низкий процент их в материалах из Тлийского могильника. Из 26 исследованных боевых топоров только два оказались термообработанными. Данных по технологии изготовления скифских боевых топоров в опубликованных материалах нет. Исследовались только хозяйственные топоры. Технология их проста, они ковались целиком из мало- или среднеуглеродистой стали. Отверстие для рукояти сделано путем прошивки. Закаленных изделий не встречено [2, с. 61].

Наконечники копий. В изученной коллекции — три наконечника копья: один из Уллубаганалы II (ан 1950) и два из Серженьюрта (ан. 2307, 2314). Все они втульчатые, перо листовидное. Втулка по длине либо равна перу (ан. 1950), либо несколько короче (ан. 2307, 2314). Она круглая в сечении, сформована на оправке. У наконечника из Уллубаганалы края втулки не сомкнуты, на одном из экземпляров из Сержень-Юрта края втулки сомкнуты, шов соединения хорошо заметен, у второго экземпляра край обломан. Перо наконечника копья из Серженьюрта (ан. 2307) имеет четко оформленное ребро жесткости, округлое в сечении; у другого экземпляра сечение пера вытянуто-ромбическое. Копье из Уллубаганалы II имеет линзовидное сечение пера, на плоскости его с двух сторон слабо выраженное ребро жесткости. Как показало микроскопическое исследование, три описанных изделия представляют три технологических схемы. При изготовлении наконечника копья из Уллубаганалы II использована стальная заготовка, полученная путем сквозной цементации. На всей поверхности шлифа обнаружена под микроскопом однородная мелкозернистая феррито-перлитная структура с со-

держанием углерода 0,5—0,6% (микротвердость 221—254 кг/мм²). Ближе к поверхности заметна некоторая обезуглероженность, зерно несколько крупнее, что связано с неоднократными нагревами стальной заготовки в процессе ковки. Металл очень чистый.

Один из наконечников копии из Сержень-Юрта (ан. 2314) сформован из плохо прокованной железной заготовки со следами науглероженности кричного происхождения. Металл загрязнен шлаковыми включениями, размер зерна неравномерный — от мелкого до крупного. Микротвердость ферритной структуры 143—193 кг/мм².

Более качественным и более сложным исполнением отличается второй наконечник копья из Сержень-Юрта (ан. 2307). Шлиф, изготовленный на поперечном сечении основания пера, показал, что перо копья было изготовлено из многослойной пакетованной заготовки, сваренной из пяти перемежающихся полос стали с различным содержанием углерода — от 0,2—0,3 до 0,5—0,6% (микротвердость феррито-перлитных зон соответственно 193—221 и 236—295 кг/мм²). Зерно во всех зонах очень мелкое. Перлит имеет сорбитообразный характер. Шлаковые включения тонкие, вытянуты по границам зон. На срезе, проходящем через ребро жесткости, хорошо видна четкая направленность слоев по окружности в соответствии с формой ребра. Это свидетельствует об использовании при формовке ребра жесткости специального инструмента — обжимника (молоток с желобком на рабочей части бойка).

В дополнение к рассмотренным экземплярам мы привлекли еще четыре наконечника копья из разрушенных погребений у сел. Шали (на территории кирпичного завода) и сел. Курчалой. Два наконечника копья из сел. Шали (ан. 2138, 2139) датируются VI—V вв. до н. э.; один из них (ан. 2139) по форме напоминает наконечник копья из Сержень-Юрта (ан. 2314), только не имеет ребра жесткости, сечение линзовидное. Технология изготовления его такая же простая: он сформован из плохо прокованной железной заготовки, металл загрязнен шлаками. Микроструктура — феррит, микротвердость 170—206 кг/мм², размер зерна средний и крупный. Второй наконечник копья из Шали (ан. 2138) очень небольшой (длина 14,5 см), имеет короткое треугольное перо, ромбовидное в сечении, и короткую втулку линзовидного сечения с расширяющимися у основания боками. Откован из неравномерно науглероженной сырцовой стали. Содержание углерода колеблется от 0,4—0,5 до 0,7—0,8% на отдельных участках. Микротвердость 221—295 кг/мм². У поверхности — некоторое обезуглероживание, являющееся следствием неоднократных нагревов при ковке.

Интересны с технологической точки зрения два наконечника копья из сел. Курчалой. Оба имеют круглую в сечении втулку, свернутую на оправке. Перо у одного экземпляра треугольное (ан. 2301), у другого (ан. 2302) — узкое листовидное, сечение вытянуто-ромбическое. Как показало микроструктурное исследование, у обоих изделий перо откован из трехслойной заготовки. У одного из наконечников (ан. 2301) — это сочетание двух мягких стальных полос по краям и твердой стальной сердцевины с выходом на лезвие. Кроме того, наконечник был подвергнут термообработке — закалке в мягкой закалочной среде (структура — сорбит со следами феррита, микротвердость 383 кг/мм²). Подобная технологическая схема уже знакома нам на примере топора из Султангоры III и является как бы переходной к истинному трехслойному пакету, соединявшему две железные и одну стальную (посредине) полосу.

Именно такую технологическую схему демонстрирует второй наконечник копья (ан. 2301) из Шали. Перо его откован из заготовки, сваренной из двух железных и одной стальной полосы посредине, с выходом на режущие грани. На клиновидном шлифе, изготовленном на поперечном сечении пера, четко разделены сварочными швами три зоны: в центре — феррито-перлитная (содержание углерода 0,4—0,5%, микротвердость 221—254 кг/мм²), по обе стороны — зоны со структурой феррита (микротвердость 160—170 кг/мм²). Качество металла и ковки высокое. Металл хорошо освобожден от шлаковых включений, мелкозернистый, сварочные

швы чистые, тонкие. Таким образом, на примере описанного изделия фиксируется наиболее раннее применение техники трехслойного пакета на территории Северного Кавказа. Несколько неожиданным является использование ее при изготовлении такой категории изделий, как наконечники копий. Обычно наконечники копий из памятников раннего железного века были либо железными, либо цельностальными, иногда имели стальную (науглероженную) поверхность или лезвия при железной сердцевине. Подобные технологические схемы хорошо известны по материалам Тлийского могильника, а также среди скифских изделий. Сварное перо из двух полос железа или железа и стали встречается у позднескифских наконечников копий [1, с. 51] Однако примеров технологии трехслойного пакета мы не знаем в этой категории изделий.

Удила. В исследованной нами коллекции пять звеньев удил, в основном в обломках. Три (ан. 1976, 1981 А, Б) из Уллубаганалы II, два (ан. 2312, 2313) — из Султан-горы III. Все они сделаны из круглого прута, конец которого согнут в петлю и с помощью кузнечной сварки соединен со стержнем. Как показало микроскопическое исследование, удила из Уллубаганалы II сделаны в одном случае из железа (ан. 1976), со следами некоторой науглероженности случайного происхождения (структура крупнозернистого феррита, микротвердость 151—128 кг/мм²) и из сырцовой стали (структура феррито-перлитная, содержание углерода 0,3—0,4%, микротвердость 221—236 кг/мм²).

Удила из Султан-горы III откованы из железной заготовки и в готовом виде подвергнуты цементации с целью получить более твердую стальную поверхность. О том, что цементировалась не заготовка, а само изделие, свидетельствуют такие микроструктурные данные, как плавный переход феррито-перлитной структуры на поверхности к чисто ферритной структуре в сердцевине. Об этом же говорит и крупнозернистость, а также видманштетный характер феррито-перлитной структуры. Микротвердость ферритной зоны 143—170 кг/мм², ферритно-перлитной — 206—221 кг/мм².

На одном экземпляре (ан. 2313) цементационный слой прослеживается только с одной стороны. Скорее всего цементация была односторонней, хотя не исключено, что цементационный слой здесь уничтожен коррозией. Описанные технологические приемы изготовления удил обычны и для аналогичных изделий из памятников лесостепной и степной Скифии [1, с. 44, 45]. В материалах Тлийского могильника, исследованных металлографически, удила отсутствуют.

Шилья. Исследовано пять экземпляров, все они происходят из Уллубаганалы II. Три из них четырехгранные (ан. 1951, 1955, 1957), один конец заострен, другой затуплен, сечение 3×3, 3×4 мм²; длина двух экземпляров — 7,5 и 9 см, одного (пирамидального) — 5 см. Два шила (ан. 1952, 1953) имеют четырехгранный стержень и круглое в сечении острие (диаметр 2—3 мм), длина 7,5 и 9 см. Как показало микроскопическое изучение, все шилья сформованы из неравномерно науглероженной сырцовой стали, полученной непосредственно в горне.

В двух случаях (ан. 1952, 1953) использован прием пакетования: заготовка в процессе ковки неоднократно складывалась и вытягивалась, в результате изделие получалось более упругим и прочным, сохраняя при этом необходимую твердость (под микроскопом хорошо прослеживаются сварочные швы, разделяющие феррито-перлитные зоны с различным содержанием углерода; микротвердость 181—236 кг/мм² (рис. 4, *4*). Шилья, изготовленные скифскими мастерами, также чаще всего стальные, иногда сделаны целиком из железа, сварных — пакетованных экземпляров не встречено.

Булавки. Исследовано два экземпляра из Уллубаганалы II. Миниатюрная булавочка (ан. 1978) (длина 2 см) с гвоздевидным навершием, очень тонким сечением (1 мм) откована из мягкой сырцовой стали. Чтобы упрочить изделие, его дополнительно подвергли цементации, в результате чего на поверхности образовался твердый стальной слой, который в сочетании с более вязкой сердцевинной предохранял булавочку от из-

гиба и поломки. Вторая булавка (ан. 1954) имеет грибовидное навершие (диаметр стержня 2—3 мм, общая длина 5,3 см). Она сформована из мягкой сырцовой стали. В качестве упрочняющей операции острие было подвергнуто наклепу, что значительно повысило его твердость. Достигалось это ковкой металла в холодном состоянии. Микроструктурным отражением такой операции является волокнистая структура, свидетельствующая о высокой степени (>60%) обжатия (микротвердость 221—295 кг/мм²). В материалах Тлийского могильника также зафиксированы случаи применения операции наклепа с целью упрочения рабочих качеств изделия (кинжалы) [7, с. 80, 81]. Скифские кузнецы, судя по опубликованным данным, таким приемом не пользовались.

Браслеты. В изученной коллекции — два типологически различных браслета: круглопроволочный с разомкнутыми концами (диаметр прутка 7—8 мм) из Сержень-Юрта (ан. 2303) и пластинчатый (ширина 12—16 мм) из Уллубаганалы II (ан. 1959). Технология изготовления браслета из Сержень-Юрта простая — он откован из неравномерно углероженной сырцовой стали (микротвердость феррито-перлитных участков 206 кг/мм², ферритных — 181 кг/мм²). Металл очень чистый. Особой тщательностью исполнения отличается пластинчатый браслет. Он изготовлен из высокоуглеродистой стальной заготовки, полученной сквозной цементацией железной полосы. В готовом виде был подвергнут закалке в холодной воде (структура закалки — мартенсит и мартенсит с трооститом; микротвердость мартенсита 946—1290 кг/мм², троостита — 464 кг/мм², рис. 4. *3*).

Скобы-обоймы. Из могильника Уллубаганалы II из одного погребения происходят две скобы-обоймы (ан. 1972, А, Б). Они имеют овальную форму (9,5×3,5 и 9×4 см) и согнуты из четырехгранного прутка, концы которого соединены внахлест кузнечной сваркой.

Технология изготовления их разная: одно изделие откован из неравномерно науглероженной сырцовой стали (ан. 1972, А), другое — из многослойной пакетованной заготовки (ан. 1972, Б, рис. 4, *8*), в которой чередуются несколько слоев малоуглеродистой стали и железа (микротвердость в феррито-перлитных зонах 170—181 кг/мм²; есть участок с высоким содержанием углерода до 0,6%, микротвердость 295 кг/мм², микротвердость феррита 135 кг/мм²). Близкая по форме скоба из кургана V в. до н. э. «Бабы» в Херсонской обл., исследованная Б. А. Шрамко, была выполнена в иной технике: сформована из малоуглеродистой стали и подвергнута поверхностной цементации.

Заготовка в виде неправильной формы пластины, утолщенной с одного конца и расплющенной с другого, происходит из Уллубаганалы II (ан. 1973). Металл — железо со следами случайной науглероженности, плохо прокованное, загрязненное шлаками, зерно среднее. По-видимому, заготовка прошла только начальную стадию обработки.

Итак, мы рассмотрели технологию изготовления основных категорий железных изделий раннескифского времени из ряда памятников, входящих в ареал западного и восточного варианта кобанской культуры.

Полученные результаты дали многоплановую информацию по технике железообработки. Прежде всего следует отметить, что кузнецы, продукцию которых мы изучили, хорошо различали и умело использовали различные сорта черного металла — от чистого железа до высокоуглеродистой стали.

Исходным сырьем являлось железо и неравномерно науглероженная сырцовая сталь, получаемые непосредственно в сыродутном горне в ходе металлургического процесса. Качество изделия во многом зависело от качества обработки крицы. Уже на этом начальном этапе требовалось достаточное мастерство, чтобы путем правильного нагрева и тщательной ковки ликвидировать пористость, удалить шлаковые включения, получить плотный однородный монолит.

Оценивая с этой точки зрения описанные изделия, можно с уверенностью говорить, что кузнецы, как правило, успешно справлялись с такой

задачей. Исключение составляют лишь отдельные экземпляры в таких категориях изделий, как акинаки (Уллубаганалы II, Султан-гора III) и топоры (Уллубаганалы II, Султан-гора III, Сержень-Юрт). Показательно, что всего три изделия (6%) изготовлены целиком из железа; 11 экземпляров (22%) — из сырцовой стали, остальные — из специально полученной стали, либо цельностальные, либо в различных сочетаниях с железной основой.

В основе получения стали была операция цементации (насыщения железа углеродом), требовавшая длительной выдержки изделия или заготовки при температуре не ниже 900° в среде древесного угля с органическими добавками. Судя по данным проведенного исследования, местные кузнецы знали несколько способов получения стали: цементация поверхности готового изделия (иногда односторонняя), цементация рабочего края, сквозная цементация железной заготовки. Первый является наиболее древним способом. Кобанские кузнецы пользовались им, как показали материалы Тлийского могильника, еще в конце X в. до н. э. В наших материалах такой способ чаще всего использовался при производстве акинаков (5 из 6 экз.), в других категориях изделий — реже (ножи — 2 экз., топоры — 1 экз., удила — 2 экз.).

Цементация рабочего края встречается в основном на ножах (4 экз.). Целиком из цементованной стали сделаны такие изделия, как кинжалы кавказского типа, топор, браслет. Чаще всего стальные заготовки, полученные сквозной цементацией, использовались в сварных изделиях в сочетании с железом или малоуглеродистой сталью.

Высокий процент изделий (34), выполненных в технике кузнечной сварки, причем в самых разнообразных вариантах, свидетельствует об определенной направленности технологического развития железообработки в рассматриваемом регионе. В материалах центральнокобанской группы процент сварных изделий более чем вдвое ниже (15,5). Особенно показательна в этом отношении такая категория изделий, как ножи. В наших материалах 50% ножей сварные, в тлийских — всего один экземпляр. Тлийские мастера использовали сварку в основном как способ специальной обработки полуфабриката — «пакетирование».

В нашей коллекции сварные изделия представляют разнообразные виды технологических конструкций: сварка разных металлов из двух полос, из трех полос, наварка — более высокая ступень развития подобной техники. Сварка осуществлялась с целенаправленным подбором разных сортов металла, так, чтобы орудие имело максимально твердое острие и вязкую упругую основу. Это достигалось, как мы показали на конкретных примерах, сочетанием слоев мягкой и твердой стали, с выходом последней на острие.

Сложность сварочных операций заключалась в необходимости выбрать и соблюдать правильный температурный режим, который зависел от сорта металла. Поскольку сваривались разные металлы, требовалось очень точно определить их сварочную температуру и выбрать тот узкий температурный интервал, который мог обеспечить прочное соединение. Так как наибольший разрыв в сварочных температурах имеется у чистого железа и высокоуглеродистой стали, то и наибольшую трудность представляла сварка именно этих металлов.

Кобанские мастера, продукцию которых мы изучали, успешно применяли кузнечную сварку мягкой и твердой стали, железа и мягкой стали. Хорошо понимая смысл и задачи этих операций и столкнувшись с трудностями сварки чистого железа с высокоуглеродистой сталью, местные кузнецы разработали технологическую схему, которая позволяла создавать изделия, по существу не отличающиеся от «трехслойного пакета», т. е. имеющие твердую стальную (высокоуглеродистую) сердцевину, выходящую на острие, и железные полосы с двух сторон. Для этого железная полоса-заготовка подвергалась односторонней цементации. В процессе ковки полоса складывалась и сваривалась таким образом, что соединялись однородные по составу стальные стороны, а на поверхности с двух сторон оставались чисто железные. Такой способ, как мы показали, за-

фиксирован на топорах из Уллубаганалы II и Сержень-Юрта и восходит к самому началу VI в. до н. э.

Следующим этапом на пути развития сварочной техники и совершенствования технологических схем была технология вварки высокоуглеродистой стальной полосы между двумя из мягкой стали (топор из Султангоры III — вторая половина VI в. до н. э.).

К V—IV вв. до н. э. относится изделие (копье из сел. Курчалой), выполненное в технике сварки двух железных боковых полос и центральной — из среднеуглеродистой стали. Это древнейшее на рассматриваемой территории изделие, представляющее «трехслойный пакет».

Чрезвычайно интересно в дальнейшем будет выяснить, насколько широко была распространена в V—IV вв. до н. э. такая технологическая схема и на каких именно изделиях. На данном же этапе нам важно установление факта последовательного развития одного из важнейших приемов кузнечной техники у северокавказских кобанских племен, что является убедительным свидетельством местного характера железообработки, по крайней мере с рубежа VII—VI вв. до н. э.

Местные кузнецы не только умели получать сталь различными способами, но и хорошо понимали ее главное свойство — способность воспринимать тепловую обработку, с помощью которой можно было добиться значительного улучшения качества исходного материала.

Показательно широкое применение термообработки местными мастерами, а также разнообразие ее способов. Термообработка использовалась в основном при изготовлении качественных изделий, таких как ножи, кинжалы, топоры. Из 32 изделий названных категорий 21 сохранило термообработку, т. е. 65,6%. Из других категорий термообработки оказался только один пластинчатый браслет (Уллубаганалы II). В отношении к общему числу изделий, способных по характеру материала принять тепловую обработку, процент термообработанных составляет 46,7.

Термообработка применялась, как было показано, целенаправленно, в полном соответствии с функциональным назначением предмета. Так, топоры подвергались мягкой закалке, что хорошо согласовывалось с их ударным действием. Именно структура сорбита, получаемая в результате закалки в мягкой закалочной среде, более всего противостояла ударной нагрузке. Отметим, что, например, в высокоразвитом древнерусском кузнечном ремесле прием термообработки топоров был аналогичен [20, с. 107, 108].

Твердая закалка (структурное состояние — мартенсит) использовалась при изготовлении ножей. Следует подчеркнуть, однако, что применялась она чрезвычайно рационально. Мы ни разу не обнаружили целиком закаленного на мартенсит лезвия. И это технически вполне оправданно. Лезвие, имеющее структуру мартенсита, хотя и будет максимально твердым, вместе с тем станет очень хрупким.

Можно с уверенностью говорить о том, что местные кузнецы хорошо понимали эффект твердой закалки и возможные нежелательные последствия. Они использовали ее либо при местной термообработке, когда в охлаждающую среду опускалась только часть лезвия со стороны острия (в этом случае со стороны спинки структура оставалась более вязкой), либо в том случае, когда изделие имело стальной слой только на поверхности (поверхностная цементация), следовательно, и структура мартенсита образовывалась только на поверхности, а сердцевина оставалась вязкой. Ножи, сваренные из нескольких полос стали, закаливались либо на сорбит, либо на мартенсит, но с последующим отпуском, т. е. повторным после резкого охлаждения нагревом при температуре от 300 до 700°.

Различные операции тепловой обработки требовали различных температур, причем интервал их был часто очень узок. Нужны были не только хорошие технические знания, но и большой практический опыт, чтобы правильно выбрать необходимую для данной операции температуру. Опытный кузнец по цвету каления металла достаточно точно определял температуру, так же, как по искре — сорт стали. Мастерство местных кузне-

цов характеризуется высоким качеством всех зафиксированных операций по термообработке.

Представляется, что широкое и разнообразное использование приемов термообработки является локальной особенностью техники железообработки кобанских племен на Северном Кавказе.

Мы уже отмечали, что в материалах центральнокобанской группы процент термообработанных изделий очень низок — всего 10,9 (6 экз. из 55, способных принять закалку). Скифские мастера, как уже говорилось, этого приема не знали, хотя техника железообработки у них была хорошо развита. Характерно, что на Северном Кавказе такое типичное скифское оружие, как акинаки, изготовлено в традициях местной кузнечной техники с использованием приемов термообработки.

Локальная особенность в изготовлении этого оружия наблюдается и в центральнокобанских материалах. Так, тлийские мастера, пытаясь воспроизвести форму профилированной рукояти скифского акинака, напоминающей в поперечном сечении цифру восемь, прибегли к очень сложному и трудоемкому приему. На плоскую рукоять кинжала наваривались валики из листового железа [7, с. 89, 90].

Северокавказские мастера, как и скифские, изготавливали рукоять фигурного сечения с помощью специальных инструментов. С двух сторон посредине плоской рукояти формовался продольный желобок. Для этого необходим был молоток с узким носком, а также специальное ковочное приспособление — подставка, имеющая профиль, соответствующий желобку [3, с. 144].

О разнообразии специализированных инструментов, используемых в технике местной железообработки, свидетельствует также четкий профиль ребра жесткости на клинках кинжалов кавказского типа, предполагающий применение специальных обжимников. Успех всех ковочных операций,— а основным приемом была горячая ковка,— мог быть обеспечен только при наличии хорошего кузнечного горна, снабженного развитыми воздуходувными устройствами, позволявшего получать высокие температуры.

Таким образом, все выше сказанное дает возможность утверждать, что в конце VII — начале VI в. до н. э. на Северном Кавказе в среде кобанских племен существовали мастера-кузнецы, обладающие высокой техникой обработки черного металла. Достигнутый уровень техники железообработки, фиксируемый в это время, предполагает длительный период предшествующего развития.

На данном этапе исследований мы не располагаем сведениями, позволяющими говорить о местном эволюционном развитии железообработки. Мы обнаруживаем хорошо сформировавшиеся традиции в этой области уже на примере самых ранних изделий.

Несмотря на общность многих приемов в кузнечной технике с центральнокобанской группой, все же выявляются существенные черты отличия. По-видимому, многие традиции северокавказских мастеров, и в первую очередь широкое использование приемов термообработки, восходят к технике высокоразвитых железообрабатывающих центров Закавказья.

Насколько можно судить по опубликованным данным, первые стальные цементованные изделия на территории Грузии относятся к XIV в. до н. э., а в XII—X вв. до н. э. известны разнообразные методы термообработки; закалка, отпуск, нормализация, отжиг [5, с. 22—27; 6, с. 9].

Как известно, таинства, связанные с кузнечным производством, строго соблюдались, секреты прочно охранялись. Не случайно, по-видимому, скифские мастера, несмотря на контакты скифов с кавказскими племенами, так и не узнали секрета термообработки стали.

На Северном Кавказе в VII в. до н. э., видимо, появляется группа мастеров, принесшая развитые навыки кузнечной техники. Недостаточно широкое распространение железных изделий в это время на Северном Кавказе по сравнению с другими областями Кавказа связано, на наш взгляд, с недостаточным объемом производства, а не с его техническим уровнем, не уступавшим развитым центрам железообработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.* Техника обработки железа лесостепной и степной Скифии.— СА, 1963, № 4.
2. *Шрамко Б. А.* Орудия скифской эпохи для обработки железа.— СА, 1969, № 3.
3. *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Новые исследования техники обработки железа в Скифии.— СА, 1971, № 4.
4. *Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А.* Начальный этап обработки железа в Восточной Европе.— СА, 1977, № 1
5. *Абрамишвили Р. М.* К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии (XIV—VI вв. до н. э.): Автореф. канд. дис. Тбилиси: Ин-т истории, археол. и этногр., 1962.
6. *Инанишвили Г. В.* Исследование процесса получения структуры и некоторых свойств железа древней Грузии: Автореф. канд. дис. Тбилиси: Ин-т истории, археол. и этногр., 1976.
7. *Вознесенская Г. А.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.: Наука, 1975.
8. *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
9. *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Восточный вариант.— САИ, вып. В2-5, М., 1977.
10. *Козенкова В. И.* Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии.— АЭС, т. II, 1968.
11. *Крупнов Е. И.* Раннежелезный век Северного Кавказа.— Уч. зап. ИИЯЛ им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Т. XIV, сер. истор. Махачкала, 1965.
12. *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный: Чечено-Ингушское книжн. изд-во, 1972.
13. *Техов В. Б.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э. М.: Наука, 1980.
14. *Васильева А. П., Нахимов Д. М.* Исследования древних металлических изделий.— Структура и прочность металлов и сплавов, 1953, № 5.
15. *Ковалевская В. Б.* Разведки и раскопки на р. Эшкаконе.— АО — 1977. М., 1978.
16. *Ковалевская В. Б., Козенкова В. И.* О работах Мало-Карачаевского отряда.— АО — 1978. М., 1979.
17. *Ковалевская В. Б.* О работах Мало-Карачаевского отряда.— АО — 1979. М., 1980.
18. *Исмагилов Р. Б., Суразаков А. С., Членова Н. Л.* Султан-гора III — двуслойный памятник эпохи раннего железа под Кисловодском.— АО — 1976. М., 1977.
19. *Членова Н. Л.* Раскопки под Султан-горой.— АО — 1977. М., 1978.
20. *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1953.

N. N. Terekhova

FORGING TECHNOLOGIES AMONG THE KOBAN TRIBES OF THE NORTHERN CAUCASUS IN THE EARLY SCYTHIAN PERIOD

Summary

The author summarises the results of metallographic analyses of a number of iron artifacts from different sites of the late 7th-6th century B. C. in the Northern Caucasus. She goes into details of the technologies of various objects such as tools, armament and ornaments (Figs. 1 and 2). The results of the analyses have led the author to conclude that the Koban tribes of the Northern Caucasus possessed high techniques of processing ferrous metals: they could produce different steels and knew various types of welding. Thermal treatment was differentiated according to the function of the object treated (Figs. 3 and 4).

ДАШЕВСКАЯ О. Д., МИХЛИН Б. Ю.

ЧЕТЫРЕ КОМПЛЕКСА С ФИБУЛАМИ ИЗ БЕЛЯУССКОГО МОГИЛЬНИКА

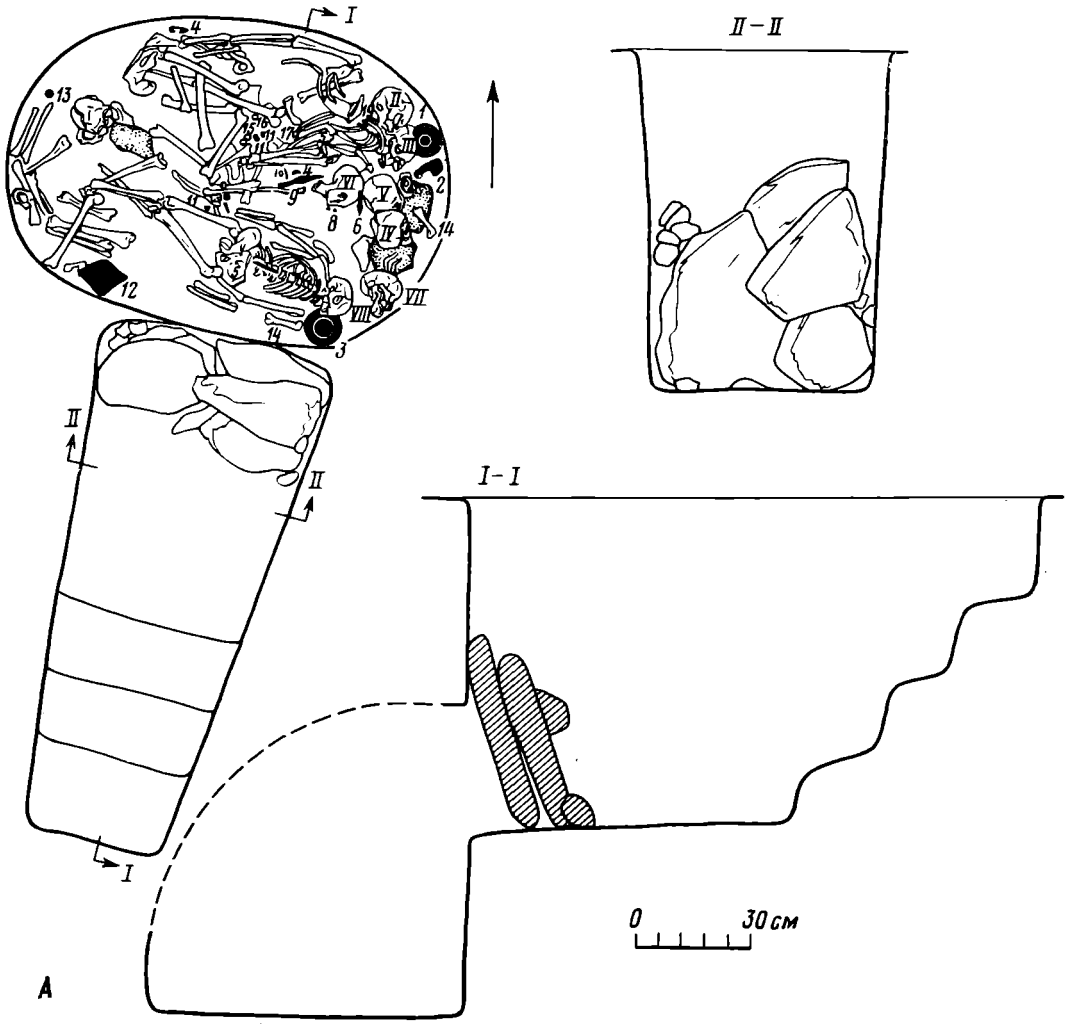
Беляусский некрополь, в течение 13 лет изучавшийся Донузлавской экспедицией Института археологии АН СССР и Евпаторийского краеведческого музея [1], занимает все более заметное место среди аналогичных памятников культуры поздних скифов. К 1980 г. здесь исследовано более 170 грунтовых могил (склепы, подбои, ямы) и четыре каменных склепа. Основную массу погребальных сооружений для взрослого населения составляют земляные склепы с многократными захоронениями (конец III в. до н. э.— I в. н. э.). Значительное число импортной керамики в погребениях позволяет с достаточной определенностью датировать комплексы. Памятник в целом весьма перспективен для дальнейшего изучения истории и материальной культуры поздних скифов. К настоящему времени по Беляусскому могильнику помимо информаций в «Археологических открытиях» опубликованы каменные склепы и необычный земляной [1, 2, 3], специальные исследования посвящены лепным курильницам и фибулам [4, 5]. Наша статья является полной публикацией комплексов четырех земляных склепов — могил 90, 117, 156 и 168. Они объединены по принципу наличия в них дужковых фибул и брошей, представляющих существенный интерес для изучения этой категории вещей.

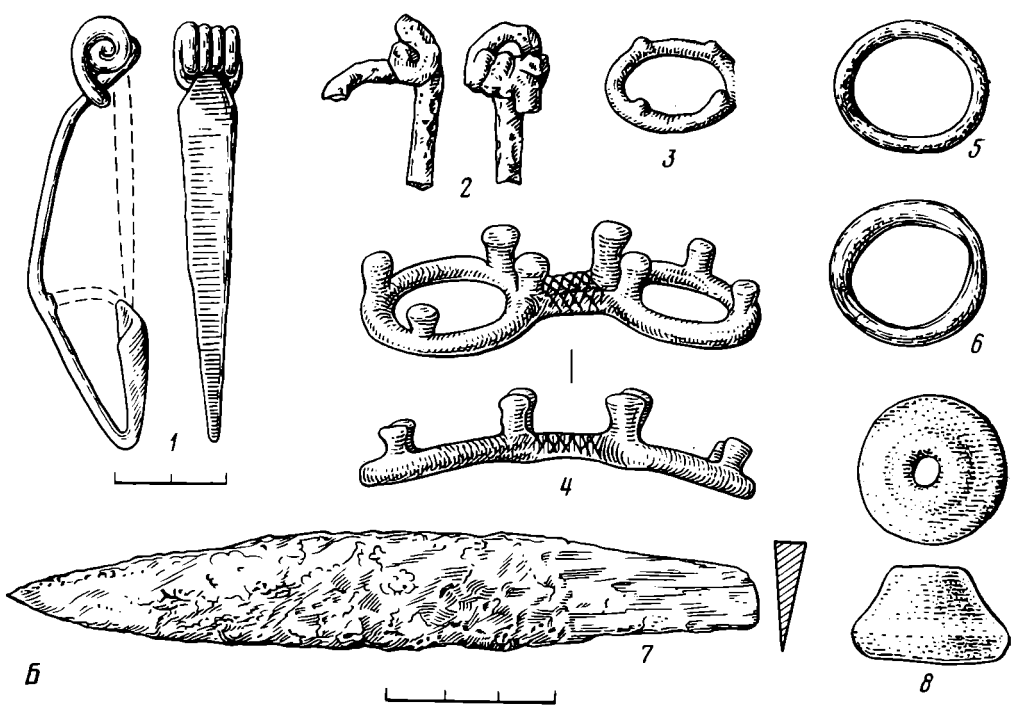
Могила 117 (рис. 1, *А*) по своей конструкции типична для Беляусского некрополя. Это земляной склеп Т-образной планировки с продолговатым меридиональным входным колодцем и овальной широтной камерой [6, с. 287]. Колодец постепенно расширяется к северу, где к нему примыкает камера. Длина колодца 2,45 м, ширина — от 0,65 до 1,05 м. В южной его стенке сделаны три ступени. Дно колодца несколько понижается к камере, достигая глубины в материке 1,55 м. Колодец был плотно забутован камнями крупного и среднего размера. Вход в камеру непосредственно закрывала плита размером 1,05×0,65×0,10 м. Второй ряд заклада был составлен из нескольких меньших плит, дополненных мелкими камнями. Еще одна плита найдена среди забутовки колодца; очевидно, это был третий ряд заклада, при повторных захоронениях не водворенный на место. Погребальная камера углублена на 0,85 м относительно дна колодца. В плане она овальная, 1,95×1,45 м. Свод обвалился; реконструируемая высота его 1,40 м. В камере были погребены по обряду многократных захоронений восемь человек: один с западной ориентировкой и семь — с восточной.

Первым совершено погребение с западной ориентировкой (скелет I, женщина 18—22 лет). Череп находился в северо-западной части камеры, рядом с плоским камнем, на котором, очевидно, голова лежала первоначально; кости в беспорядке сдвинуты к западному и северо-западному краям камеры. Этому погребению принадлежат фибула 117—4 и глиняное коническое пряслице (рис. 1, *Б*, *1*, *8*) [2]. Фибула найдена у северо-западной стенки, и отнесение ее к следующему скелету — II было бы менее достоверно, так как фибула оказывается у его ног. Скелет II (мужчина 30—35 лет), сдвинутый к северной стенке, частично сохранил

[1] Находки хранятся в ЕКМ. Антропологические определения выполнены Т. С. Кондукторовой в Институте антропологии МГУ.

[2] Здесь и далее все фибулы обозначены цифрами, из которых первая является номером могилы, а вторая — номером вещи в полевой описи [5, с. 196].


I
II–II
II
II
I–I
I
0
30 см
А


1
2
3
4
5
6
7
8
Б

вытянутое положение на спине. Вероятно, к нему относилась оказавшаяся под черепом следующего покойника круглодонная полусферическая чаша, вся равномерно покрытая хорошим красным лаком, с маленьким круглым вдавлением на внешней стороне дна (рис. 2, *3*). Следующим был похоронен мужчина 45—55 лет (скелет III), также сдвинутый к северу, вплотную к предыдущему. Его анатомический порядок нарушен. Возможно, голова его раньше лежала на камне, где сохранилась кость бараньей ноги, а справа в изголовье стоял лепной светильник сапожкового типа (рис. 2, *2*). К этому покойнику (или к предыдущему) относились найденные под его ребрами и тазом осколки кремня, железная втулка (вток?), два бронзовых поясных кольца (рис. 1, *Б*, *5*, *6*) и очковидная пряжка с сетчатой резьбой на плоской перемычке и восемью выступами (рис. 1, *Б*, *4*). Следующий скелет (мужчина старше 60 лет), потревоженный, лежал головой на камне. Под его черепом найдены кусочки угля.

На скелете IV и один на другом лежали скелеты V и VI. Им принадлежат: скелету V — железный нож, скелету VI — наконечник копья (рис. 2, *1*), бронзовая игла и поясное кольцо с четырьмя выступами (рис. 1, *Б*, *3*), железная фибула плохой сохранности (рис. 1, *Б*, *2*) и три мелкие овальные бусины из прозрачного желтого стекла. Скелет VII сильно сдвинут. Голова его покоилась на камне; на месте, у южной стенки камеры, остались скрещенные ноги, около которых лежал кусок печины, и левая рука. Поверх этих костей у входа в камеру лежал в анатомическом порядке последний погребенный — скелет VIII. К нему относится стоявшая слева от черепа миска довольно грубой (херсонесской?) работы, покрытая изнутри и по верхней части снаружи красным лаком желтоватого оттенка с подтеками (рис. 2, *4*). Рядом с ней лежала кость ноги барана, а на груди погребенного — нож (рис. 1, *Б*, *7*).

Найденные в могиле 117 вещи и четкая последовательность захоронений достаточны для дифференцированной датировки. Чаша из погребения II (рис. 2, *3*), судя по хорошему лаку и форме, напоминающей «мегарские» чаши, несомненно, относятся к I в. до н. э. [7, с. 98, 99, рис. 36, *12*; 8, с. 190, 191, 198, рис. 1, *8* и 4, *5*]. В комплексах не позднее этого времени обычно встречаются и простые бронзовые поясные кольца. Пряжка из погребения II или III сходна по схеме с двумя пряжками из мавзолея и земляного склепа 14 скифского Неаполя, относящимися к I в. до н. э. [9, с. 207, рис. 30, *3*; 10, рис. 3, *29*]. В Беляусском могильнике очень близкий к рассматриваемому экземпляр найден в могиле 86 в составе полного поясного набора конца II — начала I в. до н. э. [11, с. 47—51]. Определяемой для погребения III дате — I в. до н. э. не противоречит и сапожковый светильник. Последние известны начиная со II в. до н. э. [12, с. 96; 13, с. 123, 128, рис. 12, *5*]. Так же датируются наиболее ранние светильники Беляуса (могилы 71, 90), но большинство их относится к I в. до н. э. (могилы 2, 5, 11, 31), а некоторые — к рубежу эр (могилы 10, 113) [14, с. 20—23; 15, с. 29—32; 16, с. 15—19; 17, с. 22 сл.; 11, с. 32—36]. Рубежом эр или началом I в. н. э. датируется погребение VI. Найденное в нем кольцо с четырьмя выступами имеет аналогию (с тремя выступами) в наиболее ранних захоронениях склепа I в. н. э. в Золотобалковском могильнике [18, с. 55—57, рис. 25, *4*]. Последнее в могиле 117 погребение VIII датируется по краснолаковой миске I в. н. э. [19, с. 303, 315, рис. 11, *3*; 20, с. 53, рис. 3, *1*; 21, с. 91, 92, рис. 10, *1*]. Учитывая, что после погребения I в склепе в течение I в. до н. э. еще по крайней мере дважды (скелеты II и III)

Рис. 1. Могила 117. *А* — план и разрезы: *1* — чаша краснолаковая; *2* — светильник; *3* — миска краснолаковая; *4* — фибула бронзовая; *5* — фибула железная; *6*, *7* — ножи; *8* — бусы; *9* — копье; *10* — игла бронзовая; *11* — осколок кремня; *12* — печина; *13* — пряслице; *14* — кость барана; *15* — пряжка 8-образная бронзовая; *16*, *17* — кольца поясные бронзовые; *18* — кольцо поясное бронзовое с выступами; *19* — вток железный. *Б* — инвентарь погребений: *1*, *3—6* — бронза; *2*, *7* — железо; *8* — глина

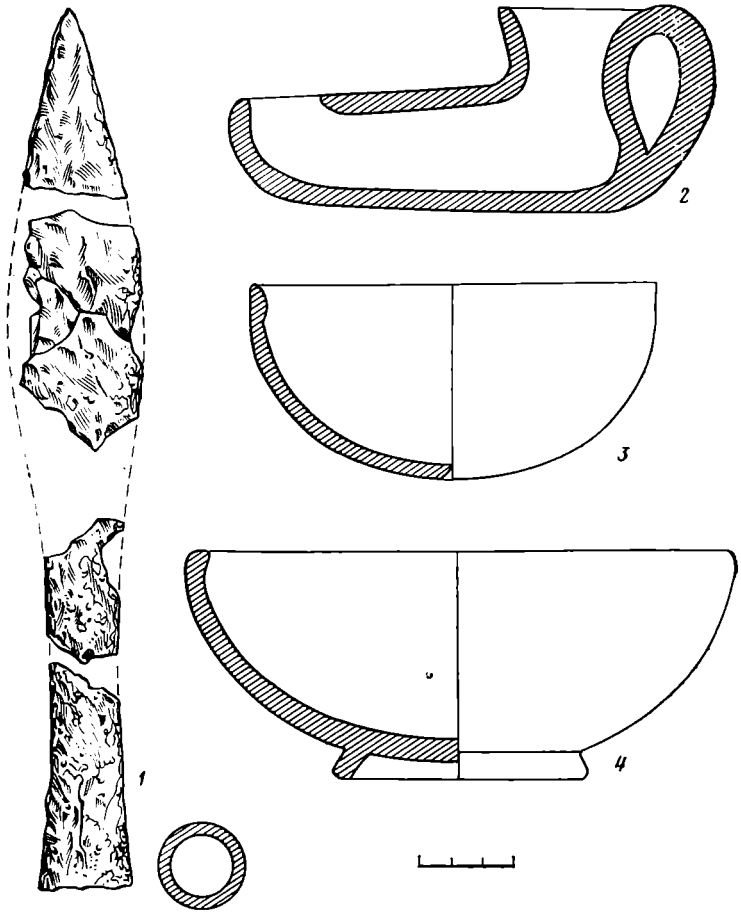


Рис. 2. Вещи из могилы 117: *1* — наконечник копья железный; *2* — светильник лепной; *3*, *4* — чаша и миска краснолаковые

хоронили, можно уверенно датировать погребение I и связанную с ним фибулу первой половиной I в. до н. э.

Эта бронзовая фибула 117—4 (рис. 1, *Б*, *1*) [5, с. 209, рис. 5, *1*] представляет значительный интерес. У нее четырехвитковая пружина с внутренней тетивой и согнутая под тупым углом ленточная спинка, которая сужается книзу, переходя в подогнутую внутрь ножку. Приемник высокий, в виде лодочки, причем одна его стенка толще другой. Фибула относится к подвязным, но завязка утрачена, лишь на внутренней стороне дужки сохранились ее следы. Они не исключают возможности закрепления приемника путем припаивания (этот вариант реконструкции приведен на нашем рисунке).

Подогнутая ножка и ранняя дата беляусской фибулы 117—4 позволяют сопоставить ее с фибулами первого варианта лебяжьинской серии, выделенной А. К. Амброзом [22, с. 55, 56, табл. 10, *1—3*]. К этому варианту отнесены всего четыре фибулы, латенские элементы которых сочетаются с новыми, местными, конструктивными особенностями — наличием подогнутой ножки и закреплением ее конца припаиванием вместо скрепы. Выделение этого варианта (как и первого, раннего, варианта лучковых) позволило А. К. Амброзу создать убедительную картину происхождения подвязной конструкции [2, с. 47, 48, 55, 65; см. также 23, с. 71—74; 24, с. 201 сл.]. Но до настоящего времени оставались некоторые сомнения в ранней дате (I в. до н. э.) фибул первого варианта лебяжьинской серии. Из его четырех фибул две (Дебальцево[3], Капу-

[3] Сравнительно недавно, при поступлении дебальцевской фибулы в Государственный Эрмитаж, К. М. Скалон отнесла ее ко II—III вв. н. э. [25, с. 55—60, рис. 2]. По-

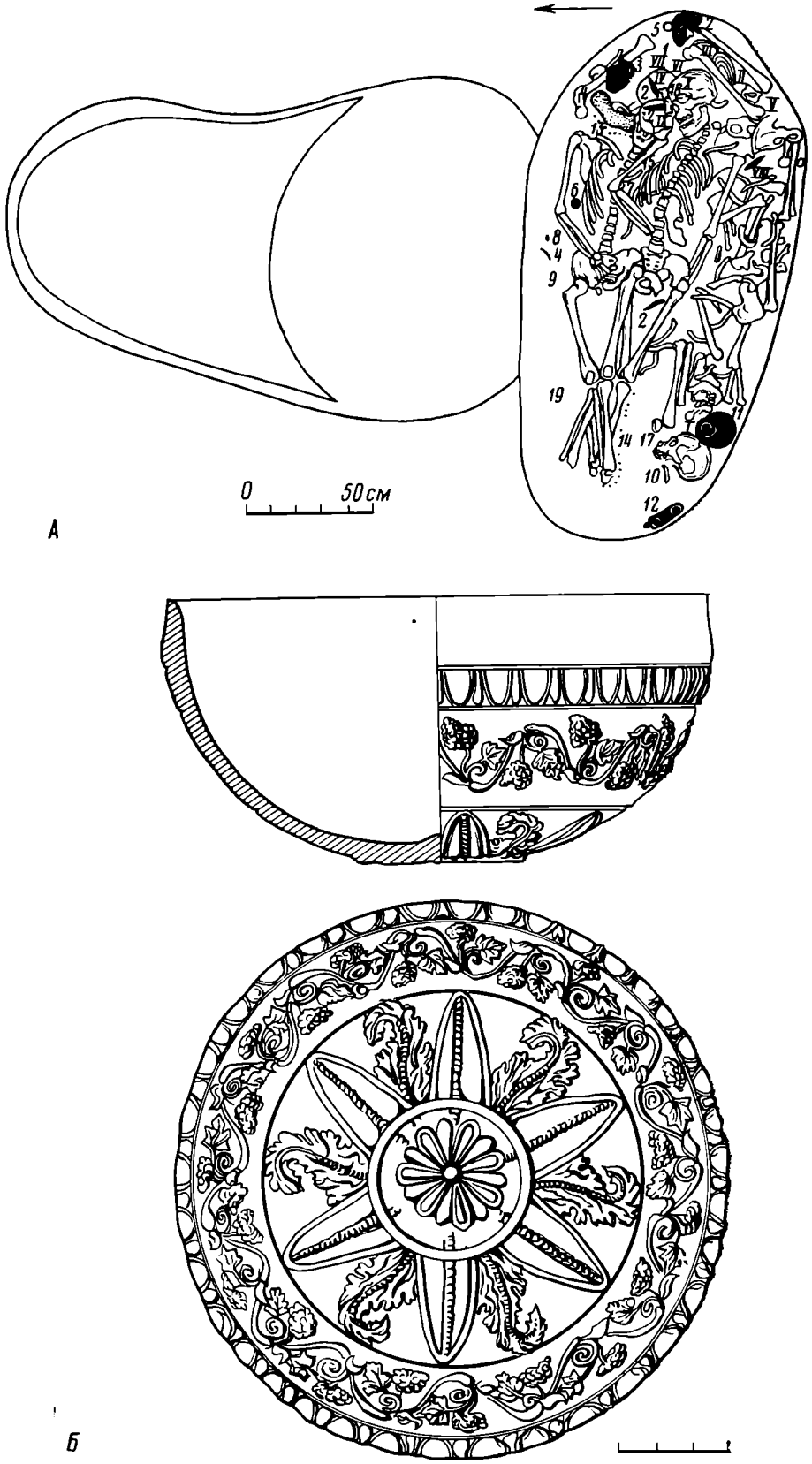


Рис. 3. *А* — могила 90, план: *1* — «мегарская» чаша; *2* — нож; *3* — кувшин лепной; *4* — игла бронзовая; *5* — браслет; *6* — фибула-брошь бронзовая; *7* — монета-подвеска; *8*, *9* — перстни бронзовые; *10* — фибула бронзовая; *11* — кувшин гончарный; *12* — светильник; *13*, *14* — бусы; *15* — фибула-брошь серебряная; *16* — сюльгама; *17* — кольцо поясное железное; *18* — серьга бронзовая; *19* — кольцо бронзовое. *Б* — «мегарская» чаша из могилы 90

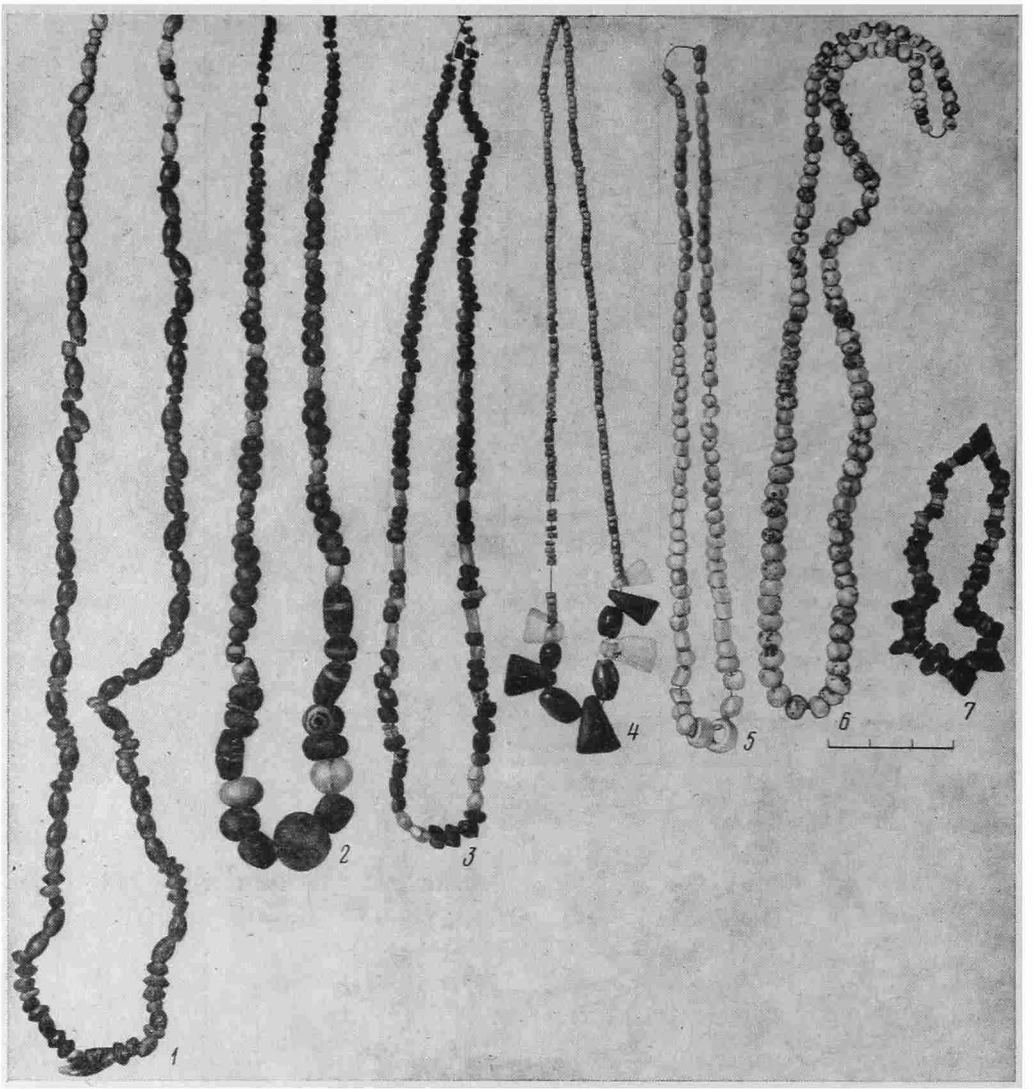


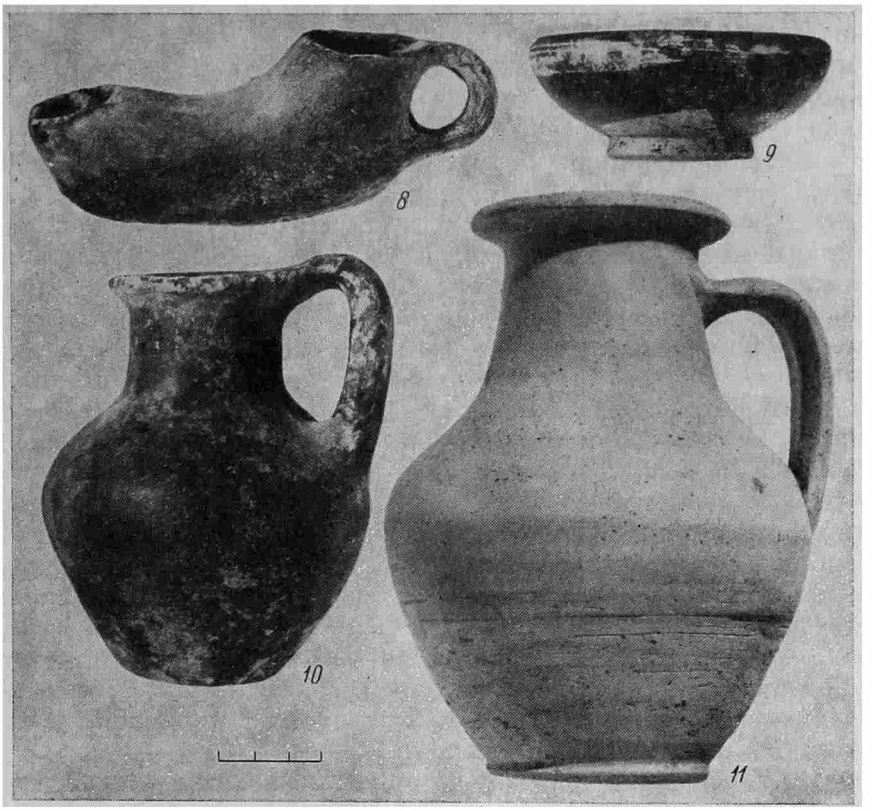
Рис. 4. Вещи из могилы 90: *1* — бусы из желтого (овальные) и голубовато-зеленого прозрачного стекла; *2* — бусы стеклянные разные; *3* — бусы из прозрачного синего, бесцветного с внутренней позолотой и глухого белого стекла; *4* — бисер из голубого египетского фаянса, бусы сердоликовые, подвески из глухого голубого, полупрозрачного лилового, оранжевого, прозрачного бесцветного и голубоватого стекла; *5* —

ловка) найдены вне комплексов, а даты фибул из Армавира [26, с. 61 сл., рис. 95, 96, 102, 111, 112; 22, с. 56, табл. 10, *1*] и Лебяжьего [22, с. 56, табл. 10, *3*], установленные по сарматским зеркалам, допускали значительные колебания [22, с. 34, № 4 и с. 56, № 3; 27, с. 70] [4]. Дата рассматриваемой беляусской фибулы с подогнутой и припаянной или завязанной ножкой определенно указывает на появление подобной конструкции еще в первой половине I в. до н. э., подтверждая тем самым и дату фибул первого варианта лебяжьинской серии.

Здесь уместно остановиться еще на одной фибуле, найденной в могиле 90 (рис. 3—5), комплекс которой будет рассмотрен ниже. Эта фибула

скольку эта предположительная датировка вновь основывается только на характере декора, она не может опровергнуть датировку А. К. Амброза [22, с. 56].

[4] А. К. Амброз датировал комплекс из Лебяжьего по зеркалу с валиком и заостренной ручкой, исходя из даты, предложенной В. П. Шиловым (II—I вв. до н. э.). Однако такие зеркала более характерны для III—II вв. до н. э. [28, с. 42, 43, тип. 3; 27, с. 59, рис. 1, тип IV]. Армавирский комплекс содержал большое зеркало с валиком, ручкой-штырем и маленьким умбоном, т. е. типа, характерного в основном для более позднего времени [27, с. 64, тип VIII], но изредка встречающегося даже в III—II вв. до н. э. [28, с. 42, тип IV]. Заметим также, что роскошная золотая фибула из Армавира может быть древнее своего комплекса.



бусы из прозрачного бесцветного стекла (мелкие овальные и наиболее крупные — с внутренней позолотой); *6* — бусы стеклянные с внутренней позолотой; *7* — бусы из гагата, янтаря (одна) и желтого прозрачного стекла; *8* — светильник лепной; *9* — мисочка краснолаковая; *10* — кувшинчик лепной; *11* — кувшин гончарный

90—35 (рис. 5, *15*) представляет собой брошь с круглым серебряным щитком и бронзовым игольным аппаратом [5, с. 208, рис. 9, 1]. На щитке в высоком рельефе выполнено погрудное изображение богини (Кибелы?) в короне. От распавшейся при реставрации застежки сохранились на оборотной стороне щитка приемник и верхняя часть дужки, а также отдельные обломки — средняя часть дужки и головка. Судя по ним, фибула имела довольно массивную сужающуюся книзу пластинчатую дужку и двухвитковую пружину с наружной тетивой, причем головка выполнена из очень тонкой круглой в сечении проволоки. Застежка припаяна к щитку дужкой, а ножка подогнута, как у фибулы 117—4. Приемник согнут лодочкой; верхняя часть его разрушена, и судить о способе крепления невозможно. Не исключено, что приемник вообще не был закреплен, и чтобы избежать разгибающего эффекта, мастер сделал такую тонкую и слабую пружину. Поскольку фибула 90—35, как мы увидим ниже, датируется концом II — началом I в. до н. э., то для нас интересен сам факт наличия в ее конструкции подогнутой ножки, позволяющей говорить об еще одной, весьма ранней, попытке отойти от среднелатенской схемы.

Таким образом, следуя за А. К. Амброзом, мы можем с еще большей уверенностью полагать, что почти сразу после знакомства с латенскими фибулами северопричерноморские мастера начали совершенствовать их конструкцию. Это отразилось как в появлении фибул с оригинальной подогнутой ножкой и отдельными латенскими элементами, так и в производстве местных надвязных фибул среднелатенской схемы. Последние, в частности выявленные на материалах изучаемого могильника фибулы беляусского варианта [5, с. 200, 201, рис. 4, *4—9*], имеют уже большое сходство с более поздними лучковыми. Так, в течение конца II—I в. до н. э., постепенно совершенствуя отдельные элементы фибул среднелатенской схемы — форму корпуса, приемник и его крепление, местные мастера около рубежа нашей эры и создали подвязную конструкцию, удер-

жавшуюся в Северном Причерноморье до раннего средневековья включительно [22, табл. 16].

Могила 90 (рис. 3, *А*) [29, с. 321, 322] имеет свои особенности: положение камеры к югу от колодца (единственный случай в склепах могильника), а также некоторые детали конструкции последнего. Колодец имеет в плане бобовидную форму. Его длина 2 м; ширина, увеличиваясь к камере, достигает 1,35 м. В северной части колодца оставлен широкий (0,90 м) и высокий (0,50 м) уступ для спуска. Далее дно понижается по направлению к камере. Колодец был плотно забутован крупными и средними камнями. На дне его найдены обломки костей, железного предмета, бронзовый пластинчатый браслет (рис. 5, *17*) и несколько бусин: гагатовые ромбы-разделители, стеклянные с внутренней позолотой и др., одна из глухого белого стекла с семью синими глазками и одна из зеленого египетского фаянса бугристая. Эти находки связаны с процессом многократных захоронений в камере и датируются II—I вв. до н. э. [30, табл. 22, *30* и 26, *2*; 31, табл. 5, *48* и 14, *22*].

Вход в камеру оказался закрытым двумя плитами, но заклад был трехслойным: самая большая плита (0,75×0,70×0,17 м), непосредственно закрывавшая входное отверстие, провалилась в камеру. Дно камеры на 0,60 м ниже дна входного колодца. Камера несколько расширена в восточной части. Площадь ее 2,10×1,05 м, реконструируемая высота свода 0,95 м. В камере последовательно похоронены 10 человек: один с западной и девять с восточной ориентировкой. Кости первых восьми погребенных сдвинуты в основном к задней (южной) стенке камеры, а последние два покойника положены друг на друга.

Первым похоронен, с западной ориентировкой, мужчина 40—50 лет (скелет I). Кости его беспорядочно сдвинуты к черепу — в юго-западную часть камеры. Этому покойнику принадлежали стоявшие в изголовье красноглиняный гончарный кувшин и лепной сапожковый светильник (рис. 4, *8*, *11*). Возле черепа найдены также обломок костяного полированного предмета, подвеска из астрагала и бронзовая фибула 90—12 (рис. 5, *1*, *13*) [5, с. 198, рис. 2, *6*], а справа от костяка — железный нож (рис. 5, *23*). Черепа и кости скелетов II—VIII беспорядочно сдвинуты в юго-восточную часть камеры, что говорит об их восточной ориентации. Последовательность этих погребений, как и принадлежность их многочисленного инвентаря тому или иному из них, установить не удалось. Эту группу погребенных сопровождали буролаковые «мегарская» чаша с растительным орнаментом и мисочка (рис. 3, *Б* и 4, *9*), лепной чернолощеный кувшин (рис. 4, *10*), два глиняных пряслица (рис. 5, *28*, *29*), железные ножи, поясное кольцо и ключ (рис. 5, *19*, *20*, *22*, *24*, *25*), бронзовые серьги, кольца, перстни, браслеты (рис. 4, *3*, *4*, *6—8*, *10*, *11*, *18*) и пряжка типа сюльгамы с железным язычком (рис. 5, *12*), различные бусы, бисер из голубого египетского фаянса (рис. 4, *1*, *3—7*), а также бронзовая фибула 90—24 и рассмотренная выше серебряная брошь 90—35 (рис. 5, *15*). Отметим, что в «мегарской» чаше оказались кость ноги барана и нож, что свидетельствует о варварском использовании греческого сосуда. Аналогичное явление наблюдалось и в могиле 168 (см. ниже).

После погребений II—VIII в камере был похоронен человек, которому принадлежал скелет IX. Для него и была освобождена северная часть камеры. Погребение совершено в вытянутом положении на спине, правая рука согнута в локте, кисть — на тазовых костях, ноги скрещены. У правого плеча — плоский камень, очевидно оставшийся от сдвинутых скелетов, и рядом — ожерелье из лиловых стеклянных бус (рис. 4, *2*). Справа от ребер найден бронзовый круглый щиток броши 90—38 (рис. 5, *14*). У северной стенки камеры, рядом со скелетом IX, лежали бронзовые игла, многовитковое кольцо и перстень (рис. 5, *5*, *9*, *27*), но они, скорее всего, остались от сдвинутых погребений. Последним в камере похоронен мужчина 17—20 лет (скелет X), положенный на скелет IX и повторяющий его позу. Под черепом скелета IX лежал нож (рис. 5, *21*), а на лучевой кости правой руки оказались железное кольцо

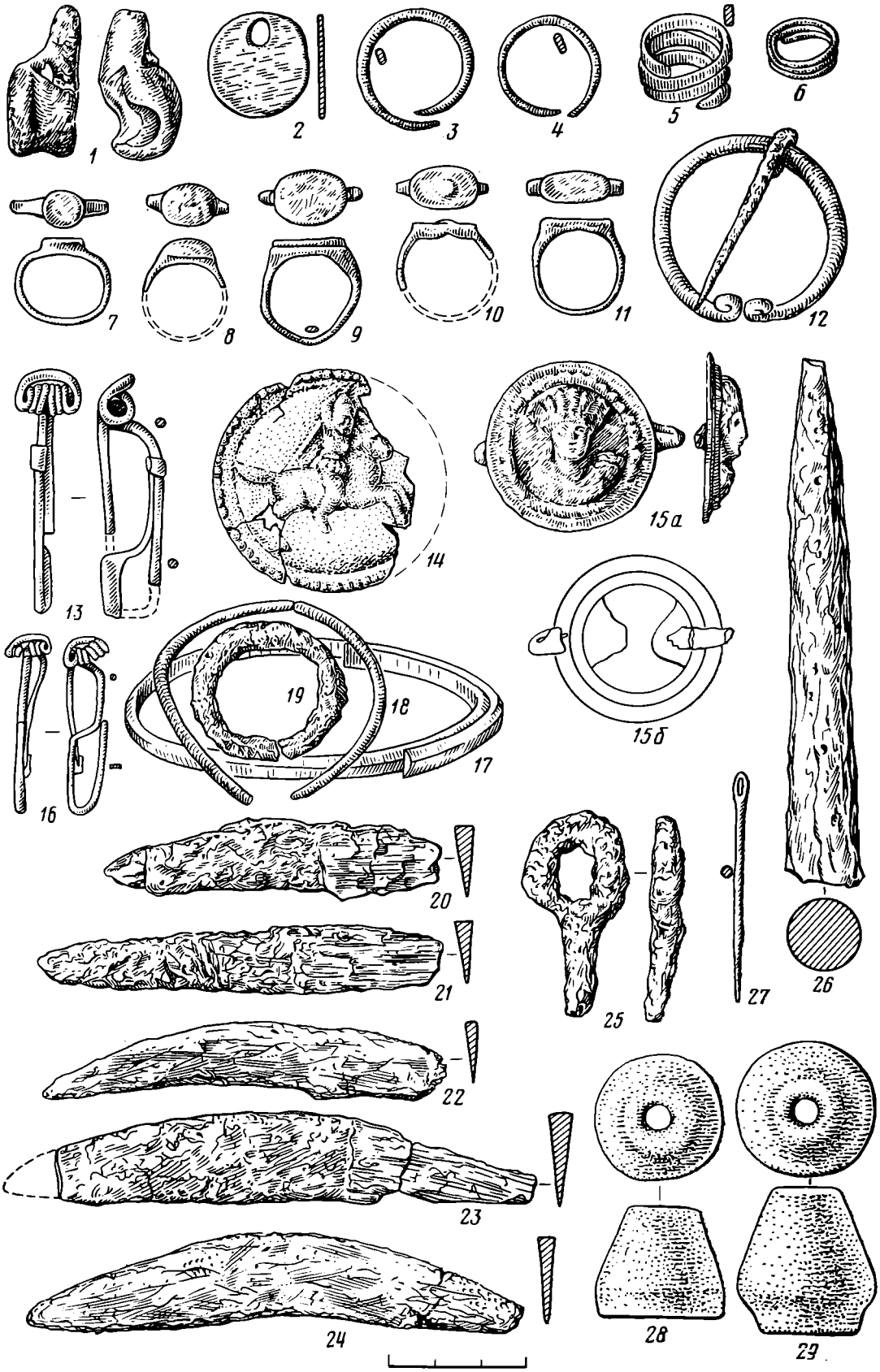


Рис. 5. Вещи из могилы 90: *1* — кость; *2* — *11*, *13*, *14*, *16* — *18*, *27* — бронза; *12* — бронза с железом; *15* — серебро с бронзой; *19*—*26* — железо; *28*, *29* — глина

и бронзовая стертая монета-подвеска (рис. 5, *2*). Слева у ног найдены бусы, которыми, возможно, была обшита обувь.

Рассмотрим находки из могилы 90 подробнее. Сопровождавший скелет I красноглиняный кувшин (рис. 4, *11*) типичен для продукции Херсонеса. Подобные кувшины с согнутой почти под прямым углом овальной в сечении ручкой и плоским дном без кольцевой подставки обычны среди материалов III—II вв. до н. э., причем наиболее близкий нашему экземпляр датируется II в. до н. э. [32, с. 152, 154, рис. 12, б). Не противоречит такой дате, как мы видели выше, лепной светильник. Поскольку в этом погребении найдена и фибула среднелатенской схемы (рис. 5, *13*), то комплекс можно датировать второй половиной II в. до н. э. Об этом же говорит и материал последующих погребений II—VIII, где ко II в. до н. э. может быть уверенно отнесена «мегарская» чаша. Другой греческий сосуд из этих погребений — мисочка (рис. 4, *9*), вероятно, малоазийского производства, покрытая довольно густым бурым лаком (он отсутствует на части поддона), имеющая аналогии в поздней чернолаковой керамике. В частности, близкий по форме сосуд найден в Артюховском кургане (середина — третья четверть II в. до н. э. [33, с. 52, 53, рис. 6, *а*; 34, рис. 47, табл. V, Арт. 114]. Лепной кувшинчик (рис. 4, *10*) имеет приподнятую над краем ручку, характерную для неаполькских кувшинов III—II вв. до н. э. [35, с. 252, 255, рис. 1, *17*, *21* и 3, *8*, *9*, *13*]. Многовитковые спиральные кольца (пластинчатые и круглопроволочные) встречаются в комплексах II—начала I в. до н. э. [36, с. 113, рис. 3, *24*; 9; с. 178, рис. 15, *15*] [5]. Этой дате не противоречат и другие находки, в частности бусы (среди них много из бесцветного прозрачного стекла с внутренней позолотой, бисер из рубленого стекла и из египетского фаянса, глобоидальные стеклянные бусы, пирамидальные подвески, гагатовые ромбы и отрезки цилиндра) [30, табл. 5, *19*; 31, табл. 22, *29*, *30*; 26, *2*, *3*, 33, *29*, *71*], перстни, пряжка типа сюльгамы (дата последней подтверждается и комплексом могилы 168, см. ниже) [37, с. 104, 108, табл. XI, *8*; 38, с. 439, рис. 44, *16*; 39, с. 22, табл. 24, *66* и 35, *12—14*], железный ключ [6]. Итак, погребения II—VII совершены в течение конца II — начала I в. до н. э. Погребения IX и X, инвентарь которых, за исключением броши 90—38, маловыразителен (бусы не выходят за пределы I в. до н. э.), вряд ли намного позже, и в целом могила 90 может быть датирована второй половиной II — первой половиной I в. до н. э.

Такой дате соответствует и форма могилы 90. Ее овальный колодец и необычное положение камеры к югу от него указывают на то, что это погребальное сооружение является как бы переходной формой от ранних (конец III—II в. до н. э.) двухкамерных (могилы 1, 11, 34) склепов с широтными овальными колодцами и камерами к склепам с Т-образной планировкой.

Верхняя дата могилы 90 подтверждается и принадлежавшей предпоследнему скелету IX бронзовой брошью 90—38 (рис. 5, *14*). Игольный аппарат ее утрачен. Сохранился круглый обведенный пунсоном щиток с рельефным изображением всадника. Вероятно, брошь имела две иглы, как и аналогичные ей броши из второго Тавельского кургана [42, с. 92; 43, с. 37, 38, рис. 117; 44, с. 480, 484, табл. 265, *6*; 22, с. 31] и кургана у с. Соколово Днепропетровской области [8, с. 192—199, рис. 3, *2*]. Последняя брошь убедительно датирована В. И. Костенко по комплексу концом II — началом I в. до н. э. Изображение на щитке беляусской броши сохранилось лучше, чем на тавельской и соколовской. Всадник скачет на галопирующей лошади вправо. Конь, судя по пропорциям, пере-

---

[5] В других земляных склепах Беляуса (34, 61, 86) найдены аналогичные кольца того же времени.

[6] Железные и бронзовые ключи многочисленны в I—III вв. н. э. (см., например, [40, с. 127—133; 41, с. 60, 61]). Однако аналогичные ключи II—I вв. до н. э. найдены в беляусской могиле 27, а также в Артюховском кургане и Тарсе [34, с. 99, 100, рис. 35].

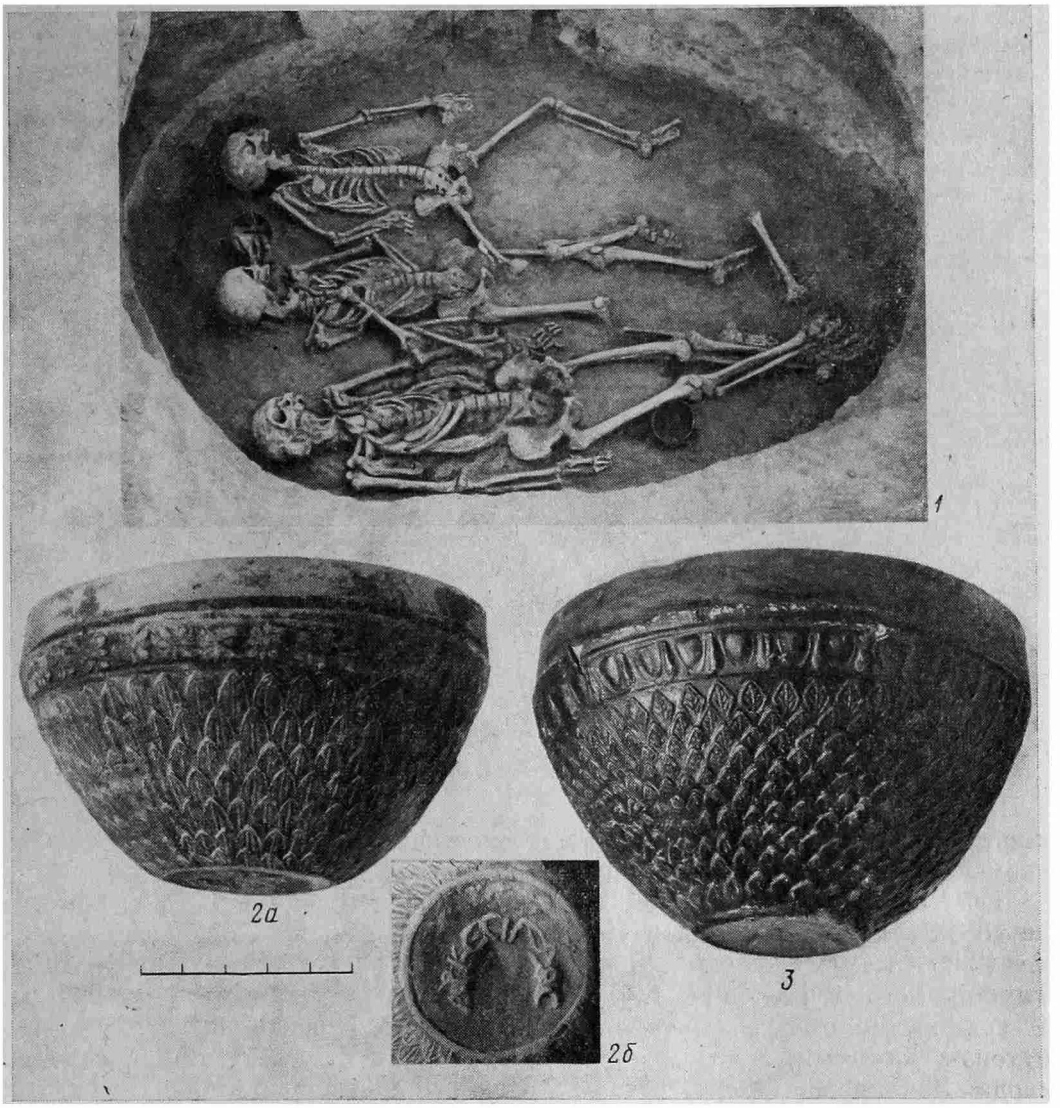


Рис. 6. Могила 168: *1* — погребальная камера; *2*, *3* — «мегарские» чаши

дает известную низкорослую степную породу с небольшой головой и массивной шеей. Туловище всадника слегка наклонено вперед. Его левая рука согнута и держит перед грудью уздечку, а в высоко поднятой правой зажато древко копья или дротика. На всаднике скифская остроконечная шапка, стянутый поясом кафтан и низкие сапожки (?). От пояса спускаются, вероятно, панцирные пластины, хотя таким же образом могут быть показаны и складки материи. Образ всадника был популярен в искусстве поздних скифов [45, 46, с. 56, прим. 4; 47, с. 187—189; 48, с. 180], как и в скифском искусстве предшествующего времени, и связан с религиозными представлениями [49, с. 5; 50, с. 107—109].

Фибула 90—12 (рис. 5, *13*) из погребения I могилы 90 — довольно обычная для Северного Причерноморья, бронзовая, среднелатенской схемы. Она небольшая (5,5 см) с шестивитковой пружиной на бронзовой оси и отдельной кольцевой скрепкой. Такие образцы относят, исходя из хронологии латена на Западе, к позднему этапу развития скрепленных фибул [51, с. 107—118, 483—485; 52, с. 88, рис. 21; 53, с. 244—246; 22, с. 13]. Однако, как известно, четко разработанная европейскими учеными относительная хронология латенских древностей не имеет или почти не имеет надежных абсолютных дат, и они могут изменяться в зависимости от новых хорошо датированных находок. В этом плане велико значение северопричерноморских комплексов, где фибулы среднелатенской схемы встречаются вместе с античными вещами. Фибула 90—12, датированная второй половиной II в. до н. э. (может быть, ближе к его

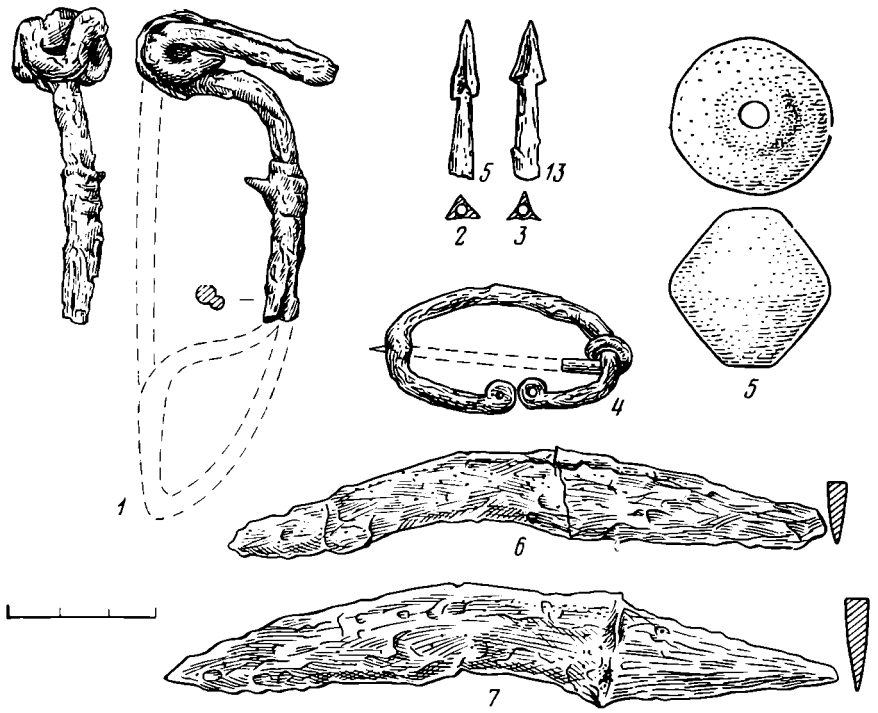


Рис. 7. Вещи из могилы 168: *1—4*, *6*, *7* — железо; *5* — глина

концу), представляется одной из наиболее ранних фибул среднелатенской схемы в Северном Причерноморье.

Еще одна фибула с такой же датой была найдена в 1979 г. в могиле 168. Этот земляной склеп (рис. 6, *1*) имеет широкий овальный в плане (2,05×1,45 м) входной колодец, вытянутый по линии ЮЮЗ — ССВ. Глубина его в материке 1,50 м. Ко дну колодец сужается до 0,85 м. В южной его стенке вырублены две ступени. Колодец был плотно забутован камнями, часть которых провалилась в камеру при обвале ее свода. Закладные плиты, которых было две, остались стоять на месте, одна из другой. Первая из них (0,80×0,60×0,12 м) установлена в небольшой выемке. Дно камеры на 0,50 м ниже дна входного колодца.

Площадь камеры 2,25×1,70 м. Восточная часть ее несколько шире западной, что соответствует восточной ориентировке погребенных. Реконструируемая высота свода 1,30 м. В камере были похоронены три человека, в вытянутом положении на спине. У северной стенки лежал скелет I (мужчина 30—40 лет) с руками вдоль туловища и скрещенными в голенях ногами. На его груди оказалась баранья лопатка, а у черепа — железный нож (рис. 7, *6*). Под правой голенью и у локтя левой руки найдено по железной втульчатой трехлопастной стреле (рис. 7, *2*, *3*), у правого бедра стояла сероглиняная с черным покрытием «мегарская» чаша (рис. 6, *2*) делосского производства [54, табл. 10, *5021*]. Она украшена фризом из восьмилепестковых розеток и мелкими чешуйчатыми листочками по тулову; на две — выпуклое клеймо: ΑΡΚΕCΙΛΑΟC (ср. [55, с. 197—199, рис. *1*, *8*]). На чаше снаружи — след железного ножа. Скелет II (женщина 50—60 лет) занимал среднюю часть камеры. Правая рука его была вытянута вдоль туловища, а левая согнута в локте, и кисть ее лежала на животе. Ноги параллельны. При совершении последующего погребения скелет II был слегка сдвинут: смещенными оказались правые голень, плечевая и локтевая кости. При этом сдвинутые кости руки надвинулись на руку скелета I, не нарушив ее анатомического порядка. На шее скелета II найдены бусы: мелкие стеклянные с внутренней позолотой и сердоликовые овальные. У левого локтя лежало глиняное биконическое пряслице (рис. 7, *5*), на поясе — железная пряжка типа сюльгамы (рис. 7, *4*), а на левой стороне груди — железная среднелатенская фибула 168—7 (рис. 7, *1*). Вероятно, именно

этому погребению принадлежала еще одна «мегарская» чаша (рис. 6, *3*), стоявшая между черепами скелетов II и III. Чаша сероглиняная, с фризом из овов и чешуйчатыми листиками по тулову. В ней находились баранья лопатка и нож (рис. 7, *7*). Последний скелет III (женщина 17—20 лет) занимал южную часть камеры, перед входом. Левая его рука выпрямлена и отведена от туловища, а правая согнута в локте, кисть ее у правого бедра. При погребении ноги покойника были согнуты коленями вверх и в дальнейшем распались ромбом, причем правая нога перекрыла кости скелета II. Скелету III принадлежали только бусы. Они найдены в области шеи, и набор их идентичен ожерелью скелета II.

Рассмотренные погребения совершены последовательно, судя по некоторому смещению костей скелета II. Однако произошло это в узкий отрезок времени, порядка 10 лет, и отражения в инвентаре не нашло. Этому выводу соответствует и небольшое число погребенных (беляусские склепы таких и даже меньших размеров обычно содержат 8—12 костяков), и тот факт, что к моменту последнего захоронения мягкие ткани предыдущих покойников полностью истлеть не успели. В противном случае при сдвигании анатомический порядок скелета II был бы нарушен гораздо сильнее, а у скелета I должны были бы как минимум сместиться кости левой руки. Эти обстоятельства способствуют уточнению даты склепа. «Мегарские» чаши, как известно, датируются в основном II в. до н. э., причем такая дата находит все новые подтверждения [56, с. 105]. Фибула могла бы указывать на то, что художественные сосуды попали в могилу несколько позже времени их бытования. Однако этому противоречат железные втульчатые стрелы, в Северном Причерноморье позднее конца II — начала I в. до н. э. не встречающиеся [57, с. 145, прим. 11]. Таким образом, могила 168 в целом и интересующая нас фибула в частности относятся ко II в. до н. э., вероятно, ближе к его концу.

Фибула 168—7 поломана: утрачены игла, приемник и нижняя часть дужки. Головка четырехвитковая, с очень длинной (3,5 см) передней тетивой[7]. Дужка согнута у головки под прямым углом, и, вероятно, так же был выполнен переход к приемнику. Фибула относится к надвязным: сохранился конец ножки, четырежды обвитый вокруг дужки. Длина уцелевшей части фибулы 6,3 см. Учитывая обычные пропорции фибул среднелатенской схемы, можно предполагать, что наш экземпляр был довольно крупным — не менее 10 см. Изгиб дужки, характер завязки и крупные размеры сближают нашу фибулу с неапольским вариантом надвязных фибул среднелатенской схемы [22, с. 22]. Необычны только короткая пружина и материал (все известные до сих пор экземпляры — бронзовые), в раннее время традиции производства таких фибул еще не сложились.

Мы рассмотрели две фибулы среднелатенской схемы с весьма ранними датами. Кроме того, раскопки Беляусского могильника дали еще семь скрепленных и три надвязные фибулы, датированные концом II в. до н. э. или концом II — началом I в. до н. э. [5, с. 197—200, 212, № 34—41, 38—28, 44 и 73, 39—22, 61—21, 22 и 43, 64—18, 77—8]. Еще четыре фибулы с такими же датами найдены в некрополе Ольвии, марицынском кургане $О_3$ и в кургане близ Знаменского городища [22, с. 21, № 1, 3, 6, 7]. Следовательно, в настоящее время имеется 16 фибул среднелатенской схемы, происходящих из разных мест Северного Причерноморья и позволяющих предполагать их несколько более раннее появление здесь (ср. [5, с. 200]), чем это казалось до сих пор.

Однако вернемся к комплексу могилы 90, где не рассмотрена еще одна фибула — 90—24 (рис. *5*, 16), бронзовая, проволочная раннелатенской схемы, датирующаяся концом II — началом I в. до н. э. Шестивитковая (вместо четырехвитковой) пружина на бронзовой оси и круглопроволочная (вместо пластинчатой) дужка незначительно отличают этот

[7] Интересно, что единственная беляусская железная скрепленная фибула [5, рис. 2, *5*] также имеет очень длинную тетиву.

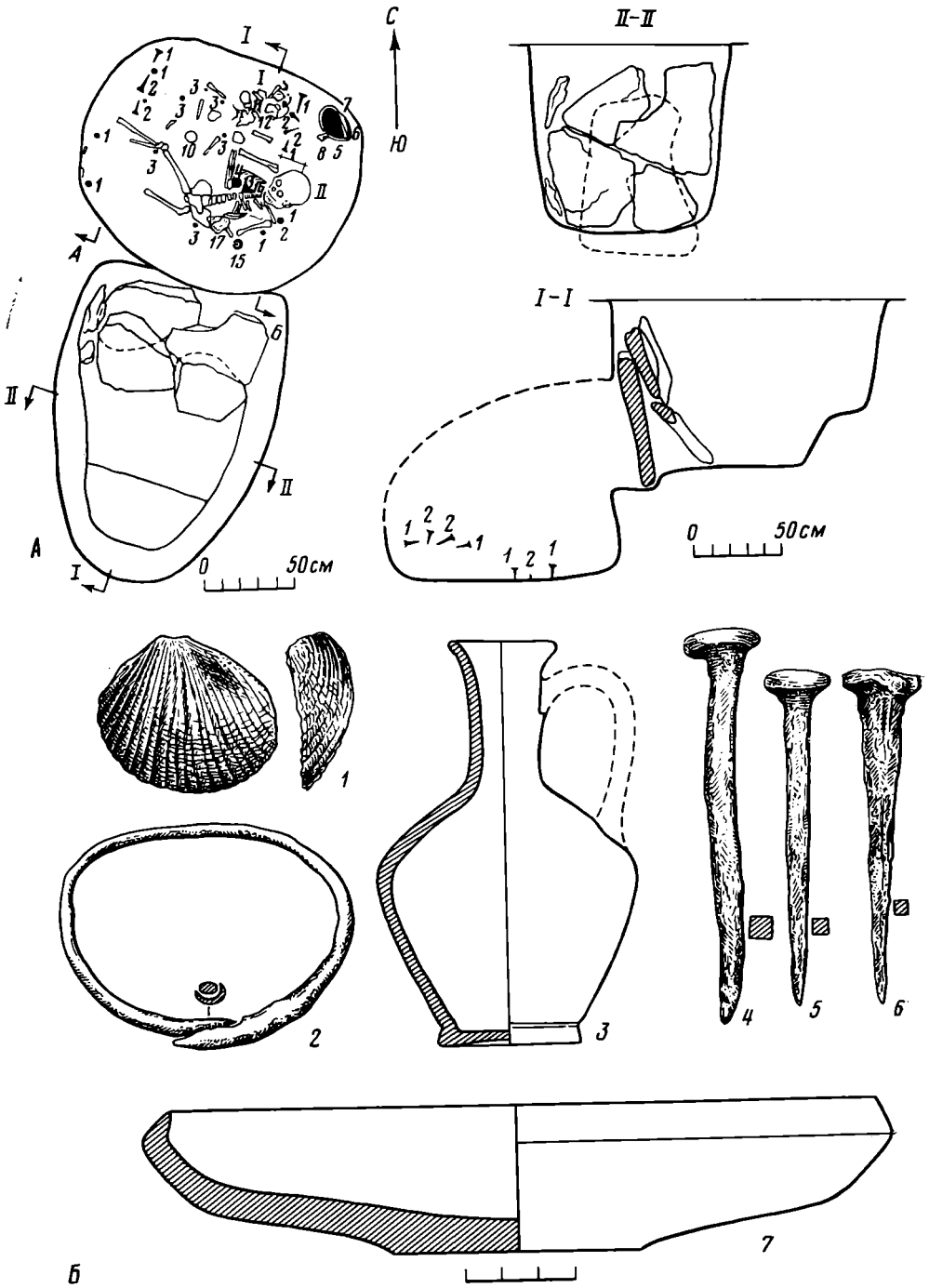


Рис. 8. Могила 156. *А* — план и разрезы: *1* — гвоздь железный; *2* — гвоздь бронзовый; *3* — бляшка золотая; *4* — бусы гагатовые; *5* — миска гончарная; *6* — нож; *7*, *8* — кость ноги и челюсть барана; *9* — скарабей; *10* — браслет; *11* — бусы стеклянные; *12* — пронизи серебряные; *13* — край миски гончарной; *14* — фибула-брошь с серебряным щитком; *15* — лекиф буролаковый; *16* — украшение серебряное из трех колечек; *17* — кость ноги лошади. *Б* — инвентарь погребений: *1* — раковина; *2* — браслет бронзовый; *3* — лекиф буролаковый; *4—6* — гвозди, бронзовые и железный; *7* — блюдо гончарное светлоглиняное

экземпляр от подобных фибул, известных, кроме Беляусского могильника, в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее и Месембрии [58, с. 70, рис. 1, *5—10*; 22, с. 21, № 8, 10—13, 16, 17, 23; 59, с. 134—136, 144—146, обр. 7, 16б; 5, с. 195—197, рис. 1]. Прочие же детали фибулы 90—24 обычны для этого типа: пластинчатый свободный конец ножки, небольшие размеры (4 см), прямоугольная форма корпуса и приемник в виде

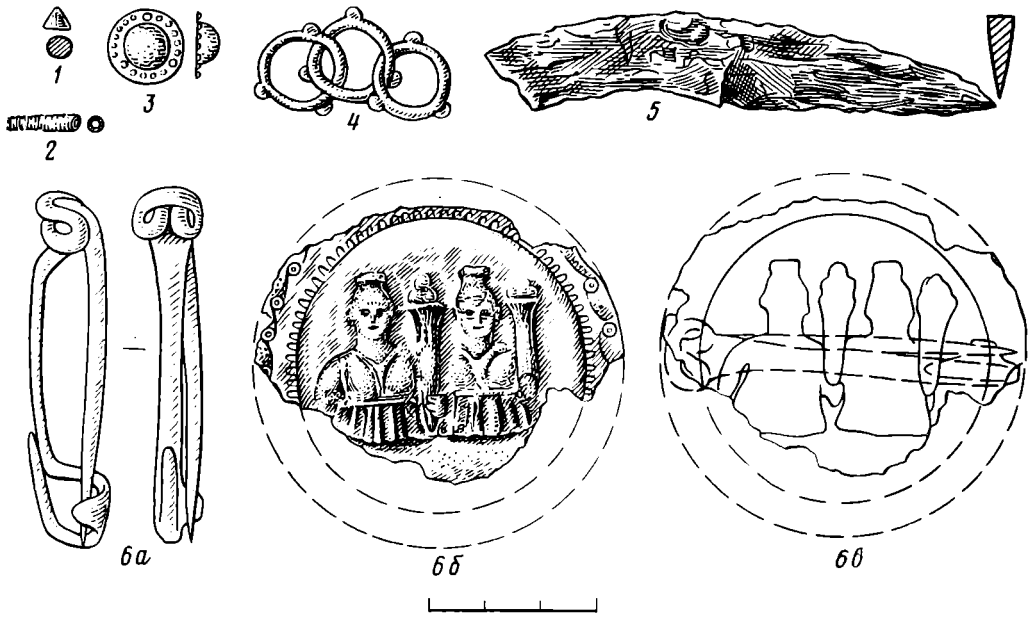


Рис. 9. Вещи из могилы 156: *1* — реальгар; *2, 4, 6б* — серебро; *3* — золото; *5* — железо; *6а* — бронза; *6в* — серебро и бронза (схема)

язычка-выступа. Такие фибулы иногда встречаются под щитками брошей. Таковы обе болгарские находки [59, с. 135, 139, 145, обр. 7, 11, 16б] и уже опубликованная брошь из беляусской могилы 17 [5, рис. 8, *7*]. В 1979 г. в могиле 156 найдена еще одна брошь с подобным игольным аппаратом.

Могила 156 — небольшой земляной склеп (рис. 8, *А*). Входной колодец ориентирован ЮЮЗ—ССВ. Длина его 1,75 м, средняя ширина на поверхности материка 1,20 м; ко дну (глубина в материке 1 м) он сужается до 0,85 м. Колодец был чрезвычайно плотно забутован крупными камнями. Заклад состоял из трех рядов плит. Непосредственно закрывала вход плита размером 0,75×0,60×0,12 м, установленная на ступеньке глубиной 0,10 м и шириной 0,28 м, сделанной, возможно, для увеличения входного отверстия. Второй и третий ряды состояли соответственно из двух и трех несколько меньших плит. Дно камеры на 0,60 м ниже дна входного колодца.

Размеры камеры невелики (1,50×1,30 м, реконструируемая высота свода 1,05 м), и она явно не предназначалась для погребения взрослых людей. В камере оказалось всего два покойника, оба с восточной ориентацией и в деревянных гробах, сбитых бронзовыми и железными гвоздями (рис. 8, *Б*, *4—6*).

У северной стенки камеры помещался гроб погребения I. По расположению гвоздей (с остатками дерева) длина гроба 0,90 м, а ширина 0,40 м. Всего обнаружено восемь гвоздей: четыре в изголовье и четыре в изножье. В изголовье в среднюю часть крышки вбиты два бронзовых гвоздя, а по бокам гроба, на 0,04 м ниже, в горизонтальном положении — два железных гвоздя. В изножье чередование гвоздей иное: бронзовый и железный вбиты в среднюю часть крышки, и такая же пара — по бокам гроба. Шляпки вертикальных гвоздей находились на 0,25 м выше дна могилы. За изголовьем, вне гроба, найдена светлоглиняная слабого обжига гончарная тарелка (рис. 8, *Б*, *7*). Она стояла на боку, и в ней были железный нож (рис. 9, *5*), челюсть и нога барана. В гробу лежал плохо сохранившийся скелет ребенка трех-четырех лет. Возле его черепа найдены раковина сердцевидка (Cerastoderma clodiese Renier — рис. 8, *Б*, *1*), скарабей и бугристая бусина из египетского фаянса, на шее — стеклянные бусы (рис. 10, *4*) и две тонкие серебряные пронизи (рис. 9, *2*). Под черепом оказалось скопление мелких кусочков реальгара правильной конусовидной формы (рис. 9, *1*), а на левой руке —

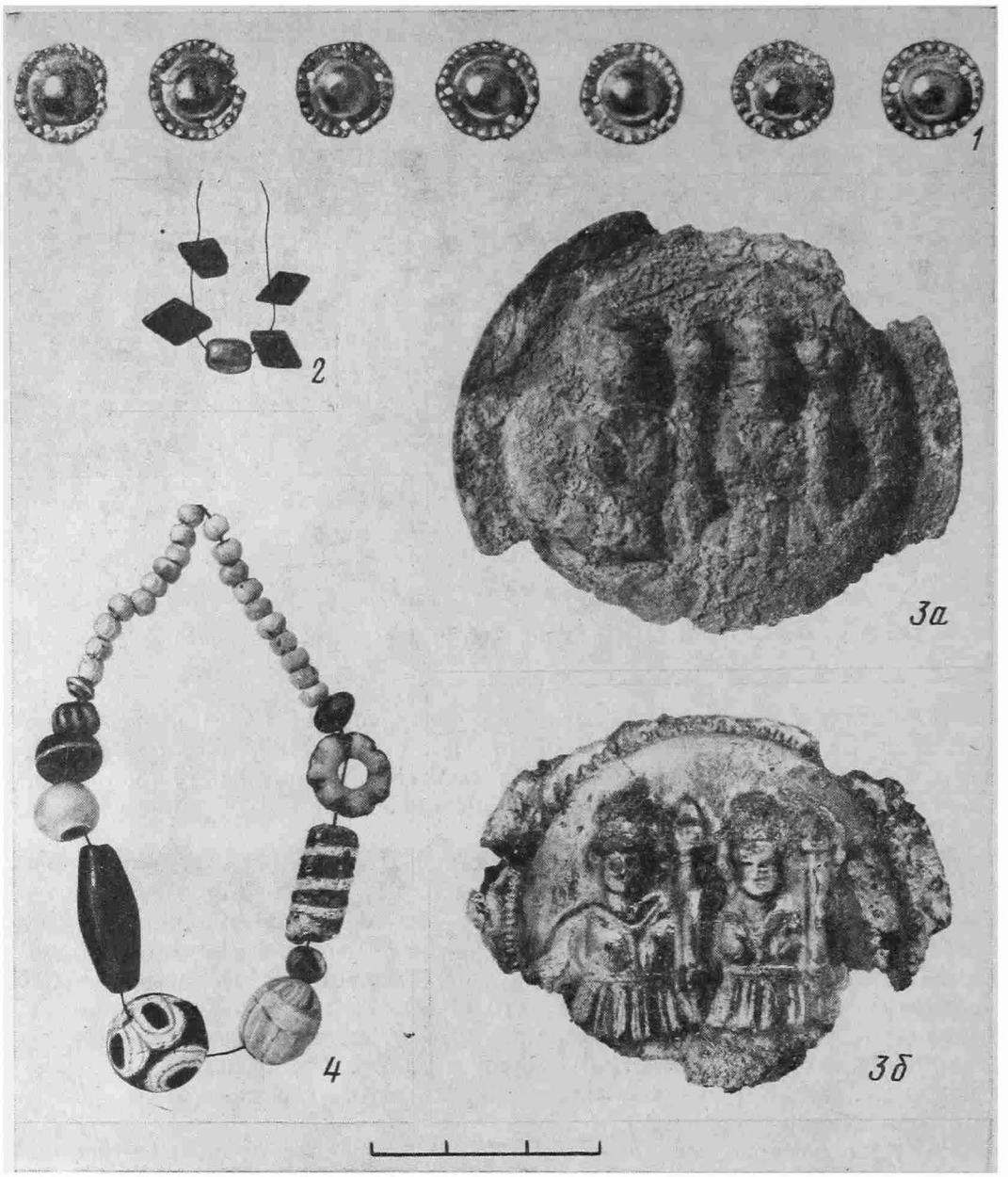


Рис. 10. Вещи из могилы 156: *1* — золотые бляшки; *2* — бусы из гагата и сердолика; *3* — серебряный щиток фибулы-броши с двойным изображением богини Тихе (*а* — до расчистки; *б* — после расчистки); *4* — бусы стеклянные (овальная крупная — из синего прозрачного стекла), скарабей и рубчатая бусина из желтого и зеленоватого египетского фаянса

бронзовый браслет (рис. 8, *Б*, *2*). В погребении найдены также пять золотых умбоновидных бляшек (рис. 9, *3*; 10, *1*): две у правой бедренной кости и по одной — слева от таза, в ногах и в изножье гроба.

Погребение II располагалось несколько южнее середины камеры. В ногах, как бы по углам гроба, найдены в вертикальном положении два железных гвоздя. В изголовье, в том же положении, по дуге расположены три гвоздя: железный, бронзовый, железный. Длина гроба, судя по гвоздям, 1,15 м. Интересно, что череп покойника, левая ключица, правые рука и нога оказались за линией гвоздей. Создается впечатление, что покойник был положен поверх тесного для него гроба или каких-то носилок. Здесь была похоронена девушка 15—17 лет, очень маленького роста (не более 1,30 м). Скелет лежал на спине, руки согнуты в локтях, кисти — на животе. Ноги, чтобы уместить их в камере, были отведены вправо. Поверх левой руки лежала бедренная кость ло-

шади, а у левого локтя стоял маленький сероглиняный узкогорлый кувшинчик типа лекифа со следами отбитой ручки, покрытый красновато-бурым лаком (рис. 8, *Б, 3*). На шее найдены сердоликовая бусина и несколько гагатовых ромбических бусин-разделителей (рис. 10, *2*). Тут же находилось серебряное украшение из трех продетых одно в другое колечек — каждое с тремя небольшими выступами (рис. 9, *4*). Две золотые умбоновидные бляшки (рис. 9, *3*; 10, *1*), аналогичные найденным в погребении 1, лежали у правого колена и слева от таза. Справа от середины позвоночника, под запястьем правой руки, находилась фибула-брошь 156—20 (рис. 9, *6*; 10, *3*) с круглым выпуклым серебряным щитком и бронзовым игольным аппаратом[8]. На щитке (его диаметр 6,6 см) в высоком рельефе выполнены два одинаковых изображения Тихе в чашевидном калафе и с рогом изобилия в левой руке. Плоский край щитка покрыт гравировкой в виде мелких овов вокруг выпуклой части броши и волн, промежутки между вершинами которых заполнены точками. Игольный аппарат броши — обычная проволочная фибула со свободным концом ножки (ср. [5, рис. 1]). Это самый крупный экземпляр (длина 6,5 см) из всех известных. Фибула припаяна к щитку за дужку и конец ножки, горизонтально по отношению к рельефу. На одежде же покойника фибула располагалась вертикально, головкой вверх. Двойное изображение богини судьбы Тихе весьма интересно. Его можно сравнить с двойными изображениями: Фортуны из святилища в Антиуме [60, рис. 7] и Немесиды в эдикуле из Том [61, с. 137, рис. 17].

Могила 156 датируется концом II — началом I в. до н. э. Наиболее определенно на эту дату указывает буролаковый лекиф, находящий полную аналогию в одном из наиболее ранних погребений мавзолея Неаполя скифского [62, табл. XX, *1*; 9, с. 113, 191, 192, рис. 13, *3*]. Не противоречат такой дате бусы, а также золотые умбоновидные бляшки, большое число каковых известно в мавзолее Неаполя в погребениях конца II—I в. до н. э. [61, табл. XXII, *3, 8*; XXIII, *3—7* и др.,; 9, с. 139]. Интересно, что украшение из трех соединенных колечек восходит к прототипам IV—III вв. до н. э. [63, с. 183 сл., рис. 57, *4*].

Таким образом, еще две проволочные фибулы со свободным концом ножки подтверждают предложенную для этого типа дату [5, с. 196, 197]. Можно допустить, что некоторые беляусские фибулы данного типа, в частности найденные в недифференцированных комплексах с керамикой II в. до н. э., окажутся несколько древнее конца II — начала I в. до н. э. Однако нет никаких оснований для значительного удревнения этой даты, как это сделано для упоминавшихся болгарских находок. И. Фрел пересмотрел опубликованные И. Гылыбовым золотые вещи из Месембрии и предположительно датировал их серединой III в. до н. э., полагая, что эту дату можно будет еще удревнить [64, с. 68, 69]. При этом одним из оснований для такой датировки послужили фибулы со свободным концом ножки, соединенные с массивными золотыми щитками и воспринятые как раннелатенские не только по схеме, но и по времени. Однако болгарские фибулы, при редкости типа и абсолютном сходстве с северопричерноморскими, не могут далеко отстоять от них хронологически, а следовательно, и служить доказательством ранней даты золотых вещей [5, с. 196, 197][9]. К тому же принятые названия схем латенских фибул, как известно, не совпадают с их действительной хронологией [51, с. 107; 65, с. 20, 21; 22, с. 13], и рассмотренные фибулы — яркий тому пример.

---

[8] Реставрация выполнена А. В. Григорьевым в лаборатории ИА АН СССР.

[9] В принципе такая дата возможна, так как золотые художественные щитки могли быть переделаны в броши гораздо позднее.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашевская О. Д.* Два склепа Беляусского могильника.— КСИА, 1969, вып. 119.
2. *Дашевская О. Д.* Каменные склепы Беляусского могильника.— КСИА, 1976, вып. 145.
3. *Дашевская О. Д.* Земляной склеп на Беляусе.— КСИА, 1980, вып. 162.
4. *Дашевская О. Д.* О скифских курильницах.— СА, 1980, № 1.
5. *Михлин Б. Ю.* Фибулы Беляусского могильника.— СА, 1980, № 3.
6. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Старченко Е. В.* Раскопки городища и некрополя Беляус.— АО — 1976. М., 1977.
7. *Николаева Э. А.* Раскопки городища Кепы в 1964 г.— КСИА, 1967, вып. 109.
8. *Костенко В. И.* Наиболее ранние сарматские погребения в бассейне Орели и Самары.— СА, 1979. № 4.
9. *Погребова Н. Н.* Погребения в мавзолее Неаполя скифского.— МИА, 1961, № 96.
10. *Сымонович Э. А.* Фибулы Неаполя скифского.— СА, 1963, № 4.
11. *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1975 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 6476.
12. *Погребова Н. Н.* Погребение в земляном валу акрополя Каменского городища.— КСИИМК, 1956, вып. 63.
13. *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре.— МИА, 1958, № 64.
14. *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1969 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4256.
15. *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1970 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4291.
16. *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1971 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 4659.
17. *Дашевская О. Д.* Отчет о работе Донузлавской экспедиции ИА АН СССР и ЕКМ в 1974 г. Архив ИА АН СССР, р-1, № 5824.
18. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
19. *Книпович Т. Н.* Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции в 1935—1940 гг.— МИА, 1952, № 25.
20. *Дашевская О. Д.* Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 годах.— КСОГАМ 1962 г. Одесса, 1964.
21. *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. Харьков: Харьковск. гос. ун-т, 1970.
22. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ. Вып. Д1-30. М., 1966.
23. *Almgren O.* Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Stockholm, 1897.
24. *Калитинский А. П.* О некоторых формах фибулы из Южной России.— В кн.: Seminarium Kondakovianum, V. 1. Prague, 1927.
25. *Скалон К. М.* Золотая фибула из г. Дебальцево.— АСб. ГЭ, 1971, вып. 13.
26. ОАК за 1903 г. Спб., 1906.
27. *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4.
28. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ. Вып. Д1-10. М., 1963.
29. *Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Михлин Б. Ю., Старченко Е. В.* Раскопки на Беляусе.— АО — 1975. М., 1976.
30. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ. Вып. Г1-12. М., 1975.
31. *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ. Вып. Г1-12. М., 1978.
32. *Белов Г. Д.* Эллинистический дом в Херсонесе.— ТГЭ, 1962, т. VII.
33. *Максимова М. И.* О дате Артюховского кургана.— СА, 1960, № 3.
34. *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л.: Искусство, 1979.
35. *Дашевская О. Д.* Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ Крыма.— МИА, 1958, № 64.
36. *Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 годах.— МИА, 1956, № 57.
37. *Граков Б. Н.* Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36.
38. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
39. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.— САИ. Вып. Д1-31. М., 1965.
40. *Третесский Н.* О древних херсонесских замках и ключах.— ИАК, СПб., 1911, вып. 42.
41. *Battke H.* Die Ringsammlung des Berliner Schlossmuseums. B., 1938.
42. Протоколы заседаний ТУАК. Заседание 4 ноября 1900 г.— ИТУАК, 1901, вып. 31.
43. ОАК за 1897 г. Спб., 1900.
44. *Posta B.* Archäologische Studien auf russischem Boden. B. II. Budapest — Leipzig, 1905.
45. *Веселовский Н. И.* Скифский всадник.— ИТУАК, 1891, вып. 14.
46. *Шульц П. Н.* Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака.— КСИИМК, 1946, вып. 12.
47. *Дашевская О. Д.* Искусство поздних скифов в Крыму.— В кн.: История искусства народов СССР. Т. I. М.: Изобразительное искусство, 1971.

48. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
49. *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, 1913, вып. 49.
50. *Кузьмина Е. Е.* Конь в религии и искусстве саков и скифов.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев: Наук. думка, 1977.
51. *Filip J.* Keltové ve Stredni Evropě. Praha, 1956.
52. *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
53. *Hachmann R.* Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung im nördlichen Mitteleuropa und im Skandinavien.— 41 Bericht der RGK 1960. B., 1961.
54. *Laumonier A.* La céramique hellénistique à reliefs.— In: Exploration archéologique de Délos. Fasc. XXXI. P., 1978.
55. *Досева Н. М.* Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре.— МИА, 1962, № 103.
56. *Усачева О. Н.* Рельефная керамика из Кеп.— КСИА, 1978, вып. 156.
57. *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе.— ПСА, М., 1971 (МИА, № 177).
58. *Фурманська А. І.* Фібули з розкопок Ольвії.— Археологія, 1953, т. VIII.
59. *Гълъбов И.* Каменни гробници от Несебър.— В кн.: Гаврил Кацаров. Ч. II: ИАИ БАН, София, 1955, кн. XIX.
60. *Latte K.* Römische Religionsgeschichte. München, 1960.
61. *Canarache V., Radulescu A., Aricescu A., Barbu V.* Le dépôt des monuments sculptureaux récemment découverts à Constanta.— In: Acta antiqua philippopolitana. Studia archaeologica. Serdicae, 1963.
62. *Шульц П. Н.* Мавзолей Неаполя скифского. М.: Искусство, 1953.
63. *Мелюкова А. И.* Поселение и могильник скифского времени у села Николаевка. М.: Наука, 1975.
64. *Frel J.* Observations sur les bijoux hellénistiques de Messambria.— In: Acta antiqua philippopolitana. Studia archaeologica. Serdicae, 1963.
65. *Мачинский Д. А.* О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой и одновременных ей культур.— КСИА, 1963, вып. 94.

O. D. Dashevskaya, B. Yu. Mikhlin

FOUR COMPLEXES WITH FIBULAE FROM THE BELYAUS BURIAL GROUND

Summary

The authors publish materials from four late Scythians T-shaped ground burial vaults (burials 90, 117, 156 and 168) of the Belyaus burial ground where bow fibulae and brooches which add substantially to our knowledge of this category of ornaments were found. The dating of the burials: burial 117 (eight skeletons) — 1st century B. C.-1st century A. D.; burial 90 (ten skeletons) — second half of the 2nd-first half of the 1st centuries B. C.; burial 156 (two skeletons) — end of the 2nd-early 1st centuries B. C.; burial 168 (three skeletons) — 2nd century B. C.

Numerous grave goods and strict succession of the burials date all the fibulae within narrow periods. Fibula 117-4 (Fig. 1B, *1*; first half of the 1st century B. C.) and the pin of brooch 90-35 (Fig. 5, *15*; end of the 2nd-early 1st centuries B. C.) have tucked-in legs. They may be compared, for the purpose of dating, with fibulae of the Lebyazhye series. This also confirms the current hypothesis on the origin of the catch-plate construction. Early dates are established for two fibulae of the middle La Tène type: fibula 90-12 shown in Fig. 5, *13* is dated back to the second half of the 2nd century B. C., while fibula 168-7, shown in Fig. 7, *1* — to the 2nd century B. C., probably to its end. Thus, there are 16 fibulae of the middle La Tène type which presupposes their earlier appearance on the Northern Black Sea coast that it was considered before. A fibula of the early La Tène type, 90-24, shown in Fig. 5, *16* dated to the end of the 2nd-early 1st century B. C. is a rare find. The same date is applied to the unique brooch with a twin representation of Tyukhe and a pin in the shape of a similar fibula (Figs. 9, *6*; 10, *1*). A bronze brooch representing a rider, a subject connected with religious ideas of the Scythians, shown in Fig. 5, *14* is very interesting.

МИХАЙЛОВ С. П., СТАНЮКОВИЧ А. К.

ГОЛОСНИК ИЗ СОБОРА ИВАНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ В ПСКОВЕ

(к вопросу о дате собора)

Собор Иоанно-Предтеченского Рождественского монастыря на Завеличье в Пскове впервые упомянут в летописях под 1243 г.: «(6751 г.) Того же лѣта, мѣсяца маія въ 18 день на память святаго мученика Александра, явися знаменіе въ Псковѣ у святаго Іоана въ монастыри отъ иконы святаго Спаса, надъ гробомъ великіе княгини Ярославли Володимеровича...» [1, с. 182].

Церковное предание, положившее основу традиционной датировке собора, связывает его строительство именно с деятельностью упомянутой княгини Евфросиньи Рогволдовны, якобы ставшей первой настоятельницей монастыря около 1240 г. [2, с. 14], однако еще в начале XX в. встал вопрос о несостоятельности такой датировки. Так, А. И. Некрасов, основываясь на конструктивных и композиционных особенностях храма и его сходстве с Николо-Дворищенским собором в Новгороде, построенным в 1113 г. князем Мстиславом Владимировичем, считал собор также княжеской постройкой, выполненной новгородскими мастерами до «эпохи мастера Петра», т. е. в период с 1113 по 1117 г. [2, с. 14—19]. Правомерность отнесения Ивановского собора к новгородской архитектурной школе XII в. в настоящее время не вызывает сомнений [3, 4]. Небольшие по объему раскопки В. Д. Белецкого в диаконнике храма позволили по облику и пропорциям плинф поставить храм в один ряд с новгородскими княжескими постройками первой трети XII в.— соборами Юрьева (1119 г.) и Антониева (1117—1119 гг.) монастырей и церковью Иоанна на Опоках (1127 г.) [5, 6]. Однако до настоящего времени спорным является вопрос, следует ли датировать собор первой половиной XII в. или же серединой — концом XII в. [7, с. 46—62; 8; 9].

В настоящей работе мы попытаемся привлечь для уточнения даты собора некоторые материалы, полученные в процессе исследований, проведенных в 1973—1980 гг. Псковскими архитектурно-реставрационными мастерскими.

При расчистке парусов центрального барабана собора были открыты 12 голосников, находящихся в кладке, по три голосника в каждом парусе. Из них 11 представляют собой кувшинообразные сосуды высотой около 50 и диаметром тулова до 35 см, с плоским дном и слабо отогнутым наружу венчиком. Поверхность черепка коричневато-красная, в изломе почти черная, в тесте заметна примесь дресвы — толченого гранита. В силу недостаточной разработанности типологии псковской строительной керамики и малых различий керамического теста Пскова на протяжении XI—XIV вв. [10, с. 6] для указанных голосников мы можем констатировать лишь местное изготовление [11, с. 126—142].

С точки зрения уточнения датировки собора наибольший интерес представляет 12-й голосник, нижний в юго-восточном парусе,— вмурованная горлом в толщу кладки и отбитым дном заподлицо плоскости паруса красноглиняная бороздчатая амфора (рис. 1). Амфора имеет вытянутую веретенообразную форму с расширением в верхней части тулова, узкое (4 см) и короткое горло, воронковидный отогнутый венчик

без утолщения у среза[1], ее сохранившаяся высота около 56 см, максимальный диаметр 24 см, диаметр в придонной части 9,5 см, толщина стенки у дна 0,8 см. Внешняя поверхность, по крайней мере в придонной части, бороздчатая — наблюдается неглубокое пологое рифление с шагом 0,8—0,9 см, глубина борозд не более 0,2 см. Тесто амфоры оранжево-коричневое, хорошо отмученное, слегка пористое, с небольшой примесью зерен и пластин полевого шпата.

Известны и другие случаи использования амфор в качестве голосников в древнерусских храмах. В основном это постройки XI—XII вв.: Успенский собор Киево-Печерского монастыря 1073—1089 гг. (амфоры с глубоким рифлением) [12, с. 123, рис. 16], Благовещенский собор 1186 г. и Пятницкая церковь XII — начала XIII в. в Чернигове (грушевидная желобчатая амфора с дуговидными ручками) [13, с. 77, рис. 42], храм Мстислава 1160 г. во Владимире-Волынском (две бороздчатых веретенообразных амфоры с высоким горлом и вытянутыми ручками) [14, с. 111, рис. 68, *8*; 15, с. 106, рис. 62], храм в Переяславле-Хмельницком (грушевидная бороздчатая амфора с дуговидными ручками) [14, с. 113].

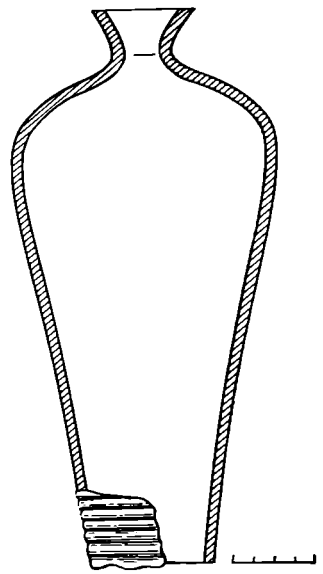


Рис. 1. Амфора-голосник из Ивановского собора (реконструкция по промерам внутренней полости)

Амфора-голосник Ивановского собора занимает промежуточное место между выделенными А. Л. Якобсоном типами причерноморских бороздчатых веретенообразных амфор с высоким горлом и вытянутыми вверх ручками и грушевидными амфорами с дуговидными ручками [14, с. 103—113]. Амфоры первого типа, генетически связанные с яйцевидными амфорами IX—X вв. [14, с. 103—107, рис. 56—58], широко бытуют начиная с XI в. в Херсонесе, Эски-Кермене, Саркеле [14, с. 107; 16, рис. 31, *5*], Тмутаракани [17, с. 49—53, рис. 30]. В XI—XII вв. они распространены на территории Древней Руси и Прибалтики [18; 19, с. 101—104, рис. 34, 2, 19]. В XII в. этот тип начинает постепенно вытесняться широкими грушевидными круглодонными амфорами с дуговидными ручками, коротким, почти невыраженным горлом; их поверхность всегда бороздчатая, рифление неглубокое и пологое [14, с. 111—113, рис. 69, *1*]. В предмонгольское время это, по-видимому, единственный причерноморский тип, бытующий на Руси [20, рис. 34, *5*; 21; 22, с. 114, рис. 49, *1*].

Амфора Ивановского собора имеет особенности, присущие как веретенообразным амфорам XI—XII вв. (вытянутое тулово, пропорции), так и грушевидным амфорам XII—XIII вв. (короткое узкое горло). Можно предположить, что амфора не только типологически, но и хронологически занимает промежуточное место. Это подтверждает амфора с надписью из Старой Рязани, относящаяся, судя по всему, к этому же типу. Стратиграфически и палеографически она датируется концом XI — первой половиной XII в. [23, с. 187—188] и никак не позднее середины XII в. [24, с. 151].

Таким образом, псковскую амфору этого типа также следует предварительно отнести к первой половине — середине XII в.

Попытаемся проверить и уточнить такую датировку, исходя из вероятности попадания амфорной тары на северо-западную Русь в то или иное десятилетие XI—XIII вв., с помощью полученного Е. А. Рыбиной стратиграфического распределения фрагментов амфор в культурном слое

[1] Промеры и органолептическое исследование амфоры были возможны лишь с ее внутренней поверхности, поэтому о некоторых ее особенностях мы можем судить лишь приблизительно.

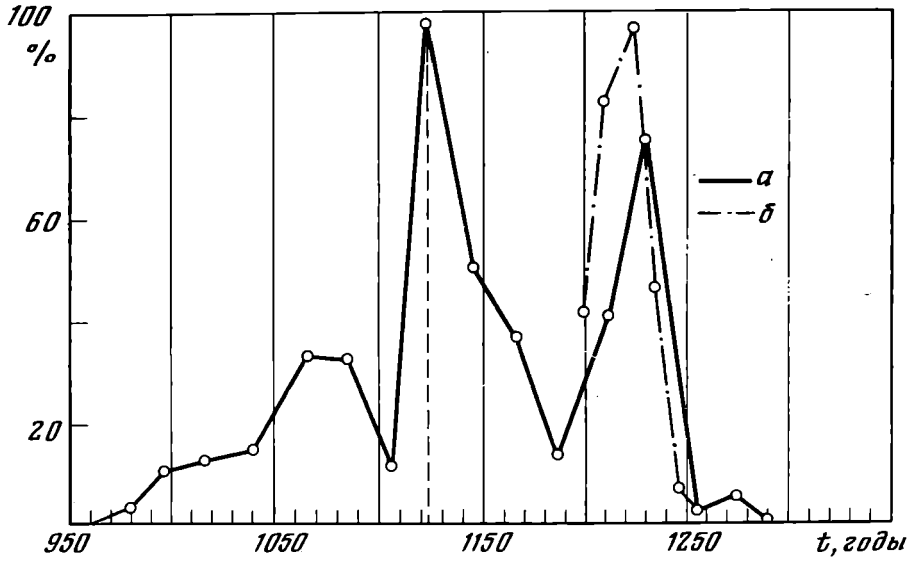


Рис. 2. Частота выпадения (%) амфорных фрагментов в культурный слой Новгорода (*а*) и Полоцка (*б*)

Новгорода [25, табл. на с. 160 и рис. 2]. На рис. 2 приведены графики частоты выпадения фрагментов в слой[2] в период с 950 по 1300 г. для Новгорода и в период с 1200 по 1300 г. для Полоцка [26, с. 53, 55]. При рассмотрении графиков мы можем отметить максимумы частоты выпадения в периоды с 1060 по 1080 г., с 1120 по 1150 г. и в 1210—1230 гг., а также минимумы в конце XI — начале XII в. и в конце XII — начале XIII в. Окончательно аморфные обломки из слоя исчезают в 1240-х годах[3].

Наиболее вероятным является поступление указанных амфор в Псков в период одного из максимумов распределения, причем первый максимум исключается самим обликом Ивановского собора, характерным для XII, а не для XI в.[4] Третий максимум исключается, исходя из типологии амфор XIII в., о чем говорилось выше[5]. Поэтому следует датировать вероятное поступление амфор в Псков периодом второго максимума, т. е. 1120—1150 гг., что не противоречит полученной ранее датировке типа. Именно к этому времени следует тогда отнести и строительство Ивановского собора.

Сравнение размеров древнейших плинф Ивановского собора [29, с. 4] с плинфами датированных новгородских храмов [30—32] дает нам время возведения собора в пределах 1100—1130 гг. (рис. 3). Сопоставляя эту

[2] Нами рассматривается не абсолютное число амфорных фрагментов на ярус, как у Е. А. Рыбиной, а частота выпадения фрагментов (единиц в год), т. е. общее число фрагментов в данном ярусе делится на число лет, приходящееся на ярус, полученная величина относится к средней дате яруса и для удобства выражается в процентах от максимальной частоты.

[3] Первый минимум на рубеже XI—XII вв., коррелирующий в Новгороде с минимумами для других категорий южного импорта, Е. А. Рыбина объясняет экономической блокадой Новгорода в начале XII в. [25, с. 47]. Второй минимум, наблюдаемый как в Новгороде, так и в Полоцке, а для Новгорода заметный также для скорлупы грецких орехов, но отсутствующий для шиферных пряслиц, следует объяснять факторами, лежащими вне новгородско-киевских отношений. Наиболее вероятной причиной его появления было закрытие торговых путей Причерноморье — Русь в связи с активизацией восточных половцев в последней трети XII в. Окончательное прекращение импорта амфор в Новгород и Полоцк в 1240-х годах связано с татаро-монгольским нашествием [25, с. 29; 26, с. 87].

[4] В первой половине XI в. на территории, занятой впоследствии монастырем, существовал курганный могильник. В 1910-х годах при ремонтных работах в монастыре было открыто типично кривичское погребение с браслетообразными завязанными височными кольцами, лунницей, перстнями, трехбусинными височными кольцами и западноевропейскими монетами XI в. [27, 28].

[5] К сожалению, ни новгородская, ни полоцкая статистика не выделяют из общего числа амфорных обломков фрагменты тех или иных типов амфор [25, с. 27; 26, с. 87].

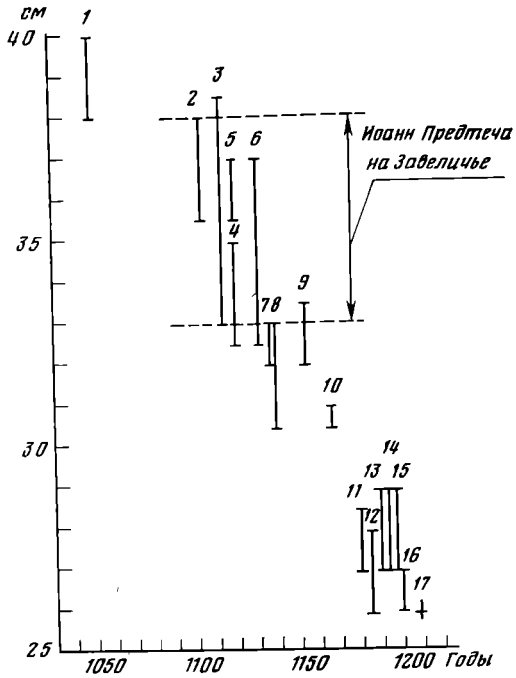


Рис. 3. Динамика вариации длины плинф датированных новгородских храмов XI—XII вв. по [30] и вариация длины древнейших плинф Ивановского собора в Пскове по [29]. 1 — Новгородская София (1150), *2* — Благовещенье на Городище (1091—1103), *3* — Никола на Дворище (1113), *4* — Рождество Богородицы в Антониевом монастыре (1117—1119), *5* — Георгий в Юрьевом монастыре (1119), *6* — Иоанн на Опоках. I период (1127—1130), *7* — Успение на Торгу (1135), *8* — Дмитрий Солунский в Пскове (до 1138 г.), *9* — Климент в Старой Ладоге (1153), *10* — Борис и Глеб (1167), *11* — Благовещенье на Мячине (1179), *12* — Иоанн на Опоках, II период (1184), *13* — Успение в Аркаже (1188), *14* — Петр и Павел на Синичьей горе (1185—1192), *15* — Воскресение на Мячине (1195—1196), *16* — Спас-Нередица (1198), *17* — Параскева-Пятница (1207)

дату с ранее полученной датой 1120—1150 гг., сужаем вероятную дату собора до 1120—1130 гг. Именно на этот период приходится рождение у новгородского князя Всеволода Мстиславича сына Ивана, в связи с чем в Новгороде была построена церковь Рождества Иоанна Предтечи на Опоках (1127—1130 гг.): «Въ лѣто 6635. Заложи церковь камяну святого Иоанна Всѣволодъ Новѣгородѣ, на Петрятинѣ дворѣ, въ имя сына своего» [32, с. 21].

Если считать вслед за В. Д. и С. В. Белецкими, что рождение Ивана Всеволодовича приходится на 1123 г. [34, с. 279], то, поскольку закладка церкви Иоанна на Опоках состоялась только в 1127 г., можно предположить, что строительство собора в Пскове на Завеличье предваряло это событие, т. е. проводилось в 1123—1127 гг. Примерно столько же лет строилась за Волховом (топографически сходно) и церковь Иоанна на Опоках. Заметим, что именно этому хронологическому интервалу соответствует пик второго максимума на рис. 2. Тот факт, что строительство собора в Пскове предшествовало новгородскому, может объясняться желанием Всеволода закрепить псковское княжение за своим первенцем.

Причину умолчания в летописях об Ивановском соборе вплоть до первой половины XIII в. можно гипотетически объяснить деятельным участием в строительстве архиепископа Ивана Попьяна[6], «отвержение» (1130 г.) и последующее «непоминание» которого [33, с. 22; 37, с. 23—26] вызвало, по мнению В. Л. Янина, редакторскую цензуру летописей [36, с. 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. ПСРЛ. Т. V. Спб., 1851.
2. *Некрасов А. И.* Древний Псков и его художественная жизнь. М., 1923.
3. История русского искусства. Т. II. М.: Искусство, 1954.
4. *Спегальский Ю. П.* Псков. Л.: Искусство, 1978.
5. *Белецкий В. Д.* Отчет о раскопках ПАЭЛГЭ за 1968 г. Архив ИА АН СССР. р-1, № 3699.
6. *Белецкий В. Д.* Работа Псковской археологической экспедиции Эрмитажа в 1968 г.— СГЭ, XXXIII, 1971.
7. *Комеч А. И.* Два направления в новгородской архитектуре начала XII в.— В кн.: Средневековое искусство. Русь. Грузия. М.: Искусство, 1978.

[6] Ср.: «Въ лѣто 6627. Заложи Кюрьякъ игуменъ и князь Всѣволодъ церковь камяну манастырь святого Георгия Новѣгородѣ» [33, с. 21], «В лѣто 6643-го. Заложи Всеволод Мстиславич и владыка Нифонтъ Богородицу в тереме» [35, с. 76]. Посвящение храма Иоанну Предтече исключает версию, что строителем храма мог быть сам Иван Попьян, святым патроном которого был Иоанн Богослов [36, с. 47—56].

8. *Максимов П. Н.* Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI — начала XII века.— Архитектурное наследство. Т. 12. М., 1960.
9. *Максимов П. Н.* Архитектура Новгородской земли XII — начала XIII веков.— Всеобщая история архитектуры. Т. 3. М.— Л., 1966.
10. *Белецкий С. В.* Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетия н. э. как исторический источник: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1979.
11. *Стасов В. В.* Голосники в древних новгородских и псковских церквах.— Известия Императорского археологического общества. Т. 3. Спб., 1861.
12. *Холостенко М. В.* Успенський собор Печерського монастиря.— В кн.: Стародавній Київ. Київ: Наукова думка, 1975.
13. *Рыбаков Б. А.* Древности Чернигова.— МИА, 1949, № 11.
14. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
15. *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес.— МИА, 1950, № 17.
16. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.
17. *Плетнева С. А.* Средневековая керамика Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
18. *Рыбаков Б. А.* Надпись киевского гончара XI века.— КСИИМК, 1946, вып. XIII.
19. *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига: Зинатне, 1965.
20. *Голубева Л. А.* Амфоры и красноглиняные кувшины Белоозера.— КСИА, 1973, вып. 135.
21. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
22. *Гуревич Ф. Д.* Новые материалы по истории Новогрудка.— КСИА, 1969, вып. 120.
23. *Монгайт А. Л.* Старая Рязань.— МИА, 1955, № 49.
24. *Равдина Т. В.* Надпись на корчаге из Пинска.— КСИИМК, 1957, вып. 70.
25. *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М.: Изд-во МГУ, 1978.
26. *Штыхов Г. В.* Древний Полоцк. Минск: Наука и техника, 1975.
27. *Окулич-Казарин Н. Ф.* Каталог музея Псковского археологического общества. Псков, 1914.
28. *Окулич-Казарин Н. Ф.* Материалы для археологической карты Псковской губернии.— ТПАО, вып. 10, Псков, 1914.
29. *Булкин В. А.* Исследование Иоанновского собора в Пскове.— АО-1979. М., 1980.
30. *Штендер Г. М.* «Деисус» Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде.— В кн.: Древнерусское искусство. М.: Наука, 1980.
31. *Белецкий В. Д.* Клейма и знаки на кирпичах XII в. из церкви Дмитрия Солунского в Пскове.— СА, 1971, № 2.
32. *Раппопорт П. А.* Раскопки церквей в Новгороде и Старой Ладоге.— АО, 1979. М., 1980.
33. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
34. *Белецкий В. Д., Белецкий С. В.* Сосуд из могилы псковского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича (1138 г.) — СА, 1979, № 3.
35. Псковские летописи. Вып. II. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
36. *Янин В. Л.* Печать новгородского епископа Ивана Попьяна.— Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. Л., 1978.
37. *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: Изд-во МГУ, 1980.

S. P. Mikhailov, A. K. Stanyukovich

A RESONATOR FROM THE CATHEDRAL OF IVANOVSKY MONASTERY IN PSKOV
(on the date of the cathedral)

Summary

The authors take as their subject an amphora, serving as a resonator in the John the Baptist Cathedral in Pskov the dating of which is uncertain. The comparison of the find with amphorae from the North Black Sea coast permitted to date it to the first half-mid-12th century. The peak of amphora import to north-western Russia, according to Novgorodan statistics, fell on the period from 1120 to 1150. The size of the bricks used for the cathedral and their comparison with bricks used for other Novgorodan churches with precise dating point to the period from 1100 to 1130. It follows that the most probable period of the cathedral construction was from 1120 to 1130. The only event worthy of a cathedral in this period was the birth of a son to Vsevolod Mstislavich, the Novgorod-Pskov prince, in 1123 baptised John. His patron was John the Baptist.

КЫЗЛАСОВ Л. Р.

КУРГАНЫ ТЮХТЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ТУВЕ

(по материалам раскопок 1915—1929 гг.)

В настоящее время памятники древнехакасской тюхтятской культуры IX—X вв. не только выделены и описаны в целом [1—4], но многие комплексы их уже изданы [5—13]. Остались, однако, неопубликованными весьма важные первые материалы из тюхтятских курганов, раскопанных в Туве нашими предшественниками — археологами А. В. Адриановым в 1915—1916 гг. и С. А. Теплоуховым в 1926 и 1929 гг.

Полученные ими данные ценны не только потому, что содержат многие факты по обрядам и материальной культуре этой эпохи, но и потому, что возле некоторых из курганов находились специально установленные каменные поминальные стелы с надмогильными эпитафиями, начертанными на енисейской письменности древних хакасов. Нет сомнения, что стелы с эпитафиями составляют единый комплекс с теми могилами, возле которых они установлены. Поэтому они взаимно дополняют друг друга и облегчают датировку [1, 5, 14].

Ввиду того что стелы с эпитафиями устанавливались не возле самой курганной насыпи, а, как того требовал древнехакасский обычай, в нескольких метрах к востоку от насыпи, у некоторых исследователей зародилась ошибочная мысль об отсутствии прямой связи таких эпитафий с соответствующими могилами. Это объясняется недостаточным учетом общеизвестного факта в археологии всей Юго-Восточной Азии; стелы с эпитафиями устанавливались «на пути духа» умершего — с восточной стороны от могилы. Иногда ввиду сезонных колебаний точки восхода солнца возникали небольшие отклонения, чаще на юго-восток.

Тексты поминальных енисейских стел обычно содержат высказанное от имени умерших глубокое сожаление о вынужденном уходе из материального земного мира. Установленные к востоку от могил стелы, к которым нередко вели дорожки, выложенные из плитняка, «указывали» духам умерших направление пути, ведущего от могилы в верхний мир небожителей.

По старинным верованиям некоторых народов Сибири, к которым относилось и население Хакасско-Минусинской котловины, души умерших расходились по двум дорогам. Вход в нижний мир (для грешников) находился в стороне заката солнца, а дорога в верхний небесный мир (для праведников и приобщенных к ним власть имущим) уходила в сторону солнечного восхода. Именно поэтому с восточной стороны, неподалеку от курганной насыпи, ставилась стела на пути духов умерших знатных людей, «возлетающих» в лазурный небесный мир [15, с. 91, прим. 1; 16, с. 28].

Среди предметов, обнаруженных в тюхтятских курганах А. В. Адриановым и С. А. Теплоуховым, необходимо выделить обычно не часто встречаемые кальцинированные роговые пластины боевых луков, разнообразные формы орнаментированных бронзовых блях типа известного Тюхтятского клада, панцирные пластины, огнива с накладками на сумки, пинцет, дисковое зеркало местного производства, фарфоровую чернильницу («непроливашку»), кинжал, а также большой склад инструментов мастера-деревообделочника со вложенной туда же косой-горбушей. Были найдены, к сожалению не сохранившиеся в музейных коллекциях, лаковые чаши, три серебряные чаши с расчеканкой, золотой перстень с

вставкой, золотые пуговицы и пластинки, «металлический» (серебряный?) сосуд, а также бронзовая танская монета с квадратным отверстием того самого типа, который обычно встречается в курганах Южной Сибири и Монголии, сооруженных в IX—X вв.

Ниже публикуются материалы, извлеченные из рукописных отчетов и дневников А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова, а также рисунки вещей, сохранившиеся в оставленных ими коллекциях [17, 18][1]. Следует учесть, что и А. В. Адрианов, и С. А. Теплоухов копали курганы по старому методу — так называемым «колодцем» — и, разыскивая могильные ямы, не всегда поначалу замечали трупосожжения на горизонте, а также зачастую оставляли под нераскопанными полами насыпей какую-то часть инвентаря. Кроме схем, начертанных в их полевых дневниках от руки, никаких чертежей эти исследователи не составляли. К публикуемым материалам обоих ученых нами прибавлены наблюдения и данные раскопок некоторых специфичных памятников, изученных Тувинской археологической экспедицией Московского университета под руководством автора настоящей публикации.

А. В. Адрианов в 1915—1916 гг. раскопал 19 древнехакасских курганов IX—X вв.: один в урочище Салдам на левом берегу Улуг-Хема возле устья р. Элегест; три — на левой стороне Элегеста, в 8 верстах от устья, под горой Чинге; два — в Бай-Булунской степи по левому берегу Улуг-Хема, в 7,5 км ниже устья Элегеста; один — в урочище Танам, на левом берегу Пий-Хема, выше устья р. Тапсы; два — выше по тому же берегу Пий-Хема; два — там же между Нижним и Верхним Шивиликами; три — на левом берегу р. Бегире, в урочище Мунгаш-Чирик, и пять курганов раскопаны им в Северной Туве по левому берегу р. Уюка, ниже устья р. Тарлаг.

С. А. Теплоухов раскопал 12 древнехакасских курганов IX—X вв.: два — в урочище Булук, в 7 км к западу от г. Кызыла; четыре — в 2 верстах к юго-востоку от пос. Элегест, на правом берегу одноименной реки; один — у дер. Красноярovка; один — в урочище Чер-Чарык, на правом берегу р. Хемчик; два — под горой Куй-Бар, в 1,5 км к югу от с. Туран, на правом берегу р. Туран; два — на левом берегу р. Туран, в 1,5 км ниже с. Туран.

Салдам, курган 12 — округлая каменная насыпь диаметром 6,14 и высотой до 0,27 м. На горизонте между каменными плитками обнаружены обуглившиеся гнилушки. В небольшой ямке (глубиной 0,25 м) найдена кучка «сожженных и измельченных человеческих костей,», а также железный трехгранно-трехлопастный наконечник стрелы, тесло (рис. 1, *8*, *9*) бронзовая пряжка с неподвижным щитком и железным язычком.

Чинге, курган 18 — круглый каменный курган, возле которого стояла стела с выбитой на ней енисейским письмом эпитафией (Элегест I — № 10). Насыпь диаметром около 10 м и высотой 0,95 м была аккуратно сложена из плит. Бока ее имели наклон около 45°, а верхушка была плоской, со впадиной диаметром 2,92 м [1, рис. 4 и 6, *1*, *3*)]. При расчистке плиток вокруг насыпи выявилась кладка из плиток в виде отвесной стенки высотой 0,82 м. Эта стенка создавала первоначально круглую ограду юртообразного кургана, заложенную камнем внутри. С северо-запада вплотную к этой стенке с внешней стороны прилегал вертикально стоявший четырехгранный столб с округлой верхушкой, вытесанный из серого песчаника. Высота его 0,76 м, сечение 0,31×0,2 м. В 7,8 м к востоку — юго-востоку от стенки кургана стояла высокая каменная стела с эпитафией (памятник Элегест I — № 10) [14, 19].

При раскопках кургана «колодцем» 2×2 м замечено, что на горизонте с западной стороны в линию стояли три отвесно вкопанные плитки (вероятно, от внутренней оградки, подобной наблюдавшимся в курганах Ир-Холя) [5]. Затем расчистили остатки семи деревянных столбиков

---

[1] Коллекция находок А. В. Адрианова за 1915—1916 гг.— Музей археологии и этнографии народов Сибири Томск. гос. ун-та, № 6041. Коллекция С. А. Теплоухова хранится в Эрмитаже, № 4549, 4547, 4571 (за 1926 г.); № 5126, 5128 (за 1929 г.).

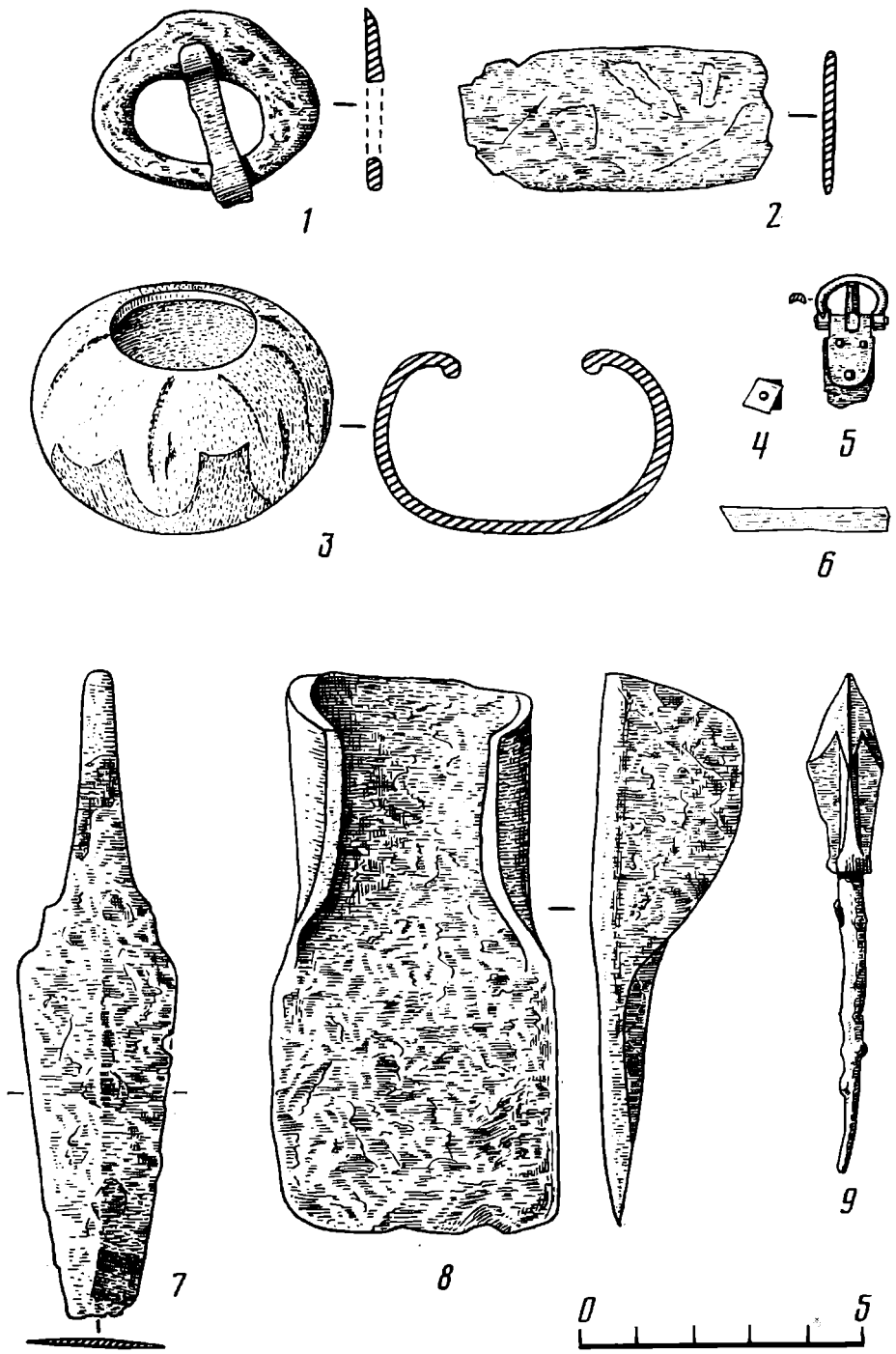


Рис. 1. Предметы из курганов IX—X вв. (раскопки А. В. Адрианова). *1*, *4—7* — кург. 35 на р. Бегире; *2* — кург. 20 под г. Чинге; *3* — кург. 56 на р. Уюк; *8*, *9* — кург. 12 в урочище Салдам (*1*, *2*, *7—9* — железо; *3* — фарфор; *4*, *6* — золото; *5* — бронза)

(диаметром 10—12 см), стоявших в три линии с севера на юг в 0,3—0,35 м друг от друга. Судя по довольно путанному описанию в дневнике, в кургане, видимо, находились два захоронения. От дополнительного погребения на горизонте обнаружены отдельные кости полуистлевшего скелета и «съеденные коренные зубы». К нему относится ожерелье из шести круглых красных каменных бусин и, вероятно, обломанный конец точильного бруска из серого камня, а также кости овцы и лошади. Вероятно, захоронена была женщина.

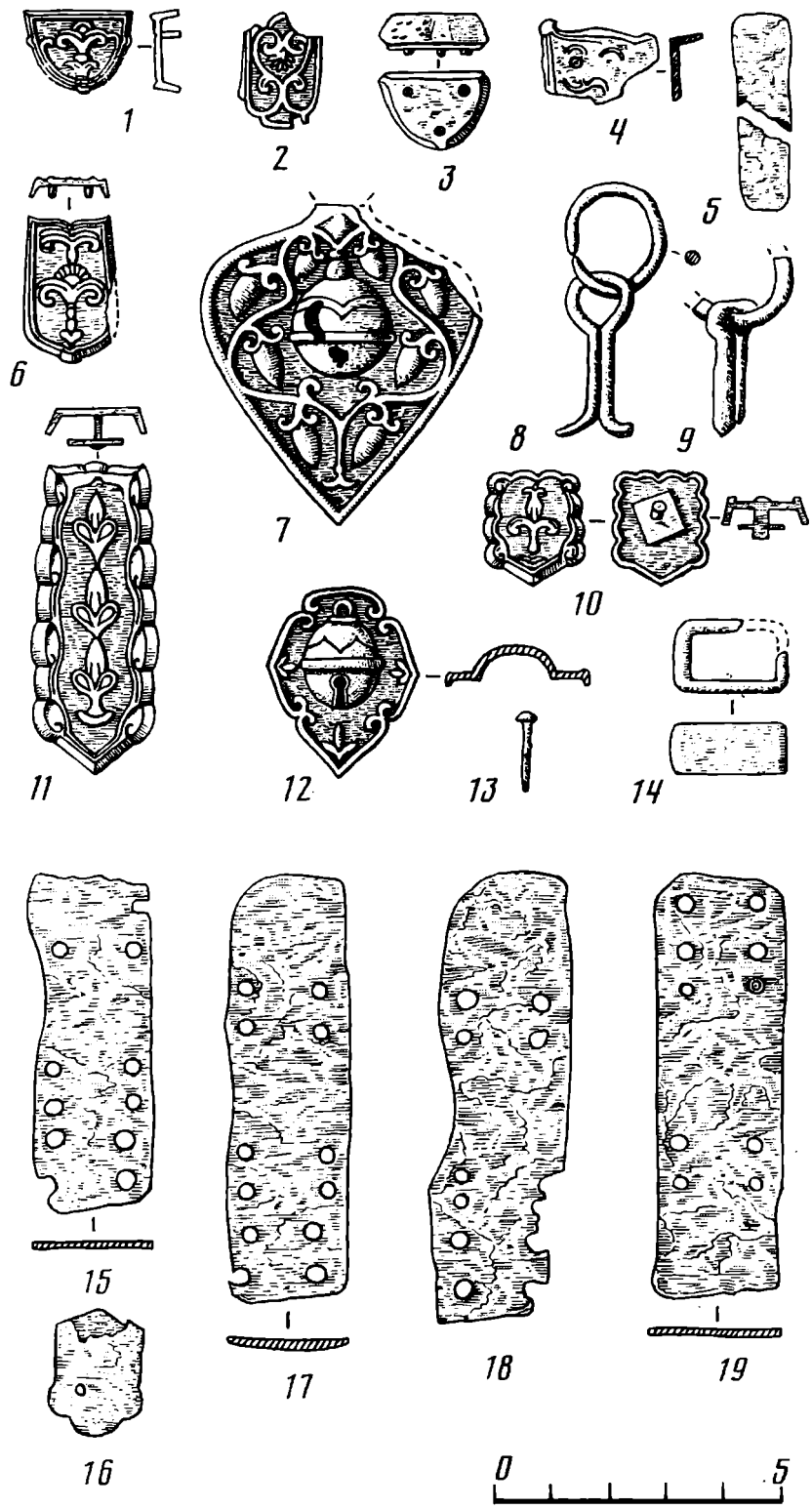


Рис. 2. Предметы из курганов IX—X вв. (раскопки А. В. Адрианова). *1—6*, *13*, *14* — кург. 18 под г. Чинге; *7—12*, *15—19* — кург. 21 в Бай-Булуне. *1*, *2*, *4*, *7*, *10—12*, *14* — бронза; *3* — железный наконечник с задней пластинкой и бронзовыми заклепками; *8*, *9*, *13*, *15—19* — железо

Основное погребение совершено по обряду трупосожжения. Оно залегало на горизонте и в старом дерновом слое вместе с пережженной землей и углями. К нему относятся остатки жертвенной пищи: необожженные кости коровы (ребра, позвонки, крестец), овцы (позвонки) и лошади (крестец). Были найдены остатки лаковой танской чаши, части поясного набора из полукруглых бляшек и фигурных выпукло-вогнутых наконечников с растительным узором, а также железная обойма (рис. 2, *1—6*, *13*, *14*).

Кроме того, сохранились оплавленные куски таких же бляшек, бронзовые пластинки и их обломки, железные заклепочные гвозди и серебряные слитки.

Чинге, курган 19 находился в 29 м к юго-западу от камня с надписью. Имел юртообразную форму с отвесными стенками снаружи высотой 0,3 м. Диаметр 6,1 и общая высота 0,9 м. Между курганами 18 и 19 уложено на почве 8 плоских розеток из небольших плиток на расстоянии 4—5 шагов друг от друга. Диаметр этих кружков около 70 см. На горизонте под насыпью кургана оказалась пережженная земля с угольками, золой и пережженными костями человека. Площадь кострища около 1 м^2. Возле него лежала кость копыта лошади.

Чинге, курган 20 расположен в 52 шагах на юго-запад от кургана 18. Диаметр 5 м, высота 13—18 см. Под каменной насыпью в западной стороне обнаружена ямка диаметром 84,4 и глубиной 20 см. Она была засыпана золой и угольками. Среди них обнаружено малое число пережженных косточек человека и плоская железная пластинка с выбоинками на ребрах, вероятно, кресало (рис. 1, *2*).

В дополнение к сведениям, приведенным А. В. Адриановым, могу добавить, что мне удалось в 1960 г., 45 лет спустя, разыскать и осмотреть место этих раскопок. Оно находится на высоком плато по левому берегу р. Элегест, примерно в 15 км вверх от пос. Усть-Элегест и в 3 км от берега реки. К западу от него, в 5 км, на правом берегу реки, находится большая гора Курже, а в 1 км к северу — крутая сопка Чурек-Кожагар в отрогах горы Чинге. Курган 18 был сложен из плитняка и раскопан Адриановым колодцем. В воронке раскопа до 1960 г. сохранились мелкие пережженные косточки бывшего под насыпью трупосожжения. В 5 м к востоку от насыпи находится усыпанная плитняком яма от стоявшего здесь и вывезенного Адриановым в Минусинский музей памятника (№ 10) с надписью. Далее к востоку в 50 м еще стоял каменный четырехгранный, ныне сломанный и поваленный менгир без каких-либо знаков. Этими камнями была отмечена «дорога духов». С северо-западной стороны насыпи кургана 18 стоит четырехгранный каменный столбик высотой 60 см, в поперечнике — 40×20 см. Полы кургана остались недокопанными (метра по три с каждой стороны), т. е. памятник остался наполовину неизученным. В 15 м к юго-западу от кургана 18 находится второй раскопанный Адриановым колодцем большой курган 19, в воронке которого также лежали кальцинированные кости трупосожжения. Дальше к юго-западу есть еще два кургана. Оба раскопаны Адриановым, но один остался неописанным. Всего, следовательно, было здесь четыре древнехакасских кургана, расположенных цепочкой с юго-запада на северо-восток, причем северо-восточным был курган 18 со стелой «Элегест № 10».

Бай-Булун, курган 21 находился в Бай-Булунской степи, по левому берегу Улуг-Хема, в 7,5 км ниже р. Элегест. Курган имел круглую ограду в виде стенки из плашмя положенных плит, высотой 36 см. Диаметр кургана 8, высота до 0,5 м. В 6 м к востоку от насыпи стояла широкая плита (широкими сторонами обращенная на восток и запад) с эпитафией, выбитой на восточной плоскости (7 строк). Высота плиты 1,13, ширина 1,56, толщина 0,11—0,2 м. Боковая грань с одной стороны повреждена. Это памятник Бай-Булун I — № 42 [14, 19]. На восток от плиты шел ряд из трех вертикально вкопанных в землю камней. Первый из них стоял в 7 шагах от плиты с эпитафией, другой — в 7 шагах от первого камня, третий в 4 шагах от второго, и, наконец, еще в 20 шагах к востоку на почве была выложена «розетка» диаметром 0,89 м из 9 плоских

камней. Таким образом, дорога духов здесь состояла из стелы и еще трех менгиров.

При раскопках ограды на глубине 0,58 м выявилась расчищенная округлая площадка 2,84 (север-юг) × 3,5 м. На ней сплошь лежал тонкий слой золы, угольков и пережженных косточек человека. По Адрианову, труп был сожжен на месте. Это мотивируется тем, что подстилающий песок был окрашен от прокаливания в коричневый и желтый цвета (по нашему мнению, это произошло оттого, что со стороны, с близкого погребального костра, приносили на место погребения еще горячие угли и предметы). По кострищу были разбросаны 24 предмета: 4 стальных пластины от боевого панциря с отверстиями для скрепления, обломки железной накладки и двух пробойчиков от седла, 17 бронзовых деталей от наборной узды (рис. 2, *7—12, 15—19*).

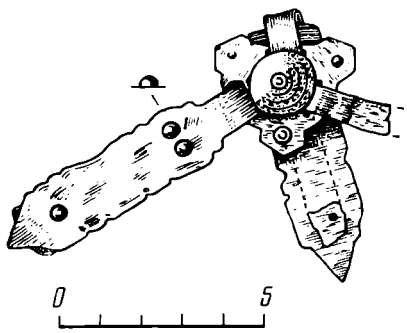


Рис. 3. Железный тройник от сбруи из кург. 22 в Бай-Булуне (раскопки А. В. Адрианова)

Это — две сердцевидных разновеликих налобных бляхи с рельефными бубенчиками и растительным узором; четыре фигурных, выпукло-вогнутых пятиугольных бляшек с растительным узором; восемь длинных выпукло-вогнутых бляшек «тюхтятского» типа, две обоймы и обломок бронзовой бляшки (рис. 2, *7, 10—12*).

На кострище найдены четыре позвонка жеребенка и другие необожженные колотые кости крупного животного, положенные в составе жертвенной пищи. В дневнике Адрианов сделал важную приписку: «камень с рунической надписью мною выкопан и увезен (22 сентября) на берег Улуг-Хема для погрузки на плот (23 сентября), в сопровождении Г. М. Токмашева» для доставки его по Енисею в Минусинский музей (1915 г.).

Бай-Булун, курган 22 находился в 232 шагах от кургана 21 на юго-запад. «Он был обставлен довольно беспорядочно камнями, вросшими в землю, по окружности круга (диаметр 7 м) и реденько, поверхностно закидан камнями, причем на средине камней почти нет». (Это похоже на кольцевидные курганы аскизского типа.) К востоку от кургана в 1,4 м «стоял четырехгранный столб с хорошо сохранившейся рунической надписью» (памятник Бай-Булун II — № 49) [14, с. 47; 19, с. 97]. При расчистке на горизонте с восточной стороны на глубине 22 см обнаружена сбруйная тройчатка с выпуклостью посредине и с тремя фигурными накладками (рис. 3). Костей, углей и золы не оказалось — чистый материковый лёсс. Курган с эпитафией был, вероятно, кенотафом в честь погибшего на чужбине человека. На основании находки сбруйной тройчатки этот курган следует относить уже к началу аскизской культуры, что совпадает с датой эпитафии по тамге — конец X в.

Танам, курган 24—II имел округлую насыпь из булыжника диаметром 7,82 и высотой 0,45 м. При разборке насыпи под северо-западной полой у края («под слоем камней и на камнях») обнаружен склад из 9 предметов IX—X вв.: коса-горбуша, узкое долото, два малых долота, изогнутый нож-резец, проушной топор, тесло, точильный брусок из желто-серого песчаника, обломок небольшой железной чашки-сковороды (рис. 4 и 5) [2]. Здесь же обнаружены зуб и фаланга лошади. Жертвенный склад, вероятно, относился к разбросанным на горизонте обломкам детского скелета, ибо древние хакасы детей не сжигали. Оттуда же происходит язычок железной пряжки, найденный под юго-западной полой.

Пий-Хем, курган 25 имел округлую насыпь из земли и камня с не-

[2] Клад аналогичного состава (большое долото, малое долото, проушной топор, тесло и кинжал) найден в Хакасии на правом берегу р. Абакан, в скале горы Хызыл-хая близ улуса Усть-Сос. С 1973 г. он хранится в кабинете археологии Хакасского НИИЯЛИ. Жертвенные клады тюхтятской культуры — это особая, новая тема, которую следует разрабатывать.

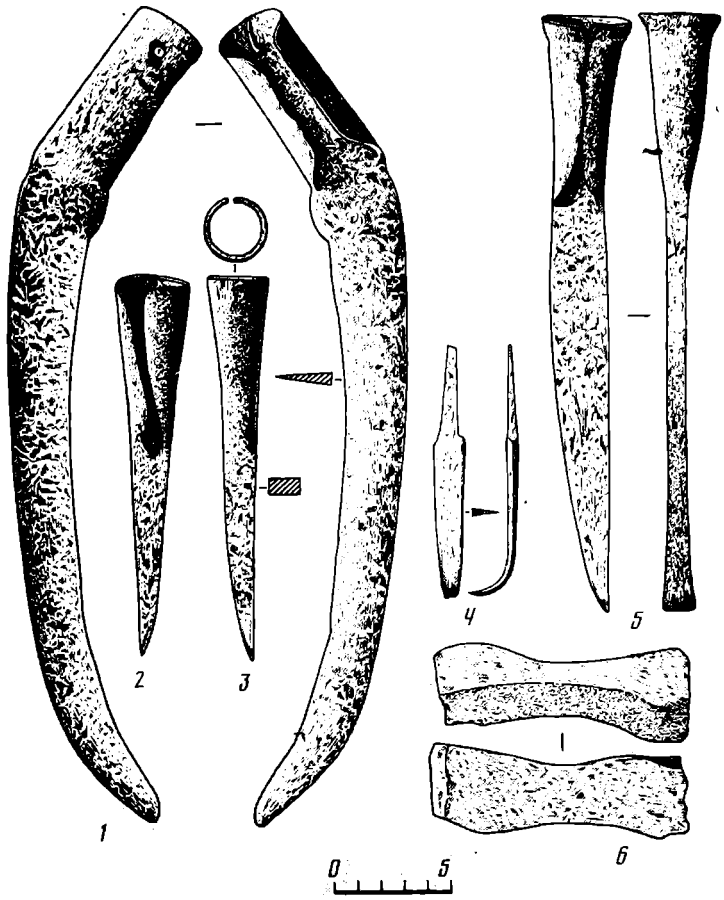


Рис. 4. *1—6* — часть склада предметов из кург. 24 на р. Пий-Хем (раскопки А. В. Адрианова). *1—5* — железо, *6* — брусок из песчаника

большой впадиной в центре, почти свободной от камней. Диаметр кургана 4,36, высота 0,26 м. На горизонте — трупосожжение взрослого человека, угли, кусочек шлака; с ними обломок тазовой кости и грудины овцы. Здесь же трехгранно-трехлопастный железный наконечник стрелы и обломок прокаленной костяной накладки — лопаточки от сложного лука (рис. 6, *8*, *14*). Затем в центре обнаружена яма, в перекрывающем слое которой — остатки от трупоположения младенца (кусочек черепа, бедро и голень). Яма (диаметр 0,8 м) опускалась на глубину 0,71 м. В ней находилось первоначально мясо (грудная кость, часть крестцовой и кость ноги молодого барана). Автор здесь же отмечает «2—3 кусочка сожженных человеческих костей», которые, очевидно, происходят от трупосожжения на горизонте и в яму попали случайно.

Пий-Хем, курган 28 — это два кургана, насыпи которых слились по линии север—юг. К IX—X вв. относится, вероятно, только северный курган диаметром 11 и высотой до 0,7 м. Он сложен из булыжника и имеет впадину посредине. Под насыпью обнаружена яма глубиной 0,7 м, в центре которой лежали горизонтально три железных трехлопастных наконечника стрел (рис. 6, *3—5*), узких, с упорами у черешка. Здесь же находились 5—6 мелких костей животных. Остается неясным, был ли этот курган кенотафом или Адрианов не заметил в нем остатки трупосожжения на горизонте.

Пий-Хем, курган 30 находился на левом берегу Пий-Хема между Нижним и Верхним Шивиликами. Насыпь сложена из плитняка и имеет вид восьмерки, так как это были два слившихся одновременных кургана. Весь внешний край их сложен в виде вертикальной стенки высотой

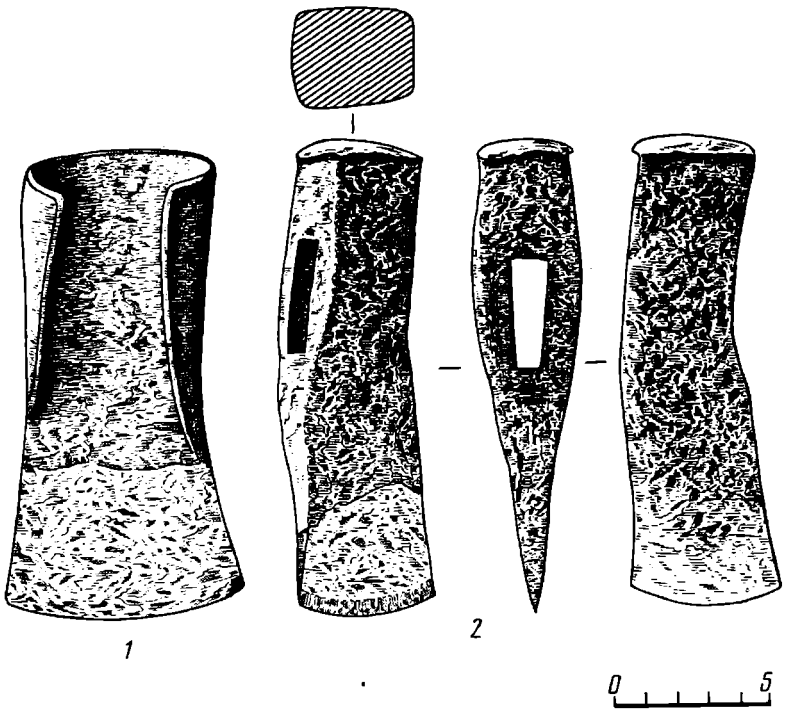


Рис. 5. Железное тесло и топор из склада предметов кург. 24 на р. Пий-Хем (раскопки А. В. Адрианова)

0,85 м. Очевидно, оба памятника были юртообразными оградами с вертикальными стенками. Общая их длина 10 м, а диаметры 6 и 5 м. Ширина перемычки 2,13 м. В центре каждого кургана впадина диаметром в 2 м. Курганы соединены по линии северо-восток — юго-запад.

При разборке западного кургана на горизонте «оказалось обширное огнище с небольшим количеством золы (но мало углей) и докрасна, пятнами, прокаленной землей». Здесь лежали: пережженные кости человека; лопатка, три позвонка и обломки костей лошади, «действию огня не подвергавшихся», а также угли. Под северной полой насыпи обнаружена яма глубиной 0,7 м, в которой находились сожженные кости человека, угольки, два стремени с восьмеркообразными завершениями и витые двусоставные удила с длинными эсовидными псалиями (рис. 7, *1*, *2*, *5*). Вокруг вещей лежали позвонки, ребра и грудные кости молодого барана. Вероятно, в этом кургане оказались два трупосожжения: одно на горизонте и второе в яме с частями сбруи верхового коня и жертвенным мясом.

В восточном кургане была «разобрана площадь около 4 м диаметром — оставлена лишь узкая кайма из плит. В центре стоймя была вкопана плита около 0,9 м высотой. Близ южного края под камнями лежала полная голова коня (самца, 20 лет) с сомкнутыми челюстями, нижней челюстью кверху; череп проломлен ударом по лобным костям, глубоко запавшим (вовнутрь.— *Л. К.*). В 50 см от него в глубь кургана лежал другой череп лошади с нижней челюстью, с целыми лобными костями. Тут же находились 4 целых кости ног, 2 бабки, 2 кости копытного сочленения». Таким образом, здесь, очевидно, была положена шкура лошади и череп от второго коня, съеденного на поминках при похоронах.

В центре на горизонте лежал необделанный столб из песчаника около 1 м длиной, к западу от него — часть лошадиного крестца, два позвонка, длинные кости ног и «бабки». Ниже лошадиных голов и костей шел слой земли с золой, угольками, кусочками не вполне сгоревшего дерева и пережженных косточек человека. И «на площади около 1 м вдоль южной полы и в 35 см в глубь кургана встречены беспорядочно лежавшие» три больших трехлопастных наконечника стрел с отверстиями и прорезями

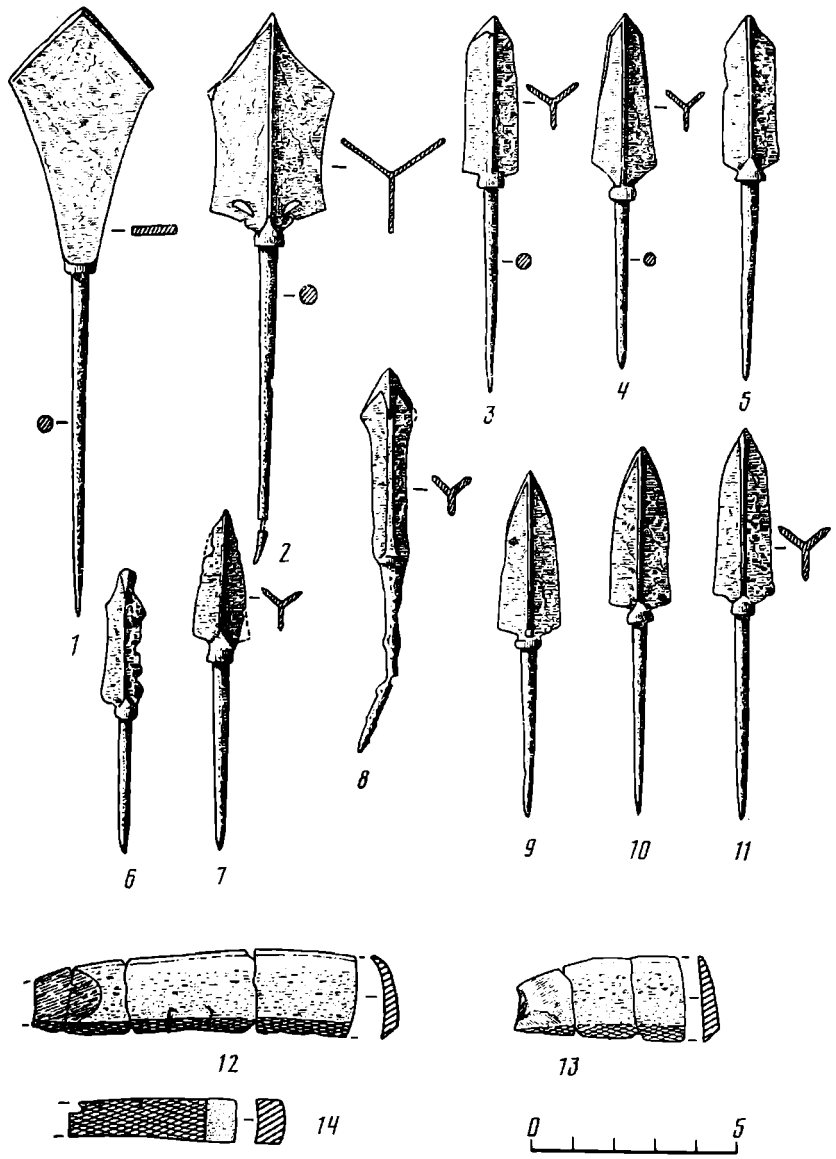


Рис. 6. Предметы вооружения воинов IX—X вв. (раскопки А. В. Адрианова). *1, 2* — кург. 34 на р. Бегире; *3—5* — кург. 28 на р. Пий-Хем близ Тапсы; *6, 7* — кург. 41 на р. Уюк; *8, 14* — кург. 25 на р. Пий-Хем; *9—13* — кург. 42 на р. Уюк (*1—11* — железо, *12—14* — обожженный рог)

по низу лопастей» шесть трехгранно-трехлопастных наконечников (рис. 8), железная накладка на сумочку с огнивом и входившая в набор пластинка-огниво (рис. 9, *1*, *4*), железный нож (рис. 8, *1*), удила с восьмеркообразными окончаниями и одним подвижным кольцом (один стержень витой, другой гладкий, рис. 7, *4*); четыре длинных выпукловогнутых бронзовых бляшки (с орнаментом) от наборной узды (рис. 9, *3*); тонкое железное колечко, обломки узких пластин-оковок, железная пряжка с подвижным щитком, корродированные обломки железных предметов (рис. 9, *5*, *8—10*).

При дальнейшей расчистке найдены: два фигурных и два гладких бронзовых наконечника (рис. 9, *2*, *6*), длинная орнаментированная бляшка (рис. 9, *3*), вторые обломанные удила с восьмеркообразным окончанием (также один стержень витой, а второй гладкий, рис. 7, *3*). Еще в центре выявилась ямка глубиной 0,55 м, в которой находилось мясо. Сохранилось пять позвонков и крестец лошади, ребра овцы и здесь же «комок с измельченными жженными костями» человека, возможно, попавшими от того же верхнего трупосожжения (?). Здесь же найдена перека-

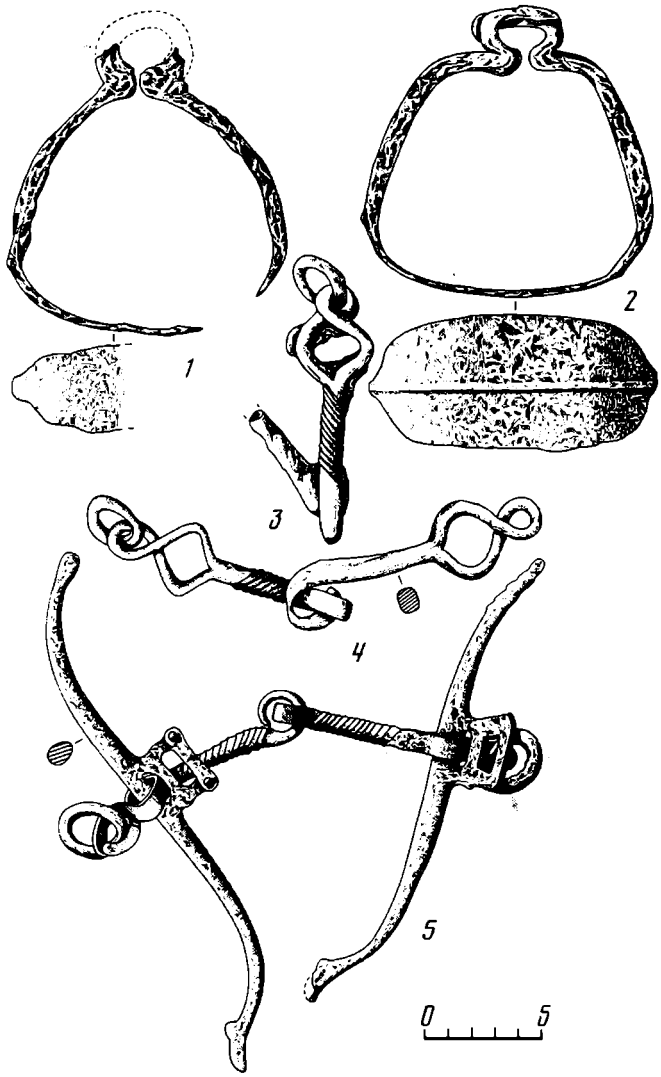


Рис. 7. Железные предметы конского снаряжения IX—X вв. (раскопки А. В. Адрианова). *1—5* — кург. 30 на Пий-Хеме (между Шивиликами)

ленная в огне костяная четырехгранная накладка с нарезками для приклеивания с одной стороны (рис. 9, *7*).

Мунгаш-Чирик, курган 34 находился в долу Мунгаш-Чирик на левом берегу р. Бегире, в 6,5 км от впадения ее в р. Пий-Хем. Насыпь из обломков песчаника, гранита и конгломерата. Диаметр кургана 7,5, высота 0,85 м. В 5 м к востоку от насыпи стояла плита с эпитафией на енисейской письменности (памятник «Бегре № 11») [14, с. 46; 19, с. 29]. Узкие ее грани были обращены на запад и восток. Возле юго-западной полы стояла вторая «широкая, но не высокая, крепко вкопанная в землю плита, наклонившись внутрь кургана». Под насыпью на горизонте в восточном секторе шел слой с угольками и пережженными косточками человека, занимавший третью часть всей вскрытой площади. Здесь оказалось около десятка необгорелых косточек стопы. Здесь найдены: четыре узеньких медных пластинки-оковки с отверстиями на концах, еще одна более широкая оковка, железное плоское кольцо, мелкие слиточки серебра и неопределимые обломки железа. С юго-восточной стороны лежали в кучке кости овцы (две тазовых, семь трубчатых костей всех ног, семь позвонков) и обломки трубчатых костей лошади (?). В 70 см от западной полы на горизонте найден обломок медной сковородки с ручкой (диаметр 40 см; «кружок был согнут в виде продолговатой чаши и лежал горбом кверху»).

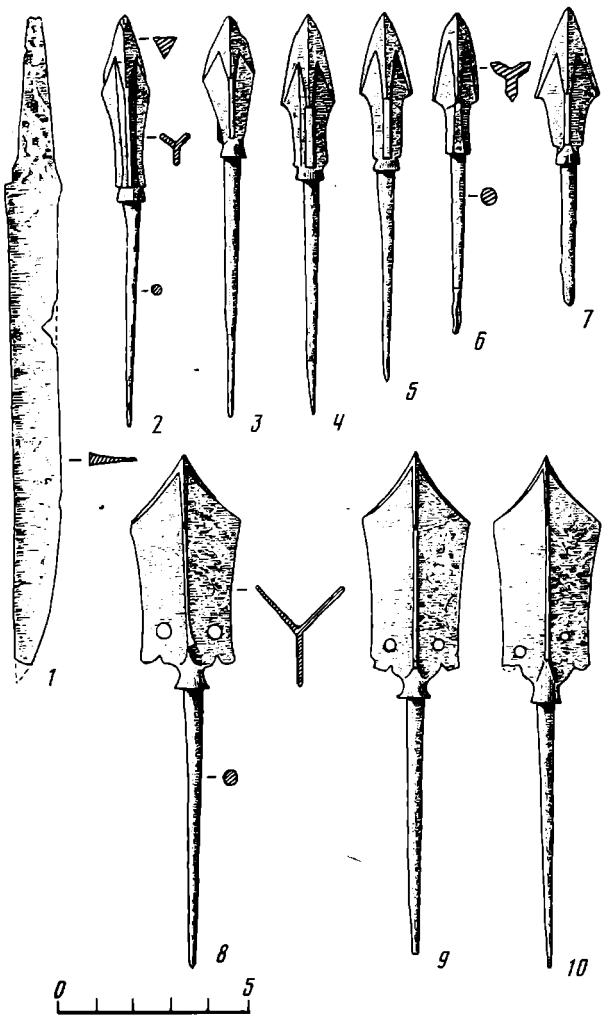


Рис. 8. Железные предметы вооружения воинов IX—X вв. (раскопки А. В. Адрианова). *1—10* — кург. 30 на Пий-Хеме (между Шивиликами)

В центральной части оказалась яма глубиной около 35 см. В ней находились два крупных наконечника стрел — трехлопастной и плоский асимметрично-ромбический «тюхтятского» типа (рис. 6, *1*, *2*). Еще найдены два позвонка и обломок ребра овцы и длинная косточка «какого-то мелкого животного».

Мунгаш-Чирик, курган 35 находился в 92 шагах на северо-восток от предыдущего. Размеры насыпи 7,9 (север—юг) × 7,3 м, высота 0,75 м. Она насыпана из чистого камня и имеет две впадины: одна — 2,2×2,8 м, глубиной 0,35 м, другая диаметром 0,54 м и той же глубины. Был убран весь камень до горизонта на площади круга диаметром 5 м. В камнях найдено железное колечко. В центре оказалась яма диаметром около 1 м, несколько вытянутая с востока на запад. На борту ее встречена округлая железная пряжка с расклепанным концом рамки (рис. 1, *1*).

В яме на дне лежали кости от шести овец или молодых ягнят (46 позвонков, части 6 крестцов, три лопатки, 40 ребер, три трубчатых кости ног и кости курдюков, находившиеся в естественном сочленении). Здесь «стояло металлическое штампованное, рисунчатое блюдце-чаша № 3 и вплотную к нему такая же чашка № 4» (к сожалению, обе чаши, вероятно серебряные, в коллекции не сохранились). Под ними были подстелены куски зеленой шелковой ткани. К югу еще стояла лаковая танская чашечка («мастичная тарелочка»), рассыпавшаяся при расчистке;

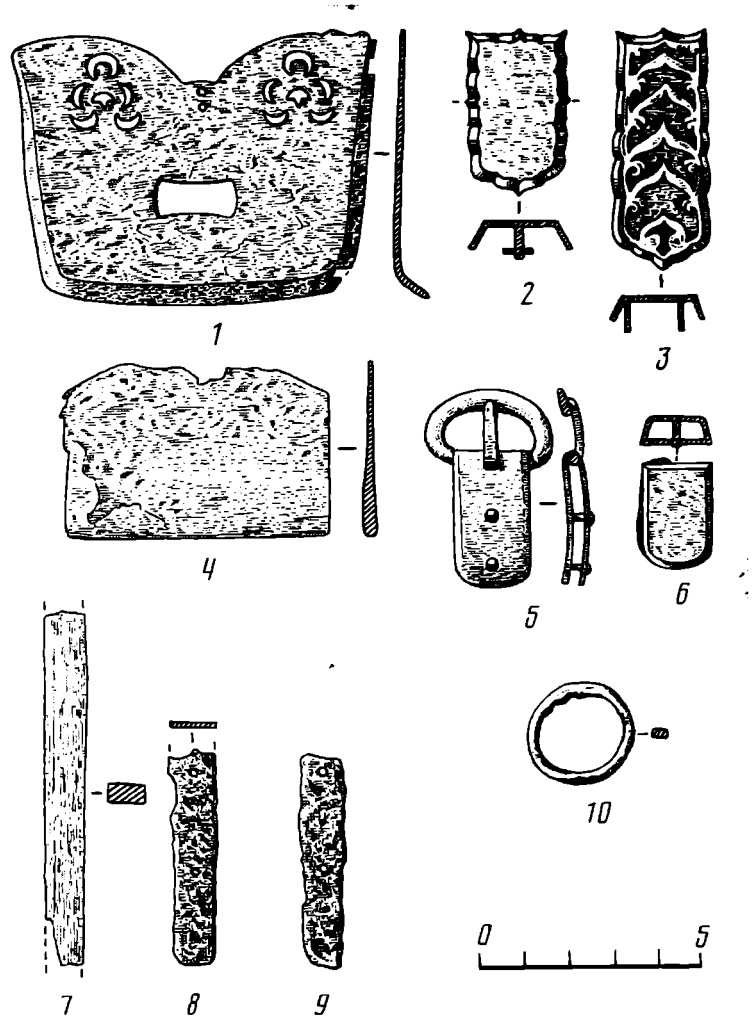


Рис. 9. Предметы быта и украшения IX—X вв. (раскопки А. В. Адрианова). *1—10* из кург. 30 на Пий-Хеме (между Шивиликами). *1, 4, 5, 8—10* — железо; *2, 3, 6* — бронза; *7* — кость

к югу — золотой перстень со вставкой (в коллекции отсутствует), а затем — «прямоугольный мешочек из какой-то листовой мастичной материи» (6,6×3,8 см) из 6 листиков — снаружи «нанесен тончайшей резьбой красивый рисунок». С мешочком найден железный стержень (игла?), две квадратных золотых пластинки с отверстием и одна продолговатая (рис. 1, *4*, *6*), две золотых пуговицы со стержнем (в коллекции отсутствуют), медная пряжечка с округлым щитком и остатками ремешка (рис. 1, *5*) и «железная стрела-нож», а на деле — черешковый кинжал «тюхтятского» типа (рис. 1, *7*).

«Под камнями в черном слое здесь попадались куски дерева и бересты, но ни углей, ни сожженных костей, а равно каких-либо костей человека не было следа». Очевидно, это женский кенотаф, так как в яме было только мясо, сосудики с какой-то пищей и вещи, вероятно женские.

Мунгаш-Чирик, курган 36 располагался рядом с курганом 35. Это выложенная камнем впадина диаметром 2,8 м. На глубине 13 см на горизонте — косточки трупосожжения человека и кости овцы (?). «Золы нет, угли — изредка, так что сжигание производилось не здесь, а где-то в другом месте». Собраны три бесформенных слиточка меди и обломки косточек, подвергавшихся обработке.

Уюк-Тарлык, курган 41 имел округлую насыпь диаметром 10,65, высотой 0,76 м. Полы его плоские, шириной 4,2 м, сложены из крупных камней. В высокой средней части насыпи воронкообразная яма диаметром около 4 м. Дно впадины без камней. На запад — юго-запад от насыпи

«идет линия стоячих камней (10 шт.) на протяжении 56 шагов». В центре на горизонте обломки костей ноги и челюсти с зубами «какого-то крупного животного», а также кости овцы (грудина, обломки черепа, ног) и еще «обгоревший кусок кости животного» (?). Яма диаметром 1,25 м находилась ближе к восточной поле. В ней на глубине 0,45—0,54 м — кучка пережженных косточек человека, три обломанных железных трехперых наконечника стрел с упором (рис. 6, *6*, *7*) и несколько перекаленных обломков костяных пластинок с явными следами обработки. Здесь мы имеем дело с возможным случаем, когда более древний курган-кенотаф с рядом камней был переиспользован для погребения, совершенного в IX—X вв., или же в кургане был погребен грешник, душе которого путь «в нижний мир» — на запад указывал ряд из 10 вертикально установленных камней.

Уюк-Тарлык, курган 42 имел округлую каменную насыпь диаметром 8,9, высотой до 0,8 м. После расчистки на горизонте обнаружена овальная яма, вытянутая с запада на восток (0,9×0,7 и глубиной 0,35 м). В ямке находилось трупосожжение с вещами и «мясом». Кучка пережженных костей (диаметром около 22 см) располагалась у юго-восточного борта. С западной стороны возле нее «стоял металлический сосуд» (в коллекции не сохранился). В 0,2 м к северу лежали остриями на запад четыре трехлопастных наконечника стрел с упорами и остатки каких-то железных предметов (рис. 6, *9—11*). Среди пережженных косточек собраны обломки концов двух роговых накладок центральной части сложного лука (рис. 6, *12*, *13*). Вдоль юго-западной стенки располагались кости овцы (23 позвонка, два крестца, около 20 ребер, лопатка, бедренная, кусок нижней челюсти и еще несколько мелких костей). На борту ямы под камнями лежали два туго скрученных свитка бересты (они были мною распарены и развернуты в музее, но оказались гладкими без каких-либо начертаний).

Уюк-Тарлык, курган 43 имел вид кольца из крупных камней диаметром 8 м, которое окружало впадину диаметром 3 м. Посредине выявилась овальная ямка, вытянутая с севера на юг, размерами 1,8×1,17, глубиной 0,7 м. В южном ее конце стояла «серебряная чашка» и в 0,3 м к юго-востоку от нее — клеенчатая чаша» (т. е. очевидно, лаковая танская; обе чаши в коллекции не обнаружены). Еще обнаружены два обломка трубчатой кости овцы. Было ли трупосожжение на горизонте — осталось невыясненным. В ямке была лишь жертвенная пища.

Уюк-Тарлык, курган 45 имел овальную каменную насыпь размером 10,65×7,11 и высотой 0,4 м. На горизонте выявилась яма диаметром 0,96 и 0,36 м глубиной. В ней находились кости овец (28 позвонков, 2 крестца и еще мелкие кости 2—3 крестцов молоденьких барашков; 2 лопатки взрослой овцы, кости грудины с неокостеневшими хрящами, кусок тазовой, обломки длинных костей). И здесь же — обожженные кости человека (кусочек черепа и большой трубчатой кости).

Уюк-Тарлык, курган 56 имел овальную насыпь, вытянутую с севера на юг, размером 13,3×8,16, высотой 0,7 м. На горизонте, отступя 1,4 м от края, находились кости овцы (череп, 11 позвонков и крестец, 12 ребер и лопатка, 4 челюстных кости, плюсна и хрящи). Под костями ямка глубиной 0,54 м, на дне которой лежали остатки трупосожжения. Возле нее — маленький фарфоровый сосудик, серовато-белый, покрытый сверху натеками блестящей желтовато-зеленоватой глазури с темно-коричневыми полосами. Сосудик похож своими завернутыми вовнутрь краями на чернильницу-непроливашку, роль которой он скорее всего и выполнял в быту (рис. 1, *3*). Восточнее костей лежала бронзовая танская монета с квадратным отверстием, с надписью Кайюань-тунбао (в коллекции не обнаружена, но есть фото). На горизонте возле описанной ямы обнаружены остатки детского трупоположения. Затем при зачистке материка выявилась вторая ямка глубиной около 40 см, в которой также находилась кучка жженых костей человека и кости овец (2 крестца с 7 позвонками, 9 разрозненных позвонков, 14 ребер, грудина, лопатка и 2 обломка костей).

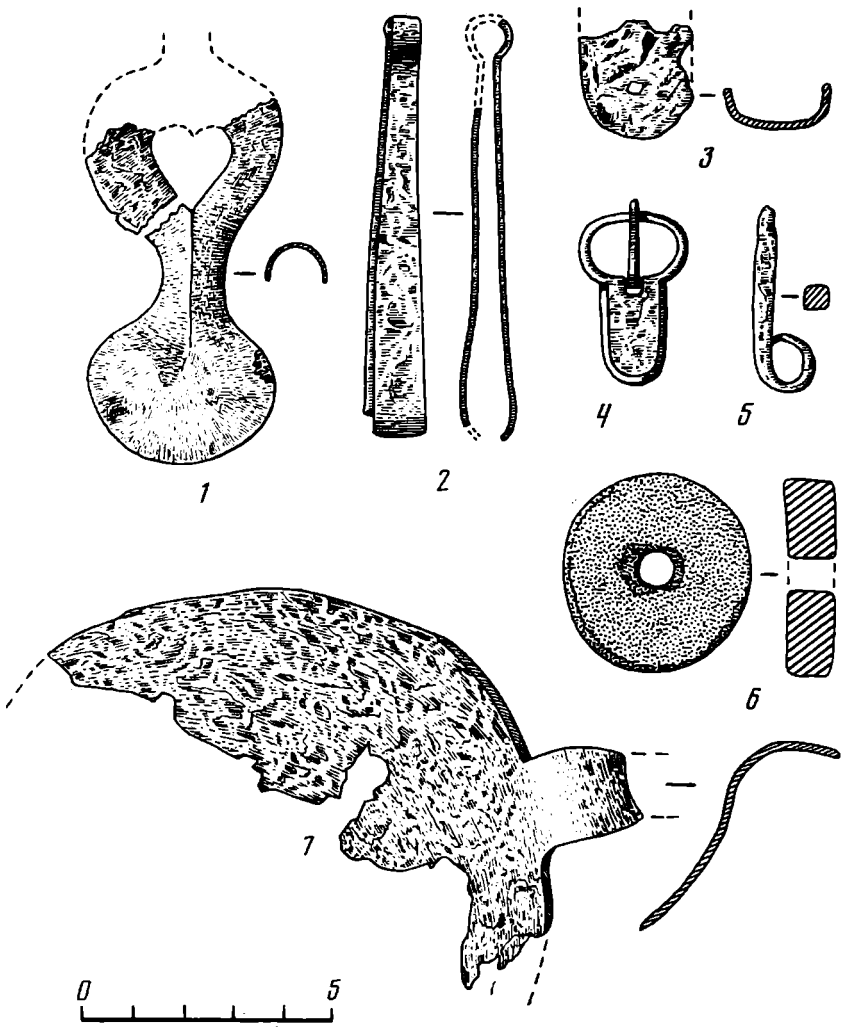


Рис. 10. Предметы быта IX—X вв. (раскопки С. А. Теплоухова). *1, 3* — кург. 4 в урочище Булук; *4, 5* — кург. 18 в 2 км к востоку от пос. Элегест; *2, 6, 7* — кург. 104 у горы Куй-Бар (*1, 3, 4* — бронза; *5, 7* — железо; *6* — глина)

Таким образом, в кургане оказалось два трупосожжения в ямках (одно с вещами) с мясом и трупоположение младенца. Судя по подхоронению младенца и монете, обычно укладываемой у древних хакасов в женские могилы, здесь центральным погребением являлось трупосожжение женщины, возможно исполнявшей службу писца.

Ниже публикуются материалы 12 древнехакасских курганов IX—X вв., раскопанных С. А. Теплоуховым в 1926 и 1929 гг. в разных районах Тувы, главным образом в центральной и северной ее котловинах.

Булук, курган 3 имел округлую насыпь диаметром 10, высотой 0,5 м. В центре — впадина диаметром 2,5, глубиной 0,2 м. При разборке насыпи в юго- юго-западном секторе найдена вторая фаланга лошади, а в юго-восточном — пястные кости лошади.

В центре — круглая яма диаметром 1, глубиной 0,6 м. На ее юго-восточном борту залегал слой углей от сожженного здесь костра. В яме лежали поясничные позвонки овцы и обломки обуглившихся костей человека.

Булук, курган 4 имел округлую насыпь диаметром 6,15, высотой до 0,5 м, с небольшой впадиной. У юго-западного края насыпи стояла врытая на боку песчаниковая плита высотой 0,55, шириной 1, толщиной 0,15 м. Широкие грани обращены на запад и восток. Под южной полой на горизонте найдены обломки бронзовой деформированной в огне вы-

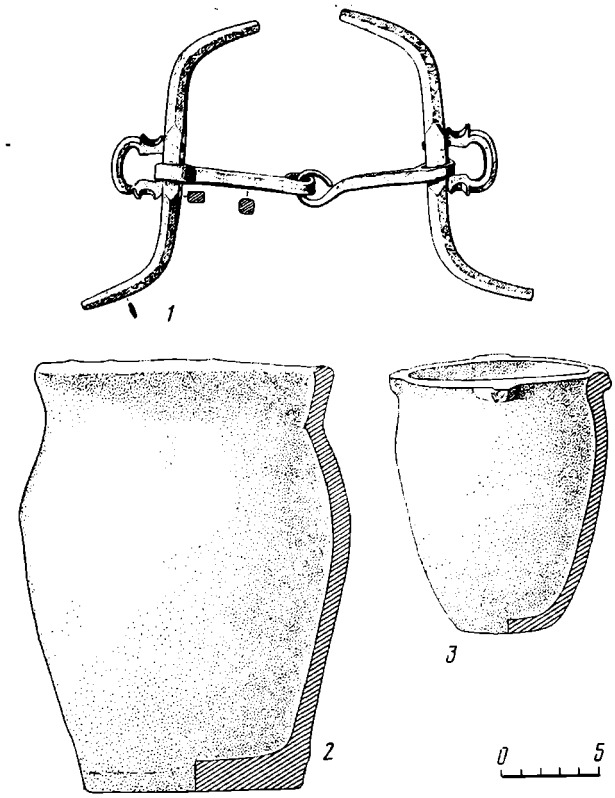


Рис. 11. Железные удила (*1*), сосуд-урна (*2*) и сосуд для еды (*3*) из курганов IX—X вв. (раскопки С. А. Теплоухова). *1* — кург. 28 в 6 км к западу от дер. Краснояровки; *2* — кург. 21 в 2 км к востоку от пос. Элегест; *3* — кург. 104 у горы Куй-Бар

пукло-вогнутой бляшки и фигурной подвески с сердцевидной прорезью (рис. 10, *1, 3*). Под насыпью открылась овальная яма, вытянутая с северо-востока на юго-запад. Ее размеры 1,3×0,95 м, глубина 0,5 м. В яме находились обугленные кости трупосожжения и кости овцы (грудина, крестец, ребро, 4 позвонка).

Пос. Элегест, курган 18. Это уплощенная круглая насыпь из камней диаметром 7 и высотой 0,3 м. На горизонте под южной полой найдена бронзовая пряжка и железный язычок другой пряжки (рис. 10, *4, 5*). В центре, в неглубокой впадине, разбросаны черепки глиняного сосуда, обуглившиеся пережженные кости человека и кости животных.

Пос. Элегест, курган 19а, б. Две слившихся между собой округлые каменные насыпи, построенные в линию с юго-запада на северо-восток Общая длина их 9 и ширина 6 м. Против каждой насыпи с юго-восточной стороны, на расстоянии 1,5 м от них, стояли два высоких каменных столба с эпитафиями, написанными енисейской письменностью. Обе насыпи «были совершенно разрушены невежественной раскопкой недавнего времени». Теплоухов расчистил лишь юго-западную насыпь, среди камней которой и «главным образом в отвалах бессмысленных раскопок» им обнаружены кости скелета человека и коня от впускного тувинского погребения XVIII в. с типичными для тувинской культуры предметами и подвесками из маньчжурских монет Канси (1662—1722 гг.). Но уже он отметил, что «среди тех же камней найдена и бронзовая накладка на ремень с двумя птичками, относящаяся к более раннему времени (судя по аналогичным находкам в Туве и Минусинском крае,— к эпохе Тан)». Ямы в этом кургане не оказалось, и, следовательно, бывшее здесь раннее погребение также было совершено на горизонте. Из числа инвентаря, кроме отмеченного автором раскопок бронзового наременного наконечника, нами отнесены к IX—X вв. бронзовая поясная обойма, же-

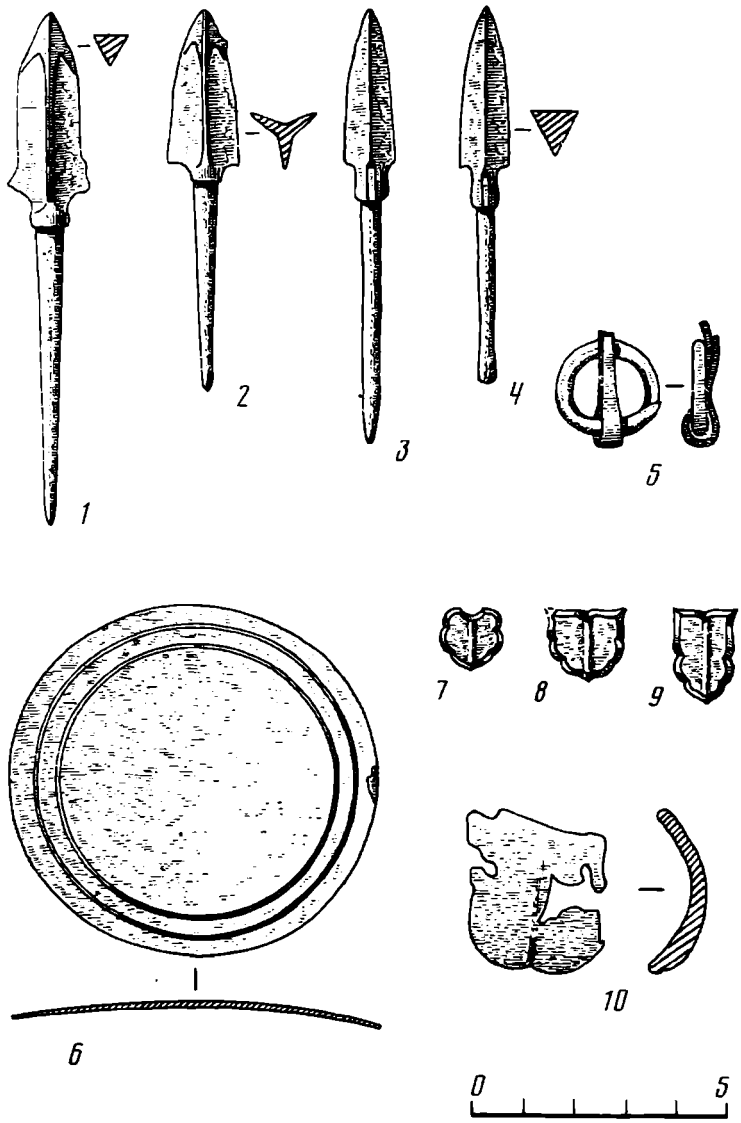


Рис. 12. Предметы вооружения и быта IX—X вв. (раскопки С. А. Теплоухова). *1, 2* — кург. 123 на левом берегу р. Туран; *3, 4, 7—10* — кург. 112 на левом берегу р. Туран; *5, 6* — кург. 97 у горы Куй-Бар (*1—5, 10* — железо; *7—9* — медь; *6* — белый сплав)

лезный черешковый нож, удила с восьмеркообразными концами и разбитый баночный сосуд [1, рис. 6 (*10—12*); 5, с. 111—113].

В 1957 г. сотрудники экспедиции МГУ посетили курганы со стелами 19а, б, расположенные в 2,5 км к востоку — юго-востоку от пос. Элегест, на прилавке гор Танну-Ола. В результате произведенной нами расчистки раскопанных курганов и отвалов, при которых было обнаружено большое количество кальцинированных косточек людей, стало ясно, что курганы 19а, б, у которых стояли стелы, были первоначально древнехакасскими с погребениями по обряду трупосожжения, а позднее они были переиспользованы тувинцами и ограблены. В июле 1960 г. стела Элегест II вывезена мною и сдана на хранение в музей г. Кызыла (№ 3747). Позднее был опубликован текст и перевод ее надписи [5, с. 111—113; 14]. В 1961 г. в тот же музей перевезена и вторая стела Элегест III.

Пос. Элегест, курган 21 находился в 15 м к северо-востоку от двойной насыпи кургана 19. Диаметр 7,5, высота до 0,4 м. Под насыпью обнаружены сгнившие кусочки дерева, вероятно, от перекрытия ямки. В последней на глубине 0,7 м стоял глиняный баночный сосуд (рис. 11, *2*) «с лежащими в нем угольками и обуглившимися костями» человека

(таким образом, здесь зафиксирован редкий случай обнаружения древнехакасского погребения в глиняном сосуде-урне).

Краснояровка, курган 28 имел круглую насыпь из камней, диаметром 17,5, высотой до 1 м. Насыпь уплощена. В насыпи, в 4 м от центра на запад, на глубине 0,15 м лежали удила с эсовидными псалиями, побывавшие в огне (рис. 11, *1*). Под ними на горизонте под всей западной полой лежали угли, т. е. располагалось кострище (о трупосожжении ничего не сказано; возможно, автор раскопок его не заметил).

Чер-Чарык, курган 49 был сложен из камня в виде круга диаметром 12, высотой 0,9 м. Стенки его были отвесны, т. е. сложены круговой стенкой из плашмя уложенных плит. На горизонте найден слой обугливших костей (человека) и углей, необожженные кости барана и обломок лепного гладкого грубоватого сосуда с красной поверхностью.

Куй-Бар, курган 97 имел округлую насыпь из камня, диаметром 8,5 высотой 0,5 м. В центре — небольшая впадина. На горизонте, в 1 м к юго-востоку от центра, найдена круглая железная пряжка (рис. 12, *5*). В центре обнаружена яма неясных очертаний глубиной 0,6 м. В ней находилось трупосожжение человека, угольки, необожженные кости овцы (ребра и шесть позвонков) и дисковидное зеркало местного производства из белого металла (рис. 12, *6*).

Куй-Бар, курган 104 сложен из камня в виде круга диаметром 5,5, высотой 0,3 м. В середине насыпи — впадина. На горизотне в центре обнаружены жженые кости человека; в восточном секторе — пряслице из стенки лепного сосуда (рис. 10, *6*). В юго-восточном секторе (на глубине 0,4 м) найден железный пинцет (рис. 10, *2*). В западном секторе расчистилась ямка глубиной 0,7 м, в которой находилась кучка второго трупосожжения, лепной баночный сосуд с четырьмя налепами у венчика, обломок железного черпака (рис. 11, *3*; 10, *7*), угли, зола и необожженные кости овцы.

Река Туран, курган 112 имел круглую насыпь из камней (диаметром 6 м, высотой 0,3 м) с небольшой впадиной. На глубине 0,2 м от горизонта в центре обнаружены два трехгранных наконечника стрел; семь тонких бронзовых поясных фигурных бляшек и гнутая железная пластинка (рис. 12, *3*, *4*, *7—10*). Здесь же находились пережженные кости человека и необожженные кости животных.

Река Туран, курган 123. Это круглая площадка из камня, диаметром 7,3 и высотой 10—15 см. Посредине — едва заметная впадина. В центре, в ямке глубиной 0,6 м, лежали два железных трехгранно-трехлопастных наконечника стрел (рис. 12, *1*, *2*), железные обломки и кости барана. Трупосожжения автор раскопок не отметил, весьма возможно, что это был кенотаф.

Следует сказать, что и в некоторых описанных выше курганах С. А. Теплоухов нередко просто отмечает «жженые кости» (наряду с необожженными костями животных), не указывая, что это были остатки трупосожжения человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности — СА, 1960, № 3.
2. *Кызласов Л. Р.* Этапы средневековой истории Тувы.— Вестн. МГУ, история, 1964, № 4.
3. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
4. *Кызласов Л. Р.* Тюхтятская культура древних хакасов.— В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981.
5. *Кызласов Л. Р.* Новый памятник енисейской письменности.— СЭ, 1965, № 2.
6. *Кызласов Л. Р.* Курганы древнехакасской тюхтятской культуры в Туве (по материалам Тувинской археологической экспедиции МГУ).— Вестн. МГУ, история, 1978, № 6.
7. *Маннай-оол.* Археологические исследования ТНИИЯЛИ в 1967 г.— УЗ ТНИИЯЛИ. XIII. Кызыл, 1968.
8. *Нечаева Л. Г.* Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты.— Тр. ТКАЭ. Т. 2. М.— Л.: Наука, 1966.
9. *Овчинникова Б. Б., Панова О. Ю., Рыбаков Б. И.* Раскопки на могильнике Аймырлыг II.— АО — 1974. М., 1975.

10. *Грач А. Д.* Древнекыргызские курганы у северной котловины Больших озер и находки тибетских надписей на бересте.— Страны и народы Востока. Вып. 22. М.: Наука, 1980.
11. *Николаев Р. В.* Средневековые курганы близ железнодорожной станции Минусинск.— СА, 1972, № 2.
12. *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
13. *Сунчугашев Я. П.* Металлические изделия средневековых мастеров Хакасии.— Изв. СО АН СССР, № 1, вып. 1, сер. общ. наук, 1980.
14. *Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности.— СА, 1965, № 3.
15. *Мункуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М.: Наука, 1965.
16. Мифология народов Якутии. Якутск, 1980.
17. *Адрианов А. В.* Дневник раскопок, произведенных Адриановым А. В. в Урянхайском крае. Архив Музея археологии и этнографии народов Сибири Томского гос. ун-та, № 78.
18. *Теплоухов С. А.* Отчет о раскопках в Туве. Архив Музея этнографии народов СССР (Ленинград).
19. *Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

L. R. Kyzlasov

THE TYUKHTYATY CULTURE MOUNDS IN TUVA
(1915-1929 diggings)

Summary

The author publishes materials (diary excerpts and drawings of finds), relating to the Tyukhtyaty culture in Tuva produced by A. V. Adrianov in 1915-1916 and S. A. Teploukhov in 1926 and 1929. Besides their scientific factual value pertaining to the material culture and rituals of the epoch, the materials attracted the author's attention because they contain information on some Yenisey epitaphs of ancient Khakasses found on stone stellae which formerly stood at certain mounds. The burials and the stellae complement each other, supplying more exact dates, and represent burial-and-funeral complexes.

КРИГЕР В. А.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ НОВО-КУМАКСКОГО МОГИЛЬНИКА

(Оренбургская область)

Курганы Ново-Кумакского могильника исследовались в течение семи полевых сезонов [1]. Материалы курганов эпохи бронзы и раннего железного века опубликованы в монографиях и статьях М. Г. Мошковой и К. Ф. Смирнова и давно стали достоянием науки. Средневековые же материалы, кроме двух погребений [1, с. 205, 215—216], не введены в научный оборот [2].

К настоящему времени в могильнике раскопано 27 средневековых курганов, содержавших 29 погребений. Это самый крупный исследованный средневековый могильник в Южном Приуралье [2, с. 151—152].

Могильник расположен на возвышенности между восточной окраиной г. Орска и пос. Новый Кумак на протяжении 7—8 км отдельными группами [1, с. 229; 3, с. 4]. Средневековые курганы находились и среди более древних курганов и составляли самостоятельные группы (рис. 1).

Целью нашей работы является публикация материала и попытка определить место и значение погребений могильника в Южноприуральском регионе.

Конструкции насыпей 27 курганов подразделяются на пять типов (рис. 2): I — простая земляная насыпь; II — в земляной насыпи под дерновым слоем бессистемно, на разных уровнях набросаны камни (рис. 2, *2*); III — под земляной насыпью, на древнем горизонте в полах кургана, выложено кольцо из камня шириной до 2 м (рис. 2, *3*); IV — насыпь близка по типу предыдущему, с той разницей, что пространство внутри кольца заполнено редкой каменной наброской (рис. 2, *4*). К этому же типу отнесена насыпь кургана 16, хотя она несколько отличается от других тем, что кольцо выложено крупным плитняком, положенным друг на друга и образующим радиально расходящиеся от центра лучи (рис. 2, *6*); V — насыпь состоит из сплошного каменного покрытия (рис. 2, *5*).

Как правило, насыпь сооружалась для одного погребения. Лишь в курганах 2 и 16 встречены по два одновременных захоронения с одинаковым обрядом. Единственным впускным погребением в более древнюю насыпь является погребение 2 кургана 1 (табл. 5, № п/п 15) [3]. В количественном отношении большинство насыпей с камнем (21 курган). Курганы с камнем распределяются по типам (II—V типы) приблизительно равномерно (табл. 1).

---

[1] В 1958, 1959 и 1962 гг. раскопками руководила М. Г. Мошкова (Архив Института археологии АН СССР, р-1, № 1820, 2034, 2543). В течение 1971—1973 гг. экспедиция под руководством К. Ф. Смирнова раскапывала курганы, попадающие в зону строительства (АИА, р-1, № 4510, 4814, 5036). Расширение территории строительства потребовало новых исследований, проведенных в 1979 г. под руководством В. А. Кригера и С. Н. Заседателевой (АИА).

[2] Приношу искреннюю благодарность исследователям раннего железного века степной Евразии К. Ф. Смирнову, М. Г. Мошковой за предоставление в мое распоряжение материалов погребений эпохи средневековья из своих многолетних раскопок в Оренбургской области.

[3] Поскольку совпадают номера курганов из разных лет раскопок, в дальнейшем указывается порядковый номер погребения по табл. 5.

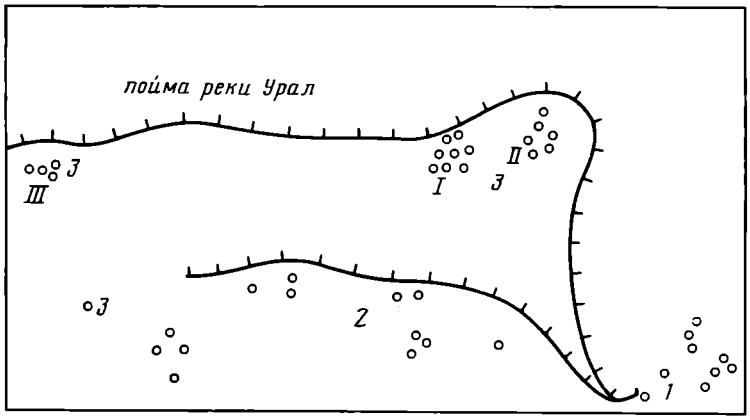


Рис. 1. Картосхема курганных групп Ново-Кумакского могильника *1* — раскопки М. Г. Мошковой; *2* — раскопки К. Ф. Смирнова; *3* — раскопки В. А. Кригера, С. Н. Заседателевой. I—III — группы

Средневековые кочевники в Ново-Кумакском могильнике использовали пять типов могильных ям (рис. 3, *1—5*): *1* — узкие прямоугольные с закругленными углами (их варианты: *1а* — прямоугольные с суживающимися ко дну стенками, *1б* — прямоугольные короткие мелкие); *2* — прямоугольные со ступенькой вдоль северной стенки, *2а* — южной, *2б* — западной; *3* — подбойные со ступенькой во входной яме; *4* — впускные в насыпь древнего кургана на уровне древнего горизонта; *5* — прямоугольные с двумя ступеньками вдоль длинных сторон.

Самой распространенной формой являются могилы со ступенькой (тип *2аб* — 15 могил). Конструктивно близкий тип — подбой со ступенькой во входной яме (тип *3* — три могилы).

Обычная ширина ступеньки 40—50 см, высота 40—45 см от дна[4]. В кургане № п/п 17 (табл. 5) ступенька сооружена вдоль южной стенки, но ориентировка человека и коня не западная, а восточная. Это значит, что кости коня на ступеньке находятся традиционно слева от погребенного.

Практическое назначение ступеньки в могиле известно. На ней укладывали тушу коня или отдельные ее части. В кургане № п/п 19 (табл. 5) оба одновременных погребения находились в ямах со ступенькой. Погребение 1 сопровождалось целым остовом коня и разнообразным инвентарем (предметы сбруи, быта, украшения). В погребении 2 костей коня на уступе не оказалось, а инвентарь представлен только серьгой

Таблица 1

Тип насыпи		I	II	III	IV	V	Итого
Типы могил	*1аб*	6		1		2	9
	2аб		5	3	5	2	15
	3	1			2		3
	4		1				1
	5	1					1
Ориентировка	запад	1	4	4	7	2	18
	ЮЗ	3				2	5
	СВ	2					2
	восток		2				2
	север	2				2	4
Захоронения коня		1	5	3	6		15

[4] В прямоугольных ямах (№ п/п 2, 23, 25, табл. 5) рудиментарным явлением оказались оставленные вдоль длинной стенки ступеньки (шириной 25—30 см), на которых не было костей коня. Здесь, очевидно, сказалась сила традиции, а не практическая необходимость ступеньки.

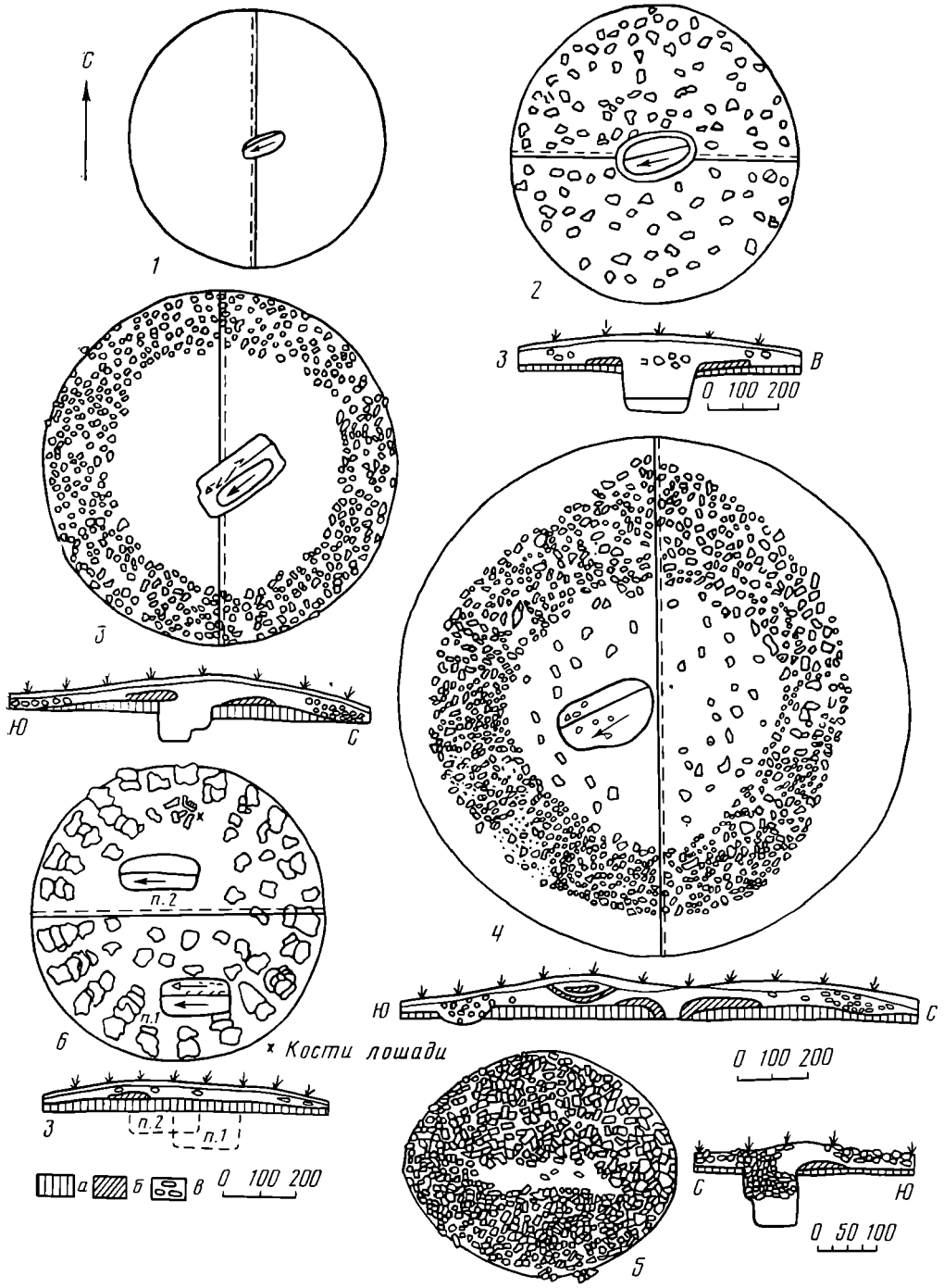


Рис. 2. Планы курганов: *1* — кург. 29, 1962 г.; *2* — кург. 15; *3* — кург. 29, 1973 г.; *4* — кург. 9; *5* — кург. 3, группа I; *6* — кург. 16
а — погребенная почва; *б* — могильный выброс; *в* — камни в насыпи

и бусиной. Большинство прямоугольных могил со ступенькой сопровождалось целым остовом коня (табл. 5).

Таким образом, из 29 погребений могильника в 12 прямоугольных могилах со ступенькой и в 3 подбойных находились захоронения лошади. Еще 4 погребения, без захоронения коня, но с предметами сбруи (№ п/п 2, 15, 26, 27, табл. 5), очевидно, символизировали захоронение коня. Итого 19 погребений объединяются ритуалом погребения человека с конем.

Погребенные лошади ориентированы в соответствии с ориентировкой человека. Черепа почти всех лошадей лежат на левом боку. Четыре коня лежат на левом боку, четыре — на брюхе, в пяти захоронениях положение не восстановлено.

Таблица 2

Тип могилы	1аб	2аб	3	4	5	Итого
Ориентировка:						
запад	2	13	3			18
ЮЗ	3					3
СВ	2					2
восток		1		1		2
север	2	1			1	4
Захоронения коня		12	3			15
Захоронение сбруи без костей коня	2			1	1	4
Перекрытия и кора	4	10	2		1	17
Гробы и колоды		9	3			12

Ориентировка погребенных людей в подавляющем большинстве западная, с сезонными отклонениями (табл. 1, 2).

Деревянные сооружения в погребениях зачастую плохой сохранности или разрушены. Как правило, наличие перекрытия сочетается с наличием гроба или колоды (табл. 2). Однако присутствие гроба или колоды и перекрытия в погребениях могильника не обязательно (в 10 курганах их вообще нет). Гробы делали в виде прямоугольного невысокого ящика с дном и крышкой, иногда поперечное перекрытие заменяло крышку. Для изготовления деревянных сооружений употребляли осину, тополь, березу. Все гробы и колоды находились в ямах со ступенькой и подбоях, а вход в яму на уровне ступеньки закрывало перекрытие из коротких плашек, уложенных поперек. Кора деревьев использовалась как для покрытия ступеньки, так и для покрытия погребенного.

Положение погребенных — вытянуто на спине, руки вдоль туловища только в нескольких захоронениях кисти рук на тазовых костях.

Отражением древних языческих верований является наличие угля и мела в захоронениях. В двух погребениях дно посыпано мелом (№ п/п 3, 22, табл. 5), в одном кургане (№ п/п 18, табл. 5) мел положен кусками рядом с человеком. В насыпях двух курганов (№ п/п 1, 11, табл. 5) выявлены прокаленный грунт и уголь от разведенных костров.

Заупокойной пищей служили куски мяса коровы и барана. Трижды они встречены в засыпи могилы (№ п/п 2, 11, 12, табл. 5) и четыре раза — в головах, у таза и в ногах погребенных (№ п/п 4, 7, 13, 19, 20, табл. 5). Остатки тризны обнаружены только в насыпи одного кургана (№ п/п 19, табл. 5). Кости лошади, в том числе нижняя челюсть, лежали внутри каменного кольца на древнем горизонте (рис. 2, *б*). Может быть, для тризны использовали лошадь, предназначавшуюся в погребение 2, где на ступеньке костей коня не оказалось. Среди камней насыпи в курганах с безынвентарными погребениями (№ п/п 23, 24, табл. 5) обнаружены кости лошади, теленка и ягненка [5].

Анализ погребального обряда в могильнике Новый Кумак выявил основные традиции: насыпи с камнем (типы II — V) в 21 кургане (79%); ступеньки в 18 могилах (62%); западная и юго-западная ориентировка человека в 23 погребениях (79,7%): целые остовы коней в 13 захоронениях (44,8%). Во всех погребениях, где установлено положение коня, его ориентировка соответствует ориентировке человека.

Для выяснения основного типа погребения проведена корреляция традиций погребального обряда курганов Нового Кумака, которая выявила некоторые закономерности (табл. 1).

Могилы со ступенькой (тип *2аб*) находились под насыпью с камнем (типы II — V). Погребенные с западной ориентировкой и захоронением коня находились под каменной насыпью. Захоронения под земляной насыпью отличаются нестабильностью обряда. Это сказывается как в различии формы могил, так и в ориентировке погребенных. Деревянные

[5] Определение палеоботанических и палеозоологических материалов из раскопок 1979 г. выполнено ст. научным сотрудником УПИ А. Джубановым.

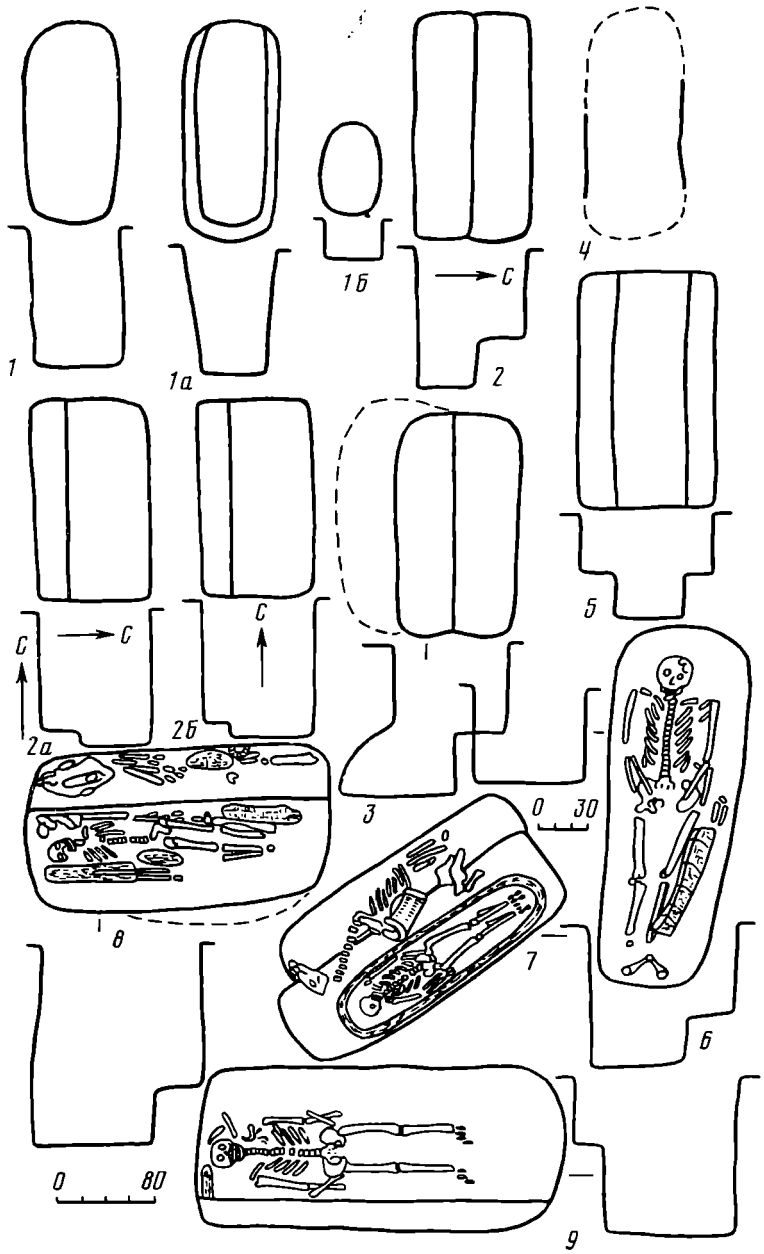


Рис. 3. Планы погребений: *1—5* — типы могил; *6* — кург. 11; *7* — кург. 29, 1973; *8* — кург. 2, погр. 2; *9* — кург. 3, группа I

перекрытия и гробы не коррелируются, поскольку они примерно равномерно распределяются по всем типам насыпи.

Особенно хорошо коррелируются типы могил с основными погребальными традициями. Выпукло обозначился основной тип погребального обряда. Он характеризуется могилами со ступенькой под каменной насыпью, на ступеньке целый остов коня, ориентированный в соответствии с ориентировкой человека головой на запад. Могила обычно перекрыта деревянными короткими плашками на уровне ступеньки поперек ямы. Часто погребенный лежал в гробу или колоде вытянуто на спине.

Основной тип погребального обряда новокумакских курганов не единичен среди памятников Южного Приуралья. Аналогичные курганы расположены на северо-востоке Актюбинской области, в непосредственной близости от г. Орска [4, с. 96; 5, с. 69—70].

Синхронные Новому Кумаку курганы, расположенные западнее г. Актюбинска до бассейна р. Урал, в значительной степени отличаются основными чертами погребального обряда. Это курганы могильника

Таблица 3

№	Западная группа	Восточная группа
1	Курганы по 3–5 насыпей группируются отдельно или среди курганов древних могильников	Курганы группируются в могильники от 10 и более насыпей
2	Насыпи в большинстве земляные	При сооружении насыпи, как правило, использовали камень
3	Могилы в основном простые прямоугольные или прямоугольные с двумя уступами вдольдлинных сторон	Преобладают могилы с одной ступенькой вдоль длинной стенки с северной стороны
4	Захоронения коней редки, как правило, отдельные части коня (кости ног от копыта до метаподия)	Часто погребали с человеком целый остов коня
5	При господствующей западной ориентировке погребенных в некоторых группах большинство имело восточную или северную ориентировку	Подавляющее большинство погребенных ориентировано на запад
6	В конце золотоордынского периода (вторая половина XIV в) в насыпях курганов сооружаются четырехугольники из сырцового или жженого кирпича	В конце золотоордынского господства над кочевниками насыпи сооружали из сплошного завала камней (тип V)

Алебастрово II [6, с. 301–306], у с. Лебедевки [7, с. 86–89], у с. Россыпино, с. Каменноозерное [8, с. 112 сл.] и др. Очевидно, на территории региона Южное Приуралье синхронно существовали по крайней мере две группы населения, различавшиеся основными традициями погребального обряда (табл. 3).

Хронология погребений Нового Кумака основывается на аналогиях с материалами датированных захоронений близлежащих районов, для XIV в.— на комплексах с монетами из Заволжья и Центрального Казахстана (рис. 4—10).

Время совершения захоронений в могильнике определяется в целом XII—XIV вв. Однако в течение этих трех веков в степях Южного Приуралья и Заволжья произошли значительные исторические перемены (возникновение государства Золотая Орда, переход от языческих верований к общегосударственной религии — мусульманству), которые в той или иной степени отразились на погребальных памятниках Нового Кумака.

Выделяются три периода существования могильника: предмонгольский (XII — начало XIII в.); золотоордынский языческий (вторая половина XIII — первая половина XIV в.); золотоордынский мусульманский (вторая половина XIV — начало XV в.). Распределяются погребения по трем периодам неравномерно.

Самыми ранними в Новом Кумаке являются два погребения кургана (№ п/п 11, табл. 5). На это указывают: 8-образная форма стремян (рис. 4, *3*), наличие в наборе стрел наконечника с ромбическим пером (рис. 4, *20*), неискривленные лезвия мечей (рис. 4, *10*, *21*), двустороннее кресало овальной формы (рис. 4, *15*). Кроме того, стилистическое решение изображения дракона с лапками на костяной пластине (погр. 2), судя по изображениям драконов на бронзовых зеркалах Минусинской котловины, характерно для предмонгольского времени X—XIII вв. [9, с. 26]. Перечисленные сочетания хронологических признаков служат основанием для датировки XII — началом XIII в. Встреченные в отдельности указанные основания для датирования были бы спорны, но вместе они убеждают нас в правильности выбора хронологических границ [8, с. 196—199, табл. 1].

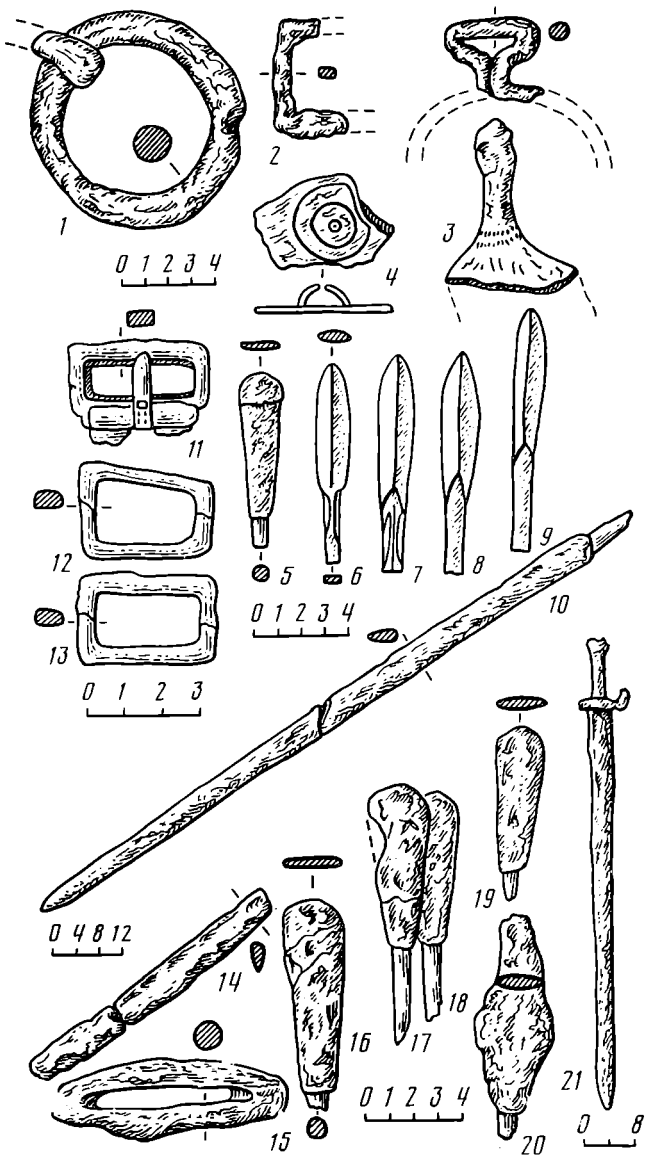


Рис. 4. *1—10* — кург. 2, погр. 1; *11—21* — кург. 2, погр. 2. *1—3*, *5*, *10*, *14—21* — железо; *4* — бронза; *6—9*, *11—13* — кость

При публикации новокумакских материалов М. Г. Мошкова датировала [1, с. 205] погребение кургана (№ п/п 1, табл. 5) ранним периодом средневековья (рис. 6, *31—34*). Наконечник копья из-за малых размеров принят автором за стрелку (рис. 6, *33*), что привело к ошибочной датировке. Копья аналогичной формы в комплексах Поросья датируются XII—XIII вв. [10, с. 17, табл. 31, *13*; 43, *9*]. Зеркала с бортиком по краю и без орнамента относятся к золотоордынскому времени [10, с. 19].

Еще одна ошибка, на наш взгляд, вкралась при датировке погребений Нового Кумака. Г. А. Федоров-Давыдов датирует XII в. [11, с. 251, № 18] единственное в то время в Южном Приуралье захоронение из кургана (№ п/п 9, табл. 5). Неясно — на каком основании, поскольку курган разрушен в древности, а инвентарь представлен только обломком костяной пластины с изображением задней части туловища животного (рис. 9, *2*), что не может служить основанием для точной датировки.

Самый многочисленный комплекс погребений приходится на второй период — золотоордынский языческий (вторая половина XIII — первая половина XIV в.). Представилась хорошая возможность провести корреляцию взаимовстречаемости широко распространенных и датирующих предметов материальной культуры. Этим условиям отвечают шесть пред-

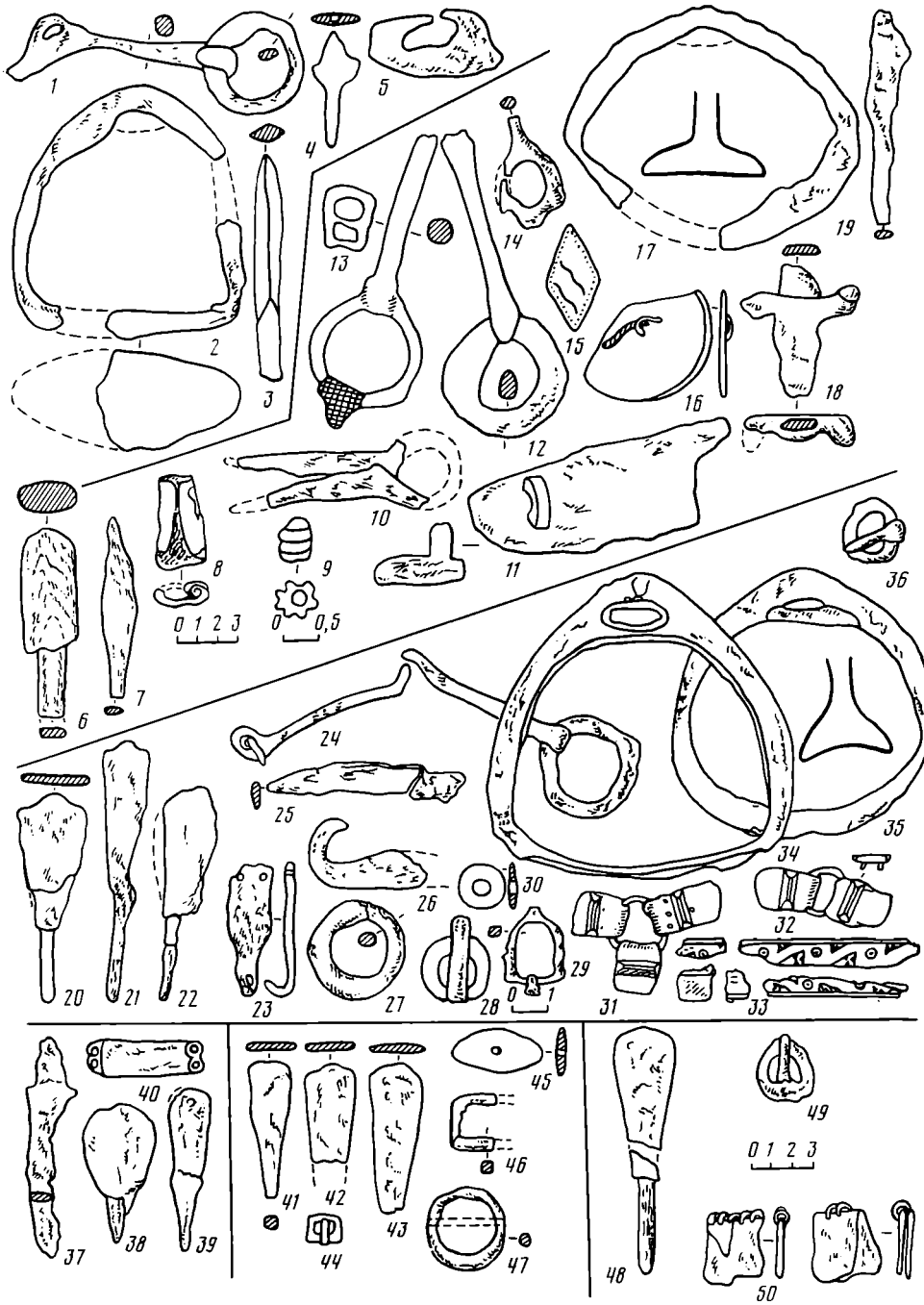


Рис. 5. *1—5* — кург. 15; *6—9* — кург. 28, 1973; *20—36* — кург. 28, 1962; *37—40* — кург. 37; *41—47* — кург. 9; *48—50* — кург. 1, 1971
1, 2, 4, 5, 7, 10, 12—14, 17—28, 34—44, 46—50 — железо; *3, 33* — кость; *8, 15, 31, 32* — кожа, бронза; *11* — железо, серебро; *16, 29, 30, 45* — бронза; *6* — железо, дерево; *9* — стекло

метов погребального инвентаря: I — железные плоские наконечники стрел (тип BIX—BXIII по Г. А. Федорову-Давыдову); II — одностороннее кресало с незамкнутыми концами; III — стремена с расплющенной верхней частью дужки и широкой подножкой; IV — удила двусоставные с перегибом; V — металлические зеркала (золотоордынских типов по Г. А. Федорову-Давыдову), целые диски и в обломках; VI — серьги в виде знака вопроса.

В археологической литературе утвердилась датировка этих предметов второй половиной XIII—XIV в. [11, с. 116]. Мы попытались уточнить датировку этих предметов в соответствии с новыми раскопками погребений золотоордынского времени, особенно погребений с монетами.

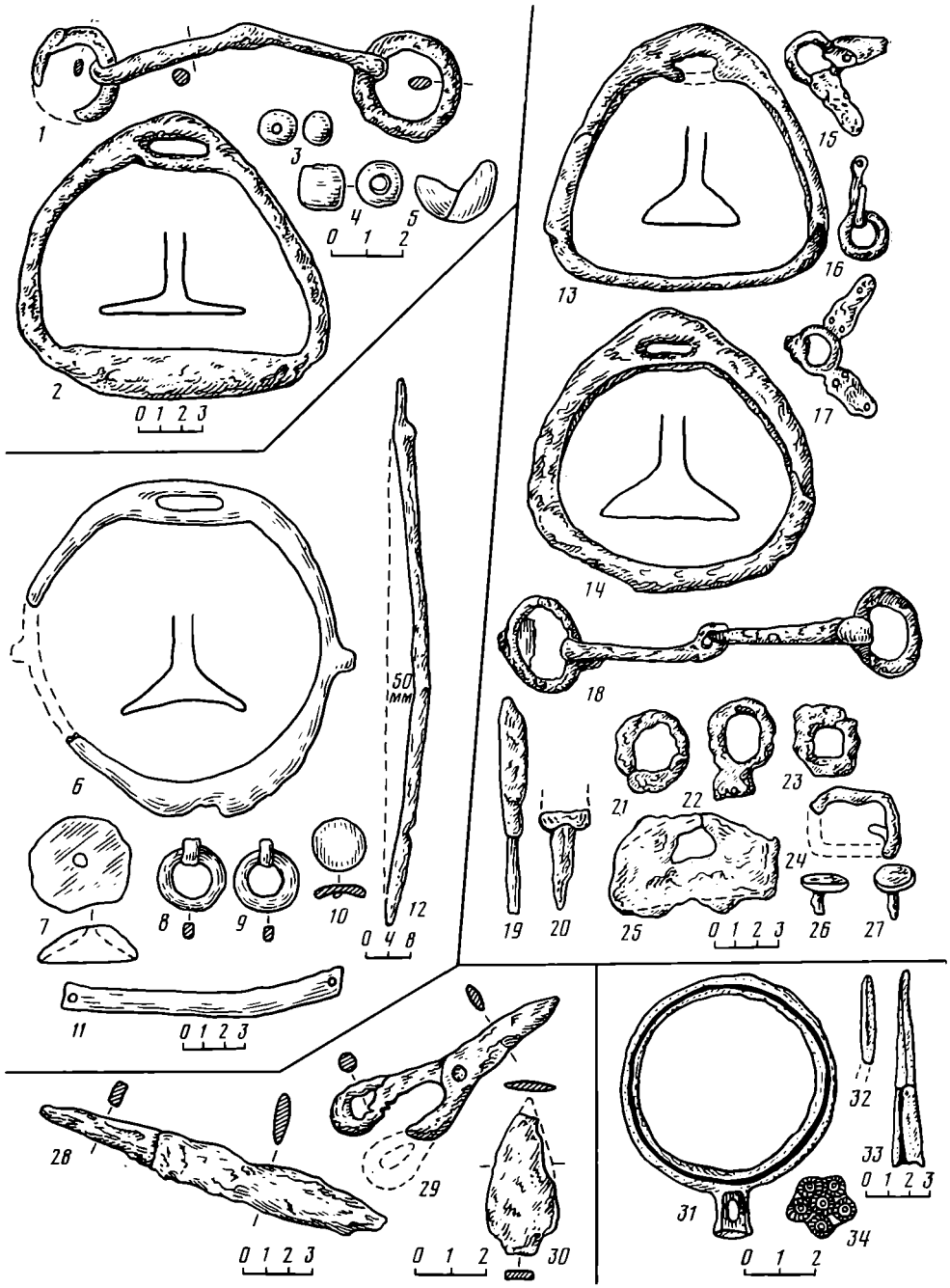
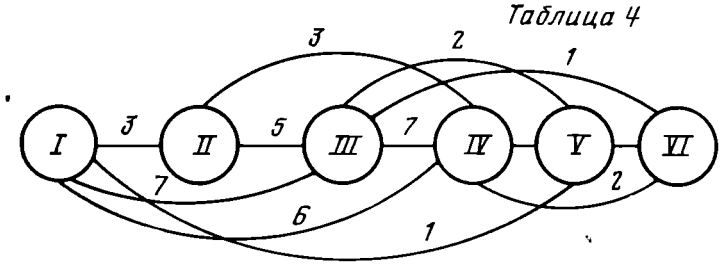


Рис. 6. *1—5* — кург. 29, 1973 г.; *6—12* — кург. 1, погр. 2, 1972; *13—27* — кург. 35; *28—30* — кург. 1, группа II; *31—34* — кург. 1, 1958.
1, *2*, *6*, *8—10*, *12—30*, *32*, *33* — железо; *3*, *4* — стекло; *7* — свинец; *5*, *11* — серебро; *31*, *34* — бронза

Таблица 4



Проведенная корреляция показала, что наиболее близкие связи наблюдаются между I—IV предметами (табл. 4, римскими цифрами отмечен порядковый номер анализируемых предметов, арабскими — количе-

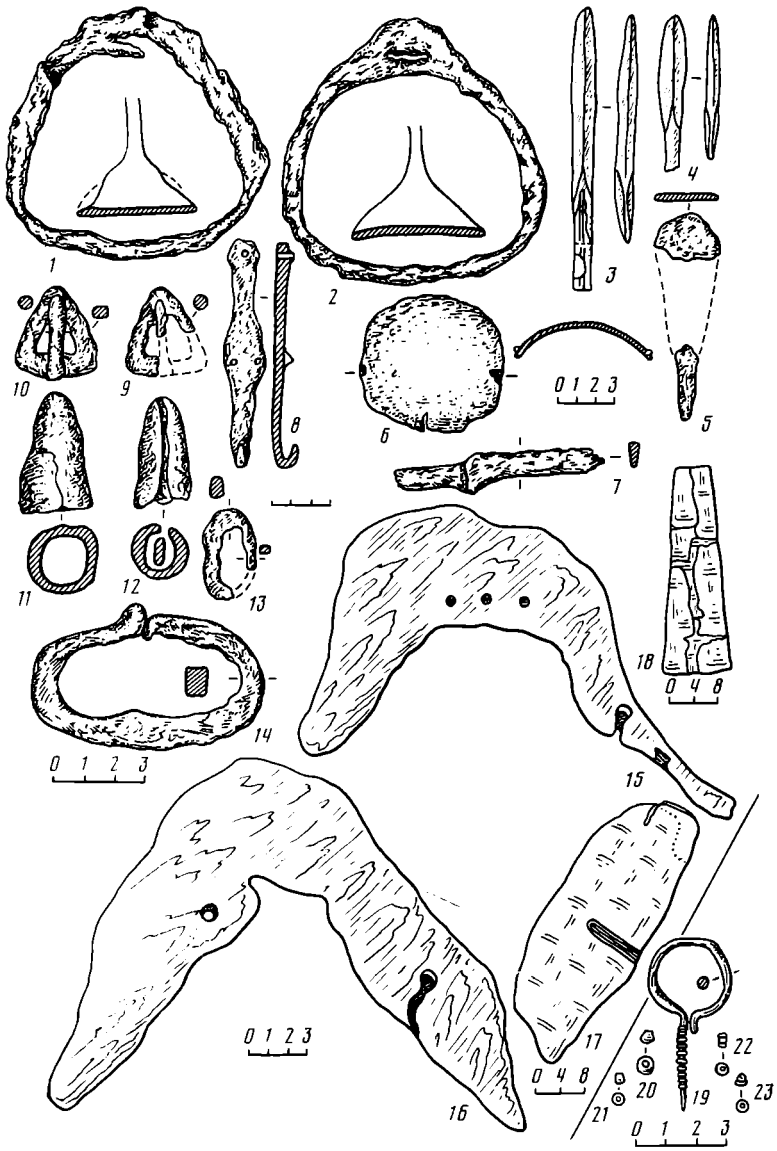


Рис. 7. *1—18* — кург. 3, группа II; *19—23* — кург. 4, группа II
1, *2*, *5—14* — железо; *3*, *4* — кость; *15*, *16* — дерево; *17*, *18* — береста; *19* — серебро; *20—23* — стекло, камень

ство встреченных связей). Высокая степень взаимовстречаемости предметов, видимо, свидетельствует об их хронологической близости. 15 погребений с коррелируемыми предметами (I—IV) второй половины XIII—XIV в. составляют самостоятельную хронологическую группу. Сюда же необходимо добавить еще пять погребений, датируемых по аналогиям вещевого комплекса (№ п/п 1—10, 13—16, 18, 21, 22, 26, 27, 29, табл. 5).

В этой группе погребений встречен характерный набор наконечников стрел. Плоские срезни различаются формой острия: с выступом (рис. 5, *4*), фигурное (рис. 5, *20*, *21*; *8*, *25*), круглое (рис. 5, *38*, *39*, *41*; 8, *2—4*), треугольное (рис. 5, *42*, *43*, *48* и др.).

Кресала из этих погребений однолезвийны (односторонние), концы их не сомкнуты (рис. 5, *26*; 6, *25*; 7, *14*; 8, *20*).

Стремена по классификации Г. А. Федорова-Давыдова относятся к отделам Д и Е, датируемым второй половиной XIII—XIV в. [11, с. 116]. В кургане (№ п/п 3, табл. 5) обнаружены разнотипные стремена (рис. 5, *34*, *35*), бытовавшие в конце XII—XIV в. Характерными признаками стремян этого времени являются широкая подножка и расплющенная в верхней части дужка.

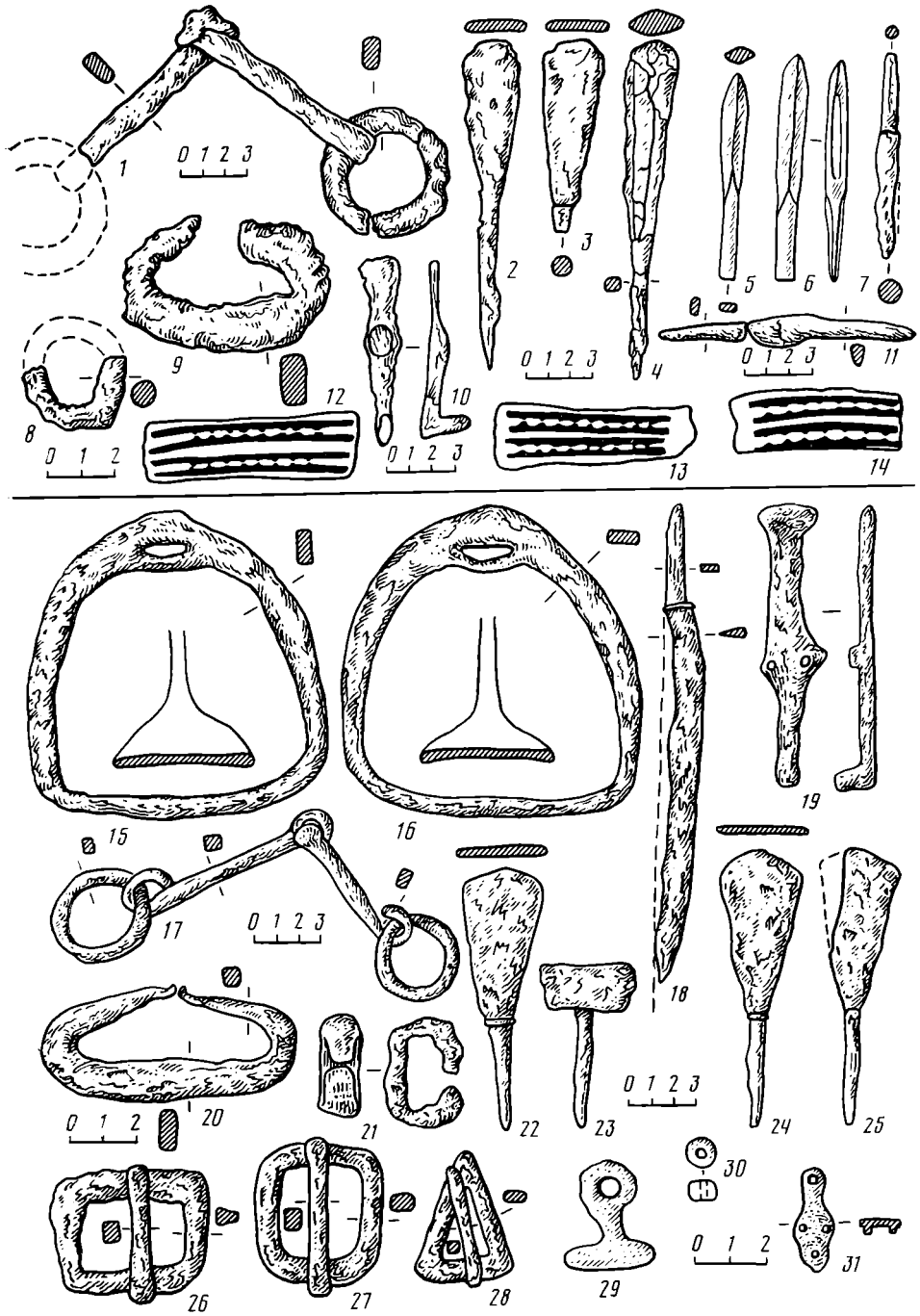


Рис. 8. *1—14* — кург. 2, группа II; *15—31* — кург. у Обелиска *1—4*, *7—11*, *15—28* — железо; *5*, *6*, *12—14* — кость; *29*, *31* — бронза; *30* — стекло

В девяти мужских, двух женских и одном захоронении с неустановленным полом погребенного обнаружены берестяные колчаны одной формы. Верхняя часть у́же нижней примерно в 2 раза (рис. 7, *18*). У шести колчанов длина 60—65 см, ширина верха 7—10 см, нижнего края — 20 см. У четырех колчанов длина 35, 45, 74, 90 см. Соответственно меняются параметры ширины в сторону уменьшения или увеличения. Всего два колчана украшены костяными пластинами с циркульным и резным орнаментом (рис. 5, *33*; 8, *12—14*). Костяных пластин от колчанов с пышным растительным и зооморфным орнаментом нет.

Известно, что после XIII в. драконов на предметах изображали со змеиным телом [9, с. 30]; в наших материалах это костяная полая рукоять железного предмета (ножа?), где змееподобность дракона подчеркнута чешуйчатым телом (рис. 9, *5*). Видимо, и на бронзовых накладках пояса изображен дракон, пожирающий солнце (рис. 9, *3*, *4*).

Таблица 5

Могильник Новый Кумак

№ п. п.	Год раскопок, группа	Курган	Погребение	Тип насыпи	Размеры насыпи	Тип могилы	Размеры могилы	Захоронение коня: целый остов	Захоронение коня: череп и ноги	Перекрытия: плахи	Перекрытия: плахи, кора	Перекрытия: кора	Гробы: гроб	Гробы: колода	Гробы: рама	Пол	Ориентировка	Инвентарь: сабля	Инвентарь: стрелы жел.	Инвентарь: кресало	Инвентарь: зеркало	Инвентарь: серьга в виде ?	Инвентарь: удила	Инвентарь: стремена
1	1958	I	—	II	6×0,22 м	1	2,5× С=0,65 Ю=0,5 глуб. 1,3 м	—	—	+	—	—	—	—	—	?	СВ	—	—	—	+	—	—	—
2	1959	11	—	II	5×0,26 м	1	2,1× С=1,25 Ю=1,10 глуб. 1,76 м	—	—	?	—	—	—	—	—	М	СВ	—	+	—	—	—	+	+
3	1962	28	—	III	11×0,5 м	2	2,3×0,9 глуб. 1,3 м	+	—	—	—	+	—	—	—	М	З	—	+	+	+	—	—	+
4	1962	29	—	I	12×0,18 м	1а	Верх 2×0,9 дно 2×0,5 глуб. 1,05 м	—	—	—	+	—	—	—	—	?	ЮЗ	—	—	—	—	—	—	—
5	1962	35	—	IV	10×0,45 м	2	2,6×1,35 глуб. 2,85 м	+	—	—	—	—	—	—	—	М?	З		+	+	—	—	+	+
6	1962	36	—	III	8×0,12 м	1б	0,73×0,45 глуб. 0,3 м	—	—	—	—	—	—	—	—	дет	З	—	—	—	—	—	—	—
7	1962	37	—	II	12×0,5 м	1а	Верх 2,3×0,7 дно 2×0,65 глуб. 1,75 м	—	—	—	—	—	—	—	—	М	ЮЗ	—	+	—	—	—	—	—
8	1962	38	—	I	8×0,1 м	1а	Верх 2,3×0,9 дно 1×0,63 глуб. 1,5 м	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж	ЮЗ	—	—	—	—	—	—	—
9	1962	39	—	II	18×0,65 м	2	2,55×2,1 глуб. 2,55 м	+	—	—	—	—	—	—	—	?	З?	—	—	—	—	—	—	—
10	1971	I	вп	IV	С–Ю=16 м З–В=14 м Н=1,43 м	2	2,7×1,6 глуб. 1,6 м	+	—	—	—	—	+	—	—	М	ЗЮЗ	—	+	—	—	—	—	—
11	1971	2	1	IV	14×0,72 м	3	2,4×1,1 глуб. 1,6 м	—	+	+	—	—	—	—	+	М	З	+	+	+	—	—	+	+
12	1971	2	2	IV	14×0,72 м	3	2,4×0,75 глуб. 1,6 м	—	+	—	—	—	—	—	+	М?	З	+	+	+	—	—	—	—

№ п. п.	Год раскопок, группа	Курган	Погребение	Тип насыпи	Размеры насыпи	Тип могилы	Размеры могилы	Захоронение коня		Перекрытие			Гробы			Пол	Ориентировка	Инвентарь						
								целый остов	череп и ноги	плахи	плахи, кора	кора	гроб	колода	рама			сабля	стрелы жел.	кресало	зеркало	серьга в виде ?	удила	стремена
13	1971	8	—	III	8×0,4 м	2	2,6×1,3 глуб. 1,5 м	+	–	+	—	—	+	—	—	М?	ЗЮЗ	—	+	—	—	–	+	+
14	1971	9	—	IV	14×0,7 м	2	2,8×1,8 глуб. 1,6 м	+	–	—	—	—	—	—	—	М	ЗЮЗ	—	+	—	—	–	—	—
15	1972	1	2	II	46×2,8 м	4	2×0,8×2 м	—	–	—	—	—	—	—	—	М	В	+	—	—	—	–	—	+
16	1972	12	—	II	10×0,47 м	2	2,35×1,35 глуб. 1 м	+	–	?	—	—	?	—	—	?	З?	—	—	—	—	–	—	—
17	1972	14	—	II	10×0,5 м	2а	2,7×1,7 глуб. 1,4 м	+	–	+	—	—	—	+	—	Ж	СВВ	—	—	—	+	+	+	+
18	1972	15	—	II	10×0,5 м	2	Верх 2,6×1,6 дно 2,3×1,2 глуб. 1,2 м	+	–	?	—	—	?	—	—	М	ЗЮЗ	—	+	+	—	–	+	+
19	1972	16	1	IV	10×0,63 м	2	1,8×0,9 глуб. 1,2 м	+	–	—	—	—	—	—	—	Ж	З	—	—	—	+	—	—	—
20	1972	16	2	IV	10×0,63 м	2	2,2×1,3 глуб. 0,9 м	—	–	+	—	—	—	—	—	Ж	З	—	—	—	—	+	+	—
21	1973	28	—	I	6×0,3 м	3	2,7×1,3 м глуб. 2,05 м шир. подбоя 1,1 м	+	–	+	—	—	—	+	—	Ж	ЗЮЗ	—	—	—	+	–	+	—
22	1973	29	—	III	10×0,6 м	2	2,6×1×2 м глуб. 1,15 м	+	–	—	—	—	—	+	—	Ж	ЗЮЗ	—	—	—	—	–	+	+
23	I группа	3	—	V	С–Ю=4 м З–В=5 м Н=0,16 м	2а	2,4×1×1 м	—	–	—	+	—	—	—	—	М	З	—	—	—	—	–	—	—
24	То же	4	—	V	3×0,12 м	1	2,1× З=0,7 В=0,45 глуб. 0,63 м	—	–	—	—	—	—	—	—	М	З	—	—	—	—	–	—	—

Окончание

№ п. п.	Год раскопок, группа	Курган	Погребение	Тип насыпи	Размеры насыпи	Тип могилы	Размеры могилы	Захоронение коня: целый остов	Захоронение коня: череп ноги	Перекрытия: плахи	Перекрытия: плахи, кора	Перекрытия: кора	Гробы: гроб	Гробы: колода	Гробы: рама	Пол	Ориентировка	Инвентарь: сабля	Инвентарь: стрелы жел.	Инвентарь: кресало	Инвентарь: зеркало	Инвентарь: серьга в виде ?	Инвентарь: удила	Инвентарь: стремена
25	II группа 1979	1	—	V	С–Ю=6 м З–В=4,5 м Н=0,1–0,3	2б	1,85×0,7 глуб. 1,2	—	—	+	—	—	—	—	+	Ж	С	—	—	—	—	—	—	—
26	То же	2	—	I	6×0,16 м	1	2,1× С=0,75 Ю=0,5 глуб. 0,6 м	—	—	+	—	—	—	—	—	М	ССВ	—	+	—	—	—	+	—
27	»	3	—	I	6×0,2 м	5	1,9×0,7 глуб. 0,6 м	—	—	+	—	—	—	—	—	Ж	С	—	+	+	—	—	—	+
28	»	4	—	V	С–Ю=5,3 м З–В=4,2 м Н=0,1–0,2	1	1,8×0,7 глуб. 0,55	—	—	—	—	—	—	—	—	Ж	ССЗ	—	—	—	—	+	—	—
29	Курган у Обелиска	к	—	I	6×0,24 м	2а	2,1×0,82 глуб. 0,9 м	+	—	+	—	—	—	—	+	М	З	—	+	+	—	—	+	+

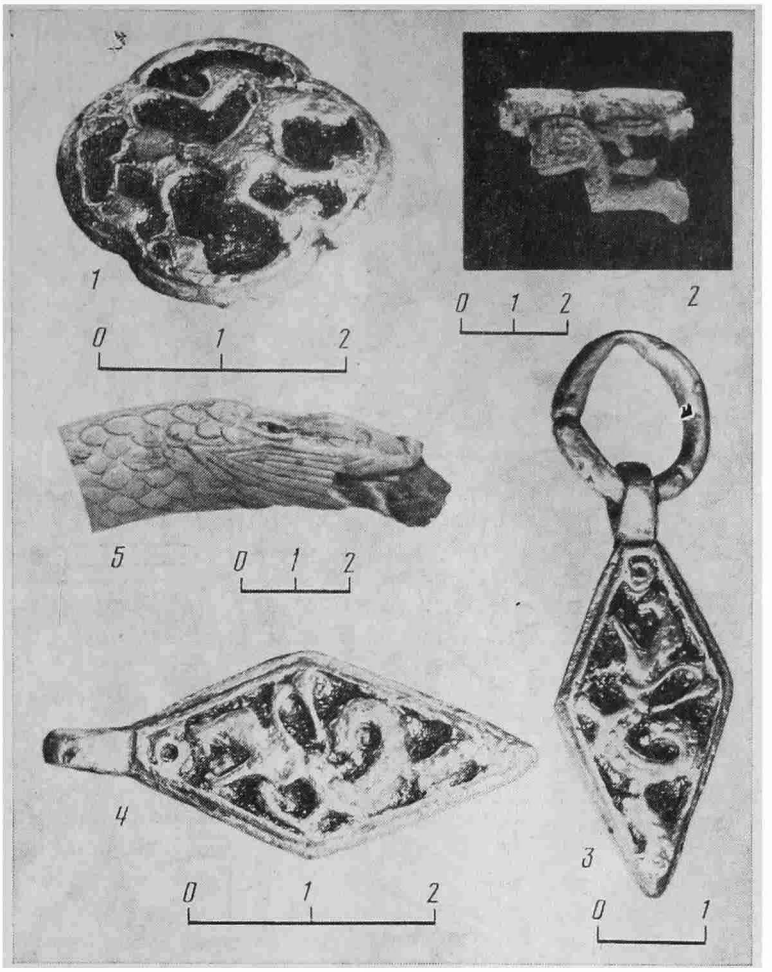


Рис. 9. *1*, *3*, *4* — кург. 3, группа II; *2* — кург. 39; *5* — кург. 1, 1971.
1, *3*, *4* — бронза; *2*, *5* — кость

Определенный интерес представляет находка поясной бляхи с синкретическим изображением животного (рис. 9, *1*), На бляхе рельефно изображены круп и морда лошади, но вместо копыт лапы кошачьего животного.

Большая кривизна сабли (рис. 6, *12*), вероятно, тоже свидетельствует в пользу датировки XIII—XIV вв.

Корреляция шести предметов (табл. 4) выявила еще одну закономерность. Из выявленных связей предметов явно выпадают V — зеркала и VI — серьги в виде знака вопроса. Они имеют по 1—2 связи с другими предметами и между собой. Находки монет первой половины XIV в. в погребении с разнообразным инвентарем и серьгой в виде знака вопроса из Центрального Казахстана [12, с. 42—53] приводят нас к мысли о неслучайном выпадении из корреляционных связей V и VI предметов. Видимо, захоронения с подобными предметами необходимо датировать XIV в., скорее всего первой половиной века. В могильнике Новый Кумак таких погребений три (№ п/п 17, 19, 20, табл. 5). Аналогичные погребения с монетами раскопаны и в Заволжье [13, с. 98—99, 124; 14, с. 10].

В погребениях Южного Приуралья и Заволжья третьего периода (золотоордынского мусульманского), где найдены монеты второй половины XIV — первого десятилетия XV в., инвентарь представлен единичными предметами украшений (подвески, бусы, серьги в виде знака вопроса, рис. 7, *19—23*) или предметами быта (ножницы, зеркала, ножи, рис. 6, *28—30*), но часто они безынвентарные [15, с. 16, 378]. В могильнике Новый Кумак таких погребений четыре (№ п/п 23, 24, 25, 28, табл. 5).

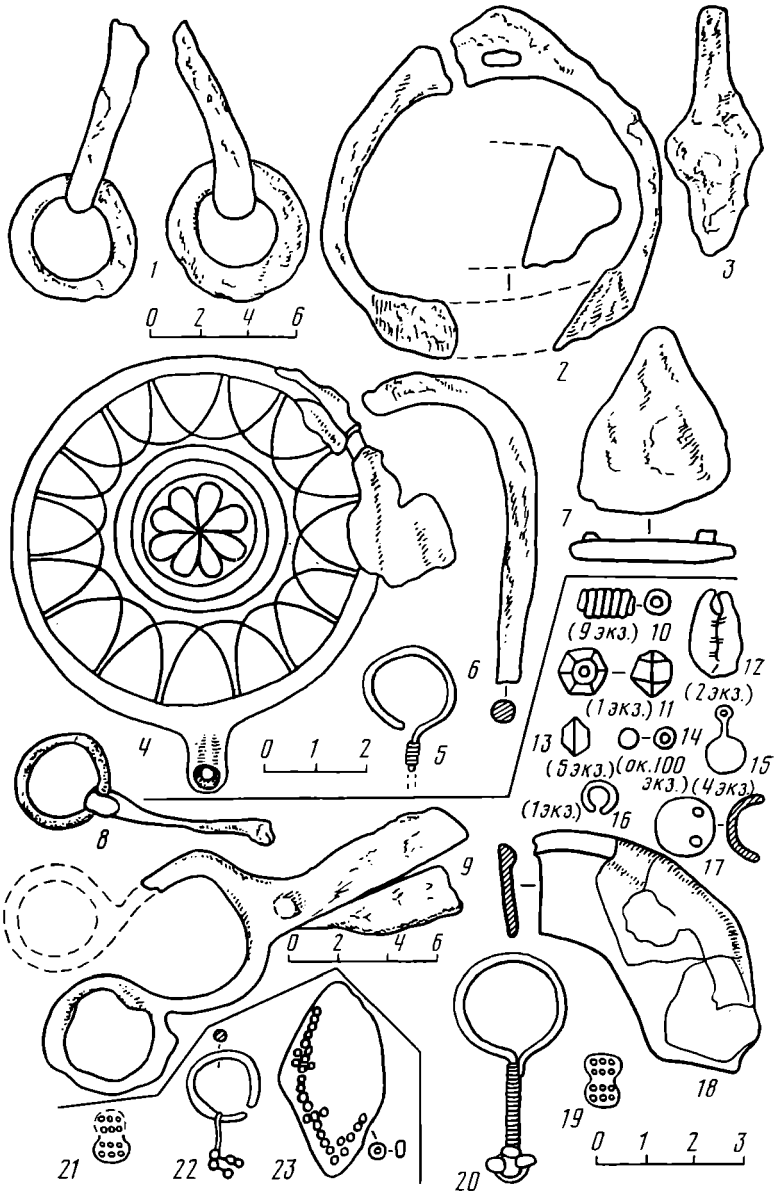


Рис. 10. *1—7* — кург. 14; *8—20* — кург. 16, погр. 1; *21—23* — кург. 16, погр. 2.
1—3, *6—9* — железо; *4*, *5*, *15—22* — бронза; *10*, *11*, *13*, *14*, *23* — стекло, камень, кожа

Корреляция погребального обряда по хронологическим периодам не выявила сколько-нибудь значительных различий. Основной тип обряда и отклонения от него существовали во все периоды использования могильника. Такое положение свидетельствует об этническом единстве населения, хоронившего своих соплеменников в XII—XIV вв. в могильнике Новый Кумак.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мошкова М. Г.* Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска.— МИА, 1962, № 115.
2. *Кригер В. А., Заседателева С. Н.* Исследование могильника Новый Кумак.— АО-1979 г. М., 1980.
3. *Смирнов К. Ф.* Орские курганы ранних кочевников.— В кн.: Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.
4. *Граков Б. Н.* Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 110.
5. *Кастанье И. А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края.— Тр. ОУАК, 1910, вып. XXII.

6. *Кригер В. А., Железчиков Б. Ф.* Позднекочевнические погребения у пос. Рубежка и Алебастрово Уральской области.— СА, 1980, № 1.
7. *Багриков Г. И., Сенигова Т. Н.* Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.).— Изв. АН КазССР. Сер. обществ., 1968, № 2.
8. *Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1976.
9. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. М.: Наука, 1975.
10. *Плетнева С. А.* Древности черных клобуков.— САИ, вып. Е1-19, 1973.
11. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Изд-во МГУ, 1966.
12. *Кадырбаев М. К., Бурнашева Р. З.* Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола.— В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1970.
13. *Синицын И. В.* Археологические исследования в Западном Казахстане.— ТИИАЭ АН КазССР, 1956, т. 1.
14. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60.
15. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.— МИА, 1959, № 60.
16. *Кушаев Г. А., Железчиков Б. Ф.* Отчеты о раскопках в 1973, 1974 и 1975 гг. могильников Барбастау I, Мокринское I и III на территории Уральской области.— Архив ИИАЭ АН КазССР.

V. A. Kriger

MEDIAEVAL BURIALS OF THE NOVYI KUMAK BURIAL GROUND, ORENBURG DISTRICT

Summary

An analysis of the burial rite of 29 burials of the Novy Kumak burial ground has brought to light the main type of burials (Tables I, II) while its comparison with the synchronous burials of the south Ural region has revealed its difference from other mediaeval burials found in the region (Table III).

There are some ten burials dating to the 12th-early 13th centuries in the south Ural region. the Novy Kumak burial ground contains two of them (burial mound 2, burials 1 and 2). They date back to the pre-Mongolian times.

For most cases the burials span the time from the second half of the 13th century to the first half of the 14th century. This fact permitted the correlation of frequently met with and easily dateable objects such as iron arrow-heads, instruments for kindling fire, curb-bits, stirrips. The frequency of such finds testifies to the chronological affinity of the burials (Table IV).

The adoption of Islam by the nomads in the second half of the 14th century led to the disappearance of grave goods though pagan burial rites persisted for some time.

Заметки

КИКОДЗЕ З. К.

К МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ БИФАСОВ

В археологической литературе, посвященной изучению нижнепалеолитических бифасов, наряду с другими факторами хронологического порядка часто упоминается и уплощенность орудий как признак, характерный для позднего и финального ашеля [1; 2, с. 17; 3]. Вместе с тем не раз отмечались как влияние исходного сырья на различные виды заготовок и формы палеолитических орудий [4—6], так и независимость морфологии орудий от первичного материала, хотя, по словам Ф. Борда, «эта независимость морфологии от первичной материи имеет свои пределы...» [7, с. 10]. В настоящей заметке мы хотим обратить внимание на определенную закономерность (или тенденцию), которая была прослежена при изучении бифасов трех закавказских ашельских памятников — Сатани-Дара, Джрабера и Чикиани. Закономерность эта, по всей вероятности, связана с сырьевым материалом и проявляется в уплощенности (или в массивности) бифасов, независимо от их древности и типологии.

Несколько слов о памятниках. Исследуемое нами в последнее время местонахождение Чикиани (Богдановский р-н Грузинской ССР) расположено на склонах одноименной горы, к северо-востоку от Параванской депрессии, в юго-восточной части Джавахетского плато. Гора Чикиани (абсолютная высота 2417 м) представляет собой экструзивный купол, сложенный породами — аналогами Годердзской свиты (верхний миоцен — нижний плиоцен); здесь развиты риолиты, риолитодациты и обсидианы всех оттенков, мощными жилами которых пронизан весь массив [8]. Памятник открыт в 1977 г. и пока известен только по предварительному сообщению [9]. Нам он представляется как мастерская или разновременная стоянка-мастерская, приуроченная к выходу сырья, посещаемая или обитаемая при благоприятных природных условиях в течение длительного промежутка времени: от среднего плейстоцена (средний ашель) до голоцена (неолит—энеолит).

Памятник доставил громадное количество расщепленного обсидиана (отщепы, нуклеусы) и серию андезитовых орудий, в частности интересующие нас ручные рубила (бифасы), представленные более чем 40 экз. Сатани-Дар и Джрабер — памятники, хорошо известные по публикациям и статьям [2, 3, 10—14], и мы не будем их описывать, отметим только некоторые общие черты: геоморфологическая близость местонахождений заключается в их расположении на территории Закавказского вулканического нагорья, составляющего северную часть обширной страны переднеазиатских нагорий [14, с. 5—7]. Эти районы сложены в основном вулканическими породами, и представленные здесь памятники дают сопоставимые (по сырьевому материалу) так называемые лавовые индустрии на андезитах и обсидианах. Кроме того, эти памятники доставляют пока самые большие для Кавказа коллекции бифасов.

Мы располагали следующим числом бифасов по памятникам: Чикиани — 40 экз., все андезитовые; Сатани-Дар (коллекция М. З. Паничкиной, Гос. Эрмитаж) — 81 экз., из них 54 андезитовые и 27 обсидиановые[1]; Джрабер — 25 экз., все обсидиановые (сборы В. П. Любина, хранящиеся в ЛО ИА[2]).

При рассмотрении бифасов мы ограничимся только одним показателем — уплощенностью (или массивностью) орудий. Термином «отделка» («Refinement») мы пользуемся в значении, предложенном Д. Роу, который писал: «Более грубые орудия должны быть толще и, наоборот, хорошо отделанные типы (овальные), изготовленные так называемой техникой цилиндрического отбойника, являются по существу плоскими. Такого рода стойкая тенденция может приписываться факторам хронологического характера. Максимальная толщина делится на максимальную ширину, и полученный показатель должен быть выше для грубо-отделанных («unrefined») типов, чем для отделанных хорошо. Отношение толщины к ширине — более пригодный индекс, чем отношение толщины к длине, так как длина чаще подвергается повреждению» [1, с. 255][3].

Кривая, обозначенная пунктирной линией на рис. 1, *а*, представляет собой общую частотную диаграмму индекса «отделки» бифасов Сатани-Дара. Выделяя отдельные группы бифасов по цифровым данным соотношения $\frac{\text{T (Thikness)}}{\text{B (Breadth)}} = \frac{\text{максим. толщина}}{\text{максим. ширина}}$ для построения этой кривой, мы заметили, что самые высокие цифровые показатели для всех групп имеют обсидиановые экземпляры. Тогда мы из общего числа (81) бифасов выделили обсидиановые (27) и андезитовые (54) и построили для них отдельные кривые на этом же рисунке; после этого стала очевидной «тенденция» обсидиановых бифасов «быть более грубыми», более массивными, или («unrefined») (более «грубо отделанными») по Роу.

На рис. 1, *б* дается сравнение бифасов из местонахождений Джрабер и Чикиани по тем же показателям (по «отделке»). Чикиани, где все представленные бифасы андезитовые, дает очень высокий процент «стандартизации», так как 70% всех орудий попадает между двумя делениями (35—40) нашей шкалы и только один бифас выпадает из общей массы орудий. Бифас этот и визуально, и типологически очень отличается от остальных, и ниже мы рассмотрим его подробнее. Джрабер, представленный 25 обсидиановыми бифасами, также показывает относительно высокий процент хорошо отделанных орудий (24%).

На рис. 2*а, б* показана близость и почти полное совпадение по отделке бифасов с разных памятников, изготовленных из одного материала: на рис. 2, *а* это андезитовые орудия Чикиани и Сатани-Дара, на рис. 2, *б* — обсидиановые Джрабера и Сатани-Дара.

Большинство исследователей, изучавших бифасы Сатани-Дара в последние годы, относят их к верхнему — финальному ашелю [2, 15, 16], хотя иногда оставляют вероятность того, что некоторые рубила могут оказаться более ранними (средний ашель) [16, с. 14]. Не вдаваясь в вопросы хронологии и типологии бифасов Сатани-Дара, можно согласиться с позднеашельской датой большой группы частичных, в основном

---

[1] В вышедшей недавно статье А. Е. Матюхин писал о выделенных им 127 бифасах той же коллекции [2, с. 13], хотя в этой же статье при морфологической классификации по методу Борда общее число их падает до 115 экз. [2, с. 16]. Учитывая характер материала (подъемный) и сложность дефиниции орудий типа ручное рубило — бифас, мы рассматриваем только экземпляры, которые поддаются полным метрическим измерениям по методике Ф. Борда и Д. Роу [1, 7].

[2] Благодарю В. П. Любина, любезно предоставившего возможность исследования этих орудий.

[3] Фактически этот же индекс $\frac{\text{максим. ширина} = m}{\text{максим. толщина} = e}$ применяется Ф. Бордом для определения уплощенности — «applatissement» [7], но для построения наглядной частотной диаграммы удобнее работать «по Роу».

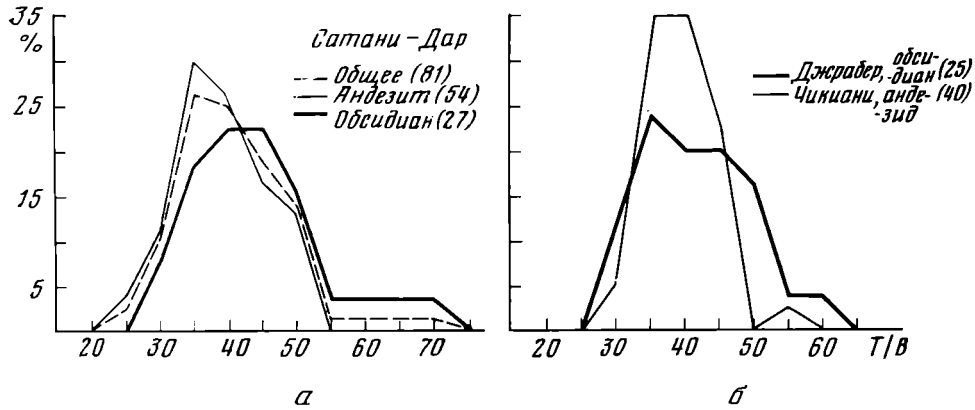


Рис. 1

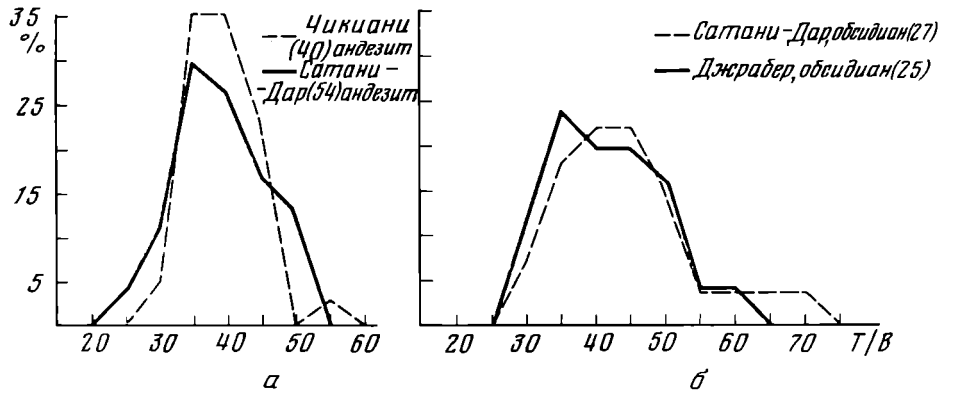


Рис. 2

андезитовых, бифасов на отщепах, бифасиальность которых проявляется в удалении ударного бугорка и иногда в легкой подправке краев со стороны брюшка. Эта группа бифасов кажется гомогенной по типологии, по технике изготовления и по патине. На рис. 2, *а* она соответствует пику кривой, на который падает 29,6% всех изделий; на некоторых орудиях этой группы кажется достигнут критический рубеж, больше которого бифас не может быть уплощен (отделан), но отнесение всей группы рубил в целом к верхнему финальному ашелю нам кажется недостаточно обоснованным.

Андезитовые бифасы Чикиани, которые образуют более компактную группу по отделке (пунктирная кривая на рис. 2, *а*), типологически и морфологически очень разнообразны. Они не только отличаются от Сатани-Дара, но и обнаруживают разнообразие внутри коллекции настолько сильное, что затрудняется выделение характерных форм. Учитывая это разнообразие, а также почти полное отсутствие частичных бифасов в коллекции Чикиани, в сочетании с разнородной патиной и вероятной разновременностью орудий, становится очевидным, что здесь мы еще раз сталкиваемся с влиянием исходного сырья на степень уплощенности бифасов.

Это предположение подтверждается тем обстоятельством, что, хотя культурно-типологическое соотношение бифасов Джрабера и Сатани-Дара остается неясным [16, с. 14], обсидиановые серии этих орудий по отделке (уплощенности) обнаруживают значительное совпадение (рис. 2, *б*).

Как отмечает Г. Айзек, относительная уплощенность бифасов давно была включена в описательную характеристику комплексов при помощи более или менее неясных прилагательных «массивный — грубый» [17, с. 138]. Вслед за Мальвезин-Фабром, который пытался различить аббевильские бифасы от ашельских по цифровым показателям [18], большое классификационное значение придавалось качественной оценке

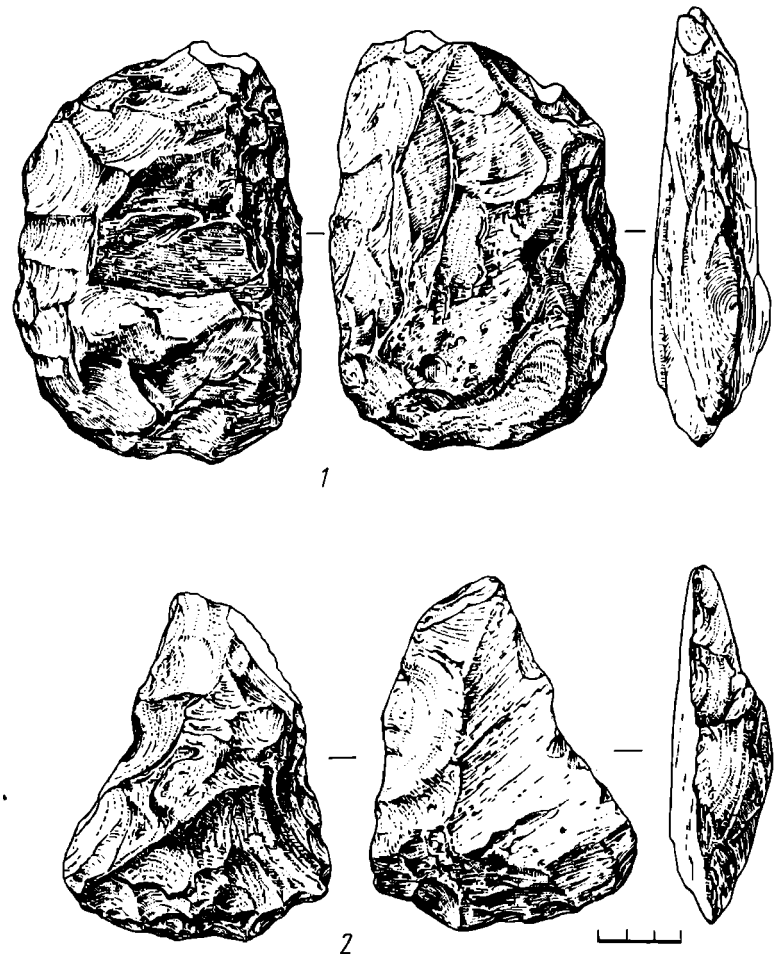


Рис. 3

характерных признаков. Высказывалось предположение, что массивные грубые формы бифасов являются более ранними, а плоские, хорошо отделанные формы — более поздними. Этот признак легко выражается соотношением: максимальная толщина/максимальная ширина [17][4].

С понятием уплощенности бифасов тесно связан вопрос их обработки — оббивки, и не случайно Д. Роу заменил термин «уплощенность» термином «отделка» — «refinement» [1, 20]. Действительно, эти два понятия во многих случаях перекрывают друг друга. Особенно убедительно это показано Г. Айзеком на обширном стратифицированном материале Восточной Африки. Средние цифровые показатели T/B, т. е. соотношения толщины к ширине у древних бифасов выше, у более поздних — ниже. В целом это соответствует развитию обработки, которая исследовалась путем подсчета негативов сколов на каждом бифасе с учетом техники оббивки — твердый (каменный) отбойник или мягкий (цилиндрический) [17, табл. 16, 17], как отмечает автор, вопрос об отбойнике нередко ставил его в затруднительное положение.

Такая закономерность восходящего развития бифасов от грубых — массивных к плоским — хорошо отделанным, на наш взгляд, может быть прослежена либо на самых ранних стадиях появления этого орудия (ранний ашель Африки, ранний ашель Палестины), либо в условиях последовательного развития в рамках одного памятника.

---

[4] Французские археологи вслед за Ф. Бордом предпочитают измерять уплощенность соотношением ширины и толщины (см., например [19]).

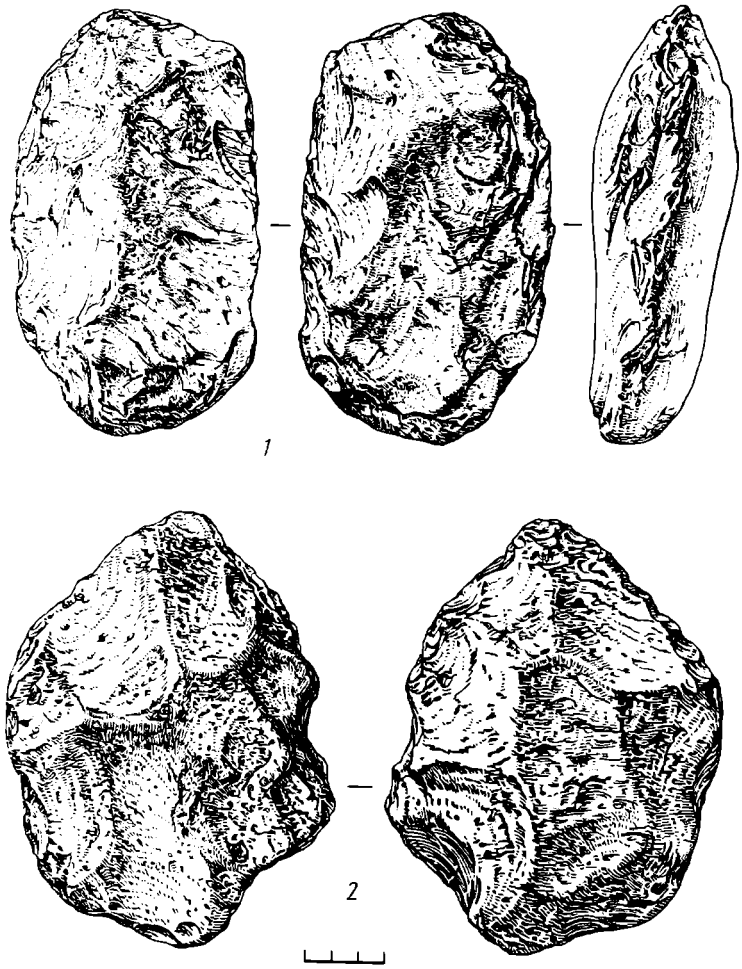


Рис. 4

К началу среднего плейстоцена [5] по всей ойкумене расселения Homo erectus наблюдается начало использования мягкого цилиндрического отбойника наряду с твердым каменным. Хорошо отделанные, так называемые «поздние» рубила сосуществуют с грубыми «архаичными» формами на протяжении всего долгого времени бытования этого орудия. При этом процентные соотношения меняются в зависимости от традиции сырья, экологии, образа жизни и т. д. (см., например, для Африки [22—26], для Среднего Ближнего Востока [22, 27, 28], для Европы [7, 24, 29,]).

Несмотря на то что изученные нами серии бифасов с трех памятников не столь многочисленны, наши наблюдения отчетливо показали, что в целом обсидиановые рубила тяготеют к массивности или «грубости» по сравнению с андезитовыми и в дальнейшем при сопоставлении ручных рубил по этим параметрам необходимо учитывать сырьевой материал. Хочется также отметить, что при хронологической оценке коллекции ручных рубил требуется большая осторожность, в особенности когда дело касается подъемного материала и нет полной уверенности в синхронности всех артефактов [6]. В таких случаях, по-видимому, уплощенность бифасов не следует считать фактором, определяющим их возраст.

[5] Под началом среднего плейстоцена подразумевается граница между палеомагнитными эпохами Матуямы и Брюнесса, как это предлагается в меморандуме, предложенном Г. Айзеком и К. Бутцером [21, с. 901—903].

[6] На наш взгляд, именно так обстоит дело с большинством местонахождений на трех рассмотренных выше памятниках.

Для дополнительного подтверждения наших выводов мы публикуем четыре бифаса из местонахождения Чикиани без хронологического сопоставления их между собой. Два из них (рис. 3) показывают плитчатый характер исходного материала, что, несомненно, влияло на общую уплощенность законченного орудия. Бифас на рис. 3, *1* сохранил желвачную корку на обеих параллельных плоскостях, на рис. 3, *2* изображен бифас, одна из сторон которого (плоская поверхность плитчатой заготовки) обработана лишь отчасти. Бифас, представленный на рис. 4, *1*, самый массивный из всех коллекций Чикиани; показатель Т/В для него равен 0,52. У этого орудия максимальная толщина приходится на верхнюю часть, как бы сообщая его косопоперечному дистальному концу рубящую функцию. Бифас этот не находит параллелей в кавказских ашельских индустриях. Несмотря на общую массивность, он куда более тщательно отделан, чем бифас, представленный на рис. 4, *2*, у которого показатель Т/В равняется 0,34, хотя последний оформлен более «архаичным» способом снятий крупных, широких радиальных сколов по всей окружности. Это лишний раз показывает сложность хронологического разграничения этих полифункциональных орудий типологическим методом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Roe D. A.* The British Lower and Middle Paleolithic: some problems, methods of study, and preliminary result.— Proceeding of the Prehistoric Society, n. s. Cambridge, 1964, t. 30.
2. *Матюхин А. Е.* Технология изготовления и типология бифасов Сатани-Дара.— КСИА, 1981, вып. 165.
3. *Loubine V. P.* L'Acheuléen de la Partie Européenne de l'URSS et du Caucase.— Anthropologie, Brno, 1981, t. XIX, N 1.
4. *Щелинский В. Е.* Свойства кремневого сырья и техника изготовления орудий мустьерской эпохи.— В кн.: Первобытный человек и природная среда. М.: Наука, 1974.
5. *Матюхин А. Е.* Технология изготовления и функции раннепалеолитических орудий. Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1977.
6. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977.
7. *Bordes F.* Typologie du Paleolithique ancien et moyen.— Public de l'Inst. de Prehist. de l'Univ. de Bordeaux, mem. 1, 2. Bordeaux, 1961.
8. *Тутберидзе Б. Д.* Петрографические минералогические и геохимические особенности неогено-антропогеновых вулканических образований Джавахетского хребта. Автореф. канд. дисс. Тбилиси: Гос. университет, 1975.
9. *Кикодзе З. К., Коридзе И. Д.* Краткий отчет работ, проведенных Паравани-ской разведывательной археологической экспедицией за 1977 г.— Археологические экспедиции Гос. Музея Грузии, т. VI, Тбилиси: Мецниереба, 1978.
10. *Паничкина М. З.* Палеолит Армении. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950.
11. *Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту. Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
12. *Klein R. G.* Chellean and Acheulean on the Territory of the Soviet Union: A Critical Review of the Evidence as Presented in the literature.— American Anthropologist. 1966, v. 68, part. 2, n. 2.
13. *Любин В. П.* Верхнеашельская мастерская Джрабер.— КСИА, 1961, вып. 82.
14. *Антонов Б. А., Мусеибов М. А., Сафронов И. Н., Ширинов Н. Ш.* Геоморфологическое районирование Кавказа.— В кн.: Региональная геоморфология Кавказа. М.: Наука, 1979.
15. *Любин В. П.* Ашельская эпоха на Кавказе.— В кн.: Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов», тезисы пленарных докладов, М., 1977.
16. *Любин В. П.* Нижний палеолит Кавказа (история исследования, опорные памятники, местные особенности).— В кн.: Древний Восток и мировая культура. М.: Наука, 1981.
17. *Isaac G. Ll.* Ologisilie, Chicago: University of Chicago Press, Chicago, 1977.
18. *Malvesin-Fabre G.* Essai de discrimination des bifaces abbevilliens et acheulées par un indice numerique.— Bulletin de la Société Prehistorique Francaise, 1948, t. 45.
19. *Tavoso A.* Le Paléolithique inferieur et Moyen. Du Haut Lanquedoc. These, présentée a l'universite de Provence pour obtenir le grade de Docteur es sciences. Marseille, 1978.
20. *Roe D. A.* British Lower and Middle Paleolithic Handaxe Groups. Proceedings of the Prehistoric Society, Cambridge, n. s. 1968, t. 34.
21. After the Australopithecines / Editors — Butzer Karl W., Isaac Glyn Ll. Paris, 1975.
22. *Klark J. D.* Acheulian Occupation Sites in the Middle East and Africa: A Study in cultural Vatiability.— American Anthropologist, special publication, 1966, v. 68, part. 2, n. 2.
23. *Григорьев Г. П.* Палеолит Африки.— В кн.: Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л.: Наука, 1977.

24. *Roe D. A.* The Lower and Middle Paleolithic Periods in Britain. London, 1981.
25. *Clark J. D., Kuzashina H.* New Plio-Pleistocene archaeological occurences from the plain Gadeb, Upper Webi Shebele basin, Ethiopia, and a statistical comparison of the Gadeb sites with other early stone age assamblages.— Anthropologie, Brno, 1980, t. XVIII, N 2—3.
26. *Howell C. F.* Observations on the Earlier Phases of the European Lower Paleolithic.— American Anthropologist, v. 68, part. 2, n. 2.
27. *Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья.— В кн.: Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.: Наука, 1978.
28. *Ronen A.* Early Acheulian in Israel.— In: Horowitz A. Quaternary of Israel. Institute of Archaeology. Tel-Aviv University Academic press, 1979.
29. *Wymer I.* Lower and Middle Paleolithic Periods in Britain. London, 1981.

ГРЕЧКИНА Т. Ю.

О ТЕХНИКЕ РАСКАЛЫВАНИЯ КРЕМНЯ

(по материалам стоянки Кокорево 1 на Енисее)

Экспериментальный метод позволяет проследить процесс раскалывания желвака «сверху вниз», от исходного сырья до образования остаточного нуклеуса через все стадии использования, начиная с подготовки нуклеуса, собственно расщепления и переоформления его в процессе работы. При этом выявляются различные способы скалывания, принцип их применения. Но эксперимент, несмотря на его значимость,— это результат деятельности современного человека с его сложившимся подходом к материалу, с его знаниями, накопленными в результате наблюдений над различными коллекциями. Поэтому для изучения первобытной техники раскалывания представляется более наглядным и информативным применение ремонтажа к археологическому материалу. Подбирая сколы, восстанавливая желвак с момента оставленного нуклеуса до получения его первоначальной формы (часто неполностью), мы проходим весь процесс раскалывания в обратном порядке «снизу вверх», через все стадии снятия заготовок, переоформления и подправок нуклеуса.

Попытка проследить процесс раскалывания с применением ремонтажа была сделана на материалах 2-го и 3-го культурных слоев верхнепалеолитической стоянки Кокорево 1 на Енисее. Применение в качестве сырья для изготовления орудий речных галек различных пород и различной цветности значительно облегчает процесс ремонтажа, но часто удается осуществить ремонтаж только отдельных фрагментов гальки или частичный ремонтаж нуклеусов. Среди восстановленных в различной степени галек, находящихся в разных стадиях сработанности, выделяется почти полностью «подобранная» продолговатая галька (17,5×8×6 см) темно-зеленого кремнистого сланца (рис. 1). Сколы с этой гальки были обнаружены на месте одного из крупных скоплений 3-го культурного слоя, рассеянные на площади около 40 м². Галька собиралась из двух нуклеусов, двух массивных пластин, фрагмента пластинчатого скола, трех тонких пластинчатых сколов, семи отщепов и двух фрагментов сколов (всего 17 фрагментов, рис. 2).

Методом ремонтажа можно реконструировать весь процесс раскалывания гальки. Он начался со снятия с одного из узких концов крупного овального отщепа (рис. 2, *1-д*). Очень возможно, что в результате этого же сильного удара по наиболее выпуклой точке узкого конца гальки отделился и еще один отщеп несколько меньших размеров, который не был обнаружен на раскопанной площади. Негативы двух этих отщепов образовали угол около 80°. Затем галька была рассечена ударом на две части, меньшая из которых составляла одну треть общей длины гальки. Такое соотношение не является преднамеренным, разлом произошел по месту дефекта в сырье.

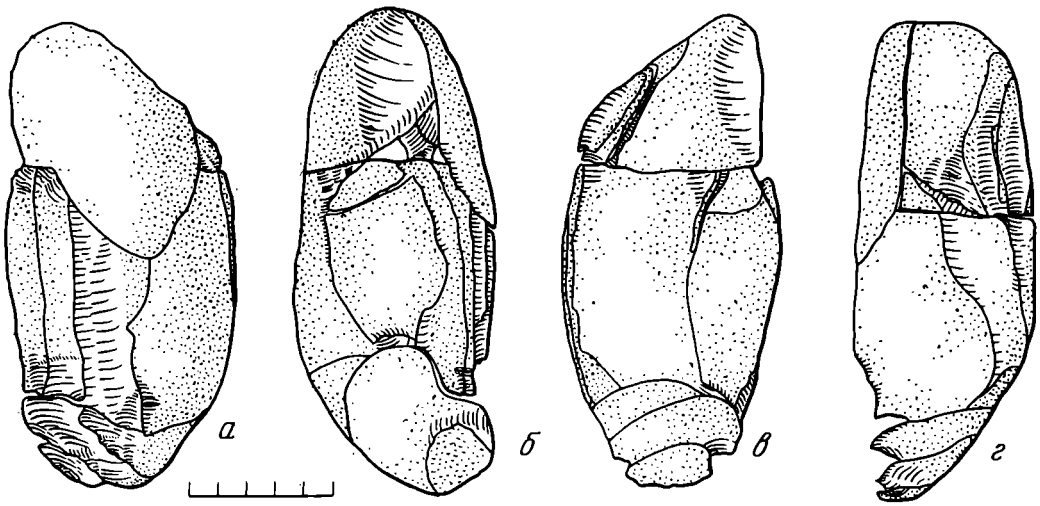


Рис. 1. Ремонтаж гальки

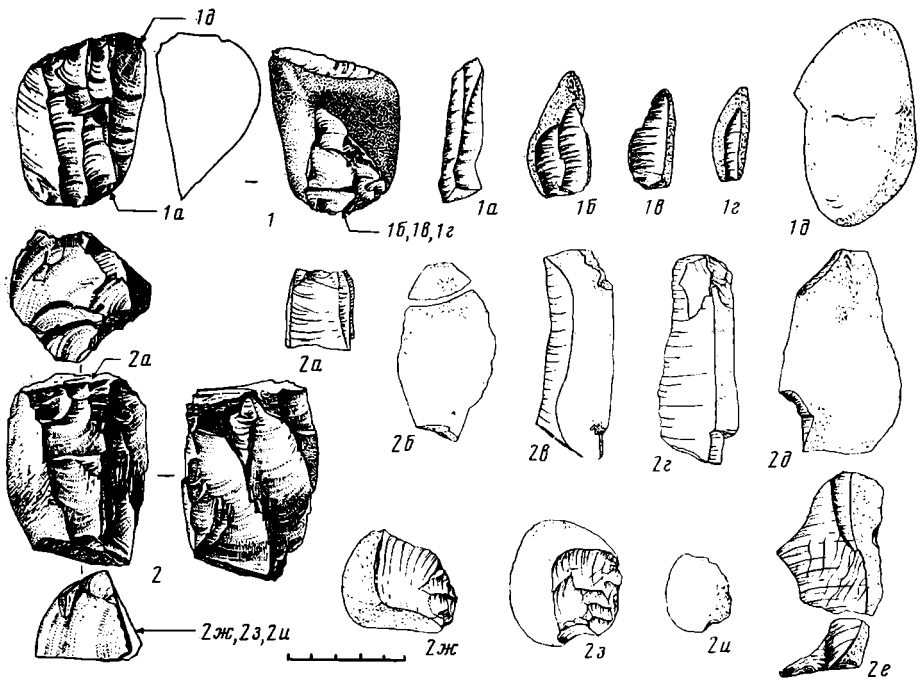


Рис. 2. Нуклеусы и подбирающиеся к ним сколы

В меньшей части гальки в качестве ударной площадки стали использовать негатив одного из первых сколов (более короткого). С него было снято несколько пластинчатых сколов (рис. 2, *1*). Из этой серии снятий к нуклеусу подбирается подтреугольный в сечении скол (рис. 2, *1а*), проксимальный конец которого обломан, а дистальный несет желвачную корку. Несколько последующих сколов привели к тому, что на плоскости расщепления стали образовываться заломы, не позволяющие снимать заготовки по всей длине фаса расщепления. Поэтому с противоположной стороны несколькими ударами была оформлена сильно скошенная ударная площадка. Сколы с нее, в виде трех тонких пластиночек, последовательно подбираются друг к другу и к нуклеусу (рис. 2, *1-б*, *1-в*, *1-г*).

С вновь образованной ударной площадки на том же фасе расщепле-

ния снято несколько параллельных сколов. В результате остался двухплощадочный нуклеус, односторонний, небольших размеров, неправильных подчетырехугольных очертаний в плане, с овальным сечением. Одна ударная площадка, в качестве которой использовался негатив отщепа, снятого с еще целой гальки, слегка скошена. Вторая ударная площадка, сильно скошенная, была оформлена намеренно, уже в процессе использования нуклеуса. Выпуклая лицевая сторона несет следы снятий призматических пластинок. Противоположная сторона, также выпуклая, сохраняет галечную корку.

Пример этого нуклеуса подтверждает вывод В. Е. Щелинского, эксперименты которого показали, что «параллельное скалывание не всегда позволяет полностью использовать полезную массу ядрища из-за „заломов", образующихся на плоскости скалывания». Один из способов преодоления этого затруднения заключается в переходе к скалыванию «заготовок во встречном к первоначальному направлении, для этого ударная площадка располагается напротив или несколько сбоку от первой» [1, с. 26—27].

Второй, более массивный кусок гальки начали раскалывать с сохранившегося узкого конца. Сначала было снято несколько коротких сколов в продольном направлении (рис. 1, *г*), затем их негативы были использованы в качестве ударной площадки для снятия поперечных отщепов с узкого конца гальки. Три округлых отщепа (один первичный небольших размеров; два других, сохраняющие желвачную корку лишь частично по периметру) последовательно подбираются друг к другу и к нуклеусу (рис. 2, *2-ж*, *2-з*, *2-и*). Снятием этих отщепов была оформлена вторая ударная площадка, противолежащая первой, образованной в результате поперечного раскалывания гальки.

Со второй ударной площадки был снят массивный первичный отщеп (рис. 2, *2-д*), негатив которого был уничтожен снятием пластинчатого отщепа с противолежащей ударной площадки. Отщеп при снятии раскололся в своей узкой части поперек (рис. 2, *2-е*). С этой же ударной площадки были сделаны еще два коротких последовательных снятия, после чего продолжалось скалывание с другой стороны нуклеуса, с противолежащей ударной площадки.

Вначале был снят первичный овальный отщеп, подбирающийся из двух фрагментов (рис. 2, *2-б*). Затем один за другим было снято два массивных пластинчатых скола, сохраняющие желвачную корку на части спинки. Проксимальные концы пластин несут следы мелких предварительных сколов, а дистальные имеют негатив параллельного снятия, получившийся в результате скалывания с узкого конца гальки (рис. 2, *2-в*, *2-г*). Последний из подбирающихся сколов к этой стороне скалывания является проксимальным фрагментом пластинчатого снятия, который образовал залом.

Негативы на нуклеусе свидетельствуют о снятии еще нескольких сколов с этого же фаса, но они не были найдены в слое.

Таким образом, на этом примере можно проследить динамику расщепления от первого удара, нанесенного по гальке, до образования и использования нуклеусов.

Первый нуклеус показывает, что процесс и способы скалывания полностью определялись исходной формой желвака. Вначале использовались все имеющиеся возможности, например в качестве ударной площадки был приспособлен уже имеющийся негатив отщепа. После того как стало невозможно продолжать скалывание с одной стороны из-за заломов, но оставалась «полезная масса», на противолежащей стороне была образована новая ударная площадка.

Снятие поперечных отщепов с конца другой части гальки после снятия нескольких продольных сколов имело целью подготовить твердую опору для нуклеуса или вторую ударную площадку, так как мы имеем несколько снятий с этой площадки. Но затем предпочтение отдали первой, более широкой ударной площадке, может быть, потому, что нанесение ударов с более узкого конца встречает больше сопротивления и тре-

бует приложения больших усилий. Первобытный мастер в процессе расщепления камня шел опытным путем, применяя более удобный способ, требующий меньших затрат сил и дающий пригодные для изготовления орудий заготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щелинский В. Е.* Производство и функции мустьерских орудий: Канд. дис.: ЛОИА АН СССР, 1974. Архив ЛОИА АН СССР, ф.-35, оп. 2, д. № 209.

ПРЯХИН А. Д., СИНЮК А. Т.

КУРГАН ЭПОХИ БРОНЗЫ У ПОС. ХОХОЛЬСКИЙ

На ограниченном оврагами участке второй террасы правого берега р. Девицы (правого притока р. Дон), удаленном от реки к юго-востоку примерно на 1 км, в 0,6 км от пос. Хохольский Воронежской области расположена курганная группа, в которой наиболее четко фиксировалось три насыпи. Две из них в 1967 и 1969 гг. раскопаны экспедицией Воронежского университета. Материалы кургана 2, давшего захоронения развитого этапа донской лесостепной срубной культуры, опубликованы полностью [1, с. 114—124], результаты же исследования кургана 1 публиковались лишь частично [2, с. 116—119, рис. 35, *1—2*; рис. 36]. Между тем этот курган содержит интересные сведения, относящиеся к досрубному периоду эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи.

К моменту раскопок курган более чем на треть оказался разрушен оврагами (рис. 1). Разрушению подвергались его северо-восточная и в меньшей степени юго-западная части.

Высота кургана от современной поверхности 1,15 м, диаметр 16 м. Насыпь была задернована (толщина дерна 5—8 см), состояла из однородной массы чернозема с редкими вкраплениями меловой щебенки. Под насыпью прослеживался слой погребенной почвы толщиной 0,25—0,3 м, подстилающийся материковой глиной.

В западном секторе, на расстоянии 5 м от центра, на уровне погребенной почвы выявлено **погребение** 1 (рис. 2). Умерший положен в камеру из дубовых плах, сохранившуюся очень плохо. Длина камеры 2,25, ширина 0,55, высота около 0,28 м. Основанием и верхом камеры служили две широкие дубовые плахи, а боковиной — одна плаха. Метод их скрепления проследить не удалось. Костяк, принадлежавший девушке 16—18 лет[1], сохранился плохо. Близ юго-западного угла в камере выявлен только черепной тлен и несколько зубов, в противоположном конце — кости ног, а в центральной части — кость руки. По-видимому, умершая лежала на спине, головой на юго-запад. В области головы и шеи находились витая медная гривна (рис. 2, *3*), три целые и несколько обломков нашивных пузырчатых бляшек (рис. 2, *4—6*), три спиралевидные подвески и одна очковидная подвеска (рис. 2, *7—10*). С левой стороны вблизи головы стоял горшок вытянутых пропорций, сплошь украшенный оттисками двузубого штампа и ногтевыми вдавлениями (рис. 2, *2*). В горшке находились органические остатки. Рядом с ним лежало четырехгранное в сечении шило со следами древесного волокна от рукоятки. На месте рук были два медных в сечении полукруглых браслета (рис. 2, *12*, *13*). Вблизи браслетов лежали два округлых в сечении медных перстня в полоборота с заостренными несомкнутыми концами (рис. 2, *14*, *15*). Несколько выше их лежала загнутая в полтора оборота лепестковидная серебряная височная подвеска (рис. 2, *16*). В области ног находился прямоугольный в сечении медный браслет с несомкнутыми концами (рис. 2, *17*). Под очковидной подвеской на голове и под ручными браслетами сохранились обрывки разложившейся шерстяной (?) ткани полотняного переплетения (1×1). Плотность ткани 9/11 нитей на 1 см². Нити скручены влево[2].

[1] Определение В. П. Алексеева.

[2] Ткань определена и реставрирована в Эрмитаже в 1977 г.

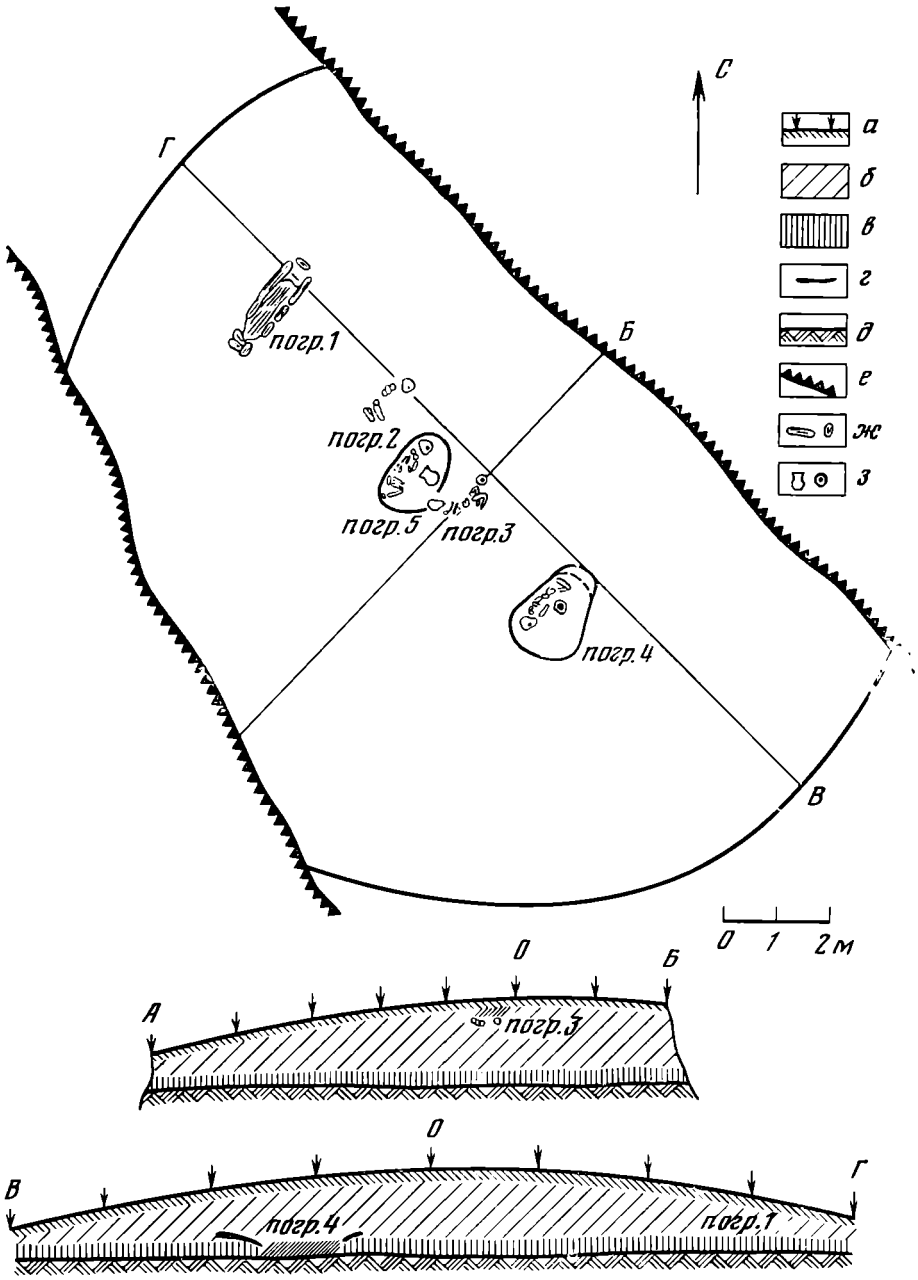


Рис. 1. План и профили курганов у пос. Хохольский. *а* — дерн, *б* — чернозем, *в* — слой погребенной почвы, *г* — могильный выкид, *д* — материк, *е* — границы оврагов, *ж* — дерево, *з* — сосуды

В насыпи кургана в 2,5 м от центра на глубине 0,7 м открыто впускное **погребение** 2 (рис. 3, *1*). От костяка сохранились отдельные позвонки и кости ног. По-видимому, умерший находился на левом боку с подогнутыми ногами, головой на северо-восток. Рядом с ним встречены отдельные фрагменты сосуда, имеющего биконическое тулово. В верхней части он украшен прочерченными линиями, образующими треугольники вершинами вверх (рис. 4, *7*). В 0,3 м к северо-востоку от погребения 2 на глубине 0,65 м обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда с орнаментом из вдавлений крупного зубчатого штампа (рис. 4, *6*).

В центре насыпи на глубине 0,5 м выявлено **погребение 3** (рис. 3, *2*), частично перекрывавшее погребение 5. Костяк лежал на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад. Напротив колен находился небольшой раздавленный круглодонный тонкостенный горшок вытянутых пропорций (рис. 4, *1*). Поверхность горшка покрыта диагональными рядами ногтевых вдавлений.

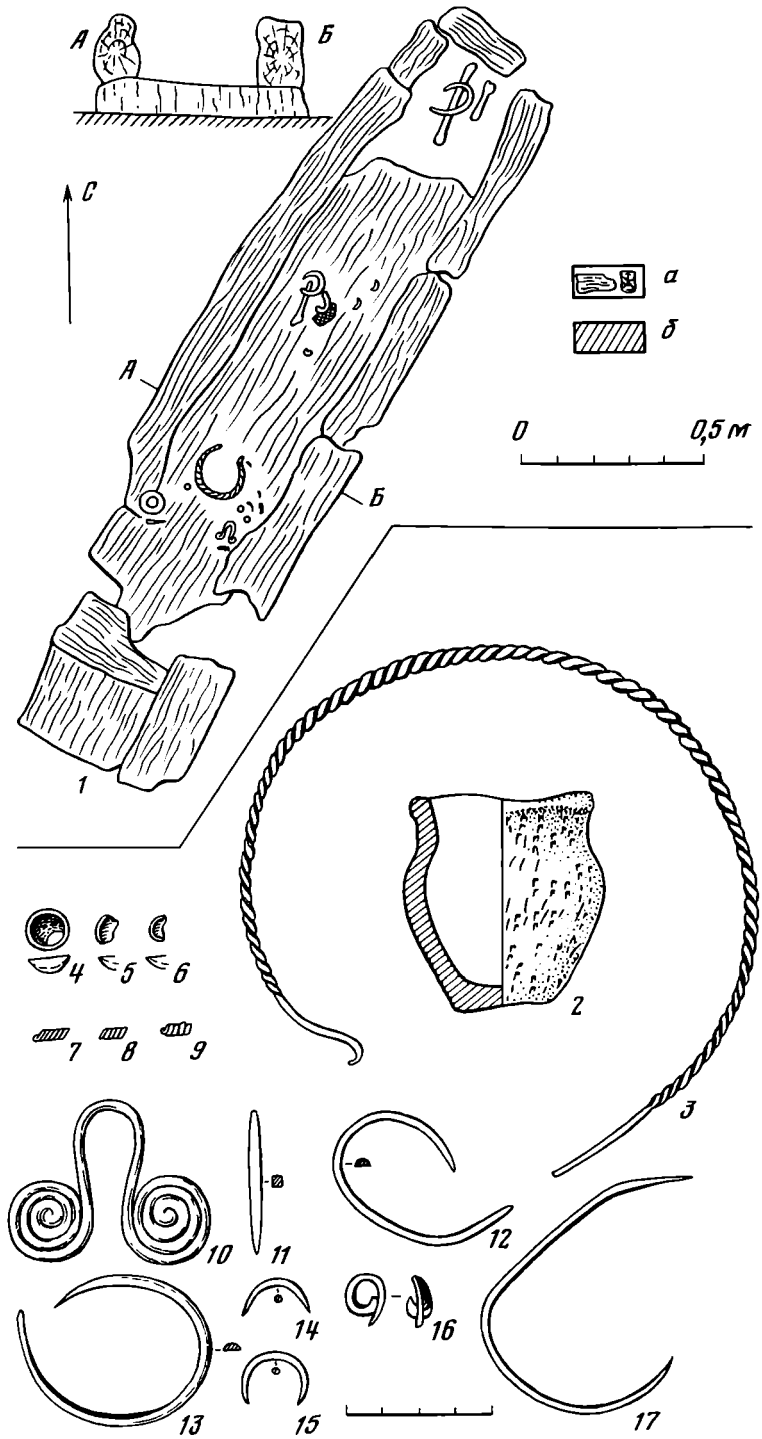


Рис. 2. Погребение 1 в кургане у пос. Хохольский. План (*1*) и сопровождающий инвентарь (*2—17*). *2* — глина, *3—17* — металл

При зачистке материка в южном секторе на расстоянии 2,2 м от центра кургана выявлено основное **погребение 4**, с которым связывается могильный выкид. Захоронение совершено в неглубокой (0,25 м) яме грушевидной формы, больший диаметр которой — 1,9 м (рис. 3, *4*). Вероятно, яма представляла собой остатки катакомбной конструкции. Костяк лежал скорченно на правом боку, головой на юго-запад, с подложенными под голову руками. В области живота стоял сосуд удлиненных пропорций, имеющий высокое, слегка раструбовидное горло (рис. 4, *3*). По верху он орнаментирован горизонтальными рядами оттисков тесьмы и ногтевых защипов, ниже идут обращенные вершинами вверх треуголь-

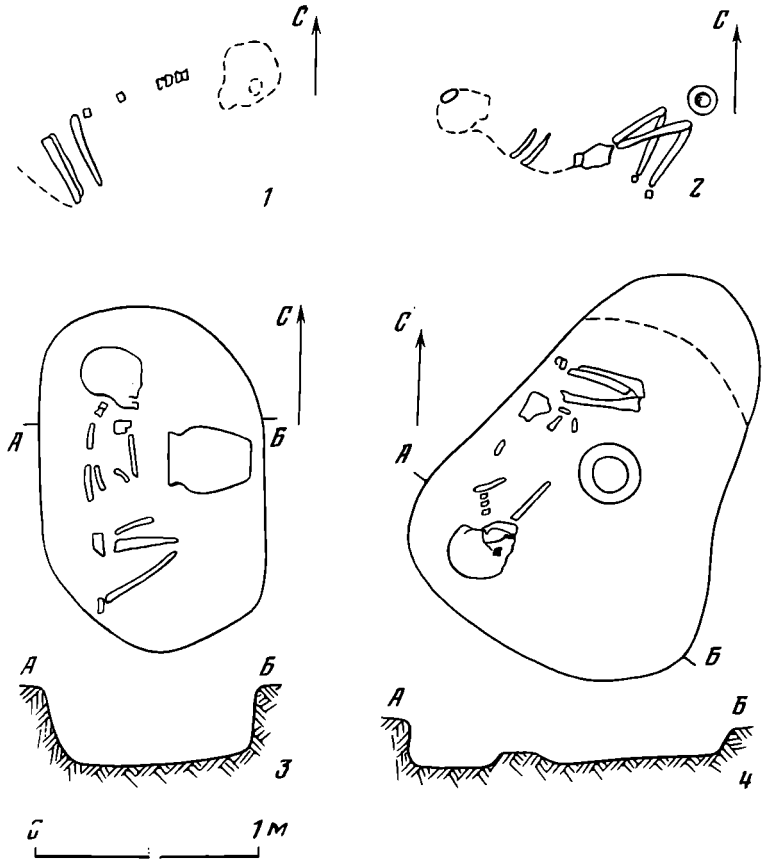


Рис. 3. Планы погребений в кургане у пос. Хохольский. *1* — погр. 2, *2* — погр. 3, *3* — погр. 5, *4* — погр. 4

ники, образованные тесьмой, далее до дна горизонтальные ряды тесьмы чередуются с ногтевыми защипами и рядами коротких оттисков шнура. В сосуде находились два перстня из полой кости (рис. 4, *4*, *5*).

Погребение 5 выявлено в западном секторе на расстоянии 1 м от центра кургана. Оно углублено в материк на 0,35 м. Форма могильной ямы округлая. Не исключено, что и здесь мы имеем дело с остатками катакомбы. Костяк лежал на левом боку, головой на север (рис. 3, *3*). Перед ним стоял сосуд (рис. 4, *2*), по форме близкий горшку из погребения 4, но более вытянутых пропорций и крупного размера. Орнаментирован пальцевыми защипами, оттисками перевитого шнура и личинок, составленных в треугольники, полуфестоны и ромбы. На придонной части сосуда имеются темные подтеки.

Таким образом, в кургане исследовано пять погребений эпохи бронзы. Два из них (погребения 4 и 5) принадлежат среднедонской катакомбной культуре, причем сосуды погребений характерны для правобережного варианта второго ее хронологического этапа (XVII—XV вв. до н. э.). Следует, однако, заметить, что более позднее погребение 5 имеет ряд обрядовых признаков (положение умершего на левом боку, северная ориентировка), которые становятся определяющими уже для третьего, заключительного этапа культуры [3]. Хронологически близким является погребение 3, которое ранее рассматривалось как абашевское [2, с. 117, рис. 35, *2*; с. 119]. Но в связи с исследованием большой серии мысовых памятников позднекатакомбного времени в лесостепном Подонье [4], а также некоторых погребений, керамика которых обнаруживает известную близость сосуду рассматриваемого погребения, его можно связывать в культурном отношении с этим кругом древностей. Некоторые исследователи правомерно объединяют их вместе с поднепровскими древностями многоваликового типа в так называемую бабинскую культуру [5; 6, с. 72].

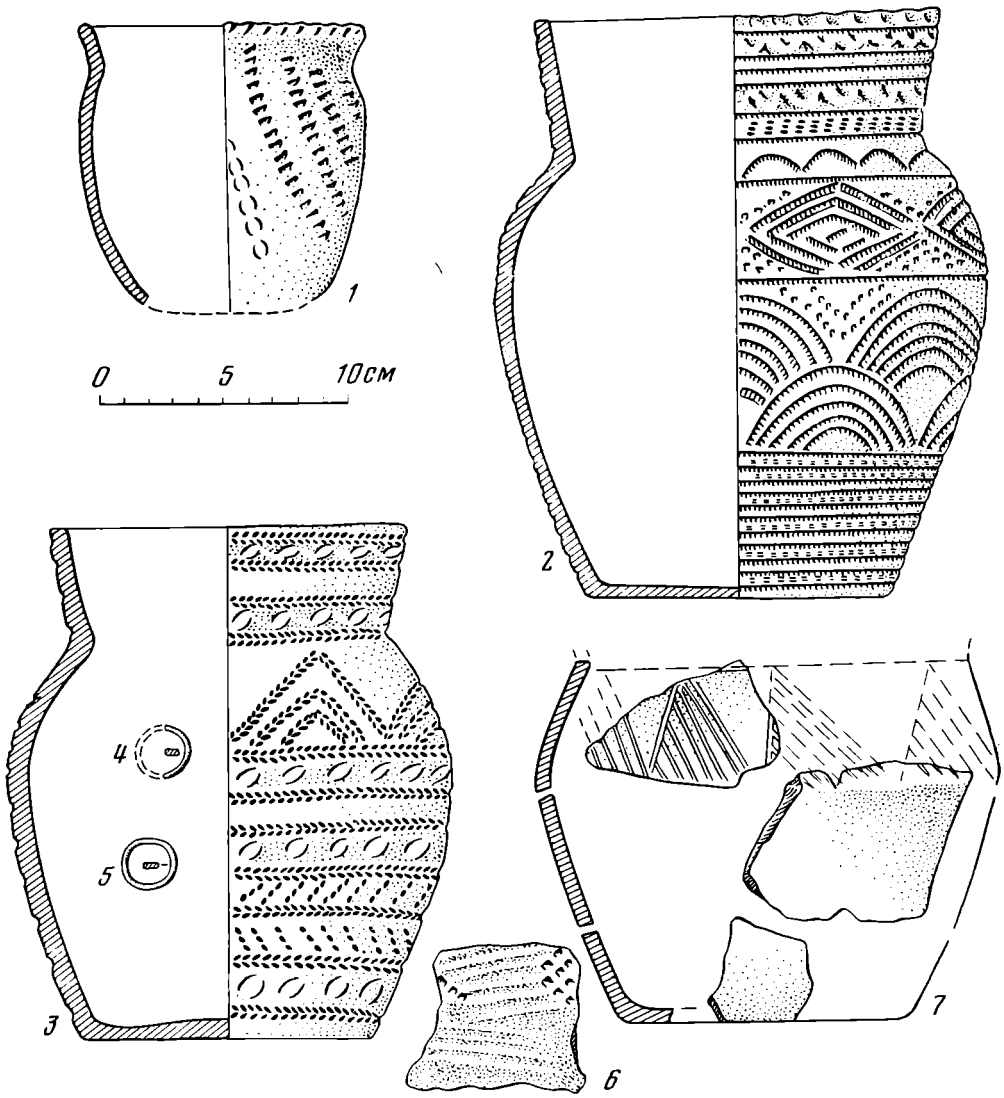


Рис. 4. Инвентарь из погребений 2—5 в кургане у пос. Хохольский. *1* — погр. 3, *2* — погр. 5, *3—5* — погр. 4, *6—7* — погр. 2. *1—3*, *6*, *7* — глина, *4*, *5* — кость

Культурно близким является и погребение 2, хотя некоторые его признаки имеют известное своеобразие.

Таким образом, в кургане фиксируются три стратиграфических горизонта захоронений местной катакомбной культуры, где первый горизонт представлен погребением 4 (второй хронологический этап), второй горизонт — погребением 5 (конец того же этапа) и третий горизонт — погребениями 2 и 3 (третий этап). Погребение 1 авторы и другие исследователи относили к кругу абашевских древностей [7, с. 208—209; 8; 9, с. 53—54]. В то же время один из авторов статьи указывал на своеобразие сосуда, как, впрочем, и других признаков этого погребения, в сравнении с собственно абашевскими [2, с. 119]. Сосуд обнаруживает близость с керамикой мысовых памятников воронежской археологической культуры. Однако металл имеет абашевский облик. Тем самым погребение 1 подтверждает возможность синхронизации абашевских и воронежских древностей на донской территории. При этом металлические изделия погребения относятся далеко не к ранним типам в круге абашевских древностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сагайдак Р. Г., Старцева Т. С.* Исследование кургана срубной общности у пос. Хохольский Воронежской области.— В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1979.
2. *Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1971.

3. *Синюк А. Т.* Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1983.
4. *Пряхин А. Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1982.
5. *Братченко С. Н.* К вопросу о сложении бабинской культуры (многоваликовой керамики).— В кн.: Вильнянские курганы в днепровском Надпорожье. Киев: Наукова думка, 1977.
6. *Привалов А. И.* Типы погребений культуры многоваликовой керамики в Приазовье.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980.
7. *Черных Е. Н.* Металл донского варианта абашевской культуры.— В кн.: *Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1971.
8. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1971.
9. *Либеров П. Д.* О хронологии абашевской культуры.— СА, 1977, № 2.

САНЖАРОВ С. Н.

КАТАКОМБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ БЛИЗ г. СЕВЕРСКА

В 1979 г. новостроечная археологическая экспедиция Донецкого гос. университета провела исследование разрушенного кургана близ г. Северска Донецкой области в бассейне среднего течения Северского Донца. К моменту приезда экспедиции курган был полностью срыт строителями, а на его месте сооружен котлован под регулирующий бассейн (размером 70×40 м), углубленный в грунт на 2 м от современной поверхности. По сведениям рабочих строительства, до разрушения насыпь кургана была высотой около 2,20 м, диаметром около 50 м. Из двух открытых погребений наибольший интерес представляет погребение 1 [1].

На дне в центральной части котлована на глубине около 2 м от дневной поверхности была зафиксирована подквадратная входная шахта со скругленными углами размером 1,82×1,70 м, со ступеньками. Углами она ориентирована по сторонам света. Катакомба устроена под юго-западной стенкой (рис. 1). В западной части заполнения шахты перед входом в катакомбу на отметках 1,30—1,36 м [2] встречены остатки деревянного заслона устья камеры. На стенах погребального сооружения сохранились желобчатые следы орудий шириной 2—2,5 см. Входное отверстие разрушено обвалом свода. Ширина устья 1,10 м. По дну камера имела овальную форму и ориентирована по линии ЮВ—СЗ. Размеры камеры 2,50×1,93 м. Дно находилось на отметках 2,25—2,36 м.

В погребальной камере обнаружено два костяка (рис. 1, 2). Костяк I размещался в скорченном положении, головой к ЮВ, корпус на спине, ноги согнуты вправо. Угол скорченности тупой, угол в коленях прямой. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти находились на правом тазобедренном суставе. В ногах погребенного стоял вверх дном бесшейный округлодонный сосуд; перед коленями обнаружено изображение левой стопы человека из порошка красной охры. Перед костяком — деревянная трость (лук?) длиной 75 см, шириной 3 см, за ней бронзовый листовидный нож, бронзовое четырехгранное шильце с остатками деревянной рукояти и две костяные проколки. С левой стороны от выхода из камеры имелось небольшое скопление древесного угля. У правой височной кости обнаружено серебряное (?) височное кольцо в полтора оборота, у затылочной части черепа — еще одна костяная проколка.

За костяком I находился костяк II в скорченном положении, головой к ЮВ, корпус на спине, ноги согнуты вправо. Угол скорченности тупой, угол в коленях прямой. Руки вытянуты вдоль туловища, кисти на правом

---

[1] Выражаю искреннюю признательность руководителю экспедиции А. А. Моруженко за разрешение опубликовать погребения.

[2] За «0» при раскопках был принят уровень фиксации входной шахты катакомбы. Все отметки глубин отрицательные.

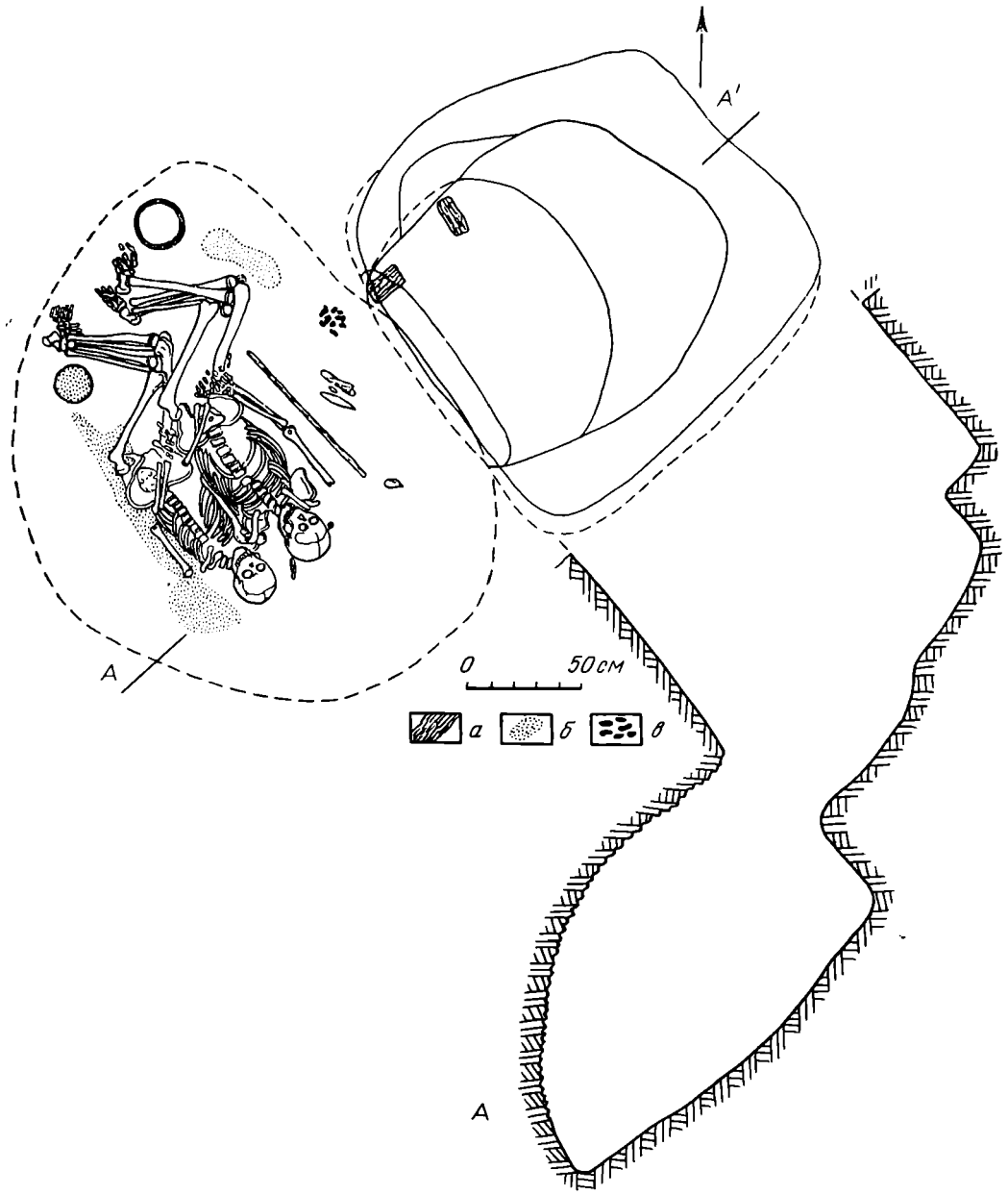


Рис. 1. План и разрез катакомбного погребения близ г. Северска: *а* — дерево, *б* — охра, *в* — древесный уголь

тазобедренном суставе. Кости правой руки, правые ребра и правая бедренная кость размещены под костяком I. Под погребенным прослежена подсыпка ярко-красной охры. В ногах оставлен комок алой охры в форме цилиндра диаметром 15 см и толщиной 7 см (рис. 3, *1*).

По конструкции катакомбное погребальное сооружение относится к типу «Т-видных» [1, с. 20] и выделяется как один из ранних памятников в круге катакомбных погребений. Подобные памятники В. Я. Кияшко включает в XI группу нижнедонских захоронений и относит к рубежу III—II тысячелетий до н. э. [2, с. 18]. На Северском Донце аналогичные конструкции (подквадратная входная шахта, наличие ступенек, пологого спуска к устью камеры) с редким инвентарем определяются как раннекатакомбные [3, с. 307].

Положение погребенных в катакомбе весьма специфично. В погребениях донецкой катакомбной культуры, на данный момент признанной одной из древнейших среди катакомбных групп [4, с. 69—79; 1, с. 55—59; 5, с. 76], характерно скорченное размещение умерших на правом боку, лицом к выходу из камеры, ориентация в солнечную сторону [1. с. 21]. Положение костяков в катакомбах в скорченном положении на

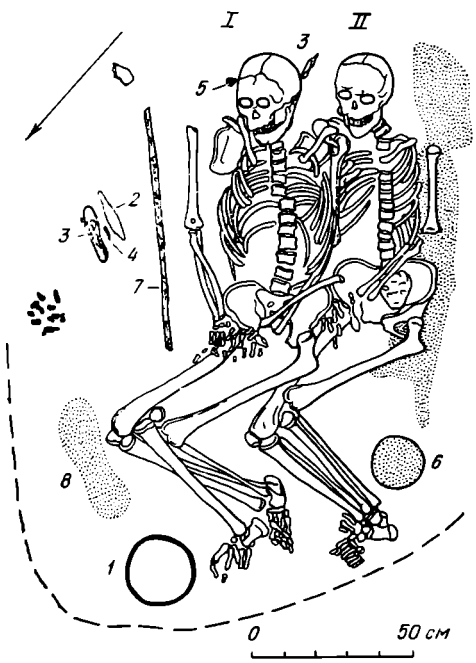


Рис. 2

Рис. 2. План захоронений (I, II) и местоположение находок. *1* – сосуд, *2* – нож, *3* – проколки, *4* – шильце, *5* – височное кольцо, *6* – цилиндрическое изделие, *7* – трость, *8* – изображение стопы. *1* – керамика, *2*, *4*, *5* – цветной металл, *3* – кость, *6*, *8* – охра, *7* – дерево

Рис. 3. Предметы из охры. *1* — цилиндрическое изделие, *2* — изображение стопы

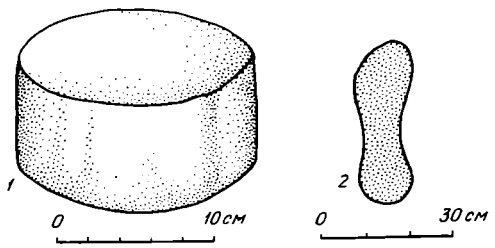


Рис. 3

спине зафиксировано в погребениях так называемого ямно-катакомбного типа. Они известны в ряде районов (в Северном Приазовье [6, с. 9—13], на Нижнем Дону [7, с. 76—84], в Калмыкии [8, с. 8—9; 9, с. 58—68]), но до сих пор не известны на Среднем Донце.

Из общего числа катакомбных памятников погребение из г. Северска выделяется богатством и своеобразным комплексом сопутствующего инвентаря. Бесшейный округлодонный сосуд со скошенным внутрь венчиком орнаментирован слева направо горизонтальными рядами оттисков уголка «отступающей лопаточки», которые придают поверхности несколько гофрированный характер. Под венчиком расположен ряд оттисков, но вершиной вверх (рис. 4, *1*). В катакомбных погребениях Северского Донца округлодонные сосуды представлены достаточно редко. Так, в результате широких раскопок курганов, произведенных здесь В. А. Городцовым, лишь в одной катакомбе был обнаружен округлодонный сосуд (Великая Камышеваха, «Гостра могила», курган 2, погр. 3) [10, с. 59; 11, с. 327—328]. Подобные сосуды встречены в катакомбных погребениях Поорелья [12, с. 102—106] и на Нижнем Дону [13, с. 102]. Отдельные экземпляры их происходят из погребений древнеямной культуры Дона, Северского Донца, Приазовья и Поднепровья [14, с. 151—152; 15, с. 62]. В то же время сосуды такого типа широко представлены в древнеямных памятниках Поволжья [16, с. 237], особенно в Волжско-Уральском районе, где, как отмечает Н. Я. Мерперт, представляют одну из специфических черт культуры ямных племен [15, с. 62]. Известны они и в третьей группе погребений Волжско-Уральского района, которая синхронна с началом значительных влияний со стороны раннекатакомбной культуры [15, с. 72].

Генетически формы бесшейных округлодонных сосудов восходят к простейшей неолитической посуде [14, с. 62]. На Северском Донце дальнейшая эволюция округлодонных сосудов прослеживается уже в самом комплексе керамики племен — носителей донецкой катакомбной культуры. Так, С. Н. Братченко видит преемственность ямной и катакомбной керамики в распространении типов короткошейного сосуда и горшков с яйцевидным корпусом на плоском или уплощенном дне [1, с. 58].

Бронзовый нож из г. Северска (рис. 4, *2*) принадлежит серии листовидных ножей. Его лезвие плавно переходит в слегка расширяющееся раскованное навершие черешка. Наибольшая ширина клинка приходится

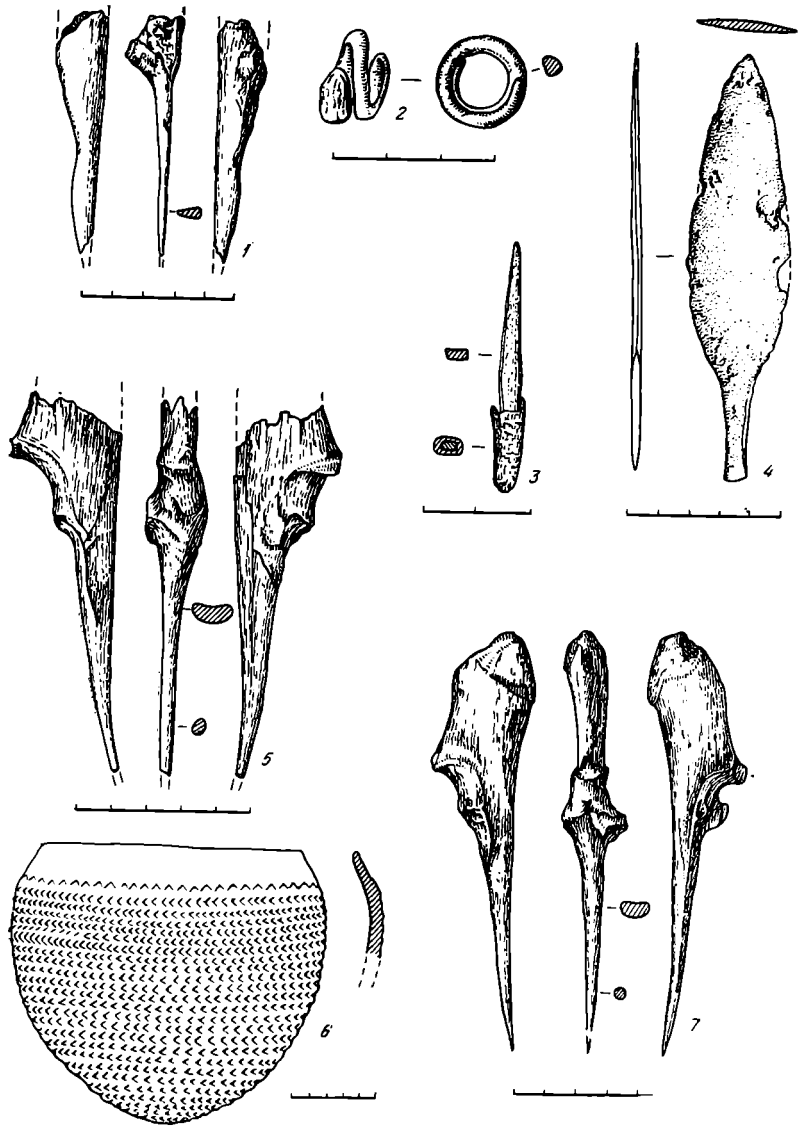


Рис. 4. Инвентарь. *1. 5. 7* — кость, *2*, *3*, *4* — цветной металл, *6* — керамика

на середину ножа. Аналогичный нож известен из ямного погребения у с. Цацы [17, с. 236, рис. 3, *3*]. Плавный скругленный переход черешка в лезвие сближает его с формами ножей ранних типов [18, с. 172; 19, с. 92—93, рис. 42].

Бронзовое четырехгранное шильце из погребения (рис. 4, *3*) снабжено утолщением для насада, на котором сохранились остатки деревянной рукояти. Подобные шильца встречаются на протяжении всего бронзового века [20, с. 56; 21, с. 65; 1, с. 5] и, как справедливо отмечает В. А. Сафронов, не могут быть признаны датирующими [22, с. 134]. Найденное в погребении массивное серебряное (?) кольцо в полтора оборота с расширенным окончанием (рис. 4, *4*), также широко распространено на протяжении длительного хронологического периода [21, с. 25; 1, с. 53]. Три костяные проколки (2 обломаны, 1 хорошей сохранности) из локтевых костей мелкого рогатого скота (рис. 4, *5—7*) не могут быть точно датированы из-за своего естественного происхождения. В погребениях их находки единичны и еще не были предметом специального изучения.

Особый интерес представляет обнаруженное у ног костяка I изображение левой стопы человека (рис. 3, *2*). Рисунки стоп нанесены на плитах Каменной могилы [23, с. 66, табл. XXI; с. 71—72; табл. XXII—XXIII; с. 91—94, рис. 59—60], петроглифы которой относятся, по-видимому,

к эпохе раннего металла [23, с. 137]. Контуры трех стоп имеются на Керносовской стеле [24, с. 36—46, рис. 1, *2* и 3, *4*], датированной концом III — началом II тысячелетия до н. э. [24, с. 45]. Следует заметить, что на территории степной полосы Восточной Европы рисунки стоп имеют место на антропоморфных стелах с развитой деталировкой тела и одежды, на них нередко встречаются сложные геометрические композиции, изображения предметов вооружения, людей и животных [25, с. 38—47; 26, с. 179—189; 27, с. 19]. Изображения стоп имеются на некоторых антропоморфных стелах Западной Европы [28, с. 180—181; 26, с. 181].

Ряд исследователей датируют антропоморфные стелы степей Восточной Европы III — началом II тысячелетия до н. э. и определяют их культурную принадлежность в основном древнеямной или кеми-обинской культурами [29, с. 86; 25, с. 38—47; 26, с. 179—180]. Причины широкого распространения стел эпохи раннего металла, возможно, следует искать в общности культовых воззрений [27, с. 19—20]. Вероятно, выбитые контуры стоп на стелах и изображение стопы из охры в катакомбном погребении близ г. Северска несли адекватную смысловую нагрузку. Краской (охрой) могли изображаться и различные антропоморфные детали на стелах [30, с. 27].

Исходя из анализа обряда погребения и характерных особенностей сопровождающего инвентаря, данный комплекс можно отнести к числу памятников с признаками ямной и катакомбной культур, т. е. к так называемому ямно-катакомбному типу.

Культурная принадлежность конкретных групп ямно-катакомбных погребений определяется по преобладанию ямных или катакомбных черт. Так, в Калмыкии они отнесены к ямной культуре [9, с. 62—63], а в Нижнем Подонье — к катакомбной [7, с. 80]. По сопровождающему инвентарю и положению погребенных северское погребение ближе стоит к ямной культуре. С последующими местными катакомбными памятниками оно сближается формой погребального сооружения и ориентацией покойников. Так, в отношении планировки погребальных сооружений в курганах, а следовательно, и ориентации положенных в них умерших С. Н. Братченко установлено присутствие самых ранних погребений донецкой катакомбной культуры в кургане в пределах 30—90° [31, с. 67]. Впущенная в полу кургана камерой к его центру под углом 45° северская катакомба неизбежно ориентировала покойников на ЮВ.

Примечательно, что характернейшей особенностью ямно-катакомбных погребений считается бедность погребального инвентаря или полное его отсутствие, в северском же погребении вещи представлены в обилии. Этим оно выделяется из группы последних, что может быть объяснено особым социальным положением костяка I, при котором и располагались основные предметы. Данному предположению не противоречит коллективный обряд погребения [32, с. 119], а также значительная глубина дна камеры (4,36 м от уровня дневного горизонта) [33, с. 51].

Ямно-катакомбное погребение близ г. Северска значительно отличается и предшествует памятникам классической донецкой катакомбной культуры, нижнюю границу которой обоснованно установил С. Н. Братченко — 2000 г. до н. э. [1, с. 142]. В свою очередь донецкие памятники синхронизируются с первой верхнекубанской группой северокавказской культуры [34, с. 137], для определения нижней границы которой получена дата по C^{14} 2160±60 лет до н. э. [34, с. 104].

Таким образом, исходя из вышесказанного, нам кажется допустимым датировать ямно-катакомбное погребение из г. Северска концом III тысячелетия до н. э.

Характерно, что в датированных по C^{14} комплексах данной верхнекубанской группы северокавказской культуры имеются костяные молоточковидные булавки с резным орнаментом, встречающиеся в памятниках ямно-катакомбного типа [4, с. 76]. Обнаруженная на Среднем Донце в аналогичном погребении костяная молоточковидная булавка подобного типа [35, с. 315] подтверждает данную датировку погребения у г. Северска.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка, 1976.
2. *Кияшко В. Я.* Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1974.
3. *Братченко С. Н., Гершкович Я. П., Гошко Т. Ю., Константинеску Л. Ф., Левченко В. Н., Смирнов А. М., Швецов М. Л., Шкарбан А. С.* Исследования курганов на Северском Донце.— АО — 1978. М., 1979.
4. *Клейн Л. С.* О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь М. И. Артамонова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961.
5. *Мерперт Н. Я.* Из истории древнеямных племен.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977.
6. *Тереножкін О. І.* Кургани в долині р. Молочної.— АП, 1960, т. VIII.
7. *Мошкова М. Г., Федорова-Давыдова Э. А.* Работы Цимлянской экспедиции 1970 года.— В кн.: Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. 1. М.: Наука, 1974.
8. *Синицин И. В.* Древние памятники Восточного Маныча. Вып. 1. Саратов: Изд-во СГУ, 1978.
9. *Фисенко В. А.* Погребения ямно-катакомбного типа Калмыкии и их место среди памятников бронзовой эпохи Северо-Западного Прикаспия.— СА, 1970, № 1.
10. *Городцов В. А.* Каталог выставки XII Археологического съезда в Харькове. Харьков, 1902.
11. *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии.— Тр. XII АС. Т. 1. М., 1905.
12. *Белозор В. П., Мезенцев В. І.* Розкопки кургану доби бронзи біля селища Перещепино на річці Орелі.— Вісн. Київськ. ун-ту, сер. істор., 1976, № 19.
13. *Братченко С. Н., Кияшко В. Я., Чередниченко Н. Н.* Курганы эпохи бронзы у х. Ливенцовка.— АИУ — 1965—1966. Киев, 1967.
14. *Телегін Д. Я.* Середньо-стогівська культура епохи міді. Киев: Наукова думка, 1973.
15. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
16. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
17. *Мамонтов В. И.* Курган эпохи бронзы у с. Цацы близ Волгограда.— СА, 1967, № 1.
18. *Иессен А. А.* К хронологии «Больших кубанских курганов».— СА, 1950, т. XII.
19. *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н. э.).— МИА, 1960, № 93.
20. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.
21. *Попова Т. Б.* Племена катакомбной культуры.— Тр. ГИМ, 1955, вып. 24.
22. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В кн.: Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников (Сообщение научно-методического совета по охране памятников культуры). Вып. 7. М.: Знание, 1974.
23. *Рудинский М. Я.* Кам'яна могила. Киев: Наукова думка, 1961.
24. *Крылова Л. П.* Керносовский идол (стела).— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976.
25. *Щепинский А. А.* Памятники искусства эпохи раннего металла в Крыму.— СА, 1963, № 3.
26. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969.
27. *Рычков И. А.* К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы.— В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1979.
28. *Формозов А. А.* О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья.— СЭ, 1965, № 6.
29. *Златковская Т. Ю.* К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы.— СЭ, 1963, № 1.
30. *Чеченов И. М.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик: Эльбрус, 1973.
31. *Братченко С. Н.* О некоторых закономерностях в планировке катакомбных погребений в курганах Нижнего Подонья.— Тезисы докладов конференции «Новейшие открытия советских археологов». Ч. I. Киев, 1975.
32. *Артамонов М. И.* Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками.— ПИДО, 1934, № 7—8.
33. *Смирнов А. М.* Погребения катакомбной культуры бассейна Северского Донца.— Тезисы докладов конференции «Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы». Донецк, 1979.
34. *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978.
35. *Кротова А. А., Зельдина В. Я., Самойленко В. Г.* Исследования на р. Лугани.— АО — 1976. М., 1977.

ПРОХОРОВА Т. А.

ПОГРЕБЕНИЕ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СТАНИЦЫ ГРУШЕВСКОЙ

В 1979 г. Новочеркасский отряд археологической экспедиции Ростовского университета проводил раскопки кургана 11 в могильнике у станицы Грушевской (Октябрьский р-н Ростовской обл.) [1]. Могильник расположен в 3,5 км южнее станицы, на правом водоразделе рек Аксай и Тузлов. Курганы тянутся цепочкой с юго-запада на юго-восток. Курган 11 (высота 4,2, диаметр 40 м) занимает в цепочке центральное место, сооружен в раннебронзовое время. В нем было открыто погребение предскифского времени.

Впускное погребение (№ 3) располагалось в северо-восточном секторе кургана на глубине 2,27 м от условного 0. Могильную яму проследить не удалось (рис. 1). В заполнении погребения была встречена в большом количестве истлевшая древесина от деревянного перекрытия. Костяк погребенного мужчины [2] лежал в скорченном положении на левом боку, завалившись на грудь, головой ориентирован строго на север, лицом на восток. В головах погребенного стоял лепной кувшинообразный сосуд (рис. 2, *5*). Горло сосуда цилиндрическое, венчик незначительно отогнут наружу, край венчика неровный, частично отбит в древности, раздутое тулово биконической формы, дно слегка вогнуто, небольшая ленточная ручка имеет подпрямоугольное сечение. Поверхность сосуда подлощена, обожжена до коричневого с оттенками цвета. Тесто плотное, в примеси мелкий шамот и песок. Сосуд украшен богатым врезным инкрустированным белой пастой орнаментом. По горлу орнамент образован двумя чередующимися узорами: двойной вертикальной «елкой» и заштрихованными равнобедренными треугольниками, обращенными вершиной друг к другу («бабочка»). Горло отделено от тулова врезной горизонтальной чертой. Верхняя часть тулова украшена двумя заштрихованными зигзагообразными полосами, которые, перекрещиваясь между собой, образуют ромбические пространства. Размеры сосуда (в см): высота 21,7, диаметр венчика 12,1, диаметр горла 11,9, наибольший диаметр тулова 20,6, диаметр дна 10, ширина ручки 3.

На черепе погребенного прослеживались остатки кожаного налобного венчика, к которому было пришито небольшое украшение из бронзы, видимо, спиралевидной формы. Украшение сильно повреждено коррозией. Диаметр изделия 0,03 см. Под черепом погребенного было обнаружено золотое височное кольцо (рис. 2, *3*) с заходящими друг за друга краями, свернутое из узкой пластины. Диаметр кольца 0,8 см, ширина 0,15 см. В районе грудной клетки найден кремневый отщеп, который судя по забитости края, использовался в качестве кресального кремня (рис. 2, *4*). В пространстве между бедренной костью правой ноги и локтевой костью правой руки был обнаружен бронзовый однолезвийный изогнутый нож с хорошо намеченным черенком (рис. 2, *1*). Его длина 7,4 см, ширина лезвия 1,5 см. Прослеживались остатки кожаного чехольчика.

В западной части погребения под плашками могильного перекрытия были обнаружены остатки истлевшего деревянного сосуда, который представлял собой неглубокую чашу, скрепленную бронзовыми скобочками и гвоздиками (рис. 2, *2*). Примерный диаметр сосуда (определен по тлену в поле) 13 см.

Здесь же, в западной части могилы, почти вплотную к человеческому костяку лежали кости мелкого рогатого скота от двух особей: обломки тазовых костей, берцовые и бедренные кости, астрагалы. По дну ямы прослеживалась подсыпка мелом.

---

[1] Руководитель раскопок — старший научный сотрудник археологической лаборатории Ростовского гос. университета Е. И. Савченко.

[2] Определения остеологического материала произведены мл. научн. сотрудником археологической лаборатории РГУ Куркиной Е. Ф.

Рис. 1. Погребение из кургана 11 Грушевского могильника: *1* — нож, *2* — металлические части от деревянного сосуда, *3* — височное кольцо, *4* — кресальный кремень, *5* — сосуд, *6* — следы налобного венчика, *7* — деревянные плашки от могильного перекрытия

Рис. 1

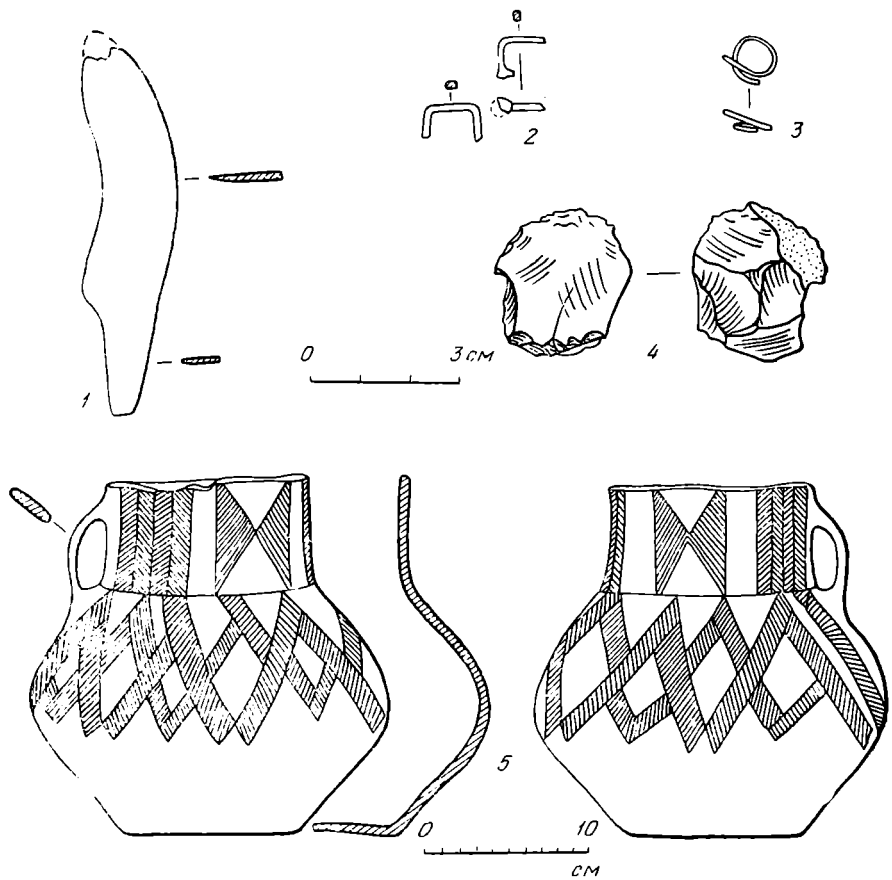


Рис. 2. Инвентарь погребения из кургана 11 Грушевского могильника. *1*, *2* — бронза, *3* — золото, *4* — камень, *5* — глина

Рис. 2

На Нижнем Дону погребения и случайные находки, датирующиеся предскифским периодом, фиксировались неоднократно (см., например [1, с. 26—28, 37—38, 53, 58—60, 66]). Погребение 3 кургана 11 Грушевского могильника, видимо, одно из самых ранних погребений этого круга в регионе. Прежде всего в пользу этого предположения свидетельствует скорченное положение погребенного. Сосуд из погребения находит свои аналоги в слоях X—VIII вв. до н. э. Кобяковского поселения.

Функционально этот сосуд относится к категории столовой посуды. Подлощенные кобяковские кувшины близкой или тождественной формы украшались богатым врезным геометрическим орнаментом [2, табл. XIX, с. 109, 66]. Височные кольца с заходящими краями, свернутые из узкой пластины, достаточно широко были распространены уже на белозерском этапе срубной культуры, генетически связанной с позднейшим предскифским периодом [3, с. 83]. Бронзовые однолезвийные ножи встречаются только со скорченными костяками и предшествуют железным ножам [1, с. 161].

Погребальный обряд позволяет отнести погребение Грушевского могильника к разряду киммерийских древностей. Киммерийцы, как правило, впускали погребения в сооруженные ранее курганы. Могилы часто имели деревянные перекрытия. На ранней, черногоровской ступени костяки скорчены, ориентировка погребенных неустойчива. В могилу ставились лощеные богато орнаментированные столовые сосуды [3]. Столовая посуда в погребениях кочевников получает сакральное значение. Кроме керамических сосудов в погребения ставили еще и деревянные, встречаются изделия из кремня.

Погребение Грушевского курганного могильника датируется IX — серединой VIII в. до н. э., т. е. черногоровской ступенью киммерийской культуры [1, с. 208].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.
2. *Шарафутдинова Э. С.* Памятники предскифского времени на Нижнем Дону.— САИ, вып. В1—11. Л., 1980.
3. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.— МИА, 1971, № 177.
4. *Крупнов Е. И.* Киммерийцы на Северном Кавказе.— МИА, 1958, № 68.

[3] Характерными признаками киммерийской керамики являются: лощеная поверхность, врезной геометрический орнамент, который часто инкрустируется белой пастой, раздутые формы сосудов. Эти признаки были выделены еще В. А. Городцовым и до настоящего времени не потеряли своей актуальности [4, с. 179, 192; 2, с. 66].

ЛАРЕНОК П. А.

ЛЕВОБЕРЕЖНОЕ МОКРО-ЧАЛТЫРСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ДОНУ

В советской археологической литературе утвердилось мнение о существовании в устье р. Мокрый Чалтырь, впадающей в северный рукав дельты Дона — Мертвый Донец, двух городищ I—III вв. н. э., названных Право- и Левобережным городищами.

Сведения о Левобережном Мокро-Чалтырском городище впервые опубликованы М. Б. Краснянским. Исследователь упомянул его в списке неисследованных или малоизвестных городищ на Нижнем Дону и отметил, что на левом берегу р. Мокрый Чалтырь найдены предметы «древнегреческого обихода римского владычества» [1, с. 141—142]. В 1957 г. С. Н. Братченко опубликовал данные о городище, обнаруженном им на правом берегу устья р. Мокрый Чалтырь и названном «Правобережным» [2]. Так косвенно было подтверждено существование Левобережного городища. Д. Б. Шелов включил сведения и М. Б. Краснянского, и С. Н. Братченко в книгу «Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры», где на карте показал оба городища и дал их краткую характеристику [3, с. 176, 186].

В 1973—1978 гг. было проведено обследование зоны строительства птицекомплекса ДОН-25. Собранный материал позволяет опровергнуть мнение о существовании Левобережного городища.

Левый берег устья р. Мокрый Чалтырь образует гигантский мыс, ограниченный с юго-запада р. Мертвый Донец, где высокие склоны ко-

ренного берега круто спускаются к пойме. С запада и северо-запада мыс ограничен излучиной Мокрого Чалтыря, здесь склоны пологи, лишь у самой поймы заканчиваются обрывом высотой 2—4 м. Овражная сеть развита слабо. Склоны по берегам хорошо задернованы, а вдоль берега р. Мертвый Донец идет густая лесополоса, скрывающая противотанковый ров. Сам мыс интенсивно распахивается. Траншея трубопровода пересекла весь мыс с запада на восток у южного его края от р. Мокрый Чалтырь до ст. Хапры.

На всей площади мыса были сделаны находки средневековой, в основном амфорной керамики. Насыщенность находками слабая (один фрагмент на 30—40 м). Наблюдения за пахотой, траншеей трубопровода, противотанковым рвом и овражной сетью не выявили культурного слоя. Таким образом, этот памятник мы интерпретируем, как средневековое кочевье по классификации С. А. Плетневой [4]), названное нами Мокро-Чалтырское кочевье 1, в отличие от аналогичного памятника у юго-западной окраины с. Чалтырь на правом берегу реки Мокро-Чалтырское кочевье 2).

Всего на Мокро-Чалтырском кочевье 1 собрано 93 фрагмента керамики[1]. Тарная керамика представлена в количестве 72 обломков от амфор трех групп: а) с примесью шамота в тесте — 28; б) с известковыми включениями, частью покрыты белым ангобом — 42; в) с примесью мелкорубленной травы — 2. Часть фрагментов групп 1 и 2 украшена зонным прочерченным линейным орнаментом.

Гончарная (8 фр.) и лепная (10 фр.) посуда представлены маловыразительными фрагментами. Примеси в тесте гончарной керамики — песок, мелкодробленный шамот, известковые включения. В тесте лепной керамики имеется песок, крупный шамот, мелкорубленная трава и толченая раковина. На одном фрагменте сохранился прочерченный линейный орнамент.

Описанная керамика находит аналогии в многочисленных раннесредневековых памятниках. Датирующими являются фрагменты амфор вида 1—3 по классификации С. А. Плетневой, относящиеся к VIII—XI вв. [5]. Фрагмент лепного сосуда с линейным орнаментом аналогичен салтово-маяцкой кухонной посуде.

Лепная неорнаментированная керамика, возможно, хронологически неоднородна. Часть ее близка к керамике позднего бронзового века и, видимо, происходит из разрушенных распашкой курганных захоронений.

Видимо, со средневековыми материалами кочевья 1 можно связать фрагмент рифленой амфоры с частично сохранившимся покрытием белым ангобом, с примесью в тесте известковых включений, найденный у устья р. Мокрый Чалтырь и находящийся в составе довоенной коллекции музея[2]. Остальные фрагменты керамики: 2 обломка сосудов конца XIX — начала XX в. и 1 фрагмент светлоглиняной позднеантичной амфоры, возможно, происходящий из разрушенного кургана.

Собранные нами материалы свидетельствуют об отсутствии городища на левом берегу р. Мокрый Чалтырь и о нахождении там кочевья VIII—XI вв. Сведения М. Б. Краснянского, повторенные С. Н. Братченко и Д. Б. Шеловым, видимо, относятся к материалам из курганов или ошибочно продатированным средневековым фрагментам. Не исключено, что М. Б. Краснянский неверно указал местонахождение Правобережного городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Краснянский М. Б.* Розыски древних поселений Дона.— ЗРОИДП, 1914, т. 2.
2. *Братченко С. Н.* Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону.— СА, 1957, № 2.
3. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
4. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.
5. *Плетнева С. А.* Керамика Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1959, № 75.

[1] Фонды Ростовского областного музея краеведения № РОМК КП 4631.
[2] Фонды Ростовского областного музея краеведения № РОМК КП 4608.

МИХЕЕВ В. К.

ДВЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАХОДКИ НА ХАРЬКОВЩИНЕ

В 1969 г. во время раскопок поселения и могильника салтовской культуры у с. Сухая Гомольша (Готвальдовский р-н Харьковской обл.) в археологическую экспедицию Харьковского университета поступила бронзовая фибула (рис. 1, *1*, *7*) найденная в 4 км от исследовавшегося комплекса в с. Нижний Бишкин [1]. В черте этого села известны два селища. Одно из них зафиксировал А. С. Федоровский и отнес его к черняховской культуре [2] [2, с. 170].

Другое селище (Новый Бишкин 1) обнаружено в 1976 г. Оно расположено на высоком надпойменном мысе правого берега Северского Донца у северо-восточной окраины села. Небольшие раскопочные работы 1976 и 1980 гг. выявили два культурных горизонта. Нижний датируется керамикой пеньковского типа VI—VII вв., а верхний — керамикой салтовской культуры VIII—IX вв. По месту находки и времени бытования фибула может быть связана с нижним горизонтом селища.

Фибула массивная. Ее длина равна 14,3 см. Глянцевая поверхность украшения покрыта ровной, местами блестящей патиной бурого и зеленого цвета. Такую же окраску имеет тыльная сторона изделия, но она шероховатая, с мелкими наплывами металла. Сам металл светло-желтого цвета. Очевидно, фибула была отлита по восковой модели. Корпус фибулы слегка изогнут. По середине корпуса заметно продольное ребро. Две перекладины длиной 4,4 и 4,3 см делят корпус на три неравные части: верхнюю — 5,6 см, среднюю — 2,8 см и нижнюю — 4,5 см. Верхняя часть фибулы шириной 8,2 см снабжена тремя поперечными выступами для прикрепления пружины. Боковые имеют по одному отверстию, а средний — три отверстия: для оси, скрепляющей насаженную на нее пружину с корпусом, для тетивы пружины в виде петли и для утраченной иглы (рис. 1, *7*). Последняя амортизировалась при помощи пружины с петлей. Верхний щиток фибулы имеет фигурную прорезь, разделенную зигзагообразной перемычкой на две части. Средняя часть фибулы, выделенная перекладинами, отмечена явственным продольным ребром и имеет различную ширину основания. Нижняя часть оформлена в виде ромба, в центре которого расположено прорезное отверстие, а по трем углам размещены кресты с шаровидными концами и круглыми отверстиями в центре. Эмалевая декоровка отсутствует. По всей видимости, ее не было вообще, так как ячейки для нее отсутствуют и их место занимают сквозные прорези. В одно из таких отверстий продето звено бронзовой цепочки. По внешнему облику фибула не создает впечатления той особой грузности, которая характерна для перекладчатых украшений такого типа.

Не менее интересной находкой является бронзовое звено цепи, обнаруженное в погребении 274 Сухогомольшанского могильника (рис. 1, *2*). Длина звена равна 11 см, наибольшая ширина у концов 2,45 см в средней части — 1,85 см. Звено симметричное. Концы оформлены в виде прямоугольных рамок, верхние перекладины которых частично сработались от трения с соединительными кольцами. В центре рамчатого корпуса расположен квадрат, разделенный на четыре части лучами-перемычками. Квадрат соединен с рамками-петлями двумя прямыми и одной зигзагообразной перемычками. Характер поверхности металла одинаков с бишкинской фибулой. Прорези в звене эмалью не украшались.

Погребение 274 относится к типу ямных. Форма ямы прямоугольная, с размерами сторон 30×80 см. Ориентация меридиональная. Дно ямы находилось на глубине 35 см от уровня современной дневной поверхности. При расчистке заполнения сверху были найдены фрагменты салтовского рифленого кухонного горшка и сероглиняного сосуда, оставшиеся, очевидно, от тризны. Ниже вместе с пережженными человеческими костями,

---

[1] О комплексе см. [1].

[2] В 60-х годах это селище было разрушено во время интенсивной застройки села.

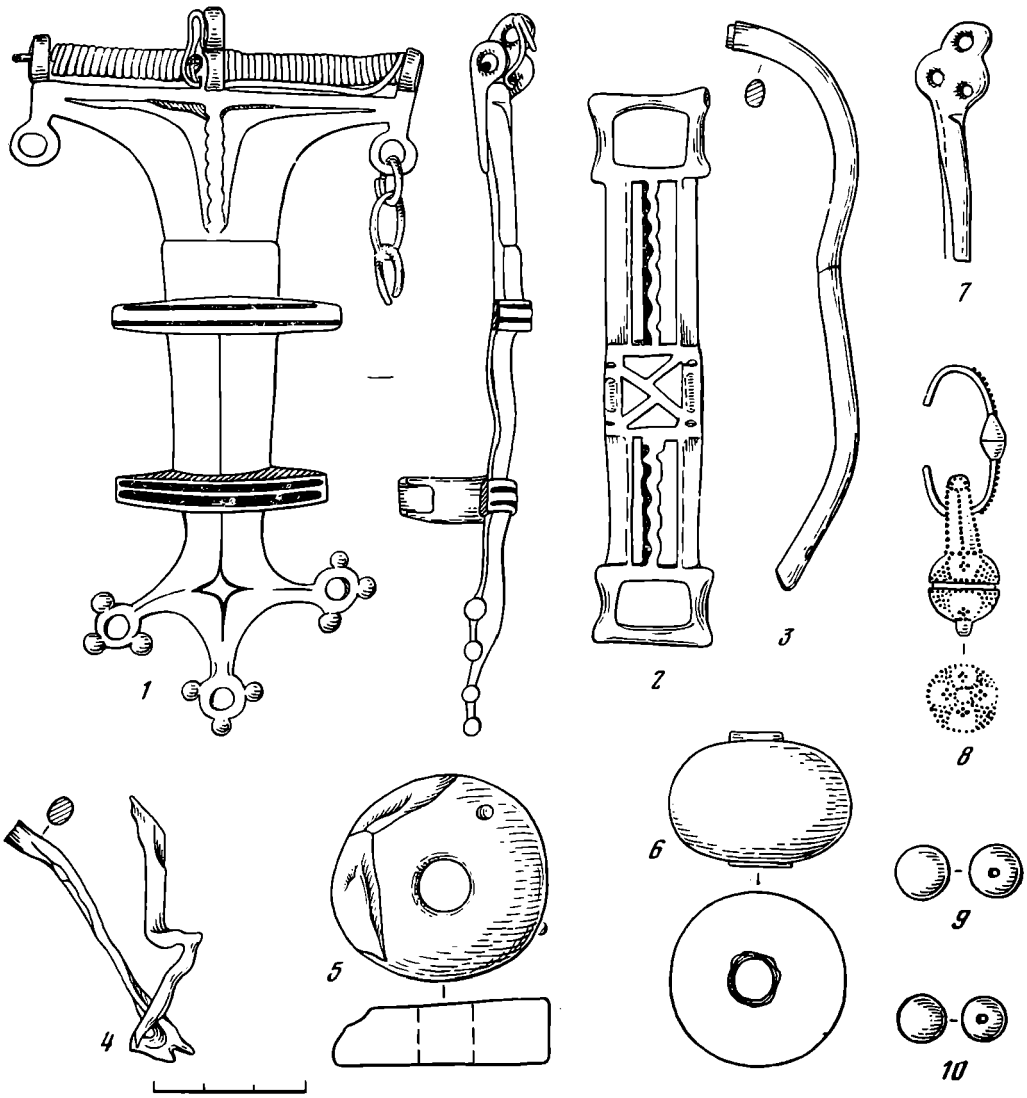


Рис. 1. *1* — фибула из с. Нижний Бишкин; *7* — средний выступ фибулы с отверстиями; *2—6*, *8—10* — вещи из погребения 274 Сухогомольшанского могильника. *1—4*, *6* — бронза; *5* — сланец; *8* — золото; *9*, *10* — кварц

древесными угольками и золой из погребального костра лежали сложенные в кучку: описанное звено цепи, золотая серьга, аналогичная найденным в Борисове [3, табл. V, *9*] и Дюрсо [4, с. 55, рис. 2, *24*], два бронзовых браслета, бронзовый кистень, каменное пряслице и две бусины из яшмовидного кварца (рис. 1, *3—6*, *8—10*). Браслеты, кистень и бусы побывали в погребальном костре и сильно оплавились. Кроме того, серьга и браслеты подверглись предварительной порче.

Погребение 274 женское. Возраст погребенной определен по костным остаткам в пределах 15—20 лет [5]. Инвентарь погребения характерен в могильнике исключительно для женских и детских захоронений.

Бишкинская фибула и сухогомольшанское звено относятся к кругу вещей с эмалью, но без эмалевой декоровки. Синхронность существования обеих групп была показана Г. Ф. Корзухиной [6]. Фибула находит свои параллели среди перекладчатых украшений с крестчатым нижним концом, обнаруженных в Среднем Поднепровье, Волго-Камском бассейне и на Северном Кавказе [6, с. 23]. За исключением двух северокавказских, такие фибулы найдены в лесостепи и на территории, непосредственно примыкающей к ней с севера. Особенно характерны перекладчатые фибулы для среднеднепровской лесостепи, где вместе с сильнопрофилированными (типологическими предшественниками перекладчатых) они состав-

ляют большинство. Последние же вообще известны лишь на Среднем Днепре [3].

Захоронения с выемчатыми эмалями лесостепного Поднепровья и прилегающих участков бассейнов Десны, Дона и Северского Донца [6, с. 56—58, 63—64, 69—72, 77; № 5, 60, 63, 64, 80, 119, 120] характеризуются определенными чертами погребального обряда: ингумацией, подкурганными или впускными погребениями, северной ориентировкой, типичными для сармато-алан. Такие черты обряда связываются с иранским компонентом в развитии черняховской культуры — осевшими в Поднепровье сарматами, постепенно смешавшимися со славянами [7, с. 80 сл.]. Можно предположить, что в число этих сарматов входили и загадочные русы. Очевидно, не случайно указанная территория соответствует намеченному Б. А. Рыбаковым племенному союзу Русь VI—IX вв. [8, с. 34—42, 72, 111, рис. 15].

Наиболее близкие аналогии сухогомольшанскому звену цепи обнаруживаются на территории распространения сильнопрофилированных и перекладчатых фибул: звенья цепей из Большой Салтановки, Радичева и Огубского городища, получивших название цепей «межигорского» типа [6, с. 37, 39, табл. 3,3; 11, 2; 15, 2]. Между тем совершенно очевидна их нетождественность. Сухогомольшанское звено следует рассматривать как упрощенный вариант межигорского. Орнаменты звеньев из Сухой Гомольши и Радичева сложились, вероятно, независимо друг от друга, однако исходной формой для них послужил орнаментальный мотив звена межигорского типа. Более упрощенный вариант представляет огубское звено, носящее следы деградации типа.

Звено цепи из погребения 274 относится к категории вещей, найденных средневековыми жителями Сухой Гомольши на каком-то более древнем памятнике, возможно, в самой Гомольше, где нижний горизонт селища датируется VI—VII вв. керамикой и строительными остатками, характерными для памятников пеньковского типа. Затем оно было использовано в качестве погребального атрибута в могильнике VIII—X вв. (такой случай в могильнике не единичен). Дата погребения 274 «моложе» звена на 300—350 лет. Как украшение звено не представляло к моменту захоронения никакой ценности и имело, вероятно, религиозно-символическое значение.

Исследованный комплекс является погребением женщины-воительницы. Участие женщин в военных действиях отмечено у многих кочевников евразийских степей древности и средневековья, от скифов до монголов, как по археологическим материалам, так и по письменным источникам. Погребения вооруженных женщин для салтовской культуры пока следует признать малохарактерными. Однако, очевидно, и в раннее средневековье у восточноевропейских степняков женщины не ограничивали себя исключительно мирными занятиями. В качестве примера можно сослаться на воинственную савирку Боарикс, сведения о которой содержатся у Феофана [9, с. 50].

ЛІТЕРАТУРА

1. *Михеев В. К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша.— СА, 1982, № 2.
2. *Луцкевич І. Н.* Матеріали до карти поширення пам'яток культури полів поховань на території Харківської області.— Археологія, 1948, т. II.
3. *Саханев В. В.* Раскопки на северном Кавказе в 1911—12 годах.— ИАК, 1914, № 56.
4. *Дмитриев А. В.* Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо.— КСИА, 1979, вып. 158.
5. *Malinowski A., Michejw W.* Suchogomolszański respól osadniczy w swietle danych archeologii i antropologii.— Źródła do badań biologii i historii populacji słowiańskich. Seria antropologia. № 10. Poznań, 1981.
6. *Корзухина Г. Ф.* Предметы убора с выемчатыми эмалями V — первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье.— САИ. Вып. Е1-43. Л., 1978.
7. *Седов В. В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
8. *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— СА, 1953, т. XVII.
9. *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения. М.: Наука, 1980.

[3] Оба типа фибул (не менее 12 из 19) найдены в бассейне р. Рось. Поэтому по вопросу происхождения этих фибул мы склонны присоединиться к тем исследователям, которые являются сторонниками среднеднепровского их происхождения.

МАКАРОВ Н. А.

РАСКОПКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА ПОГОСТИЩЕ В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Средневековые памятники на территории к северу и северо-востоку от Шексны и Белого озера мало изучены. Почти полное отсутствие здесь курганов уже отмечалось в литературе и подтвердилось разведками 1978—1980 гг. В ходе этих разведок автором были обследованы верховья р. Сухоны и р. Онеги, берега оз. Кубенского и оз. Мошинского, а также бассейн оз. Лача. Данные о грунтовых могильниках, известных в рассматриваемом регионе, были собраны Л. А. Голубевой (6 могильников, 23 погребения [1, с. 19—20]). За последние годы исследовались еще четыре могильника в бассейне р. Ваги [2, с. 10; 3, с. 73—74; 4, с. 22; 5, с. 7] и один — в бассейне оз. Лача [6]. Тем не менее число исследованных захоронений остается небольшим, особенно по сравнению с другими областями Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, где раскопаны тысячи курганов того же времени — X—XIII в.

В 1978 г. нами было исследовано два погребения могильника Погостище[1]. Могильник находится на северной окраине дер. Погостище, на р. Модлона (Кирилловский р-н Вологодской обл.). Модлона впадает в оз. Воже, берега ее, как и берега озера, низкие и заболоченные. Деревня занимает единственное удобное для поселения место в низовьях реки — участок первой надпойменной террасы высотой 2—4 м, удаленный от берега на 100—200 м. На этой же террасе располагался могильник, два потревоженных погребения которого были обнаружены в 1959 г. во время земляных работ. В том же году А. Я. Брюсов, изучавший памятник эпохи неолита и раннего железа на р. Модлона, заложил здесь две траншеи, в одной из которых выявлено женское погребение с богатым инвентарем [7, с. 81—83]. В 1960 г. изучение могильника продолжила Н. В. Тухтина, обнаружившая еще два женских погребения и остатки разрушенных захоронений. Дальнейшие раскопки могильника были признаны нецелесообразными из-за наличия фундаментов поздних строений на площади, вплотную примыкающей к исследованному участку [8, с. 123, 134—135].

Раскоп 1978 г. площадью 32 м² был заложен к северу от раскопов Н. В. Тухтиной. Под современным строительным мусором и слоем темно-серой супеси с керамикой XVIII—XIX вв. выявлены две могильные ямы и остатки большой срубной постройки. Оба погребения оказались ненарушенными, хотя одно из них попало в пределы позднего сруба.

Погребение 1. Женское. Находилось в яме овальной формы размерами 1,7×0,8 м глубиной 12—15 см. На дне ее прослежена прослойка темно-бурого тлена, на котором лежали останки погребенной. Кости плохо сохранились в сыром песчаном грунте, удалось проследить лишь остатки костей рук и ног, позвонков грудного отдела, нескольких ребер и таза. Костяк ориентирован головой на ЮВ, руки вытянуты вдоль тела (рис. 1). На месте несохранившегося черепа лежало ожерелье из 66 стеклянных и каменных бус (рис. 2), перстнеобразное височное кольцо с сомкнутыми концами (рис. 3, *9*) и железная гривна (рис. 3, *4*), у верхних окончаний плечевых костей найдены две подковообразные фибулы со спиральными головками (рис. 3, *6*, *8*). Одна из них имеет треугольное, другая — трапециевидное сечение. Еще одна фибула, кольцевидная, с сомкнутыми концами и круглым сечением дужки (рис. 3, *7*), лежала ниже, между правой плечевой костью и позвонками грудного отдела. У верхней части локтевой кости лежал витой двойной браслет с завязанными концами (рис. 3, *1*), а у нижней — бронзовый дротовый перстень (рис. 3, *5*). На месте сгиба левой руки лежало два проволочных браслета с расширением в средней части, концы браслетов завязаны (рис. 3, *2*, *3*). Чуть

[1] Раскопки производились автором в составе Северной новостроечной экспедиции Института археологии АН СССР. Возможностью опубликовать материалы раскопок мы обязаны любезности начальника экспедиции С. В. Ошибкиной.

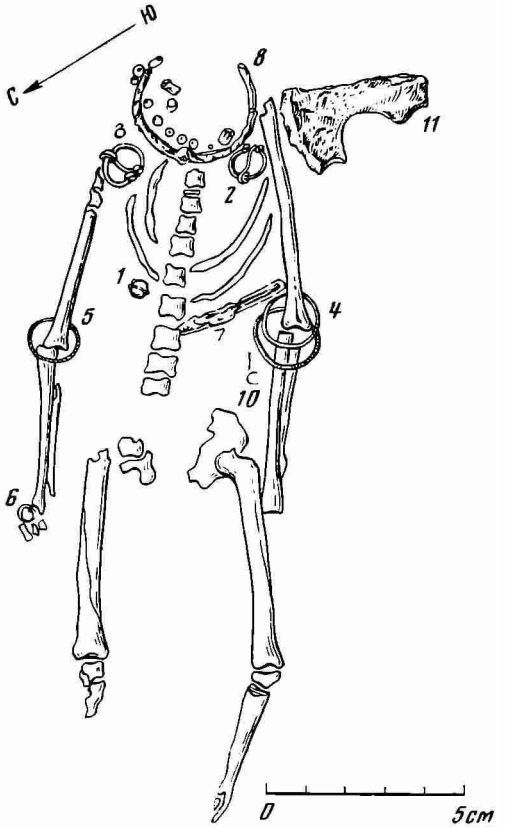


Рис. 1

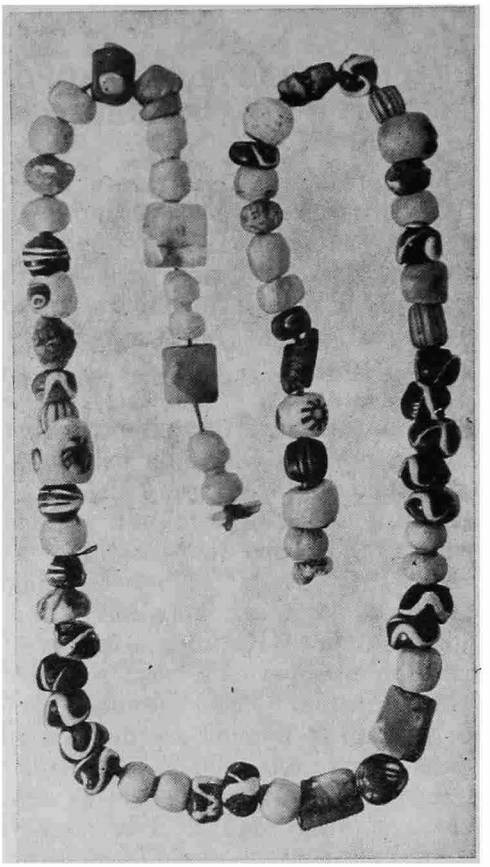


Рис. 2

Рис. 1. Могильник Погостище. План погребения 1. *1—3* — фибулы, *4*, *5* — браслеты, *6* — кольцо, *7* — нож, *8* — гривна, *9* — бубенчик, *10* — Топор

Рис. 2. Могильник Погостище. Бусы из погребения 1

ниже расчищен бронзовый грушевидный бубенчик с крестовидной прорезью (рис. 3, *12*) и бронзовые спирали (рис. 3, *10*, *11*), под которыми сохранились остатки шерстяной ткани. Вероятно, бубенчик находился на конце шнурка, на который были одеты спирали,— удалось проследить тлен от шнурка. На поясе погребенной слева лежал нож с остатками деревянной рукоятки (рис. 3, *13*), а у левого плеча — топор, обращенный лезвием к голове погребенной (рис. 3, *14*). Топор был расклинен тремя железными клиньями.

Погребение 2 находилось в могильной яме прямоугольной формы, ориентированной по оси СВ—ЮЗ, размерами 1,85×1,0 м, глубиной 25 см. Заполнение ямы — темно-коричневая гумированная супесь, в которой на глубине 20 см прослежена прослойка темно-серого тлена с угольками и камнями. Остатков костяка не обнаружено. В яме найден перержавевший железный предмет и три топора. Один из них (рис. 3, *15*) лежал у северо-западной стенки ямы на уровне древней поверхности, другой (рис. 3, *17*) — у западной стенки на том же уровне, третий (рис. 3, *16*) — у той же стенки на глубине 15 см от края ямы. Вероятно, два топора были брошены на поверхность уже засыпанной ямы, а третий был опущен в яму во время ее засыпки. Положение его не совсем обычно: рукоять, судя по развороту железной части, лежала не вдоль, а поперек ямы и несколько наклонно. В пользу того, что яма является погребальной, свидетельствуют ее форма и характер заполнения, кости же могли истлеть в сыром песчаном грунте. Но нельзя полностью исключить и предположения об особом ритуальном назначении ямы.

Большинство находок из раскопок 1978 г. имеет многочисленные аналогии в круге севернорусских и финских древностей конца X — начала XII в. Таковы грушевидный бубенчик, перстень, височное кольцо,

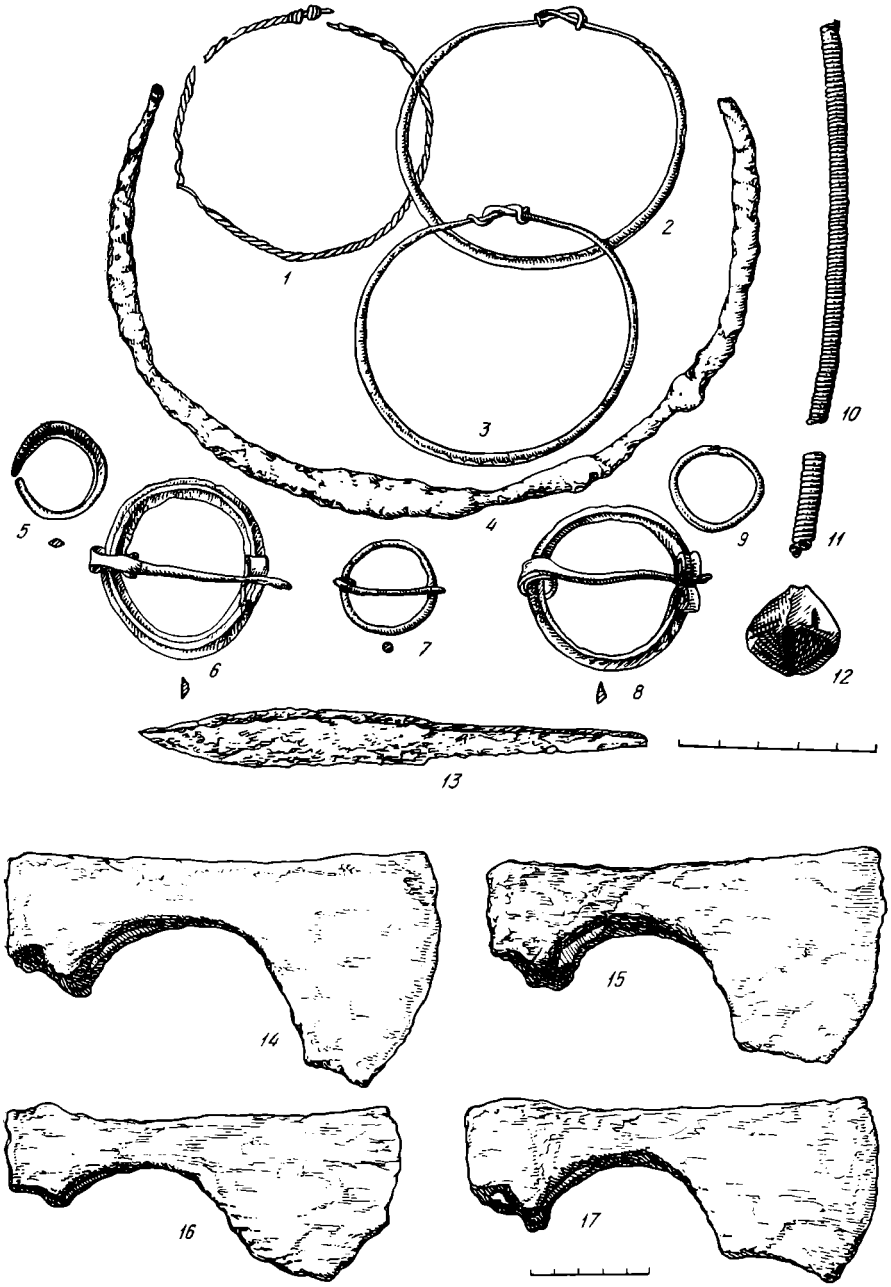


Рис. 3. Могильник Погостище. Вещи из погребений 1 и 2. *1—14* — погребение 1, *15—17* — погребение 2. *1—3*, *5—12* — бронза, *4*, *13—17* — железо

витой браслет, подковообразные фибулы, железная гривна, нож с узким клиновидным лезвием и широкой спинкой. Три топора относятся к типу V по классификации А. Н. Кирпичникова — они имеют прямую верхнюю грань, выемку и щекавицы только с нижней стороны обуха. Четвертый топор (рис. 3, *16*) отличается от них более узким лезвием и наличием двух пар щекавиц и может быть отнесен к типу VI. Все топоры имеют треугольное очертание втулки, что указывает на их относительно раннюю дату [9, с. 37—38]. Кольцевидная фибула из круглой проволоки отличается от прибалтийских и севернорусских подковообразных фибул малого диаметра оформлением концов. Проволочные браслеты близки к обычному типу, но имеют расширение в средней части. Аналогии им известны в Гнездовском кладе 1967 г.[2] и в одном из камерных погребений

[2] Доклад Т. А. Пушкиной «О времени и составе так называемого Гнездовского клада 1867 года», прочитанный на Чтениях, посвященных памяти А. В. Арциховского, на кафедре археологии МГУ 26 декабря 1980 г.

Гнездова [10, табл. III, *17*, *20*; 11, с. 87], в кладе, найденном близ дер. Шалахово б. Витебской губернии [10, табл. VIII, *2*, *3*; 11, с. 97—98], а также во Владимирских курганах [3]. Время бытования браслетов — конец X—XI в.

Для датировки погребения 1 существенное значение имеет набор бус в ожерелье. Четыре из них сердоликовые: одна призматическая восьмигранная и три призматических четырехгранных со срезанными углами. Среди стеклянных бус преобладают зонные с белым навитым жгутом: 15 печеночного цвета и 6 темно-зеленых прозрачных. Остальные бусы: лимонки одинарные желтые — 11, желтые с печеночными полосками — 3, прозрачные с желтыми полосками — 1, двойные желтые — 5, эллипсоидные печеночного цвета с белым навитым жгутом — 3, бисер с округлыми углами желтый и обесцвеченный — 2, призматические четырехгранные из стекла печеночного цвета с золотыми ромбами на гранях — 1, темно-синие прозрачные ребристые — 1, бочонковидные позолоченные — 1, глазчатые — 11 желтого и печеночного цвета с круглыми глазками в двойном концентрическом обрамлении или с ресничками и одна желтая с бирюзовым глазком ромбической формы. Подобный набор бус характерен для второй половины X в. Учитывая, что продольно-полосатые лимонки не встречаются позже середины XI в. [12, с. 175; 13, с. 83], а бочонковидные золотостеклянные бусы появляются с конца X в. [12, с. 171—172; 13, с. 79], погребение может быть датировано концом X — первой половиной XI в. Этой дате соответствует и весь остальной инвентарь погребения.

Промежуточная ориентировка погребений и небольшая глубина могильных ям обычны для грунтовых могильников Севера. Своеобразная деталь обряда — присутствие топора в женском погребении — дважды отмечалась и во время раскопок 1959—1960 гг. Она имеет параллели в погребальной практике финно-угров Поволжья и Прикамья. Однако на северо-западе Новгородской земли погребения, содержащие топоры, в частности женские, не имеют ярко выраженных финских черт [14, с. 23—26]. Что касается топоров из погребения 2, то их нельзя отнести к предметам, данным погребенному для употребления в загробном мире. Против этого свидетельствует как количество топоров (три), так и их положение. Уместно вспомнить назначение топора в севернорусском и карельском погребальном обряде XIX — начала XX в., его охранительную роль, в частности обычай провожать гроб с топором в руках и стучать топором по крышке гроба при выносе [15, с. 115]. Вероятно, охранительную функцию могли исполнять и топоры, зарытые в могилу или оставленные на ее поверхности.

Материалы погребения 1 дают некоторые основания для реконструкции костюма погребенной. Наличие двух парных подковообразных фибул, лежащих на груди на уровне ключиц, указывает на определенный тип одежды — несшитую юбку, бретели которой скреплялись на груди. Этот покрой юбки, появившийся в Скандинавии, был хорошо знаком западнофинским народам [16, с. 243—257]. В курганах Юго-Восточного Приладожья находки парных подковообразных фибул, лежащих на груди погребенных, зафиксированы 29 раз [4], а в древнерусских курганах за пределами Приладожья — трижды: два раза на Суде и один раз в Верхнем Поволжье [1, с. 35, 38]. Появление несшитой юбки на лямках в Погостище объясняется проникновением прибалтийско-финской культурной традиции далеко на восток — в родственную весскую среду. На западное направление культурных связей указывает и находка в погребении кольцевидной фибулы и стеклянных бус.

Открытые в 1978 г. погребения являются пока одним из древнейших в средневековых могильниках на территории к северу и северо-востоку от Шексны и Белого озера. Вероятно, им синхронны некоторые погребе-

---

[3] ГИМ, инв. № 54746, опись 2194, № 234—235, 237—239, 241, 242, 246, 247.

[4] Пользуюсь случаем выразить благодарность Л. А. Голубевой, ознакомившей меня с неопубликованным сводом находок парных подковообразных фибул в Юго-Восточном Приладожье.

ния Киснемского могильника на Белом озере [17, с. 202—215]. К XI в. относится могильник Попово в бассейне оз. Лача, где найден сходный набор вещей. Инвентарь погребений дает основание утверждать, что в конце X — первой половине XI в. эти районы не были изолированы от остальных древнерусских земель. С течением времени связи усиливались: погребения, открытые в Погостище в 1959—1969 гг. и относящиеся к XII в., содержали помимо финских украшений трехбусинные и перстнеобразные височные кольца, змеевик, круглые иконки с изображением святого воина [7, с. 82—83; 8, с. 123, 134—135].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере. М.: Наука, 1973.
2. *Верещагина И. В., Назаренко В. А., Овсянников О. В., Пескова А. А.* Работы в Вологодской и Архангельской областях.— АО — 1977. М., 1978.
3. *Овсянников О. В.* Археологические памятники чуди заволочской в бассейне Ваги.— Вопросы финно-угроведения. Сыктывкар, 1979.
4. *Овсянников О. В.* Работы на Архангельском севере.— АО — 1979. М., 1980.
5. *Гуслистов Н. В.* Раскопки и разведки в Вологодской области.— АО — 1979. М., 1980.
6. *Макаров Н. А.* Средневековый могильник Попово на Каргополье.— КСИА, 1982, вып. 176.
7. *Брюсов А. Я.* Финское погребение X—XI вв. в дер. Погостище Кирилловского района Вологодской области.— КСИА, 1969, вып. 120.
8. *Тухтина Н. В.* Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X—XII в.— Тр. ГИМ, 1966, вып. 40.
9. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 2.— САИ, вып. Е1-36. М.— Л., 1966.
10. *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. Л., 1936.
11. *Корзухина Г. Ф.* Русские клады.— М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1954.
12. *Щапова Ю. Л.* Стеклянные бусы древнего Новгорода.— МИА, 1956, № 55.
13. *Львова З. А.* Стеклянные бусы Старой Ладоги.— АСб. ГЭ, 1968, вып. 10.
14. *Рябинин Е. А.* Погребения с орудиями труда на северо-западе Новгородской земли.— КСИА, 1974, вып. 139.
15. *Иваницкий Н. А.* Материалы по этнографии Вологодской губернии.— Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. II. М., 1890.
16. *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Common characteristic features of Dress-expression of kinship or cultural contacts.— Fenno-ugRi et slavi. 1978. Papers, presented by the participants in the Soviet Finnish symposium «The Cultural Relations between the Peoples and Countries of the Baltic area during Iron age and the Early Middle ages» in Helsinki, May 20—23, 1978. Helsinki, 1980.
17. *Голубева Л. А.* Могильник X — середины XI вв. на Белом озере.— СА, 1961, № 1.

БУЛАТОВ Н. М.

ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ С СЕЛИТРЕННОГО ГОРОДИЩА

Летом 1980 г. на Селитренном городище был найден золотой литой массивный браслет (рис. 1) с последующей легкой подработкой ковкой по внутренней плоской поверхности (раскоп XII глубина 0,2—0,25 м, вес 72,5 г). Украшение имело в сечении равнобедренный треугольник со слегка округленной вершиной (рис. 2). Концы браслета и его центральная часть были сплющены и с обеих сторон имели плоские поверхности. Размеры браслета (в см): длина 19, длина сплющенных поверхностей по 1,3, длина центрального щитка 1,5, расстояние от сплющенных наконечников до центрального щитка по 7,4, высота треугольной в сечении части 0,4, толщина плоских частей 0,22, ширина браслета на всем его протяжении равнялась 0,85, за исключением наконечников, чуть расширенных (1).

После отливки браслет был украшен вручную сложной орнаментальной композицией, исполненной в технике гравировки. Многие линии в орнаменте имеют следы стертости, хотя, возможно, браслет никогда не употреблялся по назначению, а хранился как слиток золота.

Концы браслета с наружной стороны были украшены гравированным изображением «львиных личин» (рис. 3, *а*, *в*) [1, с. 46], что дает воз-

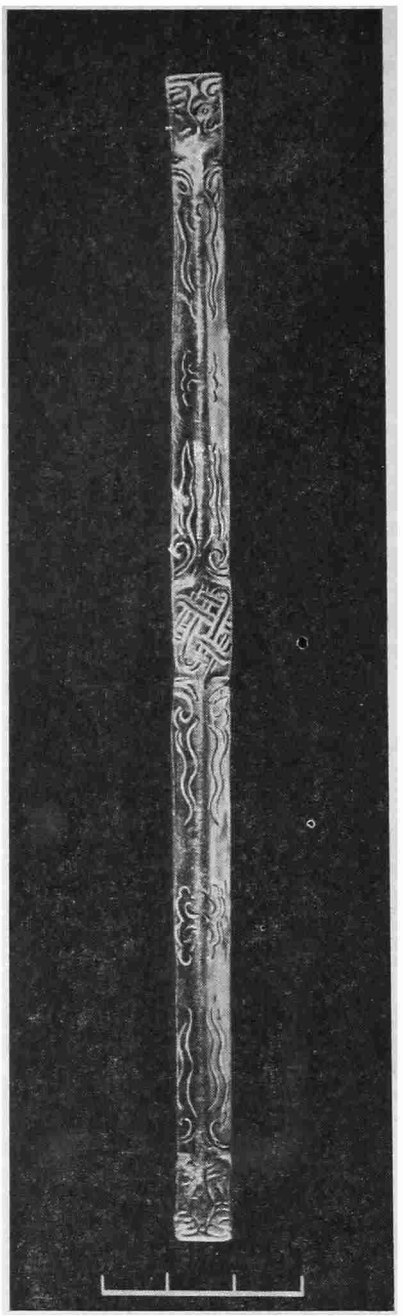


Рис. 1. Браслет из Селитренного городища

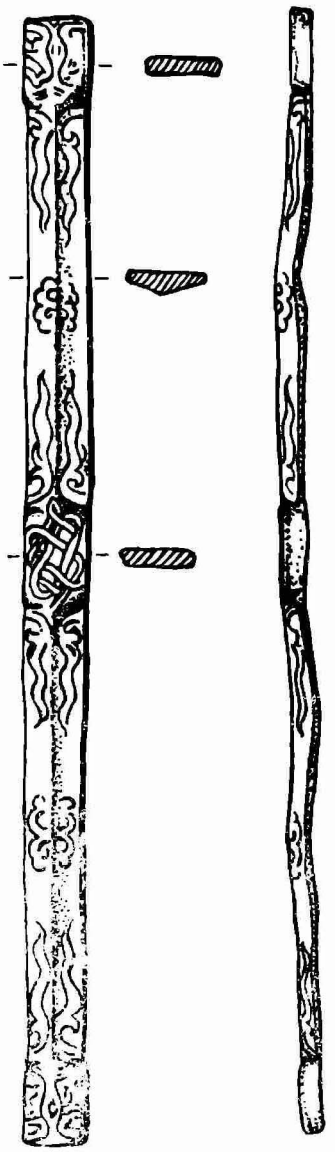


Рис. 2. Браслет из Селитренного городища (прорисовка)

можность отнести браслет к так называемым «львиноголовым браслетам», широко распространенным в регионе средневекового Востока. Схематическое изображение львиных голов на концах пластинчатых браслетов из различных металлов (медь, латунь, серебро, золото) зафиксировано на украшениях из многих памятников средневековья [1, с. 46—51, табл. I—II]. Нередки находки таких браслетов на золотоордынских памятниках Среднего и Нижнего Поволжья [2, табл. V, рис. 78; 3, с. 286—288; 4, с. 168]. С Царевского городища известна даже каменная форма для нанесения на пластинчатые браслеты с несомкнутыми концами стилизованных львиных голов [1, с. 49], которые изображались с помощью четырех-пяти исходных элементов: надбровных дуг, глазниц, носа, «подушек» усов в виде полуовалов [1, с. 49] [1].

[1] Такие схематические изображения львиных голов на браслетах М. Крамаровский выводит, и вполне убедительно, из малоазийско-иранского региона и датирует их монгольским временем [1, с. 49]. Хотя хотелось бы отметить тот факт, что более

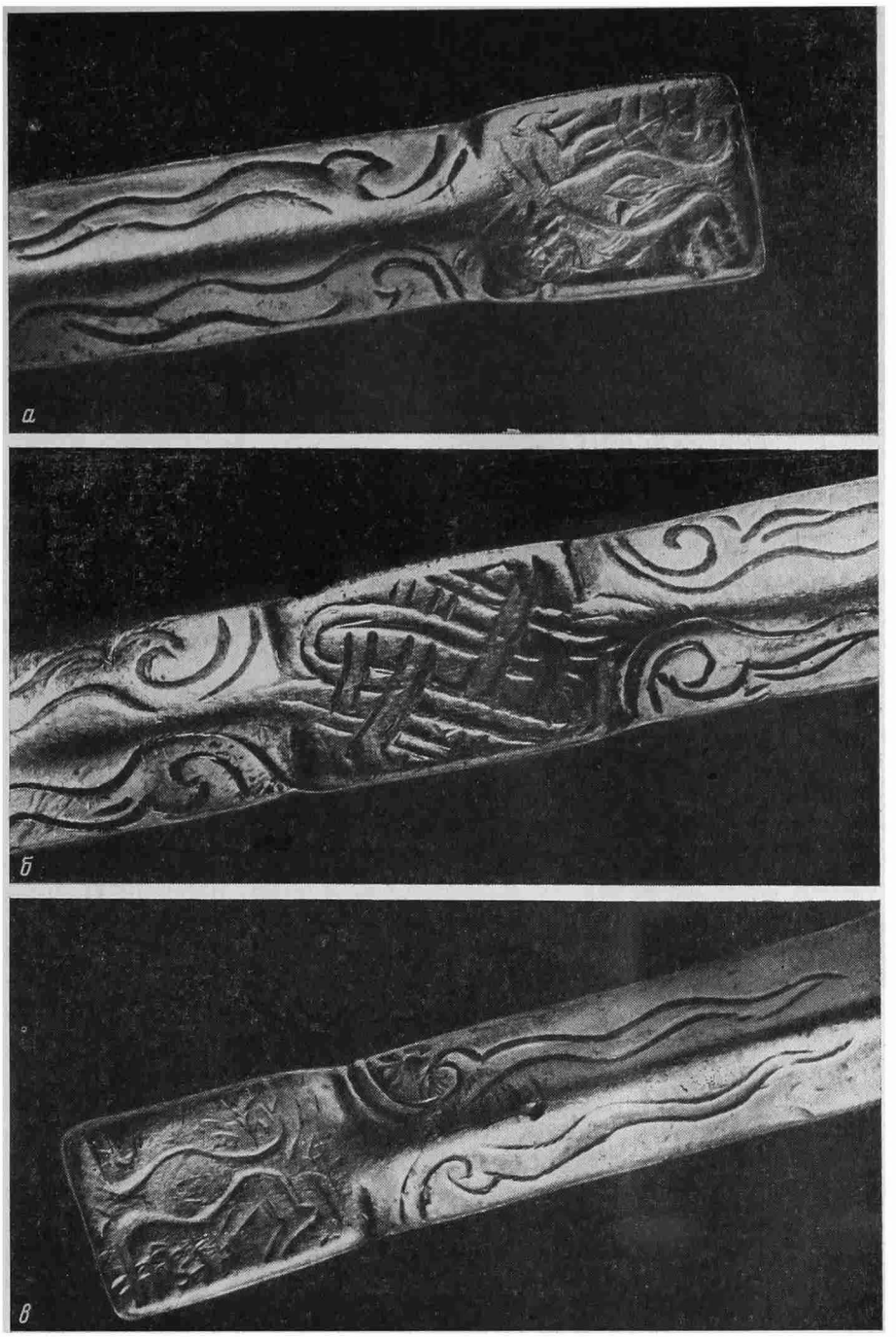


Рис. 3. Браслет из Селитренного городища (детали)

Вторым орнаментальным сюжетом на браслете было изображение на треугольной в сечении части, между плоскими концами и таким же центральным щитком «кудрявых» облаков с сильно удлиненными «хвостами». Они были выгравированы на наклонных поверхностях, попарно располагаясь «кудрявой» стороной к концам и центральному щитку и «хвостами» друг к другу. Всего на браслете изображено восемь облаков, и, очевидно, они должны были располагаться симметрично и выглядеть одинаковыми. Но ни того ни другого художнику достичь не удалось: в деталях все восемь рисунков отличаются друг от друга (естественные издержки ручного способа нанесения рисунка). Спиралевидные или «кудрявые» части этих облаков изображены усеченными, обрывающимися у граней браслета.

реалистические изображения львиных голов на концах украшений (например, гривнах и тех же браслетах) хорошо известны в евразийских степях в гораздо более раннее время [5, с. 49, 51].

Мотив изображения таких облаков встречается в средневековых древностях в различных вариациях на огромной территории — от Дальнего Востока до Восточной Европы — и на самых различных изделиях (костяные накладки на колчаны [4, с. 134, рис. 53; 5, с. 186, рис. 149]; неполивная керамика золотоордынского периода, чаще всего на сферокопусах; поливная керамика типа «кобальт», орнаментальные сюжеты которой в большей своей части были заимствованы в средневековом китайском художественном ремесле [6, с. 135—141; 5, с. 151, рис. 115]). Встречены изображения спиралевидных или «кудрявых» облаков и на пайцзах, найденных в районе Нижнего Поволжья, из которых одна содержит имя хана Токты (1290—1312 гг.), другая — имя хана Узбека (1312—1342 гг.). Такие же облака были нанесены и на серебряную пайцзу из Симферопольского клада, датируемого XIV в. [7]. На территории современной Монголии этот мотив орнаментации сохранился до настоящего времени [8, с. 56; 9, с. 58].

Между спиралевидными облаками попарно на каждой половине браслета, по одной на каждой наклонной поверхности трехгранной части изображен схематически еще один тип облаков, так называемых «грибовидных». Они широко использовались в орнаментике средневекового Китая при украшении керамических изделий типа «кобальт» [6, рис. 1, *10*]. Встречены такие облака и на вышеупомянутых пайцзах из Симферопольского клада. Отметим, что с левой стороны браслета эти облака изображены в более мелком рисунке, чем с правой.

Центральный плоский щиток браслета (рис. 3, *б*) был орнаментирован линиями гравировки, так называемой сложной плетенкой, или широко известным в средневековье монгольским «узлом счастья» [3, с. 287, рис. 3]. Этот орнаментальный мотив, пришедший в Восточную Европу и Среднюю Азию вместе с монголами в XII—XIII вв., в последующее время получил широкое распространение на огромной территории и сохранился как декоративный элемент в народном искусстве монгол, народов Поволжья и Средней Азии до наших дней. [8, рис. 1, *15*, *16*; 10, рис. 34]. Для золотоордынского времени изображение «узла счастья» встречается в различных вариантах на перстнях, браслетах, сферокопусах [4, рис. 30, *23*; 13, *6*; 77, *8*], на поливной керамике типа «минаи» и «псевдоминаи» [5, с. 133, рис. 1], на браслете с Водянского городища [3, с. 287, рис. 3], на изображениях ковров в миниатюрах из Шах-наме [11, с. 168], на ряде предметов из Симферопольского клада [7, с. 8], на плитках архитектурного декора с городища Наровчат [12, табл. 7, рис. 1]. Список аналогичных изображений «узла счастья» на различных средневековых предметах можно было бы продолжить до бесконечности. Отметим лишь то, что наибольшее распространение изображение «узла счастья» получило в XIII—XV вв. в регионе расположения среднеазиатских и иранских культурных центров. И вполне возможно, что в XIV в. данный орнаментальный мотив в золотоордынскую среду проникал не под прямым влиянием орнаментального искусства монголов, а опосредствованно, через названный район.

Таким образом, по стилю украшения золотой браслет из Селитренного ничем не отличается от художественных изделий большого средневекового региона золотоордынского времени. Отличие состоит лишь в форме браслета (трехгранный в сочетании со сплюснуто-четырехугольным в сечении) и в технологии его изготовления (литье с последующей холодной ковкой). Все приводимые выше аналогии по орнаментальным мотивам браслетов относились к пластинчатым или только к треугольным в сечении браслетам и в редких случаях к проволочным со сплющенными концами.

О времени изготовления браслета говорят как орнаментальная композиция на нем, так и условия находки. Он был найден в культурном слое с массовым материалом, вполне однозначно относящимся ко второй половине XIV — началу XV в. (слой XIII в. на Селитренном городище до сих пор не обнаружен), и, очевидно, его наличие в районе раскопа XIII можно соотнести со 2-м строительным периодом, связанным здесь с сущест-

вованием остатков мощного кирпичного здания, перекрытого остатками двух более поздних строительных периодов. Если учесть, что именно к этому, второму строительному периоду относятся находки фрагментов богатых и высокохудожественных изделий (фрагменты расписного иранского стекла, фрагменты кашинной вазы с арабским текстом и изображением всадников, играющих в поло, богатого набора архитектурного декора), то браслет можно датировать XIV в. Вполне обоснованным может выглядеть и предположение о его местном сарайском происхождении, что вполне естественно для синкретичной золотоордынской культуры. Мастерские же по производству золотых украшений были обнаружены в обеих столицах этого государства [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Крамаровский М.* Булгарские браслеты: генезис декора и локализация.— СГЭ, 1978, № 43.
2. *Смирнов А. П.* Волжские Булгары. М.: Издание ГИМ, 1951.
3. *Федоров-Давыдов Г. А.* Браслет с надписью с Селитренного городища.— СА, 1978, № 2.
4. *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское книжн. изд-во, 1975.
5. *Федоров-Давыдов Г. А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. М.: Искусство, 1976.
6. *Булатов Н. М.* Кобальт в керамике Золотой Орды.— СА, 1974, № 4.
7. *Мальм В. А.* Симферопольский клад. Буклет ГИМ. М., б. г.
8. *Кочешков Н. В.* Народное искусство монголов. М.: Наука, 1973.
9. *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хато. М.: Географгиз, 1947.
10. *Валеев Ф. Х.* Архитектурно-декоративное искусство казанских татар. Сельское жилище. Йошкар-Ола: Марийское книжн. изд-во; 1975.
11. *Пугаченкова Г. А.* Искусство Туркменистана. М.: Искусство, 1967.
12. *Баллод Ф. В.* Приволжские Помпеи. М.— Пг.: Госиздат, 1923.
13. *Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С., Мухамадиев А. Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959—1966 гг.— В кн.: Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970.

Критика и библиография

Mutz A. Die Kunst des Metalldrehens bei den Römern. Interpretationen antiker Arbeitsverfahren auf Grund von Werkspuren. Birkhäuser Verlag, Basel, 1972. 180 s., 528 Abb.

Для археологов и историков техники несомненно представит интерес монография Альфреда Мутца, посвященная искусству токарной обработки металла у древних римлян. Вопрос этот давно вызывал споры у специалистов. Исследователи соглашались с тем, что в античную эпоху, возможно, уже с VI в. до н. э. применялся какой-то простой металлорежущий станок, но расходились во мнениях о его устройстве и даже в оценке признаков токарной обработки, которые можно зафиксировать на разных изделиях. Решение вопроса в значительной мере тормозилось отсутствием массового и всестороннего изучения материала, необходимых анализов и точных расчетов. Предположения, основанные лишь на некоторых данных, полученных визуально, оказывались малоубедительными, а подчас и просто ошибочными.

Появление монографии А. Мутца для специалистов по истории техники не явилось неожиданностью. Уже давно публиковались его статьи по вопросам античной и раннесредневековой техники, в том числе и о токарной обработке металла в римскую эпоху [1—3]. Эти статьи показывали, что автор принадлежит к числу тех современных исследователей, которые в своих работах по изучению древних металлических изделий не только применяют данные металлографических, химических и других анализов и специальные технические расчеты, но и широко используют этнографические источники и метод экспериментальных исследований. Эта многосторонность и основательность исследований делают его наблюдения очень интересными, а выводы — убедительными.

Рецензируемая монография состоит из предисловия, шести глав и каталога исследованных изделий.

В первой главе («Металл и металлообработка») автор подчеркивает историческое значение металла как материала, обладающего целым рядом новых свойств. В кратком очерке исторического развития металловедческих знаний А. Мутц подробно останавливается на античной эпохе. Здесь интересны сводные таблицы, содержащие подробную характеристику металлов, использовавшихся в античное время: меди, золота, серебра, свинца, олова, железа и самого «молодого» из античных металлов — ртути. Ознакомление с некоторыми свойствами последней и практическое использование этих свойств в производстве имело важное значение для развития техники золотых и серебряных покрытий при помощи ртутной амальгамы. В античную эпоху ремесленники не только широко использовали эти металлы, но и знали уже самые различные технологические приемы их обработки. Удачно составлена таблица, на которой автор в систематизированном виде показывает античные методы горячей и холодной обработки металлов, к которым относятся: различные виды литья, формовка при помощи свободной кузнечной ковки и ковки с применением штампов, разделение кусков металла при помощи рубки зубилом и обрезки ножницами, обработка металла со снятием стружки (обработка напильником, пиление, сверление, гравировка и проч.), соединение металлических деталей (при помощи заклепок, кузнечной сварки, различных видов пайки), обработка поверхности (полировка, золочение и т. п.), упрочение (наклеп, закалка).

Следует отметить неточность, вкравшуюся в этот хороший исторический обзор. Автор указывает, что чугунное литье стало впервые применяться в Европе с начала XV в. Это не совсем так. Такой хорошо осведомленный автор II в. н. э., как Павсаний, в своем «Описании Эллады» не только связывает с именем Федора Самосского открытие способа получения жидкого железа, т. е. чугуна (III, 12, 10),

но и указывает конкретные художественные отливки из этого металла: статую Эпаминода (IV, 31, 10), трон Пиндара (X, 24, 5), статую Геркулеса и др. (X, 18, 6). У других античных авторов (Аристотель, Теофраст, Плиний Старший) содержатся менее четкие и противоречиво толкуемые указания. Имеются и отдельные археологические находки чугуна античного времени [4, 5]. Этих фактов не много, но полностью игнорировать их все же не следует. Правильнее было бы сказать, что чугунное литье не получило в античной Европе широкого распространения. Что касается использования чугуна в средневековой Европе, то его надо датировать более ранним временем. В Восточной Европе (Волжская Болгария) по крайней мере уже в начале XIV в. не только знали чугун, но добывали и использовали его [6, с. 114—115].

Вторая глава посвящена технике обработки металлов резанием. Используя преимущественно данные этнографии и археологии, автор знакомит читателя, в большинстве случаев не искушенного в деталях токарной работы, с общими принципами устройства простейшего токарного станка и резцов, обращает внимание на некоторые особенности обрабатываемых объектов и дает краткую историю развития токарной техники. К сожалению, достоверного изображения античного токарного станка мы не имеем. А. Мутц совершенно прав, когда скептически относится к не совсем понятному изображению на обломке римского каменного саркофага [7, с. 170, рис. 20]. Недолуга датирует его I в. н. э., а Фельдхауз даже значительно более ранним временем. Этот примитивный прибор иногда рассматривают как изображение римского токарного станка для обработки металла. Мутц полагает, что в нем скорее можно видеть простое приспособление с лучковым приводом для обработки изделий из камня. Подобные приборы могли обеспечить также обточку изделий из дерева или кости, но они не пригодны для обработки металла.

Учитывая допускавшиеся ранее ошибки в изучении токарного дела, А. Мутц особо подчеркивает существенное различие в обточке на токарном станке металла и такого более мягкого материала, как дерево. Дерево позволяет применять более высокую скорость обработки при использовании свободно управляемого инструмента (резца). Для вращения детали здесь достаточно сравнительно небольшое усилие. При обработке металла приходится преодолевать значительно большее сопротивление материала, и поэтому станок должен обеспечивать более надежное крепление и обрабатываемого материала и инструмента. Некоторые авторы пытались утверждать, что токарный станок развился из гончарного круга, у которого заготовка также вращается вокруг оси. Но на самом деле лепка (вытягивание) сосуда из комка податливой глины на гончарном круге с вертикальной осью — это принципиально иная операция. Токарный станок как специальный прибор с горизонтальной осью возник из совершенно иной потребности. Обточка твердого материала требовала не только передачи более мощного вращения, но и надежного закрепления деталей, так как инструмент при снятии стружки действует в направлении, противоположном вращению. Следует согласиться с А. Мутцем, который пишет, что токарный станок с горизонтальной осью, предназначенный для обработки твердых материалов, должен рассматриваться как значительное самостоятельное изобретение. При его создании очень важно было найти соответствующий способ передачи вращательного движения. Простейшее приспособление для этого в виде лучкового движителя применялось для вращения сверла еще в каменном веке. Но при этом обеспечивалось только прерывистое движение то в одну, то в другую сторону. При использовании лучкового привода для приспособления, предназначенного для обточки, продуктивно будет использоваться только часть времени и резание будет производиться рывками. При обработке дерева или кости это еще допустимо, но токарный станок для обработки металла должен был иметь привод, обеспечивающий передачу большего усилия и непрерывное движение в одном направлении.

Третья глава посвящена античным литературным источникам и современной историографии вопроса. Письменные источники — очень краткие сообщения Витрувия, Плиния и Орибасия — к сожалению, не объясняют устройство античного токарного станка, а переданная Плинием легенда об изобретении токарного станка Федором Самосским может лишь условно рассматриваться как указание на то, что токарный станок, возможно, появился в VI в. до н. э. Не удивительно, что изучение вопроса привело к разногласиям в работах современных ученых. Недостаток большинства существовавших до сих пор исследований заключался в том, что вопрос пытались решить теоретически: без применения соответствующих экспери-

ментов, без специальных исследований, опирающихся на сведения, которые могут дать единственно достоверные источники, которыми мы сейчас располагаем,— вещи, сделанные на токарном станке. Поэтому в археологической литературе и в литературе по истории техники высказывались самые разнообразные, но одинаково малоубедительные мнения, а чаще просто повторялись высказанные ранее, но отнюдь не доказанные утверждения. Некоторые авторы оказались не в состоянии даже выявить вещи, подвергавшиеся токарной обработке, в тех случаях, когда она ясно выражена.

А. Мутц в своей монографии приводит достаточно много примеров, но мы остановимся лишь на наиболее показательных. Т. Бек, рассматривая описание насоса у Герона Александрийского, еще в 1899 г. обратил внимание на то, что во времена Герона (т. е. примерно во II веке н. э.) уже была возможность обтачивать внутреннюю поверхность металлического цилиндра [8]. Как это делалось, он сказать не мог. Известный специалист по античной технологии Блюмнер рассматривал вопрос преимущественно с филологической (терминологической) точки зрения. Тем не менее он отмечает, что приспособление с вращающимся кругом, который приводился в движение ногами, могло быть приспособлено и для обтачивания. На это указывает, в частности, изображение Эроса, затачивающего свою стрелу на круглом точильном камне, который приводился в движение таким способом. Один из терминов (mamhur) наводит Блюмнера на мысль, что в древности была известна и ременная передача вращения от одного колеса к другому. Однако, делая этот правильный вывод, Блюмнер распространяет его лишь на возможное устройство токарного станка для обработки дерева [9]. Марион в своей обобщающей статье по обработке металла в древнем мире пришел к выводу, что уже в IV в. до н. э. греки подвергали токарной обработке зеркала, а позже в греко-римское время появилась и обточка литых сосудов на горизонтальном токарном станке [10]. К сожалению, в своем беглом обзоре Марион обратил внимание только на концентрические круги на изделиях, но не учел другие признаки. Опираясь только на данные внешнего осмотра, он сам чувствовал слабость своих доводов и допускал различные толкования. В частности, он полагал, что слабо выраженные концентрические круги на некоторых сосудах могли появиться в результате изготовления их путем давления. При этом Марион допускает ошибку, бездоказательно перенося в античность один из современных методов формовки изделий. Рит и Лангенбахер написали специальную работу по истории токарного станка [11]. Они приписывают изобретение этого станка этрускам, так как последние уже в VIII в. до н. э. вытачивали из дерева вазы. Авторы подробно рассматривают вопрос о различных приводах, но их наблюдения касаются только простых станков для обработки дерева. Не обращая внимания на большое количество римских токарных металлических изделий, авторы приходят к ошибочному выводу о том, что римляне мало способствовали усовершенствованию токарного станка. Известный историк техники Фельдхаус в своих работах [12, с. 140; 13] не пошел дальше противоречивых высказываний. С одной стороны, он утверждает, что у римлян был только примитивный токарный станок с лучковым приводом, а, с другой сам отмечает, что имеются римские изделия, которые могли быть изготовлены только на токарном станке, имеющем большое тяговое усилие, которое не соответствует лучковому приводу. Более внимательно подошел к изучению археологических источников античного токарного ремесла Пернис [14]. Рассматривая изделия со следами токарной обработки в виде бронзовых зеркал и днищ сосудов, он сделал правильный вывод, что нужно четко различать технологические вопросы, связанные с изучением токарных станков для обработки дерева и токарных станков для обточки металла. Последние даже в самой простой конструкции обязательно должны иметь передачу, обеспечивающую непрерывное вращение обрабатываемой детали в одном направлении. Хотя Пернис еще не нашел ответа на все вопросы изучения процесса античной токарной обработки, но он в своих наблюдениях пошел дальше многих более поздних авторов, которые не смогли сделать правильных заключений на основе технологического изучения самих античных изделий.

Литература на русском языке осталась вне поля зрения автора. Здесь можно было отметить по крайней мере две статьи. И. Д. Марченко в своей интересной работе по металлообработке и металлургии Пантикапея [15, с. 170], характеризуя бронзовые изделия I—IV вв. н. э. правильно отмечает, что литой колокольчик имеет на внешней стороне правильные врезные линии, свидетельствующие об обра-

ботке его на токарном станке. В И. Кадеев, рассматривавший вопрос об античном токарном станке на материалах Херсонеса, сделал в разработке этого вопроса шаг назад. В своей статье он пишет: «Таким образом, в настоящее время считается твердо установленным, что токарный станок для обработки металлов появляется в VI—IV вв. до н. э. и широкое распространение получает в римскую эпоху, когда на станке полностью обтачиваются некоторые бронзовые изделия. Однако изучение предметов, на которые ссылаются сторонники мнения о широком распространении токарной обработки металлов, в частности изучение бронзовых зеркал, не дает оснований для подобного вывода» [16, с. 149—150]. Столь решительное заявление, к сожалению, не подкрепляется сколько-нибудь убедительными доказательствами. В. И. Кадеев считает, что заметные на зеркалах тонкие врезные линии были вначале нанесены при помощи циркуля на мягкую модель, а затем воспроизведены в отливке. Центральное же углубление — это место, куда ставилась ножка циркуля. Ясно, что автор не смог правильно объяснить даже явно заметные следы токарной обработки металла. Следует отметить, что В. И. Кадеев говорит о проделанном «специальном изучении перечисленных предметов». Действительно, в данном случае сомнение могло бы быть рассеяно, например, результатами металлографического анализа. Однако на самом деле в его статье нет сведений о каких-либо анализах, а простых визуальных наблюдений для опровержения вывода специалистов, который «считается твердо установленным», явно недостаточно.

Большая заслуга А. Мутца как раз и состоит в том, что он в своей монографии впервые собрал все технологические доказательства изготовления многочисленных античных предметов при помощи обработки их на токарном станке, подкрепил все это данными анализов и технических расчетов. Поэтому для современного исследователя античной техники особенно важны 4-я и 5-я главы монографии, в которых приводятся эти доказательства, описывается оригинальный, разработанный автором метод изучения древних металлических изделий, подвергавшихся токарной обработке, обосновывается реконструкция римского токарного станка.

Для рассматриваемых изделий, среди которых господствуют бронзовые сосуды, характерно большое различие в толщине стенок. Это особенно хорошо видно на обломках сосудов, позволяющих непосредственно наблюдать их профиль. Многочисленные измерения сосудов показали, что при массивном венчике и толстом дне они имеют очень тонкие стенки. Например, у сосудов диаметром от 242 до 470 мм толщина стенок бывает всего 0,6 мм. При этом толщина стенок строго выдержана по всей окружности. Уже эти данные указывают на применение при изготовлении сосудов двух технологических приемов: литья и токарной обработки.

Для выявления технологии очень большое значение имеет состояние обработанной поверхности изделий. В данном случае внешняя и внутренняя поверхность сосудов очень чистая и ровная, без характерных литейных наплывов. На этой ровной поверхности можно все же заметить множество плотно прилегающих друг к другу небольших бороздок. Их отличает строгое единообразие и параллельность. Такие бороздки могли возникнуть только в результате обточки. От них отличаются более крупные отдельные орнаментальные желобки. К этому можно добавить, что на некоторых изделиях заметна даже характерная уступчатость небольших бороздок, появившаяся в результате дрожания резца от напряжения при резании твердого металла.

На внутренней и внешней стороне донной части сосудов, в центре дисков зеркал и других изделий имеются очень выразительные округлые углубления разных размеров. Это — центры, являющиеся одной из важных отличительных черт токарной техники обработки изделий. Поверхность дна сосудов может быть плоской или вогнутой, но, кроме того, она часто имеет серию разных по форме концентрических желобков и выступов, занимающих правильное положение по отношению к центральному углублению. Формы желобков и выступов очень разнообразны. Выступы иногда дополнительно украшены тонкими углублениями или подрезаны с боков. Подобная, но более простая профилировка встречается и на внутренней части дна. Всего этого можно достигнуть лишь при токарной обработке (рис. 1, 2).

При исследовании важно установить корреляцию внутренней и внешней обработанных поверхностей полого предмета. Иначе говоря, надо определить, образовывались ли внутренняя и внешняя поверхности обточкой при вращении предмета вокруг одной и той же оси. Для произведения измерений, необходимых для точной фиксации внутренней и внешней конфигурации предметов и установления кор-

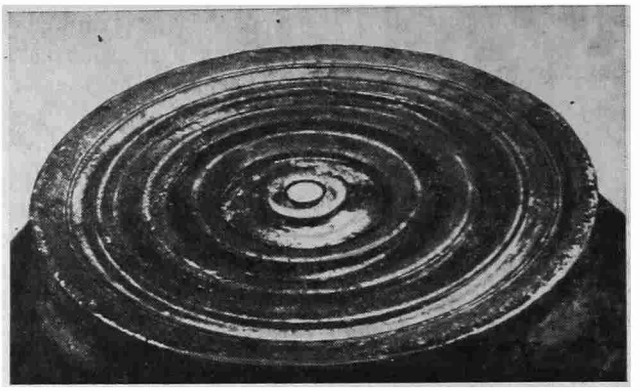


Рис. 1. Донная часть римского бронзового сосуда (музей Аугсбург)

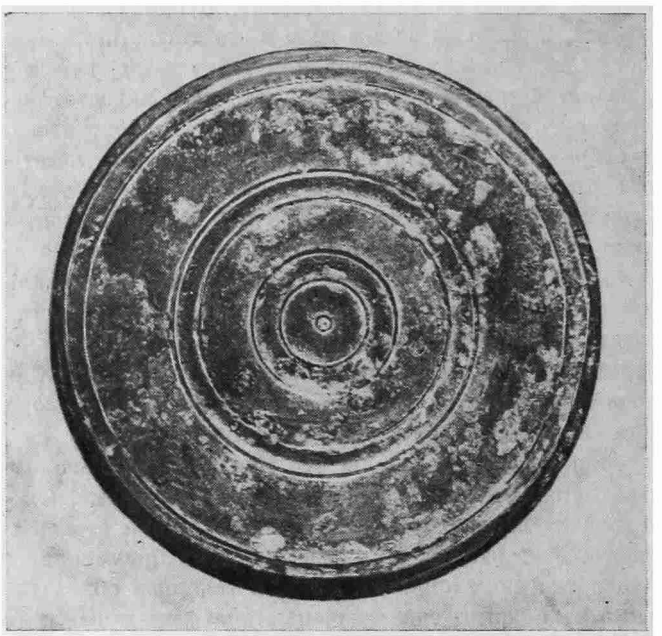


Рис. 2. Бронзовое зеркало (Национальный музей в Торонто)

реляции поверхностей, автор разработал специальный измерительный прибор. Последний состоит из закрепленного на подставке вертикального трубчатого штатива с подвижно соединенным с ним горизонтальным держателем, который может опускаться вниз и подниматься вверх. В стороне от штатива на подставке закреплен неподвижный стержень, а против него на конце держателя находится подвижный стержень с шкалой, позволяющей производить измерения с точностью до 0,1 мм. Уже эти измерения дают исследователю много ценной объективной информации (рис. 3). Дешифровка измерений позволяет выяснить некоторые особенности и качество токарной обработки предмета, надежность крепления обрабатываемых деталей, правильность их центровки и ряд других моментов, позволяющих судить и об устройстве токарного станка.

Совокупность всех этих данных, полученных при исследовании большого количества античных изделий, которые показаны в монографии на прекрасных фотографиях и рисунках, указывает на существование и широкое применение в римскую эпоху токарного станка для обработки цветных металлов резанием, хотя некоторые детали его устройства еще нуждаются в уточнении.

В своей монографии А. Мутц подробно анализирует собранную информацию и в каждом случае старается выяснить причину появления тех или иных показателей. В результате ему удалось убедительно доказать, что исследованные предметы не могли быть изготовлены на примитивном токарном станке с лучковым

приводом. Такой станок не мог обеспечивать обработку заготовок, из которых получались изделия такой формы, веса и твердости.

Особенно сложной была обточка внутренних поверхностей стенок и дна пустотелых сосудов типа кастрюль, чаш, ковшей и т. п. Она требовала, чтобы конструкция станка позволяла мастеру вводить резец во внутреннюю часть сосуда и свободно манипулировать им. При этом шпиндель станка должен быть надежно закреплен на двух опорах, чтобы обеспечить с этой стороны правильную центровку и избежать колебания заготовки. Исследования корреляции конусообразных углублений в центре вращения обтачивавшихся предметов показывают, что расположенная в задней бабке пиноль также была надежно закреплена и находилась

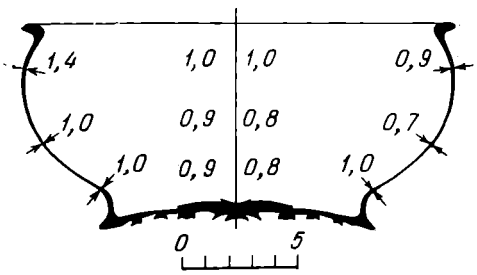


Рис. 3. Профиль римского бронзового сосуда (музей Аугсбург)

точно на оси вращения. Своим конусовидным концом пиноль центрировала и одновременно прижимала заготовку к шпинделю. Закрепление обрабатываемых предметов сложной конфигурации было также не легкой задачей. Следует согласиться с автором, что обычно пустотелые предметы закреплялись на шпинделе при помощи деревянной оправки, подобно той, которую и сейчас применяют ремесленники при токарной обработке дерева и металла.

Очень важным и одновременно трудным является вопрос о том, как передавалось вращательное движение на шпиндель станка. В настоящее время этот вопрос может быть решен только на основе изучения следов обточки на изделиях, так как изображения античных токарных станков для обработки металла пока не известны, а шансов найти его деревянные остатки очень мало. А. Мутц совершенно прав, подчеркивая, что лучковый привод не мог здесь применяться не только потому, что был слабым. Дело еще и в том, что такой привод обеспечивал только прерывистое движение. При этом след от резца на изделии обязательно должен фиксировать остановку, хотя бы незначительную. К тому же таких следов остановки движения должно быть много, так как размеры тетивы лучкового привода сравнительно невелики. Но на самом деле линии обточки на всех исследованных предметах римского времени указывают на непрерывное вращение заготовки в одну сторону. Это означает, что был уже использован не лучковый привод, а какой-то другой. Впрочем сложных механизмов при этом не требовалось, так как вращать колесо непосредственно у станка могли люди или животное, подобно тому как это делалось при использовании других древних механизмов: при вращении ворота, жерновов, водяного колеса и т. п. А. Мутц не развивает эту мысль, а в своей реконструкции римского токарного станка для обработки металла (рис. 4) использует ременную передачу от большого приводного колеса на вал шпинделя. Нам кажется, что подобная передача была возможна в римское время, но ее реконструкцию следовало бы обосновать более обстоятельно. Можно было бы отметить механизм римского метательного орудия полибола. Его реконструкция, сделанная Шраммом, показывает, что в принципе передача движения от одного вала или колеса к другому при помощи бесконечной цепи или ременного шкива была известна римлянам [17, с. 97, рис. 48]. Но все же трудно сказать, применялась ли подобная передача на станке и осуществлялся ли привод от большого колеса на меньшее колесо вала шпинделя так, как это делается в реконструкции А. Мутца. Возможно, все было гораздо проще, и вал шпинделя служил одновременно осью для большого и массивного колеса, которое за длинную рукоятку вращало в вертикальной плоскости несколько человек. Усилия людей, стоявших друг против друга, и массивность колеса, обладавшего достаточной инерцией, создавали достаточно хорошие условия для равномерного вращения заготовки в одном направлении. Так

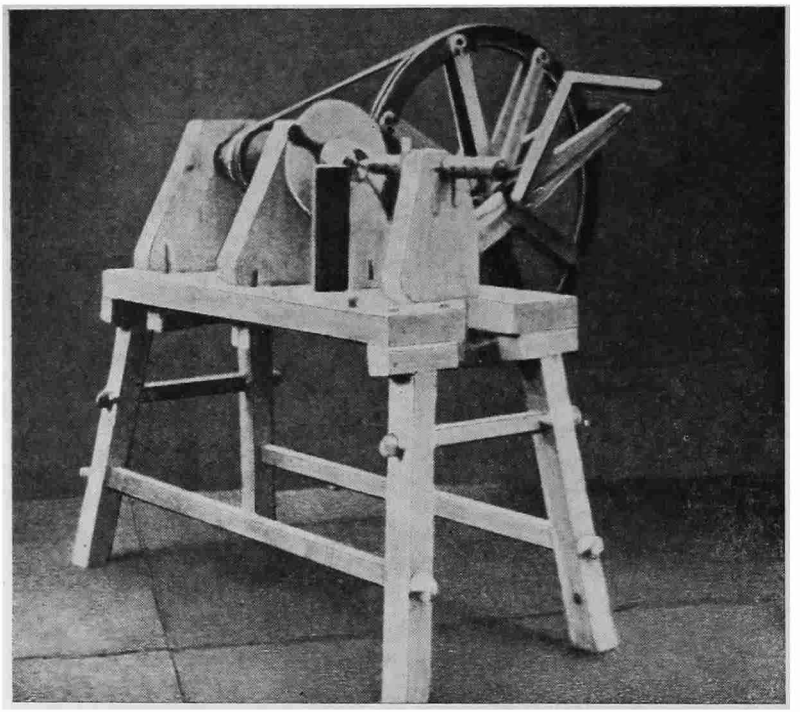


Рис. 4. Римский токарный станок для обработки металла (реконструкция А. Мутца)

или иначе, но этот вопрос, видимо, еще требует уточнения. Не исключено, что применялись даже разные виды передач, обеспечивающих вращение обрабатываемой детали в одном направлении.

В своей монографии А. Мутц не ограничился только изучением формы изделий и сохранившихся на них следов токарной обработки. Очень важно то, что он подкрепляет свои выводы еще целым рядом убедительных фактов: графиками, показывающими характер и чистоту обработки поверхности изделий, вычислениями применявшихся усилий резания, металлографическими исследованиями шлифов, данными о химическом составе металла. На металлографических шлифах, в частности, прекрасно видно, что литой металл подвергался последующей холодной обработке резанием и кольцевые желобки отнюдь не наносились циркулем на мягкую модель отливки. Кстати, найдены и подлинные римские литейные формы для многоразовых отливок заготовок сосудов, вырезанные из известняка. Их фотографии и рисунки ясно показывают, что сосуды при литье еще не получали такой сложной и тонкой профилировки, которая наблюдается на готовых изделиях этого типа. Такую профилировку давала обточка.

А. Мутц не только теоретически хорошо обосновал существование определенного типа римского токарного станка для обработки металла, но и провел интересные эксперименты. Он построил из дерева действующую модель римского токарного станка в натуральную величину и проверил ее в действии. На этом станке были изготовлены точные копии римских сосудов, имевшие все признаки обработки, отмечавшиеся ранее на археологических объектах. Тем самым была убедительно доказана правильность принципиальной схемы предлагаемой им реконструкции даже при условии, что некоторые детали устройства станка, как уже отмечалось, могли быть иными.

Автор рассматривает в своей монографии и другие технологические приемы, которые применяли римские ремесленники при изготовлении рассматриваемой группы изделий: тиснение, штамповку, различные способы механического соединения деталей, термическую обработку.

Наконец, очень важной частью монографии является подробный каталог всех исследованных автором римских изделий из музеев Австрии, Бельгии, Голландии, Греции, Италии, Франции, ФРГ и Швейцарии. Этот каталог ясно показывает, что токарная обработка металла не была в римское время эпизодическим явлением, а применялась очень широко при изготовлении самых разнообразных предметов:

кастрюль, блюд, тарелок, мисок, чаш, ковшей, кувшинов, зеркал, флаконов, пиксид, светильников, колокольчиков и пр. Особенно интересны медицинские инструменты из Помпей и Афин, имеющие стержни с винтовой нарезкой. Можно напомнить, что использование деталей с винтовой нарезкой предусматривалось и в конструкциях некоторых механизмов Герона и Витрувия. Эти токарные изделия свидетельствуют о высоком мастерстве римских ремесленников. Каталог не ограничивается простым перечнем предметов, но дает их хорошее описание, фотографии, зарисовки профилей. К сожалению, в большинстве случаев не указаны конкретные датировки вещей.

Таким образом, в истории римского ремесла заполнена еще одна лакуна, внесена ясность во многие вопросы токарной обработки металлов и получены важные данные об устройстве римского токарного станка. Незначительные погрешности и спорность некоторых деталей реконструкции римского токарного станка не могут изменить общего очень хорошего впечатления о монографии А. Мутца, которая несомненно будет способствовать дальнейшему более глубокому изучению античного ремесла.

Шрамко Б. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mutz A.* Die Herstellung römischer Kasserollen.— Ur-Schweiz, 1961, B. XXV, s. 1. Basel.
2. *Mutz A.* Zur Geschichte des Rohres.— In: Zeitschrift für Schweisstechnik. Zürich, 1968.
3. *Mutz A.* Römische Bronzegewinde.— In: Technikgeschichte. Düsseldorf, 1969.
4. *Tylecote R. T.* Metallurgy in Archaeology. L., 1962.
5. *Солнцев Л. А., Степанская Р. Б., Фомин Л. Д., Шрамко Б. А.* О появлении изделий из чугуна в Восточной Европе.— СА, 1969, № 1.
6. *Смирнов А. П.* Волжские болгары. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
7. *Шульц П. Н.* Техника античного рабовладельческого общества.— В кн.: Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.— Л., 1936.
8. *Beck Th.* Heron der Ältere und seine Vorgänger.— Beiträge zur Geschichte des Maschinenbaues, 1899, 14. Berlin.
9. *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. Leipzig, 1879.
10. *Maryon H.* Metal Working in the Ancient World.— American J. of Archaeology, 1949, v. 53, № 2.
11. *Rieth A., Langenbacher K.* Die Entwicklung der Drehbank. Stuttgart — Köln, o. J.
12. *Feldhaus F. M.* Die Technik der Antike und des Mittelalters. Potsdam, 1931.
13. *Feldhaus F. M.* Die Maschine im Leben der Völker. Basel — Stuttgart, 1954.
14. *Pernice E.* Die Metalldrehbank im Altertum.— Jahreshefte des österreichischen Archäologischen Institutes, 1908, v. 8, H. 1. Wien.
15. *Марченко И. Д.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея.— МИА, 1957, № 56.
16. *Кадеев В. И.* О времени появления токарного металлорежущего станка в Херсонесе.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968.
17. *Дильс Г.* Античная техника. М.— Л., 1934.

Gabori M. Les civilisations du Páléolithique moyen entre les Alpes et l'Oural. Esquisse historique. Akádemiai Kiadó. Budapest 1976. 230 p., 65 fig., Planches I—XXX.

Книга венгерского археолога Миклоша Габори охватывает материал мустьерского времени между Альпами и Уралом. Обильный текст сопровождается картами, схемами развития мустьерских фаций, воспроизведениями орудий из других публикаций и собственными оригинальными рисунками автора, видевшего огромное количество коллекций почти во всех странах Европы к востоку от Рейна.

Как правило, специалисты по археологии палеолита пишут только о материалах своей страны: если Ф. Борд и касается палеолита Англии или Германии, то только как фона для геологии и палеолита Франции. Работа М. Габори представляется редким исключением из этого правила. Во вступлении автор решительно утверждает, что он видит в археологии часть исторической науки, а свою задачу — в установлении реального исторического процесса. Он с самого начала исходит из положения, что мустье не является чем-то однородным и установление составных частей этого понятия — одна из самых важных задач для тех, кто занят

мустьерской эпохой. Изложение материала начинается с запада — с Германии, и изложение идет по Г. Босинскому, автору новейшего синтетического труда [1]. Среди мустьерских памятников выделяются такие, которые относятся к позднему ашелю, к микокской группе, к группе с листовидными остриями и к типичному мустье. Эти фации (у Г. Босинского они носят наименование морфологических групп) располагаются во времени строго последовательно.

Большой интерес представляет сообщение М. Габори, которому удалось увидеть материал из Вильдкирхли, что там есть всего несколько отщепов, к тому же неопределенных, и потому он предлагает сдать в архив гипотезы, касающиеся культа пещерного медведя. М. Габори не анализирует мустье Польши — для него крайними к северу памятниками оказываются памятники Моравии и Чехии. Самые нижние слои в пещере Кульна — с 13 по 10 — содержат орудия из кварцита, изготовленные из галек, и это по преимуществу мелкие скребла. К. Валох приписывает им рисс-вюрмский возраст. Слои 9б и 8а содержат материал иного рода — с двусторонне обработанными листовидными остриями. Третье подразделение мустье Кульны — слои 6а, 7а и 7с. Их К. Валох называет шарантскими, и здесь нет листовидных острий, но зато много скребел, в том числе с двумя и тремя лезвиями. М. Габори настаивает на сходстве слоев Кульны, называемых К. Валохом шарантскими, с микоком. В дальнейшем этот термин будет применяться М. Габори для многих памятников — это одна из двух-трех фаций мустье в его понимании. Напротив, слои 5—9 по Габори — это типичное мустье Центральной (и Восточной) Европы — это другая, столь же широкая категория, точно не определяемая. М. Габори видел и еще одну группу малоизвестных памятников — мустьерские (или отчасти домустьерские) памятники Югославии. Знаменитый многослойный памятник Крапина до сих пор опубликован только отчасти. М. Габори на основании просмотра всего материала полагает, что самые нижние слои памятников (1—3) относятся к тейяку, слои 4—5 — к шарантскому кругу памятников, а самые верхние слои — к типичному мустье. Каменные орудия из недавно раскопанной пещеры Ветерника — из двух древнейших слоев в пещере — М. Габори определяет тоже как шарантские и отмечает близкое сходство с Крапиной. Орудия сделаны из кварца и кварцита, и в верхнем мустьерском слое этот материал почти выходит из употребления. Появляются остроконечники и скребла с хорошей отделкой. М. Габори выражает сомнения в домустьерском (рисс-вюрмском) возрасте слоев 31—25 стоянки Высоко брдо, потому что орудия этих слоев ему кажутся достаточно развитыми (остроконечники, скребла дежете, овальные скребла). Слои с 24 по 12 он относит к понтийско-шарантскому мустье, отмечая обилие зубчатых орудий в 13 слое.

Классификация венгерских памятников (весьма немногочисленных сравнительно с соседними территориями) носит более подробный характер. Если до сих пор М. Габори относил все памятники либо к микоку, либо к шарантскому мустье, порой пренебрегая их особенностями, то теперь, на территории Венгрии, почти каждый памятник представляет собой особую фацию. Они делятся на две группы: задунайские памятники (Эрд, Тата — остальные бедны и мало известны) и памятники Бюккских гор (Шубалюк). М. Габори указывает на понтийские особенности орудий Таты, обилие зубчатых орудий и обособляет ее от Эрда как фацию вместе с Селимом. Эрд им сближается с шарантскими памятниками Югославии (Крапина, Ветерника). И Эрд, и Тата ему кажутся вместе настолько сходными с Западом, что он предполагает «эманацию» шарантских орудий с Запада или даже передвижение групп людей оттуда. Движение населения или распространение микокских орудий он предполагает и для объяснения существования двусторонне обработанных орудий в Моравии, хотя они и не столь уж сходны с микокскими памятниками Германии. В пределах Венгрии на основании смешанного, как он полагает, материала из пещеры Янкович М. Габори выделяет мустье янковичского типа с двусторонне обработанными остриями и скреблами. Раньше двусторонне обработанные острия из пещеры Янкович относили к селетской культуре верхнего палеолита. Еще Л. Вертеш отмечал, что Янкович, как и другие, немногочисленные, правда, материалы с областей Венгрии за пределами Бюккских гор, относятся не к селетской культуре, а к группе, называемой альтмюльской, и странно, что М. Габори не упоминает имени Л. Вертеша.

Среди румынских памятников М. Габори выделяет многослойный памятник Рипичени-Извор, относит его к микоку, и притом развитому, основываясь на дву-

сторонне обработанных изделиях. Сопоставления ведут к Староселью и Сухой Мечётке у Волгограда, хотя это, по М. Габори, микок, типичный для Центральной Европы.

Около пятидесяти страниц в книге посвящены материалам с территории СССР (с. 102—151). На основании своего знакомства с Молодовой V (автор, описывая мустье Днестра, ссылается главным образом на стоянку Молодова V, хотя наиболее богатые мустьерские слои, в том числе и слой с остатками жилища, был исследован на стоянке Молодова I) М. Габори предлагает называть этот тип памятников просто леваллуа, а не леваллуа-мустье. Аналогии он опять-таки находит в Староселье и в Сухой Мечётке, хотя в Молодове нет двусторонне обработанных изделий. Автор относит эти памятники, вслед за А. П. Чернышом и И. К. Ивановой, к ранней поре мустьерского времени, но отмечает их развитой характер. Он почему-то не принимает во внимание, что многочисленные мустьерские слои молодовских стоянок занимают большую часть мустьерского вюрма, во всяком случае, они существуют до конца его, судя по некоторым находкам в Молодове V (слой Ха). То же следует сказать и о группе памятников стинковского типа (Осыпка, Стинка). О Хотылеве М. Габори высказывается, что это наиболее раннее выражение восточного типа мустье, что представлено далее к востоку и к югу Старосельем и Сухой Мечёткой. Рожок в Приазовье он определяет как микромустье восточного типа. Сухая Мечётка — это типичный восточноевропейский микок, который несколько отличается от памятников, расположенных западнее, но, скажем, аналогии для двусторонних орудий румынских памятников или для Молодовы М. Габори ранее находил в Сухой Мечётке. И действительно, при таком изложении (особенности Сухой Мечётки сводятся к скреблам-ножам овальной и треугольной формы и к ножам типа волгоград — термин Г. Босинского) все памятники Центральной и Восточной Европы становятся похожи. Примерно так же описывается и Ильская стоянка. Кроме восточноевропейского микока, М. Габори отмечает еще две разновидности мустье, которые существовали в Крыму в одно и то же время: микромустье (верхний слой Киик-Кобы) и леваллуа-мустье (Бахчисарай, Холодная балка). Автор говорит о проделанном им анализе Чокурчи и о разнице между слоями в этой пещере (в других памятниках он не упоминает о такой разнице, и Староселье у него рассматривается как памятник позднего мустье, хотя толща отложений этой пещеры скорее всего совпадает по времени со всем мустьерским вюрмом), хотя коллекция из Чокурчи пропала во время войны и найдены лишь немногочисленные орудия, без стратиграфической привязки, разумеется.

Выходя за пределы тематики, названной в заглавии книги, М. Габори описывает мустьерские материалы Закавказья и даже Средней Азии. Последние, впрочем, описываются с тем, чтобы читатель почувствовал разницу между азиатским и европейским мустье. Но оказывается, что в Средней Азии существует та же разновидность — леваллуа-мустье, только орудия там более крупные и более грубого облика. Более подробно рассматривается Кавказ, поскольку, по мысли М. Габори, Европа заселялась с Кавказа, а одновременно с запада. Заселение Европы (конечно, Восточной) с Кавказа — вполне вероятное предположение, и об этом писали многие отечественные специалисты по мустье (см. подробное рассмотрение этого вопроса и его историю у В. Н. Гладилина [2, с. 128—150]). М. Габори по-своему подходит к этому вопросу. Он предполагает одновременное существование мустье и позднего ашеля на территории Закавказья (неясно только, какими памятниками можно было бы обосновать это) и выводит мустьерские памятники (домустьерские памятники в Крыму и на Русской равнине он не отмечает) Крыма и Русской равнины из соединения ашеля и мустье. Необходимость такого соединения вытекает из невозможности для М. Габори вывести мустье Крыма (где двусторонне обработанные орудия — важнейший признак) из мустье только Кавказа, где двусторонне обработанные орудия редки.

Глава IV посвящена обоснованию выделения классификационных единиц (с. 157—185). Начинается она с пересказа классификации Г. Босинского, предложенной для материалов с территории междуречья Рейна и Одера, и сопровождается таблицами схематических рисунков Г. Босинского. Однако, если у Г. Босинского ясно отмечены уровни классификации, то у М. Габори их несколько, и соотношение их не ясно. Если у Г. Босинского для каждого рисунка можно было найти отсылку и прочитать его описание, то у М. Габори нет таких отсылок в тексте, где упоминается немного разновидностей орудий, а рисунков, напротив, много.

Отсюда читателю, наверное, уже стало понятно, что позиции М. Габори не отличаются ясностью, проверить его утверждения трудно, а используемая им типология (часто заимствованная у разных авторов) недостаточна для построения сложной картины заселения Европы (гл. VI — «Происхождение и распространение индустрий»). Например, М. Габори утверждает, что Центральная Европа заселялась с запада, а отчасти с юга — из Италии. Основная культура мустье — микок. В Восточной Европе он находит тоже микок, но восточноевропейский. Но поскольку разница между двумя микокскими индустриями описана весьма неясно, то вывод автора, предполагающий различное происхождение мустье Восточной и Центральной Европы, не убеждает.

Сейчас существует множество гипотез относительно происхождения мустьерского населения Восточной Европы; польские, венгерские и немецкие археологи выдвинули столь же разнообразные гипотезы и относительно происхождения мустьерских памятников Центральной Европы. Но они все могут быть принимаемы, рассматриваемы при условии совершенствования типологии. Достижениями последнего десятилетия в этой области могут считаться типология Г. Босинского для рейнского бассейна [1] и типология польских исследователей для южной части Польши [3, 4]. Среди отечественных исследователей отметим попытки Ю. Г. Колосова обосновать типологию аккайских памятников мустье Крыма [5; 6 с. 6—19].

Оказывается, что сейчас не так уж важно предложить тот или иной вариант гипотезы. Значительно важнее (потому что от этого зависит выбор гипотезы) предложить типологию мустьерских каменных орудий. Например, из типологии польских исследователей, обособивших понятие «нож прондницкого типа», вытекает существование независимой прондницкой культуры. И если в этих ножах видеть микокские изделия, то приходится и в прондницких памятниках, как это получается у В. Хмелевского, видеть общеевропейское явление. Главнейшей задачей типологии мустье Центральной и Восточной Европы является классификация изделий, которые у нас долгое время назывались рубильцами, в Польше они называются пронднинками, а изделия той же, по-видимому, группы немецкими исследователями называются ножами бокштайн или клаузен. Если одни исследователи видят в этой группе несколько независимых типов, то другие полагают большую степень общности внутри нее, и у них ножи бокштайн, скажем, есть и в Крыму, а не только в Центральной Европе, так же, как и ножи типа волгоград.

Рецензируемая книга, как синтез известного сегодня материала по мустье Европы между Альпами и Уралом, безусловно, интересна для читателя. М. Габори не обошел множество сложных проблем, поставленных наукой в последние десять — двадцать лет. Он предложил решение вопроса, как делится мустье Европы, из каких слагаемых оно состоит, показал общие черты мустье изучаемого района с Италией и в некоторой степени с Францией, попытался отличить европейское мустье от мустье Кавказа и Средней Азии. Может быть, книга М. Габори «подвигнет» кого-нибудь из специалистов по мустье Запада написать подобную же монографию по остальной Европе, где бы синтезировался материал Франции, Испании и Италии.

Григорьев Г. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bosinski G.* Die mittelpaläolithischen Funde im westlichen Mitteleuropa. Köln, 1967.
2. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев: Наукова думка, 1976.
3. *Krukowski S.* Prehistoria ziem Polskich. Krakow, 1939—1948.
4. *Chmelewski W., Jazdzewski K., Kostrzewski J.* Pradzieje Polski. Wrozlaw — Warszawa — Krakow, 1965.
5. *Колосов Ю. Г.* Аккайские мустьерские стоянки и некоторые итоги их исследования.— В кн.: Исследование палеолита в Крыму. Киев: Наукова думка, 1979.
6. *Колосов Ю. Г.* Специфические типы орудий аккайской мустьерской культуры в Крыму.— В кн.: Каменные орудия. Киев: Наукова думка, 1978.

Jean-Claude Gardin. Une archéologie théorique. L'Esprit Critique. Hachette. Paris. 1979. 339 p.

С каждым годом растет число раскопанных археологических памятников и накапливается колоссальный фонд источников. Но раскопанный памятник уничтожается. Необходимо извлечь максимум информации из археологических источников и представить их в компактной форме. Причем только при едином языке описания, одинаковых и максимально эффективных процедурах анализа археологический памятник может быть так издан, чтобы сохраниться для науки.

Можно перечеркнуть все, что было сделано раньше, и, опираясь прежде всего на математику, создать так называемую «новую археологию» (наиболее ярко это крайнее направление представлено в США), но в этом случае за бортом науки окажется весь запас знаний, отраженный в публикациях последнего столетия. Ж.-К. Гардэн идет другим путем, его цель — это «изучение природы мысленных операций, которые производятся между сбором материальных источников и их публикацией» (с. 10), выявление «схематизации археологических рассуждений», исследование характера логических процедур на всех основных этапах анализа.

Монография Ж.-К. Гардэна подводит итог более чем двадцатилетним работам автора и целого коллектива европейских исследователей (историков, археологов и историков искусства) в области применения новых методов для описания и анализа археологических источников. Профессор Жан-Клодт Гардэн — это один из крупнейших европейских археологов; он возглавил с конца 50-х годов исследования в области теоретической археологии и создал на базе Национального Центра научных исследований Франции (CNRS) Центр анализа археологических источников (САДА). С 1970 г. по поручению ЮНЕСКО он занимается исследованиями Всемирной системы научной информации, функционирующей сегодня под наименованием «Unisist». Еще в 1955 г. Ж.-К. Гардэн поставил вопрос о необходимости применения новых методов для археологического описания, отметив, что основной недостаток существующих исследований заключается в следующем: один и тот же материал анализируется многократно различными исследователями, причем как сами описания, так и теоретические построения различных исследователей отличаются коренным образом. Ж.-К. Гардэн предложил перейти к более рациональным методам хранения и использования информации: к аналитической и подвижной форме — перфокартотекам. Такая цель, поставленная в самом общем виде, потребовала организации теоретических и практических работ по различным направлениям: сбор материала по обширной, хорошо разработанной единой детализированной схеме, создание аналитических кодов, выработку описательного языка, поиск наиболее эффективных форм хранения материала, выяснение роли вычислительных машин и т. д. Все эти работы, последовательно отраженные в рецензируемой монографии, в конкретной форме проводились как сотрудниками Центра анализа археологических источников, так и рядом европейских специалистов из других учреждений, объединенных указанным Центром [1, с. 211—217]. Поэтому ценность монографии Гардэна «Теоретическая археология» заключается в том, что это осмысление и логическое завершение всего того, что было уже введено в жизнь за последние двадцать лет в ряде стран в области археологии [2, с. 290—294; 3, с. 257—265]. Ж.-К. Гардэн в своем предисловии подчеркивает, что в процессе его научной деятельности последнего двадцатилетия основным предметом рассмотрения были те логические предпосылки, которые в явной и неявной форме присутствовали в археологических публикациях, вызывая заметную стереотипность («монотонность», как говорит автор) в их архитектонике, вне зависимости от характера рассматриваемых материалов. В результате автор пришел к некой схематизации археологических рассуждений, которая не только объясняла монотонность, но и оправдывала ее (с. 9). В работе подробно (в частности, с помощью схем) рассматривается этот процесс анализа археологических конструкций, который можно назвать «научным объяснением» (scientific explanation) или «методом обнаружения закономерностей».

Интерес представленной схемы заключается в том, что мы имеем в нашем распоряжении подробно разработанную индуктивную процедуру, которая была предложена уже в археологических работах конца XIX в. и развивалась на протяжении XIX—XX вв. в качестве единственной системы научных построений. Любопытно, что при ином подходе, в частности при построении гипотезно-дедуктивной процедуры К. Поппером, формальная сторона схемы «прогрессивного сдвига

проблем» [4, 5] аналогична, хотя факты здесь являются не отправным пунктом исследования, а служат для проверки предложенной гипотезы. Кроме того, Ж-К. Гардэн останавливается на противопоставлении (как он пишет, реальном или усиленном) между так называемой традиционной археологией «и той, которая называет себя сегодня «новой», достоинствах и пределах формальных методов, использованных для обработки археологических данных (математика, теория информации, системный анализ), необходимых реформах в современной практике публикаций и т. д.» (с. 9).

Между тем автор подчеркивает «ограниченный характер исследования» — это не общее новое руководство, покрывающее всю сумму методов наблюдений и интерпретации в археологии, а взгляд автора лишь на один аспект археологической науки, изучение природы мысленных операций, которые производятся между сбором материальных источников и написанием публикаций» (с. 10). В самое последнее время работы подобного типа мы знаем в целом ряде эмпирических наук, это — попытка ревизии основ, в нашем случае — подступы к созданию «Principia arheologica». Очень интересно и продуктивно сравнение методов исследования Ж.-К. Гардэна, шаг за шагом проводящееся в рецензируемой монографии, с результатами многолетних исследований подобного рода, проводящихся в Сибирском отделении АН СССР (в основном на базе геологических публикаций) [4]. Речь идет о научном творчестве в эмпирических науках, к которым, безусловно, относится и археология, о выборе и фиксации объектов, подходе к их изучению с использованием всего опыта, накопленного наукой. Все это вызывает целый арсенал исходных научных предположений и гипотез. Путь углубленного познания заключается в том, что наши представления делаются все более глубокими, полными и менее противоречивыми, мы можем подтвердить исходную гипотезу или подойти к созданию новой.

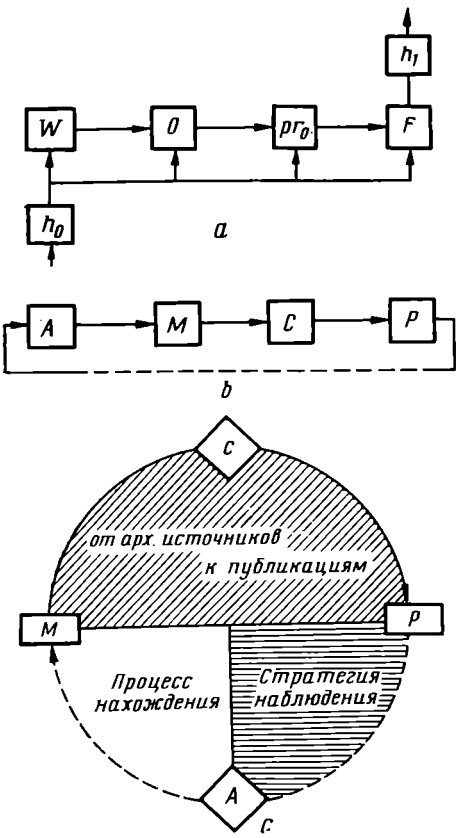


Рис. 1. Схема процесса углубления знаний. *a* — по Н. Г. Загоруйко, *b* — *c* по Ж.-К. Гардэну. h_0 — сырая гипотеза, *W* — выбор образцов, *O* — подготовка средств наблюдения, pr_0 — проведение экспериментов, *F* — анализ, h_1 — усиленная гипотеза, *A* — сбор источников, *M* — материалы, *C* — условия интерпретации, *P* — предложения

Исследователи предлагают различные наименования для характеристики тех результатов поисков закономерностей, которые производятся в науке в зависимости от того, в какой мере закономерности подтверждаются фактами. Априорные знания — это исходная «сырая гипотеза» (h_0), в результате ряда операций мы можем усилить ее, углубляя наши знания, и вывести «закономерности» через h_1, h_2 и т. д. Рассмотрим этот путь на примере предложенной Н. Г. Загоруйко схемы [6, с. 4—8], которую мы сравним с подобной схемой у Ж.-К. Гардэна (рис. 1, 2 на с. 21, 22). Очень интересно попарное однозначное соответствие всего набора элементов в каждой из схем (рис. 1) и их последовательности, что (при безусловном незнакомстве авторов с работами друг друга и притом, что они построены для материалов, которые также были неизвестны каждому из них) подкрепляет правильность предложенной схемы углубления наших знаний («стратегия наблюдений» по Гардэну) по тому или иному конкретному вопросу. Для полного подобия указанных схем на входе и выходе в схему Гардэна нужно поставить исходную и усиленную гипотезу (h_0 и h_1) из схемы Н. Г. Загоруйко.

Рассмотрим набор элементов и их последовательность по обеим схемам. Первым у Н. Г. Загоруйко идет выбор образцов для исследования (W), что соответ-

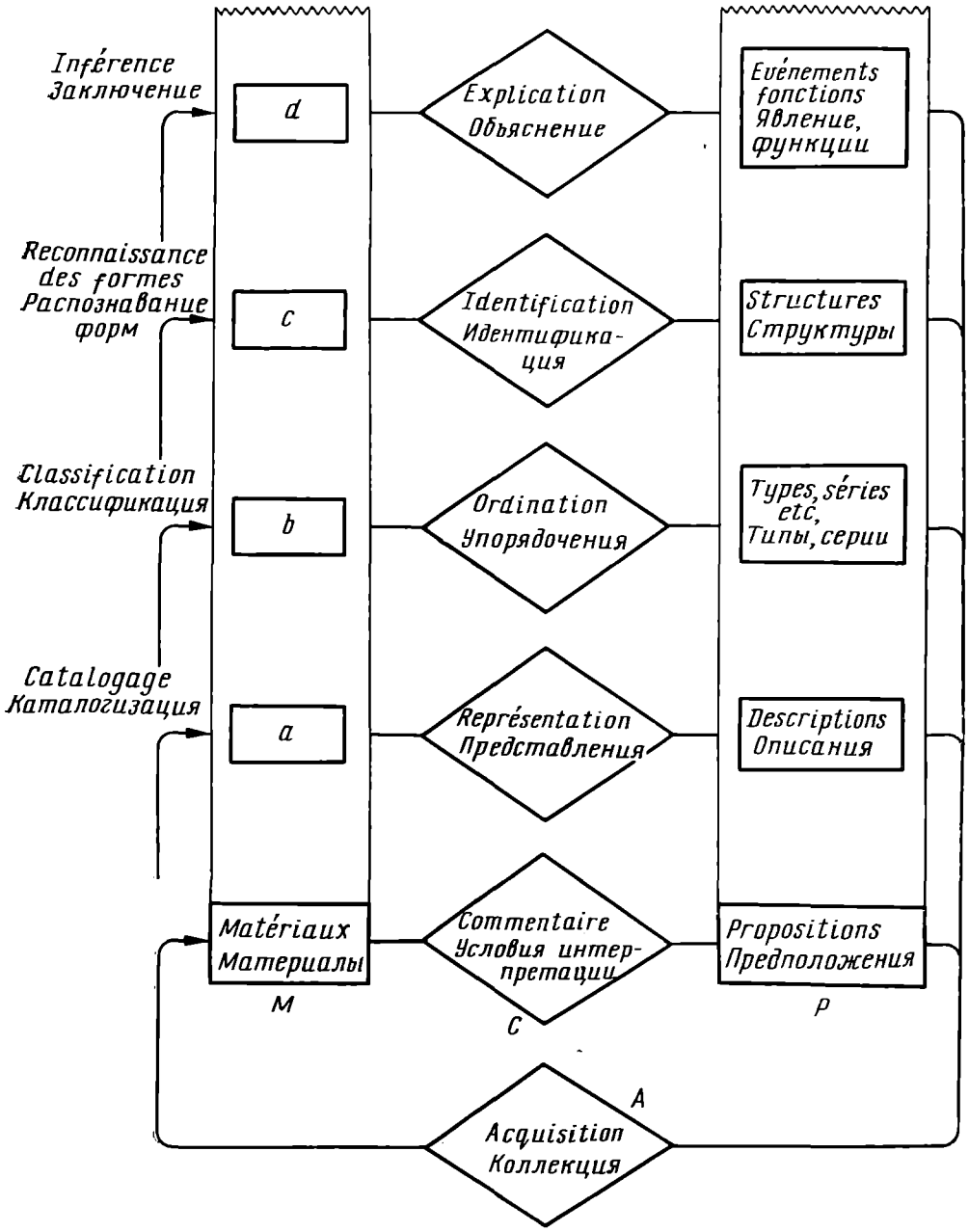


Рис. 2. Различные методы перехода от *A* к *P* по Ж.-К. Гардэну

ствует A (Acquisition) у Ж.-К. Гардэна — условия создания объекта исследования. Они завершаются M (Корпусом материалов — коллекция предметов, комплекс поселений, физические характеристики и проч.) с указанием на хронологическую принадлежность (с. 20, 21). В схеме Н. Г. Загоруйко идет затем O — подготовка средств наблюдения, куда входят как умозрительные способы, так и замеры,— протоколы проведения экспериментов. Это соответствует C (Commentaire) Ж.-К. Гардэна — правила интерпретации. F — по Н. Г. Загоруйко, включает в себя способ анализа наших данных, предложенными (как правило — неформальными) методами. P у Ж.-К. Гардэна (Propositions) — предложения, обоснованные доводами (описание, идентификация, объяснения). В обеих схемах подчеркнута взаимозависимость всех ее блоков независимо от последовательности (с. 21). На специальной схеме (рис. 3, с. 24—34) Ж.-К. Гардэн разбирает 4 примера (рис. 2), когда тем же путем, который дан на рис. 1, происходит процесс анализа на разных уровнях — от описаний до интерпретации. Самый элементарный случай, когда имеющийся археологический объект вводится в научный оборот: это полевые отчеты, музейные каталоги, своды археологических источников и т. д. Тогда конечным результатом будут описания (с. 24), проблема же будет заключаться в том, как рационально выбрать

представления объекта в терминах принятой системы или данного языка описаний и его каталогизация (с. 25). Следующий пример — классификация. В археологии, при множестве объектов, поиск общих черт необходим и первостепенен. Поэтому в зависимости от поставленных целей сам порядок может иметь разную форму (с. 27—28), отсюда типы могут быть организованы в иерархическую, древовидную и политетическую классификацию.

Третий пример (с. 28—31) — в отличие от первых двух случаев — здесь речь идет о возможности «прочтения» объекта (распознавание образов), который подчас имеет для археолога характер криптограммы. Должна быть предложена гипотеза относительно структуры объекта.

Четвертый пример — исторические выводы. И на уровне описаний мы уже выходим на интерпретационный уровень. Так, указывая при классификации вещей как они распределяются во времени и пространстве (с. 32), мы выдвигаем уже исторические выводы об их эволюции или распространении. Здесь, объясняя факты исторически, археолог вскрывает явления на уровне интерпретации.

Разбирая все эти примеры, Ж.-К. Гардэн приходит к выводу, что исследователь не может не взять на вооружение тех моделей рассуждения, которые приняты в кибернетике, системном анализе, теории информации и т. д. (с. 34), поскольку это схема «черного ящика». Вопрос о том, что происходит в «машине» (будь это робот, человеческий мозг или вычислительная машина), чтоб перевести исходный материал М в его конечную форму Р; на рис. 2 нашей рецензии Ж.-К. Гардэн раскрывает на ряде примеров этот путь.

Ж.-К. Гардэн подчеркивает свое желание «не потерять из виду конкретные приемы археологических исследований» (с. 10), но ограниченный объем книги «не позволял одновременно дать синтетический взгляд, основной предмет рассмотрения этой книги, и детальный анализ» (с. 10). Автор начинает (гл. I) с определения теоретической археологии, археологических памятников и предметов, выяснения поставленных целей, процедур логического анализа (каталог, классификация, распознавание форм), здесь же приводится и вышерассмотренная схема. Затем он переходит к анализу археологических конструкций (гл. II—IV), обращая внимание на дихотомию «компиляций» и «экспликаций» или же «систематизаций». Именно эти три главы являются основным центром тяжести работы — рассмотрение идет по четкому плану, последовательно, логично, не отрываясь от археологического материала.

Все разделы своего исследования Ж.-К. Гардэн строит с помощью схем, на наглядных примерах и постепенно подводит читателя к своим теоретическим выводам. Касаясь типологических вопросов, он подчеркивает, что «классификация вещественных остатков — это одно из тех упражнений, которым археологи отдаются наиболее охотно и которые могут представлять элементарную форму научного объяснения» (с. 115). Солидаризируясь с рядом исследователей, он считает, что эта проблема является узловой (как он говорит — «точка прицеливания») и отправной для дальнейших исследований. И действительно, на интерпретационном уровне при обобщении повторяемости различных явлений роль классификаций остается настолько существенной, что в ряде современных теоретических исследований (таксономическое направление в США) задачи археологии как науки ограничивались целями классификаций всех материалов и явлений.

Ж.-К. Гардэн дает свое определение «типологии как упорядочения массива предметов, из которых автор извлекает заключения относительно фактов, не содержавшихся в первоначальном представлении этих вещей» (с. 116). Причем для него типология, классификация и сериация — это синонимы (с. 147). На ряде примеров он показывает, в какой мере на окончательную форму типологии влияют те цели, которые ставит перед собой исследователь. Так, например, существует комплекс черепков, происходящих из стратифицированного поселения, и предлагается классификация на основании внутренних признаков (материал, техника изготовления, формы, орнамент и т. д.). Предположим, что наблюдена корреляция между рядом полученных единиц классификации и стратиграфией памятника (с. 116). Тогда окончательный порядок Ж.-К. Гардэн считает типологическим «потому, что он придает классам историческое значение, не известное на первоначальной стадии» (с. 117).

Во втором примере он рассматривает корпус скульптур неизвестного происхождения из различных музеев, для которых создается классификация по внут-

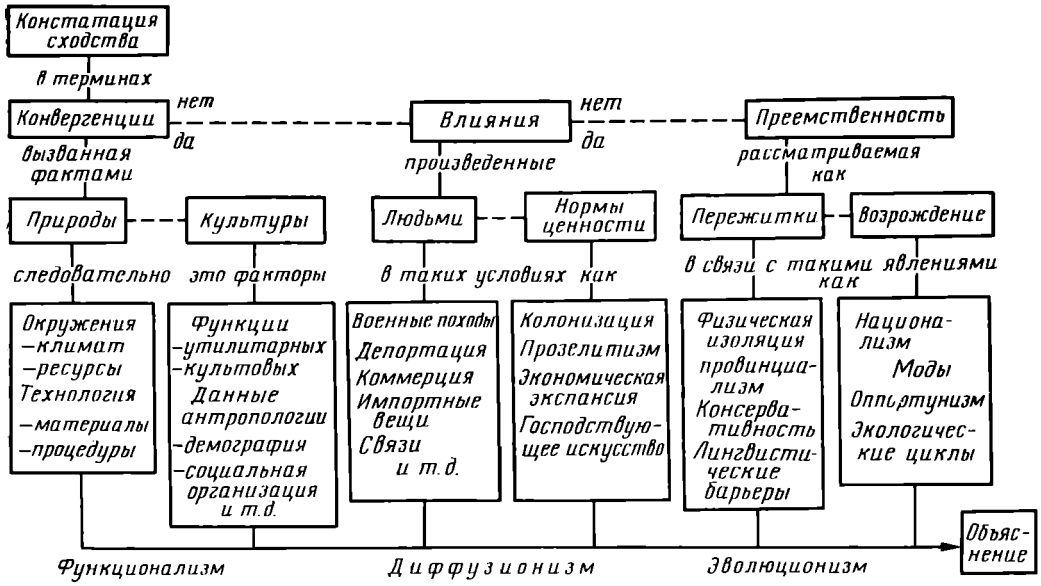


Рис. 3. Различные пути объяснения сходства между археологическими предметами и явлениями по Ж.-К. Гардэну

ренним признакам. Предположим, что открыты скульптуры, аналогичные некоторым из полученных выше единиц классификации, имеющие точную привязку (к стране, городу, школе, ремесленнику и т. д.),— следовательно мы получим «типы» региональные (они же стилистические).

В третьем примере он рассматривает каталог металлических орудий труда, найденных на разных памятниках и по морфофункциональным признакам разбитых на типы. Изучение комплексов, в которых они найдены, может привести к появлению новых гипотез относительно их функций и вызвать появление новой классификации, более богатой по своему смыслу. Эти примеры показывают, что понятие «тип» может употребляться на разных уровнях, с упором на временну́ю, пространственную или функциональную принадлежность классифицируемых вещей. Причем эта принадлежность не вытекает из первоначальной типологии материала, а является следствием принятых гипотез и дополнительных данных (пространственно-временных или функциональных — утилитарных, социологических либо символических). В работе Ж.-К. Гардэна все эти положения подробно рассматриваются, и в частности все переходы, аналогичные разработанной выше схеме процесса углубления знаний, от более слабой классификации к более сильной (с. 127 и сл.). Ж.-К. Гардэн справедливо подчеркивает, что типологические исследования являются частным случаем общетеоретических построений (с. 139), но с некоторыми отличиями. Типология связана со множеством объектов, как следует из определения, а археологическая интерпретация может иметь дело с единичными фактами. Типологические конструкции, как правило, ограничиваются пространственно-временными интерпретациями, тогда как научное объяснение уходит к поискам более глубоких корней, которые Ж.-К. Гардэн называет «антропологическими» (очевидно, имея в виду культурную и социальную антропологию, с. 140). В этой связи Ж.-К. Гардэн рассматривает свои построения на фоне сложившихся в более раннее время концепций И. Рауза, Б. Шварца, Ж. Фрица и Ф. Плога и предлагает соответствия между «типами» в различных классификациях (описательные, исторические и культурные типы Рауза; классы, аналитические и функциональные типы Шварца; формальные, контекстуальные и функциональные классификации Фрица и Плога, с. 140—143).

Сложность как реферирования, так и оценки данной работы заключается в том, что она насыщена материалом и, собственно, отражает все формы конкретных археологических построений; каждая из небольших главок суммирует большое количество работ, взглядов, школ и направлений, и все они достаточно кардинально отличаются между собой по подходу к материалу и характеру исследования. Поэтому большинство разделов книги Ж.-К. Гардэна продуктивно рассматривать не изолированно, а в сопоставлении с другими точками зрения, что невозможно сделать в ограниченной по объему рецензии. В частности, рассмотрение схемы на

рис. 3 (рис. 22 на с. 162—163) может послужить темой большого историографического исследования, поскольку отражает направления (эволюционизм, диффузионизм, функционализм), каждое из которых может быть рассмотрено монографически [7, 8]. Поэтому я только кратко поясняю схему, которая приводит наиболее общие объяснения в археологии по поводу обнаруженного сходства между объектами. Схема должна читаться сверху вниз и слева направо. Основные направления представляют собой классы объяснений. Между ними археолог должен совершить выбор по принципу «да» и «нет», пока не дойдет до факторов (условий, явлений), которые будут содержать искомое объяснение. Жан-Клодт Гардэн подчеркивает, что в случае конкретных исследований археолог редко когда может ответить однозначно, более правилен ответ «да, но почему бы не» или «не только, но и еще», который лучше отражает обычный характер аргументаций, идущих по указанной схеме.

Синтезом первых четырех глав является пятая, где рассматривается генеральная схема основных символических конструкций, конкретизированная в шестой, посвященной формам археологических публикаций.

Седьмая глава может считаться расширенным заключением (с. 274—295). Здесь речь идет о границах теоретической археологии, соотношении ее с традиционной и «новой» археологией (гл. VII, § 1). Ж.-К. Гардэн предлагает название «logiciste», как он пишет, «в ожидании лучшего термина» (с. 274). Интерес исследования заключается прежде всего в том, «чтобы убрать неопределенность из наших истинных задач, одновременно более банальных и более радикальных, чем задачи «новой археологии», но также и прийти к констатации пределов движения, в такой же мере поучительного, как и его свойства, которое мы можем рекомендовать для осуществления дополнительной ориентации археологических рассуждений, идущих по иному пути» (с. 275).

Особо выделен Ж.-К. Гардэном экскурс, посвященный разбору его отношения к «археологии, которая сама себя квалифицирует как „новая“» (с. 275). В подчеркивании своего отношения исследователь не одинок; в каждой работе, касающейся теоретической археологии в наше время, автор не может обойти этот вопрос молчанием. Например, Б. Триггер об этом пишет в несколько шутливом тоне, считая особенностью своего темперамента нежелание продолжать что-либо, начатое другими и, с другой стороны, видя в своей приверженности «традиционной археологии» интеллектуальный долг перед Г. Чайльдом, Г. Кларком и другими английскими археологами, отмечая в «„новой археологии“ изрядную долю провинциализма и неисторичности» [9], как мы бы сказали, недостаток в ней историзма.

Ж.-К. Гардэн разбирает ряд черт, объединяющих его подход с «новой археологией»: это стремление ставить целью археологического исследования задачи, выходящие за пределы только собирания и изучения вещественных остатков (создание истории обществ, «культурная антропология»). Попытку постичь «законы» человеческого поведения, которые глубже смогут позволить проникнуть в суть явлений, чем традиционные объяснения влияниями, конвергенцией или культурными нормами. Как делает окончательный вывод Ж.-К. Гордэн, «все эксплицитные конструкции на самом деле подчиняются анализу, проведенному по схеме, предложенной в этой книге, какими бы ни были присущие им парадигмы» (с. 276).

Раскрывая это положение, Ж.-К. Гардэн говорит, что объяснения изменений археологического материала миграциями народов (нашествия, торговые связи и т. д.), «какими бы устаревшими они ни могли нам показаться, заслуживают не меньше уважения, чем объяснения того же явления». Далее он цитирует Колина Ренфрью: «изменениями в питании, технологии, социальной организации, которые приводят к локальной и спонтанной эволюции этих вещей» (с. 276). Причем, отражая разные стороны явлений, подобные объяснения могут быть справедливы при кажущемся различии.

Ж.-К. Гардэн видит новизну «новой археологии» не столько в выборе парадигмы, сколько в формулировке законов, относящихся к человеческому поведению, рассмотренному с синхронной (антропология) и диахронной (история) точки зрения, и солидаризируется с Р. Уотсоном в том, что оригинальность «новой археологии» заключается в ее согласии «с моделью научного объяснения основными законами с акцентом на гипотетико-дедуктивном методе для подтверждения правильности выводов, полученных из археологических данных» (с. 277). Именно тут Ж.-К. Гардэн и видит отличия, совершенно справедливо считая, что связь между

научным объяснением и понятием «закон» не столь прямолинейна, как отмечал акад. В. И. Вернадский, «эмпирические обобщения, часто неправильно отождествляемые с научными гипотезами» [10, с. 20]. Археология была бы не наукой, а лишь собранием фактов, хорошо или плохо классифицированных, коль скоро в ней исследователи не могли бы заметить неких регулярностей, имеющих форму закономерностей, т. е. если бы каждый исследователь в своей конкретной работе многократно не переходил бы от более слабых гипотез к более сильным. Но нельзя не согласиться с автором, «что схемы не претендуют на выражение основного закона, но скорее частных фактов, мобилизованных в конструкцию, использованную для подтверждения того или иного заключения» (с. 278). Или, если опять вернуться к мыслям В. И. Вернадского, «научное объяснение, математическая схема, механическая модель, значительная часть „законов природы" представляют логические подходы, как бы „рационалистическую сетку", которую наш разум набрасывает на сложный, эмпирически научно охваченный космос» [10, с. 21].

«Теоретическая археология» Ж.-К. Гардэна представляет интерес для самого широкого круга читателей, а не только для археологов, интересующихся применением точных методов в археологии. Она безусловно интересна для историка и искусствоведа, математика и философа, логика и этнографа, историка науки и археолога. Книгу отличает четкость, логичность построения, умение просто говорить о сложных проблемах и истинно галльский блеск речи.

Особый интерес для нас заключается в том, что рецензируемая монография отражает наиболее нам близкое направление теоретической мысли в европейской археологии. Первостепенное внимание автор уделяет научным фактам, способам их обработки, создающимся на этой основе эмпирическим обобщениям и тем логическим процедурам, с помощью которых протекает процесс научного исследования, что является необходимым этапом работы сегодня. «Сейчас совершенно неизбежно в связи со своей научной работой натуралист обращается к углубленному логическому анализу самых основ своего знания, которые он мог спокойно оставлять в стороне в прошлом столетии» [10, с. 50].

Ковалевская В. Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалевская В. Б.* Центр анализа археологических источников во Франции. САДА, Марсель.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
2. *Ковалевская В. Б.* Рец. на кн.: Les methodes mathematiques de l'archéologie. Marseilles, 1971.— СА. 1974. № 1.
3. *Ковалевская В. Б.* Проблемы классификации в зарубежной археологической литературе.— СА, 1976, № 2.
4. *Popper K.* Logic der Forschung, Wien, 1935.
5. *Popper K.* The Poverty of historicism. Londres, 1957.
6. *Загоруйко Н. Г.* Методы обнаружения закономерностей. М.: Знание, 1981.
7. *Токарев С. А.* История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978.
8. *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979.
9. *Trigger B.* Time and traditions. Essay in archaeological Interpretation. Columbia University Press, 1978.
10. *Вернадский В. И.* Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе. М.: Наука, 1975.

Jean-Claude Gardin. Archaeological constructs. An aspect of theoretical archaeology. Maison des Sciences de l'Homme and Cambridge University Press, 1980. 202 с. 27 схем в тексте. Библ.: 254 назв.

Французский археолог, профессор Жан-Клод Гарден, широко известен как автор теоретических и практических разработок в области так называемой дескриптивной археологии, начало которой он положил в середине 50-х годов, первым поставив вопрос о необходимости применения новых методов для археологического описания. Результаты его работ и исследования, выполненные в организованном им Центре анализа археологических источников, привлекли внимание археологов и в нашей стране [1, с. 211—216], одновременно стимулировав аналогичные поиски [2].

Новая книга Ж.-К. Гардена заметно отличается от традиционной для него тематики широтой поставленных проблем и новизной аналитических методов. Учиты-

вая высокий авторитет исследователя, она, без сомнения, вызовет повышенный интерес у читателей. Основу «Археологических конструктов» составил курс лекций, прочитанный Ж.-К. Гарденом в Женевском университете. Их переработанный и дополненный англоязычный вариант вышел в рамках сотрудничества Парижского издательства гуманитарных наук с Кембриджским университетским издательством.

В основе концепции Ж.-К. Гардена, изложенной в книге, лежит твердое убеждение, что за всеми так называемыми практическими вопросами — как лучше записывать, хранить и распространять археологическую информацию — скрываются теоретические проблемы. По его мнению, главное препятствие на пути прогресса археологического знания заключается в отсутствии четких представлений о структуре процедур археологического исследования (от описания до интерпретации), в неясности критериев, на которых они основаны. Поэтому основной задачей своего исследования (а, забегая вперед — и задачей всей теоретической археологии) Ж.-К. Гарден провозгласил анализ археологических конструкций с целью выявления «цепочек точно определенных операций умозаключений» (с. 15—16), лежащих в их основе. Д. Кларк, чья цитата вынесена в эпиграф книги, так формулирует эту проблему: «Критическая проверка примеров археологического объяснения непосредственно раскрывает основное значение археологической логики внутри археологической философии и теории. Археологическая логика должна очертить нам теорию правильного заключения в нашей дисциплине ... Встает проблема природы логических взаимоотношений между археологическими заключениями и их основаниями» [3, с. 15].

Таким образом, книга Ж.-К. Гардена по целям и задачам относится к разряду методологических разработок, посвященных изучению логики археологического исследования. Однако следует оговориться, что задачи такого анализа Ж.-К. Гарден, как и Д. Кларк, понимает в сугубо ограниченном смысле — в духе логического позитивизма — как анализ языка науки. Эта особенность подхода Ж.-К. Гардена к проблеме оказалась решающей при выборе средств анализа, формулировке основных дефиниций и даже при выборе названия книги. Естественно, общий подход и цели определили и структуру исследования.

Книга состоит из 7 глав, разделенных в общей сложности на 68 параграфов. Первая глава посвящена определению таких понятий, как «археология», «археологические конструкты», а также изложению принципов основного метода анализа — «логицизма». Во второй главе Ж.-К. Гарден анализирует сходства и различия в археологических конструкциях по функциям и структурам и приходит к выводу о существовании двух основных форм — «компиляций» и «объяснений» [1]. Третья и четвертая главы — анализ выделенных форм «конструкций». В пятой рассматривается общая схема их взаимосвязи. В шестой главе Ж.-К. Гарден, стремясь реализовать в нормативной форме результаты анализа, остановился на формах археологических публикаций, а седьмую посвятил «ограничениям теоретической археологии», подразумевая под этим определение отношений между сконструированной им «теоретической археологией» и другими «школами или дисциплинами».

Как уже видно из структуры книги, в реализации своего плана «логицистического анализа» Ж.-К. Гарден исходит из дихотомии, а точнее «поляризации» археологических текстов в границах двух больших категорий «компиляций» и «объяснений». К первым он относит «совокупности предложений ..., описывающих материальные остатки, сведенные в систематическое целое так, чтобы облегчить изучение древних народов» (с. 26), а «объяснения» определяет как «упорядоченные совокупности предложений, предназначенные для обеспечения установления прошлых событий или способов жизни на основе свойств (properties) данной группы материальных остатков вместе с другими возможными информационными источниками» (с. 27). Нечеткость этих описательных определений в значительной степени рассеивается пояснениями и аналогиями, на которые Ж.-К. Гарден ссылается.

Из них ясно, что «компиляции» — это группировки, близкие аналитическим классификациям, упорядочивающие материалы в «этном» (etic) аспекте (по терминологии К. Пайка), т. е. на уровне непосредственных эмпирических наблюдений. «Объяснения» — это упорядочение того же материала, но с учетом «эмных» (emic), т. е. культурно значимых признаков. Собственно объяснение в археологии Ж.-К. Гар-

[1] Ввиду отсутствия в советской археологической литературе адекватных общепринятых терминов сохраняем предложенные Ж.-К. Гарденом, сознавая, что их русское значение не совсем соответствует смыслу, вложенному в них автором.

ден связывает с реконструкцией событий, а не с установлением каузальной связи между ними; это компетенция, считает он, других наук, что, впрочем, не лишает права археологов «представлять свои личные взгляды на материал» (с. 27).

Таким образом, оппозиция «компиляция — объяснение» приобретает значение, близкое тому, которое придавал И. Рауз своим аналитической и синтетической археологиям [4, с. 21—23], а К. Муберг — «археографии» и «археологии» [5].

Рассматривая выделенные категории одновременно как этапы обработки археологических источников, Ж.-К. Гарден переходит к их анализу, стремясь в конечном счете выявить и схематизировать логическую структуру процедуры археологического исследования. Несмотря на многообразие форм компиляций, их общая направленность определяет структурные сходства, а это в свою очередь позволяет говорить о возможности выделения общих принципов для всех подобных конструкций. Исходя из постулата о неизбежности вытеснения из археологических компиляций изобразительных форм вербальными и из требований к языку компиляций, который должен удовлетворять одновременно «теоретическим требованиям науки» и «практическим требованиям документации», Ж.-К. Гарден пришел к представлению о компиляциях как «символических системах связи между археологическими материалами и их исследователями» (с. 34). Главная цель этой системы состоит в представлении отобранного материала в форме, обеспечивающей ответы на поставленные перед ним вопросы, а функционирование заключается в соотнесении данных и вопросов по более или менее строгим правилам. Соответственно для понимания сущности компиляций необходимо: а) определить принципы отбора материалов и б) выявить особенности его представления.

Исходное требование Ж.-К. Гардена к компиляциям — их ориентация на исследователей, другими словами, границы компиляций должны соответствовать рамкам областей и тем исследований в археологии. Но создание a priori универсальной конструкции, строго размещающей все объекты, даже с учетом пространственно-временных и функциональных показателей, невозможно, так как сами области исследований зачастую накладываются друг на друга. Поэтому, как считает Ж.-К. Гарден, магистральный путь создания информационного аппарата проходит через интеграцию отдельных компиляций (a posteriori) в «рациональное целое». Для этого требуется, во-первых, организовать в международном масштабе информационную сеть, обеспечивающую доступ к рассеянным материалам; во-вторых, выработать единые принципы представления. Последняя проблема предстает в виде проблемы выбора языка описания археологических источников. Ж.-К. Гарден различает естественный (natural), специальный, или научный, и информационный языки.

Археология — область специального языка, и разрыв между ним и естественным языком по мере развития археологии будет расти. Информационный язык, понятие, сравнительно новое в археологии, подразумевает металингвистическую систему по отношению к естественному языку. Прообразом информационного языка в археологии являются широко употребляемые разнообразные указатели. Информационный язык, по Ж.-К. Гардену,— основная форма описания материалов. Его главные преимущества — точность, быстрота и гибкость в отличие от двусмысленности и излишеств естественного языка. Развитие информационного языка происходит параллельно научному и благодаря развитию последнего, по отношению к которому первый выступает как метаязык. Так как форма языка еще не диктует порядка описания, сохраняется проблема его единообразия для одинаковых предметов. В качестве решения Ж.-К. Гарден предлагает систему норм, которых всем следует придерживаться. Эти правила «ориентации», «сегментации» и «дифференциации» уже рассматривались в нашей литературе [1, с. 211—213].

Особо следует подчеркнуть выдвинутые Ж.-К. Гарденом проблемы оценки адекватности языка задачам исследования. Правда, их решение только намечено, а такие характеристики компиляций, как «шум» и «молчание», заимствованные из теории информации, носят лишь метафорический характер (с. 59—61). Тем не менее замечание о расположении «идеального» варианта описания между «шумом» (ненужная информация) и «молчанием» (отсутствие необходимой информации) может послужить предпосылкой к разработке действительного применения методов теории информации в оценочных процедурах.

Объяснительные конструкции Ж.-К. Гарден делит на две группы — типологические и интерпретационные. Их анализу посвящена вторая половина книги.

Анализ типологических построений у Ж.-К. Гардена носит в целом обстоятельный, оригинальный, хотя и не бесспорный характер.

По его представлениям, сущность типологии состоит в систематизации артефактов на основе «внешних» признаков, к которым он относит пространственно-временны́е и функциональные характеристики в широком смысле (технические, идеологические и др.). Процедура заключается в «систематичном сочетании внутренних и внешних признаков», считает Ж.-К. Гарден (с. 80).

Конечно, не со всеми предложениями автора можно согласиться. Прежде всего упрощенным представляется процесс образования культурно значимых типов. По Ж.-К. Гардену, для этого достаточно соблюдения некоторых методологических постулатов (например, принципов серпации) или использования «внешних» доказательств (например, аналогии). В последнем случае роль аналогии заключается в передаче функциональных и пространственно-временны́х признаков, в понимании Ж.-К. Гардена, от объекта к объекту, сравнимым по всем основным свойствам (материал, размер и т. д.).

Нетрудно заметить, что вместо теоретического обоснования перехода от эмпирических типов к культурным описан лишь частный случай, хотя и довольно распространенный. Не случайно поэтому Ж.-К. Гарден преуменьшает значение разрыва между эмпирической и культурно значимой спецификой типов и настаивает на возможности постепенного перехода от первого ко второму [2].

Думается, что упрощенные представления Ж.-К. Гардена о типологии — результат его невнимания к фундаментальному понятию «тип», определения которого, к сожалению, вообще нет в книге. Для Ж.-К. Гардена более важным понятием является «серия» — совокупность объектов на основе сходства «внешних» признаков. Образование серий и составляет необходимую предпосылку интерпретационных построений. Ж.-К. Гарден различает три разновидности последних — «примитивные», «нормативные» и «динамичные» (с. 91—101).

К примитивным он относит наиболее общие «объяснения» сходств однородных серий, ограничивающиеся ссылкой на конвергенцию, влияние или наследственность.

Нормативные построения связаны с реконструкцией разнообразных культурных норм в форме идей, верований и т. д., а динамичные интерпретации — с восстановлением целых «систем поведения». Несмотря на описанные различия, четких границ, конечно, между выделенными разновидностями интерпретаций провести невозможно. Нет принципиальных различий и в процедурах. Даже «динамичные интерпретации» — детище «процессуальной», или «системной», археологии (Бинфорд, Флэнери и др.) — не исключение. Центральное для нее понятие «модели», осознанно это или нет, присутствует, как показал Д. Кларк, в любом интерпретационном построении [7, с. 3]. Поэтому не случайно Ж.-К. Гарден центр своего анализа переместил от формы к содержанию интерпретаций, заключающемуся в переходе от первоначального описания (экспланандума) к концептуальным предложениям (экспланансу) или наоборот (индукция или дедукция).

Ясность и проверяемость — основное требование Ж.-К. Гардена к объяснительным построениям.

Безусловно, наиболее ценный результат анализа заключается в выводах Ж.-К. Гардена о вероятностном характере археологических объяснений. В археологических интерпретациях, по его мнению, нет места строго индуктивным и дедуктивным процедурам и гипотетико-дедуктивный подход не симметричен индуктивному. Связь умозаключений такова, что археологу постоянно приходится выбирать между двумя или несколькими «правдоподобными» выводами, так что с логической точки зрения возможно несколько формально правильных выводов. На эту двусмысленность оснований указывают и другие исследователи (М. Сальмон, Б. Смит и др.) [8, с. 459—470; 9, с. 598—615]. Причину возможного существования двух или более «достоверных» объяснений Ж.-К. Гарден видит в их опоре на различную логико-семантическую организацию знания, причем в каждом отдельном случае она может быть ясной и последовательной.

При таком подходе естественным было бы ожидать, что процедуру проверки Ж.-К. Гарден свяжет с анализом именно логико-семантической организации знания и в конечном счете с проверкой теоретических постулатов, лежащих в их основе. Но он ограничился лишь изложением процедуры эмпирической проверки, что, ко-

[2] На ошибочность такого подхода уже указывалось в литературе [6, с. 56—58].

нечно, ослабляет всю концепцию, так как ни верификация (у Ж.-К. Гардена — диагностический тест, с. 128—129), ни фальсификация не могут быть окончательными и решительными проверками именно в силу своей эмпиричности. В лучшем случае они способствуют преобладанию одной гипотезы над другой [10, с. 113—115].

Проверка в системе Ж.-К. Гардена — последний блок, придающий, по его мнению, всей процедуре исследования динамический циклический характер. В окончательном виде она выглядит как последовательность операций по отбору данных, их описанию, упорядочиванию и интерпретации, при этом отбор и описание, а через них и другие процедуры непосредственно зависят от целей исследования. Завершается процедура проверкой, которая одновременно является предпосылкой к новому витку, уточняющему выявленные расхождения гипотезы с фактами. Новая проверка — и еще один виток, ... и так до тех пор, пока «автор не решит, что разрыв между фактами и теорией ... нулевой или минимальный» (с. 144). Однако оценить действительность разрыва при таком подходе вряд ли возможно, так как остаются непроверенными сами «логико-семантические правила интерпретации». Думается, что процесс археологического исследования имеет более сложную структуру, чем предложенная Ж.-К. Гарденом схема.

Несколько слов о методе анализа. Ж.-К. Гарден объявил себя сторонником «логицизма», с этих позиций и подошел к археологии. Анализ с помощью методов логической формализации и схематизации — суть подхода. Заимствовав его из логического позитивизма, Ж.-К. Гарден, естественно, унаследовал и его недостатки, главный из которых заключается в том, что, какой бы успешной ни была логическая схематизация, она не отвечает на вопрос о функциях, которые тот или иной прием выполняет. Другое ограничение — в ориентации метода на анализ структуры существующего знания, не затрагивающий процессы генезиса знания [11, с. 39—40]. Поэтому не случайно книга Ж.-К. Гардена представляет анализ разнообразных археологических «письменных текстов». Все это лишний раз демонстрирует влияние философских воззрений на конкретные научные исследования.

Метод, использованный Ж.-К. Гарденом, более пригодным оказался для анализа на дескриптивном уровне как менее связанном с культурным содержанием материала и привел к более банальным выводам при анализе объяснительных конструкций. Это, по-видимому, указывает на необходимость иного подхода к анализу на «культурном» уровне обработки информации.

Перечисленные вопросы, конечно, не исчерпывают всего содержания книги. Полезна и интересна глава, посвященная форме археологических публикаций. Основные требования к публикациям Ж.-К. Гарден сформулировал в шести принципах, смысл которых в приведении к соответствию структуры изложения процедуре исследования (с. 155—164). В этой же главе изложены отдельные приемы преодоления последствий «информационного взрыва» в археологии.

В заключение следует сказать, что, несмотря на присутствие в книге рекомендаций и советов, это не учебник и не справочник. Автор предлагает своеобразный подход, аргументированную концепцию, не скрывая при этом спорных мест. Непривычные идеи разъясняются на примерах. Наглядность восприятия обеспечена многими оригинально составленными таблицами. Очень удобен и словарь основных определений, помещенный в конце книги. Убедительно изложена критика некоторых широко распространенных предубеждений и мнений (например, о возможности создания универсального языка описаний). Интересны предложения Ж.-К. Гардена об организации археологических публикаций, о введении понятия «экофакты» (с. 5) и т. п., которые, конечно, привлекут внимание. В немалой степени быстрому «освоению» книги способствуют ясный, простой, лаконичный язык и систематичное изложение материала.

Завершая рецензию, отметим, что проблема логико-методологического анализа остается важной и долгосрочной задачей, на пути к решению которой книга Ж.-К. Гардена — заметный шаг вперед.

Трифонов В. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалевская В. Б.* Центр анализа археологических источников во Франции.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.: Наука, 1970.
2. *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М.: Наука, 1975.

3. *Clark D. L.* Archaeology: the loss of innocence.— Antiquity, 1973, 47.
4. *Rouse J.* Analytic, synthetic and comparative archaeology.— In: Research and Theory in Current Archaeology. New York, 1973.
5. *Moberg C.-A.* Introduction till Arkeologi. Stockholm, 1969.
6. *Клейн Л. С.* Понятие типа в современной археологии.— В кн.: Типы в культуре. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.
7. *Clark D. L.* Models in Archaeology. Methuen. London, 1972.
8. *Salmon M. H.* Confirmation and explenation in archaeology.— American Antiquity, 1975, v. 40.
9. *Smith B.* Archaeological inference and inductive confirmation.— American Anthropologist, 1977. Vol. 79, № 4.
10. *Клейн Л. С.* Структура археологической теории.— ВФ, 1980, № 3.
11. *Лекторский В. А., Швырев В. С.* Методологический анализ науки.— В кн.: Философия. Методология. Наука. М.: Наука, 1972.

Binford S. R. A structural comparison of disposal of the dead in the Mousterian and Upper Paleolithic.— Southwestern Journal of Anthropology, 1968, v. 24, N 2, p. 139—154; **Harrold F. B. A survey and formal analysis of Middle and Upper Paleolithic burials from Europe and Southwest Asia.** The University of Chicago. Chicago, Illinois, 1974. 63 p.; **Harrold F. B. A comparative analysis of Eurasian Paleolithic burials.**— World Archaeology, 1980, v. 12, N 2, p. 195—211.

Попытки сравнения средне- и верхнепалеолитических погребений предпринимались не единожды. Но, как правило, работы такого рода были плохо фундированы, так как базировались на искусственно ограниченном количестве источников, критика которых чаще всего отсутствовала, из-за чего выводы носили в основном декларативный характер. На этом фоне наиболее обоснованными представляются статья С. Р. Бинфорд «Структурное сравнение захоронения умерших в мустье и верхнем палеолите» (1968 г.) и работы Ф. Б. Харрольда «Обзор и формальный анализ средне- и верхнепалеолитических погребений Европы и Юго-Западной Азии» (1974 г.) и «Сравнительный анализ палеолитических погребений Евразии» (1980 г.) [1].

Задачи, поставленные в рецензируемых работах, по существу сходны между собой. Исследование Бинфорд было предпринято «с двумя кардинальными целями: первая — установить степень географической и временной изменчивости, характеризующей погребальную практику внутри каждого рассматриваемого периода; вторая — провести сравнение между мустьерским и верхнепалеолитическим обращением с умершим, с учетом его пола и возраста на основании предположения о том, что различия в погребальном ритуале означали различия, осознаваемые при жизни» (1968, с. 139).

Цель работы Харрольда — «развить тот тип научного изыскания, который был предпринят» его предшественниками и «в особенности С. Р. Бинфорд» (1974, с. 1). Более же специфические цели его исследования состояли в том, чтобы: «1. Рассмотреть настолько тщательно, насколько это возможно, те остатки средне- и верхнепалеолитической Европы и Юго-Западной Азии, которые уверенно могут быть определены в качестве погребений, включая данные о возрасте и поле, могильной обстановке (grave furnishings), положении тела, датировке, ассоциирующейся индустрии и т. д. 2. Представить обобщения, статистически подтвержденные когда возможно, формальных характеристик этих погребений, с рассмотрением вероятных культурных связей, сконцентрированном на сравнении средне- и верхнепалеолитических погребений и внутри них» (1974, с. 2).

Оба исследователя методически верно подходят и к проблеме изучения погребальной практики в целом, и к проблеме изучения погребальной практики в эпоху палеолита в частности. Представляются обоснованными и принятые в работах

[1] Первая работа Харрольда была представлена в отдел антропологии Чикагского университета на соискание степени бакалавра, а вторая является сильно сокращенным и несколько видоизмененным вариантом первой. В работе 1980 г. до некоторой степени изменена структура текста и значительно сокращен список использованной литературы, хотя в него и включены издания последних лет. Что же касается изменений частного характера, то они свелись лишь к пертурбации находок из Староселья и Ташик-Таш, но не оказали никакого воздействия на выводы последней публикации. По этой причине более подробно будет рассмотрена первая из упомянутых работ Харрольда, которая, в отличие от второй, дает возможность оценить и источниковедческую часть исследования, на которой заострено основное внимание в рецензии.

оценки возможностей получения надежной информации, заложенной в материальных остатках, и ее интерпретации. Более того, в первой работе Харрольда правильно поставлен вопрос о соотношении материального и не материального в погребальных обрядах и о целесообразности привлечения этнографических данных для интерпретации древнейших погребений. К такой возможности он относится довольно скептически, опираясь в своих рассуждениях (и вполне справедливо) на неоднозначность этнографических свидетельств и предлагая брать от материала только то, что в нем действительно содержится. Не навязывать археологическому материалу собственных «фантазий», особенно из сферы понятий о религиозных представлениях, подкрепленных этнографическими параллелями, которые могут «выступать как за, так и против любых утверждений...» (1974, с. 29). Такую постановку вопроса можно только приветствовать. Действительно, трудности в интерпретации идеологических представлений, реконструируемых только по материальным остаткам, да и сами реконструкции такого рода, «вне оценки их собственной вероятности, заключаются в том, что они непроверяемы» (1980, с. 195).

В чем-то схожи и вводимые авторами дефиниции, на основе которых происходит отбор исходного материала. «Случаи, трактующиеся как погребения в исследованном ряду примеров, включают наличие выкопанной могилы и (или) расположение в определенном порядке тела или частей его, что, по-видимому, устраняет (мысль о воздействии.— *Ю. С.*) естественного фактора. Следовательно, термин «погребение» означает преднамеренный погребальный обряд и необязательное помещение останков в закрытую могилу»,— полагает Бинфорд (1968, с. 140—141).

Ф. Харрольд дает более развернутое определение. Он пишет, что при решении вопроса о том, образует ли набор остатков погребение, наиболее важными необходимо считать следующие факторы: «1) Степень комплектности тела: в случаях ингумации тело имеет больше шансов сохраниться неповрежденным, чем тело оставленное (на поверхности.— *Ю. С.*), хотя разрушения тоже возможны. 2) Положение тела: во многих погребениях тело находится в искусственной позе (например, сильно скорчено), которая подразумевает преднамеренное посмертное размещение. 3) Присутствие могильных предметов (погребального инвентаря — grave goods.— *Ю. С.*) или обстановки; однако может возникнуть проблема отделения погребального инвентаря от разбросанных в беспорядке предметов, которые оказались по соседству с телом, связанная с существованием хаоса на местах обитания. 4) Связь с ямами или другими остатками человеческой деятельности. Однако ямы иногда трудно проследить ; эта проблема особенно значима при оценке раскопок XIX и начала XX вв. При рассмотрении вышеприведенных факторов и учитывая сопутствующие им трудности, не всегда было возможно составить абсолютно точное суждение и принять абсолютно точное решение. И если я не был достаточно уверен в том, что рассматриваемый случай является погребением, он не включался в данное исследование» (1974, с. 5—6).

Здесь необходимо вспомнить, что в процессе изучения археологических памятников с ископаемыми человеческими остатками эпохи палеолита вопрос о том, какие же из них считать преднамеренно погребенными, а какие не считать за таковые, является кардинальным. В конечном счете, именно от его решения зависит, какой материал послужит базой для исследования. В общем и целом, оба представленных критерия можно признать верными. Вероятно, подход Харрольда является более обоснованным и дифференцированным, что позволяет ему сравнительно строго и аргументированно оперировать исходным материалом. Однако в формулировках обоих исследователей присутствуют некоторые элементы авторского произвола. Так, довольно общая дефиниция, представленная Бинфорд, предполагает «необязательное помещение останков в закрытую могилу», давая основания объявить погребением фактически любые из обнаруженных человеческих остатков, что может быть и вероятно, хотя и совершенно недоказуемо. В противоположность этому, введение в дефиницию расплывчатого тезиса о «расположенном в определенном (выделено мною.— *Ю. С.*) порядке теле или отдельных частей его» (по мнению Бинфорд, это устраняет действие естественных факторов) оставляет совершенно неясным — что же относить к определенному расположению, а что нет. Такая посылка позволяет априорно считать одни человеческие остатки преднамеренно погребенными, а другие не считать таковыми.

Сходную позицию занял, в конце концов, и Харрольд, оставив за собой право, включать или не включать те или иные останки в число погребений, если в этом

Таблица 1

Мустьерские погребения

По С. Бинфорд, 1968 г.	По Ф. Харрольду, 1974 г.	По Ф. Харрольду, 1980 г.
	Франция	
Ля Кина (2) Пеш де ль'Азе (1) Ля Ферраси (6) Ля Шапель-о-Сен (1)	Пеш де ль'Азе (1) Ля Ферраси (6) Ля Шапель-о-Сен (1) Ле Мустье (2) Регурду (1) Рок де Марсаль (1)	Пеш де ль'Азе (1) Ля Ферраси (6) Ля Шапель-о-Сен (1) Ле Мустье (2) Регурду (1) Рок де Марсаль (1)
	Бельгия	
	Спи (2)	Спи (2)
	Италия	
Монте-Чирчео (1 погребение и 2 в обломках)	Монте-Чирчео (1)	Монте-Чирчео (1)
	СССР	
Тешик-Таш (1)	Староселье (1) Киик-Коба (2)	Тешик-Таш (1) Киик-Коба (2)
	Израиль	
Амуд (1) Схул (10 погребений, плюс фрагменты от 16) Табун С (2, плюс фрагменты) Шукба (7)	Амуд (1) Схул (7) Табун (1) Кафза (4)	Амуд (1) Схул (7) Табун (1) Кафза (4)
	Ирак	
	Шанидар (5)	Шанидар (5)

Примечание. Цифра в скобках указывает число «погребенных» индивидуумов. Все погребения, кроме погребений Кафзы (здесь 1965—1969 гг.), открыты и опубликованы до 1962 г

не было достаточной, но, судя по его работе, субъективной уверенности, а не объективно оцененных оснований.

Все это, разумеется, не преминуло сказаться на материале — на числе и характере памятников, отобранных для исследования в рецензируемых работах, на качественных и количественных признаках, анализируемых авторами, и соответственно на полученных выводах.

В качестве признаков, выделенных для анализа погребений, Бинфорд учитывает следующие: «1. *Положение тела*; 2. Ориентировка тела; 3. Взаимоотношение погребений или частей тела с характеристиками стоянки; 4. *Погребальный инвентарь*; 5. *Пол и возраст индивидуумов;* 6. *Культурная принадлежность*» (1968, с. 141). Список признаков, вводимых Харрольдом, включает: «1. *Пол и возраст*; 2. Коллективность захоронения; 3. Датировка; 4. *Погребальный инвентарь*; 5. Другие погребальные характеристики (связь с кострищем, каменные и (или) костяные структуры на или вокруг могилы, ассоциирующиеся, близкорасположенные ямы, структуры и проч.); 6. *Положение тела*; 7. Особое обращение с остатками (кремация и др., например, изолированные черепа); 8. *Культурная принадлежность*» (1974, с. 42—43) [2]. Как видно, круг анализируемых признаков у Харрольда несколько шире, чем у Бинфорд. Но почему-то опущены такие признаки, как ориентировка и взаимоотношение погребения с характеристиками стоянки. С другой стороны, оба автора вводят только обобщенные характеристики описываемых признаков. Един-

[2] Курсивом выделены совпадающие признаки.

ственное отличие состоит в том, что признаки, введенные Бинфорд для описания положения тела, имеют достаточно дробное деление: отдельно рассматриваются некоторые варианты положения головы, рук и ног, но при этом положение корпуса почему-то не принимается во внимание. В работе Харрольда эти признаки сведены к четырем характеристикам: «вытянутое положение тела, слабосогнутое, сильносогнутое и прочие» (1974, с. 42) [3], что кажется явно недостаточным, так как далеко не исчерпывает того разнообразия поз, которое зафиксировано в палеолитических погребениях.

На основании вышеизложенного представляется, что достаточно будет критически оценить только одну группу памятников, анализируемых авторами, как будет снята необходимость в пересмотре всей источниковедческой базы указанных работ. Некорректное обращение с источниками одной группы памятников среднепалеолитических погребений, что будет показано ниже, резко снижает объективность выводов как при внутригрупповом, так и при межгрупповом анализе.

Рассмотрим группу среднепалеолитических погребений (табл. 1). Выборка Бинфорд представлена 13 местонахождениями с «погребениями», где имеется 37 полных или частично сохранившихся «неандертальских» индивидуумов (1968, с. 140—144, табл. 3) [4]. Выборку Харрольда составляют 36 индивидуумов из 15 местонахождений (1974, с. 6—13, 43—44; 1980, с. 199, табл. 1).

Как видно из таблицы, авторы иногда расходятся во мнениях относительно того, какие мустьерские памятники, давшие человеческие остатки, включать в число содержавших преднамеренные захоронения, а какие нет [5].

---

[3] В связи с тем, что в статье Бинфорд для читателя остается неясным, какими именно признаками обладает, с ее точки зрения, то или другое конкретное погребение, рецензенту придется ограничиться разбором реальных признаков, приведенных Харрольдом в таблице исходного материала (1974, с. 43—44).

[4] В статье Бинфорд имеются некоторые числовые несовпадения. В табл. № 3 случаи, расцененные как погребения (они отмечены звездочкой), представлены 32 индивидуумами из 10 местонахождений. Видимо, в ходе публикации несколько таких пометок было утрачено. По всей вероятности, не были отмечены следующие местонахождения: Спи в Бельгии, Регурду во Франции и Кипк-Коба в СССР, как правило включающиеся в сводки мустьерских погребений. В общей сложности они дают как раз пять индивидуумов, недостающих до указанного в тексте числа. Помимо погребений Бинфорд анализирует еще «по крайней мере 39 дополнительных индивидуумов, чьи останки обнаружены в культурных отложениях» (1968, с. 141, табл. 3). Бинфорд не рассматривает эти останки в качестве погребений, но все же устанавливает существование разницы между теми частями тела, которые были обнаружены в отложениях мустьерских стоянок Европы и Ближнего Востока, и находит эту разницу не случайной. Согласно ее данным, между некомплектными остатками в указанных регионах имеются существенные качественные различия, ибо европейские памятники представлены в основном краниальными остатками, а ближневосточные — посткраниальными (1968, с. 143). К сожалению, эти выводы базируются на недостаточных в количественном отношении данных, поскольку некомплектные остатки палеоантропов являют собой гораздо более внушительную серию, чем использованная в работе Бинфорд. Кроме того, цифра 39, указывающая на число проанализированных «дополнительных индивидуумов», не совпадает с табличными данными. Но если вывод о неслучайном распределении некомплектных остатков подтвердится в дальнейшем, это позволит заново обосновать гипотезу о существовании в среднем палеолите намеренного погребения отдельных частей человеческого тела.

[5] Напомним, что не существует ни одной оригинальной работы, которая совпадала бы с другой по числу мустьерских погребений, рассматриваемых в качестве преднамеренных. Это вызвано несколькими обстоятельствами: 1) по общему признанию, мустьерские погребения представляют собой первые в истории следы погребальной практики, а формы любого исторического явления, находящегося в процессе зарождения и становления, трудно распознаваемы и принципиально трудно оцениваемы; 2) ретроспективный путь исследования такого явления всегда ведет к созданию слишком жестких или, наоборот, слишком пластичных критериев, на основе которых происходит отбор и оценка анализируемого материала; 3) более чем полувековая история признания самого факта существования среднепалеолитических погребений, а главное, история их открытия, ясно показывают, что отсутствие «априорной гипотезы» о возможности существования погребального ритуала в среднем и даже в верхнем палеолите вело к абсолютно неудовлетворительной (с точки зрения современных требований) фиксации не только археологического контекста, но и самих человеческих останков. Внимание уделялось лишь факту наличия костей в слое, а их археологическое окружение фиксировалось не более чем с позиции подтверждения или неподтверждения древности ископаемых остатков. В связи с этим указания на преднамеренность захоронения, возможно существовавшие в контексте памятника, оставались за рамками восприятия исследователей — доминировала гипотеза естественного погребения (например, под обвалами), поэтому не отмечалась ни система рас-

Рассмотрим предложенные авторами выборки мустьерских погребений. С. Р. Бинфорд включает в число погребений комплектные остатки женщины и изолированный череп ребенка, обнаруженные на стоянке Ля Кина. Стоянка Ля Кина (Франция, департамент Шаранта, в 25 км к югу от Ангулема) — местонахождение с многочисленными остатками людей среднего и, в меньшем числе, верхнего палеолита — была открыта в 1881 г. [1, с. 161—163]. Это так называемое скальное убежище «верховья», т. е. находящееся выше по течению ручья Вильтрон, чем обнаруженное вместе с ним местонахождение, расположенное ниже по течению [2, с. 94—99]. Скелет женщины был раскопан А. Мартеном в 1911 г. в слое 3, а череп ребенка — в 1915 г. в слое 2 (слои 2 и 3 характеризуются мустьерской индустрией типа Кина [2, с. 98—99]). Включение в выборку женского скелета, который обычно не рассматривается как преднамеренно погребенный, Бинфорд обосновывает следующим образом: «Публикация Ля Кина показывает, что скелет был найден в убежище со многими костями в сочленении. По Мартену, это были остатки затонувшего неандертальца, тело которого случайно вымыто на середину мустьерской стоянки. Эта формулировка была отвергнута по аксиоме бритвы Оккама» (1968, с. 140). Очевидно, что это лишь одно из возможных оснований для введения данной находки в число погребений, но недостаточное. Введение в работу Бинфорд черепа ребенка из Ля Кина никак не обосновывается. По-видимому, вместе с находками из Монте-Чирчео и Пеш де ль'Азе (см. ниже) он автоматически попадает в ряд изолированных черепов, которые исследовательница рассматривает в качестве погребений. Но так как основания для подобного рассмотрения остались за рамками статьи (исключение составляют только аргументы в пользу введения в выборку черепа из Монте-Чирчео), этот факт вызывает недоумение. Среди «дополнительных 39 индивидуумов», остатки которых, по Бинфорд, не есть погребения, указаны и изолированные черепа, происходящие из таких местонахождений, как Девилс Тауэр, Форбс Квери, Саккопасторе. Энгис и Зуттие (1968, табл. 3).

Ф. Б. Харрольд не включал в свою сводку женский костяк из Ля Кина на основании «его специфического положения в том месте, которое Мартен определил как старое русло потока, и в связи с тем, что раскопщик не упоминал ямы, могильных приношений и других явных признаков погребения, а Б. Вандермеерш отмечал, что отложение, наклонно накопленное у основания 11-метровой скалы, все же не похоже на место погребения» (1974, с. 13). Но у Вандермеерша речь идет не о месте, неподходящем для погребения, а о месте, неподходящем для поселения, кроме того, он не приводит аргументов, объявляя отложения стоянки нежилыми слоями [2, с. 95] [6].

Для включения в выборку изолированного черепа из Пеш де ль'Азе у Бинфонд, видимо, имелись те же основания, что и для включения в нее черепа ребенка из Ля Кина. Пеш де ль'Азе (Франция, департамент Дордонь, в 5 км к югу от Сарла) — пещера, разрезающая крайнюю оконечность скального выступа, расположенного над маленькой сухой долинкой. Пещера имеет два входа, соединенных в глубине коридором с перемешанными слоями. Она условно разделена на два местонахождения: Пеш де ль'Азе 2 — северо-западное и Пеш де ль'Азе 1 — юго-восточное (так называемое «классическое»). В последнем, археологически известном уже с 1815 г., Д. Пейрони и обнаружил в 1909 г. раздавленный череп ребенка ([3] цит. по [2, с. 123]). Точное стратиграфическое положение черепа

положения найденных останков, ни обстановка, их окружавшая. С другой стороны, уже в первой четверти XX в. возникла парадоксальная ситуация, заключавшаяся в том, что для археологов, признавших факт существования погребальной практики в палеолите, достаточно было даже одного признака, указывающего на преднамеренность погребения (к примеру, наличие могильной ямы), чтобы остальные признаки (например, поза погребенного) оставлялись без внимания или фиксировались явно недостаточным образом. Кроме того, отсутствие ряда современных методов исследования (например, палинологического) крайне затрудняет применение объективных критериев оценки старых материалов.

Таким образом, создавшееся положение не выглядит необъяснимым, но приводит к закономерному выводу о том, что анализ мустьерских погребений требует сугубо дифференцированного подхода к каждому памятнику и к каждому индивидууму в отдельности, что в данной области знания вообще и в рецензируемых работах в частности, к сожалению, не наблюдается.

[6] Изолированные черепа, кроме черепа из Монте-Чирчео, окруженного кольцеобразным сооружением из камней, не рассматриваются в работах Харрольда, вероятно, по причине отсутствия связанных с ними искусственных конструкций.

осталось неизвестным, поскольку единственная публикация об открытии черепа почти не содержит стратиграфических указаний. Стратиграфия этого участка была реконструирована Ф. Бордом, открывшим, совместно с М. Бургоном, Пеш де ль'Азе 2 и производившим раскопки на площадке Пеш де ль'Азе I, недалеко от местонахождения черепа. Предположительно, череп был обнаружен в слое 4, характеризующемся мустьерской индустрией с ашельской традицией [2, с. 78—80].

Ф. Б. Харрольд включает данную находку в свои работы на иных, чем Бинфорд, основаниях. Для него нахождение изолированного черепа еще не является показателем существования преднамеренного погребения (1974, с. 13—14). Исследователь полагает, что Пейрони «нашел там п о г р е б е н и е (выделено мною.— *Ю. С.*) маленького ребенка» (1974, с. 7, 43), а не изолированный череп.

То, что оба автора относят человеческие остатки из Ля Ферраси к числу погребенных, кажется вполне правомерным. Там присутствовали все «традиционные» признаки погребений: ямы, элементы перекрытий, инвентарь и т. п. Ля Ферраси (Франция, департамент Дордонь, в 40 км к юго-востоку от Периго) — юго-восточное укрытие или «Большой Навес» было открыто в 80-х годах XIX в. и систематически исследовалось Д. Пейрони и Л. Капитаном с 1899 г. В основании нижнего мустьерского слоя (уровень С — шарантское мустье типа Ферраси) на протяжении 1909—1921 гг. Пейрони и Капитан вскрыли шесть мустьерских погребений [4]. Как выяснилось позднее, одно из погребений оказалось парным (№ 4а, б) [1, с. 112; 5, 6, с. 37]. В 1973 г. А. Дельпорт обнаружил в том же слое останки еще одного индивидуума [6, с. 39—40; 7, с. 10]. Таким образом, в Ля Ферраси было найдено 8, а не 6 субъектов (ср.: Харрольд, 1974, с. 7, 43; 1980, с. 200). Кроме того, вряд ли можно признать верным утверждение, что все женские среднепалеолитические погребения были безынвентарными (1974, с. 33, 43, 44, 47), поскольку с женским костяком из Ля Ферраси (№ 2), вероятно, были связаны несколько предметов из камня и кости, а также зубы и кости полорогих [6, с. 28, рис. 10]. По крайней мере, их можно было бы ввести в сводку на тех же основаниях, на которых Харрольд вводит орудия и кости животных, ассоциирующиеся с мужским костяком из Ля Ферраси (№ 1), т. е. в качестве предметов, возможно сопутствовавших этому погребению (1974, с. 43). Есть основания полагать, что и детские погребения № 3 и № 4а, б тоже были снабжены инвентарем [4, с. 29; 6, с. 28; 8, с. 344] ([8] цит. по [25, с. 41]). Относительно двух других детских погребений (№ 5, 6) Харрольд верно отмечает, что они сопровождались инвентарем. Что же касается положения погребенных, то, видимо, не следует расценивать как «сильно согнутое» положение скелета Ля Ферраси I, ибо поза этого погребенного скорее среднескорченная — сходная с позами погребенных Ля Шапель-о-Сен и Схул 5 (положение которых также неверно указано как сильно скорченное). Во всяком случае, их нельзя ставить в один ряд с такими действительно сильно скорченными костяками, как Ферраси 2, Шанидар 4, Шанидарский младенец, Амуд 1 и другими, упоминающимися у Харрольда (1974, с. 43—44). Едва ли можно назвать вытянутой и позу погребенного Ле Мустье 1 (1974, с. 43), которая, по всей вероятности, чем-то напоминала позу погребенного Схул 4, т. е. была среднескорченной. И последнее — указание на «сильно согнутое положение погребенного Ферраси 5» (1974, с. 43) проблематично, Дело в том, что положение скелетных остатков в этом погребении не было зафиксировано на месте, и Пейрони высказал мнение о сильной скорченности тела предположительно, «на основании небольших размеров ямы» — 40×32 см [4, с. 31—32]. Но так как погребение принадлежало 6—7-месячному зародышу, то в могильной яме с такими параметрами оно могло находиться как в сильно-, средне-, так и в слабоскорченном положении.

С. Р. Бинфорд исключает из числа погребений погребение юноши, открытое в Ле Мустье. Нижний грот Ле Мустье (Франция, долина Везеры, в 37 км к юго-востоку от Периго, на территории коммуны Пейзак в Дордони), в отличие от Верхнего грота, исследовавшегося уже с 1863 г. Э. Ларте и А. Кристи, начал изучаться только с 1907 г., когда О. Гаузер произвел там первые раскопки. 7 марта 1908 г. раскопки завершились открытием погребения юноши, позднее получившего наименование Ле Мустье 1 [9; 10; 1, с. 149—150] ([10] цит по [2, с. 123]). Второе погребение (Ле Мустье 2) обнаружил в том же гроте шесть лет спустя Д. Пейрони [11]. Точное стратиграфическое положение скелета Ле Мустье I осталось неизвестным. Все же, опираясь на данные, опубликованные Гаузером, его можно было бы отнести к слою Н (мустье с ашельской традицией), при условии отсутствия

интрузии из слоя J (типичное мустье), зафиксированной Пейрони для погребения Ле Мустье 2. Но Гаузер не отметил ни наличия ямы, ни каких бы то ни было нарушений слоев, поэтому данный вопрос, по-видимому, так и останется нерешенным. По словам Бинфорд, юноша из Ле Мустье был «несомненно похоронен своими современниками, но был вскрыт и перезахоронен несколько раз раскопщиками...», вследствие чего «...положение скелета и связанных с ним вещей было нарушено» (1968, с. 140). С этим тезисом в целом трудно согласиться. Данные, приводимые Гаузером, как будто бы могут быть использованы для получения определенной информации о погребении. В ходе раскопок были случайно сняты и незафиксированы только кости левого предплечья и нижних конечностей, а все остальные кости остались на месте и не перезахоранивались. Они были лишь трижды частично расчищены в целях демонстрации посетителям, которые должны были засвидетельствовать — и, судя по протоколам [9], свидетельствовали — положение костей in situ, после чего кости вновь засыпались землей. Окончательная расчистка, фиксирование положения обнаруженных остатков и их снятие были произведены 10—12 августа того же года антропологом Г. Клаачем в присутствии членов экскурсии Франкфуртского антропологического конгресса, подтвердивших ненарушенность позиции погребенного, которого, кстати, из-за плохой сохранности костей туловища и таза [9, с. 290] невозможно было перезахоронить не только несколько, но и один раз. Впрочем, сам факт перезахоронения относительно целого человеческого скелета без нарушения анатомической связи, особенно между костями корпуса, представляется совершенно фантастичным. Детское погребение (Ле Мустье 2), поза которого, кстати сказать, не была зафиксирована, а сами кости утрачены, в статье Бинфорд не упоминается. А для Харрольда введение этого погребения в круг исходных памятников само собой разумеется, так как оно было совершено в яме [11, с. 159—161].

Что касается погребения Ле Мустье 1, то Харрольд, процитировав вышеприведенные слова Бинфорд, касающиеся недоброкачественности этого источника, не счел нужным, как это ни странно, ничего к ним добавить и включил его в свою выборку. Остается неясным, какие были основания, для того чтобы обозначить позу погребенного как вытянутую, поскольку во время раскопок положение нижних конечностей не было зафиксировано, но отмечалось, что правая рука была согнута, левая — вытянута, а Клаач «констатировал положение погребенного в позе спящего» [9, с. 287, 289—290], тоже ничего не сообщив о положении ног покойника. Кроме того, возраст данного индивидуума, определяющийся в 15—18 лет [1, с. 150], вряд ли можно расценивать как детский (1974, с. 43).

Погребение из Рок де Марсаль, обнаруженное Ж. Лафилем в 1961 г., осталось за рамками работы Бинфорд. Грот Рок де Марсаль (Франция, коммуна Шампань дю Бюг в Дордони, в 40 км юго-восточнее Перигё), расположенный на небольшом утесе, который возвышается над долиной, спускающейся к р. Везере, в археологическом отношении впервые начал исследоваться Лафилем с 1954 г. По прошествии семи лет здесь, в слое 1, было найдено детское погребение, совершенное в яме, размерами примерно 90×70 см. По предположению автора открытия, данное погребение было оставлено обитателями мустьерского слоя V (типичное мустье [12, с. 715]). Харрольд вводит данное погребение в число рассматриваемых памятников, но допускает при этом несколько ошибок. Индустрию слоя он слишком обобщенно определяет как «западное мустье», а в связи с могилой упоминает камни и кострища (1974, с. 43). О маленьких песчаниковых блоках, «окружавших яму», говорится в работе Р. Жюльена [13, с. 168], на которую ссылается Харрольд, хотя в авторской публикации речь идет лишь о слое желтого разложившегося песчанистого известняка, перекрывавшем могильную яму, заполненную черной землей [12, с. 715]. Откуда взята информация о кострищах, связанных с погребением, остается неясным. Помимо этого у Харрольда в графе «положение тела» проставлен вопросительный знак, что не отвечает действительности, так как положение тела этого погребенного, правда крайне своеобразное — на правом боку, с согнутыми и заведенными за спину ногами, было зафиксировано и его можно отнести к числу сильно согнутых позиций.

По традиции, сложившейся почти полвека назад, костные остатки из Спи (Бельгия, провинция Намюр, в 460 м по прямой на юго-восток от станции Онос на левом берегу р. Орно), открытые М. Лоэ и М. де Пюи в 1886 г., рассматриваются большинством авторов как преднамеренно погребенные. Грот Спи, на площадке перед которым, по сообщению Ж. Фрэпона и М. Лоэ, и были найдены остатки

двух взрослых индивидуумов, расположен на крутой и лесистой стороне горы, в основании большого выступа скалы [14, с. 622, 665, 676—677]. Костные остатки людей обнаружены были в слое F, но тип сопутствовавшей индустрии остался не ясен. Ф. Борд предположительно связывал костные остатки из Спи с индустрией типа Кина [15, с. 154—157]. Вероятно, по традиции, и Бинфорд должна была ввести в свою сводку находки из Спи в качестве преднамеренных погребений (см. примеч. 4), как это сделал и Харрольд, не аргументируя свою точку зрения. В данном случае действительно трудно приводить аргументы (они практически отсутствуют) как против, так и в пользу данной гипотезы. Единственным, но вполне весомым доводом может быть комплектность и сравнительно хорошая сохранность обнаруженных остатков, вероятнее всего свидетельствующие о том, что в Спи все-таки были открыты преднамеренные погребения, так как сохраняющее воздействие погребальных сооружений на останки умерших в жилом слое было несомненно значительным, а следов обвала, который мог законсервировать эти останки, раскопщики не отметили. Так что включение остатков из Спи в ряд преднамеренно погребенных представляется правомерным, но с одной поправкой, касающейся числа раскопанных субъектов. В начале 50-х годов стало известно, что в Спи в 1886 г. были обнаружены кости не двух, как полагали первооткрыватели и как сообщают Бинфорд и Харрольд, а трех индивидуумов [16, с. 41, 208; 17, с. 133—134]. Третьим оказался ребенок, два зуба и фрагменты правой большеберцовой кости которого [1, с. 12—13] были идентифицированы среди неопределенных раскопщиками, а потом, увы, уже сильно разрозненных и частично утраченных к моменту идентификации костей взрослых субъектов. Таким образом, можно полагать, что в Спи помимо одиночного было открыто и парное погребение, в котором ребенок был захоронен с одним из взрослых индивидуумов.

С. Р. Бинфорд включает в свою работу находку из Тешик-Таш, обозначая ее как погребение. Грот Тешик-Таш (СССР, Узбекистан, юго-западные отроги Гиссарского хребта, 18 км на северо-запад от города Байсун, в ущелье Заутолош-Дара горной гряды Байсун-Тау, в долине р. Турган-Дарья) был раскопан А. П. Окладниковым в 1938—1939 гг. [18]. Погребение ребенка было обнаружено во время раскопок первого сезона. Оно было связано с культурными отложениями слоя 1, находясь частично в данном слое, но большей частью в лёссовой подстилающей глине, и окружено 5—6 парами козлиных рогов [18, с. 32—42]. Погребение ассоциировалось с мустьерской индустрией, неизменной, согласно Окладникову, во всех пяти выделенных им культурных горизонтах [18, с. 68]. В первой работе Харрольда погребению из Тешик-Таш посвящена всего одна фраза: «Наконец, погребение неандертальского ребенка из Тешик-Таш, в Узбекистане, Центральная Азия, было исключено, как слишком отдаленное (as too for afield)» (1974, с. 14). Однако в публикации 1980 г. Харрольд вводит Тешик-Таш в свою сводку, но зато исключает из нее Староселье (см. ниже), чем сохраняет и число представленных в работе памятников, и количество рассмотренных погребений (1980, с. 200).

В статье Бинфорд старосельская находка не фигурирует. Стоянка Староселье (СССР, Крым, восточная окраина города Бахчисарая, в пределах пос. Староселье, на левом берегу р. Чурук-су, в балке Канлы-Дере) была частично раскопана А. А. Формозовым в 1952—1956 гг. [19]. В 1953 г. там был обнаружен практически полный костяк ребенка, располагавшийся на границе двух слоев: слоя белой щебенки с культурными остатками мустьерского времени (слой 1) и стерильном слое железистоокрашенного гравия [19, с. 65]. В первой работе Харрольд анализирует погребение из Староселья, допуская единственную ошибку: он считает, что поза погребенного не была установлена (1974, с. 43). Однако из монографии Формозова, на которую ссылается Харрольд, следует, что поза погребенного ребенка была вытянутой[7]. В статье 1980 г. Харрольд не рассматривает Староселье на том основании, что якобы существуют сомнения относительно намеренной (purported) связи между человеческими остатками и мустьерским уровнем (1980, с. 199). При этом исследователь ссылается на статью Р. Г. Клейна [21]. Создается парадоксальная ситуация, так как в работе 1974 г. Харрольд вводит находку из Староселья в ряд

[7] То же касается и позы ребенка из грота Киик-Коба, которая, по Харрольду, не была установлена (1974, с. 43). Исследователь ссылается на книгу Г. А. Бонч-Осмоловского, из которой следует, что костяк ребенка находился в среднескорченном положении [20].

Таблица 2

Пол погребенных Мугарет эс-Схул

№	По Т. Д. Мак Коуну, 1937 г.	По Т. Д. Мак Коуну и А. Кейсу, 1939 г.	№	По Т. Д. Мак Коуну, 1937 г.	По Т. Д. Мак Коуну и А. Кейсу, 1939 г.
1	Женский	Мужской?	6	Женский?	Мужской
2	Женский?	Женский	7	Женский	Женский
3	?	Мужской	8	?	Мужской?
4	Мужской	»	9	Мужской	Мужской
5	»	»	10	Мужской?	Мужской?

анализируемых мустьерских погребений со ссылкой на ту же самую статью Клейна (1974, с. 10) [8].

Таким образом, источниковедческий анализ большинства европейских среднепалеолитических погребений в рассматриваемых работах и, соответственно, базирующиеся на нем выводы нельзя признать достоверными.

Тоже касается и ближневосточных среднепалеолитических погребений. В их числе Бинфорд упоминает семь погребений из пещеры Шукба (1968, с. 148): «Также необходимо отметить, что только одно коллективное погребение, зафиксированное в мустье (Шукба), встречено на Ближнем Востоке» и «...следует отметить, что описание семи погребений из Шукбы (Гаррод и Бейт, 1942) слишком кратко» (1968, с. 144). Деревня Шукба (Израиль), в полумиле к югу от которой находится пещера, расположена в 17,5 милях к северо-западу от Иерусалима. Пещера локализована в наиболее северной точке поворота вади Эн-Натуфи и лежит на 22 м выше ложа долины. В 1928 г. пещера была частично раскопана Д. А. Е. Гаррод [22]. Согласно Гаррод, в мустьерском слое D «...было обнаружено несколько человеческих фрагментов, а именно: небольшая часть височной кости и коренной зуб, фрагмент лобной кости, два дистальных конца бедренной кости и таранная кость» [22, с. 4]. Что же касается погребений, то, по Гаррод [22, с. 5—6], все они находились в вышерасположенном слое B натуфийской культуры. Каким образом они оказались у Бинфорд в списке мустьерских погребений, неизвестно, так как она опирается только на указанную публикацию Гаррод и Бейт.

Второй пример касается оценки, данной Харрольдом половому статусу погребенных из Схул [9]. Скальное убежище Мугарет эс-Схул (Израиль) является наиболее восточным местонахождением, состоящим из четырех пещер, расположенных на западном склоне горы Кармел, в Вади-эль-Мугара, близ Атлита и в 3,5 км от берега Средиземного моря. Эти пещеры изучались совместной Англо-Американской экспедицией в 1929—1936 гг. В 1931—1932 гг. Т. Д. Мак Коун — член Американской Школы Доисторических Исследований — полностью раскопал Мугарет эс-Схул, вскрыв на площадке перед убежищем остатки 10 индивидуумов, которые были признаны преднамеренно погребенными (Схул 1—10) и 16 фрагментов изолированных костей, первоначальный статус которых остался неопределенным [23, 24]. Все человеческие остатки происходили из слоя B и ассоциировались с индустрией леваллуа—мустье. Харрольд, считая, что «из десяти индивидуумов только семь могут быть уверенно расценены как погребения» — Схул 1, 3—5, 7—9 (1974, с. 11, 44; 1980, с. 200), дает им половые характеристики, принятые в полевых условиях и опубликованные в первом томе трудов экспедиции [10]. Однако впоследствии половой статус обнаруженных индивидуумов был пересмотрен в лабораторных условиях и после тщательного анализа по всем имевшимся в наличии признакам (не все погребенные были представлены комплектными остатками) половые характеристики некоторых из них были уточнены (табл. 2).

[8] Что касается «сомнений», то, по-видимому, необходимо было приложить невероятные усилия, для того чтобы найти их (сомнения) в недвусмысленном тексте Клейна: «Он (Формозов.— *Ю. С.*) и несколько его сотрудников убедительно установили геологическую связь скелета с костями животных и мустьерскими артефактами» [21, с. 48].

[9] Половые признаки наряду с погребальным инвентарем являются для Харрольда самыми характерными признаками, распределение которых он анализирует (1974, с. 29).

[10] Исключение составляет погребение Схул 9, определенное у Харрольда как женщина (1974, с. 44), тогда как, по Мак Коуну, это мужчина [23, с. 103].

Подобного рода неточности нельзя признать несущественными. Не только в работе Харрольда, но и в любой работе, посвященной анализу погребальных обрядов, половозрастные показатели погребенных играют особую роль, так как основные выводы большей частью базируются именно на половых и возрастных различиях погребенных. Следует учитывать и тот факт, что при малой выборке, которую представляют собой мустьерские погребения, и при отсутствии половых определений почти для половины всех известных к настоящему времени погребенных индивидуумов ошибочные данные могут не только исказить общую картину, но и привести к совершенно неверным заключениям.

Таким образом, приходится с сожалением констатировать, что несомненно важные с точки зрения поставленных проблем и в целом методически верные работы оказались во многом неудовлетворительными с точки зрения надежности источниковедческой базы. Это отрицательно сказалось на достоверности большинства сделанных исследователями выводов.

Смирнов Ю. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Catalogue of fossil hominids, part II: Europe / Ed. Oakley K. P., Campbell B. G., Molleson Th. I. London, 1971.
2. *Vandermeersch B.* Position stratigraphique et chronologie relative des restes humains du paléolithique moyen du sud-ouest de la France.— Annales de Paléontologie. Paris, 1965, t. LI.
3. *Capitan L., Peyrony D.* Deux squelettes humains an milieu des foyers de l'époque moustérienne.— Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Letters. Paris, 1909.
4. *Peyrony D.* La Ferrassie.— Préhistoire. Paris, 1934, t. III.
5. *Heim J.-L.* Les restes néandertaliens de la Ferrassie. Nouvelles données sur la stratigraphie et inventaire des squelettes.— C. R. Acad. Sci. Paris, 1968, t. 266.
6. *Heim J.-L.* Les Hommes fossiles de la Ferrassie.— Archives de l'Institut de Paléontologie Humaine. Paris, 1976, t. 1, mémoire 35.
7. *Delporte H.* Les sépultures moustériennes de la Ferrassie.— In: Les sépultures neandertaliennes. Colloque XII, IXe Congrès. Pars Valrose de l'Université de Nice. Nice, 1976.
8. *Breuil H.* Les observations sur les sépultures moustériennes.— L'Anthropologie, 1921, V, t. XXX.
9. *Klaatsch H., Hauser O.* Homo mousteriensis Hauseri.— Archiv für Anthropologie. Braunschweig, 1909, B. 7.
10. *Vallois H. V.* La découverte du squelette du Moustier.— L'Anthropologie. Paris, 1939, t. 49.
11. *Peyrony D.* Le Moustier. Ses gisements, ses industries, ses couches géologiques.— Revue anthropologique. Paris, 1930, t. 40, № 4—6.
12. *Bordes F., Lafille J.* Découverte d'un squelette d'enfant moustérien dans le gisement du Roc de Marsal, commune de Campagne-du-Bugue (Dordogne).— C. R. Acad. Sci. Paris, 1962, t. 254.
13. *Jullien R.* Les hommes fossiles de la pierre taillée. (Paléolithique et mésolithique). Paris, 1965.
14. *Fraipont J., Lohest M.* La race humaine de Néanderthal ou de Canstadt en Belgique. Recherches ethnographiques sur des ossements humains, découverts dans des dépôts quaternaires d'une grotte à Spy et détermination de leur âge géologique.— Archives de Biologie. Gent, 1887, t. 7.
15. *Bordes F.* Le contexte archéologique des Hommes du Moustier et de Spy.— L'Anthropologie. Paris, 1959, t. 63, № 1—2.
16. *Boule M., Vallois H. V.* Les Hommes fossiles: Eléments de paléontologie humaine. Paris; Masson, 1952.
17. *Genovés S.* The Problem of the Sex of Certain Fossil Hominids, with Special Reference to the Neandertal Skeletons from Spy.— The Journal of the Royal anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London, 1954, v. 84, parts I—II.
18. *Окладников А. П.* Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия).— В кн.: Тешик-Таш. Палеолитический человек. М.: Изд-во МГУ, 1949.
19. *Формозов А. А.* Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите.— МИА, 1958, № 71.
20. *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба.— В кн.: Палеолит Крыма. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1940, вып. 1.
21. *Klein R. G.* The Middle Paleolithic of the Crimea.— Arctic Anthropology, 1965, 3, *1*.
22. *Garrod D. A. E., Bate D. M. A.* Excavations at the Cave of Shukbah, Palestine, 1928, with an Appendix on the Fossil Mammals of Shukbah.— Proceedings of the Prehistoric Society for 1942. Cambridge, 1942. New Series, v. VIII.
23. *McCown T. D.* Mugharet es-Skhul. Description and Excavations.— In: *Garrod D. A. E., Bate D. M. A.* The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1937, v. I, part VI.
24. *McCown T. D., Keith A.* The Stone Age of Mount Carmel. Oxford, 1939, v. II.
25. *Замятнин С. Н.* Очерки по палеолиту. Мустьерские погребения. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Новые археологические открытия в Киеве (Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ: Наукова думка, 1979, 131 с.)

Вышел из печати очередной сборник трудов Киевской археологической экспедиции Института археологии АН УССР. Его отличает особое богатство содержания, выносящее сборник за обычные рамки подобных изданий. Дело в том, что в середине 70-х годов в Киеве почти одновременно сделан ряд интереснейших открытий. Некоторые из них носят сенсационный характер; эти открытия и стали предметом публикаций, помещенных в рецензируемой книге.

Первая статья сборника — «Языческое капище в «городе Владимира» — написана П. П. Толочко и Я. Е. Боровским. Она посвящена исключительно интересному памятнику, неожиданно обнаруженному в цокольном этаже бывшего дома Трубецких, ныне принадлежащего Киевской археологической экспедиции. Предложенная авторами интерпретация сооружения не вызывает сомнений. Это, конечно, остатки языческого святилища, топографически связанного с дохристианским могильником, занимавшим в IX—X вв. бóльшую часть Старокиевской горы. Регулярность весьма сложного по конфигурации плана, четко выраженная симметричность исключают какую-либо случайность в размещении плотно уложенного и утрамбованного строительного мусора. Это, безусловно, не простой завал, а субструкция, созданная по заранее начертанному плану. Обнаруженный тут же зольник, аналогичный исследованному В. В. Хвойкой в центральной части древнейшего Киевского городища [1, с. 66], представляет собою неотъемлемую часть культового комплекса.

Датировка памятника X в., думается, также не может вызвать дискуссии. Она определяется не только общими соображениями (после 988 г. в центральной части Киева вряд ли могло функционировать языческое капище), но и археологическими данными. Хронологическим репером ante quem является женское погребение, прорезавшее один из «лепестков» сооружения и хорошо датированное второй половиной X в.

И все же, полагаем, авторы публикации не использовали всех информативных возможностей, представляемых исследователю раскопанным памятником. Вновь обнаруженное святилище может быть не только датировано с точностью до двух-трех лет, но и связано с конкретным и весьма драматическим узлом событий в истории Руси и Киева.

Вряд ли можно интерпретировать открытый комплекс, как остатки пантеона, созданного Владимиром Святым после захвата столицы в 980 г. Местоположение последнего на «Перуновом холме» надежно зафиксировано Трехсвятительской (Василевской) церковью, просуществовавшей до 30-х годов нашего столетия. По-видимому, публикуемое святилище относится к несколько более раннему времени. Более точному определению хронологии помогает характер субструкции, для которой был использован строительный мусор от разрушенного перед тем христианского храма, украшенного фресковой росписью. Этот храм (скорее всего ротонда) мог быть построен либо во времена Аскольда — после первого крещения Руси в 860 г. (т. е. между 860 и 882 гг.), либо же в правление Ольги. Разрушение его приходится связать со вторым антихристианским террором на Руси, осуществлявшимся убежденным язычником Святославом Игоревичем в 970—972 гг. Целенаправленное уничтожение киевских церквей в те годы засвидетельствовано В. Н. Татищевым [2, с. 111]. Именно тогда же было сооружено и открытое в 1975 г. капище. Оно просуществовало очень недолго и было ликвидировано скорее всего в правление Ярополка Святославича. Во всяком случае, к 980 г. оно уже не существовало — это бесспорно подтверждается погребением конца X в.: в 80-е годы, предшествующие закладке «Города Владимира», данная часть могильника уже не функционировала, так как городская застройка вышла за пределы «Города Кия» и постепенно осваивала прилежащую территорию.

Открытие капища в здании дома Трубецких, представляющем собою готовый защитный павильон, имеет практический аспект. Представляется чрезвычайно необходимой музеефикация этого уникального памятника. К сожалению, подобная экспозиция не была предусмотрена планом ремонтных работ здания.

Статья С. Р. Килиевич «К вопросу о строительном деле в Киеве в X в.» посвящена публикации печей для обжига плинфы, раскопанных на территории древнейшего Киевского детинца. В свое время в литературе уже появлялось сообщение об открытии обжигательного горна на территории Софийского заповедника

[3, с. 458—462], оказавшегося, как выяснилось впоследствии, баней[1]. Но размах каменного строительства в Киеве X—XIII вв. безусловно требовал промышленного изготовления строительных материалов. Предположение подтвердилось раскопками 1970 г., когда на ул. Ирининской была обнаружена первая подлинная печь для обжига плинфы [6, с. 20—27]. Раскопки С. Р. Килиевич 1974 г. значительно расширили наши представления об организации строительного дела в Киеве сравнительно раннего (хотя и не начального) периода в развитии данной отрасли производства.

Совершенно необычной, не знающей аналогий находкой, является открытый раскопками эскизный «чертеж» — план трехнефного храма, выполненный светло-желтой глиной на фоне черного гумуса, специально принесенного со стороны. С. Р. Килиевич считает это изображение масштабно соотнесенным с реальным планом Десятинной церкви (масштаб 1 : 15). К сожалению, вывод (важный для понимания описанного объекта) подкреплен только измерением центрального нефа, данные о размерах боковых нефов не приведены.

Статья Р. С. Орлова «Некоторые особенности художественной культуры Киева в X в.» очень своеобразна по содержанию. В ней изложены некоторые наблюдения над стилистикой произведений художественного ремесла X в. из киевских находок. Автор намечает сложные переплетения различных этно-культурных традиций, преломленных сквозь призму социальных отношений в среде древнерусского общества начальной поры феодализма. По мнению Р. С. Орлова, молодому феодальному классу Руси было свойственно стремление отличаться от основной массы местного населения в бо́льшей степени, нежели от общественной элиты других народов (норманнов, восточных кочевников и т. д.).

Статья интересна не только как археологическое осмысление вещественного материала, но и в плане совершенно не разработанной проблемы психологии и философии художественного творчества. Поднятые вопросы безусловно требуют дальнейшей углубленной разработки, но постановку этих вопросов в силу их новизны следует всячески приветствовать.

Статья С. А. Высоцкого «Вал Ярослава Мудрого в Киеве» отличается от других материалов сборника. Это не публикация нового памятника, а исследование хорошо известных материалов — конструкций вала «Города Ярослава», сооруженного в 30-е годы XI в. Вал этот впервые был исследован Н. В. Линкой, В. А. Богусевичем и П. А. Раппопортом в 1950 г. [7, 8], однако полученные материалы оказались недостаточными для полной реконструкции. Новые сведения были получены в результате тщательного археологического исследования Золотых Ворот в 1971—1973 гг. в связи с намечавшейся реставрацией сооружения.

Вал Ярослава Мудрого в Киеве является крупнейшим памятником оборонительного зодчества Киевской Руси. Основу его составляли девять рядов бревенчатых клетей, заполненных плотно утрамбованной глиной. Ширина подошвы вала превышала 30 м. Таковы факты. Что же касается верхней части вала и его сопряжения с каменным зданием ворот, единого мнения по этому вопросу пока достигнуть не удается. Имеются три варианта, предложенные Е. И. Лопушинской, Г. Н. Логвиным и С. А. Высоцким. Все три имеют слабые стороны и требуют к себе критического отношения.

С. А. Высоцкий правильно определяет уклон вала в 45°. Это вызвано техническими условиями: более крутой склон для искусственной земляной насыпи невозможен, а более пологий недостаточно отвечал бы функциям сооружения. Приняв цифру 45° как приближающуюся к реальному уклону вала, мы получаем профиль поло́ вала в виде равнобедренного прямоугольного треугольника, катетами которого являются ширина поло́ и ее высота. Эти две величины равны друг другу; следовательно, ширина полы определяет высоту вала.

Вопрос, однако, заключается в том, сколько клетей составляло каждую полу́ и сколько — гребень вала. Определению этого помогает расположение пят арок, державших перекрытие проезда Золотых Ворот и надежно документированных натурой. Эти пяты — наиболее сложный и ответственный конструктивный узел сооружения: именно на этих уровнях горизонтальный распор, порождаемый весом

[1] В журнале «Советская археология» № 1 за 1981 г., помещена статья болгарского исследователя П. П. Георгиева. Атрибуция древнерусских бань предложена в ней как принципиально новое научное достижение [4]. Между тем еще в 1961 г. опубликована работа В. А. Богусевича, где мысль о бане получила вполне убедительное обоснование [5].

второго яруса (церкви) передавался на стены. Данный распор гасился насыпью вала; следовательно, расположение пят в целом должно было соответствовать контуру насыпи.

Изложенное выше свидетельствует, что гребень вала (и выступающая над ним стена) должен был состоять из нечетного количества рядов клетей — одного или трех. Тогда конструктивная композиция получает строго симметричную формулу: 4+1+4 или 3+3+3. Первый вариант возможен, но маловероятен. В этом случае обе полы получают гипертрофированную высоту около 11 м и выходят на уровень верхней обходной площадки ворот, что вряд ли возможно. Второй вариант удовлетворяет всем условиям и выглядит наиболее обоснованным.

Хотя С. А. Высоцкий принимает и, казалось бы, кладет в основу своей реконструкции все эти соображения, на деле в предложенной схеме оказываются серьезные отступления от декларированных принципов. Исследователь предлагает асимметричную композицию, согласно которой основа (гребень) вала состоит из двух рядов клетей. Естественно, при таком решении высота одной полы оказывается почти на три метра ниже другой, причем внешняя пола, обращенная в сторону поля (наиболее опасная), получается более низкой. Общий профиль вала смещается по отношению к профилю, очерченному пятами, и этим нарушается один из главных принципов, утверждаемых автором.

Чтобы выйти из положения, С. А. Высоцкий вынужден допускать другие отступления от принятой было схемы: во-первых, искажаются реальные соотношения измерений, в результате чего верхняя отметка внешней полы вообще не совпадает с линией бревенчатых конструкций; во-вторых, снижается угол уклона внутренней полы; в-третьих, вдоль внутреннего склона допускается эскарп шириною около трех метров, совершенно неоправданный с точки зрения интересов обороны. На наш взгляд, главный просчет автора рецензируемой статьи состоит в том, что местоположение Благовещенской церкви, венчавшей собою Золотые Ворота, необоснованно сдвинуто к северу и вынесено за пределы основы вала. Именно это стало основной причиной для сделанных натяжек [2].

Статья К. Н. Гупало, Г. Ю. Ивакина и М. А. Сагайдака «Исследования киевского Подола» посвящена публикации раскопок 1974—1975 гг. Исследования были сосредоточены в ряде пунктов: на ул. Верхний и Нижний Вал, Константиновской, Волосской, акад. Зелинского, Жданова, Ливера, Гончарной, а также на территории Житнего рынка. Размещение раскопов было продиктовано задачами спасения культурного слоя при строительных работах. Исследованию были подвергнуты несколько усадеб с постройками на срубных цоколях. Исключительно важными представляются выразительные остатки ремесленного производства, обнаруженные раскопками. О том, что Подол являлся главной ремесленной частью средневекового Киева, хорошо известно, но до последнего времени этот тезис был лишен археологического обоснования. Теперь положение решительно изменилось. Открыты мастерские по производству шиферных прясел и ювелирная мастерская, обнаружены следы обработки янтаря и стеклодельного производства. Наиболее важны мастерские по изготовлению шиферных пряслиц. До недавнего времени считалось, что широко употреблявшиеся на Руси шиферные пряслица изготовлялись только в районе Овруча (где имеются залежи шифера) и оттуда расходились по необъятным просторам Восточной Европы. Открытие Г. В. Штыховым следов производства шиферных пряслиц в Минске [9, с. 113] расшатали это представление, а публикуемые материалы с киевского Подола окончательно доказывают его несостоятельность.

В статье М. А. Сагайдака «Дендрохронологические исследования деревянных построек Подола» публикуются результаты исследования спилов из семи последовательно сменивших друг друга горизонтов культурного слоя на Подоле (район ул. Верхний и Нижний Вал). Все семь горизонтов «уложились» в сравнительно узкий хронологический диапазон — немногим более ста лет. При этом лишь один образец, не входящий достоверно в состав усадебного комплекса, отстоит от древнейшего сруба на 115 лет; без него диапазон сужается до 95 лет.

Статья И. И. Мовчана и В. О. Харламова «Древний Клов» посвящена исследованию каменной церкви на территории Кловского монастыря, впервые обнаружен-

---

[2] Проблеме реконструкции Золотых Ворот и вала Ярослава Мудрого в Киеве автор данной рецензии посвятил специальное исследование, в настоящее время готовящееся к публикации.

ной еще в начале 60-х годов. Важность этих работ вне сомнения, так как до обнаружения остатков данной церкви Кловский (Стефанич) монастырь представлял собою историко-топографическую загадку. Не было известно даже приблизительное местонахождение подворья, хотя топонимика заставляла искать его где-то в районе Кловской долины, отделяющей Печерское плато от Липок. Раскопки показали, что храм Кловского монастыря представлял собою масштабное здание, значительно превышавшее размерами обычные церковные постройки древнерусских монастырей. Западный фасад, например, составлял более 30 м; для сравнения укажем, что знаменитый Успенский собор Печерского монастыря имел ширину менее 25 м, а Михайловский Золотоверхий собор лишь около 20 м. К сожалению, предложенная реконструкция плана исследованного здания вызывает ряд сомнений. Ленты деревянных колышков, которые отражают расположение фундаментов, не всегда корреспондируют публикуемой схеме. Совершенно непонятна, в частности, лента в середине северной части здания. Не совпадает с абрисами плана полукруглая лента, которую авторы публикации считают северной абсидой: при такой конфигурации ширина абсиды намного превысит ширину соответствующего ей нефа, что, конечно, невозможно. Непонятна картина в юго-восточном углу постройки, где система расположения колышков вообще не имеет ничего общего с реконструируемым планом. Очевидно, вопрос о воссоздании плана исследуемого здания еще нельзя считать исчерпывающим.

В небольшой заметке «Новые исследования церкви Спаса на Берестове» Ю. С. Асеев и В. О. Харламов предлагают вполне обоснованное решение притвора церкви, занимающей своеобразное место среди памятников архитектуры конца XI в. Конструкция этого притвора оставалась неясной, хотя со времени первых исследований П. П. Покрышкина [10, с. 184] высказывалось немало различных предположений.

Бесспорно, наиболее сенсационной является публикация Я. Е. Боровского и П. П. Толочко, посвященная раскопкам ротонды в усадьбе № 3 по Владимирской улице (усадьба Трубецких). О существовании памятника говорилось давно. Еще в середине прошлого века А. Звенигородский обнаружил здесь хорошо сохранившиеся остатки полигональной в плане постройки домонгольского времени [11, с. 13]. По предположению специалистов (П. Д. Барановский, Ю. С. Асеев), это должна была быть ротонда — постройка, тип которой хорошо известен во всех раннесредневековых славянских странах. Имеются ротонды и на территории Руси, некоторые из них сохранились до наших дней (Горяны, под Ужгородом, Владимир-Волынский). На основании древнерусской книжной графики В. Ю. Сичинский установил существование Вышгородской ротонды, следы которой пока не обнаружены [12].

Раскопки Киевской ротонды были осуществлены в 1975—1976 гг. в связи с теми же ремонтными работами, которые привели к открытию языческого капища. Памятник прекрасно сохранился: уцелели не только фундаменты, но и нижние части стен. Поражают размеры здания. Диаметр ротонды составляет около 20 м — едва ли не наибольшая постройка данного типа во всей Восточной Европе. В плане ротонда представляла собою не круг, а более или менее правильный шестнадцатигранник. Ее периметр разделен шестнадцатью парами пилястр, которым соответствовали 16 арок, сходившихся к центру, где находился массивный каменный столб, принимавший на себя пяты арок и тем самым все перекрытие.

Авторы публикации правы, отказываясь признать в исследованном сооружении постройку культового назначения (безразлично — православную или католическую). В этом они заслуживают поддержки, хотя такая интерпретация встречает возражения со стороны некоторых специалистов. Правдоподобно видеть в ней торжественную палату, входящую в комплекс великокняжеского двора,— нечто подобное Золотой палате в Константинополе,— или же зал для заседаний вроде более поздних грановитых палат. Аргументом в пользу светского назначения постройки являются, во-первых, ее размеры (раннесредневековые церкви-ротонды, представляющие собою частные капички, как правило, очень невелики); а во-вторых, наличие центрального столба, неоправданного для культовой постройки. Ближайшая из известных аналогий — Смоленская ротонда [13, 14] не решает вопроса, так как и ее назначение может быть предметом дискуссии.

Датировка Киевской ротонды не вызывает сомнений — это рубеж XII и XIII вв., время деятельности знаменитого зодчего Петра Милонега. Весьма вероятно, именно ему принадлежит авторство обеих ротонд — и киевской и смоленской. Но замеча-

тельно, что при раскопках в Киеве найден очень ранний строительный материал, в частности, плинфа, по размерам близкая к плинфе Десятинной церкви, но, по-видимому, еще более древняя. Это заставляет думать, что грандиозной ротонде XII—XIII вв. предшествовала гораздо более древняя постройка, возведенная еще до крещения Руси Владимиром (как известно, ротонды в Восточной Европе были характерны как раз для IX—X вв.). Не исключено, что именно это, более древнее сооружение было тем храмом, разрушенным около 971 г., строительные остатки которого использовались для сооружения языческого святилища, описанного в первой статье рецензируемого сборника.

В. Н. Зоценко в небольшой заметке «Медальон киевского производства начала XII в.» предлагает описание интересной находки, принадлежащей Остерскому краеведческому музею Черниговской области. Изображение великомученицы Варвары на этом медальоне дает основание автору связать публикуемую вещь с торжественным освящением Михайловского Златоверхого собора в 1108 г. Там, как известно, хранились мощи святой, привезенные в Киев греческой царевной, дочерью императора Алексея Комнина, выданной замуж за киевского князя Святополка (Михаила) Изяславича. Предположение, однако, нельзя считать доказанным. Культ св. Варвары (наряду с культом архангела Михаила) был в Киеве весьма популярен, причем корни популярности несомненно уходят в XII в. Поэтому было бы неосторожно связывать каждое изображение этих святых с представителями княжеского дома, носившими соответствующие имена.

Исключительный интерес представляет статья Г. Ю. Ивакина «К вопросу о каменной архитектуре позднесредневекового Киева». Она посвящена публикации двух доселе неизвестных архитектурных сооружений послемонгольского времени на киевском Подоле. Одно из них автор датирует XIV—XV вв., другое — началом XVII в. (его определение в качестве «позднесредневекового» проблематично: это уже эпоха Ренессанса).

Первой описана более поздняя постройка. Она была обнаружена на территории нынешнего Житнего базара при строительстве крытого рынка. Это было квадратное в плане, массивное здание (21×20 м). Автор определяет его в качестве католического костела и отождествляет с кафедральным костелом св. Марии, известным по письменным источникам. В это время в Киеве наметилось оживление каменного строительства (работы Себастиано Браччи и Петра Немца) [15]. Костел св. Марии стоял в центральной части Подола, в районе обнаруженных остатков, но точное местонахождение его неизвестно. Он был разрушен в 1648 г. после занятия Киева войском Богдана Хмельницкого во время Освободительной войны украинского народа против польского господства.

Предложенная атрибуция тем не менее вызывает сомнения. По своему типу публикуемая постройка не соответствует нашим представлениям о католических храмах, сооружавшихся на Украине в эпоху Ренессанса (вторая половина XVI — первая половина XVII вв.). Последние, принадлежащие к типу базилик, имеют вытянутый по продольной оси план, а с восточной стороны — развитый презбитериум (алтарную часть). К сожалению, как раз восточная стена почти полностью осталась нераскопанной (она лежит под проезжей частью Житнеторгской улицы); был ли там презбитериум — неизвестно. Но, судя по имеющимся данным, постройка очень близка синагогам, каких на территории Правобережной Украины много сооружалось как раз в конце XVI и начале XVII вв. Такого типа постройки имеются, например, в Дубно, Бродах, Гусятине и многих других городах. То, что в Киеве должна была существовать синагога, сомнению не подлежит, так как до начала XVII в. киевские евреи не только не подвергались гонениям, но даже пользовались некоторыми привилегиями [3].

---

[3] Первый указ об ограничении прав еврейского населения в Киеве был издан Сигизмундом III в 1619 г.; в нем шла речь о запрещении евреям селиться в Киеве и приобретать здесь домовладения [16, с. 38—39]. Трудно судить, имелось ли в виду не допускать в Киев новых жителей иудейского вероисповедания или же, как полагают некоторые историки [16, с. 315], одновременно была предпринята попытка выселить из города уже имеющееся еврейское население. Но, как бы то ни было, евреи продолжали жить в Киеве и после 1619 г., о чем имеются прямые свидетельства современников [17, с. 103]. При этом еврейские домовладения отмечены как раз в районе Флоровского и Доминиканского монастырей, т. е. в непосредственной близости от раскопанной постройки.

Известно, что при строительстве Мариацкого костела в Киеве была использована плинфа из разобранной Летской божницы Бориса и Глеба, созданной на средства Владимира Мономаха в начале XII в. В сооружении, о котором идет речь, также использовался древнерусский строительный материал, но не XII, а X в., происходящий из руин Десятинной церкви. Плинфа начала XII в. при раскопках не встречена, и это, кстати, также противоречит предложенной автором аттрибуции. Остатки подлинного костела св. Марии, вероятно, следует искать севернее — в районе так называемой «Бискупщины», т. е. по другую сторону Глубочицкой долины, у подножья Щекавицы.

Замечательной находкой, сделанной во время раскопок киевской синагоги, является обломок капители от колонны Десятинной церкви, использованный вместе с плинфой в качестве строительного материала. Другая часть этой же капители была найдена в 1948 г. при засыпке фундаментов церкви. Это редчайший случай «встречи» двух фрагментов одной вещи, имевших столь разную судьбу.

Вторая постройка, обнаруженная в районе ул. Зелинского (бывш. Покровской), сохранилась значительно хуже. Автор датирует ее XIV — началом XV в. и связывает с армянской церковью, которая стояла на этом месте до сооружения ныне существующей Покровской церкви (серединой XVIII в.). Если это мнение подтвердится, мы получим в свое распоряжение совершенно новую страницу в истории киевского зодчества. До сих пор считается, что древнейшие оригинальные каменные постройки в послемонгольском Киеве относятся к самому концу XVI или началу XVII в. Открытие здания XIV—XV вв. внесет существенные поправки в наши представления о состоянии города в послемонгольское время, точнее, в период восстановления Киевского княжества при Владимире Ольгердовиче.

Завершает сборник статья Ю. М. Стриленко и Т. Е. Нестеренко, посвященная технологическому исследованию строительных растворов и плинф X—XII вв. Подобные разработки имеют большое значение для изучения истории древнерусского строительного дела. В частности, выясненный авторами публикации факт существования особого технологического приема («специального заполнителя») до конца XI в. позволит довольно точно различать постройки этого времени (и более ранние) и здания XII и последующих веков.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что рецензируемый сборник явно выделяется из ряда подобных изданий ценностью и в какой-то степени неожиданностью публикуемых материалов. Высказанные замечания и частные возражения могут лишь подчеркнуть выдающееся значение нового материала, вводимого в научный обиход, его информативного богатства, важности и сложности проблем, возникающих в связи (и в результате) публикуемых открытий. Следует поздравить авторский коллектив с отличной книгой, научные последствия которой в полной мере сейчас трудно предсказать.

Брайчевский М. Ю.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хвойка В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья. Киев, 1913.
2. *Татищев В. Н.* История Российская, т. I. М.— Л., 1962.
3. *Каргер М. К.* Древний Киев, т. I. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
4. *Георгиев П. П.* К вопросу о древнерусских банях.— СА, 1981, № 1.
5. *Богусевич В. А.* Споруда XI ст. у дворі київського митрополита.— Археологія, 1961, т. XIII.
6. *Толочко П. П., Гупало К. М.* Розкопки Киева у 1969—1970 рр.— В кн.: Стародавній Київ. Киев: Наукова думка, 1975.
7. *Єфименко П. П., Богусевич В. А.* Кріпость Ярослава Мудрого в Києві.— Вісник АН УРСР, 1952, № 12.
8. *Раппопорт П. А.* Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, 1956, № 52.
9. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1978.
10. ОАК за 1909—1910 гг., СПб., 1913.
11. *Хойновский И.* Раскопки великокняжеского двора древнего Киева града. Киев, 1899.
12. *Січинський В.* Ротонди на Україні. Київ, 1929.
13. *Авдусин Д. А.* Смоленская ротонда.— В кн.: Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского. М.: Изд-во МГУ, 1962.
14. *Раппопорт П. А.* Латинская церковь в древнем Смоленске.— В кн.: Новое в археологии. М.: Изд-во МГУ, 1972.

15. *Ернст Ф.* Київська архітектура XVII ст.— В кн.: Київ та його околиця в історії і пам"ятках. Київ, 1926.
16. *Закревский Н.* Описание Киева, т. 1. М., 1868.
17. *Розвидовский П.* Записка о Киевском доминиканском монастыре.— В кн.: Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. Киев, 1874.

Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.—VIII в. н. э.). Минск: Наука и техника, 1978, 160 с., рис.

Эпоха железа занимает важное место в истории населения лесной полосы Восточной Европы, в том числе и древних племен, обитавших на современной территории Белоруссии. На протяжении железного века, непосредственно предшествовавшего в данном регионе периоду складывания классовых отношений, здесь происходят заметные социально-экономические сдвиги и этнокультурные перемены, нашедшие отражение в археологическом материале.

Первые сведения об археологических памятниках железного века Белоруссии, полученные еще в дореволюционный период, в XIX — начале XX в., были отрывочными и неполными. Начало подлинно научному изучению памятников эпохи железа на рассматриваемой территории положено лишь в советский период и связано с именами основоположников белорусской советской археологической науки С. А. Дубинского, А. Н. Лявданского, их учеников и коллег, впервые предпринявших массовые раскопки городищ железного века Центральной Белоруссии (Банцеровщина, Кимия, Лабенщина, Оздятичи, Свидно, Селище, Черкасово и др.), носившие, правда, разведывательный характер. Тогда же, в 20—30-х годах нынешнего столетия, начались исследования памятников типа верхнего слоя Банцеровского городища, относившихся к V—VIII вв., но тесно связанных с предшествовавшими памятниками железного века. В эти же годы А. Н. Лявданским были предложены разработанные на основе полученных данных классификация и хронология памятников эпохи железа на территории Белоруссии, имевшие для своего времени большое значение. Выделенные группы памятников с лепной гладкостенной и штрихованной керамикой и южнобелорусские городища в общих чертах соответствовали культурному делению древнего населения Белоруссии, отнесенного к балтскому («литовскому») этносу [1, с. 54—61; 2, с. 215—218]. К настоящему времени эта схема в целом, в связи с открытием новых материалов и совершенствованием методики исследований, устарела, но отдельные положения не утратили своего значения.

Изучение железного века Центральной Белоруссии, начатое в 20—30-х годах, в послевоенное время было продолжено новым поколением белорусских археологов. Среди них заметное место занимает А. Г. Митрофанов, приступивший с 1948—1949 гг. к планомерным раскопкам памятников эпохи железа и раннего средневековья в Центральной и Северной Белоруссии. Первые результаты массовых и широкомасштабных работ по изучению городищ культуры штрихованной керамики были обобщены исследователем в 1955 г. в кандидатской диссертации [3]. В ней наметил три хронологические группы и два локальных варианта (западный и восточный) культуры, впервые охарактеризовал домостроительство и предложил классификацию посуды. Вопросы происхождения, распространения и хронологии памятников культуры штрихованной керамики и сменивших их в Центральной Белоруссии древностей типа верхнего слоя Банцеровщины рассматривались А. Г. Митрофановым в ряде работ, вышедших в основном в 60-х — начале 70-х годов. Тогда же был опубликован материал из нескольких раскопанных городищ и селищ: Августова, Банцеровщины, Городища, Вязынки, Дедилович, Некасецка и Старой Рудицы. Но в целом богатейший археологический материал, накопленный за 30 лет непрерывных раскопок, долгое время не был полностью введен в научный оборот и систематизирован.

Этот пробел восполняет вышедшая в 1978 г. монография А. Г. Митрофанова «Железный век средней Белоруссии». Рецензируемая монография состоит из краткого введения, двух больших разделов, каждый из которых в свою очередь подразделяется на три главы, и заключения.

Хотя книга озаглавлена «Железный век средней Белоруссии», хронологически она охватывает и памятники эпохи раннего средневековья, V—VIII вв. Думается, такое название принято исследователем для удобства и вряд ли фиксирует особую трактовку периодизации железного века Белоруссии. Эпоха железа заканчивается для населения Белоруссии в IV—V вв., после чего начинается период постепенного распада патриархально-родового строя и созревания новых классовых отношений [1].

Раздел I «Культура штрихованной керамики (VII в. до н. э.— V в. н. э.)» начинается почти сразу же с описания раскопанных А. Г. Митрофановым поселений. Не останавливаясь подробно на происхождении и распространении культуры штрихованной керамики, автор отсылает читателей к своим опубликованным ранее работам на эту тему [5, с. 69—76], хотя этот дискуссионный и до конца не выясненный вопрос заслуживает здесь более пристального рассмотрения. Следовало бы обосновать правомерность выделения трех вариантов культуры: восточнобелорусского, литовско-белорусского и латышско-эстонского. В эпоху железа лепная посуда различных форм, покрытая штриховкой, была распространена не только в Восточной Литве и Центральной Белоруссии, но также в Латвии, Эстонии и ряде других районов. Вряд ли все эти районы на основании одного только признака можно включать в ареал единой культуры штрихованной керамики. Не исключено, что здесь было распространено несколько археологических культур, входивших в единую этнокультурную общность. Ее нельзя рассматривать в качестве какого-то статичного и застывшего образования, границы которого на протяжении свыше 1000 лет продолжали оставаться неизменными. В I тысячелетии до н. э. основное ядро культуры располагалось в пределах Восточной Литвы и прилегающих районов Белоруссии, а затем происходит расширение ее ареала в южном и восточном направлениях приблизительно до линии Клецк — Слуцк — Рогачев. До последних веков I тысячелетия до н. э. часть Центральной Белоруссии, по всей видимости, входила в среднебелорусский вариант милоградской культуры, поглощенной «штриховиками» и «зарубинцами» [6, с. 54—61]. Милоградские элементы, на что указывает и сам автор, хорошо заметны в облике сосудов из памятников восточнобелорусского варианта культуры штрихованной керамики (Гатовичи, Занарочь, Лабенщина и др.), причем в наиболее ранней группе посуды. Нуждается в уточнении и юго-западная граница культуры, которая пока намечена условно ввиду слабой изученности памятников. Быть может, в первые века нашей эры она уже проходила западнее линии, изображенной на карте приблизительно по течению Немана и Щары (рис. 1), ведь сравнительно недавно штрихованный горшок классической ребристой формы обнаружен в Белостоке [7, рис. 1].

Начало железного века в книге предположительно относится на основе материалов милоградской культуры к VII—VI вв. до н. э.; в отношении культуры штрихованной керамики, почти незаметно и постепенно трансформировавшейся из местных культур эпохи бронзы, переход к железу проследить очень трудно (с. 9). Впрочем, для соседней днепро-двинской культуры установлена более ранняя дата — VIII—VII вв. до н. э., хотя собственно железо днепро-двинские племена, как и «штриховики», освоили не ранее второй половины I тысячелетия до н. э., когда в инвентаре поселений появляются первые железные изделия [8, с. 13].

В главе I раздела I А. Г. Митрофанов подробно излагает результаты исследования всех подвергавшихся раскопкам поселений культуры штрихованной керамики с описанием буквально каждого раскопа, структуры культурного слоя, остатков жилых и оборонительных сооружений, посуды и других вещевых находок. Такое полное и детальное описание, сопровождаемое богатым иллюстративным материалом (планы городищ и раскопов, профили, схемы жилищ, многочисленные рисунки находок), представляет значительную ценность. На примере ряда памятников автор прослеживает постепенную эволюцию поселений от открытых селищ на первом этапе существования культуры (Гатовичи, Толкуны, Ясплевичи и др.) к слабо укрепленным ранним городищам (Августово, Кимия, Новоселки, Оздятичи и др.), появившимся с III в. до н. э., и городищам с мощной системой укреплений (Вязынка, Збаровичи, Малышки и др.), относящихся к первой половине I тысячелетия н. э. Как справедливо отмечается в монографии, только с I—II вв. н. э.

[1] В этой связи периодизация, предложенная археологами Латвии (доводящими железный век до начала XIII в., т. е. до образования раннефеодального общества) нам представляется неприемлемой для Белоруссии [4, с. 363—367].

появляются классические городища культуры штрихованной керамики с типичными для нее чертами («штрихованные остроребериые и баночной формы сосуды, своеобразный тип жилищ столбовой конструкции, только для нее характерные формы глиняных пряслиц», с. 15). Увеличение в это время числа поселений, по мнению исследователя, не связано с притоком в Центральную Белоруссию нового населения, и это положение особых возражений не вызывает.

Следовало бы, на наш взгляд, проследить по районам Центральной Белоруссии распределение различных типов городищ на основе их классификации, базирующейся на расположении памятников, размерах и конфигурации площадок, характере оборонительных сооружений. Подобная работа, проделанная недавно В. И. Шадыро и А. А. Егорейченко в отношении городищ днепро-двинской и милоградской культур, привела к очень интересным наблюдениям [9, с. 77—83, 10, с. 82—89]. В частности, удалось выделить присущий только «милоградцам» и вовсе не встречающийся у «штриховиков» тип городищ с кольцевой системой валов, разделенной перемычкой на две части.

Затронув дискуссионный вопрос о назначении каменных площадок, А. Г. Митрофанов совершенно верно заключает, что даже на одном и том же городище их характер не всегда одинаков. Действительно, в зависимости от расположения на площадке, размеров, толщины, наличия обожженных камней, глубины залегания они могли быть остатками очагов, вымосткой пола жилищ или использоваться в оборонительных целях, для укрепления стен жилищ, в производственной деятельности. При общем описании всего материала сведения о жилых, оборонительных и производственных сооружениях несколько теряются. По-видимому, целесообразнее было бы выделить их в отдельную главу, в которой можно было бы более четко проследить эволюционные изменения, выявить хронологические и локальные различия в конструкции жилищ, очагов, укреплений. Вслед за О. Н. Мельниковской [11, с. 35] автор называет углубленные в материк на 0,4—1,0 м жилища милоградского облика наземными, что вряд ли оправдано, поскольку стирает разницу между ними, по существу, являющимися полуземлянками, и собственно наземными домами (с. 13).

В главе II раздела I исследователь характеризует керамику, орудия труда, предметы вооружения и украшения. Важное место в работе занимает классификация глиняной посуды, разделенной на раннюю и позднюю группы, виды, разновидности и типы. Отрадно, что здесь показан процесс изменения керамических форм во времени, замечены отличия в орнаменте сосудов из Литвы и Белоруссии. Отсюда делается совершенно справедливый вывод о том, что уже в первой половине I тысячелетия н. э. стали намечаться особые пути развития племен, населявших Центральную Белоруссию и Восточную Литву (с. 33—34).

Среди преобладающей массы штрихованных и гладкостенных сосудов выделяется немногочисленная группа лощеной или подлощенной посуды. Неясно, однако, с чем связано ее появление в первые века нашей эры в Центральной Белоруссии: то ли с воздействием постепенно растворившихся в местной, балтской среде потомков зарубинецких племен — носителей культуры типа Абидни — Адаменки, то ли с прибалтийскими влияниями.

Характеризуя прочий вещевой инвентарь, автор особое внимание уделяет этнопоказательным элементам, в большинстве своем балтским, а также датирующим вещам. Очень подробно опубликованы характерные для культуры штрихованной керамики дисковидные пряслица с геометрическим орнаментом. С полным основанием исследователь присоединяется к точке зрения П. Н. Третьякова о балтском происхождении грузиков дьякова типа (с. 42), обнаруженных на городищах культур штрихованной керамики и днепро-двинской.

Глава III посвящена хозяйству и общественному строю населения культуры штрихованной керамики. С помощью археологических материалов и сравнительных этнографических данных в книге реконструируются занятия древних племен Центральной Белоруссии — земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, домашние ремесла и промыслы. Раскопки, произведенные А. Г. Митрофановым на Банцеровском городище, позволили ему убедительно опровергнуть бытовавшее ранее мнение о позднем появлении земледелия в Центральной Белоруссии и доказать, что оно было уже сравнительно хорошо развито во второй половине I тысячелетия до н. э.

В меньшей степени имеющийся в наличии археологический материал пригодев для выяснения характера общественных отношений, господствовавших в среде мест-

ного населения. Пока трудно безоговорочно утверждать, были ли городища местопребыванием отдельных больших патриархальных семей или являлись поселками для целых родов. Но несомненно одно (и это подчеркивает А. Г. Митрофанов): на протяжении более чем тысячелетнего развития культуры штрихованной керамики общественные отношения не оставались неизменными; особенно существенные сдвиги, связанные с разложением родового строя, происходили на рубеже и в первые века нашей эры (с. 53).

Ограниченный объем книги, вероятно, не позволил А. Г. Митрофанову провести более широкие сопоставления по всем признакам культуры штрихованной керамики с синхронными ей соседними культурами железного века (днепро-двинской, милоградской и др.). Нуждаются в дальнейшем уточнении вопросы датировки памятников и их этнической принадлежности, традиционно и с полным основанием относимой к балтам. Совсем недавно В. В. Седов, попытавшийся уточнить последний вопрос, высказал идею об отнесении культуры штрихованной керамики к летто-литовским племенам, а близких ей днепро-двинской, верхнеокской и юхновской культур — к днепровским балтам [12, с. 43—44]. Кажется, эта гипотеза близка к истине.

По структуре и характеру изложения материала раздел II «Памятники третьей четверти I тысячелетия н. э.» не отличается от рассмотренного уже раздела I рецензируемой монографии. Он также начинается с описания раскопанных автором поселений и жилищ V—VIII вв. Вполне обоснованно автор выделяет две группы неукрепленных поселений третьей четверти I тысячелетия н. э.: 1) отдельно расположенные селища и 2) селища, находящиеся рядом с городищами-убежищами, возникшими еще в железном веке. Начало перехода населения культуры штрихованной керамики с городищ на селища еще предстоит уточнить, но в V в. этот процесс уже предстает в виде завершившегося события. По всей видимости, автор прав, видя причину вышеупомянутого явления в росте производительных сил, развитии земледелия и ремесел, возможности которых ограничивались рамками старых родовых городищ (с. 84).

А. Г. Митрофанов различает на селищах у деревень Городище, Дедиловичи и Ревячки помимо собственно наземных и полуземляночных жилищ еще одну группу жилых сооружений, врезанных в пологие склоны возвышенностей, а потому имеющих неравномерную углубленность: три их стены углублены на 0,2—0,5 м, четвертая почти выходит на поверхность. Такая особенность, объясняющаяся условиями рельефа местности, прослеживается также на некоторых раннеславянских поселениях корчакской культуры на Украине [13, с. 33, 44]. Называть подобные жилища наземными было бы неверным, ибо конструктивно они близки к полуземлянкам.

Вопрос о происхождении полуземлянок из поселений третьей четверти I тысячелетия н. э. в Центральной Белоруссии вызывает повышенный интерес. В железном веке здесь были распространены только наземные дома. По мнению В. В. Седова, полуземлянки с печками-каменками появились здесь в результате влияния или даже инфильтрации каких-то групп славян [14, с. 48—52]. Это можно отчасти оспорить. Сам по себе полуземляночный тип жилищ стал известен населению Белоруссии еще в эпоху железа — у племен милоградской и зарубинецкой культур, а также у носителей древностей типа Абидни. С расселением последних в период формирования культуры типа Банцеровщины и связано, на наш взгляд, распространение полуземлянок в Центральной Белоруссии. Такой же точки зрения придерживается и автор рецензируемой книги (с. 99). Иное дело печи-каменки, ранее на памятниках Белоруссии неизвестные. По нашим наблюдениям, они встречаются на поселениях типа Банцеровщины в Центральной Белоруссии и Белорусском Поднепровье, главным образом в поздних комплексах VII—VIII вв., причем часто в полуземлянках с остатками срубной конструкции (Городище — жилища 6, 14, 26—28; Дедиловичи — жилища 24, 30, 46, 47; Тайманово — жилище 26; Шатково — жилище 1). Их появление в VII—VIII вв. в областях к северу от Припяти было бы логично объяснить влиянием славянской культуры типа Корчак — Луки Райковецкой, если только полностью исключить возможность самостоятельного их изобретения местным населением [15, с. 8]. И. П. Русанова, обратившая внимание на печи-каменки аналогичной конструкции, открытые в срубных домах на поселении Кентескалнс в Латвии, предположила, что в Белоруссии они могли появиться также в результате западных, прибалтийских связей [16, с. 78]. Но надо учитывать, что в Кентескалнсе каменки и срубы, кажется, относятся к

VIII в., а, стало быть, распространились не раньше, чем в Центральной Белоруссии.

Как справедливо подчеркивается в книге, отсутствие в полуземлянках столбовых ям не означает, что все они без исключения были срубной конструкции (с. 95). С достаточной уверенностью можно говорить о срубах лишь в тех случаях, когда обнаружены остатки их нижних венцов, но это бывает сравнительно редко. А. Г. Митрофанов четко выделяет в домостроительстве элементы разных культур железного века, носители которых участвовали в сложении древностей типа Банцеровщины: полуземлянки ведут происхождение от культуры типа Абидни — Адаменки, а наземные дома, столбовая конструкция и очаги — от культур штрихованной керамики и днепро-двинской.

В главе II раздела II представлена обстоятельная характеристика вещевого инвентаря из памятников типа Банцеровщины. Малочисленная серия целых форм сосудов (всего 26 экз.) не позволяет на данном этапе исследования создать в законченном виде типологию лепной керамики, носящей, по признанию автора, предварительный характер[2]. Используя методику, предложенную И. П. Русановой, исследователь подразделил керамику в зависимости от формы и пропорций основных размеров сосудов на шесть типов, виды, варианты. Общие очертания и профилировка отдельных частей сосудов типа Банцеровщины очень близки, поэтому порой трудно уловить разницу между типами. Еще труднее распределить маловыразительные фрагменты венчиков или стенок горшков по выделенным на основе целых форм типам посуды. Так, практически незаметны различия между сосудами с максимальным расширением у венчика, включенными в два типа — слабопрофилированной и банковидной керамики (рис. 47: 2, 6, 21). Как совершенно обоснованно отмечает А. Г. Митрофанов, наиболее распространенные и характерные для памятников типа Банцеровщины слабопрофилированные и тюльпановидные сосуды имеют широкие аналогии в синхронных и близких по культуре древностях Верхнего Поднепровья, Подвинья и Подесенья (с. 105). В то же время в наборе керамики Центральной Белоруссии прослеживаются и некоторые отличия — незначительное количество цилиндроконических горшков и округлобоких сосудов, на что обращается внимание в книге. В целом типология посуды, предложенная автором монографии, за небольшими исключениями, близка классификации И. П. Русановой[16, с. 69—71].

В книге приведена детальная классификация орудий труда, предметов вооружения и украшений, разнообразие которых дает полное представление о занятиях и быте раннесредневекового населения Центральной Белоруссии. Классифицируя вещевой инвентарь, исследователь обращает внимание на целый ряд прототипов находок, бытовавших еще у населения местных культур железного века, а также на многочисленные аналогии из синхронных древностей Латвии и Литвы. В заслугу автору следует поставить и то, что в иллюстрациях воспроизведены полные наборы фрагментов керамики и других вещей по комплексам — полуземляночным жилищам из селищ у деревень Городище и Дедловичи. Но в заполнении полуземлянок и в особенности в непотревоженном состоянии на их дне, к сожалению, в основном встречаются немногочисленные и маловыразительные обломки сосудов и очень редко — датирующие вещи, что ограничивает возможности корреляции и создания относительной хронологии комплексов. Эта одна из особенностей поселений типа Банцеровщины в Центральной Белоруссии, отличающая их от сходных памятников Белорусского Поднепровья, Полесья и Подесенья и от корчакской культуры на Украине. Лишь в единичных случаях можно с уверенностью выделить ранние и поздние жилища. В то же время общая хронология культуры типа Банцеровщины в целом установлена достаточно убедительно на основе бытования серии вещей в пределах V—VIII вв. Оформившись окончательно в V в. (а не в IV в., как полагают некоторые исследователи [17, с. 30]), культура типа Банцеровщины — Тушемли — Колочина в разных районах прекратила свое существование неодновременно: на Киевщине — в VI в., в Подесенье — в VII в., а в Центральной Белоруссии, Верхнем Поднепровье и Подвинье — в первой половине VIII в. [15, с. 18]. Сложнее обстоит дело с датировкой отдельных памятников. Если с предложенной

[2] Свыше трети от известного в настоящее время количества целых сосудов из раскопок Банцеровского городища сохранилось только в фотографиях, несколько искажающих облик сосудов.

автором датировкой селища у дер. Гуры V—VI вв. на основе находок ранней керамики (с прочесами и штрихованной) и арбалетной фибулы вполне можно согласиться, то отнесение к этому же времени поселения близ дер. Ревячки весьма сомнительно. Жизнь на нем, судя по обнаруженным наряду с ранними вещами (железный нож с горбатой спинкой, штрихованная керамика, посуда «с прочесами» и др.) ножам с волютообразным завершением рукояти и листовидному черешковому наконечнику копья, продолжалась, быть может, с перерывами и в VII—VIII вв. Селища Городище и Дедиловичи, датированные в книге VII—VIII вв., кажется, возникли раньше, в V—VI вв., о чем свидетельствуют керамика с прочесами, посоховидная булавка и другие древнейшие находки[3]. Древнее VIII в. и верхний слой Банцеровского городища, давшего название всей культуре. Хронология памятников типа Банцеровщины и отдельных комплексов внутри них подлежит дальнейшему уточнению.

Завершает рецензируемую работу глава III, в которой рассматриваются погребальный обряд, а также вопросы происхождения и этнической принадлежности раннесредневековых памятников Центральной Белоруссии и всей культуры типа Банцеровщины. Бесспорно, обычай погребения по обряду кремации в урнах или ямах, прослеженный на могильниках в Акатове, Ревячках, Узмени, был принесен сюда с юга носителями культуры типа Абидни — Адаменки. Как справедливо отмечает А. Г. Митрофанов, эти могильники имеют много общего с синхронными погребальными памятниками Белорусского Поднепровья, Подесенья и Посемья (с. 119). Сложнее выяснить истоки курганного обряда погребений, зафиксированного в северной и южной частях ареала культуры типа Банцеровщины. Совершенно очевидной представляется прослеженная в монографии их связь с ритуалом бескурганных могильников; для обоих видов памятников характерны трупосожжения на стороне, безурновые, урновые и «подклешевые» погребения, бедность инвентаря. О происхождении немногочисленных круглых курганов с материалом культуры типа Банцеровщины в Подесенье и Посожье (Демьянки, Кветунь, Добужа, Лесная и др.) пока говорить трудно, так как их раскопки плохо документированы[4]. Но, видимо, далеко не случайно они группируются на пограничье с мощинской культурой, для населения которой характерен курганный обряд погребений.

Правильно отнеся древнейшие длинные курганы Подвинья и юга Псковщины (Дорохи, Горовые, Михайловское, Жабино, Старое Село, Янковичи и др.) к культуре типа Банцеровщины, автор пришел к выводу, что они «никакого отношения к кривичам не имеют» (с. 121). Высказанное же далее мнение о возникновении самой формы длинных и удлиненных курганов в балтской среде требует корректировки, так как оно не учитывает северные, западнофинские элементы в конструкции, ритуале и инвентаре этих своеобразных погребальных памятников. Обычай подзахоронений путем постепенного увеличения погребального сооружения и некоторые другие черты сближают их с могильниками с каменными оградками Эстонии и новгородскими сопками, а керамика, «подклешевые» погребения и захоронения под опрокинутыми вверх дном урнами — с бескурганными могильниками культуры типа Банцеровщины. Поэтому логично предположить, что традиция сооружения длинных курганов зародилась в середине I тысячелетия н. э. в результате взаимодействия местных западнофинских племен и соседних групп балтского населения [15, с. 11]. Исходя из объективных данных раскопок, А. Г. Митрофанов с полным основанием констатирует, что могильники и курганы сосуществовали на протяжении всего периода бытования культуры типа Банцеровщины.

Следующий вопрос, затронутый в книге, касается ареала и локальных различий данной культуры, без сомнения, охватывавшей обширную территорию от Киевщины, Подесенья и Посемья на юге до Подвинья и Псковщины на севере. Приведенный здесь перечень общих черт памятников, превалирующих над местными особенностями, неопровержимо свидетельствует об их однокультурности. Не совсем адекватные местные традиции и внешние влияния отразились в бытовании внутри единой по характеру культуры нескольких локальных вариантов,

---

[3] Впрочем, в более поздней статье А. Г. Митрофанов пересмотрел датировку этих селищ и отнес их к VI—VIII/IX вв. [18, с. 108].

[4] Е. А. Горюнов даже высказал сомнения в правильности атрибуции ранних курганов Кветуни [19, с. 30—32], а В. В. Седов сделал то же по отношению к курганам у д. Демьянки [20, с. 134].

на что указывается в работе. К выделенным ранее И. П. Русановой трем локальным районам (Подесенью, Смоленщине и Белоруссии) автор вполне обоснованно добавил четвертый район — Среднее и Верхнее Подвинье. С таким подразделением можно полностью согласиться с одной лишь оговоркой. Территория Белоруссии не отличается абсолютной однородностью памятников типа Банцеровщины; в разных ее частях существовали три локальных варианта культуры: в Полесье и Белорусском Поднепровье — колочинский вариант, в Центральной Белоруссии — еще один вариант, условно названный нами дедиловичским, наконец, в Подвинье — своеобразный атокинский вариант [15, с. 19]. Предстоит еще уточнить границы распространения культуры типа Банцеровщины, не остававшиеся неизменными на различных этапах ее существования, выяснить характер взаимоотношений с соседними синхронными культурами балтской, славянской и финской принадлежности. Не разработан пока очень интересный вопрос о параллелях в материале древностей типа Банцеровщины и раннесредневековых памятников Мазовии (Шелиги, Гацьки и др.), поставленный несколько лет назад [16, с. 177—178].

В заключение в книге затронута наиболее спорная проблема этнической интерпретации древностей типа Банцеровщины [5]. Исследователь не согласен с рядом археологов, безосновательно выделяющих среди них несколько одноэтничных, славянских по принадлежности или разноэтничных, балтских и славянских культур (колочинской, тушемлинской, быховской, петриково-хотомельской, акатовской и др.). На основе комплекса данных автор вслед за В. В. Седовым и И. П. Русановой уверенно доказывает, что «памятники банцеровско-тушемлинской культуры в пределах всего ареала принадлежат балтоязычным племенам» (с. 123). Прежде всего, отмечается в монографии, памятники типа Банцеровщины сложились на базе балтских по принадлежности культур железного века (днепро-двинской, штрихованной керамики, юхновской) при самом непосредственном участии носителей древностей типа Абидни — Аламенки (киевского типа), испытавших сильное воздействие местного восточнобалтского населения [6]. Было бы неверным представлять банцеровскую культуру в виде застывшего и постоянно сохранявшего свою внешнюю форму образования. На первой стадии ее существования, в V — начале VI в., наиболее заметны элементы субстратных культур железного века и особенно четко выступают особенности ее локальных вариантов. Впоследствии они частично стираются, и на второй стадии, в VI—VII вв., памятники банцеровской культуры приобретают более однородный характер. Последняя стадия, датирующаяся приблизительно концом VII — первой половиной VIII в., характеризуется заметными этническими изменениями, нашедшими отражение в перемещениях в Центральную Белоруссию как балтских племен из областей восточных литовцев и латгалов, так и славянских групп, пришедших с запада и юга [15, с. 21—22]. Мнение о балтской принадлежности всех памятников типа Банцеровщины подкреплено в книге ссылками на исследования лингвистов, выявивших на территории Белоруссии пласт сплошной балтской гидронимии [7]. В ареале банцеровской культуры пока открыто слишком мало славянских поселений и комплексов VIII—IX вв.; вероятно, именно поэтому автор не счел возможным остановиться на проблеме славянского расселения и характере ассимиляционного процесса, но в других своих работах он отмечает, что отдельные островки балтского населения продолжали сохраняться в Центральной Белоруссии и в IX в. [18, с. 109]. Несомненно, пришлые, немногочисленные на первых порах славянские группировки длительное время сосуществовали (во многих случаях даже на одних и тех же поселениях) с местным восточнобалтским населением до его окончательной ассимиляции в IX—X вв. Отдельные же балтские элементы прослеживаются на территории Белоруссии значительно позднее, в восточнославянских памятниках древнерусской эпохи X—XIII вв.

---

[5] В недавнее время, уже после выхода из печати монографии, А. Г. Митрофанов специально рассматривал этническую обстановку на пограничье банцеровской культуры и латгальских племен [21, с. 30—33]. Удалось проследить взаимопроникновение отдельных культурных элементов.

[6] Высказанная недавно Д. А. Мачинским идея о вероятной принадлежности культуры штрихованной керамики «праславянам-венетам (ставанам)» и ее генетической связи с раннеславянской культурой пражского типа не подкреплена доказательствами [23, с. 34—35].

[7] Более подробно А. Г. Митрофанов рассматривал проблему происхождения банцеровской культуры в одной из статей [24, с. 150—163].

Естественно, А. Г. Митрофанов и не предполагал в своей книге дать окончательный и единственно верный ответ на все поставленные проблемы более чем тысячелетней истории населения Центральной Белоруссии. Но с выходом в свет его монографического исследования археологическая наука заметно приблизилась к решению ключевых вопросов истории племен железного века и эпохи раннего средневековья на территории Белоруссии. Главное достоинство и ценность книги А. Г. Митрофанова заключаются в предпринятой впервые систематизации и атрибуции массового археологического материала из памятников культуры штрихованной керамики и типа Банцеровщины. Выполненная на высоком научном уровне публикация интересных археологических источников открыла новые возможности для углубленного изучения происхождения славян, дальнейших этапов славянского этногенеза и балто-славянских отношений.

Перхавко В. Б.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лявданский А. Н.* Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции.— Сообщ. ГАИМК. 1932, № 7—8.
2. *Ляўданскі А. М.* Археалагічныя даследы ў БССР пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі.— Працы секцыі археалогіі. Мінск, 1932, т. 3.
3. *Митрофанов А. Г.* К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа: Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1955.
4. Latvijas PSR Archeologija. Riga: Zinatne, 1974.
5. *Митрофанов А. Г.* Территория распространения и проблема происхождения культуры штрихованной керамики.— В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск: Институт истории АН БССР, 1969.
6. *Егорейченко А. А.* К истории населения Белоруссии в раннем железном веке.— СА, 1982, № 1.
7. Rocznik Białostocki. T. X. Białystok, 1970.
8. *Шадыро В. П.* Племена днепро-двинской культуры Белорусского Подвинья (VIII—VII вв. до н. э.— IV в. н. э.): Автореф. канд. дис. Л.: ЛГУ, 1981.
9. *Шадыра В. І.* Гарадзішча ранняга жалезнага веку на поўначы Беларусіі.— Весці АН БССР. Серия грамадскіх навук, 1979, № 5.
10. *Егорейченко А. А.* Типология городищ Белорусского Полесья в раннем железном веке.— КСИА, 1980, вып. 162.
11. *Мельниковская О. Н.* Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
12. *Седов В. В.* Днепровские балты.— В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов. Вильнюс: Ин-т истории АН ЛитССР, 1981.
13. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом.— САИ, вып. Е1—25, М., 1973.
14. *Седов В. В.* Начальный этап славянского расселения в области днепровских балтов.— В кн.: Балто-славянские исследования. 1980. М.: Наука, 1981.
15. *Перхавко В. Б.* Раннесредневековые древности междуречья Днепра и Немана V—VIII вв.: Автореф. канд. дисс. М.: МГУ, 1978.
16. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв.: Культура пражского типа. М.: Наука, 1976.
17. *Шмидт Е. А.* Днепро-двинские племена в I тысячелетии н. э.: Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1975.
18. *Митрофанов А. Г.* Археологические памятники восточных балтов на территории Белоруссии в эпоху железа (VIII в. до н. э.— IX в. н. э.).— В кн.: Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига: Зинатне, 1980.
19. *Горюнов Е. А.* Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л.: Наука, 1981.
20. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970.
21. *Митрофанов А. Г.* Памятники V—X вв. белорусско-латышского пограничья.— В кн.: Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тезисы докладов. Вильнюс: Институт истории АН ЛитССР, 1981.
22. *Перхавко В. Б.* Вопросы раннесредневековой истории Белоруссии (VI—IX вв.) в польской археологической литературе последних лет (1960—1975 гг.).— СА, 1977, № 4.
23. *Мачинский Д. А.* Миграция славян в I тысячелетии н. э. (по письменным источникам с привлечением данных археологии).— В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981.
24. *Митрофанов А. Г.* О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв.).— В кн.: Беларускія старажытнасці, Мінск: Інстытут гісторыі АН БССР, 1972.

Хроника

СИМПОЗИУМ «ПОЗДНЕЙШИЕ СУДЬБЫ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ»

22—24 сентября 1981 г. в г. Каменец-Подольском состоялся симпозиум, посвященный позднейшим судьбам черняховской культуры. Он был организован Институтом археологии АН СССР и Институтом археологии АН УССР на базе Каменец-Подольского педагогического института им. В. П. Затонского. Симпозиум продолжал традицию коллективных обсуждений важнейших и животрепещущих проблем черняховской культуры, начатых конференциями в Киеве (1957 г.) [1] и Львове (1967 г.) [2]. В Каменец-Подольский приехали ведущие специалисты страны, которые занимаются проблемами черняховедения. В симпозиуме приняло участие около 50 человек. Было заслушано и обсуждено 18 докладов. Хорошая организация симпозиума и своевременно опубликованные тезисы докладов [3] обеспечили плодотворность заседаний.

Проблема позднейших судеб черняховской культуры и связи последней с этногенезом славян в первой половине и середине I тысячелетия н. э. возникла давно. Однако только широкие полевые исследования прошедших десятилетий на памятниках Правобережной Украины, Подесенья и Посеймья черняховского и киевского типов позволили поставить возникавшие вопросы на почву твердо установленных фактов.

Черняховским древностям лесостепного Поднепровья, Поднестровья и Западного Побужья были посвящены доклады О. М. Приходнюка и Л. В. Вакуленко «Роль черняховской культуры в формировании раннесредневековых славянских древностей Среднего Приднестровья», И. С. Винокура «Черняховская культура лесостепной полосы Правобережной Украины и ее традиции в раннесредневековых древностях», Б. А. Тимощука «Черняховская культура и древности культуры карпатских курганов». К сожалению, обобщающий доклад В. Д. Барана не был прочитан из-за длительной зарубежной командировки автора и нашел отражение только в тезисах [1] [3].

Перечисленные доклады базируются главным образом на материалах полевых исследований 1960-х и 1970-х годов. По комплексу археологических находок и деталям домостроительства на поселении Лука-Каветчинская в Среднем Поднестровье О. М. Приходнюк и Л. В. Вакуленко выделили две последовательные хронологические фазы. Рубеж между ними относится к концу V в. н. э. В целом же время функционирования упомянутого селища определяется между первой половиной V и серединой VI в. н. э. К признакам, которые сближают черняховские и самые ранние средневековые славянские древности Среднего Приднестровья, относится в первую очередь домостроительство, характеризующееся полуземляночным типом построек четырехугольной в плане формы, с печами-каменками.

И. С. Винокур дал характеристику черняховской культуры лесостепной полосы Правобережной Украины. На этой территории сосредоточена основная масса памятников черняховской культуры II—V вв. н. э. В докладе сопоставлены основные морфологические признаки материальной культуры черняховских и раннесредневековых славянских древностей V—VII вв. н. э.

Для домостроительства черняховских поселений лесостепи характерно параллельное использование наземных и полуземляночных каркасных жилищ (Лука-Врублевецкая, Бакота, Бернашовка, Комаров, Ружичанка, Пряжев, Сокол, Леськи). У раннесредневековых славян V—VII вв. наиболее распространенным типом жилища является полуземлянка (Корчак, Бакота, Городок, Лука-Каветчинская, Рашков, Теремцы, Кодын, Журавка). Сравнительно небольшая углубленность некоторых раннесредневековых славянских жилищ (Бакота, Сокол, Городок, Теремцы) сближает их по конструкции с наземными черняховскими постройками. Что же касается черняховских полуземлянок, то они находят, как это показал И. С. Винокур, свое непосредственное типологическое продолжение в раннесредневековых славянских полуземлянках V—VII вв. н. э. На черняховских поселениях Среднего Поднестровья открыты полуземлянки со столбовой и срубной конструкцией стен, с печами-каменками, глинобитными печами и очагами. Это находит свое завершение в аналогичных постройках раннесредневековых славян V—VII вв. н. э. (Лука-

[1] Подробное изложение докладов, иллюстративный материал и дискуссия, воспроизведенная на основе магнитофонных записей, включены в очередной выпуск КСИА, находящийся в печати (вып. 178).

Врублевецкая, Бакота, Рашков, Лука-Каветчинская, Теремцы). На Среднем Днестре и Прикарпатье в последние годы при раскопках зафиксированы полуземлянки с печами-каменками, которые хорошо датированы найденными на их полу фибулами конца IV — первой половины и середины V в. н. э. (Бакота, Теремцы, Кодын, Лука-Каветчинская). В основу домостроительства славянского населения V—VII вв. были, таким образом, положены строительные традиции черняховской культуры.

Определенное типологическое и генетическое родство между черняховскими и раннесредневековыми древностями, как показал И. С. Винокур, прослеживается по погребальному обряду, материалам лепной керамики, а также по капищам-жертвенникам, на которых представлена серия каменных антропоморфных изваяний. Они находят продолжение и завершение в каменных изваяниях средневековых славян середины и второй половины I тысячелетия н. э. (Ягнятин, Юрковцы, Ржавенцы). Весь этот типологический ряд завершается известным Збручским Святовитом IX—X вв.

Таким образом, несмотря на готские войны, гуннское и аварское нашествия, в археологических материалах лесостепи Правобережной Украины удается проследить традиции черняховской культуры в раннесредневековых славянских древностях V—VII вв. н. э.

Б. А. Тимощук сопоставил в своем докладе древности двух культур: черняховской и карпатских курганов, которые территориально разделены течением р. Прут. Он выделил общие и различающие их элементы материальной культуры. Установлена однотипность домостроительства обеих культур.

В обеих культурах прослежено много общих форм гончарной керамики, и только в лепной посуде имеются определенные своеобразия. Наиболее существенной отличительной чертой обеих культур, как показал Б. А. Тимощук, является погребальный обряд: биритуализм у черняховцев и курганы с сожжением в культуре карпатских курганов.

Несмотря на указанные различия, исторические судьбы черняховской культуры и культуры карпатских курганов были, как полагает Б. А. Тимощук, одинаковыми. С конца IV в. одновременно начинается определенная трансформация этих древностей. Одновременно на территории обеих культур появляются в середине I тысячелетия н. э. квадратные полуземлянки с печами-каменками (Кодын, Рогизна), лепные сковородки и другие элементы материальной культуры, характерные для раннесредневековых славян пражского типа.

О принципиально важных и новых итогах раскопок в восточных районах распространения черняховской культуры говорилось в докладах Э. А. Сымоновича «Континуация» в развитии черняховских племен Левобережья Днепра», Р. В. Терпиловского «О характере контактов киевской и черняховской культур» и в опубликованных тезисах безвременно умершего Е. А. Горюнова «О взаимодействии раннеколочинской и черняховской культур в левобережном лесостепном Поднепровье».

В докладе Э. А. Сымоновича на основании открытых и исследованных автором черняховских памятников Левобережья Днепра дан анализ развития ведущих форм лепной керамики, которая известна там параллельно с гончарной посудой.

Работы Э. А. Сымоновича на поселениях Снагость, Букреевка, Воробьевка 2, Колосовка, Тазово, Каменево 2 в Курской обл. позволили выделить эталонные ранние и более поздние формы лепной посуды. Лепная посуда из хорошо датированных построек и ям дала основание для составления сравнительно-типологической таблицы.

Характерные черняховские формы лепной керамики Подесенья и Посеймья вполне сопоставимы с сериями лепных сосудов бассейна Днепра и из областей Западной Украины (В. Д. Баран). Прослежены формы, вполне сходные с сосудами киевского типа, а также экземпляры, близкие горшкам колочинского типа.

Очень важно, что удалось выявить и хорошо зафиксировать материалы V в. н. э., обнаруженные при раскопках нового Авдеевского могильника, Каменевского поселения и некоторых сооружений из Колосовки, Воробьевки 2 и Тазова. В указанных лепных керамических комплексах зафиксировано смешение черняховских, пеньковских, киевских и колочинских элементов.

Таким образом, в памятниках VI—VII вв. н. э. Подесенья и Посеймья ощущается вклад в их развитие со стороны черняховской культуры. Это свидетельствует о переселениях с юга племен на север в районы Подесенья и Посеймья и о взаимодействии и смешении различных племенных объединений.

Т. В. Терпиловский исследовал характер контактов киевской и черняховской культур. Соседство киевских и черняховских памятников хорошо фиксируется в Среднем Поднепровье (в районе р. Стугны) и Посеймье (в районе Курска). Поздние памятники киевского типа Нижнего Подесенья второй половины IV — первой половины V в. (Ронще, Ульяновка и др.) указывают на значительную инфильтрацию черняховских элементов, что ярко проявилось в развитии социально-экономических отношений местного населения.

В послечерняховский период на основе памятников черняховского и киевского типов происходит сложение пеньковской группы раннесредневековой славянской культуры. Значительно удаленные от черняховского ареала племена Юго-Восточной Белоруссии и Среднего Подесенья в середине I тысячелетия н. э. сформировали другую группу памятников раннесредневековых славян — колочинскую.

Критике методических вопросов, связанных с изучением черняховских памятников, посвятил свой доклад М. Ю. Брайчевский («Проблема структурного

изучения черняховской культуры»). Он же выступил с дискуссионным докладом «О переселении готов из Скандзы (из комментариев к Иордану, Get. 16—24)».

М. Ю. Брайчевский полагает, что за каждой археологической культурой стоит столь же конкретное общество. Отсюда вытекает теоретическая неправомерность гипотезы о существовании «многоэтнических» культур. Метод определения территории культуры путем традиционного картографирования памятников вызывает у него сомнение. Более надежным, по мнению М. Ю. Брайчевского, представляется метод определения территории с помощью построения системы изосем (картографирование отдельных признаков — как входящих в метакомплекс, так и противостоящих ему).

Еще более сложной является методика хронологических определений, так как большинство памятников не имеет своей индивидуальной даты и датируется в рамках существования культуры в целом. Отсюда проблематичность, по мнению исследователя, позднего хронологического рубежа черняховской культуры, который определяется по-разному в пределах амплитуды в два-три столетия.

По мнению М. Ю. Брайчевского, яркой особенностью черняховской культуры является ее типологическая монолитность. Поэтому, как полагает автор, все попытки расчленить культуру на локальные варианты не дали пока положительных результатов.

Докладчик указал и на трудность установления генетических связей. Отрицание автохтонного происхождения, скажем, черняховской культуры, как и последующих раннесредневековых славянских культур, автоматически влечет за собой вопрос относительно области их формирования. В свете сказанного, пока этот вопрос не будет решен, тезис о миграции не может быть принят даже как рабочая гипотеза.

В докладе «О переселении готов из Скандзы» М. Ю. Брайчевский выдвинул новую оригинальную гипотезу о возможности связывать Скандзу (по Иордану) с Северным Кавказом. Расселение готов в связи с этим получает иную этническую окраску. Ставится вопрос о том — германцы ли готы первых веков новой эры вообще?

Анализу древних письменных источников о восточных германцах было уделено внимание в солидно фундированном докладе В. П. Будановой «Этническая структура „государства Германариха“ (по данным письменных источников)». В. П. Буданова показала, что среди исследователей нет единства как в вопросе о реальности существования «государства Германариха», так и в характеристике его этнической структуры.

Восстановить характер взаимоотношений антов с готами трудно из-за незначительного количества источников и их фрагментарности. Накануне вторжения гуннов возникла какая-то напряженная ситуация и произошли столкновения с антами, запечатленные не только в готском, но и в славянском эпосе.

Вопросам, связанным с исследованием черняховских памятников и их позднейших этапов развития, было уделено внимание в докладах Е. В. Махно «К вопросу о времени существования и судьбе черняховской культуры», Д. Н. Козака «Северо-западные культурные элементы в Среднем Поднестровье», Б. В. Магомедова «Черняховские памятники Причерноморского типа», А. И. Журко «К вопросу об углубленных жилищах черняховской культуры».

Е. В. Махно показала в своем докладе, что ни одна из синхронных с черняховской культур не имеет такого большого количества памятников, как черняховская. Материалы позволяют, по мнению автора, наметить несколько территориальных (локальных) групп, среди которых наиболее выразительно фиксируется среднеднепровская. Вокруг нее инфильтрационное кольцо, в котором сочетается гончарная посуда с лепной, характерной для культур, окружающих черняховскую, а наземные постройки — с полууглубленными.

Черняховская культура не могла быть созданием кратковременным и уничтоженным мгновенно. Подтверждением этого является и наличие черняховских находок далеко за пределами территории распространения культуры, а также «обратное» внедрение в толщу черняховского массива инородных включений. Фактические данные о черняховской культуре свидетельствуют не о прекращении ее существования, а только о трансформации.

Д. Н. Козак на основании исследований в Б. Слободе на Среднем Днестре говорил об инфильтрации в черняховскую культуру (Лука-Врубелевецкая, Бакота, Сокол, Бернашовка) инородных северо-западных элементов с чертами пшеворских и вельбарских древностей. Сохранение ряда самобытных черт в культуре последних свидетельствует об их определенной изоляции в среде населения черняховской культуры Среднего Поднестровья.

Б. В. Магомедов отметил, что в Северо-Западном Причерноморье известно около 250 памятников черняховской культуры. Более 30 из них в разной степени исследованы. Каменное домостроительство явилось причиной выделения этих памятников в отдельную группу. Локальные особенности тут объясняются культурно-этническим составом местного причерноморского населения. Основными его компонентами являлись: эллинизированное население позднескифского происхождения, оседлые сарматы и представители более северных областей черняховского ареала.

А. И. Журко дал характеристику углубленных жилищ черняховской культуры. Полуземлянки известны на всей территории культуры и составляют 220 исследованных объектов. Землянки представлены 53 жилищами, которые локализуются на селищах Верхнего и Среднего Днестра, Волыни и Поднепровья. Черняховские углуб-

ленные жилища автор считает основой, на которой формировалось раннесредневековое славянское домостроительство V—VII вв. н. э.

Истоки становления углубленных жилищ черняховской культуры автор ищет в древностях дакийской, пшеворской и зарубинецкой культур. В Среднем Подне-стровье доминировали полуземлянки прямоугольной и подквадратной формы, с каменными и глиняными отопительными устройствами. Этот регион углубленного домостроительства (Бакота, Сокол, Теремцы, Бернашовка) представляют материалы поздней фазы черняховской культуры — конец IV—V в. н. э. (В. Д. Баран, И. С. Винокур, Л. В. Вакуленко).

«Особенности памятников черняховской культуры долины Днепра степной полосы» — тема доклада А. Т. Смиленко. В Степном Поднепровье известно свыше 50 черняховских памятников, вытянутых цепью по обоим берегам Днепра. Сравнение черняховских памятников долины Днепра степной полосы с лесостепными и причерноморскими древностями приводит к выводу, что степная группа памятников ближе лесостепным черняховским древностям, чем синхронным причерноморским.

В гуннское время количество черняховских памятников в долине Днепра сокращается, что, видимо, отражает уход части населения, увлеченного потоком «переселения народов».

А. П. Савчук в своем сообщении остановился на памятниках середины I тысячелетия н. э. в левобережной части Киевской области.

Опыты подхода к черняховской культуре с точки зрения естественных наук продемонстрировали доклады Ю. А. Лихтер и Ю. Л. Щаповой «Стеклянные изделия на памятниках черняховской культуры» и Г. А. Пашкевич «Культурные растения из памятников черняховской культуры территории Украины».

Своеобразный подход к теме показал Г. Е. Марченко в докладе «Космографическая интерпретация орнаментальных систем и знаков на посуде черняховской культуры». Он считает, что календарно-астрономические знания у носителей черняховской культуры были на уровне достижений астрономии синхронных развитых цивилизаций. Исследователь подтвердил наблюдения Б. А. Рыбакова и И. С. Винокура о календарно-астрономической системе, бытовавшей в обществе лесостепного славянского населения первой половины I тысячелетия н. э.

В обсуждении докладов и в выступлениях по затронутым в них вопросам о судьбах черняховской культуры приняли участие В. В. Кропоткин, Э. А. Сымонович, Е. В. Махно, И. В. Винокур, Р. В. Терпиловский, В. П. Буданова, А. Т. Смиленко, В. В. Седов, А. В. Гудкова.

В. В. Кропоткин в ответ на некоторую скептическую оценку современного черняховедения, прозвучавшую в докладе М. Ю. Брайчевского, отметил, что настоящий симпозиум свидетельствует об определенном прогнозе в изучении черняховской культуры, ее исторических судеб. Сегодня на основании полевых работ 70-х годов мы имеем очень важные новые материалы. Это, например, материалы селищ Бакота, Теремцы, Сокол, Лука-Каветчинская и др. на Среднем Днестре, в которых зафиксированы комплексы конца IV — первой половины и середины V в. н. э.

В расположении исследователей черняховской культуры около 3 тыс. памятников. Это дает возможность для точных аналитических подсчетов.

По мнению В. В. Кропоткина, теоретические вопросы надо и далее смело ставить и решать. Но основной путь теоретических обобщений — это путь конкретного анализа и синтеза материалов.

Говоря о хронологии, необходимо на современном научном уровне расчленить черняховскую культуру на определенные этапы. Эту возможность хорошо продемонстрировал А. А. Бобринский, который по технологии керамического производства делит черняховскую керамику на раннюю, позднюю и промежуточную.

В. В. Кропоткин положительно оценил доклад В. П. Будановой, в котором на основании изучения письменных источников показаны различные связи готов с другими племенами Восточной Европы, в том числе с антами. Было бы интересно осветить социальную структуру готского союза племен. Он приветствовал доклады Б. В. Магомедова и Р. В. Терпиловского, построенные на конкретном материале. Выводы, содержащиеся в этих докладах, представляют интерес для освещения исторических судеб носителей черняховской и соседних по территории культур.

Говоря о докладе М. Ю. Брайчевского «О переселении готов из Скандинавии», В. В. Кропоткин отметил следующее: гипотеза о готах, связанных своим происхождением с Кавказом, неправомерна. Готы — это восточные германцы. В науке давно известны рунические надписи, обнаруженные в районах обитания гото-гепидских племен, в том числе и в ареале черняховской культуры, в том числе на черняховских памятниках. Поэтому произвольные этимологии, приведенные М. Ю. Брайчевским, мало что дают для решения готской проблемы. Историю взаимоотношений готов с другими племенами Европы следует решать на основе конкретных археологических материалов с широким использованием письменных источников. Начало такого подхода уже положено в работах современных черняхововедов.

Э. А. Сымонович отметил большой прогресс в изучении черняховской культуры сегодня по сравнению с тем, что мы знали о черняховских древностях в 50—60-е годы. Он согласен с В. В. Кропоткиным, что в докладе М. Ю. Брайчевского «Проблема структурного изучения черняховской культуры» имела место некоторая декларативность относительно недостаточного современного теоретического уровня исследования черняховской культуры, ее позднейших судеб. На самом же деле современное черняховедение находится на правильном пути. Сегодня никто не

может отбросить значение черняховского этапа в истории и культуре древних славян первой половины и середины I тысячелетия н. э. Открытия последних лет на Среднем и Верхнем Днестре, а также на северо-восточном пределе черняховского ареала — на левобережном Подесенье и Посеймье — показывают, что носители черняховской культуры внесли весомый вклад в этногенез раннесредневековых восточных славян.

Весьма перспективны и исследования на памятниках киевского типа. В частности, интересно, что некоторые лепные формы черняховской керамики почти неотличимы от керамики культуры киевского типа. Связи между черняховской культурой и культурой киевского типа были довольно значительными. Они не ограничивались только заимствованиями от черняховцев железных наральников, каменных жерновов и образцов гончарной посуды.

Э. А. Сымонович отметил также исключительную важность разработки типологии черняховского домостроительства, в частности систематизированные А. И. Журко материалы по углубленным жилищам. Но несмотря на доминирование полуземлянок на поздней фазе черняховской культуры, вопрос о разработке типологии наземных черняховских жилищ остается очень важным. Тем более, что, как показал И. С. Винокур, на ряде черняховских поселений лесостепной полосы Правобережной Украины наземные и полуземляночные жилища и хозяйственные сооружения функционировали параллельно.

Он высоко оценил доклад Б. А. Тимощука, в котором прослежены важные черты сходства черняховской культуры и культуры карпатских курганов, их общая историческая судьба.

Доклад Д. Н. Козака важен и интересен, так как базируется на новых полевых исследованиях. По мнению Э. А. Сымоновича, спорен вопрос о большом жилище из Б. Слободы. Ведь в нем нет отопительных устройств.

Э. А. Сымонович критиковал Б. В. Магомедова за то, что в его докладе прозвучал категорический вывод об окончательном сложении черняховской культуры в связи с готами. Это сегодня анахронизм, который не связан с конкретным изучением черняховских древностей лесостепи и других смежных территорий. Каменные дома Северо-Западного Причерноморья не имеют отношения к германцам. Это древняя местная традиция на юге. То же самое можно сказать и относительно погребального обряда Северо-Западного Причерноморья в первой половине I тысячелетия н. э.

Е. В. Махно разделяет мнение о том, что в черняховедении в последние годы достигнуты заметные успехи. Симпозиум, в частности, показывает определенные связи черняховской культуры со славянским этногенезом. Вместе с тем она полагает, что М. Ю. Брайчевский прав относительно необходимости более тщательной теоретической разработки черняховской проблематики. Это особенно касается вопроса о генетических связях культуры с последующими средневековыми древностями. По мнению Е. В. Махно, так называемые переходные памятники, открытые на Среднем Днестре и в других районах черняховского ареала, могут быть объяснены и как параллельно существовавшие с черняховскими VI—VII вв. н. э.

Е. В. Махно полагает, что в черняховское время уже определилась центральная, объединительная роль племен Среднего Поднепровья. Все остальные группы населения лесостепи как бы «равнялись» на Среднее Поднепровье, заимствуя оттуда все прогрессивные формы хозяйственного и социально-экономического уклада.

Останавливаясь на докладе Б. В. Магомедова, Е. В. Махно подчеркнула, что необходимо учитывать сложный этнический состав Северо-Западного Причерноморья. В том числе тут было много позднеантичных памятников неславянской этнической принадлежности.

Отвечая на замечание В. В. Кропоткина относительно господства готов на юге, в Причерноморье, и его ссылки на современные авторитеты по указанному вопросу, Е. В. Махно призвала уважать авторитеты, но в то же самое время базировать ответственные выводы на конкретных археологических материалах. Следует больше доверять наблюдениям и построениям В. В. Хвойки, так как археологические исследования последних лет во многом подтверждают основные выводы его работ.

И. С. Винокур остановился на некоторых положениях доклада М. Ю. Брайчевского «Проблема структурного изучения черняховской культуры». Он отметил, что наряду со сравнительно небольшими по территории в археологии известны культуры, покрывающие очень значительные территориальные пространства. К их числу относится и черняховская культура. Исследования показывают, что ни один народ сам по себе в первые века новой эры не мог бы покрыть ту территорию, на которой выступают памятники черняховской культуры. В связи с этим вопрос о полиэтничности культуры имеет под собой совершенно определенные историко-этнографические материалы. Лесостепная полоса Правобережной Украины, как показали исследования последних лет, должна быть связана в черняховское время с доминированием славянского этноса, хотя и здесь была культурная инфильтрация (фракийцы, сарматы, германцы). Юг черняховского ареала (Северо-Западное Причерноморье) был, несомненно, полиэтничным. Можно привести и другие примеры существования полиэтничных археологических культур. Трудно согласиться с М. Ю. Брайчевским относительно невозможности расчленить черняховскую культуру на отдельные группы.

Говоря о сложности хронологических выкладок, И. С. Винокур отметил большие достижения, связанные с открытием в последние годы позднечерняховских памятников, датированных IV—V вв. н. э. (Бакота, Сокол, Теремцы). Генетические

связи лесостепных черняховских племен с последующими раннесредневековыми славянскими памятниками V—VII вв. н. э. прослежены теперь довольно основательно (как в Поднестровье, так и в Поднепровье). Ряд конкретных и теоретических разработок уже сейчас помогает решению вопроса о судьбах черняховской культуры.

И. С. Винокур положительно оценил доклады Д. Н. Козака, А. И. Журко, Г. Е. Марченко, которые во многом способствуют дальнейшей разработке проблемы об исторических судьбах черняховской культуры. Он указал также на особенно большое значение работ, проведенных в последнее время Э. А. Сымоновичем на северо-восточном пределе черняховского ареала.

Р. В. Терпиловский предложил более тщательно изучить связи памятников киевского типа с черняховскими. Он указал также на определенные связи колочинских и пеньковских древностей. Говоря об интерьере славянского жилища, он отметил, что полуземлянки с печью, находящейся в противоположном от входа углу помещения, известны не только в черняховской культуре, но и в древностях киевского типа.

В. П. Буданова остановилась на анализе некоторых положений доклада М. Ю. Брайчевского «О переселении готов из Скандзы». Она полагает, что сама постановка вопроса в качестве рабочей гипотезы вполне возможна. Вместе с тем высказала ряд критических замечаний. По ее мнению, письменные источники нельзя анализировать в каком-то замкнутом круге. Необходимо учитывать политическую ситуацию, в которой действовал Иордан. Зачем, например, Иордану надо было писать о Скандзе (Кавказе — по М. Ю. Брайчевскому) и не сказать об этом? Этимологии, рассмотренные в докладе, в свете современной лингвистики вызывают большие трудности. Ставить вопрос о том, германцы ли готы вообще,— значит, как полагает В. П. Буданова, не учитывать данных письменных источников о германцах и той исторической традиции, которая сложилась по отношению к народам эпохи «Великого переселения».

Отвечая на замечание В. В. Кропоткина, В. П. Буданова сказала, что социально-экономический аспект истории готов разрабатывался в трудах А. Р. Корсунского. Что касается христианства у готов, то это относится только к западным готам. Остготы же не были христианами, так как в письменных источниках названы скифами и язычниками.

А. Т. Смиленко отметила, что симпозиум свидетельствует о больших сдвигах в выяснении исторических судеб носителей черняховской культуры. Особенно это очевидно в связи с открытиями последних лет на Днестре и на Левобережье Днепра. Результаты этих исследований показали, что черняховская культура не исчезла бесследно.

Есть еще одна важная проблема — систематизация материалов по периферии черняховской культуры. Мало еще обращено внимания на разграничение основной территории черняховцев (лесостепь) от этнически сопредельных регионов. Этот вопрос нуждается в дальнейших целенаправленных исследованиях.

В. В. Седов показал, что в период между вторым и третьим черняховскими симпозиумами накоплен большой новый и очень важный материал для понимания исторических судеб черняховской культуры. Особенно ощутимы результаты изучения истоков средневекового славянского домостроительства. Оказалось, что генетические основы этнографически определенного славянского интерьера находятся именно в древностях черняховской культуры. Славянский интерьер — это квадратный в плане дом с печью, расположенной в углу, противоположном от входа. В памятниках черняховской культуры и открыты в последние годы полуземлянки именно такой структуры.

Говоря о полиэтничности черняховского массива в целом, В. В. Седов указал, что полиэтнические культуры, несомненно, есть. Они исторически складывались там, где происходило смешение разных этносов. Кельты с их яркой культурой — хороший пример. По Я. Филипу, кельтская культура сложилась в процессе смешения различных центральноевропейских этносов. Это касается и черняховской культуры, которая на всей огромной территории распространения, несомненно, полиэтнична. Но выделяется ядро (лесостепные древности). Они-то и представляли, видимо, славянскую часть черняховской культуры.

А. В. Гудкова считает, что вопрос о периферии черняховской культуры очень важен для дальнейшего исследования позднейших судеб населения Юго-Восточной Европы первой половины и середины I тысячелетия н. э. Каменное домостроительство в Причерноморье восходит к эпохе бронзы. Это местная строительная традиция, и при выяснении этноса нельзя каменное строительство абсолютизировать. Что касается вопроса о готах, то на излучине Понта по письменным источникам готы не фиксируются. А. В. Гудкова отметила плодотворность заседаний симпозиума и большие сдвиги в обобщении материалов об исторических судьбах черняховских племен.

Итоговые результаты работы симпозиума отразила единодушно принятая резолюция.

1. Работа симпозиума, проходившего 22—24 сентября 1981 г. в Каменец-Подольском пединституте им. В. П. Затонского, показала, что за период, прошедший после Львовского совещания 1967 г., достигнуты значительные результаты в изучении истории населения Юго-Восточной Европы первой половины и середины I тысячелетия н. э.

2. Значительное внимание было уделено выяснению основной территории куль-

туры (лесостепь), а также намечены направления изучения периферийных, контактных зон (Северо-Западное Причерноморье, междуречье Среднего Прута и Дуная, порубежье степи и лесостепи, Левобережье Днепра).

3. Важным открытием явились памятники, фиксирующие завершение черняховской материальной культуры и ее трансформацию в древности раннесредневековых славян (Бакота, Теремцы, Кодын II, Лука-Каветчинская, Сокол, Устье, Букреевка, Каменево, Ульяновка). Открытие памятников конца IV и V в. н. э. стало важной основой для дальнейших исследований позднейших судеб носителей черняховской культуры.

Вместе с тем в изучении указанного аспекта черняховедения имеются «узкие» места.

1. Необходимость, параллельно с исследованием конкретных комплексов поздних черняховских памятников конца IV и V в., дальнейших теоретических разработок, которые бы способствовали новым историческим обобщениям.

2. Больше внимания следует уделить типологической классификации памятников конца IV—V в. и середины I тысячелетия н. э.

3. Следует обратить внимание на дальнейшее изучение и обобщение материалов погребального обряда как важного элемента материальной и духовной культуры населения.

4. Углубить изучение черняховской периферии.

5. Больше внимания уделить в будущем верхней хронологической дате черняховской культуры, ее связям с раннесредневековыми древностями.

6. Необходимо и далее исследовать вопросы духовной культуры черняховских племен (идеологические представления, религия и верования, искусство, астрономические знания и т. п.) как один из важных аспектов изучения истории и культуры населения Юго-Западной Европы первой половины и середины I тысячелетия н. э.

7. Особого внимания требуют вопросы совершенствования методики исследования, и прежде всего исторической интерпретации археологического материала.

8. Необходимо и далее приобщать к исследованиям специалистов смежных научных дисциплин (этнографов, антропологов, специалистов по технологии древнего керамического, стеклодельного и других производств, а также палеозоологов и палеоботаников).

Главнейшим результатом проведенного симпозиума является установление определенного вклада черняховских племен в развитие культуры раннесредневековых славян. Черняховская культура не исчезает бесследно, как еще недавно полагали некоторые исследователи. Как на западе, так и на востоке в областях распространения черняховских и последующих за ними памятников прослеживается сохранение определенных культурных традиций. Следы черняховской культуры отличны в эволюции памятников киевского типа, которые выходят и за территориальные пределы черняховской культуры. Черняховские традиции зафиксированы также в раннесредневековых славянских древностях типа Пеньковка, Корчак и Колочин.

Нет сомнений, что вклад черняховских племен в славянский этногенез был довольно ощутимым. Неоспоримо и существование черняховских культурных традиций в раннесредневековых славянских древностях V—VII вв. н. э.

Винокур И. С., Сымонович Э. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голубева Л. А.* Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян.— СА, 1957, № 4.
2. Проблемы изучения черняховской культуры.— КСИА, 1970, вып. 121.
3. Позднейшие судьбы черняховской культуры. Тезисы докладов. Каменец-Подольский, 1981.

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ КОЧЕВНИЧЕСТВА
(Токио, ноябрь 1981 г.)

10 ноября 1981 г. в Токио начала работу археолого-этнографическая выставка «Кочевые народы Евразии», организованная по соглашению между Академией наук СССР и Японской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами. В торжественной обстановке выставка была открыта послом СССР в Японии Д. С. Полянским.

Археологическая часть выставки была представлена четырьмя разделами. В разделе «Скифы Северного Причерноморья» экспонировались вещи из собрания Института археологии АН УССР и Музея исторических драгоценностей Киева, в том числе пекторали из Толстой могилы, ножны из Большой Белозерки, золотая гривна и дельфин из горного хрусталя, найденные в Нагайчакском кургане. В разделе «Саки Казахстана и Приаралья» демонстрировались материалы из раскопок курганов Южного Тагискена (собрание Института этнографии АН СССР) и Тасмолы, а также знаменитое погребение из кургана Иссык, сопровождающееся манекеном

с реконструкцией костюма (собрание музея Института истории, археологии и этнографии АН КазССР). В разделе «Древности Алтая и Тувы» демонстрировались коллекции из собрания Института истории, филологии и философии Тувинской АССР и Тувинского республиканского музея. Раздел раннебуддийской культуры на территории СССР иллюстрировался материалами из раскопок Фаяз-Тепе в Южном Узбекистане (музей истории народов Узбекистана). Этнографическая часть выставки содержала разделы, посвященные шаманизму, ламаизму, буддизму, а также материальной культуре кочевников Казахстана, Средней Азии и Сибири.

С 10 ноября по 20 декабря выставка экспонировалась в Токио. В дальнейшем она последовательно разворачивалась в ряде крупных городов Японии (Нагоя, Киото, Осака, Асахикава, Сэндай, Окаяма и др.).

Интерес к культуре кочевых народов Евразии в Японии велик и вызван изучением комплекса проблем так называемого «Великого шелкового пути» от Кореи до Византии и Рима. Этой теме в настоящее время посвящено немало научных исследований и еще больше популярных изданий. В русле развития тематики 14—15 ноября в Токио проведен советско-японский симпозиум по проблемам истории кочевничества.

Симпозиум вызвал большой интерес у японской научной общественности. В его заседании активное участие принимала большая группа японских ученых, работающих по исторической проблематике, в той или иной мере связанной с кочевым миром. Среди них особо можно выделить Каяма Ёхэй и Исигуро Хироси (Токайский университет), Като Кюдзо (Национальный этнографический музей в Осаке), Сугияма Итиро и Такахама Сю (Национальный музей в Токио), Катада Тадаси (университет в Наре), Хаяси Тосио и Танабе Кацуми (музей восточных древностей в Токио), Юкисима Коити (библиотека университета Васеда). Японские ученые принимали активное участие в дискуссиях и обсуждениях докладов, хотя с их стороны на симпозиум было представлено всего три доклада.

Советская сторона была представлена делегацией, все члены которой выступили на симпозиуме с докладами. Возглавлял делегацию член-кор. АН СССР, вице-президент АН Казахской ССР Б. А. Тулебаев, выступивший с докладом об исторической роли кочевничества в развитии народов Средней Азии и Казахстана. Доктор исторических наук В. А. Куманев сделал интересный доклад «Культурный прогресс раннекочевых народов СССР в 20—30-е годы (на примере развития просвещения среди казахов и киргизов)». В докладе С. Арутюнова и Н. Жуковской «Пища кочевников Евразии и отражение в ней процессов межэтнического культурного взаимодействия» авторы привели этнографические данные о выделении трех больших зон, где сложились свои модели питания: в полосе Великих Евразийских степей (мясо-молочная пища в сочетании с некоторым количеством растительной, получаемой как за счет собственных сборов, так и обмена), в зоне Передней и Центральной Азии, а также Индостане (зерновое хозяйство, основанное на земледелии, сочетающемся с различными формами разведения молочного скота), в Восточной Азии и Китае (пища с набором различных крахмалоносных растений — клубневые, соя, рис, мясные блюда заимствовались от кочевников).

В докладе В. П. Куравлева «Некоторые проблемы социальной организации поздних скотоводов-кочевников (по материалам скотоводческих тюрко-монгольских народов Евразии)» автор показал, что среди скотоводов выделяются типы хозяйства кочевого, полукочевого и оседлого типа и в зависимости от этого формируется семейная структура: у кочевников малая семья с пережитками большой патриархальной семьи, у полукочевников — неразделенная семья и у оседлых народов — смешанные различного типа.

С. И. Вайнштейн дал анализ истории развития жилищного строительства у кочевых народов. Дополнением к данной теме было сообщение М. В. Крюкова о кочевнических жилищах в китайских источниках III в. до н. э.— XIII в. н. э. (письменных и археологических). Интересны археологические данные — изображения деталей разборных конструкций юрт (решетки, верхний круг, войлок) на фигурках верблюдов среди китайских терракот, некоторые из которых достаточно точно датированы (528 и 537 гг. н. э.).

В докладе М. А. Итиной «Ранние саки Приаралья. Культура и происхождение» был сформулирован подход автора к проблеме происхождения культур скифо-сакского круга — не триада и поиск центра ее формирования должны быть положены в ее основу для столь обширного географического, этнокультурного и идеологического региона. Автохтонность развития, разнообразие этнокультурных основ и распространение индоиранских языков в эпоху бронзы обусловили формирование обширных культур скифо-сакского круга. Автор доклада дала подробную характеристику погребальных комплексов и инвентаря могильников Тагискен и Уйгарак — памятников сако-массагетских племен низовья Сырдарьи.

К. А. Акишев выступил с обширным докладом по культуре саков Южного Казахстана, в котором приводилась характеристика материальной культуры и погребальных памятников. Автор считает, что творцами этой культуры были саки тиграхауда, территория которых простиралась от Южного Казахстана до Алтая. К. Акишев демонстрировал прекрасную реконструкцию одеяния (макет) царственного юноши-воина, погребение которого было открыто в кургане Иссык. Весь костюм, головной убор были украшены многочисленными золотыми изделиями.

В докладе В. Ф. Генинга «Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV—III вв. до н. э. по археологическим данным» был дан анализ по-

гребальных памятников, позволивший проследить динамику в социальной стратификации. Размеры погребальных сооружений и набор инвентаря определенного качества позволили выделить семь групп погребений, приравниваемых к трем основным социальным слоям (классам) скифского общества: 1) трудовой народ, внутри которого выделяются три прослойки, средняя из которых наиболее многочисленна — до 60—70%; 2) знать (до 5—6%), составлявшая основной класс эксплуататоров и владельцев скота; 3) царственная элита, включавшая как самих царственных персон, так и еще более многочисленных их родственников. Основная особенность этих захоронений — значительные размеры погребальных сооружений и наличие человеческих жертвоприношений (слуг). Скифское общество, судя по археологическим данным, несомненно было классовым, с достаточно развитой социальной стратификацией. В другом докладе В. Ф. Генинга приводилась информация о новых полевых исследованиях по скифской археологии, проведенных в 70-х годах археологами Украины.

С японской стороны было представлено всего три научных доклада. Доклад директора археологической лаборатории университета Тезукаяма в г. Нара проф. Тадиси Катада «Характер конной культуры в памятниках курганной культуры» содержал интересные сведения об одном из важнейших периодов истории Японии. Курганная культура Японии охватывает эпохи IV—VIII вв. н. э. и приходит на смену культуре Яёй. Судя по ряду данных, она в значительной мере связана с началом государственности на Японских островах и включает ранний исторический период Асука (552—645 гг.). Археологически данная культура выделяется прежде всего по распространению курганных захоронений. На раннем этапе (IV в.) для сооружения курганов используются естественные возвышения, на среднем (V в.) — платформу под курганную насыпь окапывают по периметру. На позднем этапе (VI—VII вв.) сооружали гигантские насыпи в виде круглого кургана, к которому примыкает с одной стороны трапециевидная (квадратная) в плане насыпь. Такие кругло-квадратные насыпи обносились глубоким и очень широким рвом, заполненным водой, и еще двумя-тремя более узкими рвами. При сооружении этих курганов употреблялись сложные дерево-земляные конструкции. К этому типу относится, например, курган Нинтоку, длина насыпи которого 486, диаметр круглой насыпи 243, высота 35,5, ширина передней квадратной насыпи 305 м. Ров, опоясывающий все это сооружение, имеет общую длину 1806 м. По площади и объему этот курган превышает пирамиды в Гизе и гробницу Цин-Ши Хуанди в Китае. Подобные грандиозные курганы должны были возвеличивать императорскую власть. К наиболее грандиозным сооружениям относятся курганы Одзина, Нинтоку, Ритю и др. В конце курганной культуры распространяются обычаи производить захоронения в поперечных каменных камерах — конструкции, заимствованные, вероятно, с континента; появляются группы курганов и исчезают гигантские сооружения.

Появление верховой лошади в Японии связывается также с курганной культурой, хотя в предшествующих культурах — Яёй и Дзёмона — и найдены кости мелких и средних коней. Источник III в. «Вэйчж Вожэньчжуань» сообщает, что в Японии нет коров, лошадей, тигров, леопардов, овец и сорок. Но это, вероятно, лишь свидетельство того, что здесь не было обычая ездить верхом, поэтому люди Вэй и не фиксировали это.

Распространение верховой езды на лошадях в Японии, по данным «Нихон-Сёки» (памятник 720 г.), связано с именем императора Одзина, которому на 15 году правления корейский правитель Кудара через некоего Атика преподнес двух прекрасных коней, которые содержались в Курано-Сакауэ в Ямато, в конюшне, расположенной в местности Лошадиный склон. Реальность этого факта не установлена, но то, что лошади были завезены с материка, не вызывает споров. Одзин упомянут в хрониках Южной Сунь в «Сунту вейгочжуань» (479—501 гг.) и в хронике династии Лян (502—556 гг.). В настоящее время исследователи считают, что Одзина был отцом императора Нинтоку, и время его правления отождествляется со средним или поздним этапом курганной культуры, когда вновь усиливаются континентальные веяния в местной культуре, в частности внедрение техники дерево-земляных конструкций в курганах, сооружение вокруг них глубоких «прудов», и, по-видимому, появляется верховая езда на коне. Распространение наездничества подтверждается и археологическими данными. В курганах появляются глиняные скульптуры — ханива, изображающие лошадей. Ханива в виде дома или утвари известны с IV в., но ханива кони появляются только во второй половине V в. В записках императора Юряку сообщается эпизод о том, как по периметру кургана Конда ставили ханива лошадей. Найдены ханива кони и при раскопках курганов Одзина и Нинтоку. Размеры ханива коней различны — от миниатюрных до значительной величины. Иногда на них только удила и узда с металлическими креплениями. Есть экземпляры и с уздой из плетеных шнуров, а также без металлических псалиев. Чаще ханива изображали коня с полной сбруей — уздечкой и седлом со стременами круглой или грушевидной формы. На ханива детализированы свисающие попоны, заплетенные гривы и хвосты, особенно из курганов середины V в. Хатиман-яма и Хирадокоро, в то время как в кургане середины VI в. из района Канто грива и хвост показаны упрощенно резко выступающими налепами. В эту эпоху хвосты лошадей подвязывались, что хорошо видно и по настенным росписям поздних ханьских гробниц Китая. Обычай подвязки хвоста и гривы виден и по изображениям всадников на войлочных коврах из курганов 1 и 5 Пазырыка, а также по керамическому сосуду в форме всад-

ника VI в., найденным в Кэйсюу в Корее и керамической фигурке лошади (типа Суэки) высотой 15 см из Идзуси (преф. Хиото, Япония), датируемой уже VII в. В Японии обычай подвязывания гривы и хвоста у лошадей несомненно был занесен с материка.

Обычай ставить в курганах ханива — изображения лошадей появляется позже всех ханива. Наиболее ранние из них происходят из кургана начала V в. Хатиканяма в г. Сакай, но возможно, что это импортные изображения. Изменения формы ханива позволяют проследить улучшение экстерьера и породного состава лошадей в Японии.

В целом курганная культура как по обряду захоронения, так и заимствованиям многих черт культуры, в том числе наездничества, о чем говорилось более подробно в докладе, испытала сильное влияние континента, как считают японские ученые, в результате неоднократных проникновений оттуда отдельных групп населения и завоевателей. Роль местных элементов в формировании курганной культуры, в частности культуры Яёй, не прозвучала в представленном докладе.

В докладе Есидо Ацухико «Японская мифология и индоевропейская трехфункциональная система» автор пытается исследовать проблему параллелей в структуре мифологических систем индоевропейских народов, с одной стороны, и японских — с другой. По его мнению, в японских мифах, записанных в Кодзики и Нихон-Сёки, обнаруживается так называемая трехфункциональная система, идентичная индоевропейской. Божественные предки различных правящих кланов, согласно этим мифам, спустились с небес на землю вместе с Хононинги — внуком великой богини солнца Аматерасу, который и положил начало правящей династии Тенно. Пять сопровождающих божеств — Итеунотомоноо стали основателями кланов служителей храмов Накатоми, Имбе и Саруме, а также кланов Кагамитсукири («Производителей зеркал») и Таматсукири («Производителей жемчуга»), в обязанности которых входило изготовление под руководством служителей храмов Имбе священных орудий, необходимых при совершении синтоистских ритуалов.

Сопровождали процессию нисхождения Принца и божеств два полностью вооруженных военных божества, которые стали считаться божественными предками кланов воинов Отамо и Пуме. Простые люди являются потомками земных божеств, и их удел — труд, добывание пищи и богатств для своих божественных правителей культа и воинов.

Когда Хононинги спустился на землю, то небесные божества Аматерасу и Такамимусуби вручили ему три священных предмета богатства: зеркало Ятанокагами, меч Кусанаги но Тсуруги, изогнутое драгоценное украшение Ясакапино Магатама. Зеркало — это «зеркало души Аматерасу» и главная реликвия в синтоистской религии. Яшмовое изогнутое украшение связывается с рождением детей (из него у Аматерасу родилось 4 детей) и плодородия (отсюда связь с сельскохозяйственными культами, главным образом рисоводческими). Три священные реликвии встречаются и в скифской мифологии, где они символизируют также религию, сельское хозяйство и военные предприятия. В этом автор доклада видит наиболее значительные параллели между японской и скифской мифологическими системами.

В синтоистской религиозной системе четыре высших небесных божества, но высший правитель божественного центра — Амено минакануси никаких действий не совершает. Три других божества ближе к людям. Аматерасу — богиня солнца связана со жречеством, Такамимусуби — с установлением императорской власти, а Комимусуби покровительствует земным существам и сельскому хозяйству.

Глава земных божеств — Окунинуси выделяется в качестве представителя иного божественного круга. К нему был послан Такамимусуби, который преподнес Окунинуси богатые подарки (роскошный дворец, рисовые поля и т. п.) и уговорил его удалиться на небо и стать божественным защитником императора. В этом ему помог Такемикадзути — воинственное божество, выбранное в качестве основного посланника к Окунинуси. Благодаря умению пользоваться мечом Такесикадзути удалось получить у Окунинуси землю. Ссора между Аматерасу и Такемикадзути, с одной стороны, и Окунинуси — с другой, произошла из-за того, что первые хотели получить земли у Окунинуси для потомков клана Тенно. Меч помог также императору Дзамму спастись от опасности во время похода в Ямато, где было основано царство.

Есидо Ацухико подробно исследует детали мифов и находит параллели им у индоевропейцев. Все это, по его мнению, результат влияния и соприкосновения со скифским миром. Классовая, эксплуататорская основа идеологических установок, проводимых в данных мифах, вполне очевидна, так же как и отражение в них социальной структуры общественной организации, сложившейся в результате определенных военных и экономических отношений, а также столкновения различных этнических групп (пришельцев и местного населения). Однако эти вопросы совершенно не затрагивались в докладе Есида Ацухико. Наоборот, из контекста ряда мест следует, по мнению автора, что социальная структура общества на Японских островах сложилась под прямым воздействием мифологических представлений, изложенных выше. Происхождение данной системы и тем самым объяснение близкого сходства ее с индоевропейской системой автор видит в том, что в эпоху курганной культуры (вторая половина III — середина VI вв. н. э.) на Японские острова мигрировала какая-то группа кочевников из Средней Азии, через Корейский полуостров. Последняя точка зрения широко распространена среди японских археологов, а в области мифологии ее ранее развивал проф. Тарио Обайаси (Токийский университет), исследуя параллели между японскими и корейскими мифами.

Доклад проф. Национального музея этнографии Кюдзо Като «К истории изучения народов Средней Азии в Японии» представляет собой попытку общественной характеристики оригинального научного направления. Под Средней Азией в Японии понимают также районы Казахстана, но не включают Восточный Туркестан.

Первый период (1880—1925 гг.), по мнению К. Като, характеризуется тем, что японские ученые совершили ряд путешествий по Средней Азии и это позволило им написать оригинальные работы в виде путевых заметок. Здесь выделяются работы Токудзиро Ниси, который посетил почти все основные города Средней Азии и в своем двухтомнике «Заметки по Средней Азии» (Токио, 1886 г.) дал не только путевые впечатления, но и достаточно полный обзор литературы, существовавшей в то время на русском языке. В первом томе автор излагает вопросы географии, народонаселения, описывает города и историю Средней Азии. Второй том посвящен больше вопросам дипломатических отношений держав, интересы которых сталкивались в Средней Азии.

В 1895—1897 гг. офицер Ясумаси Фукусима путешествовал по различным районам Евразии и посетил Бухару, Мерв, Самарканд, Ташкент, Коканд и т. д. Его заметки «Из Средней Азии в Аравию» изданы в 1943 г. (Токио). Такие же путешествия совершили затем еще ряд японцев: в 1902 г. Масадзи Иноуэ («Записки о путешествии по Средней Азии», Токио, 1903 г.), в 1924—1925 гг. Дзиро Соэдзима («Через Азию», Токио, 1931 г.).

В этот же период появляется ряд капитальных сочинений, посвященных исторической этнографии Центральной и Средней Азии. Среди них особо выделяются работы Куракити Сиратори, использовавшего китайские источники для исследования древней и средневековой истории народов Средней Азии. Его работы, как полагают японские ученые, не утратили своего научного значения до сих пор. Особо ценными они считают его исследования: «Об усунях Центральной Азии» (1900—1901 гг.), «О государстве Давань» (1916 г.), «Саки» (1917—1919 гг.), «К истории Согда» (1923 г.). На немецком языке опубликованы его доклады «О языке Сюнну и Дунху» и «Перевод и комментарии к китайской надписи на стеле Кюль-Тегина из Орхона», прочитанные в 1899 г. в обществе ориенталистов в Риме. Исследованию прошлого народов, населявших районы от Монголии до Средней Азии, К. Сиратори посвятил более 100 работ. Он порывает с традициями японской синологии и широко использует сравнительное языкознание и этнографию, делает ряд интересных выводов.

Эти новые методы исследования были в дальнейшем развиты Кадзуо Эноки в работах о эфталитах и юэчжи. В этот же период появляется еще ряд исследований по истории Туркестана (Тору Ханэда, Тоиохати Фудзита, Дзицудзо Кувабара и др.).

Во второй период К. Като выделяет работы 1926—1960 гг., когда полевые исследования не проводились японскими учеными и они ограничивались переводами на японский язык советских авторов (В. Бартольд — «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» и «История изучения Востока в Европе и России», переведенных Аоки Томитаро; Б. Владимирцев — «Общественный строй монголов»; М. Ростовцева — «Эллинство и иранство на юге России»; С. Руденко о сокровищах Пазырыка). Эти работы оказали значительное влияние на японские научные круги.

Во второй половине этого периода — в послевоенной Японии — появляются исследователи, не только владеющие русским, но и тюркским и иранскими языками, давшие ряд интереснейших исследований (Маэдзима Синдзи — «Битва при Таласе», Мацуда Хисао — «Исследование по исторической географии Тянь-Шаня» — сборник статей).

Третий период (с 1960 г.) начинается, по мнению Като Кюдзо, с появлением возможностей посещения японскими учеными Средней Азии. Первым здесь был археолог Каяма Ёхэй, затем Хигути Такаясу, тюркологи Мори Масао, Ямада Нобуо, иранист Хонди Минобу, историки Нагасава Кадзутоси, Сагути Тору, этнограф Като Кюдзо, которые знакомились с работой научно-исследовательских учреждений исторического профиля Средней Азии. Это способствовало не только оживлению личных контактов, но и широкому знакомству с советской научной литературой. В это время на японский язык были переведены советские издания С. П. Толстова — «Древний Хорезм», А. Ю. Якубовского — «Древний Пянджикент», В. М. Массона — «Страна тысячи городов», Л. И. Альбаума — «Живопись Афрасиба», Б. Гафурова — «Таджики», Б. Я. Ставиского — «Кушанская Бактрия». Появляется и ряд оригинальных исследований, посвященных отдельным народам Средней Азии: Мано Эйдзи и Като Кадзухидэ — по истории правления Тимура; Морикава Харуки — по истории казахов; Хорикава Тору — по истории узбеков; Комацу Итару — по узбекскому языку; Като Садако — по одежде народов Средней Азии. По среднеазиатской проблематике и близкой к ней работает большая группа археологов — Такахама Сю, Хаяси Тосио, Мацумото Тосико, Сакамото Кадзуко и др.

В последнее время особый интерес у японцев вызывает так называемый «Шелковый путь», что привело к изданию ряда популярных книг, фотоальбомов по культуре и истории народов Средней Азии и появлению многосерийного телефильма о «Шелковом пути». Увеличилось число японцев, путешествующих по Средней Азии. О большом интересе японцев к данной проблеме также свидетельствует издание книги Мори Масао и Мано Эйдзи под названием «История Средней Азии».

Обзор Като Кюдзо, несомненно, представляет большой интерес для советских научных кругов, так как в очень сжатой форме дает представление о развитии

определенного направления в японской науке. Конечно, выделение периодов в развитии этого направления выполнено пока по чисто внешним показателям. Хотелось бы больше получить сведений о качественных различиях периодов, связанных с конкретными концептуальными разработками взглядов на историю евразийского кочевого мира.

Выставка «Кочевые народы Евразии» и настоящий симпозиум, как подчеркнул Като Кюдзо, могут рассматриваться как важные вехи в истории изучения Средней Азии в Японии и дальнейшем расширении советско-японского сотрудничества в изучении кочевых народов.

Участники симпозиума единодушно отметили, что первая встреча советских и японских ученых по проблемам истории кочевого мира была весьма плодотворной и выявила много интересных и весьма актуальных дискуссионных вопросов истории народов обширного региона Азии. Были высказаны пожелания проводить систематические встречи такого рода — они во многом обогащают науку о народах с самобытным хозяйственным укладом, обитавших в зоне степей и лесостепей Евразии.

Генинг В. Ф.

XII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Геленджик, 1982 г.)

5—9 апреля 1982 г. в Геленджике состоялась региональная конференция по археологии Северного Кавказа, посвященная памяти Е. И. Крупнова. В 12-й раз собрались археологи на Крупновские чтения, проходящие по устоявшейся традиции в одном из городов Северного Кавказа при общем руководстве Института археологии АН СССР. На этот раз гостеприимно распахнул свои двери историко-краеведческий музей Геленджика. Прекрасная организация конференции и удобные условия ее проведения — во многом заслуга сотрудников музея и его руководства.

В работе конференции приняли участие археологи и краеведы из Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова, Краснодарского и Ставропольского краев, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Дагестанской, Калмыцкой, Абзахской АССР, Адыгейской и Карачаево-Черкесской автономных областей. Большой интерес к работе конференции был проявлен общественностью города-курорта, что отмечено не только присутствием на заседаниях учителей, работников библиотек и сотрудников учреждений культуры города, но и освещением хода работы конференции в местной и краевой прессе.

Открывая конференцию, секретарь горкома КПСС Т. К. Склярова пожелала успехов участникам и кратко остановилась на истории города Геленджика, отметившего в 1981 г. свое 150-летие.

Учитывая, что конференция проводилась в рамках мероприятий, посвященных 60-летию образования СССР, Оргкомитет при подготовке программы заседаний не ограничился какой-либо одной темой, а предложил широкий круг проблем по различным вопросам археологии Северного Кавказа. Заслушано и обсуждено 40 докладов [1].

В первый день было заслушано 11 докладов. Анфимов Н. В. (Краснодар) в докладе «Об истории археологических исследований Краснодарского края» напомнил присутствующим об основных вехах изучения региона и о самых блестящих находках здесь дореволюционных и в особенности советских археологов.

И. М. Чеченов (Нальчик) в докладе «Этапы развития археологии в Кабардино-Балкарии за 60 лет Советской власти (1921—1981 гг.)» остановился на замечательных достижениях археологии Кабардино-Балкарии за истекшие годы. Он наметил 5 этапов поступательного развития археологической науки в республике от первой систематики находок Кабардино-Балкарским краеведческим музеем до создания целого отдела дипломированных специалистов-археологов в Кабардино-Балкарском НИИ истории, филологии и экономики.

М. Г. Минеев (Геленджик) в сообщении «Исследование археологических памятников в зоне строительства курорта Геленджик» рассказал о новейших исследованиях в окрестностях города.

У. Э. Эрдниев (Элиста) в докладе «Роль контактов в древности (по материалам археологии)» остановился на ряде материалов эпохи бронзы, свидетельствовавших о древних культурных связях Северного Кавказа и Калмыцкой степи, которая, по мнению докладчика, была издревле зоной взаимодействия и скрещивания археологических культур обеих областей. И. В. Отюцкий (Ставрополь) сообщил о новых находках погребений эпохи бронзы на Ставропольщине. По мнению докладчика, они относятся к верхнекубанскому варианту предкавказской культуры.

С большим интересом и вниманием был заслушан ряд проблемных докладов, затрагивавших наименее изученные стороны северокавказской археологии. М. Г. Гаджиев (Махачкала) в докладе «О соотношении палеометаллических археологических эпох и культур на восточном Кавказе» на примере куро-аракской культуры поставил вопрос о необходимости более тонкого подхода к археологической интерпретации и терминологии древних культур. По мнению докладчика, изучение эпохальных изменений в палеометаллических культурах восточного Кав-

каза показывает, что археологические эпохи не всегда соотносятся прямо с археологическими культурами и смена археологических эпох не обязательно сопровождается сменой археологических культур. В определенной мере та же мысль присутствовала и в докладе В. И. Козенковой (Москва) «К вопросу о выделении древнейшего этапа кобанской культуры на Северном Кавказе». Анализируя ряд материалов, традиционно относившихся исследователями к концу эпохи средней бронзы и раннему этапу поздней бронзы на Северном Кавказе, докладчица ставит вопрос о необходимости выделения этой группы как наиболее раннего этапа знаменитой кобанской культуры, развитые комплексы которой характерны уже для раннего железного века.

А. Л. Нечитайло (Киев) в докладе «Керамики майкопского типа в степной Украине как источник связей двух областей» проанализировала группу сосудов майкопской культуры из местных памятников степного Крыма, Приазовья, Поднепровья и Посулья. Изучение технологии, формы и стилистических особенностей этих сосудов позволило выделить их в самостоятельный компонент, инородный в среде памятников степной Украины. На основе изучения сосудов прослежены этапы связей и реальные пункты контактов местных древних культур с майкопской цивилизацией.

А. К. Амброз (Москва) в докладе «О месте преградненской и галайтинской находок среди раннесредневековых древностей» предпринял тщательный анализ двух комплексов с Северного Кавказа, которые, по мнению докладчика, позволяют более обоснованно относить подобные же комплексы из других районов к так называемой «II группе степных древностей». Дата их, по А. К. Амброзу,— вторая половина VI—VII в. Проблема генезиса города и его социальной структуры на примере древнего Дербента была поднята в докладе А. А. Кудрявцева (Махачкала) «Социальное развитие феодального Дербента в свете изучения исторической топографии города (VI—XIII вв.)».

Доклад Н. Г. Ловпаче (Майкоп) «Археология Адыгеи в изучении гончарства Закубанья» был посвящен результатам исследования истоков особенностей керамики адыгов XVI — начала XIX века. По мнению докладчика, многие особенности технологии, морфологические вариации, декоративное своеобразие посуды адыгов уходят корнями в эпоху раннего железа.

По докладам первого дня конференции выступили С. Н. Кореневский, Х. А. Амирханов, А. Л. Нечитайло, В. А. Кузнецов и Н. В. Анфимов.

Касаясь доклада У. Э. Эрдниева, Х. А. Амирханов отметил его особый аспект. В докладе хорошо раскрыт природный фон представленных материалов. Поддержав мнение об интересной и своевременной постановке темы, А. Л. Нечитайло тем не менее выделила моменты, требующие, по ее мнению, дополнительных доказательств, например разработки критериев для определения металлических импортов. А. Л. Нечитайло указала также на важность новых материалов в докладе И. В. Отюцкого. Эти материалы расширяют круг источников по верхнекубанскому варианту предкавказской культуры и свидетельствуют, по ее мнению, о путях продвижения «катакомбников» в сторону Кавказа. О важности выводов доклада М. Г. Гаджиева для ранних культур Кавказа говорили в своих выступлениях С. Н. Кореневский и Х. А. Амирханов. Точку зрения о раннем этапе кобанской культуры, в том его содержании, как он был показан в докладе В. И. Козенковой, поддержал С. Н. Кореневский. По его мнению, такой этап существовал не только в кобанской, но и в каякентско-хорочоевской культуре. В то же время, по его мнению, в круг материалов древнейшего этапа не следовало бы включать такие материалы, как Былымский могильник. Высоко был оценен в выступлении В. А. Кузнецова доклад А. А. Кудрявцева. Картина, нарисованная докладчиком, считает В. А. Кузнецов, во многом находит отражение в исторических источниках.

На заседаниях второго дня было заслушано 10 докладов. В докладе Х. А. Амирханова (Москва) «Некоторые итоги изучения неолитического слоя Чоха в 1980—1981 гг.» изложены результаты комплексного исследования специалистами разных наук (археологами, геологами, палинологами, палеоботаниками и палеозоологами) слоев высокогорного Чохского поселения в Дагестане. Важнейшим результатом является выделение слоя «С», материалы которого демонстрируют завершившийся переход от присваивающего к производящему хозяйству на территории нынешнего горного Дагестана уже в начале VI тысячелетия до н. э. М. К. Тешев (Туапсе) в докладе «Гробница Псыбе — новый памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье западного Кавказа» рассказал о находке в 1981 г. монументального каменного погребального сооружения близ пос. Новомихайловского. Погребальный обряд и инвентарь имеют аналогии в ряде курганов позднемайкопской культуры Прикубанья и Центрального Кавказа. С. Н. Кореневский (Москва) в докладе «Сравнительная характеристика металла гинчинской культуры эпохи средней бронзы» рассмотрел металлические изделия из памятников горных районов Северо-Восточного Кавказа. Сравнивая металл могильников Гинчи и Гатынкале, докладчик отметил сходство и различие между ними, обусловленное различными источниками поступления сырья. Особо подчеркивалось изменение состава примесей в металле на заключительных этапах существования могильников. На смену мышьяковистым сплавам пришли оловянистые. Г. Д. Атаев (Махачкала) в сообщении «Памятники эпохи ранней и средней бронзы бассейна р. Сулак в Дагестане» остановился на особенностях ряда памятников эпохи бронзы, сочетающих в материальной культуре черты местной кавказской и предкавказской степной культур. М. Х. Багаев (Грозный) сообщил о результатах раскопок новых посе-

ления и могильника эпохи бронзы, обнаруженных в 1980 г. в предгорной части Чечено-Ингушетии, в Урус-Мартановском районе. В. Б. Ковалевская (Москва) в докладе «Местные традиции в домостроительстве Северного Кавказа (кобанская культура и этнография балкарцев и карачаевцев)» попыталась дать ретроспекцию в домостроительстве современных народов (балкарцев, карачаевцев, осетин) вглубь до эпохи поздней бронзы. На примере поселения кобанской культуры Уллубаганалы II были представлены реконструкции жилых домов, имеющих, по мнению докладчика, ряд черт, доживших в горах до недавнего прошлого. А. В. Найденко (Ставрополь) остановился на обобщении результатов многолетних раскопок Грушевского городища позднекобанской культуры на Ставропольской возвышенности. Одним из открытий последних лет оказался могильник, расположенный в 500 м от городища. Стратиграфические наблюдения и сравнительно-типологическое изучение разнообразных материалов позволили докладчику датировать городище и могильник в пределах VII—IV вв. до н. э. Доклад В. Г. Петренко (Москва) «О скифской монументальной скульптуре на территории Предкавказья» был посвящен общей характеристике и особенностям скифских каменных изваяний, обнаруженных на территории от Сальских степей до предгорий Северного Кавказа. Н. Н. Терехова (Москва) в докладе «Обработка железа у населения Северного Кавказа в раннескифский период (по материалам могильников Уллубаганалы II, Сержень-Юрт, Султангора III» изложила результаты металлографического анализа предметов из кобанских могильников VII—VI вв. до н. э. Выявлены существенные черты отличия в кузнечной технике мастеров Северного и Центрального Кавказа и собственно скифской территории. В небольшом сообщении «Древние каменные статуи Приурупья» М. Н. Ложкин (ст. Отрадная, Краснодарский край) познакомил с рядом интереснейших находок каменных изваяний в бассейне р. Уруп. Большинство их относится к эпохе средневековья.

В дискуссии по докладам второго дня работы конференции выступили Н. В. Анфимов, А. К. Амброз, А. Л. Нечитайло, У. Э. Эрдниев, В. И. Козенкова, М. Г. Гаджиев, Ю. Н. Воронов, И. М. Чеченов. Как крупное открытие последних лет рассматривали в своих выступлениях результаты доклада Х. А. Ампрханова А. Л. Нечитайло и М. Г. Гаджиев. По мнению последнего, благодаря комплексным исследованиям Чохской стоянки разными специалистами-естественниками круто изменились представления о времени становления производящего хозяйства на территории Дагестана. Большой интерес был проявлен к докладу М. К. Тешева. По мнению А. Л. Нечитайло, это всего лишь шестой памятник позднемайкопской культуры в Прикубанье. По мнению Н. В. Анфимова, гробница из Псыбе близка дольменам; А. Л. Нечитайло считает, что материалы определенно сочетают в себе признаки дольменной и майкопской культур. Согласившись со всеми выступавшими относительно датировки гробницы, предложенной докладчиком, И. М. Чеченов возражал против этнокультурной атрибуции памятника. По его мнению, памятник этот следует относить к дольменной, а не к майкопской культуре, хотя черты смешанности здесь налицо. Оценивая значение доклада С. Н. Кореневского, А. Л. Нечитайло и М. Г. Гаджиев указали на полезность проделанной докладчиком работы. Соглашаясь с докладчиком относительно существования локальных различий двух проанализированных памятников, М. Г. Гаджиев призвал С. Н. Кореневского к большей осторожности при определении хронологии позднего этапа лишь третьей четвертью II тысячелетия до н. э. А. Л. Нечитайло, отметив большую работу, проделанную Г. Д. Атаевым по классификации материалов эпохи бронзы Дагестана, указала докладчику, что не все из представленных им материалов будут увязываться с ранней бронзой. Появление шнурового орнамента на керамике — это уже очевидное влияние катакомбной культуры. Новые материалы второй половины II тысячелетия до н. э., продемонстрированные в докладе М. Х. Багаева, привлекли внимание А. Л. Нечитайло, У. Э. Эрдниева, М. Г. Гаджиева. По мнению последнего, они отличаются от материалов Гинчи. Доклад В. Б. Ковалевской был отмечен в выступлениях В. И. Козенковой, М. Г. Гаджиева и В. А. Кузнецова. Одобряя интересный подход докладчика к проблеме, тем не менее все выступавшие указывали на несоразмерность исходных археологических данных тем смелым построениям и реконструкциям, которые присутствовали в докладе. Н. В. Анфимов, Ю. Н. Воронов, В. И. Козенкова не согласились с точкой зрения А. В. Найденко, что на Грушевском городище жило греческое население, но то, что жители городища посредничали между греками и горными районами, не вызывает сомнения. Чрезвычайную важность проделанной В. Г. Петренко работы по систематизации скифских статуй отмечали в своих выступлениях М. Г. Гаджиев и В. И. Козенкова. Особо подчеркивалось удачное выделение из скифской группы тех изваяний, что обнаружены на Северо-Восточном Кавказе, скорее всего относившихся к предскифскому периоду, а может быть, и раньше, еще к каякентско-хорочоевской культуре. Новизну постановки вопроса в докладе Н. Н. Тереховой отметили Н. В. Анфимов и В. И. Козенкова. Полученные данные чрезвычайно продвигают вперед наши знания о зарождении и особенностях железоделательного ремесла на Северном Кавказе. А. К. Амброз, Н. В. Анфимов отметили в своих выступлениях сообщение М. Н. Ложкина. По мнению А. К. Амброза, район находок статуй требует более тщательной полевой работы, в первую очередь раскопок курганов, вблизи которых была зафиксирована монументальная скульптура.

Перед началом утреннего заседания 7 апреля участники конференции почтили вставанием кончину неутомимого исследователя истории народов Северного Кавказа, археолога и этнографа, блестящего знатока средневековых письменных источников

и документов кавказского региона, уроженца станицы Пашковской на Кубани, доктора исторических наук Л. И. Лаврова.

На третий день работы Крупновских чтений было заслушано 11 докладов. Утреннее заседание было посвящено северокавказским памятникам позднесарматского и раннеаланского периодов. На дневном заседании были представлены доклады по средневековой тематике.

А. Э. Аптекарев (Краснодар) прочитал доклад «К вопросу о центрах импорта на Среднее Прикубанье во второй половине IV—III в. до н. э.». На основе амфорного материала из раскопок могильников близ хутора имени В. И. Ленина, а также из слоев городищ прослежены связи Прикубанья с разными центрами Средиземноморья и Причерноморья. По мнению докладчика, в IV в. до н. э. эти связи были более интенсивны с южными островными центрами Эгейского моря. С рубежа IV—III вв. до н. э. преобладал синопский и родосский импорт, распространявшийся в Прикубанье благодаря посреднической роли населения Семибратнего городища. С конца III — начала II в. до н. э. роль главного посредника перешла к Елизаветинскому городищу. Б. М. Керефов (Нальчик) в докладе «Об этнической атрибуции центральнокавказских катакомб последних веков до н. э. (по материалам Чегемского кургана-кладбища)» остановился на анализе свыше 50 катакомб II—I вв. до н. э., исследованных в Кабардино-Балкарии близ селения Чегем II. По мнению докладчика, катакомбы принесены в предгорные районы Северного Кавказа из прикаспийских степей сарматским племенем аорсов в результате расселения среднеазиатских кочевых племен во II в. до н. э.

Иная точка зрения по этому же вопросу прозвучала в докладе М. П. Абрамовой (Москва) «О подкурганных катакомбах первых веков н. э. на Северном Кавказе». По ее мнению, катакомбные погребения распространились на Северном Кавказе значительно раньше, с рубежа III—II вв. до н. э., причем сначала они были бескурганными и лишь с I в. до н. э. над ними стали сооружаться курганы. В докладе прослежены этапы развития катакомбных конструкций сарматского периода на очень широкой территории юга Восточной Европы. Взаимоотношение местного кавказского и пришлого сарматского компонента в населении Кобяковского городища, также на примерах погребального обряда, были рассмотрены в докладе В. М. Косяненко (Ростов-на-Дону) «Об элементах меотского погребального обряда в некрополе Кобякова городища». Рассмотрены грунтовые погребения I—III вв. н. э. По мнению докладчика, подавляющее большинство составляли погребения с сарматскими (сиракскими) чертами. Массовая миграция на Нижний Дон меотов-земледельцев представляется В. М. Косяненко, в свете приведенных фактов, маловероятной. И. Н. Анфимов (Краснодар) остановился в своем докладе «Амулеты из египетского фаянса первых веков н. э. из Прикубанья» на характеристике импортных бус и фигурных подвесок из египетского фаянса из городищ и могильников бассейна Кубани. Картографирование всех этих находок показало, что основным центром их распространения в Причерноморье и на Северо-Западный Кавказ являлось Боспорское царство, откуда все эти украшения, изготовленные в мастерских городов дельты Нила, попадали к меотским и сарматским племенам. Н. В. Анфимов (Краснодар) в докладе «Средневековые селища Правобережья р. Кубани (Ставропольское плато)» охарактеризовал ряд поселений, обследованных экспедицией Краснодарского музея еще в 1946 г. на территории между городами Кропоткин и Армавир. Подъемный материал, в основном керамика, засвидетельствовал функционирование поселений в VIII—IX вв. С докладом «Новые памятники аланской культуры Северо-Западного Кавказа» выступил В. Н. Каминский (Краснодар). В докладе изложены результаты обследования городищ и могильников VII—XIII вв. в верховьях Большой Лабы. Топография городищ, погребальные конструкции, вещевой материал, по мнению докладчика, позволили отнести все эти памятники к западному варианту аланской культуры Северного Кавказа. Х. Х. Бидзиев (Черкесск) остановился в докладе «Погребальные памятники Хумаринского городища» на разнообразии типов погребальных сооружений на кладбищах вблизи городища (грунтовые и скальные погребения, подбои и катакомбы). Наибольший интерес, по мнению докладчика, представляли подбойные и катакомбные погребения. Первые относятся ко II в. н. э., а последние — к VI—VII вв., т. е. оба типа конструкций функционировали до возведения фортификационных сооружений Хумаринской крепости в VIII—X вв. Л. Б. Гмыря (Махачкала) рассказала в докладе «Обряд захоронения Паласа-сыртского могильника» об охранных раскопках в 1981 г. 17 подкурганных катакомб IV—V вв. известного могильника в Приморском Дагестане. В. А. Кузнецов (Орджоникидзе) остановился на результатах обследования открытого еще в 1968 г. городища близ сел. Зилги в предгорьях Северной Осетии. В 10 разведочных разрезах установлено, что толщина культурного слоя достигает 3,2 м. Керамика, добытая при разведке, датируется в пределах второй половины I тысячелетия н. э., но имели место и редкие находки ранних образцов, относящихся к кобанской и позднесарматской эпохам. Ю. Н. Воронов (Сухуми) посвятил свой доклад «Из истории византийско-аланских связей в VI—VII вв.» мало разработанной теме конкретных географических путей, которыми осуществлялись связи между Византией и Аланией. Им, по мнению докладчика, являлся Мисимийский путь, который локализуется, согласно источникам, вдоль современного Ингурского ущелья.

В обсуждении докладов третьего дня конференции приняли участие Н. В. Анфимов, А. К. Амброз, В. А. Кузнецов, В. Б. Ковалевская, М. П. Абрамова, Б. М. Керефов, М. Н. Ложкин, А. А. Кудрявцев, В. И. Козенкова и И. М. Чеченов.

Выступая по докладу А. Э. Аптекарева, Н. В. Анфимов высказал неудовлетворение по поводу ряда его положений. Основной упрек в адрес доклада — неполнота представленных материалов, в результате чего оказались, по мнению Н. В. Анфимова, неправильными основные заключения и выводы. Неправильно приведены данные по Семибратнему городищу и некоторым другим памятникам, в результате чего оказались произвольно завышенными суммарные данные о синопском импорте амфор. Оживленно обсуждались два альтернативных доклада: Б. М. Керефова и М. П. Абрамовой. А. К. Амброз отмечал большой интерес обоих докладов, тем не менее посчитал преждевременным всякие выводы об этнической принадлежности тех или иных погребальных конструкций. В. Б. Ковалевская высказала сожаление, что оба доклада оказались обеднены иллюстрациями. Именно сравнение по всем признакам сооружений могло бы внести ясность в возникший спор. Пока же она отдает предпочтение мнению Б. М. Керефова. Не ясным оказался, по мнению В. Б. Ковалевской, в докладе М. П. Абрамовой тезис о «местном населении» предгорной зоны. Если не кобанское, то какое же? Ведь если и смешивалось пришлое ираноязычное население, то смешивалось с кобанцами. Н. В. Анфимов поддержал точку зрения М. П. Абрамовой по многим пунктам и не согласился с В. Б. Ковалевской в том, что курганы — это признак только степной культуры. Это может быть и социальным признаком, как и катакомба. Выступая по докладу В. Н. Каминского, В. А. Кузнецов высказал сомнение относительно так называемых корытообразных саркофагов, так как эти сооружения выпадают из того круга погребальных памятников, которые известны на Верхней Кубани. Не согласился В. А. Кузнецов и с отождествлением одного из зданий с церковью, поскольку она не имела абсиды, что также необычно для Кавказа. Ряд замечаний был высказан в адрес доклада Х. Х. Биджаева. М. П. Абрамова подчеркнула следующее: продемонстрированные иллюстрации свидетельствуют о том, что докладчик раскопал погребения не в подбоях, а катакомбах. М. Н. Ложкин высказал озабоченность разрушением раскопанной части уникальных каменных стен Хумаринского городища. Видимо, их следовало бы реставрировать или вновь засыпать землей. А. К. Амброз пожелал Х. Х. Биджиеву продолжить раскопки могильников вокруг городища, так как именно здесь выявляется возможность проследить смену погребального обряда в разное время. М. П. Абрамова обратила внимание на интересные раскопки Паласа-сыртского могильника, проведенные Л. Б. Гмырей: погребения содержали большие серии сосудов и датирующих вещей, что позволит в дальнейшем установить хронологию и других синхронных памятников. О значении памятника для уточнения хронологии, особенно для выделения горизонтов IV и V вв., говорил в своем выступлении по докладу Л. Б. Гмыри А. К. Амброз. Большой интерес вызвал доклад В. А. Кузнецова. А. А. Кудрявцев и И. М. Чеченов высказали мнение, что дальнейшее исследование мощной оборонительной линии Зилгинского городища, а также слоя на разных участках позволит проследить динамику развития города, хотя уже и сейчас сохранившаяся планировка фортификационных сооружений отражает определенную картину роста города от цитадели к его периферии. Некоторые сомнения в истолковании источников выразил В. А. Кузнецов, выступая по докладу Ю. Н. Воронова.

Четвертый день работы Крупновских чтений был посвящен в основном докладам по средневековой тематике и некоторым организационным вопросам.

На утреннем заседании было заслушано 8 докладов. А. В. Дмитриев (Новороссийск) в сообщении «Средневековые пифосы из Новороссийска и его окрестностей» привлек внимание к интересной категории средневековой тарной посуды — пифосам с медальоновидными налепами на горле или тулове. Склады пифосов докладчик связывает с развитием интенсивной торговли с Трапезундской империей в первой половине XIII в. А. А. Иерусалимская (Ленинград) в докладе «Головные уборы из Мощевой балки (VIII—IX вв.) как социальный и этнокультурный показатель» рассмотрела функцию головного убора как своеобразного «индикатора» общественного положения его владельца. М. Б. Мужухоев (Грозный) в сообщении «Исследование средневековых культовых памятников на Центральном Кавказе в 1980—1981 гг.» поделился результатами планомерного изучения средневековых святилищ горной зоны Северного Кавказа (Ассиновская котловина, Джерахское ущелье, Дигория, Чегемское ущелье). Комплексное изучение культовых памятников позволило докладчику высказать ряд интересных предположений об эволюции и хронологической классификации обследованных объектов. Г. Г. Гамзатов (Махачкала) сделал сообщение о столовой керамике Дербента XIII—XVI вв. А. Х. Нагоев (Нальчик) в докладе «Некоторые проблемы позднесредневековой истории и археологии Кабарды» рассмотрел некоторые узловые проблемы археологии Кабарды XIV—XVIII вв. Поставлен вопрос о необходимости более углубленного изучения предыстории собственно кабардинского этноса и его взаимоотношения с оседлыми горскими народами. Доклад В. Х. Тменова (Орджоникидзе) «Археологические и историко-архитектурные памятники селения Кора-Урсдон» был посвящен результатам комплексного археолого-этнографического изучения одного из локальных районов Дигории. Особое внимание было уделено археологическому изучению боевой башни Кубатиевых и многочисленных погребальных памятников в ее окрестностях. С большим вниманием был прослушан доклад Е. В. Цуцкина (Элиста) «Использование космо- и аэрофотоснимков в составлении археологической карты Калмыцкой АССР и изучении древних дорог», в котором докладчик постарался показать возможности метода визуального и стереоскопического дешифрирования космо- и аэроснимков. Благодаря этому методу хорошо распознаются древ-

няя дорожная сеть, старые русла рек, места поселений, старые поля, большие курганы. Последним на заседании было заслушано небольшое сообщение А. П. Кононенко (Новороссийск) «Новая трактовка майкопских бронзовых стержней, согнутых в петлю». Эти известные предметы интерпретированы в литературе как наиболее ранние псалии. Докладчик придерживается другого мнения. Он рассматривает их как символы верховной жреческой власти. В дискуссии по докладам последнего дня заседаний приняли участие В. А. Кузнецов, Ю. Н. Воронов, М. Б. Мужухоев, И. М. Чеченов. Выступая по докладу Е. В. Цуцкина, В. А. Кузнецов отметил большую важность метода аэрофотосъемки для детального археологического обследования того или иного района. Ю. Н. Воронов согласился с А. В. Дмитриевым относительно значимости торговли Трапезундской империи на Черноморском побережье, вплоть до района Сочи и Абхазии, поскольку и туда поступала сходная с новороссийской тарная продукция. Оживленный обмен мнениями по докладу М. Б. Мужухоева возник между докладчиком, В. Х. Тменовым и Ю. Н. Вороновым.

Последнее заключительное заседание конференции было посвящено организационным вопросам. После тщательного обсуждения участниками конференции были единогласно приняты следующие пункты резолюции.

1. Утвердить решение Оргкомитета об устройстве Крупновских чтений раз в 2 года, начиная с 1983 г.

2. Просить Северо-Осетинский обком КПСС, Совет Министров Северо-Осетинской АССР, дирекцию Северо-Осетинского НИИ истории, экономики, языка и литературы о проведении очередных, XIII Крупновских чтений в г. Орджоникидзе в апреле 1984 г.

3. Ввести в состав Оргкомитета сотрудника ИА АН СССР Х. А. Амирханова.

4. В связи с многократной неявкой проф. В. Б. Виноградова на Крупновские чтения, а также в связи с коллективной неявкой на XI и XII чтения археологов Чечено-Ингушетии С. Л. Дударева, Х. М. Мамаева, Р. А. Даутовой, В. А. Петренко все указанные лица от дальнейшего участия в конференции временно отстраняются.

За время пребывания в Геленджике участники конференции совершили экскурсию по городу, осмотрели экспозицию городского музея, познакомились с археологическими памятниками его округи.

Козенкова В. И.

ПАМЯТИ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ ТИХАНОВОЙ

10 апреля 1981 г. скончалась Мария Александровна Тиханова — видный советский археолог, профессор, ученый с мировым именем, почетный член Баварской Академии наук. Почти шестьдесят лет проработала она в стенах ГАИМК — ИИМК — ЛОИА, пройдя путь от научного регистратора до старшего научного сотрудника, затем консультанта ЛОИА. Ушел из жизни еще один из наших учителей, представитель старшего поколения советских ученых, которых отличает блестящая образованность, широчайшая эрудиция, обширный круг интересов, энциклопедичность знания.

Мария Александровна родилась в 1898 г. в интеллигентной петербургской семье. Она закончила с золотой медалью гимназию, училась на Бестужевских курсах, закончила в 1919 г. Петроградский государственный университет и была оставлена на историко-филологическом факультете для подготовки к профессорскому званию, занималась в семинарах О. А. Добиаш-Рождественской и М. М. Гревса по истории средних веков, изучала латинскую палеографию, старофранцузский и греческий языки, русскую историю, византийское искусство и многое другое.

С 1920 г. М. А. Тиханова становится ассистентом кафедры средних веков, заведует кабинетом вспомогательных исторических дисциплин в университете, одновременно является библиографом в Российской книжной палате. Тогда же пробуждается у молодого исследователя интерес к археологии, и Мария Александровна начинает работать в ГАИМКе. С 1922 г. она стала научным сотрудником, была секретарем Византийского отдела и Крымского комитета, принимала участие в экспедициях. К занятиям европейским средневековьем прибавляется интерес к средневековому Крыму. Наряду с составлением «Свода лиможских и рейнских эмалевых изделий в музеях СССР» она работает над темами «Средневековая Керчь» и «Керамика Крыма и Сарая».

Не оставляет Мария Александровна и преподавательской деятельности. Кроме университета она читает лекции в Горном институте, в Коммунистическом политико-просветительном институте имени Н. К. Крупской, в высшем морском инженерном училище имени Ф. Э. Дзержинского. В 1934 г. М. А. Тиханова становится профессором Высшей школы профдвижения.

В 1938 г. М. А. Тихановой по совокупности работ присуждается степень кандидата исторических наук. Она начинает подготовку докторской диссертации «Запад и Киевская Русь IX—XI вв.», но, однако, не защищает ее. Начинается Великая Отечественная война. В годы войны Мария Александровна в эвакуации заведует сектором Древней Руси и Восточной Европы ИИМК.

В послевоенные годы М. А. Тиханова принимает большое участие в создании фундаментальных коллективных трудов «История культуры Древней Руси», «История Молдавии», «Очерки по истории СССР». Она продолжает чтение лекций на кафедре археологии Ленинградского государственного университета, ведет большую редакторскую работу. И именно в эти годы М. А. Тиханова начинает широкие раскопки поселений черняховской культуры Лука-Врублевецкая и Лепесовка. Дело в том, что характеру Марии Александровны, как ученого, было свойственно стремление к фундированности. В вопросы, лежавшие, казалось бы, на периферии ее непосредственных научных интересов, она углублялась с завидной обстоятельностью. Такой периферийной темой была первоначально для исследователя проблема этногенеза славян, начатая еще в 30-е годы. В послевоенный период проблема этногенеза славян стала основной для научных изысканий Марии Александровны. Подготовка историка-медиевиста, глубокое знание письменных источников, знакомство с европейскими древностями обеспечили нетривиальность взглядов и подхода к проблеме. М. А. Тиханова не искала ранних славян в безвоздушной среде, она пыталась найти их древности в среде памятников других народов, в живой ткани истории. Работа «Культура западноукраинских областей в первые века н. э.» (МИА, № 6, 1941) не утратила своего значения и до сего дня. В 50-е — 60-е годы Мария Александровна — активный участник дискуссии о проблеме исторической трактовки черняховской культуры. Основные положения своего понимания этого явления она изложила в большой статье «О локальных вариантах черняховской культуры» (СА, 1957, № 4), без которой исследователи до сих пор не обходятся, как не могут обойтись и без ряда других, более частных работ Марии Александровны по черняховской проблематике.

Список научных трудов М. А. Тихановой не слишком велик: всего около 60 печатных работ. При свойственной Марии Александровне кипучей энергии, исключительной эрудиции и громадном трудолюбии это очень мало и явно не соответствует тому месту, которое имя М. А. Тихановой занимает в науке. Основной труд своей жизни, посвященный поселению Лепесовка — ключевому и наиболее полно раскопанному памятнику черняховской культуры, материалы которого Мария Александровна намеревалась показать на широком общеевропейском фоне — тоже остался незавершенным, хотя вся подготовительная, наиболее трудоемкая часть работы была сделана. Дело в том, что для Марии Александровны не было маловажных деталей. Каждую вещь, каждое явление она изучала досконально, во всем стремилась дойти до конца, собрать весь возможный объем информации. Она не терпела неполноты, поверхностности. И необычайно щедро делилась своими незаурядными познаниями, не жалела для коллег и учеников ни сил, ни времени. Достаточно было спросить ее о чем-либо походя, и наутро ты получал пачку карточек и выписок с исчерпывающими данными, с библиографией, выписками, схемами и прорисовками вещей, хотя бы для этого Марии Александровне до полуночи приходилось рыться в книгах, в огромном архиве.

Обращались к Марии Александровне за справками и помощью не только коллеги, работающие над той же тематикой, но и античники, медиевисты, русисты. Да кто только не обращался к ней с вопросами! Достаточно было дать Марии Александровне для прочтения черновую рукопись и она возвращалась испещренная пометками. Проверенным оказывалось все, вплоть до последней запятой, до пропущенных в ссылках страниц.

Подлинным памятником Марии Александровне являются не только ее собственные научные труды — доскональные и блестящие по форме, но и многочисленные и разнообразнейшие работы ее коллег и учеников. В них, этих работах, немаловажный, хотя и трудно соизмеримый вклад Марии Александровны в науку.

Память о Марии Александровне Тихановой, прекрасном ученом-эрудите, щедром человеке, взыскательном учителе, навсегда останется в сердцах ее учеников и коллег.

Кирпичников А. Н., Щукин М. Б.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИА — Архив Института археологии АН СССР
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
АЭС — Археолого-этнографический сборник. Грозный
АСб. ГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВДИ — Вестник древней истории
ВФ — Вопросы философии
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ЕКМ — Евпаторийский краеведческий музей
ЗРОИДП — Записки Ростовского общества истории древностей и природы. Ростов-на-Дону
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАИ БАН — Известия на Археологическия институт на Българска Академия на науките
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КБН — Корпус боспорских надписей. / Под ред. акад. В. В. Струве. М.— Л.: Наука, 1965
КСИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Москва
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского гос. археологического музея
КЧ — Крупновские чтения
МААб — Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАО — Московское археологическое общество
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва — Ленинград
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь
МК Тадж.— Материальная культура Таджикистана
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Москва, 1950
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОУАК — Оренбургская ученая архивная комиссия
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Ленинград
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПСА — Проблемы скифской археологии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РОМК — Ростовский областной краеведческий музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГУ — Саратовский гос. университет
СГЭ — Сообщения Гос. Эрмитажа
СНВ — Страны и народы Востока. Москва
СОН — Серия общественных наук
ТАН — Труды Академии наук
ТГЭ — Труды Гос. Эрмитажа
ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. Алма-Ата
ТКАЭ — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Института этнографии АН СССР
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТПАО — Труды Псковского археологического общества. Псков
Тр... АС — Труды... Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Гос. Исторического музея
ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Москва
УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл
УПИ — Уральский педагогический институт им. А. С. Пушкина
ЭВ — Эпиграфика Востока. Ленинград
AP — Archeologia Polski. Wrocław — Warszawa — Kraków
BMFEA — Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities in Stockholm
C. R. Acad. Sci.— Comptes Rendus Hebdomadaires des Séanses de l'Académie des Sciences
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
MDAFA — Memoires de la Delegation Archeologique Française en Afganistan. Paris
RGK — Römisch-Germanische Komission